Герман Нагаев

РУССКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ

Герман Нагаев

РУССКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ

ПОВЕСТИ

Москва
ПРОФИЗДАТ · 1977

Р2
Н16

Печатается по изданиям:
Нагаев Г. Д. **Русские оружейники.**
Повести, М., Воениздат, 1963.
Нагаев Г. Д. **Русские оружейники.**
Повести. М., «Советская Россия», 1973 г.

Нагаев Г. Д.
Н16 Русские оружейники. Повести. М., Профиздат, 1977.

496 с.

В этой книге собраны воедино четыре повести Германа Нагаева, издававшиеся в разное время, о выдающихся конструкторах-оружейниках Федорове, Токареве, Дегтяреве, Шпагине.
Герман Нагаев известен читателям как автор романов «Приокская быль», «Андрей Березин», «Новый век», «Девон» и др. В повестях о русских оружейниках писатель рассказывает о судьбах творцов первоклассного оружия, сыгравшего большую роль в обороне нашей страны, о развитии советского оружейного производства.

Н $\frac{70302-844}{081(02)-77}$ Б.З. 43—19—77 Р2

ЖИЗНЬ ОРУЖЕЙНИКА

В СТАРОМ ПЕТЕРБУРГЕ

1

Еще накануне все газеты сообщили о том, что по улицам Петербурга пройдут войска, возвращающиеся с турецкой войны.

Утром, несмотря на хмурую осеннюю погоду, главные улицы были запружены народом: каждому хотелось увидеть героев Плевны, Карса и Эрзерума.

Коллежский регистратор Григорий Федорович Федоров, служивший помощником смотрителя в училище правоведения, услышав звуки военных оркестров, застегнул на все пуговицы не новый, но тщательно вычищенный сюртук, хорошо облегающий его плотную фигуру, расчесал перед зеркалом пушистую бороду и, взяв за руку четырехлетнего сына, крикнул в соседнюю комнату:

— Мать, мы ушли.

Через несколько минут они оказались на Литейном. Посадив на плечо сына, Григорий Федорович пробрался к краю панели.

— Вот теперь гляди, Володя, это наши победоносные войска возвращаются с войны. Турков били.

Оглушенный громом оркестров, Володя замер, изумленно всматриваясь в колонны войск.

Из-за туч неожиданно выглянуло солнце и озарило ярким светом марширующие полки. Его слепящие лучи заиграли на трубах оркестрантов, заблестели на гранях плавно колыхающихся штыков. Войска шли чеканным шагом, с развернутыми знаменами, что придавало их маршу особую торжественность. За пехотой, грохоча по булыжнику мостовой окованными колесами, двигались артиллерийские части. Красивые, сытые кони, по три пары в упряжке, везли бронзовые орудия. Сияющие на солнце стволы пушек были увиты зеленью. В гривах лошадей пестрели цветы.

За артиллерией стройными колоннами шли кавалерийские эскадроны. Потом показались на белых конях гусары. Они сидели гордо подбоченясь, словно возвращались не с полей битвы, а из ближних лагерей. Выхватив из ножен шашки и горяча коней шпорами, проезжали кирасиры. Двигались казачьи сотни. Все это пестрело в глазах мальчика, изумленного невиданным доселе зрелищем.

В последующие дни и дома и на улице только и разгово-

ров, что о войне. Даже мальчишки из соседних домов играют в войну. Они разбились на две партии и повязали на руки белые и черные повязки. Белые — русские, черные — турки. «Турки» засели в стареньком сарае на задворках, где мелом было выведено большими неуклюжими буквами «Плевна».

К сараю со всех сторон подползают «русские», швыряют камни и кричат: «Турки, сдавайтесь!» Но так как ответа нет, с громким «ура» бросаются на штурм...

Разговоры о войне, игра в войну, вид марширующих по городу войск волнуют сердце мальчика. Володя начинает мечтать о битвах и восторженными глазами смотреть на военных. Но в его памяти навсегда остаются не только впечатления о красивом марше воинских частей, о детских играх в войну, а и о множестве безруких и безногих, которые, прося подаяния, бродили по улицам Петербурга. Он с жадностью слушал рассказы взрослых о жестоких сражениях на Кавказе. Особенно его поразил страшный рассказ одного солдата-инвалида об осаде Плевны и об огромных потерях русских в этом сражении. Володя хорошо запомнил суровое, обезображенное шрамом лицо солдата и его деревянную ногу.

Солдат с деревянной ногой жил рядом, в Косом переулке, и частенько выходил за ворота рассказывать ребятишкам о своих приключениях на войне.

Старшие братья, Ваня и Коля, любили послушать солдата и нередко брали с собой Володю.

Солдат не только хорошо рассказывал, но и пел ребятишкам песни, чаще всего ту, которую в то время любили распевать в народе.

В 1877 году, в день 30 августа, должны были праздноваться именины царя Александра II. Командовавший русской армией брат царя, Николай Николаевич, решил этот день ознаменовать «грандиозной» победой и без надлежащей подготовки дал большое сражение под Плевной, где полегло много русских воинов.

Этому кровавому событию и была посвящена песня, которую пел безногий солдат. Она начиналась так:

Именинный пирог из начинки людской
Брат готовит державному брату,
А по Руси святой ходит ветер лихой
И разносит крестьянские хаты...

Песню быстро выучили все мальчишки и потом, маршируя во дворе, пели ее хором. Однако это продолжалось недолго. Некоторых мальчишек высекли за песню родители, других выдрал городовой, а солдат исчез неизвестно куда.

Но маленькому Володе на всю жизнь запомнились правдивые, бесхитростные рассказы бедного солдата и эта суровая песня, полная гнева и слез русского народа.

2

Отец Володи Федорова получал мизерное жалованье, которого едва хватало, чтоб сводить концы с концами. Когда дети подросли и пошли учиться, надо было где-то прирабатывать, чтоб скопить деньги на обучение.

Обладая хорошим голосом, Григорий Федорович поступил в хор Казанского собора, где пел в вечерние часы, получая за это кое-какое вознаграждение. Он мало бывал дома, и дети его почти не видели. Их воспитанием занималась мать, совмещавшая это со множеством всяких забот по хозяйству. Анна Ивановна была неутомимой работницей и нежной, заботливой матерью. В длинные зимние вечера дети собирались за столом, над которым ярко горела пятнадцатилинейная «молния». Анна Ивановна обыкновенно сидела за шитьем, а Ваня, Коля и Володя рисовали или рассматривали «Иллюстрированную хронику русско-турецкой войны».

Война давно уже кончилась, но последствия ее еще долго продолжали волновать русских людей, особенно молодежь.

Братья Володи учились в Александровской военной гимназии. Там много говорилось о войне. Эти разговоры продолжались и дома. Просматривая «Иллюстрированную хронику», где было много рисунков и фотографий, братья иногда засиживались до полуночи. Оторваться от рисунков и литографий не хватало сил.

...Вот генерал Скобелев на белом коне ведет в атаку русские войска на Зеленых горах... Вот гибнут в неравном бою солдаты майора Горталова, поклявшиеся не отдавать назад захваченные ими турецкие траншеи... Вот картина переправы русских войск через Дунай... Вот пленный Осман-паша отдает свою саблю русскому генералу Ганецкому...

Фотографии и рисунки говорят о беспримерной храбрости русских солдат, о разгроме в боях турецких армий: на Дунайском фронте и на Кавказе, о взятии русскими мощных крепостей Карса, Эрзерума и Плевны, которые турки считали неприступными. Эти рисунки наполняют гордостью юные сердца. Братья вслух мечтают о том, что станут такими же, как герои Плевны и Эрзерума. Но не все фотографии им одинаково понятны. Они смотрят на усатого генерала графа Игнатьева, подписывающего Сан-Стефанский мир с турками, и не зна-

ют, радоваться этому или нет. Им не было известно, что этот мир был продиктован царскому правительству англичанами, боявшимися падения Константинополя, так как русские армии двигались к нему, почти не встречая сопротивления разбитых турецких войск. Англичане ввели свой флот в Дарданеллы и угрожали России войной, если русские войска займут турецкую столицу. Вмешательство англичан свело на нет победы русских войск, одержанные ценой тяжелых жертв. Условия Сан-Стефанского мира глубоко возмутили широкие круги русского народа. Не было семьи, где бы не говорили о последствиях этой войны.

Война легла тяжелым бременем особенно на крестьян и рабочих. Росло недовольство самодержавием. В больших городах стали возникать рабочие организации. В Петербурге в 1878 году под руководством столяра Степана Халтурина и слесаря Обнорского был организован «Северный союз русских рабочих», ставивший своей целью «ниспровержение существующего строя».

Но Володя и его братья ничего не знали об этом.

Днем, когда братья были в гимназии, Володя один рассматривал журналы, то и дело прибегая на кухню к Анне Ивановне, прося прочесть подписи под картинками.

Кончалось тем, что мать прятала журналы, а его выпроваживала гулять...

Отцу как-то нездоровилось, и он не пошел на службу. Присев поближе к окну, Григорий Федорович развернул газету и стал читать хронику. Сейчас же к нему на колени вскарабкался младший из сыновей и, бойко водя пальчиком по газете, громко прочитал: «Бир-же-вы-е ве-до-мо-сти».

Отец искренне изумился:

— Ты уже знаешь все буквы?

— Да, и умею читать! — с гордостью ответил Володя.

Отец занес руку, чтоб погладить сына по русой головке... но вдруг что-то громко ухнуло, задребезжали стекла. Отец насторожился.

Через несколько минут раздался новый оглушительный взрыв.

Отец вскочил и, передав испуганного Володю матери, бросился на улицу. Через некоторое время он вернулся и на немой вопрос Анны Ивановны шепотом сообщил:

— В городе переполох... только сейчас взрывом бомбы убит Александр II...

3

Семья Федоровых жила замкнутой жизнью. Только после убийства первого марта Александра II Федоровы узнали о существовании тайных организаций. Но говорить об этом не смели. Отец был строг и, боясь быть заподозренным, пресекал всякие попытки политических разговоров.

«Учиться и выйти в люди!» — вот что с детских лет внушалось каждому из сыновей. Несмотря на скудный заработок, отец все силы употреблял на то, чтобы дети получили образование.

Как-то придя с улицы, Володя услышал голос матери. Она говорила отцу:

— Ванина-то тужурка ему как раз, только надо перелицевать да поштопать, а то выгорела, прохудилась кой-где, да и пятна есть...

«Обо мне говорят»,— подумал Володя и вошел в комнату. Разговор о тужурке тотчас же прекратился. Володя понял: родители не хотят, чтоб он знал о трудностях, с которыми они готовят его в гимназию, и молча прошел в свой уголок.

Однажды он проснулся ночью и увидел мать, сидевшую у лампы. Осторожно, чтобы она не услышала, он приподнялся на кровати и посмотрел через стол.

«Так и есть! — мелькнуло в сознании.— Мама перелицовывает старую тужурку».

Опершись на спинку кровати, он внимательно смотрел, как Анна Ивановна отпаривала и чистила борта, как кропотливо штопала и утюжила рукава, протертые на локтях, как заметывала старые петли...

Вначале он обрадовался тому, что наконец-то и у него будет своя тужурка и он, как и братья, пойдет учиться в гимназию. Потом мальчик нахмурился. Стало невыносимо жаль бедную, добрую мать. Еле сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, он уткнулся в подушку, и горячие слезы потекли по его щекам...

Володя проснулся раньше обычного. Первое, что он увидел, открыв глаза, была почти новенькая тужурка, висевшая на спинке стула. Сев на кровати, он долго смотрел на нее, ласково гладил по суконным бортам, любовно трогал блестящие пуговицы. Он понимал, сколько труда и любви вложила в эту тужурку его мать...

Как бы они жили, если б ее не было?.. От этой мысли ему стало страшно, он прибежал на кухню и прижался к груди матери...

Отец, отдав двух сыновей в военную гимназию, решил, что третий должен приобрести гражданскую специальность. Григорий Федорович мечтал устроить Володю в Третью классическую гимназию, так как она находилась рядом. Гимназия эта была одной из лучших в Петербурге.

Осенью 1883 года Володя Федоров вместе с отцом подошел к воротам знаменитой гимназии.

Их обогнал и быстро исчез за дверью смуглый, живой мальчик в костюме гимназиста, показавшийся Володе очень знакомым.

— Папа, кто этот гимназист? Я его знаю...

— Нет, ты его не знаешь,— улыбнулся отец,— ты видал на портретах его деда... Это внук Александра Сергеевича Пушкина.

— Пушкина? — переспросил Володя.— Ведь я знаю на память столько его стихов! — И он чуть не запрыгал от радости.— Похож, похож!.. Как Пушкин в детстве!..

Они вошли в высокий, строгий вестибюль, где их встретил поклоном старый седобородый швейцар в яркой ливрее.

— Пожалуйте раздеваться,— сказал он, указывая рукой на дверь, ведущую в раздевалку, и, обращаясь к Григорию Федоровичу, добавил: — Не извольте беспокоиться за вашего сынка, все будет хорошо.

Григорий Федорович, обняв и перекрестив сына, сказал ему на ухо:

— С богом, Володя. Не бойся, ты не один. Будь внимателен, слушайся...

Володе же стало совсем страшно. Не смея ничего сказать, он робкими шагами пошел за швейцаром...

В раздевалке Володя сдал фуражку и был отведен в класс, где уже сидело за партами до двадцати гимназистов.

Не успел мальчик осмотреться, как раздался звонок, и в класс вошел учитель в форменном мундире с блестящими пуговицами. Он ответил на приветствие новичков и строгой, парадной поступью взошел на кафедру.

— Ну-с, приступим к занятиям,— торжественным взглядом он окинул учеников и начал говорить о том, что представляет собой «наша» гимназия, как должен вести себя гимназист, и многое другое.

Мальчики сидели затаив дыхание и с напряжением вслушивались в его напыщенную и в то же время монотонную речь. Вдруг дверь распахнулась, и учитель, увидев на пороге высокого худого старика с длинной желтеющей бородой, поспешил ему навстречу. Гимназисты встали и замерли.

— Господа,— еще более торжественно заговорил учитель,— разрешите представить вам директора нашей гимназии господина Лимониуса.

Гимназисты стояли навытяжку и «поедали» директора глазами. Бросив на новичков не столько строгий, сколько усталый взгляд, Лимониус сказал что-то невнятное и важно удалился. Учитель же снова взошел на кафедру и, взяв прежний тон, продолжал свои нравоучения.

Володя сидел и слушал, не смея поднять глаз: ему было и страшно за свою лицованную тужурку, и приятно от сознания, что он уже гимназист. Облаченный в гимназическую форму, он впервые почувствовал себя взрослым.

Когда раздался последний звонок, новички, уложив в ранцы тетради и книги, стремглав бросились в раздевалку. Володя не отличался особой бойкостью, поэтому он пошел не спеша, уступая дорогу другим и почтительно раскланиваясь с встречавшимися учителями. В раздевалке кто-то сильно толкнул его в бок; он еще не успел сообразить, что следует делать в таком случае, как получил тумака с другой стороны и, словно ошпаренный, выскочил обратно.

В раздевалке шел традиционный кулачный бой между пансионерами и «барчуками», так пансионеры именовали всех гимназистов, не живших с ними в общежитии.

«Вот тебе и гимназия! — подумал Володя, почесывая ушибленный бок,— а еще классическая...»

В этот миг раздались громкие голоса:

— Блоха, Блоха, берегитесь!..

Суматоха мгновенно стихла, и гимназисты чинно и важно стали выходить из раздевалки.

Скоро появился и сам «Блоха» — маленький, черненький человечек в вицмундирчике. Он быстро спрыгнул вниз по лесенке. Осмотрелся, прислушался и, семеня и подпрыгивая, направился к гимназистам.

Володя взял фуражку и, опасливо озираясь, пошел домой. Так началась его учеба в гимназии.

4

С первых же занятий Володя почувствовал суровый режим гимназии. Многие преподаватели, вопреки доброй о них молве, отличались сухим, бездушным отношением к гимназистам. Дисциплина была жестокая. Слово «учитель» произносилось со страхом. Большинство учителей были иностранцы — непро-

ницаемые, сухие люди. Даже их фамилии — Лпмониус, Кесслер, Райман — были такими же холодными, чужими, неприветливыми.

Но среди преподавателей оказывались и такие, чье появление в классе ожидалось с радостью и ликованием.

Большой любовью у гимназистов пользовался преподаватель русского языка Павел Саакович Юрьев, рослый седобородый человек с открытым добродушным лицом, густым басовитым голосом. С гимназистами он обращался просто, хотя и любил прикрикнуть при случае. Объяснения его были ясны и доходчивы. Он всегда подкреплял их жизненными примерами и цитатами из произведений русских писателей.

Гимназисты, утомленные предшествующими уроками, иногда пошаливали или подсказывали друг другу. Павел Саакович, заметив это, довольно резко, хотя и добродушно, пресекал такие попытки. При этом он поднимал увесистый, обросший рыжими волосами кулак и, погрозив им, рокотал:

— Я те помогу...

Володе, как и многим другим гимназистам, он привил горячую любовь к русской литературе.

Когда в классе началось чтение «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря, Володя сидел затаив дыхание. Картины боевых походов Юлия Цезаря произвели на него огромное впечатление.

Изучение греческого языка позволило Володе в подлинниках прочесть «Одиссею» и «Илиаду» и лучше усвоить историю древнего мира и древней литературы. Но больше всего его влекло к изучению истории русского народа и родной русской литературы.

В старших классах историю русской литературы преподавал один из лучших учителей гимназии — Юрий Николаевич Верещагин. Он горячо любил свой предмет и умел эту любовь привить гимназистам. Едва ли в классе был хоть один гимназист, который оставался бы безучастным к полным красоты и очарования лекциям Верещагина. Юрий Николаевич, тихий человек, совершенно преображался, когда в руках его была хорошая книга. Он читал художественные произведения, как артист, создавая в воображении слушателей незабываемые сцены, характеры, образы, события. Как-то он принес с собой в класс небольшую книжечку с выцветшим от времени переплетом.

— Знаете ли вы, что я вам сегодня прочитаю?

— Пушкина!

— Гоголя!

— Тургенева!

— Толстого!

— Нет, не угадали. Да и не угадать вам, а давайте-ка лучше послушаем.

Юрий Николаевич расправил пожелтевшие страницы, выждал, пока все успокоятся, и вполголоса, мягко и свободно начал читать... В повести рассказывалось о далеком прошлом, о героическом походе русских воинов, об их славном предводителе, о жестокой битве с врагами. Гимназисты сидели как зачарованные. Ничего подобного никто из них не слыхал. И когда чтение было закончено, Юрий Николаевич объяснил, что это стихотворное переложение величайшего творения русского народа — «Слова о полку Игореве».

Володя Федоров много дней жил под впечатлением прочитанного. Ему захотелось изучить историю и с точностью установить путь, по которому шли славные дружины Игоря, но оказалось, что это не под силу не только ему, но даже и маститым ученым.

Бессмертный поход князя Игоря с новой силой зажег в его сердце любовь к воинским подвигам. Ему захотелось глубже изучить героические страницы далекого прошлого своей Родины. Лекции по русской истории еще больше укрепили в нем эту любовь.

Чтобы пополнить свои знания, Володя шел в библиотеку и выкапывал там новые книги по изучаемой эпохе. Его поразила личность Ивана Грозного — создателя великого многонационального государства. Особенно увлекала его история военных походов Грозного и приготовлений к ним.

Ночью, когда все засыпали, Володя зажигал лампу и, прикрыв ее картонным абажуром, шепотом читал брату Коле увлекательные страницы об Иване Грозном. Особенно нравилось им описание деятельности Грозного по созданию мощной российской артиллерии. Из книг они узнали об Андрее Чохове и о других славных русских пушкарях, чье оружие в ту пору превосходило все известные иноземные пушки и мортиры.

Когда изучение истории продвинулось до царствования Петра I, ночные чтения Володи и Коли вошли в систему. Коля учился в военной гимназии, поэтому его особенно интересовал Петр I как великий полководец. Чем больше они читали, тем многогранней вырисовывался перед ними образ Петра. Вот Петр — создатель русского военного флота, вот он организатор и руководитель беспримерного похода на юг, окончившегося взятием Азова. Великая победа Петра над шведами под

Полтавой окончательно покорила их юные впечатлительные сердца.

Когда учитель задал гимназистам сочинение на тему «Петр I — великий государь», Володя очень обрадовался. В своем сочинении он рассказал, как Петр создал в России первую регулярную армию, построил большие по тому времени военные заводы и укрепил мощь русской артиллерии, введя конную артиллерию, которой не было в то время ни в одной армии мира. Володя не забыл отметить и то, что по указу Петра была открыта первая в России артиллерийская школа, где изучались высшие науки.

И вот настал день, когда все сочинения были прочитаны преподавателем. Учитель, на ходу приветствуя гимназистов, быстро взошел на кафедру и высоко поднял серую тетрадь.

— Вот лучшая работа в классе... А написал эту работу ваш товарищ Владимир Федоров. Попросим его сюда.

Володя так растерялся, что, взойдя на кафедру и взяв свою тетрадь, даже не поблагодарил учителя за столь высокую оценку...

* * *

Самое радостное и веселое время года — весна — проходило для Володи и его братьев как-то незаметно. Это была горячая пора. Все готовились к экзаменам. Зато лето, сулящее полную свободу, братья встречали с неописуемым восторгом.

Обычно в июне Федоровы всей семьей уезжали за город, в деревню Суйду, находившуюся верстах в пятидесяти от Петербурга. Отец каждое лето нанимал там маленький крестьянский домик.

На всю жизнь в память Володи Федорова врезалось лето 1890 года.

Еще до отъезда из города семья отметила его шестнадцатилетие, совпавшее с успешным переходом в предпоследний класс гимназии. Коля в этот год закончил первый курс Михайловского артиллерийского училища. Оба брата с маленькой сестренкой и матерью перебрались в деревню. Лето стояло вёдренное, хорошее. Володя и Коля все дни проводили на речке — за ловлей рыбы, купанием, собиранием трав и цветов для гербария. Отправляясь купаться, они всегда брали с собой книги. Расстелив на берегу небольшой коврик, братья ложились на него и подолгу читали.

...Лето пролетело быстро. Был уже конец августа. Дни стали короче и холоднее. Ходить с бреднем в воде в это время отваживались далеко не все. Но Коля продолжал рыбачить. Как-то в конце лета он несколько часов подряд ловил неводом рыбу вместе с Володей, забираясь в самые глубокие места. К вечеру у него появился жар. И мать уложила его в постель. Володя тоже лег очень рано и быстро уснул. Ночью он неожиданно проснулся, зажег лампу и увидел брата, лежавшего поперек кровати с запрокинутой головой.

Коля умер от кровоизлияния в мозг.

Внезапная смерть брата — лучшего друга его детства и юности — потрясла Володю. Несколько месяцев он не находил себе места. Родные серьезно беспокоились за его жизнь. Ему опротивела гимназия. Он учился нехотя, без всякого желания, как бы неся тяжелое и неизбежное бремя. Только за чтением он забывался и успокаивался.

Так прошло два года. Наступило время выпускных экзаменов, которое каждый гимназист ждал с душевным трепетом. Через несколько дней он должен получить аттестат, и тогда перед ним откроются двери университета. Но с годами, под влиянием братьев, учившихся в военном училище, в нем окрепла любовь к военным наукам. Володя твердо решил посвятить себя военному делу и, окончив гимназию, в том же 1892 году поступил в Михайловское артиллерийское училище.

В АРТИЛЛЕРИЙСКОМ УЧИЛИЩЕ

1

В огромном зале с окнами на Неву были выстроены во фронт все новички, облаченные в юнкерскую форму.

— Сми-р-р-р-но! — раздалась команда.

Юнкера застыли, вытянув руки по швам.

Из боковой двери, окруженный офицерами, бодро вышел командир батареи полковник Чернявский и четким шагом направился к центру зала. Вот он остановился, осмотрел строй и, видимо оставшись доволен, заговорил громко, отчетливо:

— Поздравляю юнкеров младшего класса с зачислением в состав батареи. Отныне вы военнослужащие русской армии. Вы должны выполнять свой долг, как те герои, питомцы нашего училища, чьи имена высечены на мраморных досках этого зала.

Когда торжественная церемония окончилась, Володя вместе с другими юнкерами отправился в классы. Первоначально его несколько смущало, что здесь нужно было все делать по команде. Даже просыпаться и вставать по звуку трубы. В семь утра Володя и все его товарищи бывали на ногах. Раздавалась команда старшего портупей-юнкера, и, соблюдая строй, юнкера шли в большой зал на перекличку, где собиралось в этот час все училище. После переклички проводилась утренняя зарядка, лекции, строевые занятия... После обеда нужно было готовить уроки. День был расписан так, что свободного времени почти не оставалось.

Первые дни в училище произвели на Володю тяжелое впечатление. Гимназия по сравнению с училищем казалась ему тихой, безмятежной пристанью. Но постепенно он привык, освоил упражнения на снарядах, а строгая военная дисциплина, четкий распорядок дня ему даже стали нравиться.

«Иначе нельзя,— рассуждал он.— Ведь мы готовимся стать офицерами русской армии».

Курсовой офицер, командир второго отделения, куда был зачислен Володя, капитан Туров являл собой пример отличного служаки. Высокий, плотный, с черной окладистой бородой, всегда подтянутый и строгий, он легко сумел подчинить себе юнкеров и с первых же дней установить в отделении крепкую дисциплину. Он великолепно знал артиллерийское дело (в полевой артиллерии даже был принят предложенный им дальномер).

Капитан Туров огромное значение придавал строевой подготовке. Гимнастические упражнения на снарядах, верховая езда, фехтование, бой на эспадронах стали чуть ли не самыми главными занятиями.

Большое внимание в училище обращалось на изучение материальной части артиллерии. Капитан Туров требовал от юнкеров не только устного объяснения той или иной части орудия, но каждому давал тему для подробной письменной работы, например: «прицел», «затвор», «ствол», «лафет» и т. д. В этих работах он требовал самого подробного описания предмета, сведений о его изготовлении на заводах, а также данных о сравнении его с иностранными образцами. С этой задачей юнкера могли справиться лишь в том случае, если, помимо занятий в классах, изучали дополнительные материалы, не входившие в официальные программы.

В классах обучение было организовано хорошо, хотя состав преподавателей оставлял желать лучшего. Артиллерийское дело преподавал генерал Потоцкий. Он был прекрасным

знатоком артиллерии и горячо любил свой предмет. Потоцкий не отличался красноречием, но любовь, питаемая им к артиллерии, невольно передавалась слушателям, и они с охотой изучали этот важнейший предмет, мирясь с недостатками его изложения.

Курс фортификации читал ветхий старик из немцев, генерал Иохер. Придя в класс, он, не говоря ни слова, принимался за вычерчивание мелом различных фортификационных сооружений, хотя в училище имелись великолепно изданные атласы этих сооружений. Закончив чертить, сухо и монотонно давал объяснения. В этих объяснениях он ни одного слова не прибавлял к тому, что было изложено в учебнике. Если объяснения заканчивались раньше, чем истекало время урока, Иохер усаживался поудобней, облокачивался на стол и безмятежно засыпал. Юнкера были предоставлены сами себе, пока не раздавался звук трубы, возвещавшей об окончании лекции.

Глубоким стариком был профессор Будаев, преподававший дифференциальное и интегральное исчисление. Его знали как прекрасного специалиста многие поколения русских артиллеристов и горячо любили.

Из всех дисциплин, преподаваемых в училище, Володя Федоров больше всего любил историю военного искусства, которую живо и увлекательно читал полковник Михневич. Будучи человеком темпераментным, Михневич почти не садился к столу, а все ходил по классу и, жестикулируя, с большим пафосом рисовал перед слушателями картины героических сражений. Увлеченный своей лекцией, он тут же на досках вычерчивал схемы расположения войск и делал подробные разборы крупнейших битв и походов. Слушая Михневича, Володя живо представлял себе и Куликовскую битву, и Бородинский бой. В его мозгу во всех подробностях запечатлелись итальянские и швейцарские походы великого Суворова, и особенно его легендарный переход через Альпы с героическим боем у Чертова моста. Лекции Михневича вновь пробудили в Володе Федорове интерес к военной истории. Он с горячим рвением взялся за изучение военного дела, которому решил посвятить свою жизнь.

В училище у Володи появился интерес и к точным наукам, который сумели ему привить преподаватели братья Григорий и Николай Забудские.

Григорий преподавал химию, Николай — внешнюю баллистику. Оба они были профессорами, обладали солидными знаниями и имели высокие чины. Но что любопытно, слушатели

называли их Гришкой и Колькой. Оба брата знали об этом, но не придавали этой вольности никакого значения.

Николай Забудский пользовался известностью как ученый. Его труд по внешней баллистике был переведен на многие иностранные языки. Но среди юнкеров он все-таки оставался Колькой...

«Искренне любимые и уважаемые всеми профессора Забудские,— писал впоследствии В. Г. Федоров,— остались для нас до самой их смерти Колькой и Гришкой. Я могу лишь заявить, что в этих прозвищах не было ни капли насмешки, скорей это были любовные, ласковые клички, которыми слушатели называли их за доброе и сердечное отношение к нам».

Слушатели училища жили однообразной жизнью. Их день с утра до позднего вечера был занят учебой и строевыми занятиями. Свободолюбивые и революционные идеи, волновавшие студенческую молодежь, в училище почти не проникали. Среди преподавателей появился лишь один человек, осмелившийся критиковать существующие порядки. И как ни странно, это был настоятель училищного храма священник Петров. Читая историю православной церкви, он резко критиковал политику высшего духовенства и утверждал, что православная церковь в течение нескольких веков находилась на службе у правительства. Ввиду этого она не хотела, да и была бессильна обличать произвол и беззаконие.

Скоро, однако, слухи о крамольных лекциях священника Петрова дошли до верховных служителей церкви, и он по распоряжению синода был заточен в Черемнецкий монастырь...

Как бы ни был загружен день в училище различными занятиями, слушателям все же удавалось выкраивать время для отдыха и развлечений. Володя Федоров эти свободные минуты употреблял на то, чтобы лучше познакомиться с училищем, с его историей и традициями.

Длинный широкий коридор, где были расположены классы, представлял собой своеобразную картинную галерею: там висели многочисленные гравюры, изображавшие различные боевые эпизоды Отечественной войны 1812 года. Володя подолгу простаивал в этом коридоре, рассматривая гравюры, запоминая наиболее интересные эпизоды боев.

Вот сражение под Аустерлицем... вот — под Прейсиш-Эйлау... вот эпизоды Бородинского сражения... картины битвы под Красным, у Смоленска, на Березине... Тут же красовались портреты героев Отечественной войны 1812 года — Кутузова,

Багратиона, Барклая, Дохтурова, Ермолова и прославленного русского артиллериста той войны генерала Кутайсова. Всем юнкерам были известны подвиги русской гвардейской артиллерии под Прейсиш-Эйлау и Бородино. Каждый из них знал и личный подвиг Ермолова, когда в самый критический момент Бородинского боя он бросился во главе Уфимского полка в штыковую атаку и отбил захваченную французами центральную батарею Раевского. Подражание этому подвигу было мечтой каждого, кто готовился стать офицером русской армии.

2

В училище с нетерпением ждали наступления весны. В начале мая, когда природа просыпалась, когда все вокруг начинало оживать и зеленеть, происходило выступление в лагерь.

Лагерь располагался в живописной местности, вблизи Дуденрговского озера. Юнкера, вырвавшиеся из классов и казарм на зеленеющий простор, с волнением ждали конных учений на военном поле и практических стрельб из боевых орудий.

Володя Федоров на второй же день по прибытии в лагерь был назначен в качестве часового в караульную службу, которую нес младший класс. Из 24-часового дежурства ему предстояло выстоять в боевом снаряжении 8 часов. Это была первая проверка выдержки и закалки, приобретенной в училище. Время тянулось медленно. Но вот наконец забрезжило утро. На фоне посветлевшего неба отчетливо вырисовывались контуры грозных орудий и передков. Вдалеке белели палатки авангардного лагеря. Сквозь дымку тумана вырисовывалось огромное военное поле. Усталость сказывалась сильней. Револьвер, висящий на поясе, давил бок, рука одеревенела от тяжести шашки. С каким наслаждением он сунул бы ее в ножны, но сознание, что он на посту, прибавляет сил. Володя вскидывает голову и подставляет лицо нежному утреннему ветру. От бессонной ночи во рту горько, хочется пить, но Владимир глядит на просыпающееся утро, на полет первых птиц и усилием воли превозмогает усталость...

Уже совсем рассвело. По ту сторону парка ходит другой часовой, а на передней линейке виднеется дневальный юнкер.

Вот раздались звуки «Зари» в лагерях соседних пехотных училищ. Им отозвались горнисты и барабанщики других частей... Скоро смена. Владимир приободряется. Он рад, что первое испытание выдержано успешно...

Только здесь, в лагере, когда начались учения с орудиями, Владимир и его товарищи поняли, как для них важны были занятия в училище: гимнастика, фехтование, верховая езда. Выработавшиеся в них ловкость, смелость, быстрота движений сейчас были крайне необходимы.

Учения по артиллерийской стрельбе производились в обстановке, приближенной к боевой. На сборы к выезду на позиции полагалось всего несколько минут. Когда упряжки были готовы, раздавалась команда, и батарея выезжала на стрельбы.

В то время стрельба из орудий велась прямой наводкой с возвышенных мест. Передвижение батарей происходило на глазах неприятеля, который стремился этому помешать. Батареи должны были двигаться с предельной быстротой.

«Все качество, вся ценность обучения батареи со всем личным составом от командира до последнего канонира,— вспоминал В. Г. Федоров,— определялись тогда временем от подачи команды на выезд на позиции до окончания пристрелки и перехода на поражение. Здесь имела значение каждая секунда».

Выезду на позицию обыкновенно предшествовали серьезные конные учения с различными перестроениями. Производилась тщательная тренировка людей и лошадей. В день выезда все должно было идти по заранее разработанному и разученному плану. И вот этот долгожданный день и час наступил. Отдана боевая команда. Батарея идет рысью, развернутым строем. Командир на гнедом коне вырвался вперед и взмахнул шашкой. Все напрягли зрение. Но вот он, описав шашкой несколько кругов, бросает коня в карьер, держа курс к возвышенности. Трубач играет сигнал, и вся батарея, вздымая пыль, устремляется вперед. Командир летит птицей. Он должен первым достичь возвышенности и указать место расположения батареи. Фейерверкеры соблюдают равнение, потому что все орудия должны выскочить на позицию одновременно. Владимир — ездовой среднего уноса. Он лихо правит конями. Они рвутся изо всех сил, налегая широкой грудью на хомут. Глаза их горят, на боках выступила пена. Орудия громыхают на ухабах, стучат ящики со снарядами, слышен храп коней и свист нагаек... Возвышенность уже близко, прислуга на передке, держась за поручни, продвигается вперед, чтобы в один миг оказаться на земле и броситься снимать орудие. И прислуга, и фейерверкеры, и ездовые поглощены единой мыслью — не потерять даром ни одной секунды. Взмыленные лошади чувствуют волю людей, они летят, не чуя земли. Командир, появив-

шись на гребне возвышенности, делает сигнальный взмах шашкой. Батарея на ходу разворачивается, прислуга стремительно бросается вниз. Один миг, один неуловимый миг — и орудия сняты с передков.

— Влево, по мишеням! — раздается зычный голос командира.— Гранатой, прицел двадцать!..

Расчет и прислуга в напряженном движении. Орудия заряжены, наведены.

— Первое орудие — ого-о-нь! — раздается голос командира.

Мгновение — и воздух содрогается от громкого выстрела.

Владимир с товарищами, успокаивая измученных лошадей, отъезжает с передками в укрытие.

— Недолет,— слышится с горки.

Опять подается команда, и раздается новый выстрел...

Володя взбирается на бугор и смотрит вдаль, где вспыхивают дымки разрывов. Как бьется сердце! Какую радость и восторг испытывают юнкера в эти минуты. Им кажется, что нет ничего на свете лучше артиллерии и нет ничего красивее и возвышеннее артиллерийской службы...

Если при атаке кавалерист должен думать, как врубиться в неприятельские ряды, а пехотинец — орудовать штыком, то в артиллерии дело обстоит совсем иначе. Здесь важна четкая и дружная работа всего коллектива. От сноровки и быстроты каждого зависит успех всех. Невнимательность наводчика может стоить жизни всему расчету. Только собранность, четкость, взаимопонимание, ловкость и умение каждого из батарейцев обеспечивает успех.

Так вышло и на этот раз. Орудия действовали отлично. Командир благодарит команду и, взмахнув шашкой, подает сигнал к снятию с позиций.

Батарея в том же строгом порядке возвращается в лагерь...

Боевые стрельбы помогли Владимиру увидеть и трудности, и красоту артиллерийской службы. Он понял: чтоб стать артиллерийским офицером, надо пройти серьезную школу. Но он был тверд в своем решении, и трудности его не пугали.

3

Юнкера, обучавшиеся в Михайловском артиллерийском училище, при случае любили сказать: «Мы — «михайлоны»,— они гордились своим училищем. За ним давно упрочилась добрая слава. Офицеры, воспитанники Михайловского артиллерийского училища, отличались не только хорошим знанием

артиллерийского дела, но и отличным воспитанием — не допускали грубости в обращении с солдатами, чего никак нельзя было сказать про офицеров пехоты и кавалерии. «Михайлон», встретив юнкера другого училища, всегда первым отдавал честь.

Хорошему воспитанию михайловцев способствовало то, что почти все курсовые офицеры в училище были с высшим академическим образованием. Большинство из них когда-то окончили Михайловское училище и оберегали его традиции.

Учеба в артиллерийском училище была поставлена лучше, чем во всех остальных военных училищах. Однако вопросам общего образования уделялось очень мало внимания. В классах преподавалась литература, но настолько скучно и бесцветно, что даже у Владимира Федорова, с детства любившего этот предмет, не было желания посещать лекции. Больше никаких общеобразовательных дисциплин не преподавалось. Зато обязательным предметом считалась несносная история православной церкви. Юнкера на лекции о православной церкви шли очень неохотно. Сам начальник училища генерал Демьяненко, прозванный Демьяном, принужден был, для острастки, высиживать на них два часа — от трубы до трубы.

Никаких развлечений в училище не было, и юнкера выдумывали их сами.

В свободные часы, после вечерних занятий, юнкера очень любили «громоздить слона». Это всегда происходило в большом зале. В центре зала выстраивалась шеренга наиболее сильных юнкеров. Каждый клал руки на плечи впереди стоящему. На них взбирался второй ряд юнкеров, на тех — третий и так до пяти этажей. Затем по команде этот «слон» начинал медленно двигаться, издавая дикий рев.

Однажды, когда «слон» уже был построен и Володя Федоров сидел в третьем ярусе, в зал в сопровождении дежурного офицера вошел Демьян.

— Смир-р-р-но! — раздалась команда.

Юнкера нижнего ряда тотчас же опустили руки по швам, а верхние посыпались им на головы. Но тоже мгновенно вскочили и выстроились.

— Здравствуйте, господа! — приветствовал их Демьян с улыбкой.— Ну-с, не буду вам мешать! — И все так же улыбаясь, удалился.

Начальство иногда даже поощряло эти развлечения.

— Пускай веселятся,— сказал как-то Демьян дежурному офицеру,— лишь бы не занимались «идеями».

Демьян старался отвлечь слушателей Михайловского училища от революционных настроений, которые волновали в то время учащуюся молодежь.

У «михайлонов» была давнишняя традиция устраивать в столовой товарищеские чаепития, называемые почему-то «собаками». Собирались деньги по 20—25 копеек с человека, и очередной распорядитель посылал «дядьку» (вольнонаемного служителя, чистившего обувь и платье) в лавку за продовольствием. Покупали обычно чай, сахар, ситный с изюмом, чайную колбасу и обязательно мороженую клюкву, которую особенно любили. Чаепитие проходило весело, с шутками и анекдотами, и заканчивалось обычно самодеятельностью или «громождением слона».

Устраиваемые в училище «собаки» укрепляли чувство товарищества и хоть немного скрашивали тяжелую, однообразную и сугубо казенную обстановку занятий.

Три года пролетели незаметно. Володя, как и его товарищи, окреп и возмужал. Все юнкера ждали торжественного производства в офицеры. Об этом дне мечтал каждый.

Шестого августа в ясное, солнечное утро на огромном военном поле выстроились соединения войск. Тут были почти вся гвардия и войска Петербургского военного округа: пехота, кавалерия, артиллерия. Над полем — торжественная тишина. Но вот раздается звук трубы, и начинается царский объезд войск. Все ближе и ближе слышны громовые раскаты «ура». Владимир смотрит внимательно, стараясь запечатлеть эту картину. Он ждет, что окруженный пышными всадниками царь скажет что-то очень важное, значительное, но свита промелькнула и исчезла. Вдруг ударил оркестр, другой, третий. Начался церемониальный марш. Михайловцев в пешем строю ведут к царскому валику — земляной насыпи, где сосредоточивается вся свита во главе с царем. По соседству выстраиваются юнкера пажеского корпуса, Павловского, Константиновского, Петербургского юнкерских пехотных училищ. Далее идут Николаевское кавалерийское, инженерное и другие училища. Юнкера в волнении ждут слова царя. Царь появляется на валу. Он скучен,— очевидно, парад его утомил. Обведя усталым взглядом ряды юнкеров, он сонным голосом говорит:

— Господа, поздравляю вас офицерами.

Володя немного смущен, разочарован, но думает, что именно так и должен говорить царь.

Командиры обходят ряды и каждому юнкеру вручают приказ о производстве. Потом раздается команда, и михайловцы четким шагом идут к оставленным запряжкам батареи. Лоша-

дей держат повеселевшие вестовые. Звучит знакомый голос командира, и батарея направляется в расположение училища. Фейерверкеры, подбадриваемые криками молодых офицеров, переводят коней с рыси в галоп, а потом и в карьер. Командиры тоже несутся вскачь. Они понимают нетерпение молодых офицеров, они сами были когда-то юнкерами.

— Гей, гей, гей! — кричат фейерверкеры.— Гони! Гони! Гони! — вторят им молодые голоса.

С коней летят белые хлопья пены, раздается глухой храп и стук тяжелых колес. Так влетает батарея в расположение лагеря. Володя вместе с товарищами опрометью бросается в барак и через несколько минут появляется в офицерском мундире.

НАЗНАЧЕНИЕ В ЛЕЙБ-ГВАРДИЮ

1

В 1895 году, когда Владимир Федоров окончил курс в Михайловском артиллерийском училище, в России намечалось формирование семидесяти пяти новых артиллерийских батарей. Это обстоятельство и помогло Владимиру выйти в гвардию, что было заветной мечтой каждого выпускника училища.

Владимир попал в лейб-гвардии первую артиллерийскую бригаду, куда было назначено сразу шесть человек, хотя до перевооружения артиллерии обыкновенно попадал один человек в два года.

Владимир не питал никаких надежд на то, чтобы выйти в гвардию, так как в этом, помимо отличных отметок по успеваемости, большую роль играло дворянское происхождение и протекции, но ни того, ни другого он не имел. И только случай помог ему стать гвардейцем, да еще попасть в первую артиллерийскую бригаду — одну из самых старых и почетных частей.

Владимир еще юнкером знал о двухсотлетней истории этой бригады и о ее героическом прошлом. Бригада вела свое летосчисление от бомбардирской роты, сформированной Петром I при Преображенском полку еще в годы его юношества в 1697 году. Первая артиллерийская бригада находилась недалеко от училища, и Владимир не раз слышал, с какой гордостью офицеры бригады говорили:

— Петр Великий был капитаном бомбардирской роты, он создал нашу бригаду.

Среди слушателей училища ходило много легенд о боевых подвигах солдат и командиров этой бригады. Поэтому известие о том, что он будет служить в славной гвардейской части, наполнило сердце Владимира гордостью и счастьем. Входя в офицерское собрание, он испытывал робость школьника перед первым экзаменом. Он знал, что в бригаде до семидесяти процентов офицеров имели высшее академическое образование. Да и по характеру своему Владимир был очень застенчив и совершенно терялся в незнакомом обществе.

Поднявшись по парадной лестнице на второй этаж, он вошел в пышно обставленный зал, отражавший на блестящем полу и золото люстр, и штофные обои стен, увешанных картинами и зеркалами. Это, как потом выяснилось, был зал для торжественных обедов и заседаний. Он оказался совершенно безлюдным. Но из дальних дверей слышался веселый говор и стук бильярдных шаров.

«Офицерское собрание, очевидно, там»,— подумал Владимир, направляясь через зал, и вдруг остановился, так как взору его открылось поразительное зрелище.

На большой стене зала, занимая чуть ли не весь центр его, висела огромная картина в массивной золоченой раме. Владимир узнал Марсово поле, во всю ширину которого на фоне деревьев Летнего сада были выстроены многочисленные орудия и весь личный состав бригады.

Владимир подошел ближе, чтобы взглянуть на надпись. Она гласит: «Смотр лейб-гвардии первой артиллерийской бригады, возвратившейся с турецкой войны в 1878 году».

Прошлое ожило перед Владимиром с такой ясностью, словно все это произошло на днях. И от сознания, что теперь он сам стал офицером той бригады, которой восторженно любовался ребенком, он приободрился и довольно решительно вошел в бильярдную. Там находилось порядочно офицеров, но все были так поглощены наблюдением за двумя соревнующимися партнерами, что на него никто не обратил ни малейшего внимания.

Владимир опять почувствовал робость. Он уже решил, что сядет на кожаную скамью в сторонке и станет молчаливо ждать, пока кто-нибудь не заговорит с ним.

— А, Федорини,— вдруг услышал он веселый голос и тотчас же обернулся. «Федорини» была его училищная кличка.— Рад, рад! — приветствовал его бравый гвардейский офицер Альтфатер, окончивший курс в училище годом раньше.— Ну, ты, брат, не больно-то стесняйся. Я тебя живо со всеми перезнакомлю.

Володя обрадовался старому товарищу и целый вечер не отпускал его от себя...

В первые дни в бригаде Владимир находился под впечатлением увиденного. Он подолгу любовался старинными маленькими пушками, стоящими на особом постаменте в столовой. По преданиям, эти пушки когда-то царь Алексей Михайлович подарил царевичу Петру. Они были свидетелями занятий Петра в Потешных полках, из которых впоследствии образовались регулярные пехотные части — полки Преображенский и Семеновский.

В офицерском собрании находился и музей гвардейской артиллерии, где была представлена вся история бригады. В этом музее Владимир снова увидел портреты знакомых ему по училищу артиллеристов прошлого: Петра Первого, генералов Ермолова, Кутайсова, Костенецкого. Здесь были экспонированы планы битв, в которых участвовала бригада. Макеты орудий, передков зарядных ящиков разных времен. Тут же были вывешены портреты наиболее отличившихся в разных сражениях и геройски погибших офицеров бригады. С замиранием сердца Владимир смотрел на выставленные в витринах окровавленные мундиры героев Отечественной войны 1812 года, невольно проникаясь уважением к славным традициям бригады, к ее боевому прошлому. И командиры, и порядки, и занятия в бригаде ему казались идеальными.

Но постепенно в блестящем ореоле славы, окружавшем бригаду, он стал замечать тусклые пятнышки и ко многому относиться критически. Теперь он был офицером и начал привыкать к проявлению самостоятельных суждений. Прежде всего он обратил внимание на то, что в исконно русской артиллерийской части среди командиров преобладают иностранцы. Командиром бригады был генерал Баумгартен, командирами дивизионов полковники Дельсаль и Шлейдер. Их помощниками оказались тоже офицеры с иностранными фамилиями. Засилие иноземцев на командных постах вызывало чувство обиды и возмущения у русских офицеров, но они принуждены были с этим мириться.

Генерала Баумгартена считали хорошим командиром, но это только «считалось», на самом деле офицеры его не любили. Он жил рядом с бригадой и приходил в ее расположение пешком. Это случалось редко, не более одного раза в месяц, но тем не менее весь личный состав бригады находился в постоянном страхе и трепете. Едва Баумгартен выходил из квартиры, в бригаду несся трубач, чтобы предупредить о надвигавшейся опасности. Так случилось и на этот раз.

— Вышел! — запыхавшись, доложил трубач дежурному офицеру.

Через несколько минут прибежал второй:

— Идет!..

Когда Баумгартен, грозно посматривая по сторонам, вошел в расположение бригады, офицеры застыли вытянувшись. Владимир тоже замер вместе с другими.

Дежурный офицер поспешил навстречу командиру и, стукнув каблуками, начал рапортовать.

— Отставить! — крикнул генерал.— Гвардейский-с офицер-с должен рапортовать более молодцевато-с. Подучитесь! — крякнув и откашлявшись, он двинулся дальше. Но, заметив на перчатке у одного из офицеров пятнышко, остановился.

— Это что-с? Офицер-с должен иметь белоснежные перчатки-с, без единого пятнышка-с...

Когда генерал ушел, Владимир отправился в библиотеку, где любил проводить свободное время.

В библиотеке несколько офицеров оживленно спорили. Некоторые из них горячо приветствовали перевооружение артиллерии, видя в этом смелое начинание. Введение шестидюймовых мортир в полевую артиллерию они считали громадным достижением русской армии, так как Россия первая среди других государств вводила на вооружение это мощное орудие, которое давало навесной огонь и было очень эффективно для борьбы с неприятелем, засевшим в окопах. Другие доказывали, что это важное мероприятие проводится с преступной медлительностью и что западные страны нас могут опередить...

Владимир видел в бригаде уже не юнкеров училища, занимавшихся «громождением слона», а серьезных, мыслящих офицеров, которые умели не только выполнять приказы, но разбираться в их смысле и даже критиковать действия высших военных инстанций.

Однако, как вскоре убедился Владимир, эта критика не выходила из стен офицерского собрания, словно все это говорилось ради развлечения, просто от нечего делать.

В библиотеке иногда происходили и диспуты о том, каким должен быть русский артиллерийский офицер.

Большинство единодушно сходилось на том, что примером для русского офицера-артиллериста являлся образ капитана Тушина, с поразительной силой нарисованный Львом Толстым в «Войне и мире». Некоторые высказывали мнения, что у Толстого Тушин выведен чрезмерно скромным, даже простоватым.

Но Владимира эти черты в капитане Тушине особенно подкупали. Он любил приходить в библиотеку, когда там бывало тихо, и, усевшись где-нибудь в уголке, по нескольку раз перечитывал любимые страницы. Поведение капитана Тушина в бою под Шенграбеном особенно нравилось Владимиру. Спокойствие, выдержка, сосредоточенная деловитость, непоколебимая уверенность в себе и в своих солдатах, беззаветное выполнение своего долга в бою — все это делало капитана Тушина в глазах Владимира и его товарищей идеалом артиллерийского офицера. Они были готовы ему подражать во всем.

Образцом высшего офицера единодушно признавался генерал Ермолов. Его смелый, самоотверженный, красивый подвиг на Бородинском поле воскресал перед глазами, когда говорили о доблести и отваге. Отдать жизнь на поле боя, но добиться этим решительного перелома в сражении — было мечтой каждого.

Особой любовью пользовалось в бригаде имя гвардии капитана Сеславина, знаменитого партизана Отечественной войны 1812 года, действовавшего совместно с Денисом Давыдовым. Он первый проследил, укрывшись на дереве, бегство из Москвы Наполеона и донес об этом Ермолову. У него хватило мужества оставаться в укрытии до тех пор, пока не прошла мимо старая гвардия во главе с самим Наполеоном. Затем он захватил одного отставшего француза, доставил его в штаб как «вещественное» доказательство бегства Наполеона. Подвиг Сеславина горячо почитался всеми офицерами.

Бригада жила славными боевыми традициями русского воинства. Ее офицеры учились мужеству, доблести, отваге и военному искусству не у иностранных стратегов и завоевателей, а у славных русских полководцев — Суворова, Кутузова, Багратиона, Ермолова. Владимир ощущал огромную радость от того, что он был зачислен на службу в эту старейшую и славную боевую часть.

2

Осенью Владимир как офицер присутствовал при распределении по воинским частям новобранцев. Это всегда обставлялось пышно, с тем чтобы произвести впечатление на солдат.

В огромном Михайловском манеже выстроились длинными рядами многотысячные толпы новобранцев. Несколько военных оркестров громовым грохотом приветствовали появление

главнокомандующего войсками Петербургского военного округа великого князя и брата царя. Великий князь в сопровождении многочисленной свиты проходил по фронту и мелом помечал на груди каждого солдата номер полка или бригады. Солдаты при этом замирали. Им заранее внушалось, что назначение в часть каждого солдата будет производиться самим великим князем. Он распределял новобранцев по следующему принципу: самые высокие намечались в Преображенский полк, курносые — в Павловский, более смышленые с виду — в гвардейскую артиллерию. Шедший позади его рослый, молодцеватый унтер из преображенцев зычно выкрикивал написанный номер, и новобранца тотчас же хватали дюжие руки и ставили в надлежащий ряд.

Владимир глядел довольно печально на эту церемонию «высочайшего» распределения солдат. Ему не нравилось, что людей сортируют по внешнему виду и даже ставят на них метки. Неприятное чувство в нем не могли заглушить даже бравурные звуки десятков оркестров.

Вскоре Владимир получил под свое начало команду новобранцев в семьдесят человек. Это были в основном крепкие крестьянские парни из дальних губерний. За зимние месяцы их предстояло превратить в дисциплинированных и хорошо обученных солдат — бравых гвардейцев.

Занятия, как и положено, начались с шагистики, маршировки, отдавания чести и словесности, то есть изучения уставов. Владимира мало радовали эти однообразные и скучные начальные занятия. Сердце его влекло к другому. Он испытывал некоторую гордость от того, что эти семьдесят новобранцев подчинены ему и что в его обязанность входит обучить их и сделать настоящими гвардейцами.

Когда дело дошло до гимнастики, до занятий на снарядах, Владимиру было приятно наблюдать, как мешковатые ребята начинают прыгать через «кобылу», на руках взбираться по лестнице. Среди них оказались и такие, которые с первых занятий освоили на снарядах труднейшие упражнения, над которыми сам он бился когда-то долгие месяцы. Владимир видел, как на его глазах солдаты перерождаются, приобретают ловкость, делаются настоящими молодцами. При изучении материальной части Владимир не раз удивлялся смекалке и восприимчивости этих в большинстве безграмотных деревенских парней. Особенно поразил его крестьянский сын Федя Яковлев. Как-то Владимир по чертежу показал ему устройство дистанционной трубки, и тот безошибочно объяснил ее конструкцию.

За зимние месяцы Владимир хорошо изучил своих солдат и искренне привязался к ним. Они платили ему тем же. В конце апреля обученным новобранцам был проведен смотр, и бригада выступила в лагерь. Здесь часто проводились конные учения, на которых слаживались батареи. Большое внимание уделялось возведению полевых фортификационных сооружений. Венцом же всех учений были практические стрельбы. Однако этому главнейшему виду обучения артиллеристов уделялось мало внимания. Причиной тому было всемогущее министерство финансов, жестко ограничивавшее отпуск снарядов для практических стрельб.

В середине лета, когда батареи были уже хорошо слажены, в лагере стали проводиться различные соревнования. Главным соревнованием была проверка действий ездовых и фейерверкеров среди заграждений. На плацу строились двухрядные частоколы, намечавшие узкий путь в виде кренделей и восьмерок. По этому пути между частоколами должны были проезжать орудия. Победителем считалось то орудие, которое показывало лучшее время и не задевало ни один кол. К соревнованию допускалось по одному орудию от батареи, что вызывало много споров не только между офицерами, но и между солдатами. Расчет ездовых и фейерверкеров, победивший в соревновании, получал награду. Каждому вручались серебряные часы. Такие соревнования в то же время были интересными развлечениями для солдат.

Проводились в бригаде и соревнования наводчиков на кучность стрельбы по большим мишеням. В этих соревнованиях участвовали все артиллерийские части, стоявшие лагерем под Красным Селом. От каждой батареи назначалось орудие с лучшим наводчиком и лучшим расчетом. При таких соревнованиях зрителей было немного, но каждая часть провожала выделенное ею орудие торжественно и шумно.

Если орудие возвращалось с победой, его сразу узнавали по пышной зелени и цветам, которыми был увит ствол, а солдат расчета — по серебряным цепочкам во всю грудь. В батарее начиналось веселье, песни, пляски, все поздравляли победителей. Если же орудие не добивалось победы, его встречали негодующими криками и расчету вручались деревянные часы.

В сентябре бригада возвращалась на зимние квартиры. Конные учения и стрельбы прекращались до будущей весны. Многих это огорчало, но Владимир бывал рад тому, что снова попадал в библиотеку, к любимым книгам, ставшим для него потребностью.

В офицерском собрании часто дебатировался вопрос о мобилизационной готовности русской армии. Многие считали самым уязвимым местом в русской армии длительную мобилизацию.

В случае объявления войны,— говорили они,— предполагаемые враги — Германия и Австро-Венгрия смогут вторгнуться в наши пределы еще до того, как мы сумеем поставить под ружье едва ли половину своих войск...

Во время одного из таких дебатов вдруг раздались звуки трубы. Была объявлена пробная мобилизация пятой батареи, в которой служил Владимир. Он тотчас же бросился в свою часть. Батарея немедленно пришла в движение. Забегали офицеры, из других частей стали прибывать мобилизованные солдаты и лошади, из неприкосновенных запасов извлекалось обмундирование, оружие, продовольствие. К четырем орудиям мирного времени нужно было прибавить и оснастить еще четыре. Для этого следовало ехать за город на склады, чтобы получить там необходимое количество снарядов и картузов — зарядов, вытяжных, дистанционных и ударных трубок для гранат и шрапнелей.

Одновременно снаряжались обозы, запасался фураж, продовольствие, боеприпасы. Все работы предстояло выполнить в сроки, разработанные графиком.

Только через несколько дней батарея смогла наконец выйти из ворот бригады и двинуться к Николаевскому вокзалу, где должна была быть произведена пробная погрузка в эшелоны.

Владимир на взмыленном коне ехал сбоку своего взвода. Он заметил, что даже передки зарядных ящиков были обвешаны тороками с сеном.

«Так вот как выглядит батарея в походе»,— подумал он. И ему опять вспомнилась картина прохождения бригады с турецкой войны, которую он наблюдал ребенком.

Он обогнал обоз и примчался к платформе, когда подходили главные орудия.

Погрузка велась быстро, с веселыми криками. Неприученные лошади пугались и шарахались в стороны, но их хватали сильные руки и на рысях вводили в вагоны. Владимир был воодушевлен этой горячей работой, подбадривал солдат и чувствовал себя, как никогда прежде, необходимым в части.

Но вот труба заиграла отбой. Люди успокоились. Батарея построилась и двинулась в свое расположение.

Владимир был рад, что побыл в обстановке, приближенной к боевой, и возвращался в часть довольный собой. Он все больше и больше проникался любовью к военному делу. Однако скоро бригаду пришлось оставить. Владимир решил получить высшее военное образование и в 1897 году поступил в Михайловскую артиллерийскую академию.

ЗНАКОМСТВО С МОСИНЫМ

1

Летом 1898 года Федорова вместе с товарищами по курсу послали на Сестрорецкий оружейный завод на производственную практику.

Начальник завода, высокий, стройный полковник, с небольшой пышной бородой, окаймлявшей свежее энергичное лицо, встретил курсантов радушно и изъявил желание сам показать им завод и новые мастерские. «Это Мосин — известный изобретатель»,— сказал кто-то из курсантов. Федоров насторожился. Он многое знал о Мосине, и ему хотелось поближе познакомиться с ним.

Мосин казался человеком замкнутым или чем-то озабоченным. Идя по заводу, он говорил очень мало, предоставив давать пояснения своему помощнику Залюбовскому. Но когда офицеры вошли в просторное помещение лекальной мастерской, Мосин преобразился и сам взялся объяснять ее устройство.

Лекальная мастерская была его детищем, создана на базе особого инструментального отдела, переведенного сюда из Петербурга. Это было крайне необходимо, так как заводы работали на перевооружение армии. Мосин познакомил офицеров с новейшими приборами.

— Эта мастерская,— говорил он,— первый шаг к созданию отечественных заводов по изготовлению точнейших инструментов и станков, которые так необходимы развивающейся военной промышленности.

Владимир не спускал глаз со станков и старался запомнить каждое слово, сказанное Мосиным. Ведь Сергей Иванович был знаменитым конструктором, выдающимся специалистом по стрелковому оружию.

Через завод они вышли на стрельбище, где испытывались мосинские винтовки.

Мосин приказал разобрать несколько винтовок, однородные части от них перемешать и собрать винтовки из перемешанных частей.

— Не угодно ли вам самим пострелять? — предложил Мосин, когда винтовки были собраны.

Офицеры охотно согласились.

Владимир, сделав несколько выстрелов, внимательно осмотрел винтовку и проверил заряжение: действует отлично.

— Здесь мы проверяем взаимозаменяемость частей винтовок, сделанных в Сестрорецке, Туле и Ижевске. Результаты вы сами изволите видеть. Сейчас были смешаны однородные части, изготовленные на разных заводах. Взаимозаменяемость частей достигнута благодаря применению при их изготовлении единых калибров... Сейчас мы стремимся достичь взаимозаменяемости самых точных деталей, особенно боевой личинки.

Перед Владимиром и его товарищами была поставлена задача: написать, как организовано на заводе производство винтовок, и сделать подробное описание изготовления той или иной детали, начиная от штамповки, затем последовательно всех операций ее обработки с характеристикой станков, приспособлений и инструментов, применяемых для этого.

Изучая производство, офицеры пробыли на заводе больше месяца, познакомились не только с мастерами, но и с рядовыми рабочими. Владимир долго осматривал различные станки, изучал процессы работы, интересовался технологией производства, конструктивными особенностями винтовки, людьми, которые производят это замечательное оружие.

Оказалось, что, помимо налаживания производства своей винтовки, Мосин осуществил коренную реконструкцию завода.

Он произвел полное переустройство старых гидротехнических сооружений, заменил их более современными водяными турбинами, дающими дешевую энергию. Благодаря его усилиям в мастерских вместо газовых рожков засветили электрические лампочки.

Мосин не жалел сил на то, чтобы старое оборудование заменить более совершенным и дать возможность заводу выполнять заказы артиллерийского ведомства. Это было крайне необходимо, чтобы избавить большой по тому времени коллектив рабочих от неминуемой безработицы, которая должна была возникнуть сразу же после выполнения заказов по перевооружению. Рабочие не могли не заметить этих усилий и

забот Мосина. Они называли его своим отцом и спасителем от разорения и голода.

Изучение оружейного дела на Сестрорецком заводе под руководством Мосина еще больше укрепило в Федорове любовь к оружию.

2

В 1900 году Владимир Федоров, окончив академию, получил назначение в артиллерийский комитет, где вскоре и был определен на должность докладчика в оружейном отделе.

Штабс-капитану Владимиру Федорову пришлось присутствовать, а впоследствии и докладывать на заседаниях, где собирались маститые члены комитета, генералы и полковники. Первое время он смущался, но постепенно привык и сделался незаменимым докладчиком.

Мосин был одним из членов артиллерийского комитета, и Владимир мог часто видеть его на заседаниях. К этому скромному человеку, одаренному недюжинным талантом и обладавшему большими знаниями в оружейном деле, Владимир питал большую симпатию. На заседаниях Мосин был молчалив, редко высказывался в прениях, но, судя по вопросам, которые он задавал докладчикам, живо интересовался обсуждаемыми делами. Особенно интересовали Мосина сведения о применении его винтовок в боевой обстановке.

Владимир заметил, что отношения Мосина с руководителями и многими членами артиллерийского комитета были очень натянутыми. На заседаниях и при встречах Мосин был с ними почтителен, но чрезвычайно сдержан. Вспоминая, какой радушный прием оказал Сергей Иванович в Сестрорецке им, молодым офицерам-практикантам, Владимир предполагал, что в отношениях Мосина с начальством таятся глубокие расхождения. Ему хотелось узнать причину этих расхождений, ту тайну, что Мосин таил в глубине души.

Как-то после заседания комитета, которое кончилось очень поздно, Владимир вышел на улицу одним из последних. Ночь была темная, с моросящим осенним дождем. Ослепленный светом фонаря, он остановился и стал всматриваться в темноту. Вдруг за его спиной раздался мягкий знакомый голос:

— Штабс-капитан Федоров, вам куда?

Владимир всмотрелся и узнал сидящего в коляске Мосина.

— Садитесь, я вас подвезу.

Владимир поблагодарил и сел рядом с конструктором.

Дорогой разговор зашел об автоматическом оружии, которое в то время начинало появляться то в одной, то в другой стране. Мосин неодобрительно отозвался о винтовках, заявив, что на этом поприще предстоит еще огромная работа, и похвалил автоматические пистолеты, сказав, что это — оружие недалекого будущего.

— Ну вот и доехали,— сказал Владимир,— благодарю вас, Сергей Иванович,— и, несколько помедлив, спросил:— Не разрешите ли на прощание задать вам один вопрос, который давно уже не дает мне покоя?

Мосин молча кивнул головой.

— Почему вы так сдержанны и холодны с нашим начальством? — спросил Федоров.

— Милый мой,— печально улыбнулся Мосин,— об этом долго рассказывать. Но поверьте мне — основания очень серьезные. Вот если вы когда-нибудь изобретете новое оружие и, не дай бог, столкнетесь с такими же препонами, как я, тогда вы поймете все...

Только после этого разговора Владимир задумался над тем, почему изобретенная Мосиным винтовка, называемая солдатами «мосинской» или «трехлинейкой», официально именуется «винтовкой образца 1891 года». Этим названием ее лишили не только имени автора, но даже и родины.

«Почему так случилось?» — недоумевал Владимир. Узнав, что вся переписка по принятию мосинской винтовки хранилась в артиллерийском комитете, он не замедлил извлечь ее из архивов и узнать мучившую его тайну.

Оказалось, что Мосин проработал над созданием винтовки почти десять лет. Первоначальный образец ее был представлен в оружейный отдел еще в 1882 году, а окончательный — в 1891 году...

Владимира обрадовало то, что Мосин, как и он сам, вышел из простого народа. Отец Мосина был офицером русской армии, а потом, выйдя в отставку, служил в управляющих у помещика около городка Рамонь, недалеко от Воронежа, где родился и провел свое детство будущий конструктор. Отец принимал горячее участие в образовании сына и определил его в артиллерийское училище, по окончании которого юноша поступил в артиллерийскую академию.

Еще в академии Мосин проявил большой интерес к оружейному делу, а после академии поступил на Тульский оружейный завод. Знакомство с исконными русскими оружейниками, изучение при заводском арсенале богатой коллекции различного оружия пробудили в нем желание пойти по стопам

славных русских оружейников, попытать свои силы в изобретательстве. Как русский офицер, Мосин считал для себя почетной обязанностью работать в этой области, чтобы создать хорошее отечественное оружие, которое освободило бы его родину от устарелых иностранных систем, заменявшихся год от году и разорявших русскую казну.

И вот в 1882 году он представил первый вариант своей будущей винтовки. Этот образец был еще несовершенен и не получил одобрения, но Мосина не обескуражила первая неудача. Он продолжал упорную работу и через три года представил новый образец, который был одобрен и изготовлен в тысяче экземпляров для войсковых испытаний. Испытания в войсках не удовлетворили комиссию; она признала, что над этим образцом предстоит еще большая работа.

Однако французы отнеслись иначе к винтовке Мосина. Получив от своей разведки точные сведения о результатах испытания русской винтовки, они решили купить мосинское изобретение и предложили ему шестьсот тысяч франков.

Мосин работал в Туле в тяжелых условиях и очень нуждался, но отверг это предложение и с еще большим упорством взялся за усовершенствование винтовки.

В конце 80-х годов европейские государства усиленно перевооружались, вводя в свои армии новые магазинные ружья. В 1888—1889 годах новые оружейные системы были приняты в Германии, Англии, Австро-Венгрии, Швейцарии и других странах. В России же топтались на месте. Вместо того чтобы поддержать талантливого изобретателя и помочь ему доработать винтовку, вновь назначенный военный министр Ванновский не признавал магазинной винтовки и требовал конструирования патрона уменьшенного калибра для однозарядной системы. В том же 1889 году им была создана специальная комиссия для проектирования однозарядной винтовки малого калибра. Перелом в этом деле произошел лишь после того, как русский военный агент в Брюсселе и Гааге сообщил об испытании бельгийской армией новой магазинной винтовки Нагана с применением патронных обойм (многозарядной). Наган, рассчитывая на большие прибыли, в том же 1889 году предложил свою винтовку царскому правительству.

Винтовка Нагана не получила одобрения в России, было лишь отмечено удачное устройство ее магазина. Наган взялся за доработку своей системы.

В это время и Мосин продолжал работу над новым образцом винтовки. В начале 1890 года он выехал в Петербург, чтобы участвовать в испытании видоизмененного образца. Вместе

с его винтовкой должны были испытываться винтовка Нагана, переделанная им под патрон «комиссии», и винтовка, предлагаемая «комиссией», переделанная капитаном Захаровым — заведующим инструментальной мастерской — в магазинную по принципу Нагана, с измененной обоймой.

Испытания показали, что винтовки Мосина и Нагана действуют удовлетворительно. Винтовка же Захарова была забракована. Однако взыскательные эксперты отметили, что в винтовке Мосина плохо работает измененная им обойма. Изобретателям предложили доработать и представить винтовки в пяти экземплярах для дальнейших испытаний. Наган тут же поставил условия: если заказанные ему пять винтовок получат одобрение, комиссия должна будет немедленно заказать ему еще триста экземпляров. Об этом было доложено Ванновскому, и тот, под предлогом ускорения перевооружения русской армии, тотчас же распорядился заказать Нагану еще триста винтовок, хотя у комиссии не было уверенности в том, что эти винтовки будут стрелять. Но перечить министру не полагалось, комиссия только выговорила право столько же винтовок заказать и Мосину.

Мосин, освобожденный от службы на заводе, горячо взялся за усовершенствование винтовки и за выполнение срочного заказа. К этой работе он привлек лучших оружейников Тульского завода, которые работали вместе с ним почти без отдыха. Они знали, что соперник их — Наган — имел большие преимущества. У него был собственный, отлично оснащенный завод. Он ни от кого не зависел. Над Мосиным же стояла комиссия и само военное министерство. Каждый свой шаг он должен был согласовывать с ними. И тем не менее уже в сентябре 1890 года Мосин начинает сдавать свои винтовки. Наган молчит. Его мало беспокоят телеграммы комиссии и военного министерства. Только в декабре, когда Мосин сдал все триста заказанных ему винтовок, Наган прислал лишь сто экземпляров своих.

И вот 21 декабря 1890 года, не дожидаясь остальных двухсот винтовок Нагана, военный министр отдал распоряжение начать широкие испытания. Его совершенно не смутило то обстоятельство, что Наган, имея лучшие условия и втрое больше времени, чем Мосин (так как Наган сделал не триста, а всего сто винтовок), безусловно, мог лучше их отладить, и, таким образом, соревнование становилось неравным.

Мосин видел эту нечестность, но он знал, что никакие протесты не помогут, поэтому полагался лишь на свою винтовку.

При испытаниях винтовки показали одинаковые результаты, хотя у мосинских, ввиду спешности выполнения заказа, было несколько больше задержек. Все же это не давало повода покровителям Нагана отвергнуть мосинскую винтовку. Начались многочисленные дебаты о том, какой винтовке отдать предпочтение. Состоялись дополнительные испытания еще тридцати мосинских винтовок, но и они не положили конца спорам. Однако среди спорщиков нашелся умный человек, инспектор патронных и оружейных заводов генерал Бестужев-Рюмин. Он решительно высказался за винтовку Мосина, особенно подчеркивая ее прочность и простоту устройства. Бестужев-Рюмин заявил, что в производстве мосинская винтовка обойдется намного дешевле, а заказ на ее изготовление нашими заводами может быть выполнен на три-четыре месяца раньше, чем заказ на винтовки Нагана. Эти доводы спасли винтовку Мосина. Она получила одобрение. Однако это одобрение было не концом, а лишь началом драмы русского изобретателя.

Пока тянулась обычная в то время волокита с принятием нового оружия, многие высокопоставленные лица из военного министерства кричали о преимуществах винтовки Нагана и не жалели сил на то, чтобы так или иначе «всучить» эту винтовку царскому правительству.

Винтовку Мосина признали лучшей в мире. Она была снабжена совершенно оригинальной конструкцией отсечки-отражателя, устраняющей заклинения (продвижение двух патронов одновременно).

Сведения о принятии на вооружение русской армии винтовки Мосина быстро распространились за границей. Русская контрразведка перехватила секретные донесения германских шпионов, но не сумела помешать шпионам Англии. В том же году русский военный агент в Лондоне доносил в Петербург, что английской разведке удалось достать русскую винтовку образца 1891 года и к ней большое количество патронов.

Спрос на русскую винтовку был очень велик. И там, где разведка работала хуже, правительства предпочитали обращаться к России легальным путем.

Военное министерство Соединенных Штатов Америки обратилось с письмом к русскому правительству, в котором сообщало о своем желании принять русскую винтовку на вооружение американской армии и просило прислать для ознакомления один образец и соответствующее количество патронов.

Почти одновременно с Америкой поступило ходатайство от Сербии — она просила разрешения заказать русские винтовки для сербской армии на французских заводах.

Казалось бы, при таком огромном успехе своего изобретения Мосин должен быть счастлив, но... Царю доложили, что конструктор якобы позаимствовал некоторые детали у Нагана, и царь, не разобравшись в существе дела, приказал созданную Мосиным винтовку именовать «винтовкой образца 1891 года». По настоянию военного министра Ванновского, Мосину выдали премию в тридцать тысяч рублей, а Нагану — двести тысяч рублей. Мосина меньше всего интересовали деньги и награды, но он глубоко переживал несправедливость.

* * *

Только сейчас, перечитывая архивы артиллерийского комитета, Владимир Федоров понял причину натянутости отношений Мосина с членами комитета, понял трагедию русского изобретателя.

Перелистывая пожелтевшие страницы, Владимир нашел документы о присуждении Мосину высокой михайловской премии, выдававшейся раз в пять лет, и донесение о том, что Мосин разделил эту премию со своими ближайшими сотрудниками по работе над винтовкой.

Федоров вспомнил печальное лицо Мосина, когда они ехали в коляске, и слова, сказанные при этом: «Если вы когда-нибудь изобретете новое оружие и, не дай бог, столкнетесь с такими же препонами, как я, вы поймете все...»

Печальная тайна открылась перед Федоровым во всех подробностях. Он понял, что военное министерство хотело загладить перед Мосиным свою вину. Но ни звание михайловского лауреата, ни другие почести и награды не заглушили в душе Мосина чувства величайшей обиды. Это чувство не покидало его до самой смерти.

Судьба Мосина, его беззаветное стремление создать для русской армии новое, превосходящее все иностранные образцы оружие были близки и понятны Владимиру. Его восхитил трудовой, благородный подвиг русского изобретателя-патриота не меньше, чем самые отважные подвиги героев сражений.

«Труден был путь Мосина,— размышлял Федоров,— но если бы во мне оказались способности к изобретательству, я бы, не задумываясь, вступил на этот путь».

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ОРУЖЕЙНОМ ОТДЕЛЕ

1

Служба в оружейном отделе артиллерийского комитета явилась для Федорова естественным продолжением учебы. Прежняя Артиллерийская академия давала мало знаний по оружейному делу, и выпускники ее, избравшие себе это поприще, вынуждены были сами заботиться о пополнении своих знаний. Программы академии совершенно не предусматривали подготовку специалистов-оружейников, хотя в них ощущалась нужда и в войсках, и в военной промышленности.

Получив должность докладчика оружейного отдела, Федоров должен был представлять на заседания артиллерийского комитета материалы и сведения по самым разнообразным вопросам и даже подготавливать проекты решений. С первых же шагов своей работы он ощутил недостаток знаний по оружейному делу и решил, что без серьезной подготовки не сможет стать активным сотрудником отдела.

Но осуществить эту подготовку оказалось делом далеко не легким, так как в то время мало было не только курсов или инструкций по оружейному делу, но даже сколько-нибудь подробных и обстоятельных статей. Федорову пришлось собирать разрозненные материалы из разных источников, тщательно изучать их и приводить в строгую систему.

Тогда только еще начинало распространяться автоматическое оружие: вводились первые станковые пулеметы, появлялись одиночные, опытные образцы пистолетов. Собирая материалы по автоматическим образцам, он стал время от времени докладывать о них оружейному отделу, доказывая, что новому оружию предстоит большое будущее.

В то время немалое значение имело еще и холодное оружие. На заседаниях комитета высказывались мнения о необходимости введения в кавалерии пики, обсуждался вопрос об отказе от вооружения орудийной прислуги артиллерийской шашкой. Она была оружием малонадежным и мешала быстрым действиям солдат. Из кавалерийских частей поступали сведения о недостатках шашки образца 1881 года — основного оружия кавалерии. Федорову приходилось готовиться к докладам и по холодному оружию. Но никаких справочников об устройстве холодного оружия, никаких сведений об образцах, состоявших на вооружении армий различных государств, не существовало. Федорову самому надо было работать и в этом направлении.

В самом хаотическом состоянии оказалась история перевооружений русской армии. При посещении различных музеев оружия Федоров выяснил, что подавляющая часть образцов не была датирована, не было ссылок на годы введения и утверждения того или иного оружия. И эту большую работу по изучению и систематизации оружия и по истории перевооружений русской армии Федоров решил выполнить сам. Артиллерийская академия приучила его к настойчивой и кропотливой работе, а служба в оружейном отделе потребовала от него составления ряда трудов по оружейному делу, отсутствие которых остро ощущалось каждым оружейником. Федоров, не раздумывая, приступил к большой научно-исследовательской работе, которая длилась несколько лет и увенчалась большими успехами.

В 1901 году в «Оружейном сборнике» начала печататься работа Федорова «Вооружение русской армии за XIX столетие».

В этой работе впервые было сделано описание всех образцов, бывших на вооружении русской армии, с приложением подробных таблиц и основных данных.

Федоров старался привить любовь к оружию не только офицерам, но и оружейным мастерам и рядовым солдатам.

«Необходимо внушить каждому солдату,— писал он в предисловии к отдельному изданию,— что после знамени самым дорогим для него предметом служит винтовка».

Успех этой работы заставил Федорова взяться за тактико-историческое исследование: «Влияние огня пехоты на действия артиллерии».

«Кому из военных не бросается в глаза та разница,— писал Федоров в начале своего исследования,— которая существовала в действиях артиллерии в эпоху Отечественной войны 1812 года и в позднейших войнах, начиная с середины прошлого столетия. С одной стороны, артиллерия оказывает решающее влияние на исход сражений,— описание столкновений того времени представляет массу примеров славных действий артиллерии: лихие выезды на позиции в близких дистанциях от неприятеля, частое применение картечных выстрелов, массы орудий в резерве, готовых вынестись на самые теснимые и угрожаемые места сражений; с другой стороны, артиллерия имела уже второстепенное значение в сравнении с оружием пехоты».

Федоров задался целью проследить те причины, которые низвели артиллерию в середине прошлого столетия на второстепенное место, и определить ее настоящее значение в связи

с вводившимися на вооружение трехдюймовыми скорострельными орудиями образца 1902 года.

Он показывает, как постепенно менялись дальность полета снаряда и пули, меткость и скорость стрельбы и какое значение имели эти взаимные отличия, какое влияние они оказывали на характер тактического применения артиллерии в боях.

В этом труде Федоров доказывал, что теперь по своим баллистическим качествам и скорострельности артиллерия находится в таком же положении по сравнению с оружием пехоты, в каком она находилась в эпоху Отечественной войны 1812 года, но отнюдь не в таком, в каком она была во время Крымской войны 1853—1856 годов и русско-турецкой войны 1877—1878 годов, то есть когда она не имела решающего, первостепенного значения.

Это исследование молодого специалиста получило одобрение членов арткомитета, и в 1903 году работа была издана стрелковой школой как ценное дополнение к учебным пособиям...

Пока издавалась эта работа, Федорова увлекла новая тема — «Вооружение русской армии в Крымскую кампанию».

Богатейшие материалы, собранные в Артиллерийском музее в Петербурге и в архивах, не удовлетворяют его. Федоров берет отпуск и едет в Севастополь. Там обнаруживает не только интересные образцы оружия, но и встречает непосредственных очевидцев и участников героической обороны Севастополя. Он проходит по всей линии восстановленных в то время окопов и ложементов.

Изучение материалов по Крымской кампании убедило Федорова в том, что одной из причин неудач русских войск в этой войне был недостаток штуцеров — нарезных ружей, которыми были вооружены союзные войска. Затеянное царским правительством после этой войны перевооружение русской армии, длившееся более пятнадцати лет, поглотило огромные суммы, но не дало желаемых результатов. Дело в том, что царское правительство решительно отмахивалось от русских изобретателей и платило большие деньги иностранцам за пышно разрекламированные, но никуда не годные системы. В 1866 году на вооружение русской армии была принята винтовка Терри-Нормана. Но уже через год ее стали заменять винтовкой Карле.

В 1868 году была введена винтовка системы Крнка, или, как ее называли солдаты, «крынка». В 1870 году на смену ей принимается винтовка Бердана № 1, а в 1872 году — Бердана № 2. И только в 1891 году на смену этим иностранным

системам принимается русская винтовка конструкции Мосина.

«Но почему же,— спрашивал себя тогда Владимир,— к винтовке Мосина, как и к самому изобретателю, было проявлено такое же недоверие и пренебрежение, как и ко многим его предшественникам — русским изобретателям?»

Тогда на этот вопрос Федоров еще не мог дать ответа, хотя и чувствовал, что причина кроется в низкопоклонстве военных властей перед иностранцами, в неверии в силы русских изобретателей...

Вернувшись из Севастополя, Федоров горячо взялся за работу, и скоро его труд был опубликован.

В этом новом труде Владимир Федоров дал глубокий анализ боевых действий под Севастополем, доказывая, что одной из причин неудач русских войск в полевых боях является отсталость России в вооружении, и призывал извлечь из этого урок на будущее.

О Федорове сразу заговорили как об авторитетном специалисте в оружейном деле.

В 1905 году вышла в свет его книга «Холодное оружие». В ней были обобщены многие работы автора по изучению холодного оружия. В книге представлены богатые иллюстрации многочисленных образцов, которые дополняли хорошо написанную историю перевооружения русской армии холодным оружием за XIX столетие, вплоть до принятия в войсках шашки образца 1881 года.

В книге также рассматривались проблемные вопросы холодного оружия: различные точки зрения о применении граненого и клинкового штыков, о кавалерийской пике, о вооружении артиллерийской прислуги другим, более эффективным оружием вместо шашки, стеснявшей действия солдат.

В последних главах книги было дано описание холодного оружия иностранных армий.

Почти одновременно с выходом книги «Холодное оружие» Федоров написал доклад артиллерийскому комитету — «Об изменении шашки образца 1881 г.». В нем Федоров дал конкретные предложения по ее усовершенствованию.

На основе этих предложений Федорова было изготовлено несколько вариантов опытных шашек с различными положениями центра тяжести и измененной кривизной рукоятки. Опытные образцы этих шашек вскоре были размножены и переданы для испытаний в различные войсковые части.

Ничего не зная о теоретических соображениях Федорова, кавалеристы должны были выбрать лучший образец путем

практического определения на лозе и чучелах его рубящих и колющих качеств.

Все части единогласно одобрили образец, представленный Федоровым. По этому образцу было изготовлено 250 клинков, и ими вооружили два эскадрона кавалеристов. Однако с началом первой мировой войны эти подразделения ушли на фронт и дальнейшее испытание шашек прекратилось.

2

Так как интерес Федорова к оружейному делу продолжал возрастать, то он, естественно, сосредоточил свое внимание на появившемся в те годы автоматическом оружии — пистолетах и винтовках. Этот вид оружия безусловно имел большое будущее. Но автоматическое оружие опять-таки шло к нам из-за границы, и правительство не принимало никаких мер к тому, чтобы привлечь к созданию этого оружия русских изобретателей.

Собрав сведения о всех появившихся в то время автоматических системах, Федоров стал тщательно изучать их. В результате этого им была написана книга «Автоматическое оружие».

Книга Федорова была первым трудом на русском языке, освещающим вопросы автоматического оружия. От иностранных трудов она отличалась глубиной анализа, научным обобщением материала и практическими выводами. Тщательно и всесторонне изучив богатый опыт русско-японской войны и приведя в своем труде многочисленные примеры из боевого опыта, Федоров сделал вывод, что в грядущих войнах автоматическому оружию, как наиболее скорострельному, предстоит сыграть решающую роль.

В этой книге (очень смело для того времени) Федоров заявил, что автоматическое оружие — это оружие ближайшего будущего, и решительно требовал принятия срочных мер для его интенсивной разработки.

Дав глубокий анализ технических и тактических преимуществ автоматической винтовки, Федоров наметил и тактико-технические требования для ее конструирования, сделал обстоятельный разбор и описание устройства механизмов автоматического оружия.

Этот труд Федорова получил высокую оценку специалистов и стал подспорьем всех работников оружейной промышленности.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ВИНТОВКА

1

Рассматривая и изучая привозимые к нам заграничные системы автоматического оружия, Федоров находил их очень несовершенными. Ему, как когда-то Мосину, захотелось вступить в соревнование с иностранцами и создать свое, отечественное автоматическое оружие. Он мечтал о том, чтобы его система превзошла все заграничные образцы, как винтовка Мосина.

Обдумывая проект будущей автоматической винтовки, Федоров с горечью размышлял о судьбе своей родины. Тяжелое поражение русских войск в войне с Японией отозвалось острой болью в его сердце. Одной из причин этого поражения он считал отсталость царской России в области вооружения, а также бездарность и продажность отдельных генералов и адмиралов, которым царское правительство доверило командование храбрыми русскими солдатами и матросами.

Еще не улеглись эти горькие воспоминания о тяжелых потерях в войне с Японией, в которых Федоров не мог в душе не обвинять царское правительство, как новое страшное известие прокатилось по Петербургу. 9 января 1905 года по приказу царя была расстреляна мирная рабочая демонстрация у Зимнего дворца.

Федоров был потрясен этой жестокостью царя, залившего улицы Петербурга кровью тысяч невинных людей. Это дикое событие окончательно подорвало в Федорове веру в царя и самодержавный строй. Но родина для него была всегда священна. Работать для ее блага он считал целью своей жизни.

Прежде всего Владимир поставил перед собой задачу: попробовать переделать в автоматическую винтовку Мосина. В случае удачи это дало бы возможность России сравнительно быстро и дешево перевооружить всю армию: ведь Россия тогда имела около четырех миллионов таких винтовок.

Работа над проектом переделки мосинской винтовки в автоматическую заняла несколько месяцев. В начале 1906 года проект был рассмотрен в арткомитете и получил одобрение. Владимир был очень обрадован, но радость эта скоро сменилась огорчением — на работы по изготовлению нового вида оружия было ассигновано всего лишь пятьсот рублей. Этих денег едва ли могло хватить на то, чтобы приобрести необходимые материалы и хотя бы на несколько месяцев пригласить

опытного слесаря. Но Владимиру слишком хорошо было известно отношение начальства к русским изобретателям, и он не рассчитывал на большую щедрость. Самым тяжелым для Федорова было то, что оружейный отдел отказался освободить его от должности докладчика. Следовательно, всю свою большую работу Федоров должен был выполнять урывками от основных занятий.

Оружейный отдел, поручая Федорову дело огромной важности — создание для русской армии новейшего боевого оружия, в то же время лишал его возможности целиком отдаться этой работе.

Такое двойственное поведение руководителей оружейного отдела можно было объяснить или неверием в силы и способности русских изобретателей, или нежеланием вооружить русскую армию новейшим оружием.

Отказом оружейного отдела освободить его от должности докладчика Федоров был поставлен в крайне тяжелое положение не только в сравнении с изобретателями Запада, но даже и в сравнении с другими русскими изобретателями, которые одновременно с Федоровым начали работать над созданием отечественного автоматического оружия.

Это было несправедливо по отношению к Федорову, так как он уже зарекомендовал себя многочисленными трудами по оружейному делу, и в особенности по автоматическому оружию. Владимир Григорьевич был приглашен читать лекции в Офицерской стрелковой школе и Михайловском артиллерийском училище.

Царское правительство, несмотря на многие примеры превосходства русской технической мысли над иноземной, пренебрежительно относилось к русским изобретателям и угодливо расшаркивалось перед иностранцами.

Иностранцы пользовались этим и ловко одурачивали не в меру доверчивых и слепо преклонявшихся перед Западом царских правителей. Так, в конце 1900 года на ялтинском курорте русскому военному министру Куропаткину представился барон Одколек фон Аугезд (отставной ротмистр австрийской службы). Он предложил приспособить ружье-пулемет своей системы под русский патрон. При этом потребовал, чтобы ему были созданы отличные условия для работы на Сестрорецком оружейном заводе с бесплатным пользованием оборудованием, материалами и подсобной рабочей силой. Он брался изготовить три образца ружья-пулемета своей системы за 7 месяцев и требовал, чтоб царское правительство выплачивало ему за это время жалованье по восемь тысяч рублей в месяц. Такие

баснословные гонорары не снились ни одному из русских конструкторов, однако условия барона были приняты, и он приступил к изготовлению своего образца.

По первой же модели русские специалисты-оружейники сделали заключение, что пулемет Одколека стрелять не будет, но барон к тому времени сумел найти сильных покровителей при дворе и благодаря этому продолжал выкачивать деньги из русской казны. Над изобретением барона возились около трех лет, производя испытания, предлагая доделки, переделки, однако пулемет Одколека не стал от этого лучше. В конце концов барону-«изобретателю» было вежливо отказано.

Одколек не был особенно огорчен этим отказом, так как царская казна выплатила ему уже свыше 70 тысяч рублей золотом. Это была огромная сумма, если учесть, что Мосин за свое всемирно признанное изобретение получил только 30 тысяч рублей, а на разработку первой русской автоматической винтовки Федорову было отпущено всего лишь 500 рублей.

Федоров отлично знал, что Нагану, Одколеку и другим иностранцам царское правительство выплачивало сотни тысяч рублей, и глубоко возмущался этим. Возмущался теми людьми, которые сидят у власти и больше думают о собственном благополучии, чем о судьбах отечества.

Дело, конечно, не в деньгах, а в тех условиях, в которые были поставлены русские изобретатели. Когда Федорова не освободили от должности докладчика оружейного отдела, он писал: «У меня была отнята всякая возможность приложить свои знания и силы на разработку своей системы». Он был глубоко возмущен таким отношением к конструкторскому делу.

К счастью, начальник оружейного полигона полковник Филатов отнесся к его замыслам с отеческим вниманием. Он предложил опытные работы производить в Ораниенбауме в мастерской полигона при офицерской стрелковой школе и обещал подобрать для этих работ хорошего слесаря-оружейника.

Теплые слова Филатова ободрили Федорова. Он верил Филатову и по-настоящему любил и уважал его. Филатов был человек крепкого сложения, с черной густой бородой. В нем было что-то богатырское. Он пользовался большим авторитетом в артиллерийском комитете как крупный теоретик по стрелковому делу, выступал горячим проводником нового, первый среди членов артиллерийского комитета решительно высказался в защиту автоматического оружия.

Поддержка Филатова была очень нужна Владимиру в его трудном начинании, и весной 1906 года он приехал в Ораниенбаум, чтобы начать работы по созданию первой русской автоматической винтовки.

Филатов встретил его радушно и сразу же повел в мастерскую.

— Ну вот вам и слесарь Дегтярев, о котором я говорил! — он указал на худенького светловолосого паренька, одетого в солдатскую гимнастерку без погон и в темные штатские брюки, заправленные в сапоги. То был вольнонаемный слесарь маленькой мастерской полигона.

— Как же, помню. Здравствуй, Дегтярев!

— Здравия желаю, ваше благородие,— смущенно ответил молодой слесарь.

— Ну, ты, брат, попроще, без всякого благородия,— сказал Федоров.— Дело нам предстоит серьезное. Надо работать рука об руку, поэтому зови меня просто Владимир Григорьевич.

— Есть, ва... то есть, Владимир Григорьевич!

— Вот так-то лучше,— улыбнулся Федоров.

— Я ему уже рассказывал о предстоящем задании,— сказал Филатов.— Так что вы, Владимир Григорьевич, вынимайте чертежи и сразу к делу...

Федоров внимательно осмотрел мастерскую. Это была небольшая и не очень светлая комната. У единственного окна стоял длинный верстак, а посредине три станка: фрезерный, токарный и сверлильный. В мастерской, кроме Дегтярева, работали еще два слесаря. У станков валялась стружка, пол был грязный, замасленный; верстак от железных опилок и масляных пятен казался черным.

«Так вот в каких условиях предстоит рождаться новой русской автоматической винтовке»,— подумал Федоров и разложил на верстаке привезенные с собой чертежи.

— Ну как, Дегтярев, сумеешь ли на этих станках сделать все детали винтовки? — спросил Федоров после объяснения чертежей.

— Сделаю,— решительно ответил Дегтярев.— В Туле тоже станки не новей, а какие винтовки делали! Сам Мосин удивлялся...

Вечером, когда Владимир Федоров возвращался в Петербург, мысли его были поглощены предстоящей работой. Теперь его не пугали ни мизерные ассигнования, ни бедно, плохо обставленная мастерская. Он знал, что Филатов ему окажет любую помощь.

«С Дегтяревым у нас дело пойдет,— думал Владимир.— И все-таки мне надо добиться, хотя бы на время, освобождения от обязанностей докладчика в арткомитете».

Тяжелые условия работы Федорова усугублялись еще и тем, что он мог бывать в Ораниенбауме лишь после работы в комитете и зачастую возвращался домой с последним поездом, около двух часов ночи. Но, как и предполагал Федоров, Дегтярев оказался отличным слесарем и великолепно справлялся со своим делом. Он хорошо разбирался в чертежах, а если что и недопонимал, то проявлял исключительное чутье и догадливость. Детали изготовлялись им с такой точностью, что Владимир искренне дивился, как можно было их сделать на таких изношенных станках.

Мало-помалу между конструктором и мастером установились простые, дружеские отношения. Дегтярев так увлекся работой, что проводил у верстака не только дни, но даже и вечера.

От Федорова не ускользнули ни его любознательность, ни природный талант оружейника. Подчас он удивлялся какому-нибудь простому, но чрезвычайно дельному предложению Дегтярева. Федоров заметил в Дегтяреве большую тягу к знаниям и всячески стремился помочь ему.

Однажды, провожая Федорова, Дегтярев нерешительно спросил:

— Владимир Григорьевич, не будет ли у вас какой-нибудь книжечки по новому оружию, больно охота познакомиться с ним получше?

— Достану, обязательно достану и привезу,— сказал Федоров, пожимая ему руку.

Через несколько дней Владимир Григорьевич снова приехал.

Прежде чем приступить к осмотру сделанных Дегтяревым деталей, он вручил ему новую, еще пахнущую типографской краской книгу. Дегтярев прочел название: «Автоматическое оружие», и глаза его загорелись. Наконец-то он познакомится со всеми автоматическими системами. Он откинул корку и на титульном листе прочел фамилию автора — «В. Г. Федоров».

— Владимир Григорьевич, это вы написали?

— Да, я,— ответил Федоров.— Как видишь, исполнил свое обещание. Дарю тебе эту книгу от души, в ней собраны все сведения по автоматическому оружию.

2

...Уже несколько месяцев пролетело в работе над переделкой мосинской винтовки в автоматическую. Были сделаны все главные части.

Дегтярев, оказавшись прекрасным отладчиком, добился хорошего взаимодействия частей, но собранный им образец не обрадовал Федорова. Винтовка ввиду трудности отпирания с поворотом затвора работала плохо, отпирание вызывало сильное трение.

Было ясно, что усовершенствования и доделки не приведут к тому, чтобы образец этот работал без задержек и выдержал испытание.

«Как бы нужно было сейчас,— думал Федоров,— поговорить и посоветоваться с Мосиным, но, увы, его уже нет в живых».

И, еще раз внимательно осмотрев образец, Федоров пришел к убеждению, что не стоит тратить времени на переделку мосинской винтовки, а надо взяться за создание совершенно нового образца: автоматическая винтовка требовала принципиально другого типа запирания.

Началась длительная и сложная подготовительная работа.

Новый образец был продуман Федоровым до мельчайших деталей. Он совершенно не походил на известные в то время заграничные системы и отличался полной оригинальностью конструкции.

Винтовка эта была задумана также с подвижным стволом, но с совершенно новым способом автоматического, более легкого открывания затвора с помощью двух симметрично расположенных боевых личинок, вращающихся в вертикальной плоскости своих цапф.

Особенностью его системы было отсутствие отдельной подвижной ствольной коробки, которая имелась во всех других конструкциях с подвижным стволом. Эта коробка была заменена раскопировкой наружной части казенника ствола.

Проект оригинальной винтовки Федорова, а также и чертежи с указанием ответственных размеров и расчетов получили всестороннее одобрение, и с 1907 года Федоров и Дегтярев взялись за изготовление первого образца.

Как только были готовы основные механизмы, Федорову стало ясно: конструкция удалась.

После упорной и весьма длительной работы все части были изготовлены и собраны. Механизм работал исправно. И они

решили испытать оружие в стрельбе. Эти минуты, полные тревоги и волнения, может представить себе только изобретатель.

После того как из винтовки были выпущены первые пули, конструктор и мастер окончательно убедились в том, что автоматика винтовки будет действовать.

Они взялись за ее отладку. Нужно было добиться того, чтобы механизм работал без задержек и поломок. А этого достигнуть не так-то просто. На полигоне почти ежедневно производилась отстрелка винтовки, преимущественно одиночными выстрелами, чтобы выявить все капризы механизма и проверить прочность деталей.

Если при стрельбе оказывались заедания, винтовка разбиралась, и Дегтярев иногда в мастерской, а иногда тут же на полигоне производил пригонку деталей, после чего винтовка опять проверялась в стрельбе.

Эта работа по отладке механизма производилась до тех пор, пока винтовка не стала действовать безотказно. Только тогда Федоров решил, что ее можно представить комиссии.

3

Радость изобретателя и мастера оказалась преждевременной. Более тщательное испытание, проведенное комиссией, выявило в винтовке ряд недостатков.

В горизонтальном положении она стреляла хорошо, но при длительной стрельбе, когда сильно перегревался ствол, случалось, гильзы не выбрасывались. При стрельбе вверх возвратная пружина не могла поднять подвижные части системы с введением патрона в патронник. Из-за этого винтовка переставала быть автоматической. Обнаружились и другие мелкие дефекты.

В целом же первый образец автоматической винтовки Федорова получил хорошую оценку. Конструктору предложили дальнейшие работы по усовершенствованию образца производить на Сестрорецком оружейном заводе, где имелись лучшее оборудование, инструменты и материалы.

Федоров с радостью принял это предложение. Его беспокоило лишь то, как отнесется к переводу в Сестрорецк Дегтярев. Но Дегтярев, давно мечтавший о работе в хороших условиях, охотно согласился.

Как и предполагал Федоров, условия работы для Дегтярева на заводе оказались несравнимо лучшими. Однако самому Федорову этот перевод не принес значительного облегчения.

Он опять должен был ездить из Петербурга в вечерние часы, так как оружейный отдел по-прежнему не хотел освобождать его от должности докладчика.

Все же в Сестрорецке работа над винтовкой пошла значительно быстрее. Этому способствовало наличие более совершенных станков и инструментов. Федоров, не имея возможности часто бывать у Дегтярева, всегда снабжал его необходимыми чертежами или схемами с подробными объяснениями. Дегтярев был хорошим, исполнительным мастером, и дело с усовершенствованием винтовки двигалось сравнительно быстро.

Между Федоровым и Дегтяревым возникла настоящая дружба. Они привязались друг к другу, жили одним стремлением создать свое, отечественное оружие, которое оказалось бы лучшим из всех известных систем.

Как-то Федоров сказал Дегтяреву, что здесь же на заводе работает хорунжий Токарев, который тоже делает автоматическую винтовку.

— А я слышал,— сказал Дегтярев,— что кроме Токарева здесь еще работает над оружием изобретатель Рощепей.

— Это верно,— подтвердил Федоров,— вам следует с ними познакомиться.

— Тогда будем с ними тягаться: кто сделает лучше и быстрей.

Однако, как ни стремились Федоров и Дегтярев закончить доработку винтовки быстрей, их работа затянулась на долгие годы. Ведь в то время не было никакого опыта по конструированию автоматического оружия. Им приходилось, как писал потом Федоров, «вспахивать целину».

А с каждым новым просмотром винтовки придирчивые члены комиссии находили в ней все новые и новые недостатки. Лишь в 1911 году Федорову с помощью Дегтярева удалось устранить все замеченные недостатки, и винтовка была допущена комиссией до широких испытаний.

Недостатки в винтовке касались не самой системы, а лишь ее отладки, то есть устранения задержек при стрельбе. Задержки случались в подаче патронов от коробления ложи и ствольной накладки, от направления выбрасывания гильз, сдваивания выстрелов, выпадения капсюлей из патрона. Единственным крайне важным изменением по сравнению с системой 1907 года являлась необходимость введения ускорителя для устранения случаев неполного отбрасывания затвора в крайнее заднее положение, в особенности учащающихся при нагревании ствола. Ускоритель был предложен Федоровым и

осуществлен уже в образце 1911 года. Эта деталь давала возможность с большей силой отбрасывать затвор при выстреле, а следовательно, и усилить возвратную пружину. Ускоритель, несмотря на свои незначительные размеры, представлял собой новую, очень важную деталь в системе механизма винтовки. Самая совершенная отладка, которую так образцово производил Дегтярев, не могла устранить случаев неполных отходов затвора при нагревании ствола и стрельбе вверх; ускоритель же окончательно устранил этот недостаток.

В том же году на испытания были представлены автоматические винтовки Токарева, Браунинга, Шегреня. Но, как отмечено в отчете артиллерийского комитета, лучшей из всех оказалась винтовка Федорова. И комиссия заказала десять экземпляров этих винтовок для полигонных испытаний.

На плечи Дегтярева, в помощь которому заводом было выделено несколько опытных мастеров и штат квалифицированных рабочих, легло тяжелое бремя. Нужно было заново изготовить и отладить эти десять винтовок в весьма короткий по тому времени срок.

Федоров ввиду важности задания наконец должен был переселиться в Сестрорецк, продолжая ездить для подготовки к докладам в Петербург. Он неустанно наблюдал за работами, внося усовершенствования в систему.

«Что-то покажут полигонные испытания?» — думал он.

Этот же вопрос не давал покоя и Дегтяреву.

Дегтярев хотя и не был конструктором винтовки, но считал ее родной. Каждый винтик в ней был выполнен и прилажен его руками. Изготовление этой винтовки было для него своеобразной школой по конструированию и оружейному делу.

Наконец все винтовки были собраны, отлажены и сданы специальной комиссии.

В день испытаний Федоров с Дегтяревым поспешили на полигон. Но им довелось увидеть очень немногое. При полигонных испытаниях опытные стрельбы велись специально обученной командой, конструктор и мастер к стрельбе не допускались.

Они знали, что из каждой винтовки должно быть произведено 10 тысяч выстрелов. По тому времени это было серьезное испытание.

«Выдержат или нет?» — спрашивали они себя. Винтовки должны будут работать в условиях, приближенных к фронто-

вым. Время идет медленно, словно его тянут на поводу. И так день... другой... третий...

Но вот настал наконец и последний день: из помещения стрелков к ним навстречу вышел генерал с густой окладистой бородой. Он вытер платком лицо и весело приветствовал Федорова и Дегтярева.

— Хорошо, Владимир Григорьевич, хорошо. Отлично. От души поздравляю вас...

В тот же день, 6 сентября 1912 года, в протоколе комиссии по разработке автоматической винтовки было записано, что представленные Федоровым десять образцов автоматической винтовки его системы отлично выдержали полигонные испытания.

После испытаний винтовка Федорова была заказана Сестрорецкому заводу в количестве 150 экземпляров для более широких войсковых испытаний.

Небезынтересно отметить, что в странах Западной Европы в это же время велась усиленная работа по созданию своих автоматических винтовок. Однако западным изобретателям не удалось завоевать первенства. Германская автоматическая винтовка Маузера была одобрена и заказана для испытаний в войсках лишь в 1913 году. В том же году, то есть на год позже, чем в России, была одобрена автоматическая винтовка и во Франции и только в 1914 году — в Америке.

Но из всех автоматических винтовок к 1914 году комиссионные и полигонные испытания выдержали лишь две системы — Федорова и Браунинга; причем Браунинга — позже почти на полтора года.

В конце 1912 года в Сестрорецке под наблюдением Федорова и Дегтярева развернулось производство заказанных винтовок. Одновременно с этим Федоров начал изготовление двух образцов автоматических винтовок уменьшенного калибра под разработанный им патрон улучшенной баллистики калибром 6,5 и 7 мм с гильзой без закраин, что было очень важно, так как гильзы с закраинами иногда были причиной задержек подачи патронов.

Еще при разработке винтовки под существующий патрон Федоров столкнулся с серьезными трудностями. Закраина (выступ на шляпке) затрудняла подачу патронов.

И вот Федоров занялся разработкой нового патрона без закраин, улучшенной баллистики и уменьшенного калибра.

Против этого нововведения выступили многие авторитеты из военного ведомства. Они говорили, что при уменьшении калибра патрона уменьшится и убойная сила пуль.

Федоров решительно выступил против этих доводов. Он занялся подробным изучением многочисленных отчетов военных хирургов, участвовавших в русско-японской войне. Он подверг сравнительному исследованию на убойность японскую 6,5-миллиметровую оболочечную пулю, а также другие пули этого же калибра.

В опубликованной в 1911 году работе «К вопросу об убойности малокалиберных пуль» Федоров блестяще доказал, что причина низкой убойности японских пуль кроется не в их малом калибре, а в плохой деформации при ударе, вызываемой низкой скоростью пули у цели.

Особая комиссия, образованная для производства сравнительных испытаний на убойность животных пулями разных калибров, доказала, что наиболее важным фактором убойности является скорость пули в момент поражения, величина ее энергии и деформации, величина же калибра пули не имеет первостепенного, решающего значения.

Новые винтовки уменьшенного калибра были легче, меньше по габаритам и больше отвечали требованиям автоматического оружия. Они явились первым прообразом будущего автомата.

В 1913 году малокалиберная винтовка Федорова на основании произведенных испытаний была одобрена комиссией, и Сестрорецкому заводу было заказано 20 экземпляров ее для дальнейших испытаний. Одновременно было заказано 200 тысяч новых патронов к ней обоих калибров, разработанных Федоровым. Патроны эти калибром 6,5 и 7 мм, как показали испытания, отличались хорошей баллистикой; уменьшенный калибр требовался для уменьшения веса патрона, что очень важно для скорострельной винтовки.

Зимой 1913 года, когда работы на заводе по производству заказанных образцов автоматических винтовок шли полным ходом, Федорова вызвали к начальнику Главного артиллерийского управления.

— Полковник Федоров,— сухо сказал он в ответ на приветствие.— Вам надлежит выехать с секретной целью за границу.

Федоров знал о напряженности международной обстановки и сразу понял, что его вызвали для важного дела.

— Когда нужно выезжать? — спросил он.

— Сегодня в семь часов вечера.

— А какова будет цель поездки?

— Об этом вы узнаете от офицера Генерального штаба, ко-

торый вас встретит на вокзале и передаст инструкции, а также паспорт на чужое имя.

Федоров понял, что аудиенция окончена и, отдав честь, вышел.

У него оставалось несколько часов, чтобы переодеться, попрощаться с женой, переговорить по телефону с Дегтяревым и дать ему самые необходимые указания по работе.

В назначенный час, облаченный в штатское платье, с небольшпм чемоданчиком в руках Федоров появился на платформе Варшавского вокзала.

К нему подошел невысокий офицер и сухо сообщил:

— Я буду вашим спутником, не задавайте сейчас вопросов, соблюдайте крайнюю осторожность, а потом поговорим.

Спутник оказался тайным агентом русской разведки. В дороге он принял совершенно другой облик и разговорился.

— Я буду направлять к вам людей для опроса в разных городах Германии... И буду вас сопровождать всюду. За нами неустанно будет следовать и охранять от провокаций и разоблачений наша контрразведка.

Для Федорова эти сообщения сыпались как снег на голову. Но главную свою задачу он определил ясно: путем опросов различных агентов и собственных наблюдений узнать о всех новшествах в вооружении германской армии. Он был как бы техническим консультантом при русских разведчиках.

Они успешно ездили по Германии несколько месяцев, но однажды их чрезмерное любопытство на военных учениях кайзеровской армии было замечено немецкими агентами. Федорову и его спутнику не избежать бы тюрьмы, а может, и худшего, если б русская контрразведка не затащила их в машину и не отправила прямым курсом в Швейцарию.

По возвращении в Россию Федоров, видевший собственными глазами лихорадочную подготовку к войне кайзеровской армии и ее высокую техническую оснащенность, все силы употребил на то, чтобы быстрее доделать заказанные в Сестрорецке винтовки. Он узнал в Германии, что у них получила одобрение винтовка Маузера.

Федоров мечтал о том, что в случае успешных войсковых испытаний военное министерство, может быть, разместит заказы на его автоматические винтовки и к началу войны, которая казалась неизбежной, русские солдаты получат отечественное автоматическое оружие раньше, чем германская армия.

«Если вспыхнет война,— размышлял он,— то изготовлению моей винтовки будет уделено особое внимание». Но получи-

лось как раз наоборот. В первые же дни войны приказом военного министра все работы по автоматическому оружию были немедленно прекращены. Министр считал, что война закончится раньше, чем будут изготовлены уже собиравшиеся в Сестрорецке винтовки. Так были приостановлены не только работы Федорова и Дегтярева, но и Токарева, Рощепея и Фролова, а сами изобретатели были посланы на фронт.

Федорову все же удалось уберечь изготовленные части его винтовок от расхищения и утилизации. Они были упакованы в ящики и снесены в подвалы заводских помещений.

Так по указу свыше в самый разгар войны было снято с производства и погребено новейшее автоматическое оружие, над которым русские мастера Федоров и Дегтярев трудились на протяжении долгих лет.

Дикое решение военного министра было тяжелым ударом для Федорова, но что ему было делать, кому жаловаться? Отменить решение военного министра мог только царь. Но о царе у Федорова давно сложилось свое мнение.

Однажды, когда Владимир Федоров, уже будучи полковником, читал лекцию по артиллерийскому оружию в Михайловском училище, где когда-то учился сам, в класс вошел царь Николай II в окружении свиты и, знаком разрешив продолжить урок, уселся рядом с юнкерами.

Когда урок был окончен, царь поднялся и отвел Федорова в сторону.

— Полковник, вы изобрели автоматическую винтовку?

— Так точно, я, ваше императорское величество.

— Я против применения ее в армии.

— Осмелюсь спросить, почему?

Царь уже уходил. Услышав вопрос, он оглянулся и равнодушно бросил:

— А... для нее не хватит патронов...

И это было накануне войны, в то самое время, когда другой император, Вильгельм, помог немецкому изобретателю Маузеру, имевшему опытный завод в Оберндорфе, получить заказ на изготовление большой партии автоматических винтовок.

Нет, жаловаться было решительно некому. Федорову пришлось смириться с тем, что изобретенная им винтовка будет брошена в подвал в то самое время, когда она была необходима русской армии как воздух.

ПОИСКИ ОРУЖИЯ

1

Еще задолго до начала первой мировой войны донесения русской разведки стали тревожными. Они говорили о лихорадочной подготовке Германии к войне. Готовились не только войска и людские резервы, но и транспорт, и промышленность, и все промышленные и продовольственные ресурсы. Но, несмотря на эти донесения, в высших военных и правительственных кругах России царило возмутительное, даже преступное благодушие.

В военном министерстве считали, что для беспокойства нет никаких причин. Русская армия, мол, обеспечена на случай войны всем необходимым. Запасы армии были составлены на основании вычислений специально созданной авторитетной комиссии Генерального штаба. Эта комиссия добросовестно подсчитала расход снарядов за всю русско-японскую войну. Он составил в среднем 789 выстрелов на орудие. Расход снарядов мог быть и бóльшим, но их, к сожалению, не хватало. Это учла комиссия и предложила утвердить норму запаса военного времени — тысячу выстрелов на орудие. Агентурные сведения говорили, что норма расходов снарядов в Германии на 200, а во Франции на 300 выстрелов больше. Некоторые члены комиссии высказывались за то, чтобы увеличить предлагаемые в России нормы, но сами же вынуждены были отказаться от этого предложения. Стоимость одного выстрела (снаряд, взрыватель, заряд, гильза, капсюльная втулка) равнялась двадцати рублям. В армии было в то время шесть тысяч полевых орудий. Следовательно, увеличение нормы всего на 300 выстрелов обошлось бы в 36 миллионов рублей. Эта сумма была выше половины годового бюджета министерства народного просвещения. Таких средств не было, потому в Военном министерстве решили: «Авось обойдется...»

Военная промышленность России совершенно не была подготовлена к войне. Интересно, что как раз накануне войны министр финансов в целях экономии военных расходов потребовал закрытия одного из трех казенных оружейных заводов. В качестве кандидата для закрытия он предложил Сестрорецкий завод, где как раз и производились все опытные работы по созданию нового автоматического оружия.

Беспечность и беззаботность царского правительства привели к тому, что в первые же месяцы войны русские армии оказались в катастрофическом положении из-за недостатка

вооружения и боеприпасов. Вновь сформированные войска проходили обучение с палками, деревянными макетами ружей, так как винтовок не хватало даже тем солдатам, которые отправлялись на фронт.

Чтобы ликвидировать этот недостаток оружия, нужны были какие-то энергичные меры. Царское правительство не нашло ничего лучшего, как обратиться за помощью к союзникам.

В начале августа 1914 года Федоров был вызван к начальнику Главного артиллерийского управления и получил задание — выехать в Японию в составе особой военной миссии для переговоров об оружии. Миссию возглавлял генерал — заведующий артиллерийскими приемками. В обязанность Федорова, как специалиста по стрелковому оружию, входило добиться от японского правительства передачи возможно большего количества винтовок и проследить, чтобы эти винтовки оказались хорошего качества.

Поезд медленно полз на восток. Время тянулось нескончаемо долго. Федорова и его товарищей мучила неизвестность: что на фронте, каково положение в стране? Почти на каждой крупной станции они выходили, чтобы узнать новости с фронта и купить местные газеты. Им было известно, что уже захвачены Люксембург и часть Бельгии. Немецкие армии «заходили правым плечом» на Париж. Русские, как союзники, должны были выступить немедленно, с тем чтобы отвлечь часть наступающих войск на восток.

За Уралом члены миссии узнали о блестяще выигранном русскими сражении под Гумбиненом. Но радоваться пришлось недолго. В Иркутске их как громом поразила весть о разгроме второй армии Самсонова. Верные союзническому долгу, русские вступили в сражение без достаточной подготовки. Им удалось отвлечь с западного театра несколько германских корпусов, что оказало громадное влияние на исход генерального сражения на Марне. Наступление немцев на Париж было приостановлено. Но за это русские заплатили дорогой ценой — разгромом второй армии, десятками тысяч убитых и пленных.

Федоров тяжело переживал это известие, тем более что одной из причин поражения было применение немцами в больших масштабах тяжелой артиллерии, которой в русских войсках почти совсем не имелось. Это были первые плоды беспечности царского правительства...

Когда корабль «Хазан-Мару» пересекал Японское море, Владимир Федоров сидел в своей каюте, погруженный в думы о судьбах родины.

Россия, Россия!..

Как много блестящих побед на полях сражений одержано твоими сынами! Но за последние столетия не было ни одной войны, когда бы русские воины не испытывали недостатка в оружии. В Отечественную войну 1812 года, после Бородинского сражения, вновь прибывающие пополнения испытывали крайний недостаток в ружьях. Партизаны же больше действовали вилами и топорами, чем стреляли. В Крымскую войну героические защитники Севастополя ощущали жестокий недостаток нарезных ружей, которые стреляли вдвое дальше гладкоствольных. Прибытие в Севастополь батальона русских солдат, вооруженных нарезными штуцерами, отмечалось как великий праздник.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов... та же самая картина. Русские войска идут на штурм неприступной Плевны с устаревшими винтовками Крнка. Новые винтовки к тому времени успели поступить лишь в гвардейский и гренадерский корпуса...

Разразилась мировая война, а положение не изменилось. Новейшее автоматическое оружие, созданное русскими людьми в невероятно тяжелых условиях, сложено в подвалы, а изобретатель его послан за 12 тысяч верст к недавним врагам России, чтобы просить у них устаревшие винтовки времен прошлой войны. Все эти неурядицы глубоко возмущали Федорова, как честного офицера и патриота родины. Поглощенный своим изобретением и научной работой, он раньше не задумывался над причинами этих неурядиц, граничащих с катастрофой. Сейчас у него не было сомнений в том, что виновником катастрофы с оружием на фронте является насквозь прогнившее самодержавие и его бюрократическая, обросшая паутиной система правления.

На второй день после отплытия из Владивостока вдалеке показались смутные очертания земли. Прошло еще несколько часов, и вдали отчетливо обозначились желтовато-серые горы, покрытые у подножия пышной зеленью.

«Хазан-Мару» огибал берега Японии. Федоров стоял на палубе вместе с коллегами и любовался живописной панорамой. Море казалось иссиня-черным. Под ними лежала наполненная водой пропасть глубиной в четыре тысячи метров. Небо было безоблачно. На спокойной глади моря играло солнце. Но ни ласковое море, ни живописные берега Японии не радовали сердце. Где-то на дне этого моря лежали русские корабли, громады которых стали могилами тысяч русских моряков.

Что-то ждет миссию на японской земле? Как-то встретят ее недавние враги и нынешние союзники? Удастся ли что-ни-

будь достать для русской армии? Вопросы один за другим вставали перед Федоровым...

— Прошу прощения, обратите внимание, «Хазан-Мару» приближается к Стране Восходящего Солнца. Пред вашим взором открывается чудесный город — Цуруга.

Владимир Григорьевич с первого же слова узнал подошедшего к ним японского консула, изъявившего желание проводить русскую миссию до берегов Японии.

Пароход мягко причалил к пристани, запруженной людьми. Матросы установили трап, и Владимир вслед за консулом ступил на японскую землю.

Собравшиеся на пристани горожане шумно приветствовали приезжих.

Когда русская миссия проезжала по железной дороге из Цуруги в Токио, на многих станциях устраивались такие же шумные встречи. Владимир почувствовал, что простой народ Японии питает к России дружеские чувства, однако этого никак нельзя было сказать о правительстве и высших чиновниках, с которыми пришлось скоро столкнуться.

В Токио миссию принял военный министр, принял чрезвычайно любезно и повел разговор — что крайне удивило русских представителей — о погоде, о приятном путешествии, о красотах своей страны... Министр вел себя так, как будто принимал не военную миссию, а праздных туристов, которым нет никакого дела до страшной войны в Европе.

Федоров с трудом сдерживал себя, чтобы не прервать этот никчемный разговор, но русский военный агент в Японии Самойлов шепнул ему:

— Здесь такой обычай. Японцы никогда не приступают сразу к делу. Ему должен предшествовать какой-то пролог.

Однако руководитель миссии не выдержал продолжения пролога и через переводчика очень кратко сообщил министру о целях визита русских и спросил, какое оружие может отпустить японское правительство России.

Министр с неизменной улыбкой и в самых изысканных выражениях заверил членов миссии, что поднятый ими вопрос будет рассмотрен. Однако он не надеется, что можно ожидать быстрого решения, так как Япония сама участвует в войне и т. д. и т. п.

Аудиенция окончилась, но членам русской миссии не дали и минуты времени на то, чтобы обменяться мнениями, их тотчас же повезли осматривать достопримечательности Токио. Потом они были приглашены на банкет, устроенный в честь их приезда. После обеда последовало приглашение в театр. На

следующий день с самого утра начались приемы, визиты, рауты, загородные прогулки и т. д. Члены русской миссии невольно оказались втянутыми в водоворот развлечений. Приставленные к ним многочисленные агенты японской секретной службы прилагали все усилия к тому, чтобы лишить их возможности выбраться из этого водоворота и тем самым затянуть переговоры об оружии.

Федоров перед отъездом в Японию вычитал в одной книге, что природа Японии — двуликий Янус. И действительно, с виду она красива, приветлива, ласкова, но побудь там — и очень скоро узнаешь ее вероломство: землетрясения, тайфуны, наводнения. Вспоминая эту фразу, Федоров и правительство Японии представлял себе таким же двуликим Янусом, так как никакие усилия не помогали решению вопроса о выделении России оружия.

Но вот японцы вновь пригласили миссию к военному министру. Тот с прежней любезностью сообщил им о большом успехе в решении вопроса с продажей оружия. Этот успех выразился в том, что русскую миссию согласился принять японский император.

Представление императору состоялось на другой день. Церемония эта произвела на Федорова удручающее впечатление, так как членам русской миссии в тронный зал, украшенный драконами, пришлось входить, низко кланяясь. Император, одетый в костюм цвета хаки и увешанный звездами, сидел на небольшом золоченом троне. Вокруг него, как статуи, стояли высшие сановники с окаменевшими лицами.

Члены миссии поклонились императору, и на этом представление закончилось. По знаку русского посла они должны были пятиться назад вплоть до самой двери, так как ритуал представления императору запрещал повертываться к нему спиной.

Выйдя из дворца, члены русской миссии переглянулись с недоумением: а как же с оружием? Но их тут же предупредили, что сейчас этим вопросом будет заниматься сам император. Опять несколько дней прошло в бесплодном ожидании.

И только спустя много дней военный министр как о высочайшей милости сообщил им, что представилась возможность переуступить России 35 тысяч винтовок, заказанных в Японии Мексикой. Это была жалкая цифра, но русские войска испытывали такой голод в оружии, что отказываться от этих винтовок было, по крайней мере, неразумно.

«Мексиканские» винтовки оказались в хорошем состоянии, но они были сделаны под маузеровский патрон, калибром в 7 мм. Японское же правительство отпускало на каждую винтовку всего по двести патронов. Это походило на насмешку. Двести патронов могло хватить одному стрелку всего на несколько часов хорошего боя. Русские же патроны для этих винтовок совершенно не годились. Федоров настоял на телеграфном запросе в Петербург. На другой же день был получен ответ: «Немедленно закупайте отпускаемые винтовки». Очевидно, положение на фронте за это время еще более ухудшилось.

Миссия заключила соглашение на приобретение «мексиканских» винтовок, но получить их оказалось не так просто. В Токио уже несколько дней жили военные представители из Мексики, а в ближайшем порту стоял их пароход, пришедший за винтовками. Винтовки формально уже были приняты мексиканцами. Но для японцев ничего не стоило в одну из ночей сорвать с дверей склада мексиканские печати и перетащить винтовки на русский пароход, который тотчас же и отплыл во Владивосток.

На другой день Федоров был свидетелем неприятной сцены. Возмущенные мексиканцы жаловались, что им теперь нельзя вернуться на родину, так как их заподозрят в продаже оружия и расстреляют как изменников. Но японские чиновники на эти доводы не обращали никакого внимания...

Скоро, однако, выяснилась истинная причина жалкой «мексиканской подачки». Передача «мексиканских» винтовок русским была придумана для того, чтобы притупить внимание миссии, так как именно в эти дни обещанные ранее России винтовки Арисака грузили на английские и французские суда в том же порту Иокогама, откуда отбыл русский пароход. Так платили англичане и французы своим союзникам, принесшим колоссальные жертвы на полях сражений в Восточной Пруссии ради спасения положения на Западном фронте...

После длительных переговоров Япония согласилась отпустить России 300 тысяч винтовок Арисака. Хотя винтовки эти были старые, образца 1897 года, все же члены миссии расценивали приобретение их как большую помощь для русской армии. Нужно было лишь спешно перебросить оружие в Россию. Но тут-то миссии и открылся второй лик Януса. Оказалось, что винтовки эти разбросаны по всем гарнизонам Японии. Их нужно было собрать, свезти в места отправки, от-

ремонтировать, так что первая партия в количестве семидесяти тысяч могла быть передана миссии лишь в ноябре, а остальные не раньше декабря.

Каждому из членов миссии стало ясно, что эта волокита придумана умышленно. К тому же японцы сообщили, что они могут отпустить не больше ста патронов на винтовку. Это было явным издевательством, но другого выбора у миссии не было. Поставив в известность военного министра России и получив согласие, Федоров начал осмотр и приемку винтовок. Он надеялся, что эти винтовки в России могут быть использованы в тыловых частях, а освободившиеся, мосинские, будут отправлены на фронт.

Федорова возили на военные заводы и склады, но при этом он был окружен непроницаемой стеной охраны и ничего не видел, кроме приготовленных для него винтовок. Японцы тщательно оберегали свои военные тайны и секреты, и это было полной противоположностью той беспечности, которая царила в России, где на военные заводы могли проникать все, кто хотел.

Федоров занимался приемкой винтовок один, так как остальные члены миссии не были оружейниками. Ему приходилось работать по 12—15 часов в сутки. Его трудолюбие удивляло японцев. Благодаря этим усилиям первую партию винтовок удалось принять раньше намеченного срока. 6 ноября 1914 года из Иокогамы был отправлен в Россию первый пароход с дорогим грузом.

Винтовки, предназначенные для отправки в Россию, сосредоточивались на складах разных портовых городов. Федоров беспрестанно переезжал с места на место.

Одна партия винтовок оказалась в южном городке Симоносеки. В вечерние часы у Федорова оставалось немного времени для отдыха. Он любил подниматься в горы и там, усаживаясь на камень под низкой японской сосной, отдыхать, глядя на распахнувшийся перед ним Цусимский пролив. В эти минуты вспоминались ему стихи Брюсова:

Где море, сжатое скалами,
Рекой торжественной течет,
Под знойно южными волнами
Изнеможден, почил наш флот...

Перед ним вставала печальная картина Цусимского боя, трагическая гибель почти всей второй Тихоокеанской эскадры. Федоров понимал, что в поражении при Цусиме виноваты не храбрые русские матросы и рядовые офицеры. Ведь экипажи отдельных кораблей и в этом и в других боях вели себя

геройски. Кто не помнит подвига «Варяга»? «В поражении при Цусиме,— думал он,— как и во всех поражениях в русско-японской войне, виноваты бездарное царское правительство и его ставленники типа адмирала Рождественского и генерала Стесселя. А может,— размышлял Федоров,— они повинны и в поражениях нынешней войны, оставив русскую армию без оружия и боеприпасов...»

По окончании приемки оружия в Симоносеки Федоров должен был выехать в Кобе, а оттуда по железной дороге в Токио. Как и было условлено, он получил в кассе оставленный для него билет и спросил у стоявшего тут же японца по-французски:

— Где останавливается катер, идущий к пароходу, отправляющемуся в Кобе?

Японец любезно указал ему на стоящий у причала катер и даже проводил Федорова до трапа. Через несколько минут Федоров очутился на большом пароходе, который шел в открытое море. Федоров уселся на палубе и стал наблюдать за удаляющимся живописным берегом. Заметив по соседству европейца, он спросил:

— Когда мы будем в Кобе?

— В Кобе? — удивился европеец.— Мы плывем в Америку, в Сан-Франциско.

Федоров вскочил как ужаленный и бросился к капитану, моля остановить пароход и отправить его, Федорова, на шлюпке до берега.

Уже потом он понял, что «ошибка» эта произошла не по его оплошности, а была подготовлена заранее. Германским шпионам было очень важно заслать приемщика оружия для России за 10—12 тысяч верст от Японии и подвести под расстрел.

В начале декабря, когда приемка оружия заканчивалась, неожиданно пришла телеграмма из Петербурга. Начальник Главного артиллерийского управления требовал немедленного выезда Федорова в Россию.

Конструктору предстояла новая командировка.

2

По возвращении из Японии Федоров немедленно был вызван к генералу Беляеву — начальнику Главного управления Генерального штаба.

Беляев, высокий, сухощавый человек, с бледным, безжизненным лицом, принял его официально.

— Полковник Федоров, ввиду крайне тяжелого положения в армии из-за недостатка винтовок, вам надлежит немедленно выехать на северо-западный фронт и организовать там сбор и ремонт винтовок. Размах войны перепутал все наши расчеты. От ваших стараний будет зависеть очень многое.

Рассказав о положении с оружием на фронтах, Беляев добавил:

— Инструкцию и документы получите у моего помощника. О вашей работе доносите по телеграфу. Желаю успеха...

Федоров вышел. Ему необходимо было представить себе со всей ясностью картину состояния вооружения армии, и он поспешил в Главное артиллерийское управление, где был своим человеком.

Вот что говорили цифры, представшие перед его взором: из шестисот тысяч винтовок, запроектированных Генштабом на пополнение убыли в период войны, около 200 тысяч нужно было передать Сербии и Черногории и не менее 100 тысяч большому количеству мобилизованных, призванных сверх штата. Средняя же убыль оружия на фронтах составляла 200 тысяч винтовок в месяц. Следовательно, запасов, предусмотренных Генштабом, могло хватить лишь на полтора месяца, а война длилась уже около полугода. Чтобы не оставить русских солдат совсем безоружными, винтовки отбирались у запасных батальонов, находившихся в тылу, и перевозились на фронт. Призванные же в запасные батальоны проходили обучение с палками и, попадая на фронт, совершенно не умели обращаться с винтовками.

Ничтожный приток винтовок из запасных батальонов не мог пополнить их колоссальной убыли на фронте. Военные заводы, обязанные поставлять по плану Генштаба шестьдесят тысяч винтовок в месяц, только налаживали военное производство и в декабре 1914 года вместо запланированных 60 000 сделали лишь 33 000 винтовок. Перед войной за 1913 год все военные заводы изготовили лишь 5435 винтовок и 58 600 карабинов. 300 000 японских винтовок, распределенные взамен мосинских по пограничным частям и тылам, тоже не могли закрыть зияющую брешь в потерях оружия.

Такова была картина вооружения русской армии в начале 1915 года.

8 января Федоров прибыл в Седлец, где находился штаб северо-западного фронта. Положение с оружием в войсках фронта оказалось еще более катастрофическим, чем мог предполагать Федоров по сведениям, имевшимся в Петербурге. На фронте было сосредоточено 57 дивизий, а нехватка оружия

исчислялась в 320 тысяч винтовок. Таким образом, 21 дивизия числилась только на бумаге. Федоров был потрясен увиденным. Вот во что обошлась беспечность и беззаботность Генштаба!

Нужно было спешно найти выход из создавшегося положения. И Федоров в тот же день отправился на передовую. По дороге на фронт в вагоне он встретил нескольких знакомых офицеров. Они рассказали ему о страшном снарядном голоде, испытываемом артиллеристами. Отсутствие снарядов заставляло бездействовать русскую артиллерию. Настроение у фронтовиков было тяжелое. Они без стеснения разносили высшее командование и даже тех, кто сидел над ним...

В снежный буран и стужу на измученных лошадях Федоров добрался до первого армейского корпуса, входившего в состав второй армии. Начальником штаба корпуса оказался генерал Новицкий, братьев которого Федоров знал по Михайловскому училищу и офицерской стрелковой школе. Они разговорились.

— Потери оружия,— говорил Новицкий,— у нас поистине ужасающие. За пять месяцев войны корпус потерял до 4 тысяч убитыми, 20 тысяч ранеными и 29 тысяч без вести пропавшими. Так как ранеными винтовки почти во всех случаях бросаются, надо считать, что в корпусе потеряно несколько тысяч винтовок. Необходимо принять какие-то спешные и энергичные меры...

Федоров в сопровождении казака выехал в расположение 22-й пехотной дивизии и оттуда — в штаб 87-го пехотного полка. Полк стоял на передовых позициях. Штаб его помещался в низеньком, обгорелом домике, укрытом заснеженными деревьями.

— Командир полка ранен,— отрапортовал дежурный офицер, но, узнав, что Федоров с предписанием из Генштаба, пошел доложить.

Командир полка, бледный, исхудалый человек, лежал на походной кровати, около которой стояло свернутое полковое знамя. Несколько офицеров спали на соломе в другом конце комнаты, а трое сидели за чаем у маленького столика. Свеча, вставленная в бутылку, еле освещала их лица. Познакомившись с бумагами Федорова, командир заговорил глуховато, но приветливо:

— Давно ждали вашего приезда. С винтовками плохо. Поотбирали у обозных, собрали все, что осталось от раненых и больных, некоторое время перебивались. Сейчас беда. Собираем на поле боя под немецкими пулями.

— Я бы хотел, не мешкая, побывать в окопах,— сказал Федоров.

— Это мы сейчас устроим. Снарядите двух стрелков,— крикнул командир дежурному офицеру,— и проводите полковника в окопы.

Линия окопов проходила по краю широкой заснеженной равнины. На середине равнины, озаренной серебристым светом луны, виднелся неглубокий овраг, прорезанный речкой Равкой. За ним еле просматривались линия немецких окопов и проволочные заграждения.

Было тихо, морозно. Изредка кое-где вспыхивали выстрелы сторожевых патрулей и снова утихали. Федоров в сопровождении офицера направился вдоль окопов. На бруствере в небольших углублениях через каждые два-три шага лежали заснеженные винтовки. Изредка попадались часовые. Солдаты отдыхали и спали в укрытиях, устроенных тут же в окопах.

«Линия этих винтовок,— думал Федоров,— должна тянуться от Восточной Пруссии до границ Румынии, по всему необозримому фронту...»

В результате поездки в 1, 2 и 12-ю армии и тщательной проверки и изучения в передовых частях положения дела с оружием Федоров установил, что перед войной вопрос о сборе и исправлении оружия не был достаточно разработан. В «Положении о полевом управлении войск» говорилось, что сбором оружия должны руководить инспектора артиллерии в корпусах. Но эти лица очень мало интересовались стрелковым оружием, к тому же в их распоряжении не было никаких средств для сбора оружия и вывоза его с полей сражений. Имевшееся в частях «Положение о сборе оружия» было составлено недостаточно продуманно, оно не разрешало многих вопросов, и им никто не руководствовался. Объявленный в декабре 1914 года по фронту приказ за № 169, назначавший для руководства сбором оружия специальных штаб-офицеров, к приезду Федорова ни в одной из армий не был проведен в жизнь. Сбор оружия происходил в каждой части по-своему. Винтовки свозились в армейские сборные пункты и оттуда отправлялись в глубокий тыл для ремонта. Большие ремонтные мастерские существовали в Варшаве, Двинске, Вильно. Варшавская мастерская могла ремонтировать до 3000 винтовок в день, двинская — до 2000 в день.

Кроме этого, существовали и этапные мастерские в районах расположения армий. В них крайне нуждались войска, и они продолжали работать, несмотря на приказ по фронту весь ремонт оружия сосредоточить в больших тыловых мастерских. Этот приказ и подсказанная фронтовой обстановкой необходимость существования этапных мастерских не вязались друг с другом, создавали путаницу.

Ознакомившись с работой мастерских, Федоров убедился в их целесообразности. Эти мастерские были нужны армиям как воздух. Они производили быстрый ремонт оружия, и винтовки через день-два попадали в части. Федоров по возвращении в штаб фронта решительно выступил в защиту армейских передовых мастерских.

Внимательный осмотр огромного количества винтовок на передовых позициях, собранных на поле боя, убедил Федорова в том, что ремонт подавляющего большинства этих винтовок может быть произведен в этапных ремонтных мастерских.

Он разработал новое «Наставление для сбора винтовок» и составил «Положение для мастерских», где определялась их роль и взаимоотношения между различными мастерскими, с тем чтобы не делать сильной ломки в том, что уже существовало. В этих «Положениях» указывалось, какие меры следует принимать для сбора и ремонта оружия в наступательных, отступательных и позиционных боях.

При наступлении воинские части могли собирать все оружие убитых и раненых, как свое, так и противника, но для вывоза его не было лошадей. И Федоров предусмотрел средства транспортировки оружия.

23 февраля 1915 года по северо-западному фронту был объявлен специальный приказ за № 691 о сборе оружия. Этим приказом во всех дивизиях и бригадах назначались ответственные офицеры по сбору оружия. В распоряжение каждого из них передавалось 60 солдат и 5 стражников для непосредственного сбора оружия, а также выделялись специальные денежные средства для расчетов с населением, привлеченным к сбору оружия. Кроме того, приказ обязывал все полки выделять после боя по взводу солдат и по нескольку подвод для сбора винтовок. Осмотр оружия должны были вести специально назначенные в армиях штаб-офицеры. Их же обязывали осуществлять и общее наблюдение за сбором и ремонтом оружия.

Федоров составил подробную докладную записку о передовых мастерских, где указывалось: сколько таких мастерских следует создавать в армии, как выбирать место для их

расположения, какое для этих целей лучше приспосабливать помещение. Далее следовали указания о личном составе мастерских, оборудовании и инструменте, запасных частях на оружие и т. д.

Усилия Федорова не пропали даром. С половины марта по 15 апреля 1915 года по северо-западному фронту было собрано больше 123 тысяч винтовок.

Армейские передовые мастерские полностью оправдали себя. Теперь винтовки чинились вблизи от передовой, что совершенно не требовало затраты времени на их транспортировку.

Через некоторое время армейские передовые мастерские смогли ремонтировать ежемесячно до 100 тысяч винтовок. Если бы эти винтовки отправлять для ремонта в глубокий тыл, как делалось раньше, то потребовалось бы несколько месяцев, а в армии в это время бездействовало бы около трех корпусов.

Важность создания передовых оружейных мастерских была настолько очевидна, что приказом ставки они начали организовываться на всех фронтах и сыграли немалую роль в деле вооружения войск.

3

Около девяти месяцев провел Федоров на фронте, создавая этапные оружейные мастерские, организуя сбор и ремонт винтовок. Он работал день и ночь, лично инспектируя мастерские, обучая людей, но потери винтовок настолько превосходили их пополнение, что русскую армию едва ли можно было считать вооруженной хотя бы наполовину. Это и было одной из причин отхода русских войск по всему фронту, начавшегося летом 1915 года.

Чтобы остановить движение до зубов вооруженных германских армий, нужны были винтовки, пулеметы, пушки и огромное количество боеприпасов. И тогда была предпринята вторичная попытка получить помощь от союзников.

В конце сентября 1915 года Федоров был отозван с фронта и, как специалист по оружию, получил назначение членом военной миссии адмирала Русина, отправлявшейся в Лондон на конференцию союзников.

— Наконец-то,— говорили Федорову друзья,— Россия получит надлежащую помощь и сможет начать наступление.

Но Федоров, имевший однажды дело с «союзниками», весьма мало надежд возлагал на предстоящие переговоры.

Когда он познакомился с остальными членами миссии, мнение это в нем укрепилось окончательно. В задачу миссии входило договориться с союзниками о помощи русской армии вооружением: винтовками, пулеметами, тяжелыми орудиями и главным образом снарядами. В составе миссии кроме Федорова оказались три моряка, один чиновник, один инженер, один офицер Генерального штаба и не было ни одного специалиста по снабжению армии вооружением.

Уже перед самым отъездом Федорову вручили перечень предметов, подлежащих заказу за границей, с краткими пояснениями, для чего они требуются. Ехать с такой грамотой на межсоюзническую конференцию — значило выступать там в роли простого курьера. Федоров немедленно направился в Главное артиллерийское управление и потребовал, чтобы вместо него послали более осведомленного в делах снабжения человека. Но такого человека не нашлось.

К счастью, до отъезда еще оставалось два дня. Федоров пришел домой и всю ночь просидел за подготовкой необходимых сведений. В перечне значилось: чертежи тех предметов, которые подлежали заказу, их описания, технические условия на прием, доклады от фронтов и армий в высшие правительственные и военные инстанции о потребности в орудиях, боеприпасах, порохе, винтовках, пулеметах, патронах, дистанционных трубках, взрывателях и многом другом. Далее требовались копии заказов военным заводам на различное оборудование; инструменты и материалы, которые должны быть заказаны за границей, и сроки их поставки. Затем шел список различных справок, выписок, выкладок...

Все отделы ГАУ[1] были поставлены на ноги, и требуемые Федоровым материалы на следующий день были готовы.

Нечего было и думать ознакомиться с ними за оставшееся время, но Федоров решил, что у него достаточно будет времени в дороге.

На следующий день вместе с другими членами миссии он выехал в Архангельск, куда должен был прийти за ними английский крейсер.

Англичане в этом отношении оказались удивительно пунктуальными. Едва русская делегация вышла из вагона, как на архангельском рейде показалась серая громада крейсера «Арлянц». Немедленно был снаряжен катер, и все члены русской делегации перебрались в удобные каюты крейсера. Капитан «Арлянца», не медля ни минуты, развернул крей-

[1] ГАУ — Главное артиллерийское управление.

сер и без единого гудка вышел в море, взяв курс к берегам Англии.

Владимир Григорьевич поразился роскошной отделке внутренних помещений крейсера. Его каюта была похожа на салон.

— Почему на военном корабле такой комфорт? — спросил он Русина.

— Англичане позаботились о нашем удобстве,— улыбнулся Русин.— Этот крейсер перед войной был трансатлантическим пароходом первого класса...

Владимир Григорьевич расположился за письменным столом и углубился в изучение документов.

Крейсер развил скорость до 22 узлов, и качки почти не чувствовалось. Но когда проходили гирло Белого моря, крейсер резко замедлил ход. Федоров вышел на палубу. Был сумрачный день. На серой, украшенной белыми барашками равнине моря виднелись шесть маленьких корабликов. Это тральщики очищали путь от мин, расставленных немцами. Дул северный леденящий ветер. Суровое море навевало тоску. Федоров снова спустился в каюту.

Остаток дня и всю ночь крейсер медленно пробирался следом за тральщиками. Утром командир тральщиков явился к капитану «Арлянца» и доложил, что путь свободен. Крейсер, развив прежнюю скорость, вошел в Северный Ледовитый океан.

Владимир Григорьевич сидел за своими бумагами довольный тем, что ему наконец представилась возможность хорошенько изучить запросы армии.

Ровно в 12 часов позвонили к завтраку. Владимир Григорьевич спустился в нижнюю столовую, где уже собрались все члены миссии. Они попивали вино и вели непринужденный разговор. И вдруг страшный громовой удар потряс крейсер. Звон разбитой посуды, тревожные гудки — все слилось в сплошной гул. Федоров вскочил и, почувствовав, что пол наклонился, понял: крейсер тонет.

— Все наверх! — скомандовал Русин и бросился на палубу. Федоров побежал за ним. Там была страшная толкучка. Обезумевшие люди прыгали в спускавшиеся шлюпки, надевали спасательные пояса и с трехэтажной высоты бросались прямо в пучину.

Один конец спускаемой шлюпки, в которой оказался Федоров, сильно опустился, и из нее посыпались люди. Он судорожно вцепился в скамейку и удержался. Когда шлюпки оказались на волнах и матросы налегли на весла, у Федорова

появилась надежда на спасение. В этот миг тяжелая волна сбила его с сиденья, и, если б не сильные руки матросов, он упал бы в воду.

Услыхав яростные гудки тонущего «Арлянца», тральщики вернулись и начали подбирать тонущих.

Когда Федоров, окоченевший от холода, оказался на борту тральщика, он еще раз окинул взглядом огромный остов крейсера с вздыбленной кормой и погруженным в пучину носом.

Окончательно он успокоился уже на пароходе, который подошел к месту бедствия. Там оказались и другие члены русской делегации, подобранные в море. Всех их доставили в находящуюся поблизости бухту Святого Носа.

Скоро туда был прибуксирован и торпедированный крейсер, под пробоины которого подвели пластыри. Все члены делегации перебрались в свои каюты, и Федоров опять засел за изучение материалов.

Его привело в замешательство то обстоятельство, что потребность русской армии исчислялась лишь до 1 января 1917 года. Очевидно, в высших военных кругах непоколебимо верили, что война закончится не позже, чем через полтора года. Из этого следовало, что Федоров не может размещать заказы, которые не будут выполнены в эти сроки. Положение его усложнялось. Дана была ясная директива — во что бы то ни стало заказать в Англии один миллион винтовок, тогда как добытые им документы говорили, что на покрытие одной убыли за 15 месяцев войны нужно было три миллиона винтовок, да еще для вооружения запасных батальонов требовалось один миллион двести тысяч винтовок. И что совсем поразило Федорова — в ведомости совершенно не упоминались артиллерийские снаряды, хотя «снарядный голод» на фронте был еще сильнее, чем «винтовочный».

Чему же верить? Федоров терялся в догадках. И лишь тщательное изучение и сопоставление всех документов, которые он захватил в ГАУ, помогло ему восстановить истинную картину. Оказалось, что заказы на большую партию винтовок и артиллерийских снарядов были уже размещены, частично в России, частично за границей...

Вынужденное стояние в бухте Святого Носа помогло Федорову основательно подготовиться к предстоящей конференции.

Но вот наконец подошел новый английский крейсер и забрал членов русской миссии. Путешествие было опасным, так как крейсеру предстояло прорваться сквозь немецкую блокаду

и минные поля. Однако все обошлось благополучно. Через несколько дней члены русской миссии были уже в Лондоне.

23 ноября 1915 года в огромном специально обставленном круглом зале торжественной речью Ллойд-Джорджа открылась долгожданная конференция союзников. Ллойд-Джордж приветствовал делегатов на французском языке. Но вот он заговорил о помощи союзникам, чего с нетерпением ждал Федоров.

— Война застала нас врасплох. Англия располагала всего лишь двухсоттысячной армией. Сейчас наша армия доведена до двух с половиной миллионов. Оснащение этой громады войск требует колоссальных усилий. И это обстоятельство ограничивает наши возможности в оказании помощи союзникам...

Ллойд-Джордж воодушевился. Он говорил красиво, его бархатистый, густой голос звучал подобно музыке, но из всей его речи Федоров запомнил лишь одну фразу: «Это обстоятельство ограничивает наши возможности».

«Неужели,— думал Федоров,— здесь получится то же, что и в Японии?»

Вслед за Ллойд-Джорджем выступил тучный, но чрезвычайно подвижный человек Альберт Тома — министр снабжения Франции.

Он оказался еще более красноречив, чем Ллойд-Джордж, говорил о чести, о славе и доблести, о союзническом долге, о мужестве, о любви и верности, о чем хотите, но только не о помощи русским, которые не пышными фразами, а оружием и ценой жизни десятков тысяч своих солдат спасали Францию, когда кайзеровские дивизии рвались к Парижу.

Из пышных рулад Тома Федоров понял лишь то, что Франция теперь окрепла, у нее появилась мощная армия, превосходство над Германией в самолетах и что она горит желанием всемерно помочь своим союзникам. Но как и чем помочь, об этом французский министр умолчал.

Первое заседание произвело на Федорова тяжелое впечатление.

На следующих заседаниях выяснилось, что англичане и французы еще до приезда миссии адмирала Русина договорились «об оказании помощи» России. Казалось, такая галантность должна была тронуть русских. Однако они предпочли вначале ознакомиться с существом намечавшейся помощи.

Внешне все выглядело неплохо. Союзники передавали России больше миллиона винтовок. Из них: Франция —594 тысячи, Италия —400 тысяч и Англия —60 тысяч.

Однако при детальном изучении обещанной помощи выяснилось, что Франция согласна передать современных винтовок Лебеля всего лишь 39 тысяч, 105 тысяч магазинных устаревшей системы Гра-Кропачека образца 1887 года и 450 тысяч однозарядных винтовок системы Гра образца 1874 года. Италия передавала 400 тысяч магазинных винтовок системы Веттерли образца 1879—1887 годов. Патроны были с бездымным порохом. Англия же превзошла всех искусством маневра — она передавала России 60 тысяч винтовок Арисака, вырванных в Японии из-под носа у русской военной миссии год тому назад.

Федоров был глубоко возмущен этим решением; России бросались крохи, которые сметают со стола,— ей отдавали ненужное оружие. К тому же разные системы вносили разнобой в снабжение патронами. Но спорить было бесполезно. Между Англией и Францией существовала твердая договоренность, и поколебать ее никто не мог.

В вопросе снабжения русской армии пушками и пулеметами никакой договоренности достигнуто не было, но англичане в виде чрезвычайной милости сделали красивый жест — они согласились передать России контракты на 32 тысячи пулеметов, заказанных ими в Америке. Эти пулеметы Англии были совершенно не нужны, так как их армию с избытком обеспечивали собственные заводы. К тому же и сроки поставок этих пулеметов по контрактам были очень отдаленные.

«Осчастливленная» русская миссия через некоторое время уезжала домой. Соблюдался ритуал союзнической дружбы. Военный министр лорд Китченер устроил им любезный прием, затем члены миссии были представлены королю.

Все эти встречи и приемы Федорову были тягостны. Под восторженной улыбкой он видел лицемерие и ехидство. Англия мало чем отличалась от двуликого Януса. Федоров всей душой рвался домой, в Россию.

Однако накануне отъезда была получена срочная телеграмма из Петербурга, предлагавшая миссии немедленно выехать во Францию.

В Париже, как и в Лондоне, членам русской миссии предстояло много встреч, визитов, совещаний, бесед. Но прежде всего они предпочли увидеться с русским военным агентом полковником Игнатьевым, впоследствии написавшим книгу «50 лет в строю». Игнатьев в то время вел большую работу по размещению русских военных заказов на французских заводах. Он сообщил, что значительные партии французских

винтовок, отпускаемых России, уже свезены в порты, а часть их даже отправлена в Архангельск. Из рассказов Игнатьева выяснилось, что французская армия в настоящее время отлично оснащена всем необходимым и французы без всякого ущерба могли бы отпустить России часть современного вооружения из своих запасов.

На другой день члены русской миссии выехали в городок Шантильи, где находилась штаб-квартира главнокомандующего французской армией генерала Жоффра. Дорога пролегала в полосе недавних боев, вошедших в историю под названием «великой битвы на Марне».

Всюду виднелись страшные разрушения: остатки городов и селений представляли собой груды камня и пепла. Тут же валялись обломки железа, дерева, кирпича. Некогда цветущая, живописная земля была опутана колючей паутиной проволочных заграждений...

Жоффр, полный, розоволицый старик, с большими строгими глазами, принял миссию в своем кабинете с обычной французской галантностью. Он сочувственно выслушал жалобы русских на весьма «скромную» помощь союзников, но сразу же дал понять, что это не его дело. Затем в целях более обстоятельного ознакомления гостей с положением на западном фронте он любезно предложил им выехать в расположение передовых частей.

Члены миссии пробыли в ставке Жоффра несколько дней. За это время Федорову удалось выяснить, что на западном фронте союзники сосредоточили 11 армий, более трех с половиной миллионов человек.

— Вы теперь обладаете огромной силой,— говорил он прикомандированным к миссии офицерам-французам.

— О да,— соглашались те,— но в четырех пунктах Франции еще формируются 13 дивизий.

«Для этих дивизий,— прикинул Федоров,— потребуется примерно 130 тысяч винтовок, а Игнатьев уверял, что французские оружейные заводы выпускают ежемесячно 100 тысяч винтовок. Следовательно, французы могли бы оказать России значительную помощь и новыми винтовками...»

На фронте Федорова поразила большая скученность войск. Ведь все три с половиной миллиона солдат союзных армий были сконцентрированы на пространстве не более 700 километров длиной. Густота войск давала возможность французам на каждую дивизию, стоявшую на передовых позициях, держать вторую на отдыхе. Федорову вспомнилась огромная протяженность восточного фронта и тяжелая участь русских

солдат, которые и в грязь, и в стужу сидели в окопах, не видя ни отдыха, ни смены.

Объезжая разные участки западного фронта, русская миссия побывала и в Дюри, где располагался штаб генерала Фоша, командовавшего в то время группой войск из трех армий.

Небольшого роста, жилистый, живой, будущий главнокомандующий союзными армиями быстро поднялся из-за стола и поспешил навстречу гостям с веселым восклицанием:

— Когда же вперед? Когда же все вместе вперед?..

Он сыпал вопросы, спрашивал о вооружении, о состоянии русских армий, интересовался настроением солдат и командного состава, словно не сегодня-завтра собирался начать всеобщее наступление.

В тот же вечер в сопровождении офицеров из штаба Фоша русские представители выехали на передовую, в расположение десятой армии. Федоров вместе со своим провожатым попал на участок семидесятой дивизии. Пространство в 1600 метров, занимаемое дивизией, было изрезано окопами, перегорожено различными фортификационными сооружениями, увито колючей проволокой и до пределов забито всевозможным вооружением и войсками.

С наблюдательного пункта, расположенного на уцелевшей башне костела разрушенного селения Монт-Сент-Элуа, Федоров насчитал более двадцати рядов проволочных заграждений, прикрывающих подступы к французским окопам. Глубокими ходами сообщения он прошел в первую линию окопов и удивился, что они почти пусты, лишь на почтительном расстоянии друг от друга в небольших укреплениях сидели пулеметчики и наблюдатели, снабженные перископами.

У многих пулеметчиков Федоров заметил ручные пулеметы системы Шоша, только что введенные во французской армии. Этот легкий пулемет обладал скорострельностью в 150—200 выстрелов в минуту и мог с успехом заменить 15 стрелков. Французы берегли солдат. Основная масса стрелков находилась во второй линии отлично устроенных укреплений, где им не грозила даже полевая артиллерия. Федоров позавидовал французам, широко применившим автоматическое оружие.

Скоро заговорила германская артиллерия. Вслед за ее огнем следовало ждать вылазки пехоты, но во французских окопах не прибавилось ни одного стрелка, только пулеметчики приготовились к отражению атаки...

Здесь, в окопах у Монт-Сент-Элуа, Федоров воочию убедился в огромном преимуществе автоматического оружия. Ведь такое оружие русские оружейники сделали раньше немцев и раньше французов, но оно по воле твердолобых правителей продолжало ржаветь в подвалах Сестрорецкого завода. Как хотелось Федорову вытащить этих правителей сюда, в окопы, под германские пули, и дать им в руки допотопные винтовки системы Гра, которые «верные» союзники отправляли сейчас в помощь русской армии, заменив их у себя пулеметами.

Наблюдая за действиями пулеметчиков, Федоров заметил, что наиболее маневренным, удобным и верным оружием являются ручные пулеметы. И он задумался над тем, чтобы по возвращении на родину переделать свою автоматическую винтовку в тип оружия, близкий к ручному пулемету,— в ружье-пулемет.

Федоров побывал во многих подразделениях у французов и англичан. И всюду он видел обилие пушек, мортир, пулеметов. Вдоль позиций были проложены четыре линии железных и шоссейных дорог, что давало командованию возможность немедленно перебрасывать большие группы войск в места прорыва. Офицеры союзников хвалились, что они могут выпускать по противнику больше снарядов, чем немцы, так как запасы союзников в десятки раз превосходили установленные нормы. Федоров смотрел на вооружение и снаряжение союзных войск, лежащие сплошными штабелями, с болью в сердце. Этого изобилия боевой техники не было бы у французов и англичан, если бы русские не предоставили им почти полуторагодовую передышку, ведя в это время кровопролитные бои по всему восточному фронту.

«Огромные запасы вооружения и снаряжения союзников,— думал Федоров,— куплены кровью русских солдат. И вот сейчас, когда русские войска, изнуренные беспрерывными боями, просят союзников оказать помощь в оружии, им швыряют старый заржавленный хлам». Чувство глубокой обиды и возмущения не покидало Федорова ни на минуту, пока он находился на западном фронте.

Перед самым отъездом ему представился случай побывать у конструктора Шоша — изобретателя ручного пулемета, который Федоров видел в окопах.

Шоша, высокий, стройный полковник, с небольшими, аккуратно подстриженными усиками, встретил Федорова как собрата по творчеству. Он показал ему находящуюся в кабинете модель нового пулемета и предложил осмотреть мастер-

ские. Федоров вступил в просторное, чистое, залитое светом помещение. Вместо окон в нем оказались стеклянные стены и такой же стеклянный потолок. Прекрасные станки стояли на кафельном полу. Рабочие были одеты в комбинезоны.

— Да это не мастерская, а лаборатория! — воскликнул Федоров.

— Иначе нельзя,— сказал Шоша.— Мы делаем новое оружие.

В этой короткой фразе был большой смысл.

«Как жалко,— подумал Федоров,— что мои «сиятельные» соотечественники не сумели понять в свое время этой простой истины, иначе мы сейчас, очевидно, не ездили бы с унизительными миссиями и не клянчили бы у союзников старый хлам для вооружения русских, беспримерных по храбрости солдат».

РУССКИЕ АВТОМАТЫ

Вернувшись с западного фронта, Федоров подал начальству большой доклад о результатах поездки в Англию. Приводя десятки примеров, он доказывал необходимость немедленного производства в России автоматического оружия, главным образом ручных пулеметов, и настаивал на спешной постройке пулеметного завода. Себя же он просил освободить от дальнейших поездок и предоставить ему возможность отдаться конструкторской работе, чтобы переделать автоматическую винтовку в ружье-пулемет.

Предложения Федорова получили одобрение в Главном артиллерийском управлении. Было дано разрешение на переделку его автоматической винтовки в ручное ружье-пулемет. Одновременно последовало увеличение заказа на изготовление ручных пулеметов и было вынесено постановление о постройке в России специального завода для изготовления ручных пулеметов.

Сам Федоров был назначен помощником начальника оружейных, патронных и трубочных заводов, то есть получил возможность лично содействовать осуществлению своих предложений. В докладе конструктор писал, что Россия в этой войне должна больше рассчитывать на собственные силы, чем на помощь союзников. Описывая колоссальные запасы военного снаряжения, сконцентрированные на западном фронте, Федоров подверг критике союзников за их упорное нежелание оказать существенную помощь России.

У Федорова сложилось совершенно определенное мнение о союзниках, он смотрел на них не иначе как на скрытых, хорошо замаскированных врагов. Через двадцать с лишним лет его взгляды подтвердились полностью. Вот что писал впоследствии Ллойд-Джордж в своих мемуарах:

«Горькие упреки удивленных английским равнодушием русских офицеров, солдаты которых погибли вследствие недостатков снаряжения, справедливы по существу. История предъявит счет военному командованию Англии и Франции, которые в своем эгоистическом упрямстве обрекли своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских...»

«Мы могли бы,— писал далее Ллойд-Джордж,— не ограничивая наших собственных потребностей, вдвое увеличить число имевшихся в России средних и тяжелых снарядов и более чем утроить их ничтожные запасы легких снарядов. Мы могли бы доставить русским необходимое число винтовок и пулеметов...»

А вот что он писал о Франции, для спасения которой русские не только принесли огромные жертвы на восточном фронте, но даже послали свои экспедиционные войска на ее территорию:

«...Пока русские армии шли на убой под удары превосходящей германской артиллерии и не были в состоянии оказать нужное сопротивление из-за недостатка ружей и снарядов, французы копили снаряды, как будто это было золото, и с гордостью указывали на огромные запасы снарядов, готовых к отправке на фронт. В ответ же на предложение об оказании помощи России они отвечали: «Нам нечего дать».

Причины такого отношения союзников к России, главным образом Англии, впоследствии со всей откровенностью выболтал начальник генерального штаба Англии Вильям Робертсон. В меморандуме от 31 августа 1916 года, опубликованном тем же Ллойд-Джорджем, он писал:

«В течение многих столетий — хотя, к сожалению, не всегда — целью английской политики было поддержание равновесия между континентальными державами, которые всегда делились на враждебные лагери. Одно время центр тяжести европейской политики был в Мадриде, в другой период — в Вене, в третий — в Париже, в четвертый — в Петербурге. Мы разбили или помогли разбить по очереди каждую державу, которая претендовала на гегемонию в Европе, и одновременно расширяли собственную область колониального господства.

Если мы должны поддерживать европейское равновесие, то мы заинтересованы в существовании сильной державы в центральной Европе. И этой державой должно быть германское, а не славянское государство, так как последнее всегда будет тяготеть к России; тем самым Россия приобретает господствующее положение и, таким образом, будет уничтожен принцип, который мы стремимся сохранить...»

Враждебной политики Англии, проводимой на протяжении всей империалистической войны, прикрытой кое-какими «подачками», не замечали только самодержавные правители России; для большинства офицеров и даже солдат, которые испытывали на себе «помощь» союзников, эта политика была совершенно ясна.

Многочисленные донесения Федорова в Главное артиллерийское управление еще с русского фронта о преимуществах автоматического оружия наконец возымели свое действие. Оружейные конструкторы Токарев, Рощепей и другие были отозваны с фронта на Сестрорецкий завод и хотя с большим опозданием, но все же взялись за окончание прерванных войной работ. Это было в конце 1915 года, как раз в то время, когда Федорова командировали в Англию. О судьбе его изобретения позаботился Филатов, назначенный начальником офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме.

По настоянию Филатова, все полуфабрикаты деталей федоровских винтовок были извлечены из подвалов Сестрорецкого завода и привезены в Ораниенбаум. Туда же был вызван бессменный сотрудник Федорова слесарь Василий Дегтярев. Под руководством Дегтярева в оружейной мастерской офицерской школы началась сборка и доделка автоматических винтовок Федорова.

Сам Федоров вернулся с западного фронта в начале января 1916 года. Более полутора лет он находился в беспрерывных разъездах, занимаясь поисками оружия для русской армии. За это время он почти не видел ни жены, ни отца, который был уже в преклонном возрасте. Но едва ли меньше, чем расставание с родными, его томила разлука с любимыми винтовками, плодом его многолетних трудов.

На другой же день по прибытии из Франции Федоров направился в Ораниенбаум, где собирались его автоматические винтовки. Крепко пожав руку Филатову, он поспешил в мастерскую, чтобы увидеть неизменного друга и товарища по работе Василия Дегтярева.

Тот показал ему партию только что собранных и отлаженных винтовок.

— Вот, Владимир Григорьевич, полюбуйтесь, работают как часы.

Осмотрев винтовки, Федоров поблагодарил Дегтярева за усилия и, озабоченный, уселся на стул. На глазах его блестели слезы.

— Чем же вы недовольны, Владимир Григорьевич? — спросил Дегтярев.

— Обидно, Василий, больше полутора лет пропало даром. Какую бы помощь могли оказать за это время наши винтовки русской армии! Сколько бы солдат они спасли от смерти!..

— В этом не ваша вина, Владимир Григорьевич,— старался успокоить его Дегтярев.

— Теперь уже поздно искать виноватых,— сокрушенно вздохнул Федоров,— надо думать лишь о том, чтобы впредь не получилось такого позора.

— Это о чем вы, Владимир Григорьевич?

— Думаю опять переделывать винтовку. Хочу создать ружье-пулемет. Такое оружие более всего сейчас необходимо на фронте...

И Федоров со всеми подробностями рассказал Дегтяреву об оружии, виденном им на разных фронтах, и о своих замыслах по переделке старого образца.

Через несколько дней он о том же самом докладывал в артиллерийском комитете. На этот раз Федоров говорил с глубокой убежденностью, с непоколебимой верой в свое дело. Каждое слово он подкреплял примерами и фактами, цитируя таблицы и выкладки об огне нового вида оружия, его скорострельности...

— Война,— говорил он,— выявила тенденции сокращения прицельных дистанций для винтовок. С появлением станковых пулеметов для винтовок остались близкие цели не более чем в 1200 метров вместо прежних 2000—2500 метров. Условия войны требуют изготовления более короткого оружия, чем винтовка, для удобства действия в окопах. Наконец, самое главное,— продолжал он,— при наступлении стало необходимо применение интенсивного огня, чего никак не могут дать ни винтовки с их редкой стрельбой, ни пулеметы с тяжелой маневренностью. Короче, назрел вопрос о создании нового типа автоматического оружия — ручного ружья-пулемета. Это ружье-пулемет, будем говорить сокращенно — автомат, можно сделать из моей автоматической винтовки.

Члены комитета внимательно слушали Федорова. Многие из них понимали, что создание такого оружия имеет теперь первостепенное значение.

— Это потребует,— продолжал Федоров,— укорочения длины ствола с 800 до 520 мм, установления прицельных дистанций до 1000 метров благодаря соответствующей нарезке прицела, приспособления спускового механизма для одиночной и непрерывной стрельбы и, наконец, замены постоянного магазина вставным на 15—25 патронов. Все работы могут быть выполнены в предельно короткие сроки, так как спусковой механизм для одиночной и непрерывной стрельбы был разработан уже в варианте 1911 года и может быть поставлен в ружье-пулемет.

Предложение Федорова встретило горячую поддержку всех членов комитета, и особенно Филатова, ставшего к тому времени генералом и видным специалистом по теории стрельбы. Решено было немедленно предоставить Федорову возможность осуществить свое изобретение.

Опять Федоров и Дегтярев включились в работу.

В течение месяца они изготовили из федоровских винтовок несколько автоматов под русский винтовочный патрон, а также и под японский патрон калибра 6,5 мм, такой же, как патрон с улучшенной баллистикой, созданный Федоровым перед войной. Японские патроны пришлось взять потому, что федоровские во время войны трудно было изготовить. Автоматы, сделанные под японский патрон, были переданы в авиационные соединения и при испытаниях показали хорошие результаты.

Летом 1916 года в Ораниенбауме в офицерской стрелковой школе началось спешное формирование и обучение первой команды русских автоматчиков.

Наконец-то мечта Федорова осуществилась. Он часто приезжал в Ораниенбаум, сам обучал солдат и офицеров стрельбе из автоматических винтовок и автоматов, давая им советы.

По настоянию Федорова команда была снабжена всеми новейшими техническими приборами: снайперскими прицелами, перископами, биноклями и переносными щитами для укрытий.

Через несколько месяцев эта команда, вооруженная автоматическим оружием Федорова, отправлялась на фронт.

Федоров приехал в Ораниенбаум как раз в то время, когда команда в боевом снаряжении была построена в большом манеже школы.

Филатов, подтянутый и торжественный, быстрым шагом обошел фронт и поздоровался с бойцами. Потом, выйдя на середину зала, он обратился к команде с краткой напутственной речью:

— Молодцы! Вам первым принадлежит честь выступить против врага с новым, скорострельным оружием, созданным русскими оружейниками. Разите им врага, как учили вас здесь, в стрелковой школе, и пуще зеницы ока берегите свое оружие...

Затем команду сфотографировали вместе с Федоровым и Филатовым, и она двинулась в путь.

Выпавший с утра снег запорошил дорогу. Был небольшой мороз. Одетые в серые шинели, теплые папахи и рукавицы, с автоматическими винтовками и автоматами, спрятанными в чехлы, солдаты шли бодрым шагом. За ними двигался обоз со снаряжением и продовольствием.

Федоров, преисполненный гордости, что его десятилетние труды не пропали даром, шагал рядом с солдатами по скрипучему снегу. Он был счастлив. Наконец-то русские воины выступают на фронт со своим, отечественным, автоматическим оружием. Он был горд тем, что именно в России, а не в какой-либо другой стране мира, был создан первый автомат, которому в последующих войнах суждено было стать главным оружием пехоты.

ВЕЛИКОЕ СОБЫТИЕ

Вскоре после отправки на фронт первой роты русских автоматчиков в оружейном отделе были получены сведения, что изобретенное Федоровым оружие хорошо показало себя в боях. Главное артиллерийское управление срочно заказало первую партию русских автоматов в количестве 15 тысяч экземпляров, а артиллерийский комитет возбудил ходатайство о выдаче изобретателю премии в размере 100 тысяч рублей. Узнав о решении артиллерийского комитета, Федоров поспешил в Сестрорецк, чтоб поделиться этой вестью с Дегтяревым.

В то время Дегтярев снова жил в Сестрорецке. У него была уже большая семья, которая с трудом могла существовать на скромный заработок мастера-оружейника. Измученный жизнью по частным квартирам, Дегтярев мечтал построить собственный домик и даже делал кое-какие попытки, но это оказалось ему не под силу.

«Наконец-то я смогу,— думал в дороге Федоров,— оказать помощь замечательному мастеру, не жалевшему сил для работы над винтовкой».

День был воскресный, и поэтому Федоров направился не на завод, а прямо на квартиру Дегтярева, надеясь застать его дома. Дегтярев в это время разгребал снег около ворот. Он очень обрадовался приезду Федорова и, воткнув лопату в сугроб, открыл калитку, приглашая гостя домой.

— Давайте пока посидим тут на лавочке,— сказал Федоров,— погода теплая, а мне очень редко случается бывать на воздухе.

Дегтярев согласился и, смахнув со скамейки свежий снежок, усадил Федорова.

— Я приехал, чтоб сообщить вам, Василий Алексеевич, одну новость,— заговорил Федоров,— есть надежда, что в скором времени я получу большую премию за автоматическую винтовку. Так вот, я считаю необходимым половину этой премии передать вам за вашу в высшей степени добросовестную и самоотверженную работу.

— Что вы, Владимир Григорьевич, да как же так? — растерянно спросил Дегтярев.

— Нет, нет, об этом не стоит и говорить, я уже подал в комитет прошение о выделении половины премии вам, так что о возражениях не может быть и речи.

Дегтярев был очень растроган.

— Душевно вас благодарю, Владимир Григорьевич!..

— Ну, разговор об этом окончен. Покажите-ка мне лучше свое изобретение. На этот раз мы, кажется, сможем поговорить без помех... Мне Филатов рассказывал...

Они вошли в тесную комнату, служившую Дегтяреву одновременно мастерской и спальней.

— Вот, Владимир Григорьевич, мой пятизарядный карабинчик,— говорил Дегтярев, разматывая промасленную тряпку и показывая ружье.— Делал по вечерам, в то время, когда вы были в командировках. Все детали выточил вот на этом ножном станке...

Федоров очень долго и внимательно рассматривал создание Дегтярева. Он разобрал карабин, оглядел каждую деталь, снова собрал, попробовал затвор, спустил курок. Потом перекинул карабин с руки на руку, определяя вес, прицелился: удобно ли,— и снова спустил курок. Дегтярев от нетерпения узнать отзыв учителя переступал с ноги на ногу, покашливал.

— Пробовали стрелять? — спросил Федоров.

— Стрелял, действует вроде исправно,— ответил Дегтярев.

— Поздравляю, Василий Алексеевич, это лучший из всех карабинов по легкости, компактности и удобству обращения,

какие мне до сих пор доводилось видеть. Надо во что бы то ни стало добиться его широких испытаний, посмотреть, как он себя покажет в стрельбе. Я завтра же напишу о нем свой отзыв...

Но, несмотря на поддержку Федорова и Филатова, это первое изобретение Дегтярева успеха не имело. Несмотря на хорошую идею в конструкции, оно оказалось еще очень несовершенным в исполнении.

В то время и признанное изобретение осуществить было почти немыслимо. Сколько сам Федоров пережил и испытал, прежде чем его автоматическая винтовка была отправлена на фронт, да и то лишь в ничтожном количестве. А из его автоматов, заказанных ГАУ Сестрорецкому заводу в количестве 15 000 штук, в царское время не было сделано ни одного. Признанное и испытанное в боях изобретение Федорова претерпело тяжелую участь. Прошло несколько месяцев, а обещанная премия продолжала обсуждаться в каких-то высших инстанциях...

В то время недовольство царским режимом широких народных масс достигло наивысшего предела. С новой силой разгорелись стачечное движение и массовые демонстрации рабочих в промышленных центрах. 26 февраля (11 марта) восстали почти все рабочие Петрограда, началось массовое братание рабочих с солдатами, и на другой день царский режим, веками угнетавший русский народ, был низложен.

Поглощенный изобретательской и научной деятельностью, Федоров был очень далек от политики. Тем не менее свержение царя он воспринял как событие радостное и желанное.

Федоров надеялся, что после свержения царя все пойдет по-другому, и возлагал большие надежды на Временное правительство...

Однако он очень скоро понял, что в этом «народном» правительстве не было ничего народного, кроме названия, которое ему пытались приклеить представители буржуазных партий. Он видел, что Временное правительство не пользуется никакой популярностью в народе и что оно долго не продержится.

И вот произошло великое событие: руководимые партией большевиков и ее вождем Лениным восставшие рабочие, солдаты и матросы взяли власть в свои руки. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Федоров не знал, как к нему отнесется Советская власть, захочет ли она взять его к себе на службу: ведь он был генералом царской армии.

Однако он не ставил перед собой двух вопросов. Каково бы ни было отношение, он твердо и непоколебимо решил служить Советской власти. Вся его жизнь прошла в учебе и упорном труде для блага своего отечества. Ему были чужды интересы помещиков и буржуазии. Выходец из простого народа, он считал целью своей жизни служить народу. А раз Советская власть — власть народная, Федоров без колебаний решил, что выбора быть не может — он призван служить ей. Хотя он сам и не был рабочим, но всю свою жизнь трудился не покладая рук.

К Федорову в те дни приходили сослуживцы из артиллерийского комитета и спрашивали, как им быть.

— Вы, голубчик, всю жизнь с рабочими, поэтому должны знать их силу — удержится ли эта власть?

Федоров был убежден, что прогнившему старому строю никогда не вернуть власти, и прямо говорил об этом. Он был искренне обрадован, когда узнал, что Филатов тоже принял решение служить революции. В Дегтяреве он не сомневался. Как потомственный рабочий, тот безусловно должен был принять революцию с ликованием.

В своем предположении, что Советская власть хорошо отнесется к русским конструкторам-оружейникам и поможет им завершить свои работы, Федоров не ошибся.

В 1918 году решением Совета Труда и Обороны Федоров и Дегтярев были откомандированы на заброшенный датскими концессионерами небольшой оружейный заводик вблизи Москвы. Им поручалось спешно возродить завод и наладить на нем производство автоматов Федорова для нужд Красной Армии, родившейся в боях гражданской войны.

Завод оказался в полуразрушенном состоянии. Чтобы пустить его, нужно было многое сделать. С большим трудом удалось собрать человек шестьдесят. Чтобы начать изготовление опытных образцов, Федоров решил прежде всего создать мастерскую, руководителем ее был назначен Дегтярев, который немедленно начал подбирать рабочих.

Работа над первыми образцами велась в крайне тяжелых условиях (на заводе не было даже дров, чтобы отапливать помещение). Но Федоров и Дегтярев испытывали большую радость оттого, что Советское правительство пошло навстречу изобретателям, создав специальную опытную мастерскую. Их не страшили теперь никакие трудности.

На заводе не оказалось и стрельбища для испытания создаваемых образцов. Но со стрельбищем выход был найден сравнительно легко. Осмотрев окрестности завода, Федоров

облюбовал заброшенную каменоломню. Был устроен субботник. Яму очистили от снега и приспособили под стрельбище.

Трудности встречались на каждом шагу: не хватало людей, материалов, станков и взять их было негде — молодая Советская республика задыхалась в огне и дыму гражданской войны. Но Федоров непоколебимо верил в окончательную победу большевиков. Он чувствовал, что и их работу, работу конструкторов, направляет твердая рука большевистской партии, и это чувство придавало оружейникам силы. Федоров понимал, что его ценят, ему верят, на него надеются, от него ждут нового оружия, необходимого Красной Армии. И Федоров работал не покладая рук, стараясь на деле оправдать доверие Советской власти — наладить выпуск советского автоматического оружия.

СОВЕТСКИЕ АВТОМАТЫ

Сконструированное Федоровым в 1916 году ручное ружье-пулемет весом 4,5 кг было названо Филатовым «автоматом» и под этим названием в том же году испытано в боях на румынском фронте.

С появлением автомата Федорова была изменена и классификация автоматических винтовок. Они стали называться: самозарядные, самострельные и автоматы.

Самозарядная винтовка стреляла одиночным огнем и была снабжена магазином на 5—10 патронов, заряжаемых из обоймы.

Самострельная винтовка тоже имела магазин на 5—10 патронов, но она давала и непрерывный огонь — при нажатии на спуск могла выпустить сразу все патроны. Однако, имея в конструкции спускового механизма особый переводчик, она могла вести огонь и одиночными выстрелами.

Автомат обладал этими особенностями самострельной винтовки, но вместо постоянного магазина на 5—10 патронов он был снабжен приставным магазином на 25 патронов и мог вести непрерывный пулеметный огонь. Благодаря этому автомат являлся универсальным индивидуальным оружием. Имея почти такой же вес, как и винтовка, он мог давать не 10—15 выстрелов в минуту, и даже не 30—35, как самострельная винтовка, а до 100 выстрелов, приближаясь по темпу стрельбы к ручному пулемету.

Опыт первых же лет империалистической войны выявил огромное значение в бою ручных пулеметов, и западные страны с лихорадочной поспешностью стали вводить этот тип оружия в свои армии. Во Франции уже в начале 1917 года ручных пулеметов было в восемь раз больше, чем станковых,— 91 тысяча против 13 тысяч станковых. В Англии и Германии ручные пулеметы были выданы в войска в огромных количествах.

Россия же в своих многочисленных армиях в 1917 году при потребности в 110 тысяч имела ручных пулеметов всего 17 тысяч.

Поэтому автомат Федорова, легкий и маневренный, простой в устройстве и дешевый в производстве, а в боевом отношении приближающийся к ручному пулемету, был крайне нужен армии.

Как уже было сказано выше, царское правительство, заказав в 1916 году 15 тысяч автоматов Федорова, так и не сделало ни одного автомата из этого заказа. Лишь несколько автоматов Федорова, изготовленных полукустарным способом под наблюдением мастера Дегтярева в мастерских офицерской стрелковой школы, попали на фронт вместе с автоматическими винтовками Федорова, которыми была вооружена особая рота 189-го Измаильского полка.

Поэтому задание Советского правительства об организации серийного производства отечественных автоматов для нужд Красной Армии было для Федорова большим счастьем.

В середине 1918 года, с началом иностранной военной интервенции и гражданской войны, потребность в этом оружии стала особенно велика, и Федоров все силы отдавал на то, чтобы быстрее приступить к производству автоматов.

К тому времени уже были изготовлены в опытной мастерской первые экземпляры автоматов. Одновременно Федоров в технико-производственном бюро развернул работу по проектированию приспособлений, инструмента, калибров и составлению операционных чертежей. Здесь заново разрабатывался весь технологический процесс предстоящего производства автомата, так как в прошлом не было никакого опыта по производству и проектированию автоматического оружия.

В малом корпусе, окончательно достроенном к тому времени, быстро монтировались станки, которые еще до революции были завезены сюда для предполагавшегося производства ручных пулеметов Мадсена. Работать приходилось в труднейших условиях голода и разрухи. Федоров должен был буквально разыскивать каждого специалиста, посылая за ни-

ми в другие города, так как все датские инженеры и техники, работавшие на заводе до революции, сбежали вместе со своими хозяевами в первые дни великого переворота.

Но усилиями коллектива, при помощи местных властей, и особенно партийной организации, к лету 1919 года в малом корпусе было смонтировано 237 станков, изготовлены все приспособления, инструменты, некоторые калибры и запущено в производство 200 автоматов Федорова. Производство велось по чертежам, составленным под руководством Федорова.

И вот, когда Федоров нетерпеливо ждал сборки первых серийных образцов своего автомата, на заводе вспыхнул пожар, охвативший корпус, где производились автоматы.

Рабочие и служащие самоотверженно боролись с огнем, но им удалось спасти лишь опытные образцы, часть инструмента и незначительное количество приспособлений и калибров.

В тот же день Федорова арестовали. Его, как бывшего генерала, заподозрили и пытались обвинить во вредительстве. Федоров понимал, что над ним нависла смертельная угроза, и готовился рассеять подозрения. Однако этого делать не пришлось. Рабочие, знавшие его как человека, беззаветно преданного интересам народа, дружно встали на его защиту. Федоров был немедленно освобожден. Перед ним извинились и предложили продолжать работы.

Приехавшая из Москвы комиссия оказала помощь заводу материалами и рабочей силой, и к концу 1919 года на заводе ввели в строй большой корпус, где было смонтировано около 500 станков. Производство автоматов началось.

6 февраля 1920 года на заводе была получена телеграмма Реввоенсовета, предлагавшая в спешном порядке изготовить для Красной Армии 300 автоматов Федорова. Это задание заставило коллектив работать самоотверженно. К концу года завод стал выпускать по 50 автоматов в месяц. В последующие годы выпуск утроился — завод уже производил по 150 автоматов в месяц.

Месячная производительность завода в 150 автоматов, безусловно, была очень мала, но это объяснялось рядом весьма существенных причин. Ведь автоматическое оружие делалось на недостроенном и плохо оборудованном заводе, где первое время было всего 60 человек рабочих. Инструментальная мастерская была маломощная, совершенно не было ложевой мастерской, химической лаборатории, стрельбища, недоставало технического персонала и квалифицированных рабочих, не хватало необходимой стали (из-за этого затвор приходилось

изготовлять из четырех марок стали, требовавших различной термической обработки). Ставилось производство в тяжелых условиях разрухи и гражданской войны, когда с величайшими трудностями работали старые, более мощные заводы с большим штатом рабочих, мастеров и технических специалистов.

Несколько тысяч советских автоматов Федорова, выпущенных заводом в этот период, с успехом применялись войсками Красной Армии на Карельском фронте и на Кавказе.

Федоров был первым конструктором, снабдившим Красную Армию советскими автоматами, нашедшими применение на полях сражений еще в годы гражданской войны.

Академик А. А. Благонравов так писал об автомате Федорова:

«Большим событием для отечественной артиллерийской техники явилось создание В. Г. Федоровым первого в мире автомата... Новый вид оружия наземных войск — автомат — был разработан В. Г. Федоровым на основании опыта первой мировой войны.

Выдающийся конструктор впервые дал обоснование боевых характеристик данного оружия, подтвердившихся и по опыту Великой Отечественной войны».

Отмечая заслуги Федорова по созданию советского автоматического оружия и научных трудов в этой области, в 1921 году его назначили почетным членом артиллерийского комитета ГАУ.

ПЕРВОЕ КОНСТРУКТОРСКОЕ БЮРО

1

Одной из причин отставания в разработке новых образцов автоматического оружия в дореволюционное время Федоров считал отсутствие в России проектно-конструкторских бюро, в которых работали бы различные специалисты в этой области.

Еще накануне империалистической войны, в период разработки им автоматической винтовки, Федоров мечтал об организации конструкторского бюро, но в 1914 году приказом военного министра все опытные работы по оружию были прекращены.

Мечту о создании конструкторского бюро, в котором проектирование новых образцов оружия было бы поставлено на

техническую основу, Федорову удалось осуществить в советское время.

В процессе работы над отечественным автоматом Федоров добился тесного сотрудничества между слесарями-оружейниками и работниками проектной группы: чертежниками, расчетчиками, конструкторами.

Это сотрудничество дало хорошие результаты. Федоров стал укреплять его и так, на базе опытной (образцовой) мастерской и проектной группы, создал первое в Советском Союзе конструкторское бюро.

Придавая ему исключительно важное значение, Федоров укрепил состав опытными специалистами и с большой заботой воспитывал молодежь. Особое внимание он уделял подготовке высококвалифицированных кадров оружейников в опытной мастерской, стремясь к тому, чтобы они были не только хорошими слесарями, но свободно могли работать на станках, легко разбираться в чертежах и знать различные системы и типы автоматического оружия.

Обучением молодых специалистов оружейному мастерству непосредственно руководил Дегтярев, обладавший огромным опытом практической работы. Федоров же заботился о передаче им технических знаний. Заметив среди молодых рабочих наклонности к изобретательству, он всемерно поощрял их, на создаваемых образцах учил молодых оружейников тайнам автоматики и искусству конструирования.

Надо сказать, что работа в конструкторском бюро и опытных мастерских даже в период гражданской войны носила весьма разнообразный характер.

Организовав и наладив серийный выпуск автоматов своей конструкции, Федоров еще в 1921 году поставил вопрос о необходимости унификации автоматического оружия, то есть о создании нескольких типов оружия по единой системе. Необходимость унификации оружия была подсказана опытом первой мировой войны. Она преследовала две цели: во-первых, облегчить и удешевить производство различных типов автоматического оружия по единой системе, во-вторых, упростить обучение красноармейцев владению различными типами однородного оружия.

Прежде всего Федоров решил разработать приспособления для своего автомата, чтобы использовать этот автомат как ручной пулемет. Для этого им было решено приспособить к автомату воздушное охлаждение. Эта работа была быстро выполнена опытной мастерской под руководством и наблюдением Дегтярева. Затем было приспособлено к автомату водя-

ное охлаждение по типу пулемета Максима. Так появились пулеметы Федорова — Дегтярева с водяным и воздушным охлаждением.

После этого в конструкторском бюро были разработаны три варианта авиационных автоматов: одиночный, спаренный, строенный.

Хотя система автомата Федорова в этих типах оружия оставалась неизменной, но оружие требовало разработки, кроме имевшихся секторных, дискового магазина и спусковой штанги, дававшей возможность стрелять из двух или трех автоматов одновременно. Эту работу Федоров поручил своему талантливому ученику Дегтяреву, который и выполнил ее весьма удачно. Строенная установка не оправдала себя, но спаренные автоматы работали отлично.

Успех разработки авиационных автоматов заставил Федорова задуматься над созданием спаренных танковых автоматов. Однако приспособить спаренные автоматы для танков оказалось делом нелегким. Нужно было сконструировать крепление автоматов в танках и для удобства стрельбы под разными углами разработать выдвижной приклад.

Несмотря на сложность работы, Федоров поручил ее молодому изобретателю из рабочих Георгию Шпагину, который блестяще справился с этой задачей.

Вслед за этим Федоров решил переделать свой автомат в легкий станковый пулемет. Им были составлены и переданы в мастерские подробные чертежи пулемета-автомата на особом легком станке из сварных труб со щитом, впервые им предложенным, из экранированных броневых листов.

На всех этих образцах Федоров растил и воспитывал талантливых изобретателей из рабочих — Дегтярева, Симонова и Шпагина. Работы Федорова по унификации автоматического оружия имели огромное значение для будущего.

В эти годы первое в Советском Союзе конструкторское бюро окрепло, обогатилось большим опытом по разработке новых образцов автоматического оружия. В течение трех-четырех трудных лет гражданской войны и разрухи конструкторское бюро, приняв за основу систему автомата Федорова, создало девять типов различного автоматического оружия...

В начале 1924 года Федорова и Дегтярева пригласили к Михаилу Васильевичу Фрунзе. Встреча с легендарным полководцем произвела на обоих конструкторов глубокое впечатление. Федоров был изумлен исключительной осведомленностью Михаила Васильевича о новейшем автоматическом

оружии. Фрунзе задавал такие вопросы, словно сам был специалистом-оружейником.

Подробно расспросив Федорова о работе конструкторского бюро, Михаил Васильевич заметил, что сейчас необходимо все внимание оружейных конструкторов направить на создание отечественного ручного пулемета, который отличался бы хорошими боевыми качествами, простотой устройства и легкостью. Он также расспросил конструкторов об их нуждах и обещал в дальнейшем оказывать им всемерную помощь в работе.

Оба конструктора вернулись домой воодушевленные, с горячим стремлением как можно быстрее и лучше выполнить задание товарища Фрунзе. Дегтярев стал часто оставаться в мастерской после работы и задерживаться до глубокой ночи.

В один памятный вечер, когда большинство мастеров разошлись по домам, он пришел в кабинет Федорова и попросил его спуститься вниз, в мастерскую. Когда они подошли к верстаку, Федоров увидел какое-то сооружение из металла, похожее на макет пулемета.

— Вот, Владимир Григорьевич,— робко заговорил Дегтярев,— решил с вами посоветоваться. Задумал ручной пулемет, но не знаю, выйдет ли...

Федоров, привыкший не высказывать своего мнения при беглом осмотре моделей, попросил разобрать конструкцию, осмотрел все детали и, велев собрать их, стал проверять взаимодействие частей. Они были еще недостаточно хорошо пригнаны, но самое главное — узел сцепления и запирания был сконструирован надежно и просто. Он был разработан по тому же принципу, что и автоматический карабин, сделанный Дегтяревым в 1916 году.

Дегтярев с нетерпением ждал заключения Федорова. Он знал, Федоров скажет только правду, но предположить, какова будет эта правда, было трудно, так как редкий из оружейников решился бы высказать свое суждение о пулемете по первому макету, сделанному вчерне.

Но Федоров не побоялся ошибиться в своем суждении. Как и тогда, при осмотре карабина, он со всей решимостью заявил:

— Василий Алексеевич, вы на верном пути. Вам удалось очень оригинально и просто создать важнейший узел будущего пулемета. Продолжайте свою работу. Я освобождаю вас от всех остальных дел. В помощь вам будут выделены лучшие специалисты.

— Владимир Григорьевич,— спросил изумленный Дегтярев,— как же можно в мастерской делать мой пулемет, когда он не запланирован и на него не ассигновано ни одной копейки?

— Это не должно вас беспокоить. Нам ассигнованы средства на мои образцы. И я уверен, что, делая ваш пулемет, мы не выбросим деньги на ветер!

С этого дня в мастерской началась работа над первым опытным образцом ручного пулемета Дегтярева. Были составлены схемы пулемета, сделаны все расчеты и основные чертежи. Таким образом, конструирование нового образца сразу же было поставлено на техническую основу.

Дегтярев, руководивший изготовлением, подгонкой и сборкой деталей, все время советовался с Федоровым и некоторые детали усовершенствовал в процессе работы.

К осени того же года первый опытный образец дегтяревского пулемета был сделан и после проверки на заводе отправлен в Москву. Его повез сам Дегтярев. Через два дня он вернулся расстроенный. Из-за поломки бойка пулемет был снят с испытаний.

Владимир Григорьевич также был очень удручен этой неудачей, но, зная, в каком положении Дегтярев, тотчас же отправился к нему домой.

Федорову удалось успокоить Дегтярева и уговорить его взяться за изготовление двух новых моделей.

Опять закипела в мастерской работа, для которой Федоров оставил все другие дела. Теперь у него уже не было никаких сомнений, что новый пулемет превзойдет все известные системы этого типа.

Примерно через год новая модель, на испытание которой в Москву вместе с Дегтяревым выехал и сам Федоров, блестяще выдержала все испытания, побив существующие до того времени рекорды по кучности и продолжительности стрельбы.

Успех пулемета Дегтярева был большой радостью и для Федорова. Он гордился тем, что его ученик и все конструкторское бюро сделали лучший в мире пулемет, гордился тем, что боевое задание товарища Фрунзе выполнено с честью.

2

С радостью и волнением Владимир Григорьевич следил за переменами, которые происходили в стране. Партия, Советское правительство и руководимый ими весь советский на-

род дружными усилиями строили, преображали старую Русь — возводили новые заводы, электростанции, шахты, города.

С осуществлением плана первой пятилетки наша страна шагнула на десятилетия вперед. За эти годы была создана мощная техническая база, на основе которой развернулось интенсивное перевооружение Красной Армии. Эти работы велись с невиданным доселе размахом, что особенно радовало Федорова. Он работал теперь с еще большим подъемом, потому что был убежден в успешном завершении работ по перевооружению армии, ибо ими руководила великая партия большевиков.

Создание ручного пулемета системы Дегтярева сыграло огромную роль в деле перевооружения Красной Армии.

Этой задаче была посвящена и вся деятельность конструкторского бюро.

В то время Симонов начал разрабатывать станковый пулемет. Ему хотелось создать пулемет более легкий, чем «максим», но не уступающий ему в боевом отношении.

Это были первые, робкие шаги будущего конструктора. Многое его смущало, во многом он не был уверен. В эти минуты ему была крайне необходима поддержка заботливой и твердой руки. Такую помощь и поддержку Симонову в начале его творческого пути оказал Федоров.

Советы и замечания Федорова помогли Симонову увидеть недостатки в своем первом изобретении и оценить то положительное, что в нем имелось. Они укрепили в Симонове веру в собственные силы и помогли ему определить дальнейший творческий путь.

Избрать правильный путь для творчества нелегко: для этого надо хорошо знать всю историю развития автоматики, а также тщательно изучить опыт предшествующих войн и вооружение армий других стран, что и делал Федоров. Он правильно предвидел пути дальнейшего развития боевой техники и направлял творческие мысли конструкторов на решение самых главных задач.

Когда была закончена разработка пулемета Дегтярева, Федоров предложил Василию Алексеевичу подумать о переделке своего пехотного пулемета для авиации.

Федоров стремился к тому, чтобы отойти от кустарного метода конструирования в одиночку, когда изобретатель полагается лишь на свой опыт, знания, интуицию, талант — он старался дело конструирования новых типов оружия организовать на основе технических расчетов, с привлечением к этой

работе многих специалистов: инженеров, конструкторов, расчетчиков, чертежников и т. д.

Расширяя год от года конструкторское бюро, Федоров старался сделать его настоящей технической школой для молодых оружейников. Он заботился о том, чтобы молодые слесари-оружейники, проявившие интерес к изобретательству, приобретали не только знания по оружейному делу и опыт конструирования, но и учились этому сложному искусству на конкретных примерах. Он стремился каждому из них привить метод не одиночного, а коллективного конструирования.

Метод коллективного проектирования, впервые внедренный Федоровым в оружейном деле, постепенно стал основным методом советских конструкторов.

Федоров вел в бюро и большую научно-исследовательскую работу. Созданное им конструкторское бюро стало подлинной школой советских оружейников: из него вышли прославленные конструкторы оружия Дегтярев, Шпагин, Симонов и многие другие.

3

Будучи творцом первой отечественной автоматической винтовки и первого автомата, Федоров в то же время был страстным и последовательным защитником ручного пулемета, который некоторые авторитеты называли «незаконнорожденным» оружием.

В 1925 году он издал книгу «Современные проблемы ружейно-пулеметного дела», где, опираясь на исследования опыта первой мировой войны, доказывал, что ручной пулемет не только приобрел законное право на существование, но стал одним из главных видов вооружения пехоты.

«Без ручного пулемета, обладающего мощным огнем,— писал в этой книге Федоров,— нам несомненно не обойтись, даже в случае перевооружения автоматической винтовкой».

Вопрос о массовом производстве ручных пулеметов и о строительстве в России пулеметного завода Федоров со всей решительностью поднимал еще до революции, но это дело получило успешное развитие лишь в годы Советской власти благодаря осуществлению плана индустриализации страны, созданию мощной технической базы для перевооружения Красной Армии и подготовке своих конструкторских кадров.

Теперь, когда конструкторски пулеметная проблема была решена, вопрос массового производства оружия для Красной Армии стал самым важным вопросом момента.

Стремясь к стандартизации в оружейном производстве, Федоров преследовал одновременно две цели: во-первых, быстрее и дешевле организовать массовый выпуск нового боевого оружия для Красной Армии, во-вторых, добиться наибольшей надежности действия этого оружия и взаимозаменяемости деталей. Заменяемость деталей имела колоссальное значение в производстве и при ремонте оружия.

Многолетний опыт по проектированию автоматического оружия и большая исследовательская работа дали Федорову богатый материал. Основываясь на этом, он написал ряд трудов в помощь конструкторам и чертежникам: «Пулемет Дегтярева и система КЭСа», «Проблема допуска», «Составление рабочих чертежей и технических условий на образцы стрелкового оружия». Эти труды Федорова положили начало работе спаривания чертежей деталей, обеспечивающих лучшую взаимозаменяемость механизмов.

Работы Федорова в области стандартизации и нормализации оружейного производства явились первыми в Советском Союзе в этой важной области. Они оказали неоценимую услугу нашей военной промышленности в деле производства автоматического и другого оружия, в деле укрепления оборонной мощи нашей Родины.

КОНСТРУКТОР СТАНОВИТСЯ УЧЕНЫМ

«Я был оружейником, причем судьба назначила мне слишком разностороннюю деятельность по сравнению с моими товарищами»,— так писал Федоров в одном из своих трудов.

Действительно, его работы отличаются от работ других советских конструкторов большим разнообразием.

Еще в начале века, в годы работы в оружейном отделе, Федоров убедился в отсутствии в России серьезных трудов в области оружейного дела. Ему захотелось восполнить этот пробел. Располагая значительными материалами и имея доступ к архивам, он тогда же взялся за исследовательскую работу. Дела его пошли успешно. Уже в 1903 и 1904 годах (как было рассказано) вышли в свет первые научные труды Федорова: «Влияние огня пехоты на действия артиллерии» и «Вооружение русской армии в Крымскую войну». А двумя годами позже появилась книга, завоевавшая широкое признание среди специалистов,— «Автоматическое оружие».

Но именно в это время у Федорова началась напряженная конструкторская работа, которая продолжалась почти чет-

верть века. Она поглощала не только все силы, но и все время. Научной работой приходилось заниматься урывками, а большие замыслы откладывать до «лучших» времен.

За период конструкторской работы у Федорова накопился богатейший фактический материал по оружейному делу, изобретательству, организации производства, который хотелось обобщить и сделать достоянием военных специалистов и работников оборонной промышленности.

В 1931 году, когда разработка разных типов автоматического оружия в созданном им конструкторском бюро была полностью налажена, Федорова отозвали в Москву, где ему была предоставлена возможность для научной деятельности.

Приехав в Москву и получив возможность бывать в библиотеках и музеях, Федоров вдохновенно отдался научной работе, вернувшись к прежней теме — истории оружия. Он заново пересматривает свой труд «Вооружение русской армии за XIX столетие». Проделав большую и кропотливую работу по изучению архивных материалов в Главном артиллерийском управлении и в Историческом артиллерийском музее, Федоров собрал и внес в книгу много новых сведений. На эту работу ушло около четырех лет, зато ему удалось создать первую в нашей стране историю оружия — от ружья с кремневым замком до новейшего автоматического. Двухтомный труд под названием «Эволюция стрелкового оружия» был издан в 1939 году.

В эти же годы Федоров работал над другим капитальным трудом — «Оружейное дело на грани двух эпох». Эта трехтомная историко-мемуарная работа излагает развитие огнестрельного и автоматического оружия с начала двадцатого века до наших дней.

В ней собран и обобщен богатый технический материал по вопросам развития стрелкового оружия, накопленный Федоровым за время своей многолетней деятельности конструктора-оружейника и исследователя.

Федоров неизменно стремился к тому, чтобы сделать свои труды достоянием широкого читателя, понятными оружейникам и оружейным конструкторам, не имеющим технического образования.

И во многих книгах ему удается достичь простоты, популярности, доходчивости.

Научная деятельность Федорова развивалась разнообразно и плодотворно. Им написано около 30 книг по истории и развитию оружия, по устройству и конструированию его, по организации технологии производства и другим вопросам.

В ГРОЗНЫЕ ДНИ

Когда разразилась война в Европе, когда гарь и смрад ее стало доносить ветром событий до наших рубежей, Федоров снова забеспокоился о том, чтобы наши воины хорошо знали свое оружие и были готовы ко всяким неожиданностям.

За год до того, как загрохотали пушки на советской земле, он выпустил небольшую популярную, понятную каждому солдату книжку «История винтовки».

Эта книжка, рисующая историю знаменитой мосинской винтовки, которая помогла в 1917 году революционному народу взять власть в свои руки, написана просто, доходчиво, патриотично. Она зарождала в читателе чувство любви и уважения к своему оружию, звала его к бдительности, к готовности в грозный час грудью встать на защиту Отечества.

Федоров словно знал, что неминуемо вспыхнет война и эта винтовка в умелых руках советских воинов еще раз сослужит верную службу своей Родине.

И вот грозные дни наступили...

Престарелый конструктор встретил Великую Отечественную войну стойко и мужественно, как и подобает настоящему солдату. Он наотрез отказался от эвакуации из Москвы и остался в столице, несмотря на бомбежки и приближение фронта.

В эти трудные, суровые дни Федоров словно обрел вторую молодость и почувствовал себя участником великой битвы за Родину, которую любил беззаветно. Он поднимался рано, чуть свет, и, сделав необходимые дела по дому, уезжал в Наркомат вооружения, где работал ученым консультантом по автоматическому оружию и был постоянным членом комиссии по рассмотрению проектов новых образцов вооружения и по модернизации уже состоящих на вооружении систем. И хотя сейчас он не занимался непосредственно конструированием новейшего оружия, но жил в своей стихии, был занят тем делом, которое больше всего любил, которому посвятил жизнь.

В эти дни не только в Наркомате, но и дома его часто навещали Дегтярев, Шпагин, Симонов и многие другие. Они приезжали к нему со своими раздумьями, сомнениями, неудачами, иногда взволнованные и расстроенные. Федоров каждого умел ободрить, поддержать мудрым советом. И они уезжали от него уверенные в себе, в своих силах, готовые трудиться и побеждать...

Кажется, Федоров вел скромную и незаметную работу, но она была чрезвычайно важна. Значение ее можно понять и оценить лишь сейчас, через много лет после великой победы. Только сейчас, когда смотришь на свершившиеся события с расстояния прожитых лет, становится понятно, как важно было нашей славной Советской Армии получить в те годы новейшее оружие, облегченные, маневренные и мощные станковые пулеметы, легкие автоматы и пистолеты, противотанковые ружья, в создании которых Федоров принимал горячее участие. Советскими конструкторами учениками Федорова в эти трудные годы было создано замечательное автоматическое оружие, которое по своим боевым качествам превосходило хваленое оружие врага.

Во время Великой Отечественной войны Федоров принимал участие в решении самых важных вопросов по обеспечению фронта новейшим стрелковым оружием.

Условия войны требовали от оружейников создания ряда образцов в предельно короткие сроки, и конструкторам, работавшим над ними, как никогда, нужны были советы Федорова, обладающего универсальными знаниями и огромным практическим опытом в оружейном деле.

Не было случая, чтобы Федоров возвращался домой в обычное время. Нередко он задерживался до глубокой ночи, однако никогда не жаловался на усталость. Напротив, вернувшись домой, часто брался за исследовательскую работу, ибо изучение опыта ведущейся войны считал таким же важным делом, как и работу по созданию новых образцов оружия. Он полагал, что без тщательного изучения опыта войны нельзя создавать новое оружие.

Федоров оказал в эти годы большую помощь советским оружейникам, написав ряд работ по исследованию новейшего оружия наших врагов и союзников.

В это же время в журнале «Техника — молодежи» печатались его мемуары «В поисках оружия», где рассказывалось о поездках русских военных миссий в годы империалистической войны с целью закупки оружия в странах-союзниках. В этих мемуарах Федоров приводит многочисленные примеры фальши, лицемерия и прямого вероломства так называемых «союзников».

Помимо деятельности в Наркомате вооружения Федоров в годы войны работал в ряде других военных организаций, и на все у него хватало времени и сил. В одном научно-исследовательском военном учреждении Федоров на протяжении полутора лет вел большую и чрезвычайно важную работу, но

категорически отказывался от выписываемого ему вознаграждения. Когда эта работа была успешно завершена, Федорову начислили зарплату сразу за полтора года, но он заявил, что считал своим долгом выполнить эту работу в общественном порядке, решительно отказался от денег и попросил передать их в фонд обороны страны.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Когда отгремели пушки и советские люди торжественно отпраздновали величайшую победу, взялись за мирное строительство, престарелый конструктор не захотел уйти на заслуженный отдых. Он был еще полон сил и творческой энергии. Его влекла новая работа.

Тщательно собирая и накапливая материалы по минувшей войне, Федоров одновременно взялся за исследование по истории артиллерии. Он тщательно изучает всю литературу, где хотя бы мельком упоминалось о первых огнестрельных или метательных орудиях. Исследует наши летописи и труды древних ученых Востока. Он считает ошибочным утверждение Карамзина в «Истории государства Российского» о возникновении русской артиллерии в 1389 году, что до сих пор считалось официальной датой зарождения русской артиллерии. Утверждение Карамзина было основано на Голицынской летописи. Что касается пушек и тюфяков, упоминаемых в других летописях,— эти пушки стояли на стенах Кремля еще в 1382 году,— то Карамзин отнес их не к огнестрельным орудиям, а к метательным машинам (машинам для бросания камней). Федоров подверг критике это утверждение, а также версию о привозе к нам армат «из немец», то есть о западном происхождении русской артиллерии, и указал на возможность самостоятельного развития огнестрельного оружия на Руси.

Федоров доказал в своей работе, что тюфяки, стоявшие на стенах Кремля в 1382 году, были оружием огнестрельным и в течение трех столетий состояли на вооружении русских воинов, представляя один из видов русской первоначальной артиллерии: пушек, пищалей и тюфяков.

Работа Федорова «К вопросу о дате появления артиллерии на Руси» была опубликована и сразу же привлекла к себе внимание специалистов смелостью и убедительностью суждений и выводов. В ней доказывалось, что русская артиллерия появилась значительно раньше, чем это считалось до сих пор.

В связи с этим трудом официально поставлен вопрос о перенесении даты возникновения артиллерии на Руси с 1389 г. на середину XIV века.

Успешно завершив эту важную работу, Федоров вернулся к мыслям, которые возникли у него еще в юности и на протяжении пятидесяти с лишним лет продолжали волновать его.

Еще будучи гимназистом, Федоров восхищался «Словом о полку Игореве», и тогда у него зародилась мысль установить точный маршрут славного похода Игоря.

Тогда ему казалось, что могучие богатыри князя Игоря были способны делать более длинные переходы, чем солдаты нашего времени. А историки исчисляли маршрут похода Игоря современными мерками, беря за норму суточного перехода 25—30 верст, ссылаясь при этом на пример одного из походов Владимира Мономаха.

Федоров считал, что поход князя Игоря носил характер набега и к нему никак не могли быть применены нормы обычного похода. Этот вопрос не давал Федорову покоя на протяжении многих десятилетий. И вот сейчас, несмотря на преклонный возраст, он решил добиться ясности.

Изучая летописи и древние архивы, а также произведения греческих и арабских писателей того времени, Федоров установил, что дружинники Игоря делали среднесуточные переходы не в 25, а в 40 верст. Таким образом они могли продвинуться значительно дальше, чем до сих пор считалось. От этого менялся весь маршрут похода Игоря. Тщательно изучив многочисленные исторические документы и само «Слово», Федоров выступил с интересной работой «Военные вопросы «Слова о полку Игореве», где постарался разобрать наиболее запутанные вопросы по истории оружия.

Рассматривая великий эпос русского народа с военной точки зрения, Федоров доказал, что славные Игоревы дружины шли совершенно по другому пути, а следовательно, предстояло искать новые места их битвы и гибели.

В послесловии к своей книге Федоров обратился с призывом к комсомольцам тех районов, по которым, по его мнению, проходил путь Игоря, прося их организовать туристские экспедиции с целью отыскания следов знаменитого похода.

Призыв Федорова, подхваченный «Комсомольской правдой», нашел горячий отклик среди комсомольцев и молодежи. Федоров получил множество писем из разных уголков страны.

«Уважаемый профессор! — писала ему секретарь Лозовского РК ЛКСМ тов. Салюкова.— Прочитав в «Комсомольской правде» статью «Где находится река Каяла»?, мы очень заин-

тересовались вашим предложением и просим выслать нам дополнительные материалы или помочь составить маршрут туристского похода комсомольцев и молодежи нашего района по памятным местам. Мы очень хотим изучить историю своего края и помочь ученым определить путь славных дружин Игоря».

И ни одно письмо Федоров не оставил без ответа.

Работа Федорова «Военные вопросы «Слова о полку Игореве», изданная Академией артиллерийских наук, вышла за пределы узкого круга специалистов. Ею заинтересовались и историки, и литературоведы, и писатели. Федоров получил много писем от своих читателей с просьбой расширить и переиздать свой труд.

И хотя у него нашлось немало противников, продолжал отстаивать свои взгляды, отыскивая все новые и новые материалы, зачастую черпая их в самом же «Слове».

В 1956 году вышла массовым тиражом его книга «Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла?»

В этой книге с большой любовью к «Слову», русской литературе и русской истории Федоров утверждает те же выводы, приводя новые доказательства и поднимая новые вопросы, в частности вопрос об авторе «Слова».

Как военный специалист, Федоров анализирует «Слово о полку Игореве» с новой точки зрения, с военной — с которой не подходил к нему ни один историк, ни один литературовед.

Владимир Григорьевич все свои выводы строит на глубоком военном анализе похода Игоря, учитывая длину пеших и конных переходов, скорость обычного и форсированного марша, особенности местности и, наконец, силу и выносливость дружинников того времени. Помимо исследования самого «Слова», он привлекает множество документальных материалов, почерпнутых им из летописей и древних документов.

На основании этих изучений Федоров доказывает, что сражение с половцами происходило совсем в другом месте, а именно при слиянии рек Орели и Орельки, в семидесяти километрах западнее Изюма.

В своем новом труде Федоров решительно и твердо ставит вопрос и об авторе «Слова».

Он считает, что появились серьезные основания для выявления автора величайшего эпоса земли русской.

Отвергая прежние предположения об авторе «Слова», Федоров доказывает, что им мог быть лишь человек высокообразованный, близкий к Черниговскому княжескому двору, в

совершенстве знавший военное искусство и сам бывший крупным военачальником — воеводой или тысяцким. Кроме того, он несомненно должен был участвовать в походе Игоря, быть свидетелем битвы и пленения князя.

Таким человеком, по мнению Федорова, мог быть только тысяцкий Рагуил.

Рагуил Добрынич — это незаурядная историческая личность. Федоров приводит множество подлинных документов, характеризующих личность Рагуила как выдающегося человека своего времени, участника похода.

После работы над исследованием «Слова о полку Игореве» Федоров снова берется за изучение опыта Великой Отечественной войны. В этой области он чувствует себя маститым ученым. Это так и есть. Ведь работы Федорова по истории оружия в большинстве случаев были и работами по исследованию опыта предшествующих войн, по исследованию оружия.

Еще в 1925 году вышла в свет книга В. Г. Федорова «Современные проблемы ружейно-пулеметного дела», посвященная анализу опыта первой мировой войны; в этой книге автор высказывал ряд соображений о том, какой тип современного оружия считать основным, что должно лечь в основу огневого боя пехоты.

В значительной части своих трудов, выпущенных после первой мировой войны, Федоров ставит вопрос о будущей роли пистолет-пулеметов. Он обращает серьезное внимание на то, что при возможной простоте конструкции, дешевизне и легкости изготовления пистолет-пулемета частичное введение его на вооружение войск дало бы крайне легкий способ усиления огня пехоты. Ценность подобных взглядов новатора-ученого подтвердилась во время войны с белофиннами в 1939 году и особенно в период Великой Отечественной войны.

Основываясь на изучении всего хода развития стрелкового вооружения, он ратует за разработку образцов автоматов-карабинов под новый патрон, с меньшим, чем у существующего, габаритом и улучшенной баллистикой. Небезынтересно, что еще в 1936 году Федоров выдвинул идею создания патрона, получившего ныне название промежуточного, на несколько лет опередив конструкторскую мысль иностранных оружейных специалистов.

Последующие работы Федорова посвящены исследованию опыта Великой Отечественной войны. Он особенно подчеркивает важность настильности стрельбы, имеющей большое значение при действиях в бою, когда огонь ведется с неизмеренных расстояний.

В этом отношении Федоров явился продолжателем тех передовых взглядов, которые высказывались некоторыми русскими специалистами по стрелковым вопросам, как например профессором Артиллерийской академии В. П. Чебышевым и выдающимся знатоком стрелкового дела Н. М. Филатовым, и которые представляли несомненный приоритет русской военно-исследовательской мысли.

В своих работах по исследованию опыта Великой Отечественной войны он намечает пути дальнейшего развития автоматического оружия, указывая, что перевооружение пехоты в будущем пойдет по линии унификации автоматов и самозарядных карабинов, с постепенным переходом к единому автомату-карабину как образцу индивидуального стрелкового оружия пехотинца.

В этих трудах Федоров дает ряд очень ценных советов конструкторам стрелкового оружия.

Надо сказать, что с переходом на научную работу Федоров не потерял связи с конструкторами-оружейниками, воспитанными им в конструкторском бюро, поддерживал живую связь со своими учениками, жил их жизнью, радовался их творческим успехам.

При встречах и в письмах они жаловались своему учителю на то, что у нас почти совершенно нет литературы по автоматическому оружию, доступной для рабочих, не имеющих технического образования.

Это заставило Федорова взяться за завершение нового труда — «Классификация автоматического оружия».

Дав глубокий анализ технических и тактических преимуществ автоматической винтовки, Федоров наметил тактико-технические требования для ее конструирования и сделал обстоятельный разбор и описание устройства механизмов этого оружия.

В этой книге Федоров подверг критике классификацию автоматического оружия, сделанную иностранцами Вилле и Кайзертрея, и дал свою классификацию, построив ее на основе использования энергии пороховых газов.

Классификация Федорова с внесенными в нее академиком Благонравовым небольшими уточнениями до сих пор осталась основной научной классификацией автоматического оружия.

Книга Федорова, благодаря доступному изложению, хорошим иллюстрациям и приложенному к ней атласу с чертежами различных систем и типов автоматического оружия, оказала большую помощь молодым изобретателям. Некоторые известные конструкторы и до сих пор не расстаются с кни-

гой и атласом Федорова, пользуясь ими как незаменимыми трудами по автоматическому оружию.

За многочисленные труды по истории и развитию стрелкового оружия, оружейному производству и многие другие Владимиру Григорьевичу Федорову в 1940 году присуждается степень доктора технических наук и звание профессора.

В 1943 году правительство присваивает ему звание генерал-лейтенанта и награждает орденом Ленина.

В 1947 году постановлением правительства он включается в состав действительных членов Академии артиллерийских наук. Занимаясь научной работой, он поддерживает тесную связь со своими учениками и неустанно следит за их конструкторской работой.

В феврале 1948 года, когда отмечалось тридцатилетие созданного им конструкторского бюро, Федоров получил трогательное письмо от своего старого друга и ученика В. А. Дегтярева.

«Дорогой Владимир Григорьевич! Прошло уже тридцать лет,— писал он,— но я живо вспоминаю эти первые дни приезда на завод, дни продолжения нашей совместной работы, дни забот, переживаний и целеустремленного творческого труда.

С глубоким волнением и сердечной теплотой я вспоминаю и храню то чуткое и ободряющее отношение, которым вы окружали меня на всем протяжении совместной работы.

Дорогой Владимир Григорьевич! В течение многих лет совместной нашей работы с вами я у вас многому научился.

Вы мне проложили путь на творческие подвиги. Я безгранично вам благодарен и за ваши добрые дела. Желаю вам самых наилучших успехов в вашей научной работе, также желаю вам самого крепкого здоровья, бодрости и сил.

С искренним и глубоким уважением к вам

В. А. Дегтярев».

В том же году в поселке Сокол, в саду, заросшем деревьями и цветами, встретились оба русских ветерана-оружейника. Со слезами на глазах они вспоминали дни своей молодости, совместную работу и почти полувековую дружбу. Василий Алексеевич, несмотря на тяжелую болезнь, говорил о своих замыслах и планах. Он хотел еще очень многое сделать. Он с воодушевлением рассказывал Федорову о конструкторском бюро, о молодых специалистах, выросших за последние годы, расспрашивал и Федорова о его новых работах.

Когда Дегтярев уезжал, Федоров подарил ему рукопись только что законченной работы «К вопросу о дате появления артиллерии на Руси».

— Вот, Василий Алексеевич, вам на память,— сказал он.— Это труд моих последних лет. Возьмите, если будет время, прочтете...

Но Василию Алексеевичу уже не суждено было ее прочесть. Через три месяца он умер.

ПОЛВЕКА В ТРУДЕ

В мае 1949 года общественность нашей страны отметила семидесятипятилетие со дня рождения и пятидесятилетие научной и конструкторской деятельности Владимира Григорьевича Федорова.

В Центральном Доме Советской Армии состоялось чествование юбиляра. Владимир Григорьевич получил приветствие от Министра вооружения СССР, от Президиума Академии артиллерийских наук, от множества военных, конструкторских и научных учреждений. Его поздравляли товарищи по работе, ученые, конструкторы, рабочие.

Выступивший на вечере его ученик конструктор Сергей Гаврилович Симонов с большой теплотой говорил о бескорыстной помощи Федорова молодым конструкторам, о его любви и беззаветной преданности Родине и честном служении ей на протяжении пятидесяти лет.

В докладе отмечалось, что Федоровым написано двадцать семь крупных трудов по истории и развитию отечественной оружейной культуры.

Владимир Григорьевич, сидевший за столом президиума, чувствовал себя крайне смущенным. Он всю жизнь трудился, но никогда не стремился ни к славе, ни к почестям, ни к наградам. Он был тружеником оружейного дела и в этом видел высокое призвание и наибольшее наслаждение для себя. Он чувствовал большую неловкость в торжественной обстановке.

Ночью, вернувшись домой, Владимир Григорьевич с душевным трепетом перечитал десятки приветственных телеграмм и писем. Многие из них были очень трогательны и чрезвычайно дороги ему.

...Уже майский рассвет пробивается сквозь шторы. Федоров выключает лампу и, приподняв шторы, открывает окно в сад. В комнату пьянящей волной врывается аромат первых

весенних цветов. Этот пышно разросшийся сад когда-то посадил сам Федоров.

За садом видны светлые многоэтажные здания Ново-Песчаной улицы. Это строится новый, цветущий район Москвы.

Федоров полной грудью вдыхает свежий воздух.

Он думает о тех людях, которые прислали ему приветствия. Большинство из них оружейники, работающие в военной промышленности, ученые, конструкторы, рабочие, военные. Их много. Они делают большое, важное дело. О них заботятся партия и правительство. Благодаря их самоотверженной работе в годы Великой Отечественной войны советские воины не испытывали нужды в оружии, и их оружие превосходило по своим качествам вооружение врага. Для работы советских конструкторов созданы прекрасные условия.

Федоров смотрит на величественные корпуса новой Москвы и думает, какие чудесные конструкторские бюро, лаборатории, мастерские созданы сейчас для людей науки. Только жить и работать. Работать не покладая рук! Он вспоминает о своих годах, но тут же отмахивается от этой мысли. Он подходит к столу, где лежат первые главы новой научно-исследовательской работы и, еще раз взглянув в окно, вдохнув свежего воздуха, садится за работу.

За окном раздаются гудки автобусов. Где-то заговорило радио, но Федоров продолжает работать. Ранние звуки просыпающейся Москвы его бодрят и радуют...

1950 г.

КОНСТРУКТОР ТОКАРЕВ

ЦВЕТЫ И ОРУЖИЕ

В девять часов вечера девушка в белом халате бойко сбежала с крыльца дома отдыха оружейников и железной палкой ударила по обломку рельса, подвешенному к сосне.

В тихом, пропитанном хвоей и цветами воздухе раздались громкие, пронзительные звуки, и тотчас же со всех аллей, от берега Клязьмы, из лугов в глубь парка, к эстраде, потянулись отдыхающие. Одни уселись на белые скамейки, другие — прямо на пахучей траве, под высокими кронами сосен.

На эстраде появился парень, жизнерадостный, с пышной шевелюрой темных вьющихся волос.

— Товарищи, сегодня в гости к оружейникам приехали артисты Московской филармонии,— весело объявил он,— но прежде чем начать концерт, я хочу сообщить вам радостную новость. В только что полученных газетах опубликован Указ Президиума Верховного Совета о награждении старейшего оружейника Федора Васильевича Токарева.

В парке воцарилась тишина: имя Токарева было хорошо известно отдыхающим.

— «За заслуги перед государством и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения,— звонким голосом читал парень,— наградить Героя Социалистического Труда конструктора Токарева Федора Васильевича орденом Трудового Красного Знамени».

Взрыв аплодисментов вспугнул тишину.

— Товарищи, от лица отдыхающих оружейников,— продолжал оратор, выждав тишину,— предлагаю послать Федору Васильевичу поздравительную телеграмму.

В ответ раздался одобрительный гул, из которого выделился хрипловатый, но сильный голос одного из старичков, сидевших в первом ряду:

— Погодите, товарищи, погодите!.. Федор Васильевич — дорогой для нас человек, и я бы предложил послать к нему делегацию.

— Верно! Правильно!..— раздались голоса:

— Кто желает поехать к товарищу Токареву, пожалуйста, выходите на сцену...

По ступенькам быстро поднялся невысокий человек с рябоватым, приветливым лицом.

— Я слесарь... Перед войной и в войну — на Урале — делал самозарядную винтовку Токарева, а самого изобретателя видеть не доводилось, вот и хотел бы побывать у него.

— Очень хорошо. Кто еще? — сказал парень, жестом приглашая на сцену стоявшего в последних рядах высокого и широкоплечего детину в русской косоворотке, подпоясанной узеньким ремешком.

— Я слесарь-сборщик,— заговорил тот степенно и басовито, поднимаясь по ступенькам.— Мне не раз приходилось встречаться и беседовать с конструктором, когда я работал на сборке его пистолетов — «ТТ», и теперь был бы рад снова увидеть Федора Васильевича и передать ему большущий привет от наших оружейников.

— Очень хорошо. Кто еще?

— Я бы хотел, да не знаю...

— Пожалуйста, поднимайтесь сюда, товарищи!

Из пятого ряда нерешительно вышел молодой светловолосый паренек.

— Я токарь. Собственно, я не изготовлял, как другие, оружия Токарева,— смущенно начал он,— зато воевал с его самозарядной винтовкой и прошел с ней от Волги до Днепра. Может, дошел бы и до Берлина, но был тяжело ранен... А винтовка Токарева служила мне безотказно. Вот за это мне и хочется сказать старому конструктору солдатское спасибо.

— Тогда разрешите, и я пойду! — раздался звонкий задорный голос, и на сцену влетела раскрасневшаяся девушка с волейбольным мячом.

— Я очень много слышала о знаменитом конструкторе,— начала она, задыхаясь от волнения,— но никогда не видела его и не видела даже созданного им оружия. Мне очень хочется поехать и поблагодарить Федора Васильевича за то, что он своим замечательным оружием помог нашим славным воинам победить врага и завоевать мир. Мне хочется сказать ему большое спасибо.

— Правильно, дочка! — поддержал хрипловатый голос старого оружейника, и снова дружные аплодисменты пронеслись по парку.

На другой день четверо делегатов из дома отдыха с волнением вошли в кабинет конструктора.

Федор Васильевич, уже глубокий старик, но все еще прямой и статный, радушно пожимал руки гостям, окидывая их пытливым взглядом.

— А вы были на сборке «ТТ»! Помню, помню,— сказал он, обращаясь к слесарю.

— У вас замечательная память, Федор Васильевич, ведь сколько лет не виделись...

— Да, давненько...

— А это вам от отдыхающих,— сказала девушка, протягивая Токареву огромный букет цветов.

— Спасибо, спасибо,— взволнованно проговорил Федор Васильевич, не зная, куда девать цветы. Приглашая гостей садиться, он положил цветы на стол, где лежал учебный образец его самозарядной винтовки.

В кабинете стояло несколько шкафов с книгами, а над письменным столом, на специальном кронштейне, висел огромный фотоувеличитель, сконструированный самим хозяином. На стенах, в рамках и просто на паспарту, висели фотографии. Некоторые из них выгорели, потускнели от времени, другие, напротив, казались очень свежи. Отдельные снимки были так искусно раскрашены, что напоминали хорошие акварели.

— Скажите, Федор Васильевич, кто же у вас занимается фотографией? — спросила девушка.

— Это я сам занимаюсь,— ответил Федор Васильевич, неторопливо произнося слова.

— Неужели? — изумилась девушка.— И давно вы научились фотографировать?

— Как бы вам не солгать... Примерно лет шестьдесят тому назад.

Гости удивленно переглянулись.

— Вам это кажется невероятным, а может, и смешным,— продолжал Федор Васильевич,— а между прочим, вот этот снимок сделан более пятидесяти лет назад — в начале девяностых годов.

Привстав, гости начали рассматривать коричневато-серый, но все еще достаточно четкий снимок, где были изображены люди в старомодных костюмах.

— Этот снимок вдвое старше меня,— сказал слесарь.

— Неужели шестьдесят лет назад уже существовала фотография? — все еще не веря своим глазам, спросила девушка.

— В те годы она только начинала завоевывать право на существование. Снимок, который лежит сейчас перед вами, сделан мною из самодельного аппарата. И, как видите, его еще можно хорошо рассмотреть.

— А кто же сделал этот аппарат? — спросил слесарь.

— Как кто? — удивился Токарев.— Сам я и сделал.

Гости опять принялись рассматривать старинный снимок,

а Токарев незаметно достал со шкафа белый картон, на котором была наклеена длинная красочная фотография, изображающая Кремль и набережную Москвы-реки.

— А вот, не угодно ли посмотреть на одну из последних моих работ?

Гости были поражены красотой и величавостью вида. Снимок, сделанный, очевидно, с Каменного моста, охватывал весь Кремль с его башнями, зубчатой стеной, строгими зданиями и древними церквами, отражавшимися в спокойных водах Москвы-реки, и уходящую вдаль набережную.

— Краски изумительны! — восхищенно воскликнула девушка.

— Это действительно картина,— вздохнул бывший солдат.

— Да, верно,— сказал слесарь,— но я не могу понять, как вы сумели охватить такую панораму. Ведь тут, наверное, склеено не меньше десяти снимков. Я сам немного занимаюсь фотографией и знаю, чего стоит это склеивание и подгонка.

— Никакого склеивания тут нет,— улыбнулся Токарев, довольный, что озадачил старого знакомого.

— Позвольте, Федор Васильевич, тогда я совсем не могу понять, что тут за фокус: ведь аппарат же не может охватить такой панорамы.

— И фокуса тут нет никакого,— добродушно и так же неторопливо продолжал Токарев.— Просто снимок сделан не обычным аппаратом.

Эти слова окончательно заинтриговали гостей.

— Этот пейзаж я заснял особым, широкопанорамным аппаратом собственной конструкции,— пояснил Токарев и, приоткрыв ящик стола, достал оттуда небольшой, похожий на прямоугольную коробочку фотоаппарат.

— Вот посмотрите, этой камерой можно заснять панораму, которую едва ли смогут захватить десять обычных аппаратов.

— Значит, вы были не только свидетелем развития фотографии...

— Над своим маленьким аппаратом я трудился не меньше пятнадцати лет.

— И эту работу вы совмещали с конструированием оружия?

— Да, я прежде всего оружейник.

— Ведь вы, наверное, помните еще гладкоствольные ружья? — спросил слесарь.

— Я помню людей, которые воевали с кремневыми гладкоствольными ружьями,— оживился Токарев.— Нарезное ору-

жие внедрялось не сразу. Многие из наших станичников воевали в турецкую войну еще с шомпольными винтовками. При мне вводилась в армию мосинская винтовка. Я был участником создания первых образцов русского автоматического оружия. На моих глазах произошел целый переворот в вооружении.

— Федор Васильевич, все это так интересно,— сказала девушка,— вам нужно написать большую-пребольшую книгу.

— Я тоже так думал,— Токарев распахнул перед гостями дверцы шкафа, две полки которого были заполнены толстыми тетрадями.

— Вот в этих тетрадях-дневниках рассказано о моих поисках и дерзаниях, о моих горестях, неудачах и мытарствах, на которые в царское время были обречены все русские изобретатели из народа. В них есть страницы и о моих радостях и успехах, о великом счастье советского конструктора.

— Посмотрите-ка, Федор Васильевич! — вдруг крикнула девушка и жестом показала на стол, где рядом с самозарядной винтовкой лежал букет.— Смотрите, оружие и цветы!

— Хорошо бы сфотографировать,— сказал слесарь.— Замечательное оружие Токарева, увенчанное цветами!

— В этом, может быть, несколько странном и неожиданном сочетании есть и другой смысл,— взволнованно проговорил Токарев.— Цветы олицетворяют собой жизнь и мир. Наше, советское оружие — защиту мира. Мы, советские оружейники, для того и трудимся, чтобы сохранить мир во всем мире, строить гигантские электростанции, заводы, фабрики, разбивать сады...

Пожелав конструктору новых успехов, гости вскоре начали прощаться.

— Федор Васильевич, а все-таки будет очень хорошо, если вы свои записки опубликуете,— сказал слесарь.

— Они и будут опубликованы,— решительно заявил бывший солдат.

Оружейники правы. Записки и дневники Федора Васильевича Токарева заслуживают самого пристального изучения. Мы же, ознакомившись с ними, попробуем лишь кратко рассказать о жизни и деятельности выдающегося конструктора.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Однажды на вопрос о том, как он сделался конструктором, Токарев ответил: «По-моему, это произошло случайно. В детстве я столкнулся с одним оружейником и очень увлекся его работой. Думаю, что с этого и началось».

Нам кажется, что это не совсем так. Многочисленные биографические материалы говорят о том, что Токарев стал оружейником не по воле случая, а по другим, более существенным причинам.

Доподлинно известно, что дед Федора Васильевича, Степан Токарев, был донским казаком станицы Егорлыкской и погиб более ста лет тому назад на Кавказе. Кем был прадед, неизвестно, но, как припоминает сам Федор Васильевич, в детстве отец рассказывал ему, что кто-то из их далеких предков был мастеровым, токарем. Вполне вероятно, что этот токарь пришел на Дон из центральных губерний, где занимались ремеслами, возможно, из самой Тулы. От него и пошел род Токаревых и стала распространяться такая редкая на Дону фамилия.

Занимался ли мастерством дед Федора Васильевича, Степан, установить не удалось. Верней всего, нет: он погиб совсем молодым. Но несомненно одно — в роду Токаревых были мастеровые. Поэтому наклонности к мастерству, проявившиеся у Федора Васильевича еще в детстве, едва ли можно объяснить одной случайностью.

Нельзя также не учитывать и того обстоятельства, что Федор Токарев родился и рос в казачьей семье, где оружие играло далеко не последнюю роль. У отца и у других казаков Федор с ребяческих лет видел оружие, слышал разговоры о нем и, как всякий мальчишка, проявлял к нему самый живой интерес. А так как у Федора были еще и наклонности к мастерству, то, естественно, два эти интереса должны были рано или поздно соединиться в нем и превратиться в одно большое влечение к оружейному делу. Именно так и случилось...

Отец Федора, Василий Токарев, остался сиротой на пятом году жизни.

Тяжело было молодой вдове с двумя сиротами. Нужда, заботы и тоска по любимому мужу быстро свели ее в могилу. Маленького Васю и сестренку его, Машутку, приютил дядя по матери, казак той же станицы, Евдоким Черкесов.

Несладко жилось Василию в чужой многодетной семье, да и старика Евдокима два лишних рта не шибко радовали.

Поэтому, едва Василий достиг совершеннолетия, дядя отвез его в станицу Мечетинскую и женил на своей племяннице Ефимье, единственной дочери хозяйственного казака Петра Артемьевича Пономарева.

Так на девятнадцатом году жизни попал бедняк Василий Токарев в зятья в затижочную казачью семью. Хозяйство у Петра Артемьевича было под стать хозяину: большой добротный дом на краю станицы, за домом — конюшни, хороший сад, кузница. За станицей, на бугре, в исправности содержалась ветряная мельница.

Прежде всего Петр Артемьевич позаботился о том, чтобы его зять был добрым казаком и исправно нес службу. Он купил ему коня, все снаряжение, и Василий Токарев отправился в родную станицу Егорлыкскую, где состоял в списках служивых. Егорлыкская находилась от станицы Мечетинской в двадцати шести верстах, и служба в ней для Василия была сопряжена с большими трудностями. Но перевестись из одного станичного общества в другое оказалось еще труднее.

В то время молодые казаки начинали воинскую службу с 17—18 лет. Первые четыре года они состояли в подготовительном разряде и жили дома, являясь на занятия лишь в определенные дни — три раза в неделю. Следующие четыре года они служили в полевом казачьем полку, а затем переводились на четыре года во вторую очередь (в запас). Наконец, на последние четыре года зачислялись в третью очередь, то есть жили в своей станице и могли быть призваны лишь по мобилизации.

Всего казаки числились на службе 16 лет, но фактически служили восемь, если учесть четыре года обучения. Остальное время находились дома, занимаясь хлебопашеством. Однако каждый из них обязан был держать наготове все свое снаряжение, коня и выезжать на проводимые атаманом время от времени смотры и поверки.

Каждый год для казаков второй и третьей очередей устраивались лагерные сборы. Казачьи полки должны были все время находиться в боевой готовности и по тревоге немедленно выступить к месту развертывания. Казакам не разрешалось менять места жительства или на долгий срок отлучаться из станицы.

Из этих правил не было исключения и для Василия Токарева. Жизнь в Мечетинской, а сборы и обучение в Егорлыкской сильно угнетали его. Однако он безропотно трудился «на степу» и нес службу, как подобает доброму казаку. Един-

ственным утешением для него было то, что он жил на «своей» половине.

Со смертью Петра Артемьевича за управление хозяйством взялась теща Василия, Мавра Максимовна, женщина своенравная и упрямая. Она не очень-то жаловала зятя, но дочь, как единственное чадо, любила сильно и относилась к ней заботливо.

К тому времени у Василия Токарева уже была большая семья. Однако ни долгие годы жизни в Мечетинской, ни то, что он был прирожденным казаком и основным работником в семье, ему не давало права даже на земельный надел, не только на часть имущества, оставшегося от тестя.

Бесправное положение день ото дня становилось все нестерпимее. Между ним и бабкой Маврой начались раздоры. Хозяйство тестя стало приходить в упадок: мельницу продали, кузницу забросили совсем. Однако она явилась хорошим убежищем для маленького Феди, которого мало волновали домашние неурядицы.

В кузнице после деда остались кое-какие инструменты, и Федя старался найти им применение. Его очень влекло к мастерству, но учиться было не у кого. Однако врожденные способности, пытливый ум и большая наблюдательность помогли ему на первых порах.

Когда Феде исполнилось семь лет, он самостоятельно сделал из дерева и жести маленький плуг, очень похожий на настоящий. Его изделие побывало в соседских дворах и получило одобрение не только малышей, но даже и взрослых. Похвала придала Феде уверенность, и он взялся за новую работу. Отыскав во дворе тяжелый красный кирпич, он стал из него вытачивать, высекать и выпиливать какую-то замысловатую игрушку. Кирпич оказался тверд и неподатлив, но Федя с удивительной настойчивостью продолжал работу, проводил за ней почти целые дни. Однажды он притащил свое сооружение домой и поставил на стол перед бабкой.

— Батюшки, церковь! — всплеснула руками богомольная Мавра и принялась хвалить внука.

Как-то, увидев у соседских ребятишек сделанную одним станичником мельницу с вращающимися крыльями, Федя решил непременно сделать себе такую же. Он внимательно рассмотрел игрушку, приметил, что внутри мельницы сделаны толкачи, которые начинают стучать, едва завертятся крылья.

Придя домой, он облюбовал две дощечки от рассохшейся бочки и принялся за дело. Заготовив планки нужных разме-

ров и бруски, он вспомнил, что у него нет мелких гвоздей, побежал к бабке. Бабка была скупа, но все же Феде удалось выпросить у нее две копейки на гвозди. Мальчик сбегал в лавку и на несколько дней засел за работу. Вскоре мельница была готова. Но Феде недоставало краски, чтобы сделать свою игрушку похожей на мельницу станичника. Увидев, что мать стирает белье, он отсыпал из тряпичного узелка немного синьки и выкрасил свое изделие. Мельница казалась грубой и неказистой на вид, но на ветру она махала крыльями и стучала толкачами. Федя очень гордился своим сооружением.

Оно и впрямь было недурно для семилетнего мальчика и говорило о его несомненных способностях, но этого никто не замечал. Отец был по горло занят работой и службой, бабка ходила за скотом и садом, мать по-прежнему не знала покоя от малышей. Жизнь текла своей обычной колеей, и до способностей Феди Токарева никому не было дела.

НЕУДАЧНОЕ НАЧАЛО

Прошел еще год. За это время Федя подружился с одним казачонком из зажиточной семьи и часто бегал к нему смотреть картинки в большой толстой книге. Там описывались события русско-турецкой войны и было много интересных иллюстраций. Жаль только, что ни Федя, ни его товарищ не знали ни одной буквы.

Однажды Федя пришел к бабке Мавре и решительно заявил, что хочет учиться.

— А какой тебе годик, Федюня? — спросила бабка.

— Восьмой пошел.

— Да ведь и правда, тебя учить пора.

— Я бы и к бате пошел, да он в лагерях.

— А зачем он нам,— строго сказала бабка.— Бог даст и без него управимся...

В первое же воскресенье, принарядившись и поймав во дворе большую жирную утку, бабка повела Федю в приходскую школу. Учитель оказался нездоров и поэтому особенно обрадовался бабке Мавре, так как слышал о ее знахарских способностях. Бабка действительно умела врачевать от многих болезней старинными народными средствами, и Федя не раз помогал ей заготовлять различные травы.

Определив, что учитель болен лихорадкой (так называли в простонародье малярию), бабка посоветовала ему прини-

мать какое-то снадобье и очень скоро поставила учителя на ноги.

С сентября Федя начал ходить в школу. Это было для него огромной радостью: в то время из казачьих детей учились немногие.

Учился Федя прилежно и очень скоро завоевал славу лучшего ученика. Однако это не обошлось без небольшой хитрости. Чтобы добиться бойкости в чтении, Федя под каждым словом делал рисунок, который обозначал это слово. Рисунки эти, конечно, были очень примитивны, но Федя легко узнавал изображенных им животных и предметы и очень бойко «читал». Однако эти проделки заметил учитель — и Федя получил двойку за поведение. Он прекратил «рисование», стал заниматься усердней и закончил год в числе лучших.

Как-то отец, дав ему книгу, велел читать вслух.

Федя, хотя и не особенно бойко, прочел несколько фраз.

— А считать умеешь? — спросил отец.

— Умею.

— Ну-ка, сосчитай, сколько зубов у трех лошадей, ежели у каждой по двадцати восьми?

— Восемьдесят четыре,— немного подумав, ответил Федя.

— Молодцом, Федька, превзошел науки! Больше казаку и не требовается, теперь будешь помогать мне по хозяйству.

— Батя, а как же с ученьем-то?

— Будя! — сказал отец и отправился по своим делам.

Переубедить его не удалось. Хотя отец служил когда-то в артиллерии, то есть в наиболее «ученых» частях, и до сих пор носил артиллерийскую фуражку, он непоколебимо верил, что для казака одной зимы учебы более чем достаточно. Федя вынужден был оставить школу.

Между тем раздоры отца с бабкой усилились. Хозяйство пришлось разделить. Отцу Федора достались небольшой флигель, деревянный амбар и часть двора. Он отгородился от бабки тесовым забором и поставил свои ворота на другую сторону.

Теперь у Василия Токарева семья поредела — в живых остались лишь трое детей: Федя, маленькая Ульяна да взрослая Наталья, которая жила с бабушкой.

Федор, лишенный школы, со все возрастающим интересом тянулся к ремеслу. По соседству с их флигелем находилась кузница, где работали два бывших солдата, Петр и Семен. Федор стал заглядывать к ним. Придет, станет у дверей и вопьется глазами в ловкие руки мастеров...

Рослый мальчик мог с успехом сойти за двенадцатилетнего. Его появление сразу же заметили кузнецы.

— Ты чего, малый, никак на коваля думаешь учиться?

— Хотел бы, да боюсь, прогоните.

— Может, и не прогоним, а вот отец, пожалуй, отдерет, да и нам спасибо не скажет.

— Нет, отец ничего...— нерешительно сказал Федя.

— Ну, коли так, оставайся...

Семен и Петр выполняли мелкие хозяйственные работы: выковывали крючья, скобы, ухваты, подковы, чинили замки, паяли кастрюли, делали различные женские украшения из олова и меди.

Для Феди все это было новым и интересным. Он жадно присматривался к кузнецам, вникал во все мелочи, учился их немудреному искусству.

Больше всего мальчику нравилось наблюдать, как Семен и Петр изготовляли перстни и кольца. Старую медную монету нагревали в горне докрасна, как железо. Потом из нее выковывали узенькую пластинку, при охлаждении принимавшую неприглядный черно-синий цвет. Такие пластинки загибали в кольца и спаивали желтой медью. Затем кольцам придавали различные фасоны, обтачивали, полировали напильником, острым скребком и, наконец, шлифовали трением о сухое дерево, пока они не начинали блестеть, как золото.

Перстни отливали из олова, а после полировали и украшали.

Федор довольно быстро овладел этим мастерством. Его собственноручные изделия пришлись по душе станичным девушкам, и в заказчицах не было недостатка.

Отцу раз попались на глаза Федины изделия, он нахмурился:

— Не казачье это дело...

— Тогда в школу пусти.

— Какая школа? Походил зиму, и хватит, ты казак, а не генерал...

ВСТРЕЧА С ОРУЖЕЙНИКОМ

Весной 1882 года, когда Федору шел одиннадцатый год, семья Токаревых переехала из Мечетинской в родную станицу отца — Егорлыкскую.

Там Василий Токарев пользовался всеми казачьими правами и должен был получить земельный надел и участок для

двора. Ему давно хотелось покончить со своим бесправным положением в Мечетинской.

Егорлыкская, старая и богатая станица, лежала на большой ростовской дороге, называемой казаками «шляхом».

Токаревым как раз и отвели место для двора рядом со шляхом, на краю станицы. Там, по обеим сторонам шляха, были раскиданы небольшие станичные кузницы, а одна из них даже оказалась на отведенном Токаревым участке, что очень обрадовало Федора. Он с нетерпением ждал, когда будет собран привезенный от бабки и сложенный в штабеля двухкомнатный флигель, но дело это не двигалось. Семья Токаревых жила в амбаре у тетки (сестры отца).

С постройкой не торопились, так как первым делом следовало «обсеяться». Когда было покончено с севом, отец нанял двух плотников, и они быстро собрали флигель. Семья переехала в свой дом.

Федор тотчас же пошел навестить соседа-кузнеца. Поскольку кузница находилась на их участке, он надеялся на самый радушный прием. Однако стоявший у наковальни кузнец сердито окликнул:

— Зачем пришел? Делать тут нечего вашему брату. Проваливай!

Федор направился в другие кузницы, но и там его встретили не особенно ласково.

Лишь в конце лета он познакомился с веселым кузнецом, которого все в станице называли Васька-цыган.

Кузнец этот, красивый статный детина, был женат на русской женщине и давно уже вел оседлый образ жизни, слывя замечательным мастером. Он отнесся к Феде радушно, похвалил сделанные им кольца и, узнав о желании мальчугана, ласково хлопнул его по плечу:

— Приходи, Федька, ко мне, когда хочешь. Учись, работай, денег с тебя не возьму!

Федя стал ходить в кузницу: делать кольца и серьги.

Занимаясь своим делом, Федя внимательно присматривался к Василию.

Однажды он по неловкости упустил в горн кусочек меди, который расплавился и помешал сварке железной шины, над которой трудился кузнец. Федя очень испугался, но, растерявшись, не сказал о своей оплошности.

Василий, взглянув на раскаленную шину, сразу догадался, в чем дело. Погрозив Феде кулаком, он незлобно выругался и тут же забыл об этом...

Как-то, придя в кузницу, юный Токарев увидел там не-

знакомого человека. Он сидел на скамейке и, посасывая трубку, тер озябшие руки. Незнакомец был небольшого роста, рыжеватый, с маленькой редкой бородкой, окаймлявшей худое, изможденное лицо.

Василий ловко и проворно ковал подкову, покряхтывая и разговаривая с незнакомцем.

Федя, поздоровавшись, стал в сторонке и начал прислушиваться.

— Славно ты работаешь, Василий,— говорил незнакомец простуженным голосом,— удали в тебе много и проворства. И мастер ты, видать по всему, первостатейный. А только вижу я, негде тебе проявить свое мастерство. Подкову сковать или шину сварить — небольшая наука!

— А чего же ты хочешь,— улыбнулся Василий,— чтобы я булатные мечи ковал?.. Может, и сковал бы, да заказчиков нет...

Незнакомец был тульским оружейником. Его выслали из родного города с «волчьим» билетом за участие в революционных сходках. Поэтому он и не торопился рассказывать о себе. Закурив и пристально посмотрев на Василия, продолжал:

— В этом и штука! Вот тебе бы к нам в Тулу, Василий. Там бы ты своим рукам применение нашел!

— На заводе спину гнуть — спасибо. Здесь я вольный орел. Хочу работаю, хочу нет! Я лошадей люблю, простор, волю. Там бы я зачах.

— Погоди, погоди! — неторопливо продолжал незнакомец.— Ты ведь не наездник теперь, а кузнец, мастер. А всякий мастер должен в глубь мастерства вникать, до высшей точки его доходить. У тебя тут какие дела? Оси для телег сваривать научился, вот и мастер! А в Туле, брат, такие мастера, что и рассказать нельзя...

— А ты чего же к нам забрел?

— Это уж другая статья. Наши тульские мастера испокон века на Дон ходят. А почему — сам догадаться можешь... Живется нам, мастеровым, в Туле не больно сладко, а у вас народ богатый и все при оружии. Вот и подаемся к вам на заработки. А мастера у нас такие, что поглядеть одно удивление!

Разузнав, где остановился приезжий, Федя на другой же день отправился к нему.

Волков сидел у окна на лавке и просверливал зажатый в тисках короткий железный стержень. Просверливал дрелью, которая была укреплена несложным приспособлением.

— Что это вы делаете, дяденька? — спросил Федя.

— Ре-воль-вер... Подходи, не бойся. Вот сейчас сверлю ствол. Их будет четыре. Вон, гляди, на окне готовые.

Федя осмотрел три железные трубки длиной с карандаш и спросил:

— Почему так много?

— Револьвер будет четырехствольный. Один торговец заказал,— и мастер опять приналег на дрель.— Приходи ко мне эти дни, посмотришь, как буду делать замок, курок, пружину, рукоятку,— поучишься.

Федя поблагодарил и залюбовался множеством инструментов, аккуратно разложенных в небольшом деревянном сундучке.

— Это все ваши?

— Мои,— ответил Волков.— Мастеру без инструмента нельзя, особливо если он делает тонкие вещи.

— А можно мне поглядеть?

— Отчего же нельзя, гляди, а я пока покурю,— и стал набивать трубку.

Федя, показывая мастеру то один, то другой предмет, расспрашивал, как он называется и для чего нужен.

Волков оказался добрым и словоохотливым человеком. Он объяснил Федору назначение всех инструментов, расспросил, почему паренек интересуется мастерством, и разрешил попросту заходить к нему.

Федя вернулся от Волкова взволнованный, ходил, думал... Потом собрал свои немудреные инструменты и приступил к изготовлению дрели, точнее, коловорота.

Ему казалось, что как только будет готов коловорот, он сможет приступить к более сложной работе, чем изготовление украшений.

В первый день Феде удалось сделать немного, но потом, посоветовавшись с Волковым и получив от него в подарок два сверла и кое-какие инструменты, он довел свое дело до конца.

Самодельный коловорот работал. Отыскав на кухне расколотую сковородку, Федя просверлил ее и, скрепив заклепками, принес матери.

— Вот это хорошо, Федюня. Спасибо. Ужо напеку тебе блинов!

Теперь, когда была готова дрель, Федя стал думать над тем, не попробовать ли ему свои силы на сложной работе, не попытаться ли сделать какой-нибудь немудреный пистолет,— уж очень увлекло его мастерство Волкова!

С этой мыслью Федя проходил несколько дней и, решив, что она вполне осуществима, направился на квартиру к Волкову, чтобы посоветоваться с ним.

— Нету, не ночевал ноне,— ответила, не открывая дверей, хозяйка.

Федя направился в кузницу к Василию.

— А, Федька! — обрадовался кузнец.— Ну, брат, и дела! Слышал ли?

— Нет, а что?

— А ведь Волков-то помер!

— Когда же? — упавшим голосом спросил Федя.

— Вчера он получил деньги за пистолет, направился в кабак, а утром его нашли замерзшего. Жаль, очень жаль...— продолжал Василий.— Редкий мастер был, золотые руки. А вот, видишь, какой конец...

Федор шел домой, не видя дороги. Он и раньше слышал много рассказов о талантливых русских мастерах и об их горькой судьбе. «Видно, уж такова их доля!» — думал он. Но от этих мыслей он не чувствовал страха за будущее. Напротив, теперь в нем еще больше укрепилось желание сделаться мастером, познать не только кузнечное и слесарное ремесло, но главным образом оружейное искусство.

МАСТЕР КРАСНОВ

После смерти Волкова Федя еще больше привязался к Василию и зимой почти все дни проводил в его кузнице.

Он сделался хорошим помощником кузнецу, и тот старательно учил его ковке и заварке железа, охотно передавал свой навык и знания.

Федор кузнечил с большой охотой и никогда не жаловался на трудности и усталость.

Однажды Василий заваривал лемех для плуга. Это была трудная, но интересная работа, и Федя внимательно следил за каждым движением кузнеца. В горн, чтобы создать высокую температуру, засыпали «земляной уголь» — так казаки называли антрацит. Федя усиленно качал мехи.

Когда кузнец выхватил из огня раскаленный добела лемех, с него посыпались пламенеющие угли, и один из них попал Федору в широкое голенище отцовского валенка.

Федор старался вытащить уголь, но протолкнул его еще дальше и закричал от страшной боли. Цыган бросился к нему

и быстро сдернул валенок с ноги. Запахло жженым мясом... Рана болела долго, но она не отбила у Федора охоты к мастерству, и он все так же часто посещал кузницу Василия.

Весной в станице жили двое мастеровых — кровельщик и маляр. Впрочем, они оказались мастерами на все руки. Когда нужно было крыть крышу, оба работали кровельщиками, а когда следовало ее красить, они брались за кисти. Мастеровые работали по соседству с домом Токарева, и Федор как-то пошел к ним: ему очень хотелось познать и кровельное мастерство.

— Эй, дяденьки, можно к вам на крышу? — снизу закричал он.— Я вашему делу учиться хочу.

— Не советую, парень. При нашем деле и шею свернуть недолго.

— Нет, мне охота, я не боюсь упасть.

— Ишь какой смелый, ну лезь сюда.

Федор взобрался на крышу и долго сидел там, наблюдая за тем, как кровельщики, ползая на коленях, ловко орудовали молотками.

Потом он наблюдал за тем, как внизу, на верстаке с железным бортом, они загибали края жестяных листов. Работа эта показалась ему очень несложной. Он стал помогать мастерам и довольно быстро постиг премудрости их искусства.

Когда наступили ненастные дни, кровельщики взялись за изготовление ведер и тазов, а потом принялись малярить.

С детства любивший рисовать, Федор очень обрадовался, увидев кисть и краски. Когда же мастера от нечего делать взялись писать на двери портрет Петра Великого, он буквально не отходил от них.

Кроме этих кровельщиков-маляров, Федору не доводилось видеть людей, владеющих кистью. Ему не у кого было поучиться рисованию. А к этому искусству его влекло не меньше, чем к мастерству. Федя охотно помогал мастерам растирать краски, после работы мыл в керосине кисти. Показывал и свои рисунки, которые те очень хвалили.

Мастеровые копировали с открыток простенькие пейзажи, писали яркие коврики, которые охотно покупали у них казачки. Выполняли они также заказы на изготовление вывесок. В этих работах Федор являлся для них сущей находкой: оба мастера были неграмотными. Федор же не только владел грамотой, но и умел очень четко и красиво рисовать буквы. Благодаря этому вывески получали всеобщее одобрение.

Навыки, приобретенные молодым Токаревым от кровельщиков-маляров, в дальнейшем ему очень пригодились.

В это время в Егорлыкской открылось двухклассное училище с пятилетним обучением. В училище этом было отделение ручного труда.

В Егорлыкскую по приглашению станичного правления прибыл известный па Дону слесарь-оружейник Алексей Васильевич Краснов. Ему поручили организовать слесарную мастерскую при станичной школе. Рассказывали, что Краснов прошел обучение при Тульском оружейном заводе и в стрелковой школе. Он был хорошим оружейным мастером и служил до этого в Новочеркасском юнкерском училище.

Узнал о приезде Краснова и отец Федора, но до поры до времени молчал об этом, стараясь обдумать все как следует.

Прошлым летом на покосе Федор как-то заикнулся об учебе, но отец так огрел его граблями, что у мальчика дух захватило.

Вспомнив этот случай, отец сплюнул с досады и подумал: «А ведь зря обидел мальчишку». Ему даже захотелось как-то загладить перед сыном свою вину, и он стал подумывать о том, что, пожалуй, было бы неплохо определить Федьку в ремесленную школу.

Соседи-казаки тоже намекали ему на «подходящий случай пристроить сына». Поразмыслив, Василий пошел в школу поглядеть и поразузнать.

Оказалось, что ремесленная мастерская организовывалась для учеников третьих и четвертых классов, а Федор проучился всего одну зиму.

«Вот досада,— размышлял отец,— кабы я не сорвал его тогда в Мечетинской, теперь Федька был бы уже в четвертом!»

Отцу не столько было жаль, что Федор отстал в образовании от некоторых своих сверстников, ему просто не хотелось упустить случай отдать сына в учение ремеслу. «Ведь зиму-две походит — глядишь, и деньги начнет зарабатывать!» — назойливо вспоминались ему слова одного соседа. Довод этот оказался настолько сильным, что он тут же отправился к мастеру Краснову. На всякий случай, втайне от сына, захватил с собой и некоторые его изделия.

Краснову как раз был нужен помощник. Мастер согласился взять Федора к себе и обучать его ремеслу с освобождением от посещения общеобразовательного класса.

Известие о том, что отец согласился наконец отдать его в школу, Федор встретил с большой радостью. Он забыл все обиды, за двоих работал на молотьбе, не чая дождаться счастливого дня, когда назначено было явиться в школу.

Но вот этот день наступил, и Федор с волнением перешагнул заветный порог. Мастер Краснов, плотный, коренастый человек, одетый в казачьи шаровары и рабочую куртку, радушно улыбнулся в густые усы и протянул ему руку.

— Ну, здорово, помощник, давно тебя жду. Работы хоть отбавляй, а рук-то — одна пара.

Пытливо осмотрев Федора зоркими серыми глазами с прищуром, он остался доволен не по летам крепкой фигурой будущего помощника.

Ласково хлопнув Федора по плечу, сказал:

— Вижу, ты парень дюжий, и руки в мозолях. Думаю, дело у нас пойдет!

Ободренный и обласканный Алексеем Васильевичем Красновым, Федор с увлечением взялся за работу, помогая мастеру в оснащении и оборудовании мастерской.

В выделенном станичным правлением небольшом домике с глиняным полом, находящемся рядом со школой, было три комнаты. В одной они сколотили верстак и привинтили к нему тиски, поставили сверлильный станок, в другой установили две наковальни. Общий очаг для горнов еще до прихода Федора был сложен из кирпича. В третьей комнате сбили из досок шкафы с полками для хранения инструмента. Станичное правление на оборудование мастерской денег отпустило очень мало, и Краснову вместе со своим помощником еще до начала занятий в школе пришлось взяться за разные работы, чтобы на вырученные деньги купить недостающие инструменты.

Краснов оказался великолепным мастером: он в совершенстве знал кузнечное, слесарное и столярное дело. Мог разобрать и починить любую машину, а в оружейном деле не знал себе равных.

Поначалу мастер с помощником начали чинить замки, ружья, швейные машины. Слух об искусстве Краснова быстро распространился по станице и окрестным хуторам, и заказчики стали приходить толпами. Но едва было приобретено все необходимое, Алексей Васильевич приступил к занятиям с учениками.

Федор, с первых же дней удививший мастера своими познаниями в кузнечном и слесарном деле, был поставлен в особые условия. Мастер поручал ему проводить самостоятельное обучение учеников. Если случалось выполнить какую-нибудь сложную работу, Краснов никогда не делал ее без своего помощника. Он горячо полюбил тихого и смышленого подростка и радовался его трудолюбию.

Однажды у зажиточного казака сломалась косилка. Чтобы не везти ее в Ростов — а это было как раз в разгар сенокоса,— казак пришел к Краснову и стал упрашивать его исправить машину.

— Надо помочь. Идем, Федор,— сказал мастер и, захватив ящик с инструментами, направился вместе с казаком.

За ремонтом косилки вместе с Федором пришли наблюдать и другие ученики. Учитывая это, Краснов разобрал машину и подробно объяснил ученикам ее устройство, затем нашел повреждение и вместе с Федором быстро исправил его.

В конце учебного года в мастерскую приехал нарочный от богатого казака, жившего на хуторе верстах в 30 от станицы. Он приехал спросить Краснова, не согласится ли тот починить испортившийся паровик — так станичники называли локомобили, применяемые для молотьбы. Локомобиль тогда был большой редкостью, и Федору очень хотелось познакомиться с его устройством. Он стал просить мастера взяться за ремонт, и сам обещал поехать ему помогать.

— Ладно,— сказал Краснов нарочному,— так и быть, после окончания занятий приедем и починим ваш паровик.

Скоро он передал Федору маленькую брошюрку «Локомобиль и его устройство». В ней содержались описание машины и ее чертеж.

Несколько раз перечитав брошюру, Федор должен был признаться мастеру, что ничего не понял.

— Да, плохо дело, Федюшка, значит, мало ты преуспел за зиму.

— Мало, Алексей Васильевич,— со вздохом признался Федор.

Следует сказать, что еще в начале занятий в школе Токарев познакомился с племянником Краснова, учеником 4-го класса, Алешей Чаусовым, обучавшимся в мастерской. Они подружились, Алеша оказался хорошим товарищем. Узнав, что Токарев окончил лишь первый класс, Чаусов стал заниматься с ним в свободные часы по русскому и арифметике, надеясь пройти за зиму программу второго класса. Однако занятия велись не регулярно, и Федор, несмотря на старания, добился немногого. Тем не менее после окончания занятий он вместе с Красновым поехал чинить паровик в соседний хутор.

Поломка в локомобиле оказалась серьезной: пришлось провозиться с ним несколько дней. В этой работе Федор приобрел немало ценных сведений. Больше же всего его удивил новый вид чугуна, из которого были изготовлены отдельные части

локомобиля. Они оказались настолько прочными, что трудно поддавались обработке. Раньше Токареву приходилось встречать чугун очень мягкий и хрупкий. Мастер рассказал Федору о разных сортах металла и о технологических свойствах каждого из них.

Впечатления от этой поездки были несколько омрачены поведением хозяина локомобиля, оказавшегося человеком на редкость жадным. Он заявил Краснову, что его помощник работал плохо, и ни копейки не заплатил Федору.

Впоследствии Токареву приходилось выполнять вместе с Красновым самые различные слесарные работы, но больше всего он любил помогать мастеру в ремонте оружия.

В оружейном деле Алексей Васильевич был большим искусником. Ремонтируя какое-нибудь ружье, непременно рассказывал Федору его историю: где сделано, в каких битвах применялось, объяснял устройство, оценивая достоинства и недостатки ружья. Федор за две последние зимы узнал больше, чем за все предыдущее время.

В мастерской случались довольно часто спешные работы, с которыми один мастер справиться не мог. Ему неизменно помогали Федор Токарев и его друг Алеша Чаусов. Иногда они задерживались допоздна и оставались ночевать в мастерской. Спать обычно укладывались у весело потрескивающей печки, разостлав на полу полушубки.

За печкой следил, коротая ночь, сторож мастерской, старый служивый казак дед Чжалка. Почему его так звали, никто не помнил. Знали лишь, что дед Чжалка был участником кавказских походов и служил вестовым у генерала Бакланова. Он был словоохотлив и добр. Набив заросшие волосами ноздри нюхательным табаком, любил заводить рассказы о былых ратных делах, и ребята слушали его до вторых петухов.

— А раз ночью приказал мне енерал,— повествовал дед тихим, вкрадчивым голосом,— езжай, говорит, прямо на позицию и передай в собственные руки князя Василия вот этот пакет. Князь-то был полковником, я не раз к нему посылался. Но одно дело днем, другое — в непроглядную ночь, да еще на позицию. Но делать нечего. Слушаю, говорю, ваше дительство, а сам на коня — да и айда. Конь, думаю, вывезет.

Вот едем. А куда едем — не знаю. Конь видит дорогу, а я ни-ни. Слава богу, помаленьку прояснять начало. Едем этак неторопко, чтоб не обнаружить себя, вдруг меня кто-то, как хватит по боку: «Ложись, сукин сын, а то сейчас пристрелю!» Ну, думаю, смерть пришла, кавказцы. Скрутят меня

сейчас, приколют и пакет отберут. Слышу: голоса русские,— значит, свои. Приободрился, значит, отвел коня за куст и спрашиваю солдат, где тут князь Василий. А мне какой-то офицер сует в руки ружье и кричит: «Ложись, сейчас атака начнется».

Лег я рядом с другими, лежу. Уж посветлело, хоть туман и не дает разглядеть, что там впереди деется. Еще этак с полчаса пролежали и видим уж совсем явственно — ползут. Ползут, братцы мои, к нам чечены с кинжалами в зубах. Страсть такая, что и передать нельзя. А тут команда — пли! Встрепенулись наши солдатики: щелк, щелк — не тут-то было! Порох от тумана отсырел, не загорается. Спасибо одному офицеру: шашку наголо и «ура, братцы». Кинулись мы на супостата, ну и того... одолели. Потому как с испокон века известно, что «пуля дура — штык молодец!».

...Он поднес к носу щепоть табаку, крякнул, высморкался и продолжал:

— Теперь, конечно, другое дело. Потому как оружие стало другим. А раньше мы стреляли из кремневок. Это не ружья, а одна маята...

Рассказы деда Чжалки Федор впитывал, как песок дождевую воду. В них была живая история далеких военных событий, история полюбившегося ему оружейного дела.

Летом, когда занятия подходили к концу и ученики должны были вот-вот уйти на каникулы, в станичном правлении был получен приказ по Войску Донскому. В нем сообщалось, что в Новочеркасске открывается Военно-ремесленная школа для подготовки оружейных мастеров.

Этот приказ из правления принес Краснов и, прочитав его Федору, сказал:

— Вот куда тебе, Федюшка, надобно поступать!

В ВОЕННО-РЕМЕСЛЕННОЙ ШКОЛЕ

В организуемой в Новочеркасске Военно-ремесленной школе намечалось создать четыре отделения: оружейно-слесарное, кузнечное, седельное и шорное. Обучение и питание учащихся предполагалось бесплатное.

Окончившие курс должны были выпускаться мастерами и производиться в нестроевые старшего разряда, то есть получать первые казачьи звания от урядника до старшего урядника и направляться на должности оружейных, седельных и других мастеров в казачьи воинские части.

Учиться бесплатно и потом попасть мастером в полк, да еще в чине урядника, что могло быть более заманчивым для сына бедного казака? Так думали отец Федора и все родичи. Самому Федору тоже очень хотелось пойти в Военно-ремесленную школу. Об этом мечтали и многие его товарищи, но попасть туда было не так-то просто! В эту школу принимали только детей казаков, для иногородних жителей станиц доступ в нее был закрыт.

Федор, как сын казака, был бы допущен, но на пути встали другие преграды: требовались знания в объеме городского училища. Федор же имел похвальный лист об окончании первого класса и ничего больше.

Верно, занятия с Алешей Чаусовым помогли ему несколько пополнить свои познания, но о сдаче экзаменов за четвертый класс нечего было и думать.

Федор поведал о своем горе Краснову.

— Не тужи, Федюшка,— успокаивал мастер,— до открытия Новочеркасской школы еще больше года! Это, братец мой, такой срок, за который многое можно успеть...

Он повел Федора к местному учителю, рассказал ему о замыслах своего ученика и попросил проэкзаменовать Федора по русскому и арифметике.

Учитель охотно согласился и, хотя знания Федора не шли дальше второго класса, стал уверять его, что за год, если серьезно заниматься, можно подготовиться и за третий, и за четвертый классы.

Все лето Федор просидел за учебниками и осенью был принят в третий класс. Зиму он учился с удивительным упорством и намного обогнал своих сверстников. Теперь у него оставались в резерве три летних месяца, которые он надеялся использовать, чтоб подготовиться за четвертый класс.

У Токарева был и еще один немаловажный козырь. Когда решили, что он поедет держать экзамены в Военно-ремесленную школу, мастер Краснов посоветовал ему сделать для показа приемной комиссии некоторые слесарные инструменты и замок двуствольного охотничьего ружья.

Эту работу Федор выполнял в обычные часы занятий в мастерской. К весне и инструменты и замок были готовы.

Мастер похвалил, но посоветовал украсить замок гравировкой. Федор и сам думал об этом и потому взялся за дело с особым усердием.

Гравировку он сделал с большим искусством. Трудно было поверить, что это работа пятнадцатилетнего подростка.

Краснов с восхищением рассматривал замок Федора.

— Вот теперь совсем хорошо, отлично! Думаю, что этот замок произведет впечатление в комиссии. Однако арифметику и прочие науки советую тебе подучить...

Незаметно подошло первое августа, когда Федор должен был держать предварительные (отборочные) испытания в войсковом штабе. Вместе с Алексеем Васильевичем Красновым Федор выехал на лошади в Новочеркасск.

Дней через десять он вернулся веселый и радостный. Мастер оказался прав: испытания Токарев выдержал, представленные им инструменты, и особенно замок ружья, решили его судьбу.

— Ну, что я тебе говорил, Федюшка! — радовался за него Алексей Васильевич.— Ведь выдержал испытания!

— Эти выдержал, а главных боюсь,— признался Федор.

— Ничего, и те выдержишь. Надо только быть посмелее и отвечать решительно и громко, это очень помогает.

— Там знаете, какие экзаменуются,— продолжал рассказывать Федор,— лет по шесть учились, да в разных школах.

— А ты чем хуже? Не трусь — и все! А если и провалишься — не горюй: у меня там в школе приятель служит, подъесаул Лавров, если что — похлопочу!..

Через некоторое время Токарев снова отправился в Новочеркасск. На этот раз с ним были те же инструменты, замок ружья, похвальный лист об окончании первого класса приходской школы да еще справка станичного правления, удостоверяющая, что «сын казака Федор Токарев, выросток 16 лет, поведения хорошего».

Испытания и на этот раз прошли в основном благополучно: Федор был принят в Военно-ремесленную школу. Несколько огорчило его известие о том, что его приняли не на оружейное, а на кузнечное отделение.

Отец был очень удивлен успехами Федора, сам ходил справляться к школьному писарю и, удостоверившись, что это так, очень обрадовался: «Теперь Федор, бог даст, выйдет в люди». Лишь одно обстоятельство беспокоило отца: посылая Федора на экзамены, он подписал в станичном правлении обязательство справить сыну форменное обмундирование.

Однако и на этот раз помог мастер Краснов, приехавший в Новочеркасск, чтобы позаботиться о своем ученике. Он сказал, что в Новочеркасске, помимо Военно-ремесленной школы, существует еще несколько училищ; юнкерское, кадетское, военно-фельдшерское, реальное и гимназия, а формы во всех этих заведениях, поскольку в них учатся дети казаков, почти

одинаковые, и посоветовал купить для Федора поношенное гимназическое одеяние.

Отец обрадовался, вместе с сыном отправился на базар и по весьма сходной цене купил все необходимое. Облаченный в серую шинель и барашковую папаху с красным верхом, Федор глянул в зеркало и показался себе настоящим молодцом.

— Ну, Федор, желаю тебе добра! — сказал отец, пожимая ему на прощание руку.— Учись и не забывай про нас. Бог даст, пробьешь себе дорогу...

Военно-ремесленная школа, о которой Федор мечтал долгие месяцы, наконец-то открыла перед ним свои двери.

Но первые дни учебы разочаровали его. Вместо общеобразовательных наук и изучения оружейного мастерства, начались солдатская муштра и зубрежка уставов. Суровый казарменный режим явился для него такой жестокой неожиданностью, что Федор загрустил.

Но как только приступили к практическим занятиям в кузнице, Федор сразу преобразился. Это была его стихия. Тут, у жаркого горна, где другие кисли и изнемогали, он чувствовал себя как нельзя лучше.

С первых же занятий в кузнице Федор показал свое мастерство, которое не шло ни в какое сравнение с работой других учеников. В основном это были дети зажиточных казаков или чиновных людей, смотревшие на Военно-ремесленную школу как на трамплин, с которого можно совершить прыжок в другое, более почетное учебное заведение. Их совсем не интересовали практические занятия в кузнице. К кузнечной работе они относились с большим пренебрежением и всячески старались от нее увильнуть.

Токарев же работал со все возрастающим увлечением. Когда он стоял у наковальни с молотом в руках, отковывая какую-нибудь деталь, на него приятно было смотреть. Движения его были смелы, расчетливы, ловки.

Однажды им заинтересовался пришедший в кузницу преподаватель оружейного отделения, известный на Дону оружейный конструктор Александр Евстафьевич Чернолихов.

— Откуда у этого паренька такая выучка? — спросил он у мастера.

— Как же, он ученик Краснова.

— А, слышал, так он, наверное, и слесарное дело знает?

— Да, у него есть свои работы,— мастер достал из ящика сделанные Федором инструменты и замок двуствольного ружья.

Чернолихов очень удивился, узнав, что Токарева определили в кузницу. Зная о горячем желании юноши стать оружейником, обещал похлопотать о переводе его к себе.

С этого дня судьба Федора окончательно определилась.

Александр Евстафьевич пользовался у начальства большим авторитетом не только как непревзойденный на Дону знаток оружейного дела, но и как конструктор казачьей винтовки образца 1860 года.

Эта шестилинейная винтовка долгое время состояла на вооружении казачьих частей. Она была легче других образцов оружия того времени, меньше калибром и отличалась хорошими боевыми качествами и надежностью в стрельбе. Винтовка эта хотя и заряжалась с дульной части, но была снабжена ударно-капсульным замком и поэтому не шла в сравнение с кремневыми ружьями.

Несмотря на преклонный возраст, Чернолихов был бодр и с большим увлечением обучал молодежь оружейному делу. В Федоре Токареве он сразу угадал недюжинные способности и относился к нему особенно благосклонно.

Познания в оружейном деле, полученные Федором от мастера Краснова, Чернолихов стал заботливо углублять, передавая ему не только знания, но и свои богатейшие навыки в оружейном мастерстве.

Он знакомил воспитанников школы с различными системами винтовок, тщательно объяснял особенности их конструкций, учил, как производить ремонт или изготовление отдельных частей.

С переходом на оружейное отделение жизнь Федора в Военно-ремесленной школе решительно изменилась.

Надо сказать, что с первых дней поступления в школу он чувствовал себя неловко. Подавляющее большинство обучавшихся были сынками купцов, офицеров, чиновников, попов. Многие из них до этого учились не в одном учебном заведении. На Федора, станичного парня, впервые увидевшего город и паровоз, они смотрели с пренебрежением и не раз готовы были его отвалтузить, но рослая фигура и крепкие кулаки Федора внушали опасение.

Все же в их среде Токарев был белой вороной. Он не мог так бойко и смело отвечать уроки, совсем не умел делать гимнастических упражнений и заниматься на снарядах. Его неловкие, неуклюжие движения вызывали смех и издевательства.

С переходом на оружейное отделение Токарев сразу начал делать большие успехи и оставил далеко позади себя бравых

и заносчивых молодчиков. Многие из них перестали относиться к нему с пренебрежением, напротив, заискивали, просили, чтобы Федор помог им в учебе по оружейному делу, и даже пытались с ним завести дружбу. От природы замкнутый, Токарев почти ни с кем из учеников не сходился. Он был целиком захвачен любимым делом и отдавал ему все свое время. Ни игры, ни борьба, ни другие развлечения его не интересовали. Если выдавались свободные минуты, он посвящал их чтению. Его день был загружен до предела. Благодаря этому он забывал про гнетущую обстановку. Забывал о том, что он, вольный казак, фактически заключен в четырех стенах школы и не имеет права выйти отсюда. Это было действительно так. Как только ученики надели военную форму, выход в город им был запрещен до тех пор, пока все они не обучатся словесности, то есть не научатся приветствовать офицеров и генералов, которые в Новочеркасске встречались на каждом шагу...

Лишь шестого декабря, в Николин день, Федор получил право облачиться в парадное обмундирование (справляемое школой на деньги родителей) и первый раз выйти в город. По примеру других он отправился в фотографию и сфотографировался, как подобает казаку: с обнаженной шашкой.

Фотоснимок был послан в станицу. Окропленный радостными слезами матери, впервые видевшей сына в военной форме, он обошел всех знакомых и родных. Федор получил из дому письмо, в котором мать и отец просили его приехать на каникулы к ним.

Старикам было лестно увидеть сына в военном обмундировании с четырьмя таинственными буквами на сверкающей пряжке ремня — НВРШ. Они нетерпеливо ждали счастливого дня. И как только были объявлены каникулы, Федор поехал домой.

Вместе с родителями и со своим другом Алешей Чаусовым Токарев ходил в гости к соседям и даже был принят у богатых казаков, к которым раньше и во двор-то не отваживался заглядывать.

В Новочеркасск из-за болезни отца его провожала мать. Путь на лошадях был долог и труден — разгулялась метель. Мать довезла сына до Батайска, а оттуда решили ехать поездом в Ростов.

До этого Токареву ни разу не приходилось ездить на поезде. Он с волнением и опаской вошел в небольшой прокопченный вагончик с маленькими окошечками и сел на одну из скамеек, расставленных вдоль стен.

Посреди вагона топилась круглая чугунная печка. Уголь

был с большой примесью серы, и в вагончике стоял удушающий смрад. Но до Ростова было всего 7 верст, и пассажиры терпеливо сидели на своих местах. Скоро поезд загудел, загромыхал, и вагончик стал раскачиваться из стороны в сторону. Многим было страшно, они крестились и вздыхали. Федор же ощущал необыкновенную радость от сознания, что он едет «на машине».

Вскоре поезд остановился у Ростовского вокзала, и они с матерью вышли на свежий морозный воздух.

Федору очень хотелось осмотреть паровоз и познакомиться с его устройством, но это пришлось отложить до другого раза.

...Со временем Федор свыкся со школьными порядками, привык к обстановке, даже подружился с некоторыми из одноклассников, но из преподавателей по-настоящему привязался лишь к одному Чернолихову.

Учился Федор довольно успешно, хоть давалось ему это не легко. Учиться плохо или посредственно не позволяло самолюбие. Не хотелось ударить лицом в грязь перед «знатными сынками». К тому же его влекли знания, он с жадностью впитывал в себя все новое.

По основной же специальности Федор делал блестящие успехи, и Чернолихов очень гордился своим учеником.

Однажды Федор поехал в станицу на пасхальные каникулы вместе с товарищем по классу Сидоровым. Они отпросились на неделю раньше под предлогом говения. Но в станице нашлись развлечения более интересные, чем выполнение религиозного обряда. Приятели вспомнили о говении только накануне отъезда в Новочеркасск, и то лишь потому, что в школу необходимо было представить справку из церкви. Дело чуть не кончилось неприятностью, да станичный поп выручил: за небольшую мзду согласился выдать справку...

Шел четвертый год учебы. Школа, где учился Федор, помещалась в длинном двухэтажном доме. Вверху были жилые комнаты, внизу — классы и мастерские.

Как-то теплым весенним вечером Федор распахнул окно и уселся на подоконник, чтобы подышать свежим воздухом, пропитанным ароматом цветущих садов. Его внимание привлекло хорошо освещенное окно в соседнем одноэтажном доме, где была начальная школа, открытая местной купчихой-благотворительницей.

В окне мелькнула стройная молодая девушка. Федор бросил в стекло шарик из бумажки. Девушка повернулась, но, заметив Федора, тотчас задернула занавеску. Ее лицо при-

близилось к стеклу лишь на секунду, но этой секунды оказалось достаточно, чтоб сердце Федора дрогнуло.

Много бессонных ночей скоротал юноша под окнами любимой. Много нежных писем забросил через форточку, пока девушка удостоила его своим вниманием. Это были счастливые минуты! Полюбив хорошенькую учительницу, он стремился быть достойным ее, поэтому учился с особенным старанием и упорством.

В то время материальное положение семьи несколько улучшилось. Полученный в связи с совершеннолетием сына земельный надел отец сдавал в аренду и часть вырученных денег посылал Федору. Федор покупал на эти деньги необходимые учебники и книги: «Хороший тон или правила светских приличий», «Правила и формы деловой переписки и интимных писем». Читал их по вечерам, украдкой от товарищей по комнате...

С переходом в старший класс Токарев получил звание младшего урядника, и ему на погоны нашили поперечную полоску из оранжевой тесьмы. Это был первый чин в казачьих частях, соответствующий младшему сержанту в армии.

Федор сообщил об этом отцу, зная, что старику такое известие доставит немалую радость. Он, несомненно, будет с гордостью говорить соседям, что его сын, который еще недавно бегал по станичным кузницам, теперь уже младший урядник. Приятно было и самому Федору предстать с нашивками перед Диной Кулешовой — так звали молодую учительницу.

В первое же воскресенье после производства в младшие урядники Федор отправился к фотографу, у которого снимался два года тому назад.

Потому ли, что Федор возмужал и выглядел совсем молодцом, или оттого, что на его погонах горела оранжевая полоска,— только на этот раз фотограф встретил его любезно, разговорился, как со старым знакомым. Сделав снимок, стал расспрашивать Токарева об отце, с охотой показал Федору свой аппарат и даже объяснил его устройство.

Когда Федор был в третьем классе, в школе неожиданно произошла реорганизация: четвертый класс был упразднен, а третий стал старшим и выпускным. Федор и его товарищи думали, что причина реорганизации кроется в том, что бо́льшая часть учащихся, проболтавшись года два в этой школе, решила перебраться в другие учебные заведения. В третьем классе оружейного отделения остались всего три ученика: Федор, его друзья Сидоров и Жарков. Однако тут были при-

чины, о которых не только учащиеся, но и преподаватели ничего не знали.

Наказным атаманом Донской области в ту пору был ярый реакционер князь Святополк-Мирский. Он считал, что казаки должны хорошо владеть конем и оружием и бесстрашно рубить врагов, внешних и внутренних. Образование, на его взгляд, ничего не могло дать казакам, кроме вреда. Этот сиятельный самодур сумел добиться закрытия по окружным станицам многих гимназий, реальных училищ и других учебных заведений, а в Военно-ремесленной школе самолично отменил четвертый класс.

К счастью, класс Федора, как прошедший теоретический курс, в виде исключения, должен был закончить обучение по старой, четырехклассной программе.

Последний год обучения проходил исключительно в практических занятиях. В качестве дипломной работы каждый из выпускников должен был самостоятельно изготовить охотничье ружье и отделать его по всем правилам оружейного искусства. Кроме того, к ружью нужно было приложить его чертежи, выполненные в красках. По классам объявили, что лучший выпускник будет оставлен на работе при школе в качестве помощника мастера.

Федора очень увлекла дипломная работа. Он взялся за изготовление одноствольного休куркового ружья калибром в 5 линий. Работа представлялась нелегкой, особенно при скудном оборудовании мастерской.

Токарев старался, как только мог. Много ценных советов и указаний дал ему Чернолихов, который сам очень хотел, чтобы Федор попал к нему в помощники. За четыре года учебы в школе Токарев достиг немалых успехов. Изготовленное им ружье можно было без стеснения поставить рядом с работами тульских мастеров. С особенным искусством он выполнил гравировку на металлических частях ложи в стволе.

Работа Федора Токарева получила лучшую оценку. Он окончил школу с отличием и был оставлен при ней в качестве помощника Чернолихова.

ТОКАРЕВ СТАНОВИТСЯ МАСТЕРОМ

Федор Токарев окончил Военно-ремесленную школу в памятном для истории отечественного оружия 1891 году. В этом году на вооружение русской армии была принята знамени-

тая мосинская винтовка. Однако знакомство Федора с этой винтовкой произошло значительно позже, а о самом конструкторе он узнал много лет спустя.

По окончании школы Токарев получил звание нестроевого старшего разряда и квалификацию мастера первого разряда. Это давало ему право на занятие в любой части должности полкового оружейного мастера. Но он, как уже было сказано, остался помощником мастера при Военно-ремесленной школе в Новочеркасске.

Назначение не обошлось без проволочек, так как занятия в школе начинались в сентябре и начальство считало нецелесообразным платить Токареву жалованье за летние месяцы.

Но Федор пошел на все, лишь бы остаться при школе. Для этого были весьма существенные причины. Во-первых, для него было чрезвычайно важным и заманчивым еще год-другой поработать с прославленным оружейником Чернолиховым, во-вторых, отношения с Диной превратились в крепкую любовь.

Жалованье Федору положили небольшое — двадцать рублей в месяц. Но от сознания того, что он вышел на самостоятельную дорогу и даже стал помощником своего учителя, Федор был счастлив. Работа в мастерской была интересной и разнообразной. Чернолихов его любил и поощрял. Постепенно Федор начал подумывать о женитьбе.

Дина соглашалась выйти за Федора замуж. Но перед обоими неожиданно встали серьезные препятствия. Родители Федора и мать Дины высказались против их союза. Отец Федора сразу же отрезал:

— Твоя Дина ни пахать, ни косить не умеет, и нам такая сноха не ко двору.

Мать Дины заявила дочери, что Федор ей не пара. Дина хотя и бедная девушка, но из дворянской семьи (ее отец, обедневший помещик, служил войсковым писарем и умер в этой должности). К тому же она получила образование и хорошее воспитание, Федор же простой, малограмотный казак.

На это Дина ответила, что Федор будет учиться и она сама поможет ему получить образование. А человек он хороший, способный и трудолюбивый, и они горячо любят друг друга. Против этих доводов нежно любившая свою единственную дочь мать Дины не устояла.

Федор успокоил отца и мать, сказав им, что Дина учительница, что они будут работать оба и часть денег посылать родителям. Он обещал также не требовать никаких средств от

своего земельного надела, по-прежнему сдаваемого в аренду, и старики сдались.

Оставалось еще одно препятствие. Нужно было добиться разрешения на брак у начальства школы, где хранились все документы Федора. Надежд на получение такого разрешения было мало, и Федор решил обойтись без него. Через отца он достал из станичного правления копию метрической выписки, чего было достаточно для венчания, и, поставив начальство уже перед совершившимся фактом, отделался выговором.

Дина взяла на себя заботу помогать Федору в самообразовании: читала вслух и его заставляла читать художественную и популярную литературу, уговаривала мужа при первой же возможности пойти учиться.

Проработав зиму помощником у Чернолихова, Токарев закрепил и обогатил свои знания, но в то же время почувствовал, что в школьной мастерской ему становится тесно. Эта мысль не давала покоя. Чтобы немножко рассеяться, он вместе с Диной поехал в Егорлыкскую навестить родных.

Дине, привыкшей к городской жизни, в станице не понравилось, да и свекор со свекровью не особенно ласково встретили ее. Дина скоро уехала обратно, а Федор, чтобы не обижать родителей, еще на некоторое время остался в станице. Он навестил старых друзей: мастера Краснова и цыгана Василия. Тот и другой искренне обрадовались успехам своего ученика. Цыган был особенно рад, что Федор, будучи урядником, не погнушался зайти к нему в кузницу и по-дружески побеседовать с ним.

Федор и не думал чураться. Напротив, он по старой памяти хотел покузнечить с Василием, но неожиданно пришло письмо от Дины, извещавшее, что в Новочеркасск нагрянула свирепая гостья из Азии — холера.

Токарев решил немедленно выехать туда, но родители удержали.

Однако через несколько дней и в Егорлыкской начали умирать люди. Холера шагала семимильными шагами.

В казачьих станицах ей было полное раздолье. Она могла косить направо и налево, так как врачей в станицах не было, борьбы с эпидемией никто не вел, только попы ходили крестным ходом и служили молебны об укрощении божьего гнева.

Федор стал готовиться к отъезду.

Новочеркасск холера буквально опустошила. Федор видел вымершие, заколоченные дома. На некоторые улицы совсем не пускали. Федор не шел, а почти бежал, его страшила

мысль, что Дину уже скосила безжалостная смерть... Но, к счастью, и Дина и ее мать оказались живы.

К осени, когда повальные заболевания прекратились, Токарев получил назначение оружейным мастером в 12-й Донской казачий полк, стоявший тут же, в Новочеркасске. Это известие обрадовало его. Они с Диной начали мечтать о новой жизни. Но едва Токарев оформился на новую службу, пришел приказ, которым полк переводился на дальнюю западную границу необъятной Российской империи. Мечты о продолжении учебы и новой жизни рассыпались, как оборванные бусы. Дина осталась в Новочеркасске, а Токарев отправился в далекий путь с полком.

Эшелон, в котором ехал Токарев, разгрузился на станции Луцк. Там железная дорога обрывалась. До местечка Торчин, что лежало верстах в тридцати от Луцка, добирались походным порядком по густой непролазной грязи. Единственный двухэтажный дом в местечке был занят под штаб. Весь личный состав полка разместили по маленьким домикам и халупам у населения, в основном состоявшего из белорусов, поляков и еврейской бедноты.

По сравнению с богатым Новочеркасском Торчин являл собой жалкое зрелище: низенькие, покосившиеся домики с ветхими заборами, и грязь, грязь, грязь... Чтобы не утонуть в грязи, для пешеходов вдоль улиц были проложены доски-тротуары.

Очень огорчало и другое: в полку еще не кончился контракт с вольнонаемным оружейником, и Федор был определен к нему в помощники. Федор смирился. На помощь пришли смекалка и умелые руки мастера. Токарев стал выполнять в полковой мастерской небольшие частные заказы и кое-что подрабатывать.

О нем заговорили как о замечательном работнике и, как только кончился контракт с вольнонаемным оружейным мастером, его немедленно назначили на освободившееся место.

Двадцатирублевое жалованье не сулило Токареву ничего хорошего, но зато он стал занимать должность, о которой долго мечтал. Она упрочивала его положение в полку. Теперь через его руки проходило все оружие. Он должен был следить за его исправностью, производить осмотры и ремонт.

Федор до тонкостей изучил находившуюся на вооружении полка винтовку Бердана № 2. Он хорошо помнил все системы, которые принимались на вооружение русской армии со времен Крымской войны. Знал из рассказов Чернолихова о тяжелой участи героических защитников Севастополя, воору-

женных гладкоствольными кремневыми ружьями, и о превосходстве противника, стрелявшего из нарезных штуцеров, из которых пуля летела втрое дальше.

Токарев знал и о прочих иностранных системах, состоящих на вооружении русской армии.

Дольше других систем на вооружении находилась винтовка под названием «Бердана № 1».

Краем уха Федор слышал от сотника Попова, что эту добротную винтовку изобрел не американец Бердан, а русский инженер Горлов. Федор это известие принял близко к сердцу. Ему очень хорошо была известна судьба Чернолихова. Она была похожа на судьбу Горлова. Разница состояла лишь в том, что изобретение Горлова присвоили американцы, а изобретение Чернолихова — бельгийцы.

Токарева волновали мысли о талантливых русских изобретателях, творения которых не находили применения в родной стране, а попадали в руки иностранцев, а те потом втридорога продавали их той же матушке-России и наживали на этом целые состояния.

Федору о многом хотелось поговорить с близкими людьми, открыть свою душу, услышать правдивые ответы на волнующие вопросы. Но он чувствовал себя одиноким, в полку не было ни одного человека, с которым он мог бы поговорить по душам.

Казаки почему-то побаивались его и держались отчужденно. Очевидно, потому, что для них он урядник и оружейный мастер, получающий без малого жалованье младшего офицера. Офицеры же смотрели на Токарева как на сиволапого мужика.

И Федор уходил в себя, пытался наедине с собой разрешить волнующие его вопросы. Многого он не знал. Многое для него было недосягаемо. Но одно ему становилось ясно — русские мастера не хуже заморских.

Рассматривая на складе иностранное оружие, он в душе уже решил, что смог бы без особого труда сделать такое же.

Именно в те дни, дни раздумий, у него и появилась мысль, пока еще робкая, в зародыше, но все же это была мысль о том, что, если б довелось, он смог бы не без успеха применить свои силы в деле создания нового, более совершенного оружия.

Но Токарев с детства был медлительным, и волновавшие его мысли не сразу получали завершение — они вынашивались годами. Прежде им предстояло устояться, перебродить, окрепнуть, и только потом они могли вылиться в действие.

Скоро Федор вновь был поглощен насущными делами и пока что забыл о своих размышлениях, вернее, спрятал их в глубине души.

Весной приехала Дина.

Она, как свежий апрельский ветер, встряхнула его жизнь, наполнила ее радостью и весельем. Они перебрались в отведенную им квартиру и зажили славно, невзирая на неудобства и недостатки. Скорее таково было первое ощущение после длительной разлуки. Федор, занятый своими делами, не замечал многих неудобств в своей жизни, которые, однако, сразу же бросились в глаза его жене. Скудным было жалованье оружейного мастера. Безотрадное впечатление производило на нее полковое «общество». Офицеры, их жены и семьи вели затхлую, беспросветную жизнь. Редкие полковые балы с духовой музыкой были единственным развлечением и единственной отдушиной от обывательского смрада. Кругом процветали пьянство и картежная игра, плелись сети мелких интриг и пошлых романов. Офицерское собрание напоминало кабак, да туда Федора и не допускали.

Но как ни плоха была эта жизнь, Федор не мог ее изменить. Он находился на действительной военной службе, и ему оставалось лишь мечтать о лучшей доле...

* * *

Осенью полк неожиданно свернули и перебросили к австрийской границе, в небольшой городок Радзивилов, расположенный у железной дороги Киев — Львов.

Радзивилов не был такой глухоманью, как Торчин. Это обстоятельство обрадовало Дину, и она, с согласия Федора, стала подыскивать себе место учительницы.

Для Токарева пребывание в Радзивилове ознаменовалось весьма памятным и отрадным событием. В конце 1893 года он был вместе с сотником Поповым командирован в Петербург для принятия новых винтовок для полка.

Выйдя из поезда на Варшавском вокзале, сотник и мастер сразу же направились на Выборгскую сторону, где и сняли у одной финки дешевую комнату со столом. Отдохнув немного после долгой и утомительной дороги, они пошли осматривать город.

Блистательный и шумный Невский с величавыми домами, торжественно строгая красота Дворцовой площади, изумительная панорама набережной Невы с холодным шпилем Адмиралтейства, гигант Исаакий — все это потрясло, ошеломи-

ло Федора, словно он попал в иной, неведомый обычному смертному мир. Больше же всего Токарев восхищался тем, что все эти великолепные дворцы, огромные дома, красивые храмы, мосты и памятники созданы руками людей в большинстве таких же, как и он, приехавших из далеких углов матушки-России. В величии этого необыкновенного города он видел и чувствовал величие русского забитого и бесправного, но беспримерно талантливого народа. Сердце его наполнялось гордостью и радостью, ибо он был кровным сыном народа. В эти минуты он ощущал в себе прилив необычайной силы и возможность сделать что-то значительное.

На другой день Федор Токарев отправился в Кронверк, где впервые увидел мосинскую винтовку.

Красивая по форме, прикладистая и удобная, она оказалась значительно легче берданки. Когда же Токарев открыл затвор и ознакомился с устройством механизма, его охватило желание как можно скорее испробовать ее в стрельбе — винтовка казалась ему необыкновенной.

Только в стрельбе Токарев смог по-настоящему оценить эту простую в обращении, безотказную винтовку. Он волновался и радовался от души, как может радоваться русский патриот-оружейник, беззаветно любящий свое дело. Радовался тому, что в России появилось свое добротное магазинное оружие.

Мосинская винтовка оставила далеко позади все ранее состоявшие на вооружении системы.

Любопытно отметить, что кремневые ружья, заряжавшиеся с дула, могли давать лишь один-полтора выстрела в минуту. Ударные гладкоствольные ружья, тоже заряжавшиеся с дула, давали два выстрела в минуту. Лихтехские нарезные штуцера образца 1843 года — один-полтора выстрела, винтовки Карле и Крнка — 6—7 выстрелов, винтовка Бердана — 7—8, а винтовка Мосина — 12 выстрелов в минуту. Дальность стрельбы из нее была удивительной. Эта винтовка могла поражать живые цели на расстоянии до четырех верст. Было у нее и еще одно достоинство: она стреляла бездымным порохом, не демаскировала стрелка и позволяла, не прекращая стрельбы, хорошо видеть цель... Работа по приемке мосинских винтовок продолжалась довольно долго, так как каждую из них нужно было тщательно осмотреть.

Федор вернулся домой веселый и возбужденный. Он с гордостью рассказывал жене о замечательной винтовке Мосина и от души радовался успехам русского изобретателя. Токарев тогда и понятия не имел о том, что пришлось

пережить создателю отечественной винтовки прежде, чем она была принята на вооружение руских войск. Лишь много лет спустя Токареву довелось узнать о мытарствах талантливого русского изобретателя и о том, как по воле царя его изобретение осталось безымянным — было лишено не только имени изобретателя, но и родины.

Вскоре по возвращении из Петербурга сотник Попов ушел на льготу. Начальником оружия полка был назначен подъесаул Кривцов, человек сухой и самолюбивый. Токарева очень угнетало бесправное положение в полку. Он иногда делился своей горечью с женой, которая, пожалуй, еще больше, чем сам он, чувствовала тяжелое положение мужа.

Жены некоторых офицеров, знакомые ей по Новочеркасску, узнав, что Дина является женой мастера, перестали с ней здороваться.

— Федор,— сказала как-то Дина,— я думаю, что пока ты не выбьешься в офицеры, тебе будут закрыты все пути.

— Я знаю,— с горечью согласился Токарев,— даже заведующим оружием меня никогда не назначат, потому что это должность офицерская... Но что же делать?

— Надо сдать экзамены за 4 класса, получить аттестат и поступить в юнкерское училище. Знаю, ты многое забыл, но я тебе помогу.

Токарев подошел к жене и крепко обнял ее. Вместе с Диной он засел за учебники и весной 1895 года, выехав в Ровно, сдал необходимый экзамен в реальном училище.

Это дало ему право уйти из полка. Летом из Новочеркасска пришел запрос — его приглашали преподавателем оружейного дела в Военно-ремесленную школу на место ушедшего в отставку Чернолихова.

Эта должность открывала перед ним перспективы самостоятельной работы. Токарев принял приглашение и в конце осени 1896 года выехал в Новочеркасск.

В ЮНКЕРСКОМ УЧИЛИЩЕ

Токарев давно мечтал о независимости и самостоятельности. Ему хотелось получить такую службу, при которой можно было бы подумать о себе: заняться самообразованием и совершенствованием своего мастерства. В нем продолжала жить и созревать мысль, зародившаяся еще во время службы в полку, мысль о том, что он сможет сделать что-то значи-

тельное в оружейном деле, если у него окажутся подходящие условия.

Отправляясь в Новочеркасск, он надеялся, что в Военно-ремесленной школе будет работать именно в таких условиях, к которым так долго стремился.

Токарева приняли хорошо и положили жалованье Чернолихова — 50 рублей в месяц. О большем нельзя было и мечтать, так как младшие офицеры получали 24 рубля. Таким образом, разрешился один из главных вопросов — будущий конструктор был обеспечен материально.

Но вскоре выяснилось, что в своей мастерской Токарев не имел права делать никакой работы без ведома и разрешения начальства.

Он снова попал в положение подневольного мастера и должен был тянуться даже перед мальчишками-подхорунжими, только что окончившими юнкерское училище.

Но Токареву пришлось проработать в школе всего два года, так как оружейное отделение было упразднено по приказу того же незадачливого правителя Дона, атамана Святополк-Мирского. Вместо оружейного отделения организовали портняжное. Сиятельный атаман считал, что для Войска Донского важнее портные и закройщики, нежели оружейники. «Если потребуются оружейники,— рассуждал он,— мы наймем тульских мастеров».

Закрытие оружейного отделения произошло неожиданно, и Токарев сразу оказался без работы. Нужно было как-то устраивать свою жизнь. Пойти на завод, где бы с радостью взяли такого специалиста, он не мог, так как был военным. Поехать обратно в полк оружейным мастером явилось бы для него наказанием. Пойти на два года в юнкерское училище — это был для него единственный путь, чтоб «выбиться в люди», но теперь у него была семья, и ее нужно содержать...

После долгих раздумий и обсуждения создавшегося положения в семье все-таки было решено, что Токарев поступит в юнкерское училище. Он рассчитывал, что, став офицером, сможет легче добиться успехов в оружейном деле.

Для мастера пути к творчеству в царской России были закрыты наглухо. Чтобы поддержать на время учебы семью, Токарев обратился за помощью к отцу и просил эти два года высылать ему деньги, получаемые за аренду земельного надела.

Отец медлил с ответом. Ему было очень лестно, что сын может стать офицером,— это был бы первый и единственный случай в станице,— и в то же время не было лишних денег.

Зная характер отца, Федор написал ему второе письмо, в котором уверял, что, как только он будет офицером, вернет отцу полученные деньги с лихвой. Как раз в это время был объявлен приказ о повсеместном повышении жалованья офицерскому составу. Теперь младший офицер должен был получать 55 рублей в месяц. Это известие произвело на отца большее впечатление, чем на сына: Токарев-старший согласился наконец помогать семье сына.

Федор успешно выдержал экзамены и был принят в Новочеркасское юнкерское училище. Это случилось в 1898 году, когда ему исполнилось 27 лет.

Возраст был далеко не юнкерский. Ему, умудренному жизнью, семейному человеку, предстояло сидеть на одной скамье с безусыми юнцами. Было неприятно, обидно, порой тяжело, но Токарев упорно шел к своей цели: в нем укрепилась привычка никогда не менять принятого решения.

Состав юнкеров в училище был очень пестрый. Тут и служивые из частей, учителя и гимназисты, реалисты и кадеты, и даже семинаристы. Преобладали выходцы из богатых семей — «аристократы». Они держались особняком, независимо и гордо, щеголяли отличным обмундированием, связями с «большими» людьми.

Токарев серьезней других относился к учебе и шел в числе передовых. По математике и фортификационным работам (эти дисциплины многих пугали) Токарев всегда имел высокие оценки. Единственное, что угнетало и мучило его, была, как ни странно для казака, верховая езда. Для многих верховая езда, джигитовка, рубка лозы и другие упражнения являлись излюбленными занятиями, а для него наказанием.

Одолев строевые учения и разные военные науки, Федор очень скучал по любимому оружейному делу. Если выдавались свободные минуты, он заглядывал к знакомым мастерам, с которыми был дружен в годы работы в Военно-ремесленной школе.

Чаще всего Федор заходил к лезгину Мамаю Кичиеву, у которого когда-то выучился чеканке и черчению по серебру. Мамай лет двадцать тому назад приехал из Дагестана и, будучи искусным мастером по холодному оружию, открыл в Новочеркасске небольшую мастерскую. Он делал серебряные оправы для офицерских шашек, искусно отделывал серебром, костью и позументом седла и сбрую, изготовлял кавказские пояса с отделкой из чеканенного и черненного серебра. Работы его славились, и заказчики не переводились. Мамай был радушен и гостеприимен. Токарев любил бывать у него. Но за

знакомство и дружбу с Мамаем его однажды чуть не исключили из училища.

Дело было так. Мамай по заказу офицерского гарнизонного собрания изготовлял серебряную площадку для иконы, которую офицеры собирались преподнести начальнику офицерского собрания в Новочеркасске. Мамай не мог сдать ее потому, что не умел выгравировать дарственной надписи — он был неграмотен. Токарев взялся выручить старого приятеля и, облачась в рабочую блузу, сел за работу. Вдруг в мастерскую вошел помощник начальника училища войсковой старшина Карпов и с ним разодетая женщина, очевидно жена. Токарев должен был немедленно встать и приветствовать своего начальника по уставу, но, будучи в блузе, он не мог этого сделать. Присутствие дамы отодвинуло грозу, но не предотвратило ее совсем. Токарев понимал: посрамлена честь мундира, и ему не сдобровать!

Едва ли удалось бы ему избежать исключения из училища, если б это дело не замял хорошо относившийся к Токареву взводный офицер. Принимая во внимание успехи и семейное положение Федора, начальство ограничилось выговором, но предложило немедленно прекратить всякие связи с «мастеровщиной».

Это было тяжелым ударом для Токарева. В мастерскую ходить он перестал, но заниматься гравировкой не бросил. В училище юнкера знали об этом и порой просили его сделать на память какую-нибудь надпись на портсигаре, часах или новом оружии.

Два года пролетели быстро.

Какие знания получил Токарев за два эти года пребывания в юнкерском училище, вряд ли стоит говорить. Главное же, к чему он стремился, было почти достигнуто. При выпуске из училища он получил чин подхорунжего, а через шесть месяцев службы должен был стать хорунжим, то есть офицером. Чин хорунжего в казачьих частях соответствовал подпоручику в пехоте и корнету в кавалерии.

«Теперь,— размышлял Токарев,— легче будет служить и работать». Несмотря на то что в училище ему два года внушали, что офицеру не положено работать, что он должен командовать, Федор мечтал именно о работе, о большом труде, по которому тосковало его сердце.

По окончании училища Токарев изъявил желание поехать в тот же полк, где служил до этого.

По уставу Токарев должен был явиться в полк на своем коне. Это его сильно озадачило. Обмундирование юнкера он

мог подогнать под подхорунжего без особых затрат, но на приобретение доброго коня требовалось не меньше двухсот рублей. Таких денег взять было негде. Станичное правление в ссуде отказало. С болью в сердце Токарев вынужден был просить разрешения явиться в полк без коня, а по производстве в офицеры, на деньги, отпускаемые заимообразно из полковой казны, приобрести коня и снаряжение.

В августе 1900 года Токарев прибыл в 12-й полк, стоявший по-прежнему в Радзивилове. На этот раз не только казаки, но и офицеры встретили его радушно, почти как равного. Это успокоило Токарева, и жизнь стала ему рисоваться в более радужных красках. Однако отдаться любимому делу ему довелось не сразу. Этому, к великому огорчению Токарева, предшествовал очень длительный период.

Теперь он служил офицером в 6-й сотне, стоявшей в двух верстах от Радзивилова. В город ходить было далеко и утомительно, и Токарев снял комнату у своего командира, ведя тихую, однообразную жизнь... В офицерском обществе, несмотря на внешне радушный прием, Токарев чувствовал себя чужим. Спорить он не любил, водки не пил, в карты не играл, а потому и был всегда одинок. Живя в глухом местечке, Токарев был оторван даже от оружейной мастерской. Чтобы убить время, он начал рисовать. Это искусство, с детства любимое им, снова увлекло Федора. Освоившись с итальянским карандашом, он достал краски, взялся за живопись и достиг для любителя серьезных успехов.

Вскоре Токарев был произведен в хорунжие и уехал в Новочеркасск, так как после производства в хорунжие офицеры обычно увольнялись на льготу до следующего наряда в полк, который давался через несколько месяцев согласно очереди.

Но и в Новочеркасске Токарев не бросил рисования и живописи. У него появился интерес к фотографии. Встретившийся ему случайно один знакомый семинарист показал очень хорошие снимки, сделанные из самодельного аппарата. Федор довольно быстро смастерил новый аппарат, который привел в восторг семинариста...

Получив наряд на службу, Федор в январе вернулся в тот же полк и был назначен заведующим оружейной мастерской, но это была лишь прелюдия к той большой и увлекательной работе по оружию, которая началась через пять лет. Годы, предшествовавшие ей, не ознаменовались для Федора сколько-нибудь значительными переменами в личной жизни, но в это время произошли события, потрясшие всю страну.

Полк, где служил Федор Токарев, стоял в глухом городишке на краю империи, и вести о событиях в России приходили туда в приглушенном и весьма искаженном виде. Даже длившаяся около года русско-японская война как-то не косиулась жизни полка.

Слух о кровавых событиях в Петербурге 9 января 1905 года долетел сюда в виде очень отдаленных раскатов. Высшее начальство старалось не только казаков, но и младших офицеров держать в неведении. Казаки должны были быть всегда готовы к выполнению приказа командования рубить внешних и внутренних врагов, они не должны были забивать себе головы мыслями о том, что происходит в России, за них думало начальство. В таком же духе воспитывались и младшие офицеры. Ввиду этого Токарев так же, как и другие младшие офицеры из небогатых казаков, стоял в стороне от общественных событий и не знал правды о них.

Семь лет пребывания в полку не внесли в его жизнь никаких существенных изменений, и мы не будем о них говорить. Остановимся лишь на том, что произошло в 1907 году. А произошло вот что.

В августе 1907 года в полку был получен приказ — командировать одного из офицеров в Офицерскую стрелковую школу в Ораниенбауме.

Выбор пал на Федора Токарева. Собираясь в Ораниенбаум, Токарев не мог даже предполагать, что именно в Ораниенбаумской стрелковой школе окончательно определится его призвание.

НАЧАЛО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Ораниенбаум — дачно-дворцовый пригород Петербурга — зимой не представлял ничего особенного. Украшавшее его море было сковано льдом и завьюжено снегом. Красивые домики с резными терассами и мезонинами из-под белых нахлобученных шапок снега глядели тоскливо, словно были покинуты своими обитателями.

Зато в офицерской школе жизнь бурлила. Всюду слышался веселый говор и смех, бряцание шпор, бойкое щелканье каблуков.

Сюда из разных воинских частей съехались офицеры, чтобы пройти одногодичный курс по стрелковому делу. При школе был казачий отдел, куда и попал Федор Токарев.

После захудалого провинциального Радзивилова с его серым и скучным офицерским собранием Ораниенбаумская школа поразила Федора своим внешним великолепием.

Но весь этот блеск не радовал, а, скорее, смущал Федора. Он по-прежнему чувствовал себя чужим в офицерском кругу и держался отчужденно, стремясь к уединению.

С первых же часов пребывания в Ораниенбаумской офицерской школе слух Федора поразил доносящийся откуда-то издалека дробный громкий звук.

Это стреляли из пулемета.

Токарев и раньше знал о пулеметах, но наблюдать их в стрельбе ему не приходилось. Теперь он решил воспользоваться случаем и поспешил на полигон.

Пулемет Максима того времени мало походил на русский «максим», широко известный теперь. Это было довольно громоздкое сооружение на больших колесах с массивным высоким щитом и опорным стержнем-лафетом, на котором было устроено седло для стрелка. Этот пулемет скорее напоминал небольшую пушку.

Токарева удивила быстрота стрельбы. Этот неуклюжий пулемет был способен выпускать до шестисот пуль в минуту и мог соперничать с целой ротой пехоты, вооруженной современными винтовками.

Хотя автоматическое оружие было в программе обучения, Федору не терпелось изучить устройство удивительной машины. Ему хотелось все узнать самому. Он с удивлением наблюдал за стрельбой.

Какой бешеный темп стрельбы!.. Это заставило его задуматься. Будущее пулемета ему рисовалось заманчивым.

Вернувшись в школу, Токарев продолжал думать над пулеметом.

Наличие автоматического оружия было для него большим сюрпризом. Токарев лишь понаслышке знал о существовании такого оружия, потому что оно не успело еще проникнуть в отдаленные от столицы воинские части. В России на Тульском оружейном заводе с 1904 года начали производить пулеметы Максима. Другие же системы не изготовлялись, а привозились исключительно из-за границы, и то больше для ознакомления.

Некоторое распространение в русской армии получили автоматические пистолеты как личное оружие офицеров, приобретаемое ими за свои деньги.

Перед русско-японской войной пулеметы были установлены на военных кораблях и в ничтожных количествах попали

на вооружение гарнизонов военных крепостей. В огромном Владивостокском гарнизоне перед самым началом войны насчитывалось всего лишь несколько десятков пулеметов. В основных же войсках это новейшее оружие было большой редкостью, что явилось одной из причин неудач русских войск на фронте.

Даже после поражения в войне с Японией царское правительство почти не изменило своего преступного отношения к вооружению русской армии, не приняло решительных мер к внедрению новейшего автоматического оружия. Зато оно открыло доступ в Россию иностранным изобретателям, фабрикантам и спекулянтам оружием, среди которых оказалось немало шарлатанов и аферистов, приехавших набить карманы за счет щедрой русской казны.

Угодничая перед иностранцами, царское правительство не только не принимало никаких мер к тому, чтобы создать в России свои конструкторские бюро и организовать в них разработку автоматического оружия, но, наоборот, всячески мешало и препятствовало отдельным русским изобретателям осуществить свои замыслы, хотя всему миру уже было известно, что русские пушкари и оружейники на протяжении нескольких столетий считались непревзойденными мастерами в своем искусстве.

Так относилось к вопросам перевооружения армии насквозь прогнившее царское правительство. Но среди рядовых оружейников и молодых офицеров было немало передовых людей, которые придавали огромное значение автоматическому оружию и настойчиво боролись за его внедрение в армию. Ярыми пропагандистами нового оружия были сотрудники оружейного отдела полковник Филатов и штабс-капитан Федоров.

Увидев первое автоматическое оружие, Токарев подумал, что этому оружию суждено сыграть выдающуюся роль в будущих войнах, и ему захотелось всесторонне изучить имеющиеся образцы.

В музее он основательно познакомился с наиболее популярным тогда ручным пулеметом датского конструктора Мадсена. Его пулемет был построен по принципу подвижного ствола. Силой отдачи ствол вместе с затвором отбрасывался назад. При этом движении ствол наталкивался на упор, а затвор, отходя назад, поворачивался вверх и выбрасывал стреляную гильзу, затем возвратная пружина подавала его в исходное положение вместе с новым патроном.

Принцип автоматики был чрезвычайно прост. Пулемет же

оказался очень тяжел, хотя вместо станка и был установлен на сошки. Все же он, как и «максим», произвел на Токарева большое впечатление и несколько дней не давал ему покоя.

Тщательно изучал Токарев и автоматические пистолеты Браунинга, Маузера, Борхардта и других изобретателей. Это было для него ново и чрезвычайно интересно.

Но так как ему в своей практической работе больше всего приходилось иметь дело с магазинными винтовками, наибольший интерес Токарев проявил к находящимся в музее автоматическим винтовкам Банга, Манлихера и Галле.

Все эти винтовки были очень сложны и капризны, поэтому не получили одобрения при испытаниях в России. Но именно потому, что заграничные винтовки оказались несовершенными, у Токарева появилось острое желание взяться за создание своей автоматической винтовки. Стремление сделать что-то новое, что бы двинуло оружейное дело вперед, Токарева обуревало давно, но это стремление было беспредметно. Теперь же, когда он познакомился с последними достижениями оружейной техники — автоматикой, это стремление стало облекаться в конкретную форму: Токареву захотелось сконструировать отечественную автоматическую винтовку.

Токарев очень жалел, что не знал иностранных языков, так как почти вся литература по автоматическому оружию получалась из-за границы, а на русский язык значительная часть ее не переводилась.

Поэтому серьезным подспорьем для Токарева явилась вышедшая в 1907 году книга В. Федорова «Автоматическое оружие».

Он хорошо изучил этот материал и много раз задавал себе вопрос: «Почему в нашей армии нет такого оружия?» Но ответить на него не мог. «Неужели,— спрашивал себя Токарев,— наши русские изобретатели менее талантливы, чем иностранцы?.. Нет, это не так! Ведь создал же Мосин лучшую в мире винтовку...»

8 октября 1907 года Токарев был дежурным по школе. Оттого ли, что за окном падал липкий сырой снег, прикрывая белой пеленой черное месиво грязи, и на душе было тоскливо, или просто от скуки и одиночества, Токарев принес из библиотеки кучу журналов и начал их рассматривать.

В одном из журналов его внимание привлек портрет моложавого генерала с небольшой окладистой бородкой, окаймленный траурной рамкой.

«Сергей Иванович Мосин»,— прочитал Токарев. Сердце его дрогнуло: «Неужели умер творец замечательной винтовки?»

Он заглянул в некролог — сомнений не было. «Да когда же это случилось? — встрепенулся Токарев.— Почему никто ничего не знает?» Федор взглянул на дату: «26 января 1902 года». Оказалось, что Мосин умер пять лет тому назад, а он, Токарев, живя в глуши, даже и не слыхал об этом.

Федор несколько раз перечитал некролог, где коротко излагалась биография изобретателя и весьма скромно говорилось о его заслугах.

Токарев отбросил журнал. О заслугах Мосина ему было известно лучше любого биографа. Он изучил его винтовку до последнего винтика и знал, что она вот уже пятнадцать лет безотказно служит русским воинам.

Теперь будущий конструктор узнал, что творец этой замечательной винтовки вышел, как и он сам, из простого народа. Судьба замечательного мосинского творения лишний раз напомнила Токареву о превосходстве русской конструкторской мысли над иноземной. И ему вдруг с новой силой захотелось вступить в поединок с иностранными изобретателями. И то, что зрело в его мозгу месяцами и годами, вдруг вскипело и бурным потоком хлынуло на бумагу. Токарев просидел за письменным столом всю ночь. И эта ночь была необыкновенной, решающей и, пожалуй, самой значительной в его жизни. В эту ночь Токарев решил то, что его волновало долгие месяцы и над чем ему предстояло работать десятилетия.

В одну ночь Токарев набросал чертеж и схему будущей автоматической винтовки, разработав основы ее автоматики и всех главных частей и деталей. Такого примера еще не знала история оружейного дела!

Эти первые наброски и заметки Токарева сохранились. Вот некоторые из них:

«**Отдача**: Ствол со ствольной коробкой и затвором подается назад. Стебель затвора встречает своим скошенным обрезом неподвижную винтовую плоскость, составляющую часть наружного короба, поворачивается влево, выводит выступы боевой личинки (выбрасыватель на закраине гильзы и тянет ее), выступ или направляющий гребень на задней части стебля попадает своим выемом на конец рычага. В этот момент ствольная коробка, выступом в нижней левой боковой части, надавливает (продолжение отдачи) на короткое колено или лучше близ оси вращения рычага.

Вследствие разности быстроты вращения различных точек приложения рычага последний быстро отодвигает затвор на полный ход назад. Сила отдачи кончилась. Гильза выброшена

вправо вверх. Очередной патрон подведен под нижнее окно ствольной коробки, поднят подавателем настолько, что головка боевой личинки может при обратном движении задеть до половины и придвинуть по направлению скосам в патронник.

Обратное движение — силой пружины...»

Далее говорилось о том, какова должна быть пружина и как ее следует применить.

Момент выстрела связывался с окончанием поворота боевых выступов личинки. Намечалось устройство спускового механизма, затвора, ударника и других частей.

Главное, что и сейчас еще может удивлять,— Токарев в эту ночь наметил такие требования к автоматической винтовке, над выработкой которых целых два года билась специальная комиссия оружейного отдела и которые на протяжении десятилетий были основой при создании разного автоматического оружия.

Эти требования, поставленные перед собой Токаревым, заключались в следующем: достигнуть предельного уменьшения веса винтовки, до минимума сократить количество частей, добиться простоты обращения, прочности всех частей за счет устранения мелких деталей, достичь простоты сборки и разборки, избежать заклинивания патронов и возможности случайного выстрела.

Замысел конструкции автоматической винтовки был выражен Токаревым с такой отчетливостью, что он на другой же день был готов приступить к практической работе.

Дела в школе у него обстояли более чем благополучно — все зачеты были давно сданы, и Токарев надеялся, что ему разрешат заняться конструированием новой винтовки.

Начальник казачьего отдела школы поддержал начинание Токарева. Ему было лестно, что разработку автоматической винтовки будет вести именно казачий офицер, однако он не мог своей властью выдать Токареву новую винтовку для переделки в автоматическую.

Пока рапорт ходил по инстанциям, Федор облюбовал себе место в оружейной мастерской школы и подготовил необходимые для работы инструменты. Скоро было получено разрешение для производства работ, а вместе с ним и новая трехлинейная винтовка Мосина, которую Токарев собирался переделать в автоматическую.

Заведующий казачьим отделом сказал ему по секрету, что здесь же, в мастерской полигона офицерской школы, подобные работы ведут капитан Федоров и слесарь Дегтярев.

Токареву предстояло вступить в негласное соревнование,

так как из двух винтовок на вооружение могла быть принята только одна.

Токарев не знал, каковы силы его противников, и потому не мог предполагать, кто победит, зато он был твердо уверен в том, что сумеет создать образец, который окажется лучше заграничных винтовок, выставленных в музее офицерской школы.

ПЕРВЫЙ ОБРАЗЕЦ

Токарев пришел в мастерскую рано утром, не встретив на пути ни одного офицера. Ему хотелось еще раз обдумать то, что он собирался делать.

Перед ним на верстаке лежала винтовка Мосина. Та самая винтовка, которой он восхищался когда-то в Петербургском арсенале. И вот он берется сделать из нее еще более эффективное оружие в боевом отношении. А вдруг из этого ничего не выйдет? Тогда он станет посмешищем среди офицеров, и его работа будет рассматриваться как глумление над изумительным изобретением Мосина.

Эти мысли волновали Токарева и заставляли учащенно стучать сердце. Какая-то внутренняя сила внушала ему страх и шептала: «Брось, откажись, пока не поздно. Ведь Федоров — инженер, и то у него ничего не вышло, он отказался от переделки мосинской винтовки в автоматическую. А ты всего лишь оружейный мастер, у тебя нет конструкторского опыта — брось!..»

Но упорство и вера в себя, которые с годами еще больше укрепились в характере Токарева, оказались сильнее сомнений.

— Делать! — сказал он себе.— Делать и добиться успеха во что бы то ни стало!

И он спокойно начал разбирать мосинскую винтовку.

Теперь Токарев был не робким семнадцатилетним учеником Военно-ремесленной школы, а 36-летним мужчиной, умудренным богатым опытом, в совершенстве знающим все тайны оружейного мастерства.

Разобрав мосинскую винтовку и произведя основные замеры, Токарев приступил к осуществлению своих замыслов в металле. Это было самое трудное. Но как только он встал за верстак, как только под напильником запел зажатый в тиски обрубок железа, Токарев ощутил величайшую радость труда, по которому истосковались его руки и душа.

Он работал с упоением, как подобает истинному творцу. Каждая грань, каждый выступ в металле своей формой, своим блеском веселили сердце и внушали уверенность в успехе.

Однако было бы ошибочным думать, что работа Токарева шла легко и гладко, без сучков и задоринок. Чтобы понять, как создавался этот первый образец автоматической винтовки, необходимо представить себе и то время, и те условия, в которых работал Токарев.

Россия в области техники была тогда одной из самых отсталых стран, и русские изобретатели, которым приходилось прокладывать первые пути в деле создания автоматического оружия, находились в невероятно тяжелых условиях по сравнению с изобретателями Запада. Те имели прекрасные мастерские-лаборатории, укомплектованные штатом высококвалифицированных специалистов, конструкторские бюро, а некоторые, как Браунинг и Маузер,— даже собственные заводы. Все эти мастерские-лаборатории, конструкторские бюро и заводы были оснащены новейшим оборудованием, самыми точными инструментами и высококачественными материалами. У русских изобретателей ничего подобного не было.

Кроме того, многие изобретатели Запада одновременно были и крупными предпринимателями. На их заводах работало немало талантливых специалистов по оружию, изобретения которых нередко присваивались хозяевами предприятий.

Токарев же все — и расчеты, и чертежи, и практическую работу — выполнял сам.

Мастерская, в которой работал Токарев, была оснащена старыми, разбитыми станками и не имела даже хорошего инструмента. Материалы, которыми пользовался конструктор для создания новейшего оружия, совсем не отвечали его требованиям.

Несмотря на огромную сложность работы, администрация школы не нашла возможным выделить в помощь изобретателю ни одного человека. Он принужден был даже самую черновую подготовительную работу выполнять сам, часто примитивным способом: с помощью пилы и напильника.

Токарев нигде не мог получить консультацию, он даже не имел права посоветоваться с Федоровым, имевшим высшее техническое образование и следившим за иностранной литературой, так как оба они выполняли секретную работу.

Токарев пробивался к цели один, и только один. Чтобы яснее представить себе, насколько тяжела и трудоемка была его работа, следовало проследить за изготовлением хотя бы одной детали, скажем, курка. Курок — сравнительно простая деталь.

Однако, чтобы изготовить ее, требовалось не меньше десяти различных операций. А Токареву нужно было сделать более девяноста деталей! Но главная сложность состояла не в изготовлении, а в проектировании деталей, в получении их четкого взаимодействия. Это заставляло конструктора некоторые части переделывать десятки раз, объединять их с другими или заменять совершенно новыми.

Не удивительно поэтому, что работа над первым опытным образцом автоматической винтовки тянулась целых девять месяцев, хотя Токарев трудился, не жалея ни сил, ни времени.

Об этих днях впоследствии Токарев вспоминал в своем дневнике:

«В то время как мои однoшкольники сидели над выполнением программных работ, я пилил, рубил, точил и ковал, целыми днями не отходя от своего рабочего места».

К весне 1908 года первичный макет автоматической винтовки был готов. Токарев сделал ее, как и задумал в ту памятную ночь, с подвижным стволом, от движения которого после выстрела открывался затвор, выбрасывалась гильза, подавался очередной патрон и производилось запирание.

Первый образец винтовки Токарева был осмотрен начальством офицерской школы и произвел неплохое впечатление: решено было испытать его в стрельбе.

7 июля 1908 г. в тире оружейного полигона Офицерской школы состоялось первое испытание винтовки.

«Из автоматической винтовки системы сотника 12-го Донского казачьего полка Токарева было выпущено пять патронов. После каждого выстрела гильза выбрасывалась, новый патрон вводился в патронник и затвор закрывался. Во время стрельбы было три осечки, но они по второму разу давали выстрел».

Так сообщалось в официальном акте. Все, даже большие начальники школы, поздравляли Токарева с успехом.

Несмотря на то что внешний вид винтовки был далек от изящества, изобретателю удалось достичь главного: автоматика работала, винтовка стреляла.

Токарев внешне казался спокойным, хотя в душе его бушевала такая радость, что он готов был обнимать и целовать каждого встречного. Радость изобретателя может по-настоящему понять лишь тот, кто сам хоть однажды испытал «муки творчества» и пережил счастье удачи.

Начальство школы искренне удивлялось, что Токареву в таких примитивных условиях удалось сделать действующую модель автоматической винтовки. Если же эту винтовку изго-

товить в заводских условиях, рассуждало оно, то образец окажется еще более совершенным. Федора командировали в Петербург, в оружейный отдел артиллерийского комитета.

Винтовку Токарева подвергли самому тщательному изучению и исследованию, после чего в журнале оружейного отдела 5 августа 1908 года было записано следующее:

«Представленная сотником Токаревым идея переделки трехлинейной винтовки в автоматическую кажется весьма остроумной и заслуживает особого внимания».

Одновременно оружейным отделом было принято решение возбудить ходатайство перед военным министром о прикомандировании Токарева к Сестрорецкому оружейному заводу для продолжения работы по совершенствованию своего изобретения сроком на 6 месяцев и об ассигновании на финансирование этих работ тысячи рублей.

12 октября того же года на Сестрорецком заводе было получено соответствующее распоряжение, на основании которого приборная мастерская получила наряд на изготовление нового образца автоматической винтовки по указаниям Токарева.

К тому времени в Сестрорецк приехал и сам Токарев. Он был счастлив, что перед ним открывалась возможность продолжить творческую работу в лучших условиях.

Работа на заводе, оснащенном хорошими станками и инструментами, была его заветной мечтой. Теперь Токарев надеялся, что сумеет усовершенствовать свой первый образец и добьется настоящего успеха.

В СЕСТРОРЕЦКЕ

Уезжая в Сестрорецк, Токарев думал, что теперь винтовку будут изготовлять заводские специалисты, ему же придется лишь наблюдать за ходом работ.

Он и представить не мог тех трудностей, которые ожидали его на заводе.

Специалисты инструментальной мастерской разобрали винтовку Токарева до последнего винтика и начали кропотливо снимать размеры с каждой детали, составлять чертежи, производить расчеты допусков и пригонок. Они должны были на основе макета винтовки составить хорошо выверенные рабочие чертежи и уже по ним производить изготовление нового образца. Этот образец был бы точной копией его винтовки и

отличался от нее только лишь качеством изготовления. Такой образец теперь уже не мог удовлетворить конструктора: неустанно думая над своим изобретением, он наметил ряд усовершенствований в системе. Но специалисты инструментальной мастерской и слышать не хотели о вмешательстве автора в их дело.

Токареву пришлось параллельно с ними делать еще один образец, в который он намеревался внести улучшения.

Ему отвели угол в кабинете начальника мастерской, поставили там верстак, снабдили необходимыми инструментами, а для производства сложных работ выделили в мастерской токарный и фрезерный станки.

Здесь условия для работы оказались несравненно лучшими, чем в Ораниенбауме, и Токарев не замедлил воспользоваться ими. В Сестрорецке он работал с большим подъемом. Одновременно с ним трудились над созданием отечественного автоматического оружия Федоров, который добился перевода Дегтярева на тот же Сестрорецкий завод, Рощепей и другие изобретатели. Все они продолжали совершенствовать свои винтовки.

Вскоре Токарев познакомился с Рощепеем. Тот начал разработку своей винтовки еще в 1904 году, будучи на военной службе в полку, при крепости Зягрна, близ Варшавы. Он создавал свой первый образец в примитивных условиях полковой мастерской и не мог добиться желаемых результатов. Однако командир полка очень заинтересовался работой своего солдата и направил Рощепея в Ораниенбаумскую офицерскую школу. Это было в 1905 году, когда в Россию хлынули многие иностранные изобретатели со своими атоматическими системами.

Начальник Оружейного полигона, полковник Филатов, отнесся к изобретателю-самоучке с большим вниманием. Он направил Рощепея в оружейный отдел артиллерийского комитета, ходатайствуя, чтобы ему предоставили возможность продолжить изобретательскую работу над винтовкой в лучших условиях.

Рощепея оставили в оружейной мастерской Офицерской школы, а в 1907 году, когда усовершенствованный им образец был испытан стрельбой, перевели на Сестрорецкий завод.

Таким образом, в 1908 году на Сестрорецком оружейном заводе над созданием автоматической винтовки работала целая группа русских конструкторов. Однако все они были разобщены, оторваны друг от друга, лишены технической помощи. Как видно, до их деятельности, направленной на раз-

работку новейшего отечественного оружия, ни царскому правительству, ни его военному министру не было никакого дела.

Но каково бы ни было отношение «верхов», Токарев считал своим долгом довести до конца начатое дело. Он знал твердо и страстно верил, что его винтовка может сослужить большую службу Родине. Создание хорошей автоматической винтовки было для него не только делом чести, но и священным долгом русского оружейника-патриота.

Пока инструментальная мастерская изготовляла первый заводской образец, Токарев успел проделать большую работу по усовершенствованию винтовки. Многие детали он видоизменил, придал им новую форму и сделал более прочными. Удалось ему также улучшить некоторые механизмы, ввести переводчик для одиночной и непрерывной стрельбы, усовершенствовать затвор. Винтовка получилась легче, надежней и удобней в обращении.

Летом 1910 года она была представлена на комиссионные испытания. Испытывались одновременно оба образца: заводской и авторский, улучшенный Токаревым. Это был первый случай, когда в России проходила комиссионные испытания по специально разработанной программе отечественная автоматическая винтовка. До сих пор до комиссионных испытаний допускались только иностранные образцы.

Волнение Токарева было велико, но он, как всегда, сохранял внешнее спокойствие.

«Как бы ни была строга и взыскательна комиссия,— размышлял конструктор,— она все-таки должна будет признать, что новый образец совершенней первого».

Его предположения оказались правильными. Вариант, представленный самим изобретателем, оказался значительно лучше заводского. Из винтовки было произведено 890 выстрелов. Число задержек при нормальных условиях составило 3,4 процента, при форсированных — 6,1 процента.

Эти показатели были лучше результатов, полученных при последнем испытании заграничных автоматических винтовок. Поэтому комиссия постановила:

«Заказать Сестрорецкому заводу 10 винтовок Токарева (улучшенного образца) для более широких испытаний».

17 июля 1910 года из Главного артиллерийского управления было отправлено на завод официальное распоряжение. Одновременно возбудили ходатайство о продлении командировки Токарева еще на 6 месяцев.

Любопытно отметить, что повторное продление командировки Токарева был бессилен сделать даже военный министр.

6 Зак. № 626

На это требовалась специальная виза царя. А так как Токареву пришлось работать на заводе много лет, эта процедура повторялась каждые шесть месяцев. Такова была бюрократическая система царской России, которую даже сам монарх не хотел и не мог изменить.

Как и в прошлый раз, изготовление новых десяти образцов заводские специалисты начали с составления единых чертежей и не допускали вмешательства Токарева.

Он же не мыслил изготовление этих образцов без внесения в них новых усовершенствований, необходимость которых выявили недавние испытания.

Вновь решили, что конструктор возьмется за усовершенствование образца один и не будет «мешать» заводским специалистам.

Токарев на этот раз не ограничился замечаниями комиссии и начал сам проверять свою винтовку в стрельбе, чтобы выявить самые мельчайшие недостатки, которые мог заметить только конструктор.

Производившие испытания его винтовки стрелки-испытатели, как заметил Токарев, стреляли во всех случаях со станка, то есть с жесткого упора, при этом клали цевье на подставку, а приклад прочно прижимали к плечу. В полевых условиях стрелок далеко не всегда мог стрелять с упора. Это обстоятельство заставило Токарева проверить, хорошо ли будет работать винтовка без упора.

Опасения изобретателя подтвердились. При стрельбе с плеча, лежа и стоя, винтовка работала плохо — затвор полностью не отходил и не выбрасывал гильзу. Ясно, что при таком положении винтовка не могла быть надежным оружием. Хотя комиссия и не заметила этого недостатка, Токарев со всей суровостью отметил его и решил немедленно приняться за работу по усовершенствованию винтовки.

Он придумал ускорители для убыстрения движения затвора, которые одновременно помогали сжимать более сильную возвратную пружину. Но эти, как и некоторые другие находки, не удовлетворили конструктора. После долгих раздумий, после многих бессонных ночей он пришел к выводу, что есть два пути к устранению недостатков. Первый, наиболее простой и легкий,— применить приспособление вроде ускорителей. Второй, вероятно трудный, но более надежный и правильный,— произвести коренное изменение всей системы по замыслу, который уже давно созрел в его мозгу.

Несмотря на то что Токарев был связан временем и сроками командировки, он без колебаний избрал второй путь и за-

сучив рукава включился в работу. Оставив подвижной ствол, конструктор коренным образом переделал все внутренние механизмы. Теперь затвор сцеплялся со стволом при помощи сложного рычага и поворотной муфты с винтовыми скосами. Система была совершенно оригинальной, и автоматика действовала более надежно.

После выстрела ствол с запирающей рамой и затвором отбрасывался назад, двигаясь по каналу кожуха и сжимая сильную возвратную пружину. Пройдя около пяти миллиметров, казенник ствола винтовыми скосами попадал в передние скосы затворной муфты и заставлял ее повернуться. Одновременно затворная муфта поворачивала и затвор, соединенный с нею специальными пазами. При дальнейшем движении ствола и рамы затвор выбрасывал гильзу и силой возвратной пружины возвращался на место, захватывая по пути поднявшийся из магазина патрон. Рамка в обратном движении попадала своим скосом на задний винтовой скос затворной муфты и заставляла ее повернуться вокруг своей оси, а та в свою очередь поворачивала и прочно закрывала затвор. Таков был принцип работы нового образца автоматической винтовки Токарева. Чтобы осуществить эту переделку системы и изготовить новый образец винтовки, конструктору пришлось трудиться без отпусков и отдыха целых два года.

«Я нашел выход из тяжелого положения,— вспоминал впоследствии Токарев,— но трудно представить, ценою каких усилий! Сколько бессонных ночей стоила мне разработка новой системы...»

Создавая новый вариант винтовки, Токарев сумел добиться еще одной немаловажной победы: ему удалось сократить количество частей с 91 до 65.

В мае 1912 года винтовка Токарева (новый образец) проходила вторичные комиссионные испытания.

Несмотря на возросшие требования, винтовка Токарева получила высокую оценку.

Комиссия в своем журнале писала:

«Испытанный образец значительно совершеннее представленного в 1910 году и в настоящее время может быть поставлен наряду с другими системами, испытываемыми комиссией».

А к другим испытываемым системам следует отнести автоматическую винтовку Федорова, представленную на комиссионные испытания в 1911 году.

Успех вторичных испытаний автоматической винтовки обрадовал Токарева, но в то же время и заставил его со всей

серьезностью отнестись к отмеченным недостаткам, главным образом к значительному проценту задержек.

Теперь, когда соревнование с Федоровым стало явным, Токареву не хотелось уступать первенства. Он упорно продолжал трудиться над винтовкой, устраняя мелкие неполадки и капризы механизма. Но улучшение одной детали неизбежно влекло за собой изменения в других деталях и частях.

Токарев опять взялся за изготовление нового, уже четвертого по счету образца.

Пребывание его на заводе затягивалось. Семья, проживавшая в Ровно, тосковала и звала его домой. А 12-й казачий полк, где Токарев числился на службе, не надеясь на его возвращение, возбудил ходатайство об отчислении подъесаула Токарева из полка. Однако Токарева теперь уже ничто не интересовало, кроме работы. Перед ним была ясная цель — довести до совершенства свою винтовку, и этому он отдавал все свои знания, опыт и силы.

Благодаря тому что удалось использовать ряд частей, изготовленных инструментальной мастерской, Токарев сумел представить в комиссию новый образец (четвертый вариант) своей винтовки в конце того же 1912 года.

Испытания проводились с 31 января по 6 февраля 1913 года.

На этот раз винтовка Токарева показала хорошие боевые качества. В журналах комиссии по выработке автоматической винтовки от 10 марта 1913 года было записано:

«Принимая же во внимание отличные результаты, полученные при испытании винтовки стрельбою, ставящие ее по числу задержек (при нормальных условиях) на первое место среди всех подвергавшихся полному испытанию, комиссия полагает, что винтовка подъесаула Токарева заслуживает самого серьезного внимания, тем более, что винтовка полковника Федорова, давшая пока лучшие результаты, войсковому испытанию не подвергалась, что заставляет признать безусловно необходимым иметь другой образец, так как результаты испытаний в войсковых частях могут разниться от выводов, сделанных на основании комиссионных, даже полигонных опытов».

Комиссия постановила срочно заказать Сестрорецкому заводу 10 винтовок Токарева последней модели, чтобы подвергнуть их еще более широким полигонным испытаниям.

На этот раз руководство завода, учитывая возможность перехода в дальнейшем к серийному производству винтовок Токарева, поручило изготовление десяти заказанных образцов

производить более основательно. Составлялись проверочные чертежи всех частей, устанавливались некоторые приспособления для получения взаимозаменяемых частей, изготовлялись главные лекала.

Летом все части десяти винтовок были готовы. Оставалось собрать и отладить их, но тут разразилась война.

«Ну, теперь дело пойдет скорей,— подумал Токарев.— Война потребует быстрого производства новейшего оружия». Но получилось как раз наоборот. В связи с войной были категорически запрещены все опытные работы по оружию. Самого Токарева отправили на фронт.

ФРОНТ. ВОЗВРАЩЕНИЕ К РАБОТЕ

Согласно мобилизации Токарев направился в распоряжение окружного атамана Донского округа и был назначен командиром сотни в 29-й Донской казачий полк. Однако по прибытии в полк, развернутый в прифронтовой полосе, он был определен на должность полкового казначея.

Получилось так, что изобретателя автоматической винтовки, работы по которой находились в стадии завершения, в тот момент, когда вспыхнула война и нужда в автоматическом оружии в армии достигла наивысшего предела, вдруг отстранили от дел, забросили в далекий полк и заставили заведовать денежным мешком. Более дикого и бессмысленного использования оружейного конструктора во время войны трудно себе представить!

Возмущенный случившимся, Токарев немедленно написал письмо военному министру, прося перевести его обратно на завод и позволить завершить работу по автоматической винтовке. В этом письме Токарев указывал, что на должности полкового казначея его может заменить любой офицер, даже чиновник, изобретателей же автоматического оружия в России всего несколько человек.

Письмо было отправлено из полка 9 августа 1914 года, а ответ Токарев получил лишь в конце ноября. Токарева уведомляли, что помощником военного министра дано указание Главному артиллерийскому управлению вытребовать его для работ по автоматическому оружию, но лишь по окончании войны.

«Что это: издевательство или явное вредительство?» — думал Токарев. Но что мог сделать полковой казначей? Жало-

ваться было решительно некому! Даже не с кем было поделиться своим горем: Токарев попал в новый полк, в незнакомую среду.

Конструктор молча и одиноко переживал свою трагедию, характерную для многих русских изобретателей.

Пребывание на фронте еще больше обостряло его переживания, так как здесь он собственными глазами видел острый недостаток оружия в войсках и из рассказов некоторых пленных знал, что в Германии уже поступили в армию образцы автоматической винтовки Маузера, прошедшей комиссионные испытания в 1913 году.

Империалистическая война не явилась для царского правительства неожиданностью, как русско-японская, однако и в эту войну оно вступило неподготовленным, не скомплектовав и не вооружив свою армию.

Царское правительство не вынесло уроков из русско-японской войны: не перестроило военной промышленности, а следовательно, и не смогло создать необходимых запасов оружия и боеприпасов. Имея на вооружении русской армии лучшую в мире магазинную винтовку конструкции Мосина, оно не позаботилось в мирные дни о налаживании ее массового производства. За предвоенный 1913 год, когда международная обстановка накалилась до предела и война казалась неизбежной, военные заводы России выпустили всего 5435 винтовок. В первый год войны выпуск винтовок был доведен до 33 тысяч штук, но и эта цифра покажется ничтожно малой, если учесть, что потери винтовок на фронте достигали 200 тысяч штук в месяц.

С автоматическим оружием дело обстояло и того хуже. На Тульском оружейном заводе было налажено производство станковых пулеметов Максима. Русский «максим» на станке конструкции Соколова был лучше иностранных, но выпускался он в ничтожном количестве. Наличие станковых пулеметов в русской армии к началу войны не составляло и десяти процентов потребности.

Еще хуже обстояло дело с ручными пулеметами, которые в России не производились совсем.

Перед самой войной в России была закончена разработка двух систем отечественных автоматических винтовок (Федорова и Токарева), их массовое производство можно было наладить сравнительно быстро, но военный министр своим приказом поставил крест на русских изобретениях и их изобретателях.

Что это? Недооценка новейшего автоматического оружия, недопонимание его роли в боях или прямое вредительство и измена? Вернее — последнее.

Незадачливые правители России не сумели подготовить и могущественную русскую артиллерию. В первые же дни войны выявилась недостаточность орудий крупных калибров (мортир и гаубиц). Ничтожными оказались запасы снарядов. В результате плохо вооруженные русские войска были обречены на уничтожение.

Поражения царской армии на фронте следовали одно за другим. Не хватало пушек, снарядов, винтовок. В частях иногда на трех солдат приходилась одна винтовка. Во время войны была раскрыта измена царского военного министра Сухомлинова, связанного с немецкими шпионами. Он работал по заданию немецкой разведки, пытаясь сорвать снабжение фронта снарядами, пушками, винтовками. Втихомолку содействовали немцам некоторые царские министры и генералы; вместе с царицей они выдавали врагу военные тайны. Все это способствовало успехам немцев и вынуждало царскую армию отступать.

Токарев глубоко переживал неудачи наших войск на фронте. Эти неудачи еще больше усугубляли его личную трагедию.

Летом 1915 года на фронт стали поступать новые прицельные рамки для мосинских винтовок вместо старых прицелов под тупую пулю, отмененную в 1910 году. В полках должны были устанавливать их на винтовки силами своих оружейных мастеров. В частях не оказалось ни нужных инструментов, ни лекал для определения высот прицела. Командир полка, зная Токарева как оружейника, попросил его съездить в Сестрорецк и по старому знакомству с заводским начальством раздобыть там все необходимое.

Токарев немедленно ухватился за эту командировку, так как надеялся по приезде в Сестрорецк лично похлопотать о своем переводе на завод и повидаться с семьей.

Токарева встретили на заводе как желанного гостя. К тому времени военное производство возросло, а технических специалистов не хватало, так как многие, подобно Токареву, были мобилизованы в первые же дни войны. Начальник завода посоветовал Токареву немедленно подать прошение военному министру с просьбой о переводе на завод и обещал ходатайствовать сам.

Скоро бумаги были посланы в Петербург военному министру Поливанову, а Токарев, выполнив все поручения, вернулся в часть, где и был тотчас же назначен командиром сотни.

«Ну, видно, не суждено мне доделать свою винтовку,— размышлял он.— Пока сидел в казначеях, еще была кое-какая надежда. Сейчас же — конец. В любой атаке могу погибнуть...» Но приказ есть приказ, и Токарев начал командовать сотней.

Он никогда не чувствовал в себе призвания к военному искусству, но постепенно втянулся и не раз бывал в горячих делах.

Поздней осенью, когда грязь стала непролазной и казаки, кроме разведок, не производили никаких действий, Токарев неожиданно получил депешу из Главного артиллерийского управления.

«Ну, наверное, вызывают на завод»,— подумал он, с радостным волнением направляясь в штаб.

Но, увы, это был лишь телеграфный запрос о том, согласен ли он поехать в Испанию в качестве приемщика пистолетов.

«В Испанию так в Испанию»,— решил он, в то же время думая, что по приезде в Петербург, может, удастся еще перебраться на завод. Эта мысль определила решение, и он телеграфировал в ГАУ о своем согласии ехать в Испанию.

Дни тянулись в мучительном ожидании. Но ответа все не было. Вот уже и зима подошла, выпал снег, начались морозы.

«Теперь море замерало — в Испанию не попасть»,— решил Токарев.

Но вдруг его срочно вызвали к командиру дивизии.

— Значит, едешь, Федор Васильевич,— говорили ему офицеры.— Желаем удачи! Вместе с приветом присылай нам из Испании свежих апельсинов.

По дороге в штаб Токареву уже рисовалась экзотическая страна... Но каково же было его удивление, когда командир дивизии вместо вызова в Петербург вручил ему предписание немедленно выехать на Сестрорецкий завод!

Токарев от радости еле сдерживал слезы. Неужели ему все-таки удастся осуществить свою мечту — создать для русской армии отечественную автоматическую винтовку!

В середине декабря 1915 года Токарев прибыл в Сестрорецк, но, к его великому огорчению, там не было никаких указаний о возобновлении его изобретательской работы.

Пришлось ехать в Петербург в Главное артиллерийское управление.

— Какая автоматическая винтовка? — удивились там.— Нам ничего не известно о разрешении министра.

Токареву поручили подбирать штат контролеров и готовиться к выезду в Испанию. Пришлось подчиниться приказу.

Однако скоро этот приказ был отменен, так как Северное море блокировали немцы и проехать в Испанию оказалось невозможно.

После некоторых мытарств Токарев все же был командирован в Сестрорецк, но в его направлении стояла приписка: «с использованием по специальности». Эта маленькая приписка оказалась весьма коварной. Вместо работы по доделке своей винтовки Токарев был назначен помощником начальника отдела проверки и сборки готовой продукции и одновременно заведующим стрельбищами.

При такой нагрузке нечего было и думать о возобновлении изобретательских работ. Так, оказавшись почти у цели, то есть на Сестрорецком заводе, где лежали в ящиках готовые части его автоматических винтовок, изобретатель принужден был заниматься чем угодно, но только не конструированием нового оружия.

Вскоре ему предложили занять должность начальника технического отдела, так как тот был командирован в Америку для приемки оружия. Однако и тут встретились серьезные препятствия. По положению штатные должности на артиллерийских заводах могли занимать лишь офицеры-артиллеристы, окончившие академию.

Пока военное ведомство ходатайствовало перед царем о переводе казачьего подъесаула в артиллерийские офицеры, Токарев изыскивал пути к тому, как бы, хотя во внеурочное время, заняться сборкой и доделкой образцов своей винтовки.

Но оказалось, что и во внеурочное время Токарев мог заняться конструированием только с разрешения министра. Пришлось писать новое прошение.

Тем временем состоялось его производство в артиллеристы. Токареву было присвоено звание капитана артиллерии. Это случилось уже летом 1916 года.

К тому времени Токареву стало известно, что, пока он воевал и хлопотал о разрешении приступить к изобретательской работе, полуфабрикаты винтовок Федорова были извлечены из подвалов Сестрорецкого завода и отвезены в Ораниенбаум в мастерскую Офицерской школы, где собирались и отлаживались под наблюдением Дегтярева. Поговаривали, что в Ораниенбауме формируется специальная команда автоматчиков, которая будет вооружена винтовками Федорова. Как разрешили доделать федоровские винтовки вопреки категорическому запрещению министра, Токарев не знал. Очевидно, поражения на фронте заставили военного министра изменить свой взгляд на автоматическое оружие.

Вскоре Токарев узнал, что в формировании и обучении команды автоматчиков принимает участие сам Федоров.

Токарев был рад, что наконец-то русские солдаты получат свое автоматическое оружие. Он не был огорчен тем, что на этот раз в соревновании, длившемся долгие годы, победу одержал Федоров. Но Токарев и не думал считать это соревнование законченным. При первой же возможности он решил приняться за доделку своего образца. В глубине души Токарев считал конструкцию своей винтовки наиболее удачной и надеялся, что при дальнейшем совершенствовании его винтовка окажется наилучшей.

Успех Федорова заставлял Токарева работать еще с большим воодушевлением.

Осенью 1916 года Главное артиллерийское управление дало заказ Сестрорецкому заводу на 15 тысяч автоматов Федорова. Для производства федоровских автоматов на Сестрорецком заводе строился новый корпус, монтировалось заграничное оборудование. Об этом так вспоминал потом Токарев:

«Работа по подготовке производства автоматов Федорова шла настолько успешно, что к концу 1916 года была установлена часть новых станков и оборудованы различные служебные помещения. Мне по штатной должности приходилось во всей этой работе принимать участие. Я был бы рад видеть большой успех Федорова, успех русского изобретателя, хотя иногда и становилось обидно, что мои работы, мои конструкции, выношенные многолетним трудом, ценою бессонных ночей, продолжают лежать без движения где-то на складе».

Наконец и Токареву было разрешено в свободное время работать над своей винтовкой.

Токарев был рад и этому. Он работал ночами, работал, не жалея ни сил, ни здоровья.

Но как-то темной осенней ночью, возвращаясь домой, он упал и сильно повредил ногу. Токарева на несколько месяцев уложили в постель.

Во время его болезни свершилась Февральская революция. Страной стало править Временное правительство, волчий лик которого очень скоро открыто выглянул из-под овечьей шкуры.

Токарев, думавший, что Февральская революция откроет ему дорогу к творчеству, ошибся в своих надеждах. Однако в воздухе уже повеяло освежающим ветром новой, Октябрьской социалистической революции. Вышедший из недр трудового народа и всю жизнь работавший не покладая рук, Тока-

рев с радостным нетерпением ждал этой революции. После Великого Октября, на 46-м году жизни, конструктор наконец вздохнул полной грудью и со всей страстью отдался творческой работе для молодой Советской республики.

ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ РОДИНЫ

Токарев воспринял Великую Октябрьскую революцию радостно и желанно. Он твердо верил, что она принесет изобретателям из народа счастье свободного творческого труда, к которому сердце его стремилось долгие десятилетия.

Жалко, что ему уже стукнуло сорок шесть. Но и в этом возрасте он чувствовал себя бодрым, полным энергии и творческих сил, словно со своим Отечеством переживал вторую молодость.

Сын Токарева, Николай, в первые же дни гражданской войны ушел добровольцем в Красную Армию.

Перед Советской властью и перед всем революционным народом встали задачи чрезвычайной важности. Против молодой республики поднимались черные силы контрреволюции. Бежавший из Петрограда глава Временного правительства Керенский организовал мятеж в войсках Северного фронта и двинул на Петроград казачьи части под предводительством генерала Краснова. Возглавляемая эсерами контрреволюционная организация — Комитет спасения родины и революции — подняла в Петрограде мятеж юнкеров.

С первых же дней после взятия власти революционный народ под руководством великого Ленина вступил в жестокую битву с контрреволюцией, чтобы защитить завоевания Октября.

Перед Сестрорецким заводом, находящимся рядом с героическим Питером, была поставлена задача — снабдить революционные войска боевым оружием.

С началом иностранной военной интервенции и гражданской войны оружия потребовалось еще больше. Сестрорецкий и Тульский заводы стали боевыми арсеналами революции.

По единодушному желанию рабочих Токарев был назначен начальником образцовой мастерской. За десять лет совместной работы на заводе рабочие успели узнать и полюбить талантливого изобретателя и неутомимого труженика. Они были глубоко уверены в том, что Токарев будет честно служить интересам революции и Советской власти.

Руководя образцовой мастерской, Федор Васильевич получил возможность выкраивать время для того, чтобы продолжать работу над своей винтовкой. Если б он смог ее быстро закончить, винтовка сослужила бы немалую службу революции. Это заставило его вести работу ускоренными темпами.

Но теперь, когда стал известен богатейший опыт по применению автоматического оружия на поле боя, уже нельзя было отлаживать винтовку в том виде, как ее изготовляли в 1913 году. И Токарев в пятый раз принялся за переделку своей системы, стремясь максимально улучшить ее конструкцию и боевые качества.

Еще будучи на фронте, он много думал над последним образцом, мысленно перенося свою винтовку на фронт, в суровые условия боевой жизни. Конструктор думал над тем, что будет с винтовкой, если она попадет в пыль, в грязь, подвергнется действию дождя, снега, мороза. Сможет ли она быть безотказным оружием в этих условиях? Прикидывал, как лучше сконструировать ту или иную деталь, чтобы она работала безотказно, не боясь ни сырости, ни загрязнения.

«А в случае если винтовка загрязнилась и отказала в стрельбе,— размышлял Токарев,— боец должен уметь легко и быстро разобрать, почистить ее и так же быстро собрать. Следовательно, винтовка должна быть предельно проста по своему устройству, чтобы можно было разбирать и собирать ее без применения инструментов».

Даже отвертка для бойца является лишней тяжестью. К тому же ее легко потерять, а оставшись без нее, боец не сможет разобрать винтовку.

Лучше всего было бы при создании нового образца обойтись без винтов. Имели значение и габариты винтовки, и особенно ее вес.

Все это Токарев тщательно обдумал, прежде чем приступить к созданию нового образца.

«Для большей портативности винтовки,— вспоминал потом Федор Васильевич,— я решил применить двухрядную магазинную коробку с шахматным расположением патронов. Ствол оставить подвижным. Затвор массивный, прямолинейного движения. Для запирания, соединения затвора со стволом, предусматривалось применение вращающейся цилиндрической муфты, которая с одной стороны свободно навинчивалась на пенек ствола, а с другой, передней стороны имела пазы для прохода боевых выступов затвора. Во время движения ствола эта муфта при помощи винтовых пазов могла поворачиваться вокруг оси пенька ствола и заходить за боевые

плечи затвора. Ударно-спусковой механизм предполагался куркового типа, причем боевая пружина должна одновременно действовать и на курок и на шептало».

Конец 1917 года и большую часть 1918 года Токарев работал над созданием нового, шестого по счету образца своей винтовки. В эти годы в Сестрорецке, как и в Петрограде, начался голод. Токарев, как и все рабочие завода, получал скудный паек. Но это не сломило его воли. Он работал и днем и ночью, стремясь к тому, чтобы как можно быстрей создать новый боевой образец. Он твердо верил, что этот, шестой вариант его винтовки окажется лучшим из всех предыдущих.

Однако когда винтовка уже была в основном готова и Токарев начал проводить в заводском тире опытные стрельбы, выяснилось, что двухрядный подающий механизм для патронов давал перебои. Мешала закраина патрона, от которой так искусно избавился Федоров, сделав свой автомат под японский малокалиберный патрон без закраин. Закраина, или шляпка, на патроне оказалась настолько серьезной помехой, что Токареву пришлось отказаться от идеи шахматного расположения патронов и вернуться к однорядной обойме. Встретились и другие трудности, но теперь Токарев был умудрен опытом и его уже ничто не могло смутить.

К концу 1918 года новый образец его автоматической винтовки был готов к испытаниям.

Обстановка в стране к тому времени была крайне напряженной. Начинался голод, свирепствовала разруха. Самым страшным, однако, было то, что на молодую Республику Советов со всех сторон напирали враги — и белогвардейцы, и иностранные интервенты. Чтобы спасти от гибели социалистическое Отечество, нужно было создать Красную Армию.

В. И. Ленин указывал в те дни:

«Мы решили иметь армию в 1.000.000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь».

Создание огромной армии потребовало громадного количества оружия, а наследство от царской армии осталось очень скудное.

Нужно было спешно, немедленно снабдить Красную Армию необходимым вооружением. Это потребовало от оружейников огромных, нечеловеческих усилий. Каждый станок, каждый рабочий были мобилизованы на производство мосинских винтовок.

Токарев понимал сложившуюся обстановку и сам работал над производством серийного оружия. Созданный им новый

образец автоматической винтовки пришлось на некоторое время отложить.

Враг упорно рвался к красному Петрограду. Сестрорецку угрожал неприятель. Завод, производящий боевое оружие, решено было эвакуировать в глубь страны.

Летом 1919 года, когда под Петроградом шли ожесточенные бои с Юденичем, Токарев получил приказ выехать в Ижевск, на должность старшего инженера оружейного завода, только что отбитого у Колчака.

Перед конструктором была поставлена боевая задача — всемерно содействовать восстановлению полуразрушенного завода и налаживанию на нем массового выпуска стрелкового оружия.

В ИЖЕВСКЕ

Токарев выехал в Ижевск вместе с женой и дочерью. Поезд, состоявший наполовину из пассажирских, наполовину из товарных вагонов, набитый беженцами из голодного Питера, тащился еле-еле. Приходилось сутками стоять на глухих станциях, чтобы напилить дров для паровоза или запасти еды, выменяв в окрестных деревнях хлеба и картошки на захваченные с собой вещи.

Токарев, как и большинство людей, ехал налегке, захватив лишь самое необходимое, но зато в уголке вагона стояла упакованная в старое байковое одеяло его последняя автоматическая винтовка образца 1918 года.

Если б поезда остановились совсем и пришлось бы идти пешком, то и в этом случае он не бросил бы драгоценный груз, созданный трудами многих лет его жизни.

Ижевский оружейный завод был в хаотическом, полуразрушенном состоянии. После хозяйничанья Колчака он только поднимался на ноги. Во главе завода стояли управляющий и чрезвычайный комиссар — бывший путиловский рабочий. Вместо должности главного инженера Токареву предложили взять на себя обязанности заведующего технической частью. Токарев знал, что с винтовкой придется подождать, и готов был приступить к любой работе, лишь бы оказать посильную помощь коллективу рабочих, самоотверженно трудившихся над восстановлением завода. Конструктор хорошо понимал, как важно теперь, когда Советская республика напрягала все силы в борьбе с врагами, наладить массовый выпуск боевого оружия.

Токарев попал в незнакомую среду, и к нему, как к бывшему офицеру, первое время относились настороженно. Но чрезвычайный комиссар, путиловец, слышал о Токареве еще в Петрограде как о хорошем конструкторе и знатоке оружейного дела. Благодаря его поддержке Токарев включился в работу и очень скоро завоевал симпатии и авторитет. Он трудился, не считаясь со временем, его усилия способствовали налаживанию массового производства мосинских винтовок и револьверов. Об этом стало известно и по ту сторону фронта, в штабе Колчака. Колчаковцы, терпевшие в то время поражение за поражением, решили во что бы то ни стало вывести из строя Ижевский завод.

Как выяснилось потом, ими были засланы на завод диверсанты и шпионы. Они разведали, что успеху дела по производству оружия для Красной Армии во многом способствует известный оружейник, бывший офицер Токарев. Агенты Колчака разработали тонкий и коварный план диверсии.

Вместо того чтобы убивать руководителей завода или взрывать цехи, производившие оружие, они проникли на завод и через своих людей сумели пустить в производство две бракованные болванки стали, лежавшие несколько лет. Им удалось подменить рецептуру и добиться того, чтобы эта сталь была пущена на пружины винтовок. Диверсия не могла быть замечена сразу, но потом результаты ее сказались весьма ощутимо. Партия готового оружия при испытаниях вдруг начала отказывать в стрельбе. Проверка показала, что пружины, сделанные из новой стали, были никуда не годными. Они после нескольких десятков выстрелов ломались, и винтовки выбывали из строя. Большая партия оружия ввиду этого не могла быть отправлена на фронт. Химический анализ показал полную непригодность данной стали. Было ясно, что это работа врагов. Начались поиски диверсантов.

Притаившаяся на заводе агентура врага приложила все усилия к тому, чтоб оклеветать Токарева и других видных специалистов.

Многое пережил и передумал за эти дни конструктор. В его сознании одна за другой проходили картины далекого прошлого. Вот он десятилетним мальчиком работает в кузнице у старых солдат Василия и Петра. Вот, несколько повзрослевший, помогает ковать лемех цыгану Василию... Вот он пытливо наблюдает за работой тульского оружейника Волкова... Перед его глазами мелькают годы учебы и тяжелого труда. Со всей отчетливостью он вспоминает своих учителей, оружейников Краснова и Чернолихова; учась у них, он пробивал

дорогу в жизнь черными мозолистыми руками. Даже тогда, когда удалось выбиться в офицеры, он по-прежнему оставался оружейным мастером, рядовым слесарем-изобретателем, влюбленным в свое дело.

Из 48 лет своей жизни он почти сорок провел в труде. С первых же дней революции он честно и самоотверженно служил Советской власти, голодая и недосыпая ночей, создавал автоматическую винтовку, чтобы вооружить ею Красную Армию, и вдруг, вот теперь, пытаются его оклеветать, обвинить. Нет, он не может поверить... Это какой-то нелепый и страшный кошмар...

Враги просчитались. Их коварные замыслы были разгаданы.

Успехи Красной Армии, наголову разбившей интервентов и белогвардейцев, дали возможность партии и правительству заняться делами социалистического строительства и укреплением технической мощи Красной Армии.

Конструктор Токарев был срочно вызван в Москву, в Реввоенсовет.

Этот вызов глубоко взволновал Федора Васильевича. Он сердцем почувствовал, что теперь в его жизни начнется радостная, светлая полоса — период вдохновенного творческого труда.

В ТУЛЕ

С первых же дней революции Токарев увидел, что Советское правительство совершенно иначе относится к конструкторам-оружейникам, чем царское. Он на себе ощутил великую заботу партии, Советской власти.

В отличие от царского правительства, которое с началом империалистической войны одним ударом пресекло конструкторскую деятельность по созданию новейшего оружия, Советское правительство с началом гражданской войны широко развернуло конструкторские работы. По распоряжению Совета Труда и Обороны, руководимого Лениным, в небольшой городок под Москвой были командированы Федоров и Дегтярев, и там, на базе полуразрушенного оружейного заводика, было создано первое в Советском Союзе Конструкторское бюро по разработке автоматического оружия.

Партия и Советское правительство неустанно заботились о том, чтобы вооружить созданную в огне революционных боев Красную Армию новейшим оружием, которое могли создать для нее лишь русские оружейники.

В. И. Ленин вопросу вооружения придавал первостепенное значение еще в начальный период революционной борьбы пролетариата.

В 1905 году В. И. Ленин писал: «Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы».

Советская власть в кратчайший срок сумела восстановить и даже расширить военные заводы, организовать на них массовый выпуск оружия, сумела собрать по старым оружейным заводам одиночных конструкторов, создать им хорошие условия и направить их деятельность на разработку новейшего автоматического оружия в самые тяжелые годы разрухи и гражданской войны.

Токарев приехал в Москву в конце 1921 года. Винтовка его была тщательно изучена, испытана в стрельбе и получила хорошую оценку.

Изобретателю предложили срочно заняться изготовлением нового образца под японский патрон калибром в 6,5 миллиметра. Говорили, что от империалистической войны остались огромные запасы таких патронов и следовало их использовать.

— Поезжайте в Тулу,— сказали Токареву,— там для вашей работы будут созданы лучшие условия, чем в Ижевске.

Токарев был очень рад такому предложению и охотно согласился.

В то же время он думал над тем, почему ему предложили делать винтовку под японский патрон, и решил, что люди, работающие в ГАУ, поддерживают взгляды Федорова, который на протяжении многих лет пропагандировал патрон уменьшенного калибра. В 1913 году Федоров прислал Токареву письмо с призывом проектировать оружие под его, Федорова, патрон калибром, как и японский, в 6,5 миллиметра. А в настоящее время на одном из заводов налаживалось производство укороченных винтовок Федорова, названных автоматами, под тот же японский патрон.

Винтовку Токарева, сделанную под обычный патрон, нельзя было механически уменьшить калибром. Изготовление винтовки под японский патрон требовало новых расчетов и коренной переделки всех механизмов. Это была нелегкая работа.

— Но раз так надо, буду работать! — сказал Токарев.

Он вернулся в Ижевск и скоро вместе с семьей выехал в Тулу.

Тула! Одно это слово вызывало волнение в его сердце.

Первый раз он услышал о Туле еще мальчишкой, когда в станице Егорлыкской появился бродячий оружейник Волков. С тех пор с каждым годом он слышал о Туле и ее изумитель-

ных мастерах все больше и больше. Краснов, а потом Чернолихов, проходившие обучение в Туле, считали тульских оружейников лучшими мастерами в мире.

Токарев не раз видел образцы работы тульских мастеров в Петербургском арсенале, в музее офицерской стрелковой школы и в Оружейной палате в Москве. Его влекло и манило в Тулу, но случая побывать в ней не представлялось.

Сейчас, подъезжая к славному городу русских оружейников, Федор Васильевич испытывал большую радость. Жить в Туле, работать вместе с прославленными мастерами было большим счастьем для оружейника...

Получив в свое распоряжение небольшую мастерскую с необходимыми станками и четырьмя опытными рабочими, Токарев очень обрадовался. Если в такое трудное время, когда Тульский завод является чуть ли не единственным, где налажено производство оружия, Токареву выделяют специалистов, значит, его работам придается большое значение. Но конструктор не мог не заметить, что многие рабочие и даже мастера посматривают на него с полуулыбкой, даже как бы с иронией: дескать, много мы видели разных приезжих...

Токарев понял, что, если с первых дней не сумеет показать себя с лучшей стороны и завоевать симпатии туляков, ему трудно будет работать с ними.

Познакомившись с рабочими, внимательно осмотрев станки и инструменты и выделенные для его работы материалы, конструктор остался доволен. Но прежде чем приступить к делу, он решил хотя бы бегло заглянуть на знаменитый, еще Петром Великим основанный завод.

Завод этот был неказист с виду: длинные приземистые цехи закопчены, во многих рамах вместо стекол темнели фанера или жесть, но в цехах завода работали лучшие мастера, здесь создавалась мосинская винтовка, и Токарев смотрел на рабочих с теплым и радостным чувством, словно они были ему близкими, родными, словно он сам проработал тут долгие годы.

С замиранием сердца Токарев перешагнул порог заводского оружейного музея. Тут было множество оружия, от кремневых фузей петровских времен до станковых пулеметов тульского изготовления. Токарев ходил по музею как зачарованный. Для него это был целый мир! Перед его глазами предстала вся история оружейного дела. Но более всего поразили Федора Васильевича выставленные в стеклянной витрине два ружья. Первое, изготовленное руками тульского мастера Степанова, изумляло удивительным изяществом и красотой.

отделки. По ореховой ложе был инкрустирован из золота и слоновой кости тонкий причудливый узор, напоминавший ажурную старинную вязь. Если золотой пластинке, вставленной в орех, можно было придать любой изгиб, то с костью проделать это было невозможно. Тончайший узор из кости был выпилен искусной рукой мастера.

Второе ружье, работы Морозова, отличалось редкой красотой и совершенством резьбы по дереву. Ложа его являла собой произведение изумительного искусства.

— Вот это были мастера! — вздохнул Токарев.

— Они и сейчас есть,— сказал наблюдавший за ним рабочий,— трудятся у нас на заводе.

— Неужели? — удивился Токарев и, услышав подтверждение, ничего не рассматривая более, быстро вышел из музея.

...Сконструировать автоматическую винтовку под патрон уменьшенного калибра и без закраин было проще, чем разработать ее под существующий патрон со шляпкой калибром в 7,62 миллиметра. Первым это понял Федоров и еще в 1913 году предпринял разработку винтовки под патрон уменьшенного калибра.

Токарев считал, что, разрабатывая автоматическую винтовку под патрон уменьшенного калибра и без закраин (японский) и патрон, созданный В. Федоровым, калибром 6,5 миллиметра, можно добиться в ней не только уменьшения веса, но и более совершенной работы механизма. Он жалел, что не занялся такой работой раньше, то есть в 1912—1913 годах. Теперь же она ему была не совсем по душе, так как приходилось переделывать заново свой наиболее совершенный образец. К тому же у Токарева не было уверенности в том, что патрон уменьшенного калибра будет окончательно утвержден в армии.

Однако все эти раздумья не помешали ему немедленно взяться за работу с присущей ему страстью и увлечением.

Трудолюбие Токарева, его спокойствие, непоколебимая уверенность и удивительное мастерство, с которым он работал на любом станке, произвели на рабочих сильное впечатление. Они не только прониклись уважением к приезжему мастеру, но и всей душой привязались к нему. Стали так же, как и он, самоотверженно трудиться над созданием нового образца.

Разработка образца под патрон уменьшенного калибра заставила конструктора произвести изменение размеров всех частей и деталей и повлекла за собой решительную переделку всей системы на основе новых технических расчетов. Это бы-

ла большая и трудная работа, потребовавшая от конструктора и его маленького коллектива больших усилий.

В упорной работе проходил месяц за месяцем. И вот, когда уже новый образец был почти готов, из Москвы пришел приказ: немедленно прекратить работы по изготовлению образца под патрон уменьшенного калибра.

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

В 1922 году артиллерийский комитет писал в своем постановлении:

«Ввиду установившегося в настоящее время взгляда о необходимости выдачи автоматов в роты и даже звенья и нецелесообразности формирования отдельных команд автоматы, конечно, должны иметь общий патрон с нашей 7,62-мм винтовкой, почему следует предложить тт. Токареву, Федорову, Дегтяреву, у коих уже имеются готовые типы, приложить все усилия к выработке окончательного образца автомата под наш патрон в кратчайший срок».

На основании этого постановления Токареву было разрешено заняться совершенствованием своей автоматической винтовки, сделанной под обычный патрон, то есть вернуться к прежнему образцу. Однако скоро было получено новое весьма срочное задание: Токареву поручалось спешно разработать тип ручного пулемета по системе станкового «максима».

Быстрое создание отечественного ручного пулемета было крайне необходимо.

В годы империалистической войны в странах Западной Европы и Америки новое автоматическое оружие разрабатывалось с лихорадочной поспешностью.

В Германии за период с 1913 по 1918 год было создано 10 различных систем автоматического оружия.

Во Франции за период первой мировой войны было разработано семь типов автоматического оружия разных систем; в Италии — пять, в Англии — три и т. д.

Небезынтересно отметить, что в Соединенных Штатах Америки за это же время были созданы три типа автоматического оружия — станковый и ручной пулеметы Браунинга и авиационный пулемет Мурлена. Сразу же после войны американцы начали стремительно готовить новое автоматическое оружие. Там создаются автоматические винтовки Гаранда и Томсона, пистолет-пулемет Томсона, а также крупнокалиберный

пулемет Браунинга. В России же своего автоматического оружия не производилось. Россия располагала лишь старым, оставшимся от империалистической и гражданской войн расстрелянным и устаревшим оружием. Такое оружие получила в наследство молодая Республика Советов.

Красной Армии крайне был нужен ручной пулемет.

Но чтобы решить пулеметную проблему, нужны были опытные специалисты в этой области, а с ними дело обстояло плохо: от царской армии почти не осталось кадров оружейных конструкторов, их приходилось поодиночке выискивать на оружейных заводах.

В артиллерийском комитете решили, что значительно быстрей можно станковый пулемет Максима переделать в ручной, чем создать надежную оригинальную систему.

Поэтому Токарев и получил задание заняться разработкой ручного пулемета по системе Максима. Это была задача огромной важности, и Токарев понимал всю ответственность порученной ему работы.

Он уже в который раз отложил автоматическую винтовку и все силы, все свои мысли сосредоточил на новой работе.

Тщательно изучив немецкий ручной пулемет образца 1915 года, созданный по системе Максима, он нашел в нем много недостатков и прежде всего решил избежать их в своей модели. Задача переделки станкового «максима» в ручной вначале представлялась ему несложной, но на деле все оказалось иначе. Пулемет, весивший более двух пудов, нужно было облегчить настолько, чтобы с ним мог делать перебежки любой боец.

Немцам удалось добиться сокращения веса вдвое: их ручной «максим» весил 16,5 килограмма. Токарев ставил перед собой задачу — добиться еще меньшего веса будущего пулемета. А ведь основные детали механизма оставались те же. И это крайне затрудняло его работу.

Вскоре Токарев узнал, что одновременно с ним над переделкой «максима» в ручной на оружейном полигоне работает конструктор Колесников. Токарев знал Колесникова еще по Ораниенбауму, где тот вместе с Дегтяревым трудился в мастерской оружейного полигона. Колесников был старым опытным оружейником и представлялся серьезным «противником». «Ну, что ж, будем соревноваться», — решил Токарев. Соревнование всегда возбуждало его.

Новую машину он делал с той же тщательностью, как и винтовку, стремясь каждую деталь не только хорошо обдумать, но и проверить ее прочность, надежность.

Теперь Токареву работать было несравнимо легче. В его распоряжении находились хорошо оборудованная мастерская, опытные и любящие свое дело специалисты. Он все время ощущал заботу правительства и мог рассчитывать на любую помощь. Благодаря этому первую модель ручного пулемета Токарев сумел закончить к осени 1924 года. При заводских испытаниях модель показала хорошие качества, и Токарев сообщил об этом в Москву.

6 октября 1924 года на одном из полигонов собралась комиссия во главе с Семеном Михайловичем Буденным. Комиссия должна была испытывать три ручных пулемета: Максима — Токарева, Максима — Колесникова и оригинальную модель конструктора Дегтярева. Все три изобретателя, знавшие друг друга еще по Ораниенбауму, приехали на полигон.

Пулеметы поставили в одну линию. Семен Михайлович приказал начать испытания.

Стреляли по мишеням, установленным у подножия земляного вала. Семен Михайлович очень внимательно следил за испытаниями, подходил то к одной, то к другой машине, пробовал стрелять сам, даже брал пулемет на плечо и делал с ним короткие перебежки.

Кучность боя все три пулемета показали хорошую. Токаревская машина оказалась легче колесниковской, но зато была тяжелей дегтяревской. Какой из них будет отдано предпочтение, пока решить было трудно.

Начались испытания на живучесть. Но вдруг пулеметная трескотня ослабла. Это на первом же этапе выбыл из соревнования пулемет Дегтярева. Поломка была незначительная, но в то же время непоправимая: у пулемета сломался боек. Запасного не оказалось, и пулемет, к великому огорчению конструктора, был снят с испытаний. Пулеметы Токарева и Колесникова продолжали жаркий «поединок». Оба пулемета работали исправно, хотя у Колесникова было больше задержек и остановок.

Комиссия признала оба пулемета заслуживающими внимания и приняла решение заказать по три образца каждой системы для новых, более тщательных испытаний.

Специально созданная комиссия предъявила изобретателям новые требования: сделать укороченный ствол, съемный кожух, обеспечить быструю смену ствола, изобрести складные сошки, приклад ружейного типа и т. д.

Опять у Токарева началась горячая работа, так как новые образцы следовало представить на испытания не далее как через полгода.

Весь коллектив Токарева работал дружно, увлеченный примером и трудолюбием самого Федора Васильевича. Образцы были сделаны досрочно.

10 апреля 1925 года начались новые испытания ручных пулеметов Токарева и Колесникова.

Многочисленная комиссия специалистов подвергла пулеметы всесторонней проверке, различным стрельбам, запылению и загрязнению, работе без смазки и т. д.

Лучшие результаты показал пулемет Токарева. За него было подано 57 голосов, за пулемет Колесникова — 8.

Комиссия решила оба образца передать в войска, однако ввиду очень хороших результатов, полученных на первых двух испытаниях, пулемет Токарева 26 мая 1925 года был принят на вооружение Красной Армии.

Дальнейшие войсковые испытания полностью подтвердили его превосходство над моделью Колесникова.

Это была первая большая победа Токарева.

КОНКУРСЫ НА АВТОМАТЫ

В 1925 году были сняты с производства автоматы Федорова, изготовлявшиеся под патрон уменьшенного калибра. Перед изобретателями-оружейниками была поставлена задача быстрейшего создания автомата под обычный винтовочный патрон калибром в 7,62 миллиметра.

В целях отбора наилучшего образца Главное артиллерийское управление решило провести закрытый конкурс, для участия в котором персонально приглашались Токарев, Дегтярев, Федоров, Колесников и Коновалов.

Токарев получил задание в срочном порядке изготовить для конкурса 10 экземпляров своей автоматической винтовки образца 1918 года.

Ободренный успехами по разработке ручного пулемета «М-Т» (Максим — Токарев), Федор Васильевич, несмотря на жесткие сроки, взялся за выполнение нового заказа. Теперь вокруг него сплотился дружный производственный коллектив, где работал и демобилизовавшийся из армии его сын Николай.

За несколько лет совместной работы все члены коллектива прошли хорошую выучку у Федора Васильевича и были отличными знатоками оружейного дела. Токарев был уверен, что сумеет выполнить и это задание, хотя времени на усовер-

шенствование образца у него уже не оставалось. Он сумел только, помимо автоматических винтовок, разработать по той же системе один карабин и сделать для некоторых образцов клинковый и граненый штыки. Все его винтовки были сконструированы под десятизарядный магазин, а карабин был пятизарядный и без штыка.

Эта работа заняла почти весь 1925 год, а в январе 1926 года винтовки были представлены на конкурс в Москву.

До конкурсных испытаний помимо пяти винтовок и одного карабина Токарева были допущены три автоматические винтовки и карабин Дегтярева, а также два автомата и карабин Федорова, которые представляли улучшенную систему его автоматической винтовки образца 1912 года.

Таким образом, на конкурсе встретились три старейших русских изобретателя оружия, соревнование между которыми продолжалось на протяжении почти двух десятилетий. Правда, раньше Дегтярев был лишь мастером при Федорове, он изготовлял и отлаживал его винтовки, теперь же Дегтярев выступал с самостоятельными изобретениями.

Каждого изобретателя глубоко волновали результаты испытаний. Дегтярева — потому, что он впервые участвовал как автор в испытании автоматических винтовок; Токарева — потому, что у него было слишком мало времени для подготовки к конкурсу, он был занят чрезвычайно важной работой по ручному пулемету; Федорова — потому, что теперь ему пришлось соревноваться не только с Токаревым, но и с Дегтяревым. Оба они теперь были известными конструкторами и имели огромный опыт конструкторской работы.

Представленные образцы по весу почти не отличались друг от друга. Вес этот колебался от 4 килограммов 500 граммов до 4 килограммов 825 граммов. Автоматические винтовки Токарева и Федорова были, как и раньше, с подвижным стволом, винтовки же Дегтярева — с неподвижным стволом и отводом газов, по системе его карабина 1916 года.

Ввиду того что испытания в советских условиях были более тщательными, а требования к системам возросшие,— ни одна из представленных автоматических винтовок, даже винтовка Федорова (прошедшая в дореволюционное время все испытания), не была признана годной для принятия на вооружение Красной Армии.

Предпочтение из всех испытываемых образцов было отдано системе Дегтярева как наиболее надежной, выдержавшей большое число выстрелов. Винтовки же Колесникова и Коновалова не были допущены до испытаний как недоработанные.

Всем конструкторам предложили заняться усовершенствованием своих систем и предоставили для этого срок в два года.

К новому конкурсу Токарев готовился уже более обстоятельно. Он решил представить вместо пяти всего лишь два образца, зато сделать их с учетом всех замечаний, высказанных на первых испытаниях.

Помимо усовершенствования своей винтовки Токареву в эти два года пришлось заниматься и рядом других неотложных дел. Прежде всего ему предстояло добиться предельного облегчения находящегося в серийном производстве ручного пулемета «Максим — Токарев».

Модель Токарева весила меньше, чем немецкий ручной «максим», но этого оказалось недостаточно. Бойцы просили еще облегчить пулемет. Токарев видел пути к облегчению пулемета и раньше, но перед конструктором было поставлено условие — не вносить изменений в основной механизм, чтобы пулемет легче было производить, так как заводом уже давно налажено производство станкового «максима».

Теперь Токарев решил несколько уклониться от этого требования потому, что нашел реальные возможности к улучшению всей системы. Работа эта очень увлекла его. Он на время отложил автоматическую винтовку и все свои мысли сосредоточил на пулемете. Конструктору удалось создать облегченный образец ручного пулемета с воздушным охлаждением. Весил этот пулемет всего 24 фунта, то есть 9,6 килограмма. Это было большое достижение, так как немецкий ручной «максим» весил 16,5 килограмма, а английский «Льюис» — 11,5 килограмма. Новый пулемет и в боевом отношении оказался лучше старого «Максима — Токарева». Однако в него было введено много новых деталей, он сильно отличался от «максима», что при массовом производстве потребовало бы изготовления большого числа дополнительных приспособлений. А как раз в это время прошла испытания новая оригинальная модель ручного пулемета Дегтярева, его знаменитый «ДП», который оказался еще легче и лучше в боевом отношении и был принят на вооружение армии.

После этого Токарев снова взялся за изготовление автоматических винтовок. Одновременно с ним готовились к конкурсу Федоров и Дегтярев.

Испытания состоялись в октябре — ноябре 1928 года.

На этот раз испытания стрельбой в 10 тысяч выстрелов выдержали все системы. Однако при дальнейших испытаниях представленные образцы вели себя далеко не одинаково.

Наилучшие результаты показали винтовка Дегтярева с

неподвижным стволом и винтовка Токарева с подвижным стволом.

Комиссия решила заказать винтовки Дегтярева и Токарева по 25 экземпляров каждой для более широких войсковых испытаний. При этом обоим конструкторам было предложено в процессе изготовления новых образцов устранить ряд мелких недостатков, выявленных комиссией.

Токарев был рад успеху, однако он знал, что впереди еще очень много трудностей. Теперь ему предстояло соревноваться с учеником Федорова — Дегтяревым, который уже в те годы был известен как конструктор первоклассного пулемета.

Соревнование, начавшееся между Токаревым и Дегтяревым в 1924 году, разгорелось теперь с новой силой. Однако в нем отнюдь не было спортивного азарта или страсти к славе и наживе, которые обуревают изобретателей Запада. В основе этого творческого соревнования двух советских конструкторов лежало благородное патриотическое стремление — создать наилучшее оружие для Красной Армии. Поэтому соревнование сблизило их и сделало друзьями.

ГОДЫ ИСКАНИЙ

Токарев не был таким конструктором, который всю жизнь занимается разработкой какой-либо одной, полюбившейся ему системы. Талант, интересы и деятельность Токарева были разносторонни и многогранны. На все нужды и запросы Красной Армии он откликался одним из первых и работал не щадя сил над созданием самых разнообразных образцов и типов оружия.

А запросы армии в то время были чрезвычайно велики. У нас не было своих авиационных пулеметов, не было зенитных и танковых пулеметов.

А так как авиация вырастала в грозную силу, перед советскими оружейниками встала новая задача — спешно создать отечественный авиационный пулемет, который смог бы заменить состоявшие на вооружении самолетов устаревшие английские «Льюисы».

Срочность и важность этого задания заставили Токарева несколько отодвинуть работы по усовершенствованию своей автоматической винтовки и немедленно приступить к разработке авиационного пулемета.

Новый тип оружия вначале решено было разрабатывать на основе удачной модели ручного пулемета «Максима — Токаре-

ва». Но очень своеобразные условия стрельбы из самолета требовали от конструктора создания компактной модели с тем, чтобы пулемет легко поместился в кабине и не мешал пилоту. Токарев подверг свою машину весьма существенным переделкам, стараясь придать пулемету нужные габариты.

Конструктору во многом пригодились те усовершенствования, которых он добился при создании облегченной модели ручного пулемета. Новая машина получилась компактной, легкой и мощной в боевом отношении. Но как бы ни был хорош новый пулемет, он все-таки являлся переделочной системой.

Токарев мог бы отказаться от заимствования и разработать оригинальный механизм, но от него требовали приспособления для авиации «Максима — Токарева», который находился тогда в серийном производстве, что давало возможность быстрей наладить выпуск авиационного оружия по той же системе.

Одновременно с Токаревым разработкой авиационного оружия занимались и другие конструкторы.

Федор Васильевич понимал, что при испытаниях несомненное предпочтение будет отдано отечественной, а не переделочной системе, тем более что пехотный пулемет Дегтярева оказался превосходным оружием. И все же Токарев довел свою работу до конца.

Разработкой авиационного пулемета он занимался, когда ему было уже около 60 лет. Но Токарев трудился с такой энергией, которой могли бы позавидовать многие молодые специалисты.

В эти годы Токарев все же продолжал совершенствование своей автоматической винтовки и трудился над разрешением еще одной важной проблемы вооружения Красной Армии — создавал оружие ближнего боя.

Токарев в 1927 году начал разрабатывать облегченный карабин под револьверный патрон Нагана, так как револьверы «Наган» находились на вооружении Красной Армии. В течение 1927 и 1928 годов Токарев изготовил пять образцов нового оружия, однако при испытаниях не были получены желательные результаты.

В 1929 году конструктор создает новый тип оружия ближнего боя — пистолет-пулемет, под более мощный патрон, калибром в 7,62 и 9 миллиметров. На изготовление пяти образцов этого типа было затрачено немало труда, но и пистолеты-пулеметы не удовлетворяют Федора Васильевича.

Чтобы изобрести наиболее действенное и эффективное оружие, Токарев ведет конструкторско-экспериментальные ра-

боты одновременно по нескольким типам оружия. Разрабатывая карабины под патрон Нагана, он продолжает эксперименты с пистолетами Браунинга, внося в систему различные улучшения. Создавая пистолет-пулемет под патрон калибром 9 миллиметров, он одновременно переделывает пистолет Браунинга под патрон Маузера. При этом Токарев самым тщательным образом изучает все иностранные системы автоматических пистолетов и их боевые качества в сравнении с револьвером образца 1895 года (Нагана).

Наиболее удачными из всех иностранных систем он считает пистолеты Браунинга, Маузера, Борхард-Люгера (парабеллум), Кольта и Манлихера. Однако достоинства этих систем оказываются далеко не одинаковыми. «Браунинг № 1», семизарядный, калибром 7,65 миллиметра, имея небольшой вес, всего 625 граммов, удобен, но у него мала начальная скорость пули — 270 метров в секунду. В результате пробивная способность этого автоматического пистолета меньше, чем у «Нагана»: он пробивает 2 доски, а «Наган» — 3—4 доски. «Браунинг № 2» калибром в 9 миллиметров, тоже семизарядный, пробивает 5 досок, но зато и весит 930 граммов, то есть на целых 300 граммов больше. «Борхард-Люгер № 1» того же калибра, что и «Браунинг № 1», имеет 8 патронов и пробивает 6 досок, однако он весит 890 граммов, на 265 граммов больше, а это имеет немаловажное значение.

Особое внимание Токарева привлекает пистолет Маузера калибром 7,63 миллиметра. Он имеет преимущества перед «Браунингом № 2» в том, что содержит в магазине не 7, а 10 патронов и пробивает не 5, а 8 досок. У него начальная скорость наибольшая из всех систем — 425 метров в секунду. Однако есть и существенные недостатки в системе. Пистолет Маузера весит 1180 граммов, почти вдвое больше, чем «Браунинг № 1».

Тяжелый вес Маузера делает эту систему неприемлемой, несмотря на ее хорошие боевые качества.

Испытывая и изучая иностранные системы автоматических пистолетов, Токарев анализирует преимущества и недостатки заряжения пистолетов обоймой и вставным магазином, подвергает исследованию расположение магазинов с патронами в рукоятке и в подствольной коробке, выявляет преимущества неподвижного и подвижного ствола, а также удобства обращения и прицеливания.

Ни одна из многочисленных иностранных систем не удовлетворяет Токарева полностью. В каждой из них опытный глаз советского конструктора находит недостатки и слабые места.

Наиболее удачным по устройству он признает пистолет «Браунинг № 2», а наиболее мощным и эффективным — патрон Маузера. «Если эти два элемента соединить в один, — размышляет Токарев,— получится отличный боевой пистолет».

И вот он пробует пистолет Браунинга переделать под патрон Маузера. Он занимается этой работой долго и упорно. Весь 1928 и 1929 годы проходят в раздумьях и труде. Создается несколько опытных моделей, но желанных результатов не получается. Токарев приходит к выводу: «Чтобы добиться успеха, нужно создать совершенно новую систему пистолета». Эту мысль он вынашивает месяцами, тщательно отшлифовывая, обдумывая в деталях. Он не может приступить к работе до тех пор, пока не будет иметь ясного представления о том, что следует делать.

Токарев творил очень оригинально. Его творческий метод отличался большим своеобразием. Многие конструкторы, прежде чем приступить к изготовлению модели, делали десятки набросков, рисунков, схем, расчетов, чертежей и лишь после этого, когда будущее изобретение было создано на бумаге, приступали к изготовлению модели. У Токарева получалось иначе. Он вставал к верстаку, брал кусок металла и начинал вытачивать деталь за деталью, не заглядывая ни в какие чертежи. Многие считали, что так Токарев и работал над своими системами, идя от мелкой детали к целому. Но это мнение ошибочное. Прежде чем приступить к изготовлению той или иной модели, то есть прежде чем встать к верстаку, Токарев проделывал колоссальную предварительную работу, похожую на рисунки, наброски, чертежи, совершавшуюся в его мозгу. Только тогда, когда основная идея будущего изобретения была выношена и продумана до мельчайших подробностей, он становился к верстаку. Это была громадная работа мысли. И она всегда и неизбежно предшествовала изготовлению любой модели.

Встав за верстак или станок, Токарев работал уверенно, потому что знал, что и как следует делать. Он обладал феноменальной памятью, и ему не нужны были чертежи. Многих это удивляло и даже приводило в изумление. Но Токарев работал именно так. Его творческий труд не походил на труд художника, который приходит к созданию большого полотна через сотни набросков, эскизов, этюдов, он больше напоминал творческий метод писателя, когда произведение созревает не в процессе писания, а значительно раньше. Об этом когда-то замечательно сказал Белинский:

«Художественное (произведение) создание должно быть вполне готово в душе художника прежде, нежели он возьмется за перо. Писать для него уже второстепенный труд. Он должен сперва видеть перед собой лица, из взаимных отношений которых образуется его драма или повесть».

В труде Токарева главным и решающим было творческое начало. Поэтому к нему вполне применимо суждение Белинского. Прежде чем встать за верстак, он должен был ясно видеть все части, все детали будущей системы, из взаимодействия которых и образовывалась новая модель автоматического оружия. Но нередко этому предшествовала и другая работа. Три года, с 1927 по 1929 год включительно, Токарев усиленно занимался экспериментами, изыскивая наилучшую систему, наилучший тип оружия ближнего боя. И его экспериментальные и исследовательские труды не пропали даром. В мозгу Токарева до мельчайших подробностей сложился тип нового пистолета, которому предстояло родиться в ближайшее время.

НОВОЕ РЕШЕНИЕ

Думая и работая над автоматическим пистолетом для Красной Армии, Токарев не забывал и о том, что новый конкурс автоматических винтовок намечено провести весной 1930 года.

При вторичных конкурсных испытаниях в 1928 году, когда была отклонена винтовка Федорова, а Токарев и Дегтярев поделили первое и второе места, их винтовки нельзя еще было считать полностью доделанными. При длительной стрельбе случались задержки и мелкие поломки. Изобретателям предложили устранить замеченные недостатки и представить по два экземпляра новых образцов автоматических винтовок весной 1930 года.

Казалось бы, мелкие недостатки не потребуют большого труда. Но именно над этими-то мелочами как раз и приходилось возиться больше всего. Мелочи эти трудней было заметить.

В сущности, последние годы Токарев все усилия употреблял на то, чтобы избавить винтовку от мелких недостатков. Иногда случается так: внешне здоровый и сильный человек вдруг оказывается неработоспособным и жалуется на какие-то незначительные, но не дающие ему покоя боли. Тут на помощь лечащему врачу приходит рентген, различные исследования, наконец, сам человек указывает на свои больные места,

и медицина справляется с болезнью, возвращает заболевшего к труду.

Винтовку же не спросишь, в каком месте у нее болит. Работающий механизм винтовки скрыт от человеческого глаза стальными стенками, и проникнуть в него, проследить, что там делается, невозможно.

Вот что писал в своем дневнике Федор Васильевич во время изготовления нового образца винтовки:

«Очень трудно установить причину задержек. Ведь самый выстрел длится одну двухтысячную долю секунды; поди, разберись, что происходит в этот момент в механизме! Вот если бы внутрь затвора вставить объектив киноаппарата, я бы на ленте сразу увидел, в чем дело. Но, увы, это невозможно».

Тем не менее конструктор должен был во что бы то ни стало разгадать капризы механизма, устранить недостатки и так отладить винтовку, чтобы она работала безотказно.

Он несет ответственность за жизнь бойцов, которым будет вверено его оружие. Малейшая задержка во время боя может оказаться роковой для стрелка.

Токарев ни на минуту не забывал об этом. Его дневники свидетельствуют о том, какого невероятного напряжения мысли и всех физических сил стоила ему эта работа.

Другой бы не выдержал, отказался, бросил, но Федор Васильевич обладал железной волей и твердой уверенностью в себе, он непреклонно шел к цели.

«Что мне ответить Москве? — спрашивал он сам себя.— Отказаться от дальнейшей работы, сказать, что на меня надеяться нечего, признать свое бессилие?

Нет! Это позор, который невозможно перенести... Мне доверяют, на меня надеются, моей работы ждут. Выходит, я обману доверие партии, Красной Армии... Иностранные конструкторы будут продолжать работу, а я умою руки...

Нет, не бывать этому! Я буду работать, пока дышу. Надо напрячь все силы, работать и искать... И спешить, сколько хватит сил. Каждая задержка в моей работе может стоить тысяч жизней наших людей, моих сыновей, братьев, товарищей.

Если у врага окажется автоматическая винтовка, а у нас нет — в этом буду виноват я...»

Какое непоколебимое стремление к намеченной цели! Какая суровость к самому себе! А ведь эти слова были написаны Токаревым, когда ему уже было 59 лет!..

Но вот подошла и весна 1930 года.

Несмотря на то что последние годы Токарев усиленно думал и работал над автоматическим пистолетом, в назначенный

срок им были представлены на полигон пять новых, значительно улучшенных образцов винтовки. Дегтярев тоже выполнил задание комиссии.

В марте, когда капало с крыш и солнце светило по-весеннему ярко, оба конструктора встретились на полигоне, крепко пожав друг другу руки.

Испытания на этот раз вели специальные стрелки. Винтовки проверяли на кучность стрельбы и на живучесть. Механизм подвергали искусственному засорению, потом стреляли под разными углами, стреляли без смазки и охлаждения, ставили винтовку в самые худшие условия. Испытания длились несколько дней.

Победу на этот раз одержал Токарев — он занял первое место. При стрельбе на 10 тысяч выстрелов его винтовка показала лучший результат, чем винтовка Дегтярева.

На 20 тысяч выстрелов в винтовке Дегтярева было отмечено 16 случаев замены пружины и 3 случая замены выбрасывателя. У винтовки Токарева было 9 случаев замены выбрасывателя. Его винтовка показала лучшие результаты. Конструктор получил поощрительную премию.

Однако комиссия признала приемлемой для армии систему с неподвижным стволом как более надежную и менее чувствительную к запылению. Помимо этого, такая винтовка могла быть приспособлена для стрельбы ружейными гранатами. Винтовка Токарева, имевшая подвижной ствол, не годилась для стрельбы ружейными гранатами и, несмотря на лучшие результаты испытаний, не могла быть принята на вооружение.

Почти четверть века трудился Токарев над своей винтовкой. За эти годы им было сконструировано 10 различных вариантов и изготовлено более 60 образцов, причем почти все эти образцы он сделал собственными руками. Сколько исканий, сколько лет упорной работы у станка, сколько мыслей и дум было вложено в эти винтовки! И теперь, когда был создан и испытан лучший из образцов, нужно было все начинать сначала, другого выхода не было. Там же, на полигоне, Токарев сел на скамейку и, обхватив голову руками, задумался. К нему подошел председатель комиссии, наблюдавший за ходом испытаний, и дружески положил руку на плечо изобретателя.

— Ничего, ничего, Федор Васильевич, мы надеемся на вас и верим, что вы снова возьметесь за дело и создадите новый, еще более надежный образец. Большие дела никогда не делаются легко!

Ободряющие слова председателя комиссии несколько успокоили Токарева, но все же домой он вернулся задумчивым и

хмурым. Ему вспомнились годы напряженной, подчас мучительной работы.

Почти вся жизнь была посвящена этому. Он начал делать свою винтовку молодым человеком, а теперь ему шестьдесят! Но Токарев был железным человеком. Ни время, ни тяжелая работа, ни временные неудачи не сломили его воли.

Вооружить Красную Армию лучшим оружием в мире — почетная и благородная задача, граничащая с подвигом! Ради этого можно отдать не только двадцать три года упорного труда, но и всю жизнь! Да и следует ли зачеркивать все, что сделано? Этот вопрос не давал покоя конструктору.

Как-то ночью, когда его мучила бессонница, Федор Васильевич потихоньку оделся и вышел из дому.

С вечера окрепший мороз сковал рыхлый снег, подернул тоненьким прозрачным ледком звонкие ручейки, освежил прохладой воздух. Под звездным дымчатым небом стояла волшебная тишина. На горизонте величественно прорисовывались строгие контуры завода с высокими трубами, как стволы грозных орудий, охраняющих покой. Кое-где желтыми звездочками светили далекие огоньки. Тишину изредка нарушали глухие паровозные гудки, отдаленный лай собаки да ленивое постукивание колотушки ночного сторожа.

Но все эти звуки быстро тонули в пучине ночи, и опять воцарялась мягкая тишина.

Она как-то по-особому успокаивала взволнованное воображение...

Пройдясь по пустынной улочке, Федор Васильевич заметил у сонного домика оттаявшую скамейку и присел отдохнуть. Глядя на густую серовато-синюю глубину неба, он припомнил такие же тихие бисерные ночи над Финским заливом в Ораниенбауме. В их обворожительной тишине он обдумывал, отшлифовывал в деталях, словно мысленно вылепливал конструкцию той самой винтовки, от которой сейчас предстояло решительно отказаться.

Представив далекие ночи, Федор Васильевич вспомнил и дни напряженной работы у верстака. Сколько рубах сопрело от пота на его плечах! И сколько было хороших, радостных минут, драгоценных удач и находок! Ведь тогда конструированию учиться было негде, да и не у кого — автоматическое оружие только зарождалось. Понемногу, по маленьким крупицам, сложился за десятилетия его многообразный конструкторский опыт с громадными практическими навыками и такими познаниями в механизмах, которые трудно передать словами. Он стал профессором своего дела!

Размышляя о прошлом, Федор Васильевич вдруг поразился простой и ясной мысли, вернее, тому, что она доселе не приходила ему в голову: ведь с отказом от старой системы он не откажется, да и не может отказаться от своих знаний, от богатейшего опыта конструирования. Значит, многолетний труд не пропадет даром. Напротив, именно этот труд, превратившийся за десятилетия в своеобразную науку конструирования, и поможет ему в короткие сроки создать новую систему оружия.

Вдохнув полной грудью морозный, бодрящий воздух, он встряхнулся и направился к дому.

В эту ночь он принял твердое решение отказаться от старой системы с подвижным стволом и делать винтовку заново. Вернувшись домой, он открыл свой дневник и написал:

«Тогда, на полигоне, я впервые почувствовал себя стариком. Скоро мне перевалит на седьмой десяток. Трудно в таком возрасте начинать работу снова... Но я начну. Я буду работать, пока дышу. Начну сначала...»

На другой день, несколько успокоившись и уверившись в своем решении, он писал в дневнике:

«...Я уже знаю, как начать. Я воспользуюсь непосредственной силой пороховых газов. Ствол будет неподвижным... Пусть хоть еще через десять лет, пусть мою работу закончат другие, но моя автоматическая винтовка будет на вооружении Красной Армии...»

А еще через день было записано так:

«Вчера начал работу заново. Все, что сделано за двадцать три года, я отбросил без жалости. Это мне не понадобится, нечего и жалеть об этом. Теперь ствол будет неподвижным, а затвор будет открываться энергией пороховых газов, для которых я сделаю отвод. Конструкция должна получиться проще и надежней...»

А вот еще несколько записей из дневника:

«14 июля. Силы мне, побольше силы! Вижу наконец, какой должна быть моя винтовка. Идея ясна, конструкция становится яснее с каждым днем. Сегодня, на рассвете, придумал, как сделать газоотводный канал. Было безмятежное золотое утро, за окнами гомонили воробьи. Я лежал измученный бессонной ночью, злился на воробьев, на себя, на все... И тут пришла мысль... Я поднялся и сел чертить... память немножко сдает...

Неужели я ошибусь и на этот раз! Нет, этого быть не может...

Какое сегодня было прекрасное утро и весь день такой светлый, ясный...

21 июля. Зашел в тупик: конструкция все равно получается громоздкой и тяжелой...

Нет, автоматическая винтовка все равно будет сделана. Было бы слишком смешно отдать этому всю свою жизнь и ничего не добиться. Я добьюсь, я знаю...»

Так началась новая полоса в творчестве конструктора.

В этот период он был очевидцем огромных перемен, происходивших в стране. Усилиями советских людей, руководимых Коммунистической партией, осуществлялся первый пятилетний план. Развернулись гигантские стройки на Волге, Днепре, Урале. Создавались гиганты первой пятилетки: Магнитогорский металлургический комбинат, Днепрогэс, Сталинградский тракторный, Нижегородский автогигант, Уралмаш. Старая Россия становилась молодой цветущей социалистической державой. Токарев от души радовался успехам великих созидательных работ. Они бодрили, вселяли в него уверенность в собственном успехе. Он чувствовал себя в общих рядах строителей социализма, и это прибавляло ему сил и энергии, словно он помолодел на десять — пятнадцать лет!

«ТТ»

Весь 1930 год Федор Васильевич трудился с большим внутренним подъемом. Внешне кажущийся спокойным и уравновешенным, он волновался и загорался вдохновением и, невзирая на шестидесятилетний возраст, работал с увлечением, отдавая любимому делу каждую свободную минуту.

В конце лета задуманный им образец автоматической винтовки с неподвижным стволом и отводом газов был в основном готов и на предварительных испытаниях показал хорошие результаты. О новой винтовке Токарева заговорили как о большом успехе конструктора.

Но новая система Токарева, несмотря на простое и чрезвычайно удачное устройство механизма, должна была, по примеру предыдущих образцов, подвергнуться самым тщательным испытаниям и многочисленным доделкам.

Для комиссионных испытаний Токареву было поручено изготовить пять экземпляров новой винтовки с устранением замеченных недостатков.

Теперь мастерская Токарева уже превратилась в единое конструкторское бюро. В нем работали инженеры, техники-конструкторы, расчетчики, чертежники и другие специали-

сты. Они с опытного образца, созданного Федором Васильевичем, сняли все размеры, и в бюро началась кропотливая работа по составлению расчетов и чертежей. А на разработку чертежей и изготовление образцов требовалось несколько месяцев. Как раз в это время Токарев получил задание — срочно форсировать разработку пистолета.

Именно в эти дни сотрудники мастерской и конструкторского бюро могли видеть, как Токарев становился к станку и, не пользуясь никакими чертежами, начинал с твердой уверенностью вытачивать деталь за деталью, тщательно подгоняя их друг к другу.

Он напоминал собой скульптора, который из глыбы гранита высекает изваяние. Движения его были уверенны и ловки, выражение лица сосредоточенно-вдохновенное.

Создавая новую, оригинальную модель пистолета, Токарев решительно отказался от мощного 9-миллиметрового патрона, под который были сделаны «Браунинг-2», «Борхардт-Люгер-2» и «Кольт-Браунинг».

Он знал, что патрон Маузера меньшего калибра, то есть 7,63-миллиметровый, сильней, чем девятимиллиметровый. Убойная способность оружия зависела от наиболее высокой начальной скорости полета пули, а это достигалось сложным путем.

Токарев приблизил выбор калибра своего пистолета к патрону Маузера и Нагана — 7,63-миллиметровому, но не остановился на нем, а избрал калибр патрона русской винтовки Мосина — 7,62 миллиметра, считая его наиболее эффективным и наиболее выгодным. Ствол решил сделать подвижной, как у первых образцов своей винтовки, но с коротким ходом. Ствол должен был сцепляться с затворами при помощи боевых выступов.

Затвор задуман как одно целое с кожухом. Это должно было увеличить массу подвижных частей и уменьшить силу отдачи, что имело чрезвычайно важное значение для достижения наибольшей меткости.

Вес пистолета должен был колебаться в пределах 800 граммов.

«Если этого удастся достигнуть,— размышлял Токарев,— то пистолет окажется наиболее легким из всех известных систем».

Работа над новым образцом автоматического пистолета шла на редкость удачно. В том же 1930 году опытный образец был закончен и опробован в заводском тире. Результаты стрельбы оказались блестящими.

Пистолет на расстоянии 100 шагов пробивал пять 25-миллиметровых досок, поставленных друг за другом.

Как и мечтал Токарев, ему удалось добиться легкости веса пистолета и удобства действия. Пистолет весил 825 граммов.

Пистолет показал высокую меткость стрельбы. Все эти качества делали его лучшей моделью среди иностранных систем автоматического оружия этого типа.

В Москву была послана телеграмма: «Токарев закончил разработку автоматического пистолета, новая модель может быть представлена на испытания в любое время...»

Вскоре в Москву был вызван сам конструктор.

Пистолет подвергли строгим испытаниям в сравнении с семнадцатью иностранными системами. Это был поединок советского конструктора с разрекламированными на весь мир изобретателями Запада.

Токарев, присутствовавший при испытаниях, держался спокойно, он был уверен в своем пистолете, но все же волнение нет-нет да и кольнет сердце. До сих пор Федору Васильевичу приходилось соревноваться с одним, двумя, самое большее — с тремя изобретателями, а тут их было 17! При этом почти все испытываемые вместе с его моделью пистолеты прошли испытания в огне войны, десятки раз проверялись и усовершенствовались.

Но Токарев поставил перед собой задачу — дать Красной Армии лучший пистолет в мире и теперь мужественно ждал результатов испытаний.

«Пусть неудачи, пусть мой пистолет окажется хуже,— размышлял он,— я не сдамся, я буду работать до тех пор, пока не доведу его до совершенства!..»

Однако испытания и на этот раз дали самые лучшие результаты. Об этом немедленно было доложено правительству. Токарев был счастлив.

В то же время от опытного взора правительственной комиссии не ускользнули и некоторые недостатки пистолета Токарева. Комиссия предложила изменить предохранитель, сделать его более надежным.

Токарев вернулся к себе и немедленно взялся за усовершенствование пистолета. После долгих раздумий и исканий ему удалось не только изменить предохранитель, но и создать оригинальное спусковое устройство.

После этого и ряда других улучшений пистолет был испытан в 1931 году. Испытания прошли на редкость удачно. Пистолет Токарева был принят на вооружение Красной Армии.

Скоро в воинских частях появилось новое, легкое, удобное и в то же время мощное оружие ближнего боя — красивые пистолеты, на которых стояли буквы «ТТ».

Новое оружие, созданное Федором Васильевичем Токаревым, было встречено бойцами и командирами Красной Армии с большой радостью и очень скоро завоевало всеобщее признание.

УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Успех пистолета «ТТ» еще больше укрепил веру Токарева в собственные силы и заставил его работать с проворством и смелостью молодого. Он вместе со своими помощниками энергично взялся за доделку и отлаживание пяти опытных образцов новой автоматической винтовки с неподвижным стволом. Все пять образцов были изготовлены к намеченному сроку и доставлены на полигон.

Токарев хотя и был уверен, что новая винтовка по своей конструкции лучше и надежней старой, все же беспокоился и волновался. Над старой винтовкой работа велась больше двух десятилетий. С ней были произведены десятки экспериментов, с каждым испытанием в нее вносились все новые и новые усовершенствования. Новая же винтовка представлялась ему младенцем, которому предстояло сделать лишь первые робкие шаги.

Новую винтовку Токарева подвергли еще более строгим испытаниям, так как за последнее время тактико-технические требования к оружию значительно повысились.

Винтовка Токарева показала отличный темп стрельбы и хорошую кучность. Механизм ее работал несомненно лучше, чем у старой, но число поломок некоторых деталей превышало нормы. Испытания были приостановлены.

Только этим и можно объяснить то обстоятельство, что Токарев не согласился с предоставленным ему комиссией сроком на доработку образца и потребовал его удвоить.

— Зачем же это вам, Федор Васильевич? — удивлялись члены комиссии.— Ведь намеченные переделки не так значительны.

— Да, но помимо ваших требований к винтовке я еще предъявляю свои.

Члены комиссии удовлетворили просьбу конструктора.

Токарев потом рассказал своим сотрудникам о результатах испытаний, о пожеланиях комиссии и о своих наблюдени-

ях и замыслах. Из его слов все поняли, что, хотя в винтовке и оказались дефекты, в целом система удачная и ее нужно дружными усилиями доводить до совершенства.

Опять в мастерской началась горячая работа. Теперь каждый из сотрудников мастерской был проникнут уверенностью, что скоро винтовка Токарева будет окончательно доделана и принята на вооружение Красной Армии. Эта уверенность в победе передавалась рабочим от самого Токарева, который без устали трудился вместе с ними.

В феврале 1933 года, когда доделка винтовки близилась к завершению, Токарев вдруг почувствовал слабость и недомогание. Шестьдесят два года решительно напомнили о себе. Но Токарев упорно не сдавался. Усилием воли он превозмогал немочь: заставлял себя вставать в шесть утра и пешком шел на завод.

Но однажды он почувствовал такую слабость, что уже не мог встать с постели без помощи жены. Родные уговорили его остаться дома и вызвать врача. Токарев лежал на кровати и слушал, как за окном завывала метель. На душе было тоскливо и неприятно. Он спустил ноги на коврик и стал одеваться.

— Ты что это, Федор! — бросилась к нему жена.

— Ничего, теперь мне получше, думаю одеться и посидеть на диване. Не привык я лежать, спина ноет...

Позавтракав, Федор Васильевич оделся потеплей и уселся на диван, открыв недочитанную книгу Стефана Цвейга.

Его взгляд остановился на следующей фразе:

«В истории важнейших изобретений и открытий окрыляющим началом всегда является духовное, нравственное побуждение...»

«Хорошая, правильная мысль»,— подумал Токарев и хотел было записать ее в дневник, но вдруг в комнату быстро вошла жена.

— Пришел нарочный с завода, вот пакет.

Федор Васильевич отложил книгу и, аккуратно надорвав пакет, стал читать письмо.

Жена внимательно следила за выражением его усталого, бледного со свалявшимися усами лица.

Оно стало хмурым, покрылось множеством мелких морщинок, а седые брови образовали сплошную линию. Но через несколько мгновений брови разошлись, и в усах мелькнула радостная улыбка.

— Дина, голубушка, слушай, что я тебе прочитаю.

И Федор Васильевич глуховатым, еще не окрепшим голосом начал читать:

«Извещаем Вас, что за ценное изобретение и конструирование в технике РККА, способствующее укреплению обороноспособности Союза ССР, Вы награждены орденом Красной Звезды».

Доминика Федоровна ласково обняла мужа.

— Поздравляю, Федор, это большая радость для всех нас. Видишь, как ценит тебя правительство...

— Спасибо, спасибо. Я очень рад! — сказал Федор Васильевич и стал суетливо собираться на завод.

На протесты жены он твердо ответил:

— Нет, и не уговаривай! В такой день я не могу оставаться дома.

— Да ведь ты же совсем больной.

— Был болен, а теперь поправился, даже повеселел. Не ушел еще рассыльный?

— Нет, ждет на кухне.

— Очень хорошо, я пойду вместе с ним.

На новые испытания, проводимые в том же 1933 году, Токарев представил совершенно новую модель своей винтовки, вошедшей в историю оружейного дела под именем «образца 1933 года». Он много потрудился над этим образцом и возлагал на него большие надежды.

Но и на этот раз счастье изменило конструктору. Хотя в этих испытаниях его основной «противник», Дегтярев, не участвовал — он был занят разработкой других систем,— вместе с Токаревым выступил ученик Дегтярева — Симонов. Пройдя серьезную школу в опытной мастерской Дегтярева, Симонов уже на протяжении 12 лет занимался конструированием автоматического оружия. Сейчас созданная им самозарядная винтовка должна была проходить конкурсные испытания одновременно с винтовкой Токарева и, для сравнения, с некоторыми заграничными системами.

Токарев отлично знал достоинства и недостатки иностранных автоматических винтовок и не боялся единоборства с ними; Симонов же, молодой изобретатель из рабочих, тоже не представлялся ему серьезным противником. Но... винтовка Симонова оказалась легче и показала хорошие результаты. Она заняла по конкурсу первое место и была принята к серийному производству.

Такой оборот дела был крайне неожиданным для Токарева, но он держался мужественно:

— Мы еще не раз встретимся и продолжим наше соревнование...— с твердой решимостью прошептал Федор Васильевич.

Вскоре после испытаний Симонов был командирован на завод, чтобы принять участие в налаживании серийного производства своих винтовок, а Токарев вернулся к себе.

Несмотря на твердое решение продолжать соревнование с Симоновым, несмотря на внешнее спокойствие и бодрость, Токарев тяжело переживал эту неудачу.

Но в коллективе мастерской и конструкторского бюро старого конструктора окружили вниманием и заботой.

— Ничего, Федор Васильевич,— утешали его ученики.— Мы еще повоюем! Теперь, когда вами достигнуто главное — найдена удачная конструкция винтовки, отступать нельзя. Отдохните немного, и со свежими силами за дело; мы не пожалеем ничего для завершения вашей работы!

В эти дни к Токареву приходили не только сотрудники бюро, но и руководители завода. Часто навещал его на работе и дома секретарь партийной организации.

— Вы по складу характера и по искусству работы самый настоящий оружейник,— говорил он Токареву.— У вас есть упорство, знания и опыт. Я уверен, что вы добьетесь победы. И весь коллектив прославленного завода тоже уверен в этом. Все мы с нетерпением ждем, когда заводу будет поручено изготовлять вашу винтовку...

Теплые слова друзей и товарищей ободрили конструктора. Они укрепили в нем стремление к новой трудной работе.

Тщательно изучив требования комиссии, Токарев принялся за усовершенствование своей винтовки, которая сулила столько надежд и принесла столько огорчений!

Теперь он никому не поручал изготовление даже самых незначительных деталей, все делал сам. Работа двигалась медленно, но зато у конструктора было больше уверенности в том, что все делается хорошо, добротно.

Когда новый образец был готов, Токарев получил задание изготовить по системе своей винтовки автоматический карабин. Это задание обрадовало конструктора: значит, в Москве одобряют систему его автоматической винтовки.

«Я должен оправдать это доверие и доказать, что неудачи не подорвали во мне способности работать»,— решает Токарев и немедленно берется за разработку опытного образца автоматического карабина.

В процессе работы Токарева неоднократно запрашивают: как идут дела, когда будет готов образец?

Наконец из Москвы приезжают доверенные люди и увозят законченный образец для осмотра — им интересуются в Кремле.

Скоро Токарев получает задание: изготовить пять карабинов для широких испытаний.

В работу включается весь коллектив конструкторского бюро и мастерской. Сознание, что карабинами интересуется правительство, вдохновляет людей. Все трудятся с подъемом и вдохновением.

В работе незаметно пролетает 1934 год. В начале января 1935 года Токарев с новенькими карабинами и автоматической винтовкой выезжает на испытания на один из подмосковных полигонов.

«Как-то на сей раз покажут себя образцы?» — этот вопрос не дает покоя. Что его ждет: разочарование и горечь поражения или радость победы и большое счастье?..

Испытания начались 10 января и продолжались с некоторыми перерывами целый месяц, вплоть до 10 февраля. Одновременно с карабинами Токарева снова испытывалась автоматическая винтовка Симонова, а также пулеметы Дегтярева, Шпитального и Камарницкого.

Ко всем образцам требования были предъявлены еще более высокие, чем прежде. Карабины Токарева стреляли довольно исправно, винтовка же Симонова капризничала.

Вот какие записи сохранились в дневнике Токарева:

«Начали стрельбу из автоматической винтовки Симонова и моего карабина на кучность: одиночную, непрерывную и группами по 20 выстрелов. Карабины дали мало задержек. Было всего 3—4 непродвижения патронов. Кучность получилась хорошая. У моего карабина даже несколько лучшая. На это обратили внимание...»

Начало испытаний было весьма благоприятным, и Токарев, воспрянув духом, надеялся на хороший исход. Когда количество выстрелов перевалило за 5 тысяч, надежда на успех еще более укрепилась.

«Наконец довели до 6180 выстрелов,— писал Токарев в дневнике,— и на этом выстреле получилось нечто необыкновенное — затвор остановился наполовину отодвинутым. Видимо, крышка затвора и крышка коробки в передней части вышли из пазов. Дно коробки оказалось разорвано вдоль. Боевая личинка подошла под верхнюю часть затвора и заклинилась. Дальше стрелять было нельзя...»

На этом испытания были прерваны.

Он вернулся домой хмурым и озабоченным. Доминика Федоровна, открывшая ему дверь по звонку, который прозвучал более нервно, чем обычно, поняла: у мужа опять неудачи...

— Я вижу, у тебя опять неприятности, но не надо отчаи-

ваться, Федор! Ты сильный, упорный, я уверена, ты своего добьешься!..

Как бы ни было тяжело на душе у Токарева, Доминика Федоровна теплыми и ласковыми словами умела смягчить его горе, рассеять тяжелые думы.

Так было и теперь. Дома, в кругу родных, Федор Васильевич быстро успокоился и за вечерним чаем шутил, рассказывал о дорожных приключениях. А утром пришел на завод бодрый и свежий, словно ничего и не случилось.

УСПЕХ!

Токарев продолжал упорную работу. Каждый новый день начинался с мысли о том, какую лепту он сможет внести сегодня в усовершенствование своей винтовки.

Две пятилетки невиданно преобразили страну. Мощные металлургические заводы выплавляли самый высококачественный металл. В распоряжении конструктора была сталь различных марок, из которой можно было изготовлять мельчайшие детали, обладающие огромной прочностью.

Выросшая за годы двух пятилеток мощная станкостроительная и приборостроительная промышленность обеспечила завод и опытную мастерскую новейшим оборудованием и точнейшими приборами.

Новые заводы производили чудесные инструменты и самые точные калибры.

Придя в мастерскую и взявшись за любимую работу, старый конструктор преображался, молодел душой. Внимание и забота, которыми он был окружен, прекрасная, располагающая к творческому труду обстановка заставляли его забывать о старости и недомоганиях, укрепляли духовные и физические силы. А сознание, что он и весь руководимый им коллектив делают важное дело, умножало его упорство и энергию.

Токарев знал, что его многолетние труды, как и труды других советских оружейников, не пропали даром. Советский Союз превращался в страну могучую, в страну, готовую ко всяким случайностям.

Советские оружейники сделали великое дело — они вооружили родную Красную Армию новейшей отечественной боевой техникой.

Орден Красной Звезды напоминал Токареву, что и его роль в этом деле была далеко не последней.

А когда видишь свои успехи и сознаешь, что они замечены и оценены партией и правительством, когда проникаешься мыслью, что твой труд сослужит большую пользу родному народу, появляется необыкновенная энергия, словно за спиной вырастают крылья, хочется парить в высоте, творить и создавать еще лучше и необыкновенней.

Именно такое чувство овладевало Токаревым. И хотя ему уже давно перевалило на седьмой десяток, он переживал величайший творческий подъем и в 1935, 1936, 1937 и 1938 годах трудился со все возрастающей энергией, пропорционально которой росла и его вера в окончательный успех своего изобретения.

Он знал, что империалисты Запада, особенно фашистская Германия, лихорадочно готовятся к войне, создавая все новое и новое оружие. Он должен был спешить, чтобы до начала войны, которая казалась ему неизбежной, вооружить Красную Армию новой и самой лучшей автоматической винтовкой.

И изобретательный конструктор, работавший последние годы с упорством молодого, выстоял до конца, как подобает солдату во время боя. Новый образец винтовки, отправляемый на испытания в Москву, был сделан, собран и отлажен его руками. Токарев вложил в него все свои силы и все свои способности. Но присутствовать на испытаниях он уже не мог. Пока работа шла, Токарев держался. Но держался за счет напряжения мышц и нервов, держался усилием воли. А как только работа была закончена, силы изменили ему. Старого конструктора уложили в постель.

Врачи признали состояние Токарева тяжелым и прописали полный покой. Но как он мог быть спокоен, когда именно сейчас, в момент болезни, его винтовка, над которой он трудился тридцать лет, проходит испытания.

Как необходимо было там его присутствие!

Но опасения Токарева оказались напрасными. Его винтовке на этот раз не потребовалась никакая помощь. Она действовала безотказно, радуя не только стрелков, но даже видавших виды членов комиссии.

Успех был полный, безоговорочный! Представители Токарева немедленно поспешили к конструктору, чтобы поделиться с ним радостью.

Едва они вошли в комнату, по радостному возбуждению, по смелым движениям и бодрым голосам Токарев понял все и, не в силах сдержать слез, стал пожимать руки друзьям.

— Лежите, Федор Васильевич, вам вредно волноваться.

— Нет, нет, ничего. Привезенная вами весть — лучшее

лекарство, она меня почти исцелила... Расскажите же все подробно.

— Испытания прошли удачно!.. После показывали винтовку в Кремле! Ее хвалили, поручили поздравить вас с успехом и пожелать вам скорейшего выздоровления.

Токарев поднялся.

У него не было слов, чтобы выразить свои чувства. Он понимал, что не может больше оставаться в постели.

— Вы подождите минутку, товарищи. Я вместе с вами пойду на завод.

Его дрожащие пальцы суетливо застегивали пуговицы, а по осунувшемуся, бледному, но счастливому лицу катились и падали на седые усы крупные слезы радости.

ИСПЫТАНИЕ В БОЮ

Высокая награда, высокая оценка его трудов заставили старого конструктора относиться к своей работе еще с большей ответственностью и требовательностью.

Заводы получили правительственный заказ на массовое производство «СВТ»—самозарядных винтовок Токарева. Перед ним, как конструктором, стояла задача — помочь заводам наладить установку нового производства, добиться наилучшей отладки опытных образцов, достичь взаимозаменяемости деталей.

Токарев с огромной радостью включился в эту работу. Его вдохновляло высокое и гордое сознание, что «СВТ» теперь поступила на вооружение Красной Армии и будет служить народу.

Даже на заводе, при организации массового производства своей винтовки, Токарев неустанно продолжал творческую работу. Только теперь он смотрел на свою винтовку не как автор-изобретатель. Он смотрел на нее глазами бойца, которому предстояло с этой винтовкой идти в бой. И еще он смотрел на нее как мастер-оружейник, которому было поручено массовое изготовление ее на заводе.

Он разбирал винтовку «по косточкам», совершенно забыв о том, что она сделана им, и, как самый строгий судья, выискивал в ней мельчайшие недостатки и капризы, на ходу устраняя их. При этом он стремился упростить некоторые детали, чтобы облегчить этим массовое производство и удешевить стоимость винтовки. В этой работе его всегда вдохновлял благо-

родный образ русского конструктора Мосина. Жив еще был и ближайший помощник Мосина, мастер Пастухов, много рассказавший Токареву о самоотверженном и беззаветном труде творца русской трехлинейной винтовки. Винтовку Мосина попрежнему продолжали изготовлять на заводе. Она безотказно служила Родине почти полвека. Столько времени не пробыла на вооружении ни одна винтовка! Творение Мосина было живым примером для каждого советского конструктора.

Помогая специалистам завода налаживать массовое производство «СВТ», Токарев стремился к тому, чтобы серийная винтовка ничем не отличалась от опытных образцов и была бы безотказным и надежным оружием советских пехотинцев.

Когда были изготовлены и отправлены в войска первые партии «СВТ», Токарев поехал в воинские части, чтобы собственными глазами увидеть стрельбу из своих винтовок в условиях, приближенных к фронтовым.

Он бывал на учебных стрельбах, присутствовал на маневрах, беседовал с бойцами и командирами и записывал в толстую клеенчатую тетрадь все замечания и пожелания воинов. Они помогали конструктору выявить мелкие недостатки в системе, которые невозможно было заметить при комиссионных и полигонных испытаниях.

В войсках было предъявлено конструктору одно серьезное требование — бойцы и командиры очень хвалили винтовку Токарева, но просили сделать для нее оптический прицел, то есть создать снайперский образец.

Токарев серьезно задумался над предложением воинов.

Неожиданно вспыхнувшая зимой 1939 года война с белофиннами полностью подтвердила необходимость такой работы, и Токарев немедленно взялся за дело.

Скоро до него долетели вести с фронта: его самозарядная винтовка успешно применяется воинами-героями.

В условиях суровой зимы созданные им «СВТ» действовали исправно и были грозным оружием советских пехотинцев. Скоро на фронте появились самозарядные винтовки Токарева с оптическим прицелом, единодушно прозванные в войсках «снайперскими». Смелые советские снайперы, вооруженные «СВТ», притаившись в лесных зарослях или в снежных сугробах, метко разили врага.

Федор Васильевич в те дни получал много писем от фронтовиков. Они называли его «отцом», «родным дедушкой Токаревым» и от души благодарили за грозное оружие, против которого не могли устоять белофинские автоматчики, стрелявшие лишь по близким целям.

В те дни, как никогда, Токарев чувствовал, что связан со своим народом кровными узами. Читая корреспонденции с фронта в газетах и журналах, он восхищался подвигами советских воинов, их беззаветной храбростью. Он был горд тем, что многие из этих героев-воинов были вооружены винтовками, созданными его усилиями, его мыслью, его руками. Теперь он особенно ясно чувствовал, что его тридцатилетние труды не пропали даром, его боевое оружие со славой служит родному народу.

Когда кончилась война, многие воины-победители, возвращаясь домой, специально останавливались, чтобы побывать у знатного конструктора, от души поблагодарить его за славное оружие и пожелать ему новых творческих успехов.

После многочисленных писем, официальных сообщений и дружеских бесед с фронтовиками Токарев с радостью понял, что созданная им самозарядная винтовка с честью прошла испытание в огне сражений.

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ

Опыт войны с белофиннами поставил перед советскими оружейниками ряд новых задач. Токарев продолжал работать с неослабевающей энергией. В работе время летело незаметно. Промелькнуло лето, а за ним и золотые дни сентября.

Поздняя осень с темными дождливыми ночами и непролазной грязью обычно считается самым унылым и неприветливым временем года, но эта мрачная осень для Токарева обернулась солнечной весной.

В ночь с 28 на 29 октября, когда за окном бушевал ветер, обрушивая на стекла косые струи дождя, Токарева поднял с постели резкий телефонный звонок.

— Говорят из редакции «Известий»,— услышал он,— поздравляем вас с высокой наградой!

— С какой наградой?

— Только сейчас нами получен Указ Президиума Верховного Совета, вам присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Токарев потер виски: «Уж не снится ли мне все это?» Но голос настойчиво продолжал:

— Просим вас рассказать о себе и о вашей работе...

«Значит, не сон,— думает Токарев.— Повторите, пожалуйста, что вы сказали! — кричит он в трубку. И из Москвы подтверждают сказанное...— Значит, не сон и не ошибка»,— ре-

шает Токарев и с глубоким волнением коротко рассказывает о себе...

Только он повесил трубку, раздался новый звонок — поздравляют из Наркомата вооружения, из обкома ВКП(б), из облисполкома.

Все домашние проснулись и кто в чем был стояли теперь «не дыша» тут же, у телефона...

«После таких неожиданных переживаний мне было не до сна,— вспоминал потом Токарев,— в эти мгновения перед глазами промелькнула вся моя жизнь, весь долгий и трудный путь изобретателя. Вспомнилась скрытая от посторонних, кропотливая повседневная работа, со всеми ее радостями и невзгодами. Не раз бывали в жизни моменты, когда казалось, что не хватит сил довести до конца начатую работу, но сознание того, что именно твоя тихая, незаметная работа содействует делу укрепления военной мощи нашей любимой Родины, давало новые силы и помогало преодолеть все трудности. Высокая награда обязывала меня работать еще лучше, еще продуктивнее, чтобы оправдать то доверие, которое оказало мне правительство. Все эти мысли так захватили меня, что я был готов сейчас же идти в свою мастерскую и работать не покладая рук. Утро застало меня совершенно бодрым, несмотря на бессонную ночь».

Утром, чуть свет, Токарев уже находился на заводе среди друзей и товарищей по работе, которые немало потрудились вместе с ним.

В мастерской состоялся короткий митинг. Работники конструкторского бюро и опытной мастерской были глубоко взволнованы тем, что правительство такой высокой наградой отметило многолетние труды их учителя и друга. Рабочие с гордостью говорили, что теперь и у них на заводе есть свой Герой Социалистического Труда. Они крепко пожимали руки конструктору, желая ему долгих лет жизни и плодотворной работы.

«В последующие дни,— писал в дневнике Федор Васильевич,— я получил много писем, сердечных и задушевных, какие могут писать люди только в нашей счастливой стране, где каждому открыта дорога в жизнь, где каждый имеет возможность заниматься своим любимым делом. Писали красноармейцы, рабочие, командиры, техники. Некоторые просили указать им путь к осуществлению их изобретений, другие предлагали свою помощь в моей работе...»

5 ноября Токареву позвонили из Москвы и пригласили приехать в качестве гостя на Октябрьский парад.

На другой день рано утром Федор Васильевич вместе с сыном Николаем Федоровичем выехал в Москву. Сын его за долгие годы работы с отцом вырос в крупного конструктора.

Имя и заслуги Николая Токарева были хорошо известны среди оружейников и военных, поэтому его пригласили в Москву вместе с отцом.

В тот же вечер оба Токарева — отец и сын — сидели в партере Большого театра на торжественном заседании, посвященном двадцать третьей годовщине Великого Октября.

На другой день Токарев вместе с сыном и Дегтяревым стоял на трибуне Красной площади. Они были свидетелями величественного парада войск Московского гарнизона, демонстрирующего мощь и силу Красной Армии. Чеканным шагом проходили войска, держа на изготовку винтовки с широкими клинковыми штыками.

— Отец, посмотри-ка,— шепнул Токареву сын.

Но Федор Васильевич уже давно увидел, что марширующие войска были вооружены его самозарядными винтовками. Сердце конструктора трепетало от радости, а на глаза невольно навертывались слезы...

Вечером, счастливый и веселый, он осматривал праздничную Москву.

Весело и красиво бывало в октябрьские праздники. Москва, залитая огнями, являла собой незабываемое зрелище. Толпы празднично одетых людей текли по ее улицам и площадям. В гуще гуляющих, на красиво убранных эстрадах, в голубом свете прожекторов выступали певцы, танцоры, акробаты, мастера спорта и пестрые, красочные самодеятельные коллективы.

— Как красиво, как весело живет советский народ! — восхищенно говорил Токарев сыну.— Каким убогим вспоминается мне дореволюционное время, какой жалкой и безрадостной — прошлая жизнь.

8 ноября Токарев вместе с Дегтяревым и сыном присутствовал на торжественном обеде в Кремле, на который были приглашены многие участники парада.

Но самым памятным для Токарева остался день 12 ноября.

В этот день в числе других восьми конструкторов, удостоенных высокого звания Героя Социалистического Труда, он был приглашен в Кремль.

Ровно в двенадцать часов в зал вошел Михаил Иванович Калинин и первым вызвал Токарева.

Он вручил конструктору грамоту и коробочку с орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» и, крепко пожимая мозо-

листую руку Токарева, сердечно поздравил его с высокой наградой, пожелав здоровья и новых творческих успехов.

Федор Васильевич готовился сказать проникновенную речь, но голос его дрогнул, в горле пересохло от волнения.

— Сердечно благодарю партию и правительство за столь высокую оценку скромных моих трудов. Я обещаю работать не покладая рук, отдать все силы на укрепление обороны родной страны...

Раздались аплодисменты. Токарев, еще раз пожав руку Михаилу Ивановичу, сел на свое место.

Пока вручали награды другим, он открыл коробочку и краешком глаза посмотрел на Золотую Звезду Героя. На ней был искусно выгравирован № 3.

Сфотографировавшись с Михаилом Ивановичем Калининым и другими награжденными, Федор Васильевич вернулся в гостиницу.

Сына не было. Конструктор прикрепил новые награды и подошел к зеркалу. Его крупное, мускулистое лицо с высоким лбом, всегда казавшееся несколько хмурым, сейчас сияло. Токарев был бесконечно счастлив.

Он жалел лишь о том, что с ним не было его верного друга — Доминики Федоровны, на протяжении долгих лет делившей с ним горечь неудач и лишений, помогавшей ему учиться и пробивать дорогу к творчеству. Как бы она была рада сейчас! Но, увы, ей не пришлось дожить до счастливых дней...

Скоро пришел сын и бросился обнимать и поздравлять растроганного отца.

А через несколько часов они вместе начали собираться в свой город, где их ждали друзья и новая работа.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Перед самым отъездом Токареву сообщили еще одну радостную весть: 10 ноября 1940 года Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР присвоила ему ученую степень доктора технических наук без защиты диссертации.

Известие о присвоении ему ученой степени было Токареву особенно дорого, так как этим решением признавалась научная ценность его конструкторских работ. До сих пор это высокое ученое звание из конструкторов-оружейников было присвоено лишь одному Дегтяреву.

Позднее Токарев узнал, что вопрос о присуждении ему ученой степени доктора технических наук был поднят Артиллерийской академией имени Дзержинского, где тщательно изучалось оружие, созданное Токаревым. Оно являлось своеобразным учебным пособием для слушателей академии.

Токарев пробыл в Москве всего лишь неделю, а сколько было пережито и передумано за эти дни! Сколько новых чувств и впечатлений, сколько радости, счастья, восторга!..

Пока машина летела по шоссе, Токарев был погружен в свои думы. Откинувшись на спинку сиденья и полузакрыв глаза, он вспоминал пережитое: праздничную Москву, грандиозный парад на Красной площади, торжественное заседание в Большом театре, прием в Кремле, вручение ему награды Калининым.

«Вот что я сделаю еще,— подумал Токарев,— по приезде домой я подам заявление в партию, в партию, которая меня поставила на ноги и вывела на большую творческую дорогу».

Мысль о партии давно волновала старого конструктора. Он неловко чувствовал себя беспартийным, так как и на работе, и дома его окружали коммунисты.

Вся его жизнь была беззаветным служением партии, однако он не был в ее рядах. Он хорошо знал и Устав и историю партии, с большим увлечением изучал труды классиков марксизма, но вступать в партию стеснялся, ведь он был уже старик... Теперь же он твердо решил: первым делом — подать заявление в партию.

Токарев всегда был непреклонен в выполнении своих решений и по приезде в свой город направился в партком.

— А, Федор Васильевич! — тепло приветствовал его секретарь парткома.— От души поздравляю, от души!

— Благодарю вас, но я по делу,— глухо проговорил Токарев.

— Прошу вас, Федор Васильевич, присаживайтесь, я вас слушаю...

— Может быть, вам покажется странным, что я в свои семьдесят лет... но я твердо решил вступить в партию и прошу вас разобрать мое заявление.

Секретарь парткома поднялся и крепко пожал руку конструктору.

— Таким людям, как вы, дорога в партию всегда открыта!

Вскоре после возвращения Токарева из Москвы началась подготовка к дополнительным выборам в Верховный Совет СССР. В числе трех кандидатов в депутаты рабочие выдвинули и знатного конструктора Токарева.

Высокая честь, оказываемая ему народом, была для Федора Васильевича большой и неожиданной радостью. Он выступал на заводах, фабриках, встречался с красноармейцами, студентами, учителями, врачами. И везде избиратели устраивали ему самый радушный прием. Токарев всюду видел любовь и доверие народа. С присущей ему строгостью он спрашивал себя: «Сумею ли я в семьдесят лет выполнять возлагаемые на меня обязанности, оправдаю ли высокое доверие?»

Но эти сомнения он высказывал только себе, чтобы решительным образом опровергнуть их и уверить себя в собственных силах и способностях с честью оправдать доверие избирателей.

Выступая на предвыборных собраниях, Токарев с воодушевлением рассказывал о том, как Советская власть открыла ему, изобретателю из народа, дорогу к творчеству, дорогу к светлой и радостной жизни, как благодаря заботам партии и правительства он сумел создать оружие для Красной Армии.

В конце февраля 1941 года к числу многих наград Родины, украшавших грудь прославленного конструктора, прибавился небольшой значок в виде темно-красного флажка — знак депутата Верховного Совета СССР.

Избиратели не ошиблись в своих надеждах. Федор Васильевич Токарев полностью оправдал их доверие. Он не жалел ни времени, ни сил для депутатской работы: лично отвечал на письма избирателей, чутко прислушивался к их нуждам, был неутомимым ходатаем по разным житейским делам.

Новые обязанности, новые общественные и государственные дела, а также предшествовавшие этому многочисленные предвыборные собрания несколько оторвали Токарева от основной работы. Поскольку производство винтовки уже было налажено, он не думал, что его кратковременное отсутствие может отразиться на ходе работ.

Однако именно в это время некоторые специалисты, стремясь упростить процесс производства и улучшить отдельные детали винтовки, внесли свои «рационализаторские» предложения и начали их вводить, не посоветовавшись с самим конструктором. Результаты не замедлили сказаться.

Когда Токарев вернулся с сессии Верховного Совета СССР и готовился к выступлению с докладом в заводском клубе, его огорошили неожиданным известием: винтовка дает брак!

Токарев поспешил на испытательную станцию, в сборочный цех, в мастерскую и выяснил, что винтовку изготовляют по измененным чертежам. Это было тяжелым ударом для конструктора. Его опять уложили в больницу...

Еще слабый, только выписавшись из больницы, Токарев немедленно отправился в Кремль... Положение было выправлено. Теперь уже Токарев ни на минуту не ослаблял своего внимания за производством винтовки.

С каждым днем все более разгоравшийся на Западе пожар войны мог в любое время перекинуться и на наши границы. Страна Советов и ее армия должны быть готовы ко всяким неожиданностям! И чем больше будет в армии автоматического оружия, тем лучше. Это понимал Токарев и поэтому проводил на заводе большую часть дня и нередко задерживался до полуночи.

Со звонкоголосыми скворцами прилетела новая радостная весть: Федор Васильевич Токарев был отмечен еще одной высокой правительственной наградой — его имя стояло в числе первых лауреатов Государственной премии...

21 апреля Токарев вместе с Дегтяревым и Шпитальным, которым тоже были присуждены премии, был вызван в Москву.

Академик Лысенко, вручая диплом лауреата, поздравил Токарева от имени правительства и пожелал ему новых успехов.

— Высокая оценка моих трудов и повседневная забота партии и правительства,— сказал Токарев,— удесятеряют мои стариковские силы и молодят сердце! Я не брошу своей любимой работы до последнего вздоха!

КОГДА ГРЕМЕЛИ ПУШКИ...

В июне 1941 года Федору Васильевичу Токареву исполнилось семьдесят лет.

Отпраздновав свой юбилей, он стал собираться на Кавказ, мечтая отдохнуть, подлечиться и на обратном пути заехать в родную станицу. Но вспыхнувшая война потребовала других решений.

В тот памятный день он вместе со своими сотрудниками, нахмурив седые брови и сжав кулаки, слушал суровые речи на заводском митинге.

Токарев и прежде думал о неизбежности войны, он чувствовал ее приближение, он знал, что рано или поздно на нас нападут, и потому вместе с другими советскими конструкторами трудился над созданием нового оружия, но он не мог представить, что нападение будет совершено так вероломно и коварно.

Враг нанес удар внезапно, рассчитывая захватить наши войска врасплох, создать панику и воспользоваться этим для решительного броска вперед.

Но враг не учел того обстоятельства, что его коварный прием еще больше ожесточит советских людей и заставит их принять быстрые и решительные меры. Именно это и произошло. Возмущенные вероломством врага, советские люди все, как один человек, поднялись на защиту своей Родины.

С завода в первый же день войны ушли на фронт сотни добровольцев. Их места за станками не остались пустыми. На смену мужьям и братьям на завод пришли их жены и сестры. Многие еще раньше работали на заводе, их не пришлось долго учить.

В те дни престарелый конструктор обратился с призывом к оружейникам-пенсионерам. Он призывал их встать на защиту Родины, как это всегда делали патриоты в минуты грозной опасности для Отчизны.

И вот в заводские корпуса из многочисленных улиц города потянулись убеленные сединами старые оружейники. Многие из них стали к станкам, другие взялись за обучение молодежи. С каждым днем наращивая мощность, завод стал работать для фронта.

В то грозное и тяжелое время высокого, прямого старика с седыми усами, облаченного в синий рабочий халат, можно было и днем и ночью встретить в цехах. Он вникал в мельчайшие неполадки, показывал, помогал советами, учил молодых рабочих. Его энергия и непоколебимая вера в победу поднимали и окрыляли людей. Глядя на Токарева, люди работали самоотверженно, не страшась вражеских самолетов, которые кружили над городом.

Враг рвался вперед. Наше сопротивление росло день ото дня. За каждый шаг по советской земле гитлеровское командование платило сотнями жизней своих солдат и офицеров.

Передовые части фашистских войск стали угрожать Туле. В городе были сформированы рабочие и ополченческие полки. Трудящиеся клялись умереть у стен родного города, но не отдать его на поругание и разграбление врагу.

Заводам работать под бомбами и обстрелом врага было опасно, и их эвакуировали на Урал.

Одновременно с отправкой последних эшелонов с оборудованием Токарев и его сын Николай выехали на машинах к месту погрузки. Там машины были погружены на платформы одного из заводских эшелонов, который двинулся на Урал.

Эшелон продвигался медленно, преимущественно в ночное время, днем укрывался от фашистских самолетов на глухих полустанках, в лесу.

В вагонах было холодно, их не могли обогреть маленькие печурки. Но люди не замечали холода. Ими владело одно высокое стремление — быстрей доехать до места и как можно скорей смонтировать станки и развернуть производство.

Но эшелон, как назло, двигался медленно. Навстречу шли поезда с войсками, снаряжением, орудиями, танками, боеприпасами.

На одной станции Токарев выглянул в окно и увидел состав с красными крестами.

— На фронт едете?

— Нет, с фронта, везем раненых.

Убедившись, что эшелон простоит не меньше часа, Токарев, назвав себя, вошел в один из вагонов.

Комиссар санитарного поезда оповестил об этом бойцов, которые обрадовались встрече и тепло приветствовали славного конструктора. В вагоне оказалось несколько человек, которые воевали с самозарядными винтовками Токарева.

От фронтовиков Токарев узнал много ценного для себя. Бойцы рассказали, что его винтовка в общем работает хорошо, но ее механизм очень чувствителен к засорениям. И Токарев всю дорогу обдумывал, как устранить этот недостаток, как сделать винтовку безотказной в работе в самых трудных условиях фронтовой обстановки.

Вечером вдалеке, в лощине между гор, показались дымные трубы уральского городка.

Город, расположенный на склонах холмистых гор, встретил оружейников приветливо. Для них уже были приготовлены помещения, жарко натоплена баня.

После долгой и мучительной дороги, после бомбежек и затемнений они вдруг попали в тишину и уют бревенчатых домов с русскими теплыми печами, где текла, как казалось, мирная жизнь.

Но уже к вечеру это первое впечатление резко изменилось. Город жил трудовой, суровой жизнью.

«Что ж, будем работать тут,— подумал Токарев.— Будем здесь, на Урале, ковать грозное оружие, которое поможет нашим доблестным воинам сокрушить врага...»

Суровая природа Урала — жгучие морозы и снежные бури — не отразилась на богатырском здоровье Токарева. И здесь старый конструктор работал так же самоотверженно, как и в своем городе.

В грозные дни, когда озверелый враг рвался к Москве и когда над Родиной нависла смертельная опасность, семидесятилетний конструктор был принят в члены ВКП(б).

Одна из величайших побед Красной Армии — разгром немецко-фашистских войск на Волге и начавшееся мощное наступление на врага позволили конструкторскому бюро, где работал Токарев, перенести свою работу в Москву.

Здесь конструктор продолжал трудиться с неиссякаемой энергией, его, как и всех советских тружеников тыла, воодушевляли славные победы наших воинов.

В конце 1944 года, когда Советская Армия, вооруженная мощной боевой техникой, развернула наступление по всему фронту, в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР следующего содержания:

«За заслуги в деле создания новых и усовершенствования существующих образцов вооружения наградить конструктора Токарева Федора Васильевича орденом Суворова II степени...»

Токарев неустанно следил за успехами наших войск на фронте. Его глубоко волновали и радовали эти блестящие успехи. Радость его была еще больше оттого, что советским воинам-героям служило его автоматическое оружие.

Конструктор получал много писем от фронтовиков, благодаривших его за создание грозного оружия, сообщавших о том, как ведет себя это оружие в бою.

Вот одно из многочисленных писем, полученных Токаревым:

«Дорогой Федор Васильевич!

Примите от нас, бойцов Н-ского участка фронта, стоящих на страже города-крепости Кронштадта и колыбели Великого Октября — Ленинграда, наш боевой красноармейский привет.

Нам сообщили, что в Ораниенбауме, городе, который мы прикрываем своей грудью, вы учились, здесь прошел первый период вашей конструкторской деятельности как творца новой боевой техники, наводящей ужас на проклятых фашистов. Заверяем вас, дорогой Федор Васильевич, что мы города, дорогого вашему сердцу, так же как и каждый рубеж, на котором мы стоим, врагу не отдадим.

Из самозарядной винтовки, изобретенной вами, снайпер Михаил Пухов, награжденный медалью «За отвагу», в одной операции, оставшись вдвоем против тридцати гитлеровцев, вышел победителем. Он заявил: «Человеку, создавшему это оружие,— вечная благодарность от меня». Так говорит каждый боец, оценивший силу и достоинство вашего оружия.

Просим вас написать нам несколько строк-советов, как лучше обращаться с вашим оружием, чтобы бить врага наверняка. Будем вам очень благодарны. Пишите нам.

Старший сержант орденоносец Федор Резниченко, истребивший 285 гитлеровцев,

Старший сержант орденоносец Ахат Ахметьянов, истребивший 250 гитлеровцев,

Старший сержант Павел Шабанов, награжденный медалью «За отвагу», истребивший 210 гитлеровцев,

Старший сержант Андрей Гостюхин, награжденный медалью «За отвагу», истребивший 164 гитлеровца».

Письма фронтовиков, их дружеские советы и пожелания ободряли конструктора в его трудной работе и помогали ему совершенствовать свое оружие.

Солдаты, вооруженные винтовкой Токарева, сражались не только под Ленинградом, но и на всех участках необъятного фронта. Ею были вооружены и многие партизаны, действовавшие в тылу врага. В одном из музеев Москвы хранится винтовка Токарева, принадлежавшая калининскому партизану А. Васильеву.

Участники героической эпопеи под Брестом — защитники брестской крепости — тоже имели на своем вооружении автоматические винтовки Токарева. В музее Советской Армии экспонированы обгорелые остовы винтовок Мосина, Токарева и автоматов Дегтярева, извлеченные из руин брестской крепости освободившими ее советскими воинами. С этим оружием наши бойцы стояли насмерть у стен крепости, показав примеры мужества и геройства.

В 1944 году в Москву был прислан с Ленинградского фронта образец снайперской винтовки Токарева № ПА 5903. Ею был вооружен знатный снайпер фронта старший сержант Матвей Звягинцев. Эту винтовку он получил из рук командующего армией. К тому времени на личном счету снайпера Звягинцева значилось пятьдесят уничтоженных гитлеровцев. Получив снайперскую винтовку, Звягинцев поклялся удвоить счет убитых врагов и сдержал свое слово. На его счету в январе 1944 года значилось 166 уничтоженных гитлеровцев.

19 января снайпер Матвей Звягинцев, хорошо известный врагу, был окружен большой группой гитлеровцев. Он принял неравный бой и уничтожил еще десять автоматчиков врага, но и сам пал смертью героя.

Начальник политотдела Н-ской части прислал в Москву винтовку, безотказно служившую снайперу-герою, и ее передали на хранение в музей.

Когда в столице нашей Родины, в столицах союзных республик и в городах-героях прогремели исторические залпы в честь великой победы советского народа над врагом, старый конструктор обнимал и целовал рабочих, техников, изобретателей, трудившихся вместе с ним над созданием оружия.

Он был горд и счастлив тем, что это оружие безотказно служило героическим советским воинам и сыграло немалую роль в разгроме коварного врага, что оно приумножило честь и славу нашей Родины.

В МИРНЫЕ ДНИ

Война потребовала от семидесятилетнего конструктора величайшего напряжения всех сил, упорной умственной и физической работы. Токарев мужественно выдержал это труднейшее испытание.

Но вот когда алое Знамя Победы взвилось над поверженным Берлином и над страной прогремели залпы победоносного салюта, он вдруг почувствовал страшную усталость. Ему стало трудно работать, тяжело двигаться, думать. Наблюдавшие за ним врачи немедленно направили конструктора в санаторий.

Окруженный тишиной, уютом и ласковым вниманием всего персонала, Токарев скоро почувствовал себя лучше. Однако ему, привыкшему к трудовой жизни в коллективе, было скучно и тоскливо в санатории. Он жаждал работы, деятельности, творчества. Врачи разрешили конструктору заняться фотографией. Федор Васильевич ходил по живописным окрестностям санатория с маленьким, сконструированным им самим, пока еще неказистым на вид аппаратом и делал пробные снимки. Он запечатлел на пленку не только окрестные пейзажи, но почти всех сотрудников и отдыхающих.

В конце 1945 года в числе ведущих советских конструкторов за успешное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны по созданию новых образцов вооружения был награжден и Токарев орденом Отечественной войны I степени.

А вскоре Токарев получил известие, что избиратели вторично выдвинули его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Избирательная комиссия запрашивала его согласие баллотироваться.

Несмотря на преклонный возраст, Федор Васильевич чувствовал себя еще достаточно крепким и работоспособным, чтобы потрудиться на благо народа.

«Пока не изменили силы,— рассуждал он,— я не имею права думать об отдыхе и покое».

Он телеграфировал в избирательную комиссию о согласии на баллотировку, а вскоре и сам выехал, чтобы снова встретиться со своими избирателями.

Токарев никогда не думал, что его скромная депутатская работа — ответы на письма и жалобы избирателей, ходатайства по их просьбам, помощь, оказываемая им семьям фронтовиков, участие в благоустройстве города, советы молодым избирателям и другое — будет высоко оценена ими.

Они устраивали Токареву трогательные встречи, горячо благодарили за помощь и чуткое отношение, передавали самые лучшие пожелания и выражали надежду, что в дальнейшем он будет таким же честным и заботливым слугой народа, каким был до сих пор.

Все говорили об исключительном внимании Федора Васильевича к своим депутатским делам и желали ему долгих лет жизни и плодотворной работы на благо Родины, на благо народа. В феврале 1946 года прославленный конструктор вторично был избран депутатом Верховного Совета СССР.

В июне 1946 года Токареву исполнилось 75 лет. Общественность нашей страны широко отметила юбилей прославленного изобретателя. Сотни писем, адресов, приветственных телеграмм получил Федор Васильевич со всех уголков необъятной страны. Ему писали бывшие фронтовики — солдаты, офицеры и генералы, его поздравляли рабочие-оружейники, его приветствовали изобретатели, ученые, работники искусства и литературы, студенты и школьники. Его имя пользовалось не только широкой известностью, но и большой любовью среди народа. В этот день грудь Токарева украсил третий орден Ленина.

Федор Васильевич был смущен и чествованием и наградой.

Он опять ушел в работу и творчество, считая, что самоотверженный труд будет лучшим ответом на высокие награды.

Зимой 1951 года на Всесоюзной художественной выставке, в отделе цветных фотографий, очень красочных и эффектных, внимание зрителей привлекли два снимка. Они были бледнее и даже незаметней других, но около них всегда толпились зрители. Снимки привлекали своей необычностью. Один из них охватывал гостиницу «Метрополь», площадь Свердлова с Большим театром, гостиницу «Гранд-отель» и даже часть здания гостиницы «Москва». Второй снимок представлял величественную, необъятную панораму набережной Москвы-реки и всего Кремля.

Знающие толк в фотографии подолгу стояли у этих снимков и искренне дивились, как это фотографу удалось охватить такое пространство. Фамилия «Токарев» была совершенно неизвестной в мире фотографов, и это усиливало интерес к снимкам.

Лишь значительно позднее, когда в журнале «Огонек» были опубликованы те же снимки с надписью: «Фото Героя Социалистического Труда Ф. Токарева», фотографы поняли, что автором поразивших их снимков является прославленный конструктор оружия, и им стало ясно, что снимки эти сделаны не простым аппаратом.

Занимаясь разработкой новой фотографической камеры для цветной и художественной фотографии, депутатской и общественной деятельностью, Федор Васильевич отнюдь не меньше времени и внимания, чем раньше, уделяет основному своему занятию — оружейно-конструкторской работе.

В свои преклонные годы он сохранил удивительную работоспособность и ясный ум.

Почти три четверти века прошли у Токарева в труде. За эти долгие годы он вырос в выдающегося конструктора, поднялся к высотам знаний, стал доктором технических наук.

Если собрать все образцы автоматических винтовок, пулеметов, карабинов, автоматов и пистолетов, изготовленных руками Федора Васильевича, то для их размещения потребуется несколько больших залов. Токарев сделал около ста пятидесяти различных образцов разработанных им систем! В этом отношении с ним не может сравниться ни один конструктор ни в одной стране мира.

Поражает удивительное упорство, с которым Токарев осуществлял свои замыслы. Более тридцати лет он проработал над своей автоматической винтовкой, из них около десяти — при царском режиме, в весьма тяжелых условиях.

— Да вам же нужно лечиться, Федор Васильевич! — не раз настаивал доктор.

— Если будет совсем плохо, тогда... Сейчас же я чувствую себя хорошо и должен работать. Мы все должны работать не щадя сил. От нашей работы зависит многое. Мы должны трудиться во имя мира во всем мире, во имя счастья сотен миллионов людей и за это — не жаль отдать жизнь!

1952 г.

ДЕГТЯРЕВ

В СТАРОЙ ТУЛЕ

Несколько столетий назад Тула была южным рубежом и крепостью Московского государства. Еще при Василии Третьем, более чем за четыреста лет до наших дней, в Туле построили Кремль с толстыми кирпичными стенами, девятью могучими башнями и железными воротами на два створа.

Этот Кремль был свидетелем многих битв, его стены выдержали не одну осаду.

Во времена Ивана Грозного туляки, укрывшиеся в Кремле, успешно сдерживали натиск огромных татарских орд, посланных на Москву крымским ханом Девлет Гиреем, под предводительством двадцати двух царевичей.

Постоянная угроза со стороны врагов заставляла туляков жить настороже, быть готовыми к отражению неожиданных набегов.

Поэтому с древних времен туляки научились изготовлять оружие: вначале холодное, а потом и огнестрельное.

Развитию оружейного промысла во многом способствовало наличие поблизости железных руд.

Железоделательное мастерство на Руси, особенно в Туле, развивалось с незапамятных времен.

При археологических раскопках древних городищ было найдено большое количество различных изделий из железа, свидетельствующих о том, что еще в XI веке железоделательные ремесла были распространены во многих местах древней Руси. Из железа изготовлялись простейшие орудия обработки земли, воинские доспехи, предметы домашнего обихода, оружие, женские украшения.

В развитии железоделательного мастерства наши предки значительно опередили некоторых западных соседей. Известно, что в 1066 году англосаксы в битве с норманнами при Гастингсе оборонялись каменными топорами, русские же дружины в то время уже были вооружены многими видами оружия из железа.

Еще за 30 лет до битвы англосаксов с норманнами русские дружины разгромили под Киевом орды кочевников, и в этом бою тоже применялось оружие из железа.

В великом русском эпосе «Слово о полку Игореве», описывающем события 1185 года, немало примеров, говорящих о применении русскими дружинами различного оружия из железа. «Летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат

копья булатные в поле неведомом, посреди земли половецкой...»

Искусство русских железодельцев и ковачей было известно в древние времена и далеко на западе. Их изделия вывозились в соседние государства.

В описи имущества Хцебурской церкви Бревновского монастыря, составленной чешскими монахами в XIV веке, значатся «три железных замка, в просторечии называемых русскими»...

Издавна славились своим искусством тульские ковачи.

В тридцати километрах от Тулы, около села Дедилова, до сих пор сохранились следы древних рудников — большие, осыпавшиеся ямы. Это бывшие дедиловские провалища. В древние времена здесь добывали железную руду, и окрест стояло множество примитивных доменных печей. Это были даже не печи, а большие горны, снабженные сильными мехами.

В горн засыпались уголь и руда, руду покрывали сверху слоем угля, снизу разжигался огонь, и несколько дюжих мужиков начинали качать мехи — так производилась плавка.

Железо выделывалось из глыбовой руды, добываемой из земли с помощью бадеек и воротов, и из болотной руды, находимой на поверхности земли.

В XVI веке тульские кузнецы и железных дел мастера приобрели широкую известность: о них знали в Москве, Рязани, Владимире, Суздале.

В 1595 году по указу царя Федора Иоанновича многие тульские кузнецы переселяются из посада в особую слободу, названную кузнецкой, и становятся самопальными (оружейными) мастерами. Им поручается изготовление оружия для казны.

Самопальные мастера освобождаются от посадского тягла, то есть от повинностей и податей, и, по сравнению с посадскими людьми, попадают в более привилегированное положение.

Благодаря этому число самопальных мастеров быстро растет. С годами из них образуется сословие казенных кузнецов — будущих тульских оружейников.

Но так как казенные кузнецы расселялись на посадской земле, между ними и посадскими людьми шла непрекращающаяся вражда на протяжении многих десятилетий.

По жалобам посадских людей, писавших челобитные царю, казенных кузнецов лишили их привилегий, и оружейное дело начало хиреть.

В 1619 году самопальные мастера Федотка Федосеев да Якинко Пушкин с товарищами написали челобитную царю Михаилу Федоровичу, в которой просили вернуть им прежние привилегии — освободить от посадского тягла.

В этой челобитной они ссылались на то, что «делают на Туле самопальное дело день и ночь беспрестанно».

Через три года самопальный мастер Потапко Полуэктов послал новую челобитную царю, прося освободить самопальных мастеров от посылок на работу в другие города и от постоев, «от коих им чинится теснота великая».

Эти челобитные помогли, или подействовали на царя угрозы польской шляхты, готовящейся к войне с Россией, а только тульским казенным кузнецам были возвращены прежние льготы.

Кузнечное дело стало быстро развиваться.

В 1640 году в кузнецкой слободе трудились больше ста самопальных мастеров. Они работали на казну, но материалы для производимых ими изделий должны были покупать сами.

Царским указом самопальным мастерам предоставлялось право первоочередной покупки железа и угля, и они освобождались от денежных оброков и всяких податей.

В XVII веке «тульские оружейники образовали особую кузнецкую слободу, составили особое сословие, с особыми правами и привилегиями»,— писал В. И. Ленин.

К концу XVII столетия самопальные мастера изготовляли для казны ежегодно около двух тысяч пищалей (ружей).

Работы по мастерам распределяли выборные старосты, которые впоследствии были облачены властью и получили право «бить батогами нерадивых, чтоб впредь было неповадно».

Процесс изготовления пищали (ружья) был очень сложен. Особенно тяжело давалась заварка ствола. Стволы делались из хорошо выкованных железных полос. Их накаливали, свертывали в трубу и сваривали в горниле, потом, надев на круглый железный стержень, ковали шов на наковальне.

Эта операция и называлась заваркой ствола. Так сваривали отдельно дульную и казенную части. Затем соединенные части рассверливали длинным сверлом, шлифовали и обтачивали снаружи, придавая нужную форму. Каждую часть пищали делал определенный мастер.

Самопальные мастера, помимо казенных, имели право выполнять частные заказы — работать на сторону.

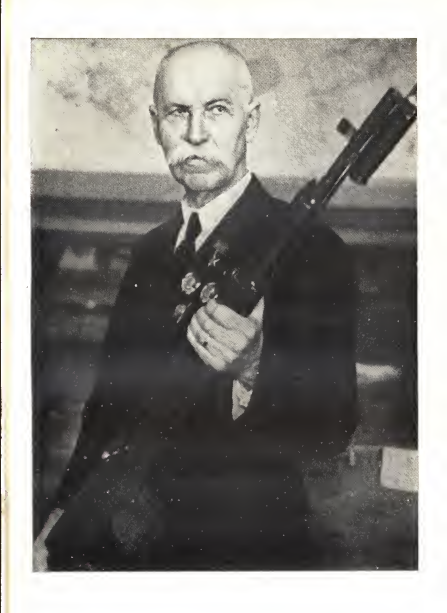
Конструктор-оружейник
В. Г. Федоров.

В. Г. Федоров (слева) и В. А. Дегтярев (1948 г.)

Пехота в новой форме с винтовками Мосина. Ленинград, 1928 г.

Конструктор стрелкового оружия Ф. В. Токарев в артиллерийском историческом музее РККА с автоматической винтовкой своей конструкции.

Ф. В. Токарев за работой на токарном станке в своей опытной мастерской. 1958 г.

М. И. Калинин вручает Ф. В. Токареву орден Ленина, Золотую медаль «Серп и Молот» и грамоту о присвоении звания Героя Социалистического Труда. 1940 г.

Этим пользовались «пожиточные» (богатые) люди — ловкие, оборотистые дельцы. Они скупали оружие у «скудных людей» и продавали его в других городах втридорога. Многие на этой торговле быстро разбогатели и завели свое оружейное дело.

В конце XVII века в Туле были хорошо известны крупные поставщики оружия — Исай и Максим Мосоловы и Никита Орехов.

В те же годы предприимчивый посадский мужик, с хищным носом и черной окладистой бородой, Никита Онуфриев (Демидов) зачастил в кузнецкую слободу и быстро сдружился с самопальными мастерами. Познав их искусство, он и сам сделался оружейником, а потом завел собственную мастерскую, куда залучил хороших мастеров.

Через некоторое время Демидов взялся поставлять оружие для казны. Его изделия отличались хорошим качеством, и слух о Никите Демидове дошел до царя Петра.

В 1696 году Петр Первый, возвращаясь из Азовского похода, заехал в Тулу, чтоб ознакомиться с работой самопальных мастеров. В дороге у Петра поломался «аглицкий» пистолет, и Петр приказал узнать, не возьмутся ли за его починку местные мастера. Через два дня к Петру явился Демидов, могучий, чернобородый, с властным взглядом из-под бровей.

Он передал исправленный пистолет, и такого же фасона совершенно новый, который красотой отделки намного превосходил «аглицкий».

— Это откуда? — изумился Петр.

— Туляки сделали своему государю в подарок,— почтительно сказал Демидов.— Мы бы и не это сделали, кабы была на то ваша царская милость!

Царь немало дивился подарку туляков.

— Глядите,— говорил он придворным,— русские мастера могут делать оружие не хуже аглицкого, да с такой быстротой, какая англичанам и не снилась!..

Усадив Демидова подле себя, Петр долго расспрашивал его о нуждах мастеров и о том, как можно расширить в Туле производство оружия.

Оценив в Демидове смелость, предприимчивость и ум, Петр повелел ему «немедля строить плотину при впадении Тулицы в Упу и возводить завод железоделательный».

Демидову бесплатно разрешалось рытье руды, при условии, чтобы он поспешал с налаживанием самопального (ружейного) производства.

Сразу же с отъездом Петра у устья Тулицы закипела работа. Мужики с лопатами, носилками и ломами трудились с зари до зари.

Демидов сооружал не только железоделательный завод, но и большие по тому времени оружейные мастерские.

В 1705 году по указу Петра в Тулу приехал дьяк Беляев с заданием «поспешно построить при кузнецкой слободе оружейный двор о пятидесяти горнах и многих амбарах для изготовления ружей».

Это мероприятие Петра дало резкий толчок развитию оружейного дела в Туле.

В начале 1712 года Петр снова побывал в Туле, осмотрел оружейный двор и демидовские мастерские и повелел заложить в Туле казенный оружейный завод, «где можно бы ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттачивать, а палаши и ножи точить водой».

За постройку этого завода на Старом городище и огромной 73-метровой плотины взялись русские мастера-механики — Красильников и Шелашников.

В 1714 году, когда строительство шло полным ходом, Красильников неожиданно умер. Однако работа от этого не остановилась — его заменил другой русский умелец, солдат Ораниенбаумского батальона Яков Батищев, слывший хорошим механиком.

В 1718 году строительные работы были завершены. Завод построили «на два жилья» (в два этажа). Внизу было размещено 12 кузниц с 96 горнами и склады, а вверху 12 мастерских палат (цехов).

Решено было все оружейное производство сосредоточить в заводе, однако разместить там более тысячи мастеров, живших в кузнецкой слободе, не удалось. Большинству из них по-прежнему работу продолжали выдавать на дом.

Теперь заказы на те или иные части оружия выполнялись не только отдельными мастерами, а целыми семьями, живущими по соседству.

Постепенно число дворов, где селились мастеровые, возрастало. Так образовались слободки: заварщиков, ствольников, штыковиков, а с веками на их местах возникли улицы, до наших дней сохранившие свои самобытные названия: Ствольная, Дульная, Курковая, Замочная и т. д.

При Петре Первом производство ружей в Туле было доведено до 15—18 тысяч штук в год. Вооруженные ими, русские воины одержали великую победу над шведами под Полтавой.

Тульский оружейный завод, созданный Петром Первым, был расширен Екатериной II, которая сама приезжала осматривать его. Производство ружей на нем было увеличено с 18 до 45 тысяч в год.

Славные чудо-богатыри Суворова во всех походах были вооружены ружьями, изготовленными тульскими мастерами. И эти ружья им служили безотказно.

Во время войны с Наполеоном в 1812—1813 годах тульские оружейники сделали 600 тысяч ружей. Это был невиданный дотоле трудовой подвиг.

Генерал Воронов, бывший в то время начальником Тульского оружейного завода, писал в рапорте артиллерийскому департаменту о работе тульских оружейников:

«Соразмеряя отечественным нуждам и усиливая рвение свое, трудились они день и ночь и все праздничные и табельные дни, определенные для свободы и отдохновения от трудов, употребляли на одно только дело оружия, торжествуя их в трудах, отечеству посвященных. Такова есть жертва оружейников...»

С тульскими же ружьями солдаты Кутузова разбили вторгшиеся на русскую землю хваленые полчища Наполеона.

В Крымскую кампанию, когда героические защитники Севастополя испытывали острую нужду в штуцерах (нарезном оружии), которыми были вооружены их противники, тульские оружейники торжественно пообещали сделать в часы отдыха и без оплаты 2000 нарезных ружей и послать их в дар солдатам Севастополя...

За три года — с 1853 по 1855 — в Туле было изготовлено 174 тысячи нарезных ружей.

На протяжении столетий тульские оружейники свято хранили свои славные традиции. В годы смертельной опасности для родины они работали «не щадя живота», чтобы помочь русским воинам одолеть врага.

С веками из самопальных мастеров, расселенных в кузнецкой слободе за рекой Упой, сложилось славное и многочисленное сословие тульских оружейников.

С годами росло и совершенствовалось их замечательное мастерство. От отцов к сыновьям и внукам передавался веками накопленный опыт и своеобразные секреты оружейного производства.

Так возникли в Туле династии потомственных русских оружейников. И немало из них вышло славных мастеров, прославивших русское оружие на весь мир!

В БЫВШЕЙ КУЗНЕЦКОЙ СЛОБОДЕ

Нижне-Миллионная улица серыми уступами сползла к реке. Ветхие, покосившиеся домики, блестя на солнце оскалами стекол, словно смеялись над ее названием.

Название улицы, действительно, никак не вязалось с вековой бедностью ее обитателей. Очевидно, «отцы города», наделившие ее таким именем, были не лишены чувства юмора.

Однако другие улицы Заречья (так называлась промышленная окраина Тулы) носили свои самобытные имена — Штыковая, Ствольная, Курковая,— связанные с их многовековой историей. Тут некогда находилась кузнецкая слобода и ютился работный люд — ружейных и пушечных дел мастера, скромные русские умельцы, по преданиям, подковавшие «аглицкую блоху».

На этой земле за рекой Упой и родились славные традиции тульских оружейников: возникли новые песни и поговорки, сложился своеобразный быт и уклад.

Жили большими семьями в крохотных, собственных или на долгий срок арендуемых домишках-хижинах, неизменной принадлежностью которых была или маленькая кузня, или сарайчик для слесарных и кузнечных работ.

В этих кузнях и сарайчиках трудились оружейники после работы на заводе, подрабатывая на частных заказах.

Почти у каждого домика был разбит небольшой садик, под окнами росли рябина, березы, сирень.

Привычка к садоводству и огородничеству у оружейников тоже сохранилась с незапамятных времен, когда казенным кузнецам в числе прочих привилегий давалась и «беспошлинная земля»...

В зимний вечер 1879 года к воротам небольшого домика на Нижне-Миллионной подкатили розвальни. Из них бойко выскочили двое мужиков, помогли сойти укутанной в шаль женщине с ребенком и старушке.

Та громко закричала:

— В избу, в избу младенца-то несите! — И, увязая в глубоком снегу, поковыляла через двор к маленькой кузне.

— Дед, слышишь ли! Мироныч, оглох, что ля,— кричала она простуженным голосом, стуча обледенелой рукавицей в заиндевелое окно.— Вернулись из церкви, окрестили внука-то Васюткой.

Дед перестал ковать, сунул в ушат с водой длинные клещи,

снял прожженный кожаный фартук и, разгладив свалявшуюся бороду, заторопился домой.

Взойдя на крыльцо, он обмахнул веником снег и, открыв обитую рогожей дверь, в клубах морозного пара вошел в кухню.

— Вот и Мироныч, слава богу,— сказала бабка и, выплеснув что-то в ушат, кинулась в спальню.

Дед снял полушубок, повесил на гвоздь шапку, вымыл под умывальником руки и твердыми шагами направился в комнату.

— Ну, кажите, каков новокрещенный?

Смущенная молодая мать взяла на руки завернутого в полушалок розового голубоглазого младенца с белыми жиденькими волосиками на головке и поднесла к деду.

— Вот поглядите, батюшка...

А внучек судорожно протянул ручонки и схватился за косматую бороду деда.

— Так, так его, лешего! — радостно закричала бабка.— Чтоб поласковей был...

Домашние засмеялись.

Дед осторожно освободил бороду и, прищурившись, посмотрел на внука:

— Цепок. Этот себе дорогу пробьет...

Мать, невысокая, крепкая, с длинной русой косой, зарделась пуще прежнего и, прижав к груди разбушевавшегося малыша, юркнула с ним за полог, где была подвешена зыбка.

— Хорош крестник,— сказал крестный мастеровой.— Родного деда да за бороду... хо-хо-хо!..

— Жалко, Лексей на работе, полюбовался бы на сынка,— поддержала его крестная, жена другого мастерового.

— Хватит, вам зубы-то скалить,— недовольно сказал дед.— Идемте-ка лучше к столу, старуха блинами попотчует...

Когда выпили за новокрещенного, послышался тяжелый стук обледенелой двери.

— Никак, Лексей? — сказала бабка и опрометью бросилась в кухню.

— Скорее, скорее, Алеша,— послышался ее грубоватый голос.— Уж гости за столом!..

Скоро в дверях появился отец, худощавый, низкорослый, как большинство туляков, с русыми, аккуратно подстриженными усиками. Он был одет в темный поношенный костюм и синюю полосатую косоворотку, подпоясанную узеньким ремешком.

Его усадили рядом с матерью младенца. Подвинули огурцы, капусту, поднесли пузатый лафитник.

— За отца! — провозгласил крестный.

Все поднялись и выпили молча.

Из соседней комнаты послышался плач ребенка.

Мать вскочила.

— Сиди ты, сиди, я сама угомоню нашего касатика,— промолвила бабка и побежала в спальню.

— Ишь младенец-то недовольство проявляет,— сказала крестная.— Желает, чтоб за него выпил отец.

— Ну, вы погодите насчет отца. Знаете, какой он питец,— сурово заметил дед...

Появилась бабка, держа на руках улыбающегося младенца.

— Ишь смеется, за него, что ли, выпьем-то?

— За него,— сказал дед.— За то, чтобы не переводился наш дегтяревский род оружейников.

Выпили молча... Закусывали долго, проворно.

Маленький Васютка слушал, как хрустят на зубах огурцы и капуста, и весело оглядывал захмелевшие лица.

Отец порылся в кармане и протянул сыну большой коричневый пряник, на котором перламутром переливались сахарные буквы — «Тула».

— Язви тя в бок! Ведь и у меня был где-то подарок для внучка! — крикнул дед и на цыпочках побежал в кухню.

— Что это он там замыслил? — спросила бабка.

— Нейначе гармонь,— сказал крестный.— В Туле всегда дарят либо гармонь, либо самовар.

— Тоже сказал, куманек... Да к чему же младенцу самовар?

— Вырастет — чай будет пить!

Все расхохотались, а Васютка, испугавшись, заревел и прижался к бабушке.

— Эй, внучек! — послышался голос деда.— Глянь-ка сюда!..

И он завертел у Васютки перед глазами чем-то маленьким, блестящим.

Мальчик мигом успокоился и протянул к блестящему предмету ручонки.

— Ой, ливорверт,— закричала мать.

Дед протянул ребенку крохотный, отделанный медью револьверчик.

— На, играй, карапуз, привыкай сызмальства к оружью.

Мальчик, бросив пряник, обеими руками схватил револьверчик и стал вертеть его, рассматривая...

МИРОНЫЧ

Мальчик рос крепким, шустрым, розовощеким, с белыми кудряшками на широком лбу.

Мать, подбрасывая его сильными руками, как-то счастливо воскликнула:

— Васютка! Васютка ты мой!

Это ласкательное имя так и осталось за ним. Ни отец, ни бабка, ни дед и не пытались называть малыша иначе.

К полутора годам Васютка бегал бегом, кувыркался на траве под черемухой и целые дни проводил на воздухе под надзором матери и бабки.

Но по весне у матери появился новый младенец, и Васютку отдали на попечение бабки, которая проводила дни в неустанных трудах. В зимние вечера Васютка нередко засыпал возле нее на лавке, где бабка пряла или вязала.

С дальнейшим увеличением семьи Васютка был предоставлен самому себе. Но это его мало огорчало. Зимой он долгими часами играл где-нибудь в углу, выстраивая на полу из гороха огромные войска и двигая их друг на друга, устраивал войны.

Летом, собрав во дворе соседских ребятишек, играл с ними в прятки и в большой, скатанный из овечьей шерсти мяч. А когда немного подрос, пристрастился к дедушкиной кузне.

Придет, встанет у порога и подолгу смотрит, как дед Мироныч кует железо.

Особенно нравилось ему смотреть, когда деду помогал отец или кто из мастеровых, выполняя роль молотобойца.

Огромная кувалда со свистом падала на раскаленный кусок железа, отчего во все стороны летели огненные искры.

Чаще всего ковали в три руки: отец кувалдой, дед молотом.

И Васютка про себя считал-приговаривал:

— Тук-та-та... Тук-та-та. Тук-та-та...

Васютка очень любил звонкую музыку кузнечной работы. Нравились ему и резкие проворные движения отца и деда. Отец был худой, щуплый, но от его ударов плющилось красное железо, от этого он представлялся Васютке сильным, настоящим богатырем, о которых рассказывала бабка.

Васютка мечтал, что, когда он вырастет, непременно станет кузнецом и будет вместе с отцом помогать деду.

Ему и сейчас хотелось бы быть помощником, но дед и близко не подпускал к наковальне...

Как-то дед ковал с соседом молотобойцем. Вечер был душный, и в кузнице нечем было дышать. Оба мокрые от пота, кузнецы старались изо всех сил, чтоб дотемна выполнить срочный заказ самоварной фабрики.

Вася, как всегда, стоял у двери. Но вот молотобоец опустил кувалду и взял банку с водой, чтобы попить.

Глотнув, он поморщился и выплеснул воду.

— Ну-ка Васютка, слетай за свежей, да чтоб похолоднее была!

Вася бросился в сени и скоро вернулся с водой.

Молотобоец напился и вышел на холодок.

— Давай, Миропыч, покурим, духота замучила...

Они уселись в тени, а Вася пробрался в кузню и, дотянувшись до лямки на длинном шесте, стал ее дергать, пытаясь качать кузнечные мехи.

— Глянь, Мироныч, какой помощник у тебя появился!

Дед рассмеялся.

— От горшка два вершка, а в кузнецы лезет... Ну, ну, качай!

Вася изо всех сил потянул шест, потом выпустил лямку и больше уже не смог до нее дотянуться.

Дед встал и привязал к лямке конец веревки.

— Ну на, дергай теперь.

Васютка, пыжась и краснея, стал качать кузнечные мехи. И вдруг, увидав, что угли в горне начали разгораться, радостно закричал:

— Дедушка, смотри, дедушка, смотри, загорелось!

С этого дня дед стал пускать Васютку в кузню и даже позволял качать мехи.

А однажды, велев ему надеть старые кожаные рукавицы, заставил держать длинные клещи, в которых был зажат кусок раскаленного железа, а сам зубилом и молоточком стал осторожно обрубать его.

Мало-помалу Васютка стал помощником деду. То угля подбросит в горнило, то клещи подержит, то мехи покачает.

Приходил домой он вместе с дедом, чумазый, закопченный, и с гордостью говорил:

— Вот и мы пришли. Кончили работу!..

Похлебав вместе с дедом щей большой деревянной ложкой, Васютка выходил во двор и, если была хорошая погода, собирал всех домашних под черемухой.

— Сейчас дедушка придет, будет сказы рассказывать...

Дед любил вечерком посидеть на завалинке, вспомнить старину, порассказать про житье-бытье.

Послушать деда Мироныча приходил отец Васи — Алексей и соседи мастеровые.

Усевшись поудобней на березовый обрубок и набив самосадом «турецкую» трубку, дед посылал Васютку за угольком и, закурив, заводил увлекательные рассказы.

Рассказы деда Мироныча ребятишки слушали не переводя дыхания. Мастеровые и их жены покрякивали и вздыхали.

Им нравилось, что в рассказах деда была горькая суровая правда о жизни простых работных людей.

— И вот поехал как-то раз государь в заграницу,— говорил дед тихим, ласковым голосом.— С ним целая свита увязалась: тут и генералы, и адмиралы, и попы, и повара — всех и не пересчитаешь! И каждый государю по своей части разные разности кажет. Кто, значит, книги, кто ковры разные, кто насчет монополии соображает, а генералы ружье заморское приволокли.

Как глянул на него государь, так и обмер от удивления. Ствол вороненый, с синевой, как у цыгана волос. А на нем насечка — словно кто золотом расшил. Ложа из разного дерева и отделана... перламутром да слоновой костью узоры выведены. А замок уж так аккуратно да чисто сработан, что и царь диву дался. И велел он тут же купить это иноземное ружье, сколько б оно ни стоило.

Генералы исполнили царский приказ.

Вот вернулся царь-государь в столицу и велит ему заморское ружье принести. Вытащили генералы ружье из сафьяна. Рассматривают, любуются, дивятся.

И вдруг видят на стволе золотом выведенную надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Вот тебе и заморская штуковина!..

А царь в колокольчик звонит: велит скорее ружье подавать.

Как тут быть?! Думали, думали генералы, да и соскребли золотые-то буквы. Так и не узнал царь, что зто ружье сделал не иноземец, а наш тульский мастеровой...

...Солнце уже село. От реки тянуло прохладой.

— Ну, ребятишки, по домам! — скомандовал дед. И сам направился к крыльцу.

Васютка ухватил его за руку:

— Дедушка, а это правда?

— Знамо, правда.

— А ты, дедушка, можешь сделать такое ружье?

— Ну, я уж теперь старик, где мне. А вот ты, ежели будешь учиться да стараться, может, и лучше сделаешь!..

* * *

Дед Мироныч горячо любил ружейное дело и очень тосковал по нему. Но работать на заводе он уже не мог по старости, хотя был еще бодр и держался молодцевато.

Заметив в Васютке любознательность и способности к мастерству, дед стремился привить ему любовь к оружейному делу, как испокон веков было заведено у них в роду.

Однажды дед принарядился, надел вышитую рубаху, смазал дегтем сапоги и расчесал гребнем широкую бороду.

— Ну, внучек, собирайся, сегодня возьму тебя с собой.

— Куда это? — осведомилась бабка.

— А тебе зачем знать, старая? Это наше, мужицкое дело. Тебе след ноги вымыть ребятенку да волосы причесать. Хорошо бы и рубаху переменить, если есть.

— Чай, не в церковь идешь — рубаху-то менять...— огрызнулась бабка.— Да и много ли ты рубах-то ему запас, чтобы требовать?..

Однако она все же умыла Васютку, вымыла ему ноги и даже надела новые штаны. При этом сказала:

— Дорогой-то гляди в оба, в грязь не лезь... а рубаха и эта сойдет... И так настираться на вас не могу.

Они вышли за ворота и направились в сторону города.

— Дедушка, куда это мы?

— А в завод, обещались мне ноне музей показать, где оружие всякое хранится. Туда никого не пускают, а у меня сторож знакомый...

— И то ружье увидим, которое царь купил?..

— Это я тебе не скажу, а только оружия там видимо-невидимо, аж глаза разбегаются...

Миновав железные ворота, они прошли вымощенным булыжником двором до большого красного помещения.

Вдруг что-то как загремит, засвистит, аж земля задрожала.

Васютка прижался к деду.

Глаза застлало дымом; и в этом дыму, пыхтя, грохоча и лязгая, двигалось на него какое-то черное чудовище.

— Не бойся, Васютка, не пужайся,— ласково успокаивал его дед.— Это же машина, али как там его? Паровоз... Пошумит, погремит да и проедет... мы от него далеко...

И действительно, скоро все стихло, дым рассеялся, словно ничего и не было. Все же Васютка долго не мог прийти в себя. Образ страшного ревущего чудовища все еще стоял перед глазами. Он вблизи видел паровоз впервые...

— Ну, вот и музей,— сказал дед, указывая на длинное кирпичное здание.

Они вошли в помещение, увешанное и уставленное всевозможным оружием. Тут были и шашки, и тяжелые палаши, старинные фузеи и штуцера, современные винтовки и всяких размеров и систем пистолеты.

— Во, гляди, Васютка, примечай... Все это оружие сделали наши тульские мастера. Тут и мои изделия были, да сейчас опознать не могу.

Вася восхищенными глазами смотрел по сторонам. Очень приглянулись ему маленькие пистолетики на золотой цепке.

— Дедушка, а эти пистолеты всамделишные?

— А как же. Самые заправские, знаменитый мастер делал, Медведков.

Вдруг в зал вошел, поводя рыжими усами и тараща глаза, здоровенный полицейский.

— Вы чего тут?.. Откуда взялись?.. Сейчас начальство идет...

Дед схватил внука за руку и потащил к выходу.

— Идем, Васютка, идем, а то деду Игнатию попадет, сюда никого не пущают...

Дед был рассержен полицейским, дорогой хмурился и что-то сердито бормотал себе под нос.

А Васютка шагал по дороге, как по небу. Он был счастлив. Перед глазами его одно красивей другого возникали ружья, шашки, пистолеты.

У самого дома он остановился и схватил за руку деда:

— Эх, дедушка! Как бы мне научиться делать настоящие ружья, я бы сделал такое ружье, которое бы стреляло от нашего дома до самой Москвы...

— Ишь чего захотел,— улыбнулся дед, и эта неожиданная улыбка расправила суровые морщины на его лице, сделала его добрым, приветливым.

— Человек может многого достигнуть, Васютка. Надо только стараться, да не лениться.

ПО ЗАВЕТУ ДЕДА

После посещения музея Васютка пуще прежнего привязался к деду и стал проявлять еще большую любознательность. Теперь, придя в кузню, он не только качал кузнечные мехи или держал длинные клещи, помогая деду, а старался

узнать, что за изделия дед кует, для чего они нужны и как называются.

Когда дед становился к верстаку и выдвигал широкий ящик с инструментами, Васютка не давал ему работать.

— Дедушка, а это что за рогульки? — указывал он на кронциркуль... И, не дожидаясь ответа, спрашивал: — Зачем такой молоточек?.. А вот какие щипчики...— они нужны тебе?

— До чего ты дотошный стал, Васютка,— отвечал Мироныч.— Мыслимое ли дело все разом объяснить?.. Гляди и примечай что к чему. А мешать будешь — прогоню!

Вася умолкал, но ненадолго... Переминаясь с ноги на ногу, он опять начинал осаждать деда.

— Дедушка, а что крепче — железо или медь?

Мироныч, увлеченный работой, незаметно для себя пускался в объяснения и спохватывался лишь тогда, когда разговор, действительно, начинал ему мешать.

— Да отстанешь ли ты наконец,— сердито прикрикивал он.— Иди лучше в бабки играть, от тебя одна помеха...

Васютка знал, что Мироныч быстро отходит. Поэтому, нахмурясь и уйдя, он минут через пять являлся как ни в чем не бывало.

— Дедушка, может, уголька подбросить?

— Уголька? Подбрось, пожалуй, да качни раз-другой, а то, того и гляди, потухнет в горниле...

Ранние утренние часы Мироныч всегда проводил в саду или на огороде. Взрыхлял землю под яблонями, занимался прополкой и поливом овощей...

Васютка, бывало, как проснется — бегом летит в сад.

Взяв маленькое ведерко, сделанное для него Миронычем, он начинал носить воду. Когда большая бочка была наполнена до краев, он брался за полив огурцов и помидоров на «Васюткиной грядке», засаженной для него отцом.

В августе, когда на грядке созрели первые четыре помидора, Васютка осторожно срезал их и принес матери.

— Мама, это помидоры с моей грядки, я сам вырастил,— сказал он с гордостью.— Это тебе, папаше и бабушке. А этот я отнесу деду...

И, сунув помидор в карман, исчез.

К кузне деда он подошел осторожно и, заметив, что тот стоит у верстака, на цыпочках стал пробираться к наковальне; ведь только вчера он зазубрил у деда новую стамеску.

Как раз в тот момент, когда он положил на наковальню оранжево-красный помидор, Мироныч неожиданно повернулся, и глаза их встретились...

— Вот, дедушка, подарок с моей грядки,— виновато пролепетал Васютка.

— Спасибо, спасибо, внучек,— сказал дед и, подойдя потрепал его за волосы.— И я, брат, для тебя тоже приготовил подарок.— Откинув дверцу тумбочки, он достал и протянул Васютке небольшой ящичек: в нем лежали пилка, молоток, маленький топорик, клещи, плоскогубцы и многое другое.

— Получай и устраивай под навесом себе мастерскую,— сказал дед.

Васютка остолбенел от радости и никак не решался принять подарок.

— Да бери же, бери, не бойся, это я сам сделал для тебя и вот... дарю.

Васютка схватил ящик, прижал его к груди и, даже забыв сказать спасибо, выскочил из кузни.

С этого дня во дворе стало заметно тише. Веселый смех и звонкие детские голоса раздавались редко. Васютка, его братишка и все соседские ребятишки теперь собирались под навесом и, разложив подаренные дедом инструменты, что-то мастерили и строили.

Васютка из старого ящика сделал себе подобие верстака и на нем из деревянных обрезков строил пароходы и паровозы, возводил дома и башни.

Когда наступили холода, весь свой скарб он перетащил в комнату, заняв целый угол.

— Это что еще за дело?! — закричала на него мать.— И так негде повернуться, убирай все сейчас же!

— Ишь мусора наволок,— вторила ей бабка.— Грязь-то вожу не перевожу... Надо выкинуть все это в чулан.

— Не дам, не дам, это мне дедушка подарил! — Васютка сел на пол, обнял свои инструменты и горько заплакал.

Услыхав плач, из-за перегородки вышел дед.

— Вы чего малого обижаете, сороки? Он не просто играет, а рукомеслу учится. Это надо понимать.

Васютка, глотая крупные слезы, смотрел на деда, как на спасителя...

Дед был для него и учителем, и наставником, и другом. Только эта дружба оборвалась неожиданно и слишком рано.

На масленой в этот год стояли сильные морозы. Дед ездил в деревню навестить родных и дорогой сильно промерз. По приезде он тяжело занемог. Несколько дней пролежал на печи, кряхтя и стеная, потом велел истопить баню, находившуюся на задах двора, и пошел выпаривать хворь.

Из бани его принесли чуть живого.

По совету бабки положили на лавке и послали за фельдшером.

Когда явился маленький, горбатый старичок, фельдшер Анохин, дед несколько отдышался. «Ну, слава богу, полегчало...»

Но когда фельдшер уходил, Васютка услышал слова: «Надо соборовать».

Он не знал, что значит «соборовать», но по тону, которым это было сказано фельдшером, по тишине, которая мгновенно воцарилась в доме, по скорбному выражению лиц матери и бабки понял: должно случиться страшное.

Выйдя на носках в другую комнату, он забрался в угол и там тихо заплакал...

Вечером пришел отец и с ним еще какой-то человек, говоривший грубым голосом. Через тонкую переборку, слушая разговор, Вася догадывался: там что-то собираются делать с дедом.

Незнакомый человек густым басом говорил что-то непонятное, скороговоркой. Потом Вася услышал более внятно: «Господи, помилуй...»

Затем голос матери: «Прости нас грешных!» — и чей-то плач, очевидно бабушки.

Васютка замер.

Вдруг он почувствовал, как кто-то коснулся его плеча, и услышал дрогнувший голос отца:

— Идем, Васютка... Идем, милый, с дедушкой надо проститься... Дедушка наш... помирает...

Васютка, войдя в горницу, увидел тучную фигуру отца Сергия, а за ним вытянувшегося на лавке деда.

— Подойди, внучек, не бойся, — услышал он знакомый, глуховатый голос.— Дай я тебя благословлю...

Вася подошел, поклонился.

— Расти... слушайся... учись...— говорил дед.— Ой как надо тебе учиться... Слышишь, Лексей... Вот тебе мой наказ, последнюю рубаху продай, а отдай по осени Васютку в училище...

— Скажи: прости, дедушка,— шептала мать.

— Дедушка, прости меня!..

— Бог простит,— сказал дед со слезами и с трудом выговаривая слова.— Учись...— И махнул рукой.

Васютку увели...

Дед умер через несколько дней. Его хоронили в воскресенье. Собралось множество народу. Гроб до самого кладбища несли родичи и мастеровые — дедовы ученики. Много он

выучил на своем веку народу любимому оружейному мастерству и со всеми был добр и ласков, за это крепко любили его в Заречье.

На Васютку смерть деда произвела тяжелое впечатление. Несколько дней он метался в горячке, бредил, а в день похорон был привязан к кровати. Мать серьезно опасалась за его здоровье и по совету фельдшера прикладывала к русой головке холодные примочки.

Когда Васютка оправился от болезни, он все-таки долго не мог забыть о деде. Все ходил по дому и говорил плачущей бабке:

— Вот на этот гвоздь дедушка вешал шапку. А вот в эту конурку клал дратву и шило...

Мать, стараясь отвлечь его мысли от деда, переводила разговор на другое... Начинала с ним играть.

— А почему вы не взяли меня на могилку? — спрашивал он и всякий раз, как бабка шла на кладбище, просил взять его, словно надеялся увидеть там деда.

— Что ты, что ты, Васютка! — вмешивалась мать и уводила его в комнату.

Зато весной, когда просохла дорога, Вася часто ходил с бабкой на кладбище. Он помог ей убрать могилку и посадил на ней любимые дедушкины цветы — анютины глазки, за которыми ухаживал с большой заботой.

Он очень любил цветы, деревья, щебет птиц и дуновение ветра. Он мог часами просиживать где-нибудь под кустом, рассматривая яркие цветы, наблюдая за работой муравьев или слушая пение птиц. У Васютки была чуткая, поэтическая душа и доброе отзывчивое сердце. Он любил деда, отца, мать, бабку и маленьких братьев. Когда бывало дома голодно, Васютка отдавал братьям последнюю корочку хлеба, говоря при этом: «Вы ешьте и не разговаривайте, а я ничего, я как-нибудь...»

Лето тянулось тоскливо, несмотря на дела по хозяйству, в которых Васютка, как старший, помогал матери и бабке. Его не увлекали ни игры с товарищами, ни мастерство. Стоило взять молоточек или пилку, тотчас же вспоминал дедушку, и слезы застилали ему глаза...

Но вот наступила и осень. Знакомый сапожник принес новые сапожки, сшитые на его ногу. Это была такая радость, что Васютка невольно забыл свою печаль. Первый раз в жизни ему довелось надеть собственные сапожки. Он ходил по дому, как пава, дивясь и радуясь.

На другой день мать и бабка торжественно обрядили его

в новую рубаху и перешитый из отцовского пиджак, причесали, перекрестили и вместе с отцом проводили с крыльца.

— С богом, Васютка! Смотри, соблюдай дедов завет, учись прилежно! — напутствовала бабка.

Вот хлопнула калитка, и они очутились на улице.

Вася шел гордо. Он видел, что соседские ребятишки из калиток и с заборов смотрели на него с завистью. Редко кто в то время из детей рабочих мог пойти учиться. Это было большое счастье.

Пройдя церковной оградой, они вошли в одноэтажное, обитое посеревшим тесом помещение. В нем было темно, пахло ладаном и пылью.

— Подожди тут, Васютка,— сказал отец, оставив его в коридоре,— я сейчас...

И действительно, скоро вернулся и, подойдя к Васютке, сказал:

— Сейчас пойдешь в класс, сиди смирно, слушайся учителя. Старайся! За ученье-то целковый в месяц берут, сам знаешь, каково это при нашем-то капитале...

В УЧИЛИЩЕ И ДОМА

Васютка примостился с краешку за последней партой, где кроме него сидели, балагуря, еще двое.

На передних партах были свободные места, но Васютка не решился туда сесть. Другие же, особенно второклассники, садились подальше умышленно, чтоб можно было шалить. В классе стоял шум: одни спорили, другие возились, третьи кричали, а сосед Васютки, очевидно, купеческий сынок, жирный и румяный, стараясь всех заглушить, хлопал доской по парте...

Но вот в коридоре задребезжал звонок, в дверь просунулась заспанная физиономия сторожа с рыжими тараканьими усами, и послышался простуженный сердитый голос.

— Тише вы, оголтелые, учитель идет!..

Шум понемногу утих, и в дверях показался худой, бледный человек с маленькой бородкой и длинными темными волосами, с пестрым платком на шее.

Он беглым взглядом окинул собравшихся и, подойдя к столу, положил на него книги и тетради.

— Ну-с, здравствуйте, ребята! — сказал он мягким глуховатым голосом.

Конструктор В. А. Дегтярев.

Дом, в котором жил В. А. Дегтярев.

3-й Белорусский фронт, 1944 г. Ручной пулемет Дегтярева и автомат Шпагина в бою.

Герой Социалистического Труда конструктор В. А. Дегтярев в своем кабинете. 1940 г.

Конструктор Г. С. Шпагин.

На Западном фронте. 1941 г.

М. И. Калинин беседует с делегатами IV сессии ВЦИК XVI созыва (февраль 1938 г.). Первый слева — Г. С. Шпагин.

— Здравствуйте-те! — ответили вразнобой несколько голосов.

Учитель желтой исхудалой рукой вынул большой клетчатый платок и долго кашлял в него.

При этом приятное лицо его страдальчески искажалось...

Это лицо напомнило Васютке умирающего деда, и он прикусил губу, чтобы не разреветься.

Учитель, откашлявшись, внимательно осмотрел учеников и остановил печальный взгляд на Васютке.

— А ты чего, малыш, уселся на заднюю парту? Оттуда не только меня, но и доски не увидишь.

Васютка не понял, о какой доске идет речь, поэтому встал и вопрошающе уставился на учителя.

— Ну чего глядишь-то? Иди и садись вот сюда ко мне, да не бойся, не съем.

Васютка взял из парты зачитанную лохматую азбуку, купленную матерью на толчке, прихватил пальцами тетради, но не удержал скользкого медного пенала, сделанного отцом. Пенал со звоном покатился на пол, из него вывалились карандаш, ручка с перьями и резинка.

— Эх ты, растяпа! — сердито крикнул сосед и больно толкнул Васютку в спину.

— Тихо,— остановил учитель и подошел к Васютке, собиравшему на полу свои пожитки.

— Как звать-то? — спросил он участливо.

— Васюткой!

— Го-го-го,— захохотали на задних партах.

— Это тебя дома так зовут,— мягко сказал учитель,— а здесь будем звать тебя Вася, ты уже стал большим. Согласен?..

Васютка молчал, опустив голову.

— А фамилия твоя как?

— Дегтяревы мы.

— Так-так,— сказал учитель.— Деда твоего, Мироныча, знал — хороший был человек. Ну что ж, Вася, садись-ка вот тут, к моему столу... будем учиться...

Вася во все глаза смотрел на учителя, стараясь не проронить ни слова.

— А! Бе! Ве! — говорил учитель, показывая картонные буквы.

— А-бе-ве,— повторял Васютка вместе со всеми, при этом испытывая необъяснимую радость.

Когда раздался последний звонок и учитель, велев всем идти домой, вышел из класса, Васютка чуть не заплакал. Ему

было обидно и жалко, что столь интересные уроки окончились так быстро... Выйдя из училища, он снял сапоги, связал их, перекинул через плечо и босиком побежал домой. Дома с восторгом рассказывал матери и бабушке об училище, о славном и добром учителе и о мальчишках, которые поначалу подняли его на смех.

Зима пролетела незаметно. Васютка учился прилежно. И, несмотря на то что он был самым маленьким в классе, учитель нередко ставил его в пример.

С наступлением летних каникул Васютка перебрался из дома на житье в сарай, где опять устроил себе мастерскую.

Как ни просился он у отца в дедовскую кузню, тот не разрешил, опасаясь, что Васюткины товарищи растащат дедовы инструменты и, еще того хуже, могут устроить пожар.

В сарае Васютке тоже оказалось неплохо. При открытой двери там было светло и не так грязно, как в кузне.

Однажды, уговорив соседских ребятишек, Васютка сходил с ними на свалку, приволок три старые водопроводные трубы с муфтами и принялся за работу.

Что он делал — ни мать, ни бабка не знали, а товарищи, помогавшие ему, побожились, что даже отцу родному не скажут.

Длинные трубы они свинтили и проложили в траве от сарая до клумбы, находящейся под окнами дома. К концам длинной трубы с помощью муфт присоединили две другие, под прямым углом. Одну, которая покороче, укрепили на клумбе, а ту, что подлиннее, вывели на крышу сарая.

— Ой, хорошо, ребята, выходит! — радостно и возбужденно сказал Васютка.— Сделаем дело — всех удивим!..

До того как прийти с работы отцу — большего сделать не успели. Поэтому трубу, торчащую из клумбы, пригнули и спрятали в цветах, чтобы он не заметил и не догадался.

На другой день с утра ребята снова собрались на свалке. Им посчастливилось отыскать старый заржавленный бак с медным краном. Бак был целехонек, хотя и сильно помят. Общими усилиями его затащили на крышу, а носик крана, подточив напильником, вогнали в трубу.

— Ну, ребята, дела,— ободрял Вася.— Давайте теперь моим ведром и лейкой таскать воду.

Часа два возились, пока наполнили бак. Трудно было с ведрами взбираться на крышу.

В баке кое-где оказалась течь.

— Подождите, ребята, я сбегаю в чулан, у отца где-то вар был...

Залепив варом все щелки и места соединения крана с трубой, они для прочности обмотали кран еще тряпками.

— Ну, теперь должна пойти!

— Подождите, ребята, я сам открою,— сказал Вася и взобрался на лестницу.

— Теперь глядите... Раз, два, три — пли! — И открыл кран.

Несколько мгновений прошло в напряженном ожидании, и вдруг над клумбой тонкой голубоватой лентой взвилась водяная струя.

— Ура! Ура! — закричали ребятишки и запрыгали около клумбы.

— Стоп! Будя! — закричал Вася и закрыл кран.— Идите все сюда.

Спустившись с лестницы, он стал рассказывать ребятам, что, когда ходил в город с отцом, видел в саду у одного богатого дома фонтан, но там вода била не струей, а разбрызгивалась.

— Там пусть так, а у нас этак! — закричали ребята.— Этак-то лучше, выше сигает!..

— Нет, вы не видели,— горячился Васютка.— Там богаче. Идите-ка домой, а я в это время что-нибудь и удумаю...

Ребята нехотя разошлись.

А Вася, вспомнив рассказ отца, свернул из тонкой жести небольшой конус, насадил его острым концом на трубу и прикрутил проволокой, а в конус положил гуттаперчевый мячик.

— Что-то выйдет? — думал он, поднимаясь по лестнице к баку.— А ну поглядим...— Открыв кран, Вася не поверил своим глазам. Из конуса вылетали брызги пышным каскадом, напоминая заправский фонтан.

Вечером Вася вытащил во двор уставшего отца, подвел его к благоухающей клумбе и открыл кран. Над клумбой взвился пышный водяной султан, переливаясь причудливыми искрами в лучах заходящего солнца, а в конусе запрыгал мячик.

Обрадованный отец долго не верил своим глазам, любуясь созданием сына. Сам лазил на крышу смотреть бачок, пробовал кран и, оценив труды Васи, дал ему двугривенный.

— Молодец, Васек! Вот тебе на пряники.

Смущенный похвалой и наградой, Вася убежал в сарай, забился в сено, да так и уснул крепко, зажав в руке серебряную монету.

На другой день он купил на эти деньги книжки по механике и, забравшись в свою каморку, занялся чтением.

В одной из книжек он вычитал о замечательном русском самородке-изобретателе Ползунове, о том, что солдатский

сын, самоучка Ползунов построил первую паровую машину.

Васю глубоко взволновала судьба Ползунова, его упорство, настойчивость, непоколебимая вера в себя и в свои замыслы и редкое трудолюбие.

Однажды, когда отец пришел с завода, Вася спросил:

— Папа, верно это, что был такой мастер Ползунов, который построил паровую машину?

— А ты откуда знаешь о нем? — удивился отец.

— Вот в книжечке вычитал.

— Ишь ты... в книжечке... Справедливо все это, сынок, только в книжечке-то всего не опишут. А был у нас на заводе механик, так тот сказывал, что великие муки испытал Ползунов, прежде чем сделал свою машину. Хозяин-то завода не любил машин, за них большие деньги надо было платить, а рабочие в то время работали почти вовсе задаром, вот и невыгодно ему было вместо них машину-то заводить.

Бился, бился Ползунов, да так и помер в бедности. А вон англичанин Уатт построил такую машину. И хотя опосля Ползунова, а его вон первым изобретателем считают.

— Почему же так бывает?

— А потому, что цари да слуги царевы не верят в простых русских людей, не дают им выбиться на большую-то дорогу. А у нас мастера-то есть поумнее англичан. Слыхал, наши-то мастера аглицкую блоху подковали?..

— Нет, не слыхал. Как это?

— А вот так. Рассказывают, будто англичане русских задумали удивить и выковали железную блоху. А наш тульский мастеровой, по прозванию Левша, с товарищами оглядел эту блоху да и подковал ее на все четыре, али сколько там у нее, ног. Во как!..

— Неужели и дальше простым мастеровым ходу не будет?

— Зачем нам гадать! Ты давай учись да расти, а там поглядим. Может, и перемены произойдут...

ПО ПРОТОРЕННОМУ ПУТИ

Смерть деда Мироныча тяжело сказалась на бюджете семьи Дегтяревых. Как ни старался Алексей — отец Васи, его заработков не хватало на пропитание семьи. Чтоб не разориться вконец, Алексей, пошел к дедовским заказчикам и набрал у них работы на дом.

Установив в кузне еще дедом купленный ножной токарный станок, он стал на нем вытачивать различные детали, занимаясь этим делом по вечерам после работы на заводе и в воскресные дни.

Когда наступили холода, станок перетащили в кухню. Чтоб лучше было видно, Алексей повесил над ним лампу с белым жестяным абажуром, оказавшимся хорошим рефлектором.

Васютка, сделав уроки, подходил к отцу и стоял возле него, присматриваясь, как отец вытачивает медные детали для самоваров.

Иногда отец подставлял к станку невысокую скамейку, ставил на нее Васю и показывал, как надо работать на станке.

Вася быстро научился вставлять резец, обтачивать деталь, но, стоя на скамейке, не доставал ногой до педали и не мог приводить в движение станок.

— Чистое наказание с тобой, Васютка,— говорил отец.— С полу не достаешь до резца, со скамейки не дотягиваешься до педали. Надо тебе, брат, подрасти. Иди-ка лучше к своим книжкам или покатайся с горы.

Вася с обидой уходил, но мастерство так его манило, что через некоторое время он опять оказывался на кухне.

— Гляди, Лексей, сын-то и не отходит от тебя,— говорила старуха.— Рукомеслу его учить надо, а не в школу посылать. Ишь он какой смышленый до этого. И у деда покойничка, пошли ему, господи, царствие небесное, все с полуслова понимал.

Алексей хмурился и молчал. Ему не нравилась воркотня бабки. А та продолжала петь:

— Пошел бы он на завод, поднатаскался там, приобвык, глядишь, месяца через два-три тебе бы подмога была. Хоть и не велики деньги принесет, а все для дому сгодятся, да и ему польза.

Алексей молчал. Ему не хотелось, чтобы Вася пошел по той же торной дороге, по которой шел он сам и почти все дети мастеровых. В одиннадцать-двенадцать лет на завод в ученики, потом в подмастерья и так... пока не выучится на слесаря, токаря или кузнеца.

Мечтал Алексей хоть одного из сыновей выучить, вывести в люди. И сам не верил, что эту мечту можно осуществить.

Поздней весной, когда все вокруг цвело и пело, Вася както вернулся из училища радостный и сияющий. Он принес от учителя похвальный лист, выданный за прилежание и успешное окончание приходского училища.

Вечером пришел учитель. Он долго убеждал родителей и бабку отдать Васю в гимназию и даже брался помочь определить его на казенный счет.

Два месяца учитель с отцом Васютки обивали пороги управы, писали в Петербург, но хлопоты ни к чему не привели.

Дав Васютке лето для отдыха, по осени отец призвал его к себе.

— Вот что, Васютка, теперь ты не маленький, должен сам думать о себе. Лето побегал, и хватит! Грамоте учить тебя мне не под силу, так давай-ка, брат, учиться ремеслу. Будешь хорошим мастером, тогда и грамоту осилишь. Это никогда не поздно.

Вася сразу понял, что его хотят отдать на завод, но ничуть этого не испугался. Он любил ремесло, да и все его товарищи уже работали. Главное, ему хотелось быть помощником отцу.

Взглянув на печальные, налитые слезами глаза отца, Васютка твердо сказал:

— Папа, я с охотой пойду на завод. Буду работать и тебе помогать.

— Ну что ж, коли ты согласен, тем лучше. Ложись сегодня спать пораньше, а завтра утречком и выйдем вместе...

Утром, когда хрипло пропел, простонал заводской гудок, Алексей и Вася отправились на работу.

Только сошли с крыльца, послышался голос бабки:

— Васютка, постой-ка маненько.

Она проворно спустилась по ступенькам, подбежала к Васе и сунула ему за рубаху краюху хлеба и два яблока из своего сада.

— С непривычки-то есть захочешь... вот и перекуси. Ну, с богом! Лексей, гляди за сыном-то в оба, как бы под машину куда не попал...

Шли молча.

Отец опять думал о том, что сына надо бы учить... На душе было невесело... горько.

Вася, еле поспевая за отцом, мысленно прощался с детством, которое обрывалось так рано. Ему вспоминалась река, куда он ходил удить рыбу с ребятами, лес, сарай, сад с фонтаном, который теперь уж не будет поливать клумбу... И на глаза навертывались слезы.

Но Вася старался отогнать эти мысли, приободриться. Он вспоминал рассказы деда о тульских мастерах, вспоминал изобретателя из солдат — Ползунова... Разве им легче

жилось? «Ничего,— думал Вася,— буду учиться мастерству, сделаюсь оружейником».

— Папа, ты чего молчишь? — спросил он.

— Так, от обиды. Учить бы тебя надо... да, знать, не судьба!

— Куда мальца ведешь? — остановил их будочник.

— К Зубову... в ученики,— ответил отец.

— Ладно, проходи уж, скоро младенцев понесете учить...

Они очутились на знакомом Васе заводском дворе, Булыжная мостовая... закопченные приземистые корпуса... шум, грохот...

Вошли в один из цехов, где визжали трансмиссии, скрежетали станки, громыхало железо.

Проходя по грязному проходу, заваленному маслянистой железной стружкой, встретили плотного, степенно шагавшего человека в пиджаке нараспашку, высоком картузе, с серебряной цепочкой на животе.

— Здравствуйте, Василий Иванович! — приветствовал его Алексей.— Вот привел сына.

— Да сколько же ему лет-то?!

— Одиннадцать!

— Что же он такой коротыш, и до станка-то не дотянется... Ну ладно, как-нибудь приладим... Хочешь работать у нас? — спросил он Васю.

— Хочу!

— Ну и ладно... в обиду не дадим!

Мастер подвел Васю к узкому железному ящику с длинной ручкой.

— Вот тут и будешь работать... Как звать-то тебя?

— Василий.

— Тезка, значит... Так вот, тезка. Эта машина прозывается у нас «шарманка», потому как ее то и дело надо крутить. А существует она для испытания винтовочных пружин. Гляди-ка сюда.

Мастер взял с деревянного противня горсть пружин, уложил их в ящик, накрыл крышкой и, повернув ручку, накинул на нее крюк. Пружины от этого сжались.

— Понял, что с пружинами сталось?

— Понял,— сказал Вася,— согнуло их.

— Не согнуло, а сжало — в этом и есть испытание. Теперь гляди дальше...— Он опустил ручку, открыл крышку ящика и достал пружины.— Видишь, некоторые сломались? Это брак, их вали в ящик под стол, а это хорошие, их сюда, на противень. Вот и вся работа. Понял?

— Понял,— ответил Вася.

— Ну-ка, покажи.

Вася довольно проворно проделал сам всю операцию.

— Ну, что же... ничего! Работать можешь. Оставайся. Только смотри до гудка ни на шаг не отходи от «шарманки», да старайся... поторапливайся.

Работа Васе показалась простой и легкой. Но за день он так умаялся, что еле дотащился до дому. Руки ныли, гудели от боли...

Отец, выслушав его жалобы, сказал:

— Ничего, это с непривычки. Втянешься — пройдет! Ты старайся работать так, чтоб было ловчее, тогда и уставать не будешь.

На другой день Вася притащил со двора низенький, широкий ящик и, перевернув его, подвинул к «шарманке». Получился помост. С этого помоста стало удобнее вертеть ручку «шарманки», можно было налегать на нее грудью. Работа пошла легче. Вася стал меньше уставать.

Однако пребывание на заводе ничего ему не давало. Вертеть ручку «шарманки» — небольшая наука, а Вася надеялся, что будет учиться мастерству.

— Ну как, Васютка, работается? — спросил однажды отец.

— Что это за работа,— сказал Вася с недовольством.— Только и знаю, что ручку кручу.

— Э, да ты, брат, видно, и не понимаешь того, что делаешь. Ведь ручку-то вертя, ты испытываешь пружины, а это главный механизм в винтовке. Сообрази-ка: если, скажем, в бою у винтовки откажет пружина, что будет с солдатом?.. А то, что погибнет он ни за грош. Пристрелят его, как цыпленка, потому что без пружины его ружье что палка. А теперь особенно это важно.

— Почему же? — спросил Вася.

— Да потому,— продолжал отец,— что как раз в этом году завод начал производство новых винтовок, изобретения капитана Мосина. Это такие, батенька мой, винтовки, каких нет ни в одной стране мира. А ты для них испытываешь пружины — главный механизм. Этим ты должен гордиться. А что проста работа, так то ничего. И годов-то тебе всего одиннадцать. Поглядишься да покажешь себя, тебе потрудней работу дадут. И научиться еще всему успеешь. Главное, была бы охота!

После разговора с отцом Вася изменил отношение к своей «шарманке». Стал за ней ухаживать, обтирать, смазывать. И работа на ней уж не казалась ему такой простой и никчемной.

В СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ

Прошло три года. Вася подрос, возмужал, ему шел уже пятнадцатый год, но работал он по-прежнему на «шарманке». Чтобы продвинуться и получить лучшую работу, нужны были деньги на подарок мастеру, а у отца их не было.

За эти годы Вася хорошо изучил завод, бывал в разных цехах, присматривался к работе мастеровых, завел себе товарищей.

Часто в обеденный перерыв он приходил в ствольную мастерскую, где работал браковщиком его сосед, рослый веселый парень Саша Синепальников, самый молодой из семьи знатных оружейников. Отец Саши долгое время работал с Мосиным и был отладчиком первых образцов знаменитой мосинской винтовки.

Как-то между Сашей Синепальниковым и Васей Дегтяревым завязался шумный разговор.

Синепальников говорил бойко и весело, шутил и похлопывал Васю по плечу. Вася сердился на него и ушел недовольным.

К Синепальникову подошел ученик Миша Судаков и спросил:

— Кто этот парень?

— Да это же мой сосед. Разве не слыхал о Дегтяревых?

— Слыхал.

— Так он ихний, старшой, Васькой звать.

— А зачем он приходил? — любопытствовал Миша.

— Да вот спрашивал, нет ли у меня маленького крючка, завтра собирается на муху ловить...

— Ты дал ему? — спросил Миша.

— Где я возьму, что у меня, лавка, что ли?

— А у меня найдется лишний.

— Где, врешь ведь?..

Миша снял фуражку и вынул из-под подкладки маленький изогнутый крючок.

— Вот!

— Ох ты, леший! Вот хорошо! Жалко, Васька ушел, ну да он прибежит в обед...

В обед, действительно, Вася пришел. Очень обрадовался крючку и в благодарность за подарок пригласил Мишу рыбачить вместе с ним, сказал, что знает рыбные места.

На другой день, наловив мух, оба подростка отправились к старой мельнице, где река Тулица была перегорожена плотиной.

День выдался хороший, безветренный и не очень жаркий. Был неплохой клев. Они с наслаждением сидели на берегу или стояли по колено в воде.

Говорили мало. Вася был не очень разговорчив, а когда хорошо клевало, то он так увлекался, что и совсем забывал о соседе.

К вечеру, искупавшись в теплой воде, довольные уловом, они возвращались домой счастливые и веселые.

Разговорам не было конца, словно их знакомство продолжалось по крайней мере год или два.

— Как думаешь,— спросил Вася,— обрадуются дома, когда я выложу на стол сорок три рыбины?

— Еще бы! А у меня тридцать шесть, тоже немало...

Пожимая руку новому товарищу у ворот своего дома, Вася сказал:

— Ты приходи, как поешь, на нашу улицу, поиграем в бабки или посидим в садике.

— Приду, обязательно приду! — сказал Миша и заторопился домой. Сердце его трепетало от радости. Такого улова он еще никогда не приносил!

И действительно, Мишина рыба произвела дома переполох. Все домашние собрались ее рассматривать. Воспользовавшись этим, Миша отыскал в чулане мешочек с бабками и, сунув за рубашку краюху хлеба, побежал на Нижне-Миллионную улицу.

От Прохоровой до Нижне-Миллионной было ходьбы минут 15—20, но Миша туда домчался так быстро, что застал Васю за обедом; он сидел на лесенке крыльца и ел хлеб с молоком.

Увидев товарища, Вася быстро опорожнил чашку и, спрыгнув па траву, попросил показать бабки.

Миша высыпал свои сокровища. Бабок было пар двадцать. И они были окрашены в розовый, голубой, лиловый и в цвет луковой шелухи.

На пасху, когда домашние красили яйца, Миша в той же краске выкупал свои бабки.

С восхищением рассматривая бабки, Вася залюбовался двумя битками. Это были большие, очевидно, бычьи бабки, налитые свинцом.

— Хороши! — сказал он, взвешивая на руке то ту, то другую.

— Выбирай любой,— сказал Миша.— Мне хватит одного.

Вася застеснялся.

— Нет, у меня свои есть... Разве только поиграть!

— Да бери, бери, Вася, чего тут... У меня еще есть. А если хочешь, давай играть на пару в одну казну!

Вася согласился и принес свои бабки в таком же небольшом парусиновом мешочке.

Они вышли за ворота, и Вася повел товарища в ближайший тупик, где на вытоптанной поляне уже шла горячая игра.

Бабки стояли широким коном, парами, на небольшом расстоянии друг от друга.

Мальчишки с подвернутыми рукавами копошились за чертой, катая битки.

— «Сак» или «лёга»?

Если встанет биток на четвереньки, спинкой кверху — «сак»! Ляжет на спину или на бок — «лёга»! У кого «сак» — тот бьет первым. Если «саков» несколько, первым бьет тот, у кого биток дальше от черты.

В бабки играли не только подростки, но молодежь и даже почтенные, убеленные сединой мастеровые.

Во всем городе был известен как прекрасный игрок дядя Вася — Левша — опытный слесарь и оружейный мастер.

Игра велась обычно на тихих улочках или во дворах. И бывало, где появится дядя Вася, слух об этом молнией разлетится среди играющих, и самые заядлые игроки, а также любопытные и ротозеи сбегаются туда.

Левшой дядю Васю прозвали не в честь Левши, о котором ходила легенда, что он подковал английскую блоху, а потому, что он действительно был левшой — играл левой рукой. Но удар у него был сильный и меткий. Играл он весело, задорно, никогда не обижая проигравшихся, а напротив, зачастую выручал их, давая бабки взаймы, а то и просто так, заставлял отыгрываться, чем всегда подкупал ребятишек.

Иногда Вася-Левша играл в одну казну со своими сыновьями или помогал отыграться малышам.

Все его очень любили. По вечерам в играх подростков принимало участие много взрослых. Игра принимала азартный характер, нередко на кон под бабки ставились деньги.

Отец Васи любил эту веселую и увлекательную игру. Он не запрещал сыну играть в бабки и даже сам ходил посмотреть на хороших игроков. Эта игра развивала глазомер, тренировала физически.

Миша с Васей едва появились в тупике, где уже стоял большой кон, как их тотчас же встретили веселым криком. Ребята Васю знали и очень любили. Вместе с ним Мишу приняли как своего. А когда он поставил на кон пару крашеных бабок, его обступили мальчишки и предложили меняться на

простые, давая за одну пару крашеных — две, даже три пары обыкновенных бабок.

— Нет, пусть лучше они стоят в кону,— предложил Вася.— Кто собьет, того и счастье!

На этом и порешили, а Мише единодушно предложили ставить одну пару бабок, а играть двумя битками.

Игра разгорелась. Низкорослый Вася не отличался физической силой, но глаз у него был верный и рука достаточно «набитой».

Он с успехом покрывал Мишины промахи и неудачи, пока тот не оправился от растерянности в непривычной компании. Потом дело пошло и того лучше. Даже когда к игре присоединились взрослые, товарищи не особенно проиграли и ушли домой с «барышом», поделив поровну все выигранные бабки.

Вася очень пристрастился к Мишиному битку и остался рад, когда тот, прощаясь, отказался взять его обратно, заявив: «Дарю на вовсе!»

С этого дня их встречи и совместная игра в бабки участились.

Однажды они здорово проигрались в «ремиз» и ушли домой с пустыми мешочками.

Вася был очень удручен и все говорил, что их подвели битки. По размеру они были очень хороши, но легковаты.

Миша утешал его, уверял, что им просто не повезло, что в следующий раз они обязательно отыграются. Вася же стоял на своем. «С такими битками больше не пойду играть»,— заявил он.

Миша думал, что у него нет бабок, и в воскресенье принес пар двадцать из своего запаса. Но Вася заупрямился.

— Подожди, Миша. Как-нибудь я сам тебя позову.

«Вася что-то задумал,— решил Миша.— А что?.. Наверное, кто-нибудь пообещал ему тяжелый биток».

Стал ждать.

Через несколько дней Вася сам пришел к нему в цех и сказал:

— Миша! Сегодня вечером приходи ко мне, пойдем играть, много бабок не бери — нынче не проиграемся!..

Когда они встретились вечером, Вася, заглянув в Мишин мешочек, спросил:

— Сколько взял?

— Двадцать пар!

— Много, десять оставь у меня!

— Не хватит, Вася.

— А это что! — И он положил ему на ладонь сверкающий медный биток, точную копию костяного, Мишиного подарка.

Миша приподнял увесистый биток:

— Вот это да!

— Возьми на память! — неожиданно сказал Вася.

— А как же ты?

— А вот и мой! — Он достал другой такой же, только не из желтой, а из красной меди. И пояснил: — Для того чтобы не путали! — И, испытующе посмотрев на Мишу, спросил: — Ну как, Миша, сегодня свое возьмем?

— Где же ты взял такие?

— В цеху один мастер сделал!

— Кто?

— Да там один старичок, ты не знаешь...

Игра с этого дня пошла успешно.

Многие игроки завидовали им, стремясь обзавестись такими же битками, охотились за мастером, но нигде его найти не могли.

Уже потом, через несколько лет, Миша догадался, что никакого «биточного мастера» на заводе не было, а эти битки Вася сделал сам, но по скромности не захотел признаться.

* * *

Очень любили мастеровые играть в лапту. Редкое воскресенье в Заречье обходилось без игр в лапту.

Играли обыкновенно где-нибудь на широкой лужайке. Чаще всего в излюбленных местах на зеленом ровном берегу Тулицы или на старом кладбище, где была хорошая поляна.

Вася Дегтярев считался хорошим игроком. Он быстро бегал, был увертлив и метко бросал, или «салил», мячом...

Для того чтоб быть в команде хорошим, надежным игроком, нужно было уметь сильно и далеко отбивать мяч. Вася же не обладал большой силой, и это его удручало. Но однажды он изумил всех. Принеся свою лапту, он ею отбивал мяч значительно дальше, чем самые сильные игроки.

Миша попробовал его лапту — получилось то же самое. А лапта эта была сделана из ручки деревянной лопаты с тяжелым концом, но, что особенно важно, она оказалась намного длинней прежней, в этом и было ее преимущество. Но играющие догадались об этом лишь тогда, когда за Васей установилась репутация доброго игрока...

Любители острых ощущений ходили на кулачные бои, без которых не обходился ни один праздник.

Бились не по одному, а большими партиями, ходили «стенка на стенку».

Чаще всего дрались две слободы — заречепцы с чулковцами.

Самые сильные кулачные бои происходили в приходский праздник — успение. Этот праздник назывался еще и кладбищенским. На кладбище в этот день собиралось множество народу.

Большинство приходило семьями или группами, с самоварами, пирогами и выпивкой.

Начинался праздник торжественно с молебствия и поминания родных; потом было гуляние, трапеза, а уж там — кто во что горазд.

К вечеру, обыкновенно, огромные толпы народу в ожидании кулачного боя сходились на широкую поляну за кладбищем, и наиболее повеселевшие начинали подзадоривать друг друга.

Вначале задирались мальчишки: то чулковцы начнут тузить зареченцев, то зареченцы примутся волтузить чулковцев.

Достаточно одной стенке начать отступление, как сейчас же в ее ряды становятся подростки покрепче, и она переходит в наступление. Тогда и в другую стенку вливаются более сильные бойцы. Потасовка разгорается. Стенки растут, ширятся. Вот уже «женихи» и «кавалеры» (так обычно называли молодых людей) вступили в бой. Азарт усиливается. Толпа дружными криками подзадоривает то тех, то других.

Если стенка под натиском другой отступает, крики толпы превращаются в дикий вопль. Этот вопль даже мертвых может поднять из могил. Живые же не выдерживают его. Вот почтенные люди с усами и бородами, сняв пиджаки, распускают жилеты и, закатав рукава, бросаются помогать отступающим.

Нередко эти крики поднимают даже стариков, и седые, коренастые деды с грозными окриками втискиваются в шеренгу бьющихся.

Как-то в успение Миша прибежал к Дегтяревым:

— Вася, айда на кладбище, там бьются, сейчас Парменыч поскакал.

На кладбище уже было много народу. На пригорке расположились купцы. Они съезжались посмотреть на кулачные бои вместе со своими семьями в нарядных экипажах. Подпоив нескольких известных забияк и дав им мелочи на похмелье, частенько сталкивали их лбами, и потасовка начиналась. Так было и в этот раз.

Бой был в разгаре. Вася и Миша забрались на дерево и стали искать глазами Парменыча. Булочник Парменыч уже прикатил к месту боя на горячих лошадях, окруженный дюжими пекарями.

Привстав в тарантасе, огромный, массивный, он махал руками и зычным голосом кричал:

— Давай, давай, касатики, лупи их, сукиных сынов!

Когда же одну из стенок начали сильно теснить, он не выдержал, спрыгнул с тарантаса и с криком: «Ребята, за мной, наших бьют!» — бросился на помощь и бился с таким остервенением, что от него все летели, как от былинного богатыря...

Бой на этот раз кончился полюбовно. Парменыч дал денег на водку и ускакал. С «поля боя» в кабак потянулись побитые, подбитые, окровавленные.

— К черту, больше не пойду смотреть,— сказал Вася, спустившись с дерева.— Уйдем скорее, Миша, нехорошо мне.

Но проходил месяц-полтора, и они снова шли смотреть на кулачный бой. Других доступных им зрелищ в городе не было.

Но чем больше подрастали друзья, тем реже становились их встречи.

У того и другого помимо работы на заводе находилось множество дел дома по хозяйству.

Была и еще одна причина, почему Вася стал реже встречаться с товарищем, но об этом он до поры до времени не хотел ему говорить.

ВАСИНЫ ТАЙНЫ

Как-то, стоя за «шарманкой», Вася заметил, что все рабочие пристально смотрят на проход между станками, откуда доносились приглушенные голоса.

Зарядив «шарманку» пружинами, он тоже повернулся в ту сторону. Вдоль цеха по расчищенному и подметенному проходу двигалась большая группа военных и штатских людей. Впереди всех быстро шел невысокий коренастый старик с пышной седой бородой, в светлой широкополой шляпе, в темной длинной рубахе и широких брюках, нависающих над сапогами.

В одной руке у него была толстая палка, но он шел легко и на нее совершенно не опирался.

Васю поразил быстрый и пронзительный взгляд этого человека, который тот бросал из-под седых нависших бровей.

Казалось, что, проходя по цеху, он видел не только станки, стоящие на переднем плане, и людей, работающих на них, но и видел, что делают эти люди, и понимал, о чем они думают.

Вася, почувствовав на себе этот взгляд, тотчас же взялся за работу, не успев рассмотреть ни самого старика, ни тех людей, которые его сопровождали.

Когда все вышли во двор, Вася отошел от «шарманки» и несколько секунд смотрел в распахнутую дверь на удаляющегося старика.

— Васька, ты чего глаза-то пялишь, аль графов не видел? — спросил его сосед.

— Это разве граф?

— Это не просто граф, это Толстой!

— Неужели тот самый, писатель?

— Он самый.

Вася, и раньше слышавший о Толстом, теперь вдруг захотел узнать о нем как можно больше. Но в цехе спрашивать было не у кого. «Спрошу у отца,— решил он,— или схожу к учителю... Он должен знать».

Учитель Федор Ильич, покашливая в кулак, принял его ласково, усадил, обложил книгами:

— Гляди, это все Толстой написал...

Вася слушал рассказы учителя до позднего вечера и домой принес от него толстую, зачитанную книгу — «Азбуку» Толстого со знаменитыми рассказами для детей.

В этих простых, маленьких, удивительно ясных и правдивых рассказах был целый мир.

Приходя с работы, Вася забирался в сарай на сено или под черемуху на травку и читал эту книгу, забывая обо всем.

Многие рассказы он заучил на память и потом рассказывал их Мише и другим товарищам.

Возвращая учителю волшебную книгу, Вася спросил:

— Не писал ли Толстой про Ползунова? Больно охота мне о нем побольше узнать.

— Нет, про Ползунова Толстой не писал... Но вот в этой книге рассказывается о другом русском механике, Кулибине. Очень советую почитать!

Новую книгу Вася прочел не отрываясь. Рассказ о том, как простой человек, мастер Кулибин, стал знаменитым русским механиком-инженером, взволновал Васю не меньше, чем история о Ползунове.

Он долго рассматривал гравюрку крохотных яйцеобразных кулибинских часов и удивлялся. Они показывали часы, минуты, даже месяцы и еще выбивали музыку. И часы эти сде-

ланы почти сто лет назад, когда и инструментов-то порядочных не было, не то что станков.

Судьба Кулибина, как и рассказы отца о Ползунове, заставили Васю поверить в то, что именно из простых русских людей выходят хорошие мастера-изобретатели. Эта вера зародила в нем стремление сделать что-то такое, что облегчило бы труд рабочих людей, вывело их из бедности и нищеты.

Прежде всего Вася решил усовершенствовать свою «шарманку». Вместо ручки он задумал приспособить к ней ножную педаль, как у отцовского токарного станка, или присоединить «шарманку» к трансмиссии.

О своих замыслах он рассказал мастеру Зубову.

— Ты чего же, мил паренек, хочешь, не пойму?

— Хочу, чтобы легче работать было.

— Ишь какой облегчитель нашелся. А тебе это зачем? Лоботрясничать хочешь, по дворам бегать, чижа гонять?.. Ведь ежели мы это самое приспособим, тебе, да и мне вместе с тобой, завтра могут по шапке дать. Отваливайте, мол, вам тут делать нечего, у нас машина есть... Так-то! Запомни... А потом и другие причины имеются. На всякие там приспособления деньги нужны, а тебе сколько платят-то? Гроши! Вот и выходит, что тебя выгодней держать, чем машину заводить, мил паренек... Так что забудь лучше о своих облегчениях да помалкивай о том, что трудно. Этак-то лучше, верней!

Получив такую отповедь, Вася притих, но от замыслов своих не отказался.

«Раз на заводе нельзя — буду делать дома...»

Дедушкина кузня теперь была в его полном распоряжении — отец, не желая перетаскивать тяжелый станок, по-прежнему работал в кухне. Вася потихоньку от него взялся за работу в кузне, задумав создать самоходную машину.

Как-то, возвращаясь с завода вместе с отцом, он увидел мастерового, едущего на двухколесном самокате (велосипеде), которых в Туле тогда никто не видывал. Безусловно этот велосипед был самодельный.

Мастеровой ехал медленно, тяжело нажимая ногами на педали переднего колеса. Он часто терял равновесие и падал то на одну, то на другую ногу.

Вася решил, что лучше было бы сделать этот самокат о трех колесах, он был бы устойчивее. А заднюю ось вращать при помощи цепной передачи, какие приспособлены у некоторых станков на заводе.

Эта мысль запала ему в голову и не давала покоя всю дорогу.

«Конечно,— размышлял Вася,— с помощью передачи легче будет вращать колеса и скорость получится больше...» Твердо уверившись в правильности своих суждений, Вася решил создать самокат на трех колесах и с цепной передачей.

Он вспомнил, что на заводе в куче мусора видел выброшенную старую передаточную цепь, и на другой же день притащил ее в дедовскую кузню. Вскоре раздобыл колеса от поломанной детской коляски, и работа закипела.

Из медных труб и железных стержней он сделал остов и увенчал его деревянным седлом. Руль смастерил из железного прута, а на концы его насадил деревянные ручки. Машина выходила довольно неуклюжей и громоздкой, но Васю радовала сама идея. Будет двигаться — тогда части можно заменить более красивыми.

Около месяца провозился Вася над самокатом, начатой работы не бросил.

Однажды в воскресный день он вышел на улицу со своей «машиной». Его сразу же окружила толпа любопытных ребятишек. Изделие его казалось грубым, неуклюжим. Колеса без резины грохотали, лязгали, скрипели.

Вася сел на самокат и поехал под гору под дикое улюлюкание ребятишек и лай дворовых собак. Потом прокатился еще и еще. Наконец среди ребятишек нашлись желающие «проехаться», и скоро от них не стало отбою.

Но так как машина двигалась медленно, ее единодушно прозвали «тихоходом».

Васе было обидно. Он верил, что машину можно заставить ехать быстрее, и взялся за ее усовершенствование.

После долгих раздумий и советов отца ему удалось отладить передачу, которая раньше «заедала». «Тихоход» стал двигаться быстрей и легче.

Он сделался любимым развлечением зареченских ребятишек, которые в воскресные дни толпами сходились на Нижне-Миллионную.

Слух о юном «изобретателе» распространился по заводу. Но Вася по-прежнему продолжал осточертевшую ему работу на «шарманке».

Все же удача с «тихоходом» породила у Васи надежду, что если он будет учиться у хороших мастеров, то со временем, быть может, сумеет сделать более полезные и лучшие машины.

Он стал досаждать отцу, чтобы тот помог ему перейти на другую работу. И вот осенью его перевели в сборочный цех,

где собирались мосинские винтовки. Вася получил возможность учиться оружейному мастерству.

Среди мастеров пользовался большим уважением худенький желтолицый старичок Игнатьич, с которым, как говорили слесари, советовался даже сам Мосин.

Когда Игнатьич узнал, что Василий — внук его старого друга Мироныча, то стал относиться к нему с особой теплотой. Давал работу «похитрей» и «подороже» — показывал, как надо работать на станках, приучал к «тонкостям оружейного дела».

Игнатьич обладал удивительной памятью и прекрасно знал историю своего завода и всего оружейного дела в России, но говорить об этом опасался. Однажды он от кого-то услышал, что новую винтовку Бердана № 2, которую на заводе считали американской, сделал будто бы наш русский человек — Горлов, а американец не то купил у Горлова эту винтовку, не то сманил Горлова к себе на работу и запугал, да нам же и продал эту винтовку-то за свою. Игнатьич рассказал об этом мастерам и чуть не поплатился местом... Но Васе все же удалось вызвать старого мастера на разговор.

— Э, многое на заводе случалось,— начал как-то Игнатьич.— Сказывают, что наш тульский мастер Двоеглазов изобрел винтовку-самострелку и представил ее еще в 1887 году. И вот гляди, уж более 10 лет прошло, а о ней ни слуху ни духу!.. А с Мосиным-то как было? Эх, сынок, говорить об этом одно расстройство! Ведь я с Сергеем-то Ивановичем, вот как с тобой, рука об руку работал — все знаю. Ведь он, сердечный, считай десять годков делал да переделывал эту винтовку, и все не принимали ее. Уж когда французы ему 600 тысяч посулили, да американцы начали просить, тогда только наши-то спохватились... А как приняли-то, так и говорить срам: назвали ее не немецкой, не русской а «образца 1891 года», даже фамилию изобретателя не упомянули. Вот как! Ну да ведь мы знаем, кто ее изобрел,— народ не обманешь. Народ, брат, все видит и все знает... Только ты смотри об этом ни гу-гу! А то обоим нам по шеям дадут...

Рассказы Игнатьича на многое Васе открыли глаза. Слушая старика, ему хотелось то плакать, то с кулаками броситься на обидчиков и нещадно, до полусмерти избить их.

Поблагодарив Игнатьича, Вася дал слово, что сохранит рассказанное в тайне. И это слово крепко держал, хотя в тяжелые минуты ему и хотелось поделиться мыслями с отцом или испытанным другом Мишей Судаковым.

Однажды Игнатьич ему шепнул:

— Василий, сегодня не зевай, на завод приехал Мосин, будет у нас в цехе.

— Неужели? — обрадованно закричал Вася, но старик сердито погрозил пальцем: дескать, молчи...

После обеда к ним в цех вошел высокий полковник с русой окладистой бородой.

— Мосин, Мосин....— пролетел шепот.

Имя Мосина было тогда известно каждому рабочему. Ведь завод изготовлял его винтовку, прекратив производство устаревших берданок.

Вася вытягивался на носках, чтобы из-за станков получше рассмотреть знаменитого изобретателя.

Мосин подходил то к одному, то к другому мастеру, попросту здоровался с ними и дружески разговаривал, как со старыми знакомыми. Они показывали ему детали винтовки и, видимо, высказывали какие-то пожелания. Василий силился прислушаться, но шум станков не давал ему возможности услышать, что говорил Мосин. Он мог лишь догадаться, что Мосин интересовался мнением мастеров о своей винтовке.

Мосин понравился Василию простым и сердечным обращением с рабочими, которое редко случалось ему наблюдать.

Когда Мосин уехал, Василий долго думал о нем и его изобретении. После этой встречи Василию еще больше захотелось попробовать свои силы в изобретательстве.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В ТУЛЕ

За последние годы отец Васи — Алексей сильно сдал: похудел, осунулся. Его одолевал удушливый кашель. Все же он продолжал работать на заводе и дома, никогда не жалуясь на болезнь.

Вася не думал о том, что отец может слечь, даже умереть: он считал его крепким, двужильным. Так бабка иногда называла покойного деда Мироныча. Болезни Алексея никто из домашних не придавал серьезного значения, хотя все замечали ее.

Но однажды, придя с завода, Вася услышал в соседней комнате всхлипывания матери. Он насторожился, прислушался и уловил знакомый голос фельдшера.

— Не надо убиваться, голубушка, чему быть — того не миновать. А себя беречь надо — гляди, детей-то целая куча. Что с ними будет, если ты сдашься?..

— Батюшка, Андрей Алексеич, может, еще есть хоть какая надежда? — умоляюще спрашивала мать.

— Нет, милая, и успокаивать не буду: месяца три-четыре протянет, а там жди беды — уж не жилец он на этом свете.

Слова фельдшера обрушились на Васю как страшная тяжесть. Он пошатнулся и в бессилии опустился на кровать. На лбу выступил пот, в голове зашумело.

Превозмогая слабость, он поднялся и вышел в кухню. Мать, увидев бледное, помертвевшее лицо сына, поняла: он все слышал — и с рыданиями бросилась к нему на грудь...

Отцу ничего не говорили. А он, хоть и понимал, что дела плохи, бодрился, продолжал скрывать свою болезнь, сдерживая кашель, старался шутить, даже иногда за работой напевал что-нибудь вполголоса.

Стояла ранняя весна. Только что сошел снег, и вешние воды отрезали город от деревенского мира, где была другая жизнь: распевали жаворонки и скворцы, зеленели необъятные просторы полей.

Отец, страстно любивший природу, рвался душой в деревню, на свежий воздух лугов, в сосновый лес. В нем еще теплилась надежда, что целебный деревенский воздух заврачует его полуразрушенные легкие...

И вот когда попросохло, он выпросил у соседей лошадь, отпросился на заводе и вместе с Васей поехал навестить родных. «Может, больше и свидеться не доведется»,— думал он.

День выдался погожий, с ласковым теплым ветерком. Когда выехали за город, отец оживился, повеселел, словно аромат весеннего цветения действительно заврачевал его раны.

— Как хорошо-то, Васютка, какой простор кругом, как много воздуха, солнышка, света!.. А жаворонки поют, будто в сказке... Все живет, цветет!.. Хорошо!..

Васе было тяжело слушать восторженные слова отца и думать, что через месяц-два его не станет... Он спрыгнул с телеги и пошел пешком.

От Косой Горы, где начиналось строительство металлургического завода, по обе стороны дороги тянулся богатырский лес. На фоне темной зелени сосен, как пена морских волн, белели кусты черемухи.

Вася бросился на бугор, наломал охапку благоухающих веток и принес отцу.

— Ой, красота-то какая, Васютка, спасибо тебе! Теперь всю дорогу буду нюхать...

Вскоре слева показались луга, послышался лай собак — это, видно, возвращались домой охотники...

Минут через десять снова очутились в лесу и так ехали около часу.

Но вот дорога свернула вправо, в этом месте лес отступил далеко, открыв взору широкие поля, покрытые зеленью, их сменили сочные каштановые пашни.

— Васютка, видишь ли пахаря-то на горе?

— Вижу, а что?

— Да ты вглядись получше, может, признаешь?

Вася, прищурясь от солнца, стал всматриваться.

Пахарь, босой крепкий старик, в соломенной шляпе, с белой развевающейся на ветру бородой, бодро шел за сивой лошадью, изредка покрикивая: «Но-но... прямо!..»

— Не узнаешь?

— Нет! — ответил Вася.

— Да это же граф Толстой, которого ты читал, забывая обо всем на свете.

Вася с изумлением уставился на Толстого, идущего босиком.

— Вот гляди,— продолжал отец,— барин, граф, их сиятельство, а пашет как мужик, босиком идет за лошадью... А почему?.. Потому что труд любит. Труд, батенька мой, первейшее дело на земле. От него и польза, и радость, и утеха! Каждый человек должен трудиться — в труде счастье людское!

— Я тоже буду трудиться всю жизнь,— сказал Василий.

— Вот и хорошо. Кто не трудится — тот лентяй, лодырь, грош ему цена. Теперь ты уж большой, пригляделся к жизни, понимаешь, что без труда — никуда!.. А не дай бог я умру... ведь на тебе вся семья...

— Да что ты, папа,— старался успокоить его Василий.— Вон дедушка-то сколько прожил.

— Мало ли что, всякому свое на веку написано. Одним словом, слушай...— Он закашлялся и больше уже не смог ничего сказать, да и этот разговор был тягостен для обоих.

Вскоре, по возвращении из деревни, отец занемог, начал харкать кровью и, полежав с неделю, умер.

Семнадцатилетний Василий остался хозяином в доме и кормильцем большой, удрученной горем семьи.

За несколько дней он переменился: стал молчалив, серьезен не по годам.

На заводе и дома работал за двоих, чтобы «выбить» на пропитание семьи, поставить на ноги маленьких братьев.

Он был уже опытным слесарем: умел работать на станках, знал и токарное дело, и кузнечное. Но ему было всего семнадцать лет, а раз так — получай заработок ученика!

Чтоб спасти семью от обнищания и голода, Василий вынужден был работать по вечерам дома, как это делал отец.

После утомительного труда на заводе он становился к дедовскому станку и работал до тех пор, пока хватало сил.

Очень тяжело было качать педаль. Нога от этого немела, словно наливалась свинцом. И он стал задумываться над тем, как бы облегчить свой труд. Хотелось придумать какой-нибудь двигатель, который бы вращал вал станка, подобно заводским трансмиссиям и ценным передачам.

Если бы не так далеко была река, можно было бы подумать об использовании воды, но так как с водой ничего не выходило, Василий решил применить силу ветра.

Ему вспомнилась ветряная мельница, которую еще в детстве показал ему отец. Мельница эта поразила его тогда простотой своего устройства. Вернувшись домой, он взялся за работу и построил на крыше сарая маленькую модель ветряной мельницы с бумажными крыльями.

Эта мельница просуществовала до первого дождя, но забыть о ней он не мог.

И сейчас, вспоминая о ней, Василий пришел к мысли, что хороший ветряк мог бы вращать вал станка и тем облегчить тяжелый труд.

В один из воскресных дней Василий отправился за город, где были ветряные мельницы, старательно зарисовал, как у них устроены крылья, и, вернувшись, стал мастерить ветряк из шести деревянных реек.

Он решил этот ветряк установить на крыше дома и прямым стержнем при помощи конусных шестерен соединить его с валом станка.

Чтобы не было посторонних помех, стержень решено было спрятать в водопроводную трубу, густо смазанную мазутом.

Труба вместе со стержнем должна была пройти сквозь крышу и потолок. Для ветряка была задумана металлическая опора, увенчанная втулкой, которая бы позволяла ему поворачиваться навстречу ветру.

Сооружение, первоначалу показавшееся Василию простым, на деле потребовало большого труда. Но в нем уже выработался упорный дедовский характер — стремление каждое начатое дело доводить до конца. Больше месяца Василий провозился над своим ветряком и в конце концов завершил, добился успеха.

Ветряк мог включаться и выключаться при помощи рычажка, от которого в дом была протянута проволока с петлей на конце.

Дождавшись ветра, Василий с волнением потянул за петлю... и вдруг, как маленький, запрыгал от радости:

— Мама, бабушка, глядите, мой станок заработал от ветра!

В кухню вслед за матерью и бабкой набилась детвора и принялась кричать и бить в ладоши.

— Тише, не орите, не мешайте ему! — прикрикнула мать.— Может, и впрямь из этого толк будет.

— Будет, мама, будет!

Василий выключил ветряк, зажал деталь и, вставив новый резец, потянул за проволоку.

Деталь быстро завертелась. Преодолевая волнение, Василий направил резец, послышался характерный певучий скрежет, и с резца упала золотистая стружка.

И хотя вал станка вращался то быстро, то медленно (очевидно, дул порывистый ветер), все же работать было несравненно легче и обточка шла много быстрей.

Василий вынул готовую деталь и показал всем.

— Глядите, и пяти минут не прошло, а деталь готова, а отец за час обтачивал не больше пяти...

Мать посмотрела на деталь, подержала ее в руках и заплакала.

— Хватит, хватит тебе,— сердито сказала бабка.— Тут радоваться надо, а не реветь...

Через некоторое время Вася придумал для станка регулятор скорости, вал стал вращаться ровней, работа пошла лучше.

В первый же месяц на станке с ветряком Василий заработал почти втрое больше обычного. Получив деньги, он купил колбасы, кренделей, конфет и устроил настоящий пир. Его первое изобретение было признано всей семьей. Даже бабка, бранившая раньше за «пустые затеи», попробовав поджаристый крендель, добродушно сказала:

— Башковит ты, однако, Василий, в деда пошел!..

На другой день пришел мастер Зубов, осмотрел станок, похвалил:

— Молодчина ты, Васюха. Мог бы большую пользу дать, да на заводе заикнуться об этом нельзя.

— Неужели так и дальше будет?

— Кто знает?..— уклончиво сказал мастер и, не проронив больше ни слова, ушел...

Когда Василию исполнилось восемнадцать лет, вышла прибавка в жалованье. Он стал меньше работать дома и некоторые вечера отводить для отдыха.

С наступлением лета, когда день стал больше, Василий, иногда заходил к своему старому другу Михаилу Судакову, просил гармонь, старенькую тульскую двухрядку, и они шли в палисадник. Там он трогательно и проникновенно играл старинные русские песни.

Когда раздавались переборы его гармоники — то нежно-тоскливые, то залихватско-веселые,— в соседних домах распахивались рамы, в окнах появлялись девушки и женщины, любительницы родной русской музыки. Иногда они под гармошку запевали песню, и она долго звучала над тихой сонной окраиной...

Но друзьям уж не долго оставалось быть вместе.

Подошла осень 1901 года.

В серый осенний день на вокзале собрались толпы народу. Где-то заливалась гармошка, откуда-то доносилась надсадная песня, слышался топот ног, залихватский посвист и плач.

Это жители города и окрестных деревень провожали новобранцев.

У длинного красного эшелона пели, плясали и плакали женщины в пестрых домотканых сарафанах, в лаптях, с узелками в руках и котомками за плечами; дряхлые старики с палками и трубками; мастеровые в сапогах в гармошку, в косоворотках, подпоясанных поясами с кисточками; фабричные девчата в ярких косынках.

Вся эта пестрая толпа смешалась у эшелона, как смешались звуки множества голосов в сплошной, тяжелый шум.

Вася стоял, окруженный родными. Тут были и бабушка Александра Васильевна, и мать, и живая черноглазая девушка Вера — его невеста, и младшие братья.

Вот в круг протиснулся Михаил Судаков и повесил на плечо друга гармонь.

— Вези с собой, Васюха, не горюй, ведь мне тоже скоро в солдаты. Может, и свидимся.

— Спасибо, Мишуха, спасибо! Не забывай тут наших.

— Не забуду!

Заревел паровоз. Все начали быстро прощаться; и Василий, поддерживая гармонь, побежал к вагону.

Скрежеща, повизгивая и пыхтя, паровоз набирал скорость.

Толпа взвыла, послышались громкие крики, рыдания, топот бегущих за поездом новобранцев.

Их подхватывали на ходу крепкие руки и затаскивали в вагоны.

Но все эти крики, вздохи, рыдания покрывала затянутая в конце эшелона и подхваченная сотнями голосов разрывающая душу песня:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.

СОЛДАТСКИЕ ГОДЫ

Василий Дегтярев и другие новобранцы думали, что их везут в Москву.

— Не горюй, ребята,— говорил веселый краснощекий парень,— от Москвы до Тулы рукой подать. В случае чего, и на побывку дернем...

Кто-то заиграл на гармонике, кто-то затянул песню. До Москвы доехали незаметно...

Но в Москве сообщили, что эшелон пойдет дальше, на Петербург...

— Ишь ты, ядрена лапоть, в столицу покатим, вздумали собаку мясом испугать.

Новобранцы расхохотались, посыпались шутки, прибаутки.

— Поглядим на Петербург. Пройдемся по Невскому.

— В лапотцах да с котомкой за плечами?

— Ничего, там приоденут в мундиры и еполеты нацепят.

Но Петербурга новобранцам так и не показали. Не доезжая до вокзала, эшелон пошел в тупик, и всех прибывших расформировали по разным частям гарнизона.

Василий вместе с краснощеким шутником и группой других туляков попал в Ораниенбаум.

Их сгоняли в баню, обрядили в солдатское обмундирование, поместили в унылые, мрачные казармы.

В Петербурге, когда стало известно, что их везут в Ораниенбаум, Василий подумал, что попадет в оружейную мастерскую, о которой слышал еще в Туле. Но, очутившись в казарме, он понял, что жестоко обманулся.

На другой же день началась обычная солдатская муштра. Новобранцев обучали шагистике, отдаванию чести, словесности, знанию приветствий, ответов начальству, воинских уставов.

Недели через две Василий уже мог четко шагать, отдавать честь, величать офицеров «Ваше благородие» или «Ваше высокоблагородие» и отвечать по уставу: «Так точно» или «Никак нет» — и думал, что учения подходят к концу. Но оказалось, что они только начались.

На смену шагистике пришла маршировка строем. На огромном военном поле с утра и до позднего вечера не прекращались крики фельдфебелей.

— Смирно!.. Равнение направо!.. Шагом — марш!..

В Ораниенбауме в то время находилась офицерская стрелковая школа. При школе была большая оружейная мастерская, для пополнения личного состава которой отбирались рабочие с оружейных заводов, подлежащие призыву.

Однако из призванных новобранцев, проходящих обучение при офицерской школе, в оружейную мастерскую попадали только единицы, да и то лишь после строевого обучения.

Василий приуныл. При его скромности нечего было и думать попасть в оружейную мастерскую.

Через несколько месяцев после приезда в Ораниенбаум новобранцев начали обучать стрельбе из только что появившихся тогда пулеметов; пулеметы были несовершенны и очень часто ломались. Однажды пулемет отказал в стрельбе, и ни солдаты, ни офицер ничего не могли с ним поделать. Послали за механиком в мастерскую, но и тот, провозившись около часа, не смог исправить повреждение.

Офицер обругал механика, и повернувшись, пошел к начальнику полигона.

Василий, все время наблюдавший за тем, как механик разбирал и собирал пулемет, вдруг встрепенулся и побежал догонять офицера.

— Ваше благородие, дозвольте мне посмотреть пулемет, может, сумею починить.

Офицер сердито оглядел щупленького солдата и, с досадой махнув рукой, пошел дальше.

Дегтярев, истолковав этот жест за разрешение, подбежал к пулемету и начал его разбирать.

Солдаты, обступив его, подбадривали:

— Верно, правильно, землячок, покажи им, на что наши способны.

— Эх, инструменту нет,— с досадой сказал Василий.— Братцы, может, кто сбегает в мастерскую за отверткой.

— Это мы разом,— отозвались в толпе несколько человек. Они побежали в мастерскую и вернулись с целым ящиком инструментов.

Василий, ловко орудуя инструментами, начал исправлять повреждение.

Прошло не больше двадцати минут, как пулемет был исправлен и собран.

— А ну, братцы, кто желает испытать?

— Дайте-ка мне,— сказал бравый сосед Василия по вагону, которого все звали Гришкой.

Он присел у пулемета и дал короткую очередь.

— Идет, ребята! — закричал он.— Вот что значит туляки-казяки!..[1]

Услышав стрельбу, офицер вернулся и подошел к Дегтяреву.

— Починил?

— Так точно, ваше благородие!

— Молодец. Как фамилия?

Василий вытянулся и отрапортовал:

— Дегтярев Василий Алексеев...

После учения офицер доложил о случившемся начальству, и смышленого солдата перевели в оружейную мастерскую.

* * *

Оружейная мастерская при офицерской школе поразила Дегтярева чистотой, опрятностью, обилием света. После прокопченных и грязных заводских помещений она показалась ему храмом. Это первое и неожиданное впечатление вызвало в нем растерянность, смущение. Перешагнув порог, Василий остановился в нерешительности и стал осматриваться.

У станков и верстаков работали солдаты. Это показалось ему странным и необычным, но в то же время несколько успокоило. «Свои»,— подумал он и направился к столику, за которым сидел человек в штатском, с бритой головой.

Тот, заметив Дегтярева, закричал:

— Гуляй сюда! Дегтярев будешь? Работать пришел?

Этот бритый коренастый человек со скуластым лицом и бойкими черными глазками оказался мастером. Он был похож на татарина и по виду и по выговору, но почему-то носил русскую фамилию — Елин.

Расспросив Дегтярева о том, где он работал и что умеет делать, Елин хитровато посмотрел на него и подвел к верстаку:

[1] Казяками в Туле называли раньше оружейников, работающих на казенном заводе.

— Вот твоя место, вот твоя инструмент, покажи, что умеешь.

Он отошел от верстака и скоро вернулся с винтовочным затвором.

— Смотри затвор: туда-сюда нажимаешь — работы нет, чинить надо.

Василий взял затвор и стал разбирать.

Мастер постоял, посмотрел и, потирая руки, ушел к своему столу. Он был доволен, что задал новичку трудную задачу. Над этим затвором вчера долго возился опытный мастер, но так и не починил его.

Дегтярев, разобрав затвор, сразу увидел повреждение и быстро сообразил, как его исправить. За многие годы работы на Тульском оружейном заводе Василий так хорошо изучил винтовку Мосина, что едва ли какая-нибудь поломка в ней могла его смутить.

Прошло не больше получаса, как он подошел к Елину и положил ему на стол исправленный затвор.

— Готово, исправил!

Елин прищурился, недоверчиво посмотрел на затвор, потом на Дегтярева, затем снова на затвор. Попробовал на взвод, и затвор щелкнул у него в руках.

— Молодца! — сказал он, поманив пальцем других слесарей, заговорил скороговоркой:

— Смотри, затвор делал... всего полчаса делал... Дегтярев звать, из Тулы приехал. У нас будет...

Слесари осматривали затвор и одобрительно кивали:

— Хороша работа!

— Чисто сделано!..

— Ну, пошел работать,— сказал Елин, одобрительно хлопнув Василия по плечу.— Испытание сдавал, похвала получал!

С этого дня Василий стал работать слесарем в оружейной мастерской.

Несмотря на чистоту и порядок в помещении мастерской, оборудование ее почти не отличалось от заводского: станки были не новые, инструменты тоже. Но в этой мастерской, что особенно обрадовало Василия, было собрано новейшее автоматическое оружие — пулеметы и пистолеты.

Оружейная мастерская и существовала для того, чтобы чинить и исправлять это оружие, то и дело отказывавшее в стрельбе из-за своего несовершенства.

Василий, прилежно выполнявший поручения начальства, в то же время старался как можно скорее познакомиться с образцами нового оружия.

Мастер Елин, заметив его любознательность, не мешал этому, даже позволял после работы задерживаться в мастерской, а иногда и сам помогал разбирать и собирать некоторые системы.

— Учись, Дегтярев. Научишься — будешь сам пулемет делать.

Об исправлении Василием на полигоне пулемета «максима» узнали в мастерской, и ему стали поручать ремонтирование этих пулеметов.

Прошло два года. Василий до тонкостей изучил пулемет и мог исправить любое повреждение. Его так и звали — «пулеметный мастер».

Но, специализировавшись на ремонте станковых пулеметов, Василий одновременно изучал и пистолеты различных систем, и первые образцы ручных пулеметов.

Как-то осенью, в тоскливый пасмурный день, когда Василий, стоя у верстака, копался в разобранном механизме «максима», послышался чей-то возбужденный голос:

— Робята, новобранцев пригнали, пошли поглядим!

Василий вместе с другими вышел на крыльцо мастерской и стал всматриваться в пеструю толпу новобранцев, выстраивавшихся по плацу поодаль.

Вдруг один из новобранцев, паренек невысокого роста, замахал рукой. Солдаты тоже замахали в ответ. Василию показалось, что новобранец, махая, смотрел на него. Хотелось крикнуть, спросить, что ему надо. Но сделать это было нельзя.

Вдруг солдат снял фуражку и начал махать ею. Василий глянул и сразу признал в нем своего старого друга Мишу Судакова, стал объяснять жестами, что рад встрече и что вечером придет в казарму...

Новобранцев проверили по списку, сводили в баню, одели в казенное обмундирование и разместили в казарме — широкой, приземистой и гнетущей комнате.

За окном лил дождь. Было тяжело и тоскливо. Михаил, остриженный наголо, сидел на солдатском деревянном топчане и думал о том, что же сулит ему новая, солдатская жизнь.

Вдруг растворилась дверь и перед ним вырос Василий, возмужавший, улыбающийся. Мигом исчезли грустные думы, и Михаил с радостью бросился в объятия друга.

Они проговорили допоздна. Михаил рассказал все новости о Туле, о родных Василия, о его невесте. Было решено, что Василий станет добиваться перевода Михаила Судакова к себе в оружейную команду.

Но хотя Судаков и был хорошим слесарем, добиться этого оказалось не просто.

Лишь месяца через три, когда Михаил прошел положенное строевое обучение, его перевели в оружейную команду. Друзья стали работать в одной мастерской, жить в одной казарме.

Их подразделение называлось еще нестроевым взводом и насчитывало до сорока солдат — слесарей-оружейников.

Жили они в общей казарме, занимали целое отделение — темную и тоскливую комнату.

Правда, в нее приходили только на ночь, спать, день же проводили в оружейной мастерской, где занимались ремонтом различного оружия.

Начальником команды был штабс-капитан Шахов, высокий, плечистый офицер с небольшой русой бородкой, орлиным носом и быстрым взглядом, отчего все лицо его казалось хищным.

Солдаты его побаивались и называли Орлом.

Но, несмотря на внешнюю суровость, он был доброго нрава и зря солдат не обижал.

К Василию Дегтяреву Орел, как и мастер Елин, относился особенно хорошо, так как Василий безропотно и бесплатно чинил пистолеты его друзьям.

В мастерской помимо ремонта оружия изготовляли прицельные станки для новобранцев. При помощи такого станка новобранец закреплял винтовку в нужном, на его взгляд, положении, а проводивший учение офицер мог проверить, правильно тот прицелился или нет.

По вечерам, в свободное от работы время, дома, в казарме, Василий раскладывал ящик с инструментами и приступал к починке личного оружия офицеров.

Подрабатывая таким путем, он каждый месяц посылал немного денег матери, чтоб поддержать оставшуюся без кормильца семью.

СОЛДАТ СТАНОВИТСЯ МАСТЕРОМ

Ремонтируя различные образцы автоматического оружия, Василий тщательно изучал каждую систему. Иногда небольшие, на его взгляд, переделки и усовершенствования в той или иной системе могли значительно улучшить ее боевые качества. Он пытался об этом говорить Елину, но тот отмахивался:

— Твое какое дело! Пусть думает начальство, у него башка больше.

Было ясно, что и здесь так же невозможно применить свои изобретательские способности, как и на заводе. Начальство смотрело на мастеров как на солдат, призванных нести службу. Как ни хотелось заняться Дегтяреву изобретательской работой, он вынужден был откладывать свои мечты и желания до лучших времен.

Все же работа по ремонту различного оружия была для него хорошей практической школой.

В те годы среди офицерства приобрели распространение привозимые из-за границы автоматические пистолеты. По сравнению с револьвером Нагана это оружие было более скорострельным; каждый из офицеров старался приобрести пистолеты. Охотно покупались пистолеты Браунинга, Борхардта-Люгера (парабеллум) и Маузера.

Но все они часто ломались, отказывали в стрельбе. В оружейной мастерской редкие мастера брались за их ремонт. А зачастую и взявшись не могли исправить любое повреждение.

Василий же, благодаря исключительному чутью и пониманию оружия, легко разбирался в новых, иногда совершенно незнакомых ему системах и мог исправить любое повреждение.

Его авторитет в деле ремонта различного автоматического оружия рос с каждым днем, укрепляя за ним славу лучшего оружейного мастера.

В начале 1904 года, когда вспыхнула русско-японская война, автоматическое оружие, особенно станковые пулеметы Максима, стало внедряться в армию. Но они часто ломались, и потому потребовалось в спешном порядке обучать войсковых оружейников ремонту этих пулеметов.

Начальник оружейного полигона при Офицерской школе, могучий бородач полковник Филатов, вызвал Дегтярева к себе и поручил ему обучение войсковых оружейников.

Дегтярева смутило такое задание, но приказ был подписан, и он взялся за дело.

Обучая войсковых оружейников ремонту пулемета, он одновременно учил их изготовлению наиболее ломких и нужных деталей...

Только было закончено обучение войсковых оружейников, как Филатов получил задание — обучить стрельбе из пулемета группу ефрейторов.

Он снова вызвал к себе Василия:

— Вот что, Дегтярев, с первым заданием ты справился отлично и принес этим большую пользу. Сейчас поручаю тебе еще более трудное дело. Будешь обучать стрельбе из пулемета группу ефрейторов.

Дегтярев топтался в нерешительности. Стрельбе из пулемета он научился сам, без посторонней помощи и не имел ни малейшего представления о том, как следует обучать этому других.

— Ну, что ж ты молчишь? — спросил Филатов, поглаживая густую пышную бороду.— Боишься?

— Никак нет, ваше высокоблагородие, просто не знаю, с чего начинать.

Филатов расхохотался.

— А с чего ты начинал, когда обучал оружейников?

— С устройства пулемета.

— Вот и тут начинай с устройства... А если будет трудно— приходи ко мне.

— Есть, ваше высокоблагородие,— отчеканил Дегтярев и вышел...

Василий познакомился с Филатовым несколько лет назад в оружейной мастерской и сразу проникся к нему глубоким уважением.

Филатов был большим знатоком оружейного дела и, пожалуй, единственным человеком в оружейной школе, кто оказывал внимание и заботу простым солдатам-оружейникам. Он всемерно поощрял способных мастеров, давая возможность им совершенствовать свой опыт и знания.

Поручив Василию обучение ефрейторов стрельбе из пулемета, он на другой же день пришел в мастерскую.

— Ну как дела, Дегтярев?

— Стараюсь, ваше высокоблагородие...

— Так вот, завтра можешь начинать обучение, ефрейторы соберутся в восемь утра...

Василий после работы хорошо смазал свой «максим», приготовил запасные детали на случай поломки. Утром он вышел на стрельбище.

— Ну вот что, братцы, я ни в каких школах стрельбе не обучался, так что буду вам рассказывать как умею. Если что не поймете — спрашивайте.

Он расстелил на траве шинель, закатил на нее пулемет и начал его медленно разбирать, подробно объясняя название и назначение каждой части.

С таким же подробным и последовательным объяснением он провел сборку пулемета. Затем поручил разобрать пулемет

одному из ефрейторов, а других спрашивал название частей.

Василий считал, что стрельбу из пулемета можно начинать лишь тогда, когда все научатся разбираться в его устройстве. Он полагал, что на это уйдет недели две. Однако через несколько дней ефрейторы запомнили все части пулемета, научились разбирать и собирать его, и Дегтяреву пришлось начинать стрельбу.

Стрелять из пулеметов в то время было сущим наказанием. Другой раз очереди выпустить не успевают — глядь, сломался ударник, надо его менять. Очень часто случались заедания и мелкие поломки. Дегтярев вынужден был носить с собой ящичек с инструментами и запасными частями.

Пулеметы при стрельбе быстро перегревались. Водяное охлаждение действовало плохо.

Сделают несколько сот выстрелов, и вода в кожухе начинает закипать — надо ставить пулемет на охлаждение или беспрерывно поливать холодной водой.

За это ефрейторы прозвали пулеметы «самоварами». А так как все они знали, что Дегтярев туляк, при случае любили подшутить.

Подойдут к казарме еще до подъема и стучат в окно:

— Эй, земляк, выкатывай свой «самовар», пора чай кипятить!..

Василий быстро соскакивал с топчана, одевался, завтракал и приступал к занятиям.

Вслед за обучением ефрейторов, которые все выдержали положенный экзамен, Дегтярев по настоянию Филатова взялся за обучение солдат.

Со временем, благодаря усилиям Филатова, занятия эти стали проводиться более организованно, и на базе отдельных обучающихся групп возникла в Ораниенбауме школа русских пулеметчиков, первым преподавателем в которой был рядовой солдат и оружейный мастер Василий Дегтярев.

Война с Японией, поглотившая уже десятки тысяч человеческих жизней, все еще продолжалась.

Она была на руку фабрикантам оружия, получившим возможность подороже сбыть свою продукцию царскому правительству, оказавшемуся совершенно неподготовленным к войне.

В Россию один за другим ехали иностранные изобретатели со своим оружием. Стремясь не упустить драгоценное для продажи время, некоторые везли явно недоработанные образцы, надеясь, что русские не будут особенно придирчивы, поскольку новое оружие им нужно как никогда.

Испытание привозимых из-за границы новых систем оружия производилось в Ораниенбауме на оружейном полигоне, вблизи мастерской, где работал Дегтярев.

Конструкторы и изобретатели, привезшие свои системы, частенько заходили в мастерскую, чтобы исправить повреждения в образцах или просто познакомиться и поболтать с русскими мастерами.

Частым гостем в мастерской был датский конструктор Мадсен, розовощекий, упитанный весельчак, пулемет которого проходил испытания в Ораниенбауме. Он охотно беседовал с мастерами, шутил, узнавая их мнение о пулемете, и старался не только начальство, но даже солдат расположить в свою пользу: угощал папиросами, конфетами и за каждый пустяк старался ввернуть в виде благодарности деньги.

Приходил и австриец Шварцлозе. Это был худой угрюмый человек. Он почти ни с кем не разговаривал и не заводил никаких знакомств и связей. Он был удручен неудачным испытанием своего пулемета.

Совсем иначе вел себя изобретатель автоматического пистолета американец Браунинг.

Среднего роста, плотный, жизнерадостный, он быстро влетал в мастерскую и через переводчика сыпал вопросы направо и налево. Ему хотелось всех знать, со всеми говорить, всех привлечь к своему делу.

Дегтярев и слесари знали, что Браунинг привез автоматическую винтовку и готовил ее к испытаниям.

Браунинг был в то время известным конструктором, и мастерам не терпелось дождаться испытаний его винтовки.

Дегтярев внимательно присматривался к знаменитым изобретателям и очень хотел взглянуть на то, что они привезли в Ораниенбаум. Случай скоро представился.

Как-то Браунинг, возбужденный и расстроенный, вместе со своими телохранителями — тремя дюжими парнями, вбежал в мастерскую с винтовкой в руке.

Положив винтовку на верстак, он скинул пиджак и, бросив его на руки переводчику, взялся за починку винтовки.

Все слесари прекратили работу и стали наблюдать за американцем. Им было ясно, что винтовка Браунинга отказала на испытаниях и сейчас он стремился исправить повреждение, пока не разошлись члены комиссии.

Оттого что Браунинг спешил, работа у него не ладилась. Поковырявшись минут десять, он швырнул инструмент и, отойдя от верстака, закурил сигару.

Вдруг взгляд его упал на Дегтярева, стоявшего за сосед-

ним верстаком, он поманил его к себе и через переводчика спросил, не может ли русский мастер исправить его винтовку.

Дегтярева очень интересовало новое изобретение Браунинга, и он, не задумываясь над тем, сможет или нет исправить повреждение, согласился и стал не спеша разбирать винтовку, аккуратно раскладывая части.

Круг наблюдающих стал тесней. Дегтярев чувствовал на себе взгляды товарищей и понимал, что они подбадривали его, как бы говоря: «Докажи им, на что способен русский мастер. Покажи им кузькину мать — пусть знают наших».

Отыскав повреждение, Дегтярев уверенно взялся за работу.

Браунинг, вначале бесстрастно наблюдавший издалека, вдруг подошел и, жестами показывая одобрение, произнес: «Ол-райт! Ол-райт!»

Дегтярев работал быстро и ловко.

Исправив повреждение, он собрал винтовку, щелкнул затвором и передал ее Браунингу.

— Ол-райт! Корош русский! — закричал Браунинг и протянул Василию пачку долларов.

— Не возьму,— сказал Дегтярев и решительно отвел руку.

Браунинг пожал плечами и, прибавив к пачке еще несколько бумажек, снова постарался вручить их Дегтяреву.

— Скажите ему,— обратился Василий к переводчику,— что я денег не возьму.

Тот с трудом убедил Браунинга положить деньги обратно.

— Что может посоветовать русский мастер? — спросил Браунинг через переводчика.

— Надо крепче приладить штык, а то он соскакивает и мешает прицелу.

Браунинг записал, улыбнулся Дегтяреву и, уходя, сунул ему в карман коробку сигар, сказав через переводчика: «Это подарок, его нельзя не брать».

— Да бери ты, леший, ведь за труды!

— Бери, мы искурим! — закричали солдаты.

Дегтярев открыл душистую коробку.

— Ну, закуривай, ребята, пожелаем успехов американцу, только боюсь, забракуют его винтовку.

— Почему? — сразу спросили несколько человек.

— Сложна она, деталей много, от этого мелкие они, непрочные... Работать не будет...

Действительно, винтовку Браунинга забраковали. Она не выдержала положенных испытаний.

Но встреча с Браунингом и знакомство с его винтовкой о многом заставили подумать Дегтярева. Эта встреча убедила

его в том, что хваленое заграничное оружие еще очень и очень несовершенно. Ему захотелось изобрести свое, русское оружие, которое оказалось бы лучше и надежней американского.

ОКОНЧАНИЕ СЛУЖБЫ

Срок службы Василия в солдатах подходил к концу. Он нередко задумывался над тем, что будет делать дальше. «Остаться здесь или ехать в Тулу?» Ему хотелось осмотреть город, порасспросить: нельзя ли где поблизости снять комнатушку? Но, как назло, солдат стали содержать еще строже — в город не выпускали. Казарма, полигон, мастерская — и дальше ни шагу! Офицеры старались, чтобы солдаты поменьше знали о событиях, происходящих в России. Однако солдатам удавалось узнавать почти все новости.

Позорный провал войны с Японией вызвал среди них глубокое возмущение. Они открыто ругали незадачливых генералов, а втихомолку и все правительство во главе с царем.

Бессмысленную гибель более ста тысяч русских солдат и почти всего посланного на восток флота нельзя было ни оправдать, ни простить. Солдаты начинали понимать, что в этом позорном поражении виновато бездарное и продажное самодержавие.

Особенно тяжело было солдатам узнать о гибели на сопках Маньчжурии их товарищей, ушедших на фронт добровольцами. Больше всего их возмущало то, что одной из причин поражения в этой войне был острый недостаток оружия в русских войсках.

Но храбрость солдат не всегда могла спасти отчаянное положение на фронте.

Вернувшиеся из-под Мукдена с возмущением рассказывали о предательстве отдельных командиров и о преступной беспечности чиновников военного ведомства, отправлявших на фронт вместо снарядов и патронов иконы и кресты.

Эту преступную беспечность Дегтярев и его товарищи могли наблюдать и здесь, в Ораниенбауме. Они были свидетелями того, что новейшее автоматическое оружие начали завозить в Россию лишь тогда, когда разразилась война. К началу русско-японской войны станковые пулеметы были в частях большой редкостью, а обучение пулеметчиков, к которому был привлечен Дегтярев, началось лишь перед самой войной...

В середине января от солдата, вернувшегося из петербургского госпиталя, Дегтярев и его товарищи узнали о кровавой расправе с безоружными демонстрантами на Дворцовой площади.

С каждым днем в казарму проникали все новые, более подробные, слухи о невиданном преступлении царских властей.

На солдат эти известия произвели ошеломляющее действие. В мастерской никто не хотел работать, все ходили понурые, мрачные.

Офицеры, опасаясь мятежа, запрещали собираться группами, усилили караулы, прекратили всякие отпуска и строго следили за тем, чтобы в казармы не проникли лазутчики.

Они боялись, как бы солдаты не узнали о вспыхнувших по всей России стачках.

Всю зиму, весну и лето жили при строжайшем режиме.

Жизнь солдат была унизительной и тяжелой. Многие офицеры отличались грубостью, ругались самыми непристойными словами, а при случае нередко пускали в ход кулаки.

В роте был небольшой черноглазый и черноусый офицерик, прозванный Гнусом, от которого солдаты буквально плакали.

Гнус придирался ко всему: к оторвавшейся пуговице, к недостаточно хорошо, на его взгляд, оправленной рубашке, к рябому лицу, к кривым ногам, к смелому взгляду — и при этом обязательно угощал солдата зуботычиной.

Дегтярева спасало то, что он находился не в строевой команде, где, к счастью, таких «служак» не было. К осени режим стал еще строже. Офицеры боялись беспорядков. Прокатившаяся по всей стране весть о революционном восстании на броненосце «Потемкин» не могла не волновать солдат — выходцев из трудового народа.

Василий чувствовал, что назревают какие-то события, и с нетерпением ждал того часа, когда наконец ему удастся вырваться из гнетущей казарменной обстановки.

Но вот подошла осень, кончился срок службы, и он получил желанную свободу.

За пять лет, прожитых в Ораниенбауме, Василию ни разу не удалось по-настоящему осмотреть город. И сейчас, выйдя из стен казармы, он отправился вдоль улицы, совершенно не думая о том, куда она ведет. Ему хотелось идти и идти, дышать полной грудью, любоваться деревьями, домами, встречными людьми, прозрачным небом. Впервые за пять лет он мог шагать не вытягиваясь в струнку перед встречными офицерами и не думать о том, чтобы не опоздать к указанному в увольнительной часу. Теперь он мог гулять сколько угодно. Сердце

стучало взволнованно, ноги, не чувствуя земли, неудержимо стремились вперед.

Вот уж город с красивыми домиками, с садами, балконами и мезонинами остался позади. Перед ним в осеннем наряде, словно в оперении райских птиц, предстал старинный парк.

Долго бродил Василий по тенистым аллеям, шурша опавшими листьями, вдыхал пьянящий горьковатый запах увядающих цветов и трав.

Вдруг перед ним раскрылось огромное озеро, в темных водах которого отражались великолепный белокаменный дворец и пестрое убранство древнего сада.

Василий застыл как зачарованный, он никогда и нигде не видел столь великолепного и живописного пейзажа. В саду было тихо, но не мертво; щебет еще не улетевших птиц оживлял его тонкой и нежной музыкой.

Узкой густой аллеей, окаймляющей пруд, Василий подошел поближе к дворцу. Сквозь открытые окна ему хорошо было видно роскошное убранство комнат: гобелены, картины, ковры, множество всевозможного оружия.

Заметив постороннего наблюдателя, к нему подошел сторож — дряхлый худенький старичок.

— Засмотрелся, солдатик? — мягко спросил он.

— Никогда не видел таких чудес,— сказал Василий.— Будто это и не людьми создано.

— Нет, любезный друг, все это сделали простые русские люди, вроде как мы с тобой. Сам-то откуда будешь?

— Тульский я.

— Из мастеровых, значит. В Туле, известно, все мастеровые. Вот видишь, оружие-то развешано. Так вот, говорят, почти все оно туляками сделано. Так и другое разное... Все народ делал. Крепостные мужики. Дворец-то этот, сказывают, еще князь Меньшиков, друг Петра Великого, строил...

«Вот бы Веру сюда,— подумал Василий.— Голова бы у нее закружилась от такой красоты...»

Покурив с дедом, он вышел из парка и направился через город в другую сторону, где, по его расчетам, находилось море.

Ему хотелось осмотреть все достопримечательности Ораниенбаума, особенно море, которое давно манило его к себе.

Скоро дорога свернула в сосновый бор и стала подниматься в гору.

Он шел лесом все дальше и дальше, вдыхая бодрящий, смолистый воздух. Ему хотелось забраться в самую глушь...

Вдруг сосны стали редеть, и за ними открылся безбрежный, синий морской простор.

Василий чуть не закричал от восторга.

Усевшись на камень, он долго смотрел в серовато-синюю даль и думал о жизни.

Жизнь представлялась ему таким же безбрежным морем. В ней, как и в море, можно было наметить много разных путей. Но из всех этих путей надлежало выбрать один, по которому и следовало идти всю жизнь.

И здесь в тихий вечерний час Дегтярев принял твердое решение: посвятить свою жизнь оружейному делу.

Оставалось лишь решить: ехать в Тулу или работать здесь...

— Пойду к Михаилу,— прошептал Василий.— Расскажу ему обо всем. Подумаем вместе!

И, еще раз взглянув на море, заигравшее от вечерних лучей разными красками, он, радостный и счастливый, зашагал к казарме...

Разговор с другом вернул размечтавшегося Василия к реальной действительности.

Ему следовало думать не о красотах природы, а о насущном хлебе: о матери и маленьких братьях, бедствующих в Туле.

«Нужно ехать в Тулу,— думал он.— Там и домишко, наверно, развалился, и сад заглох, и кузня запустела...» Как ни хороши были окрестности Ораниенбаума, а сердце его рвалось в родные места: к небольшой речке Уне, к дремучим яснополянским лесам, где дубы и липы в три обхвата.

«Тут я буду как бобыль, а там свой угол, родные...»

Все складывалось к тому, чтобы ехать в Тулу, но жалко было расставаться с полюбившейся ему оружейной мастерской, с добрым наставником Филатовым, с мечтами об изобретательстве, которые здесь еще больше окрепли и не давали ему покоя...

Утром Дегтярева неожиданно вызвали к Филатову.

— Ну как, Дегтярев, посмотрел город?

— Так точно. Город замечательный.

— Раз так, оставайся у нас вольнонаемным. Снимешь поблизости квартиру, будешь жить припеваючи. Тебе, брат, учиться надо, а в Туле ты ничему не научишься. Оставайся, дело тебе дам хорошее.

— Я бы охотно, да домой тянет!

— Ну что ж, съезди домой, повидайся с родней, погости, осмотрись, женись, а потом с молодой женой и приезжай. Место оставлю за тобой.

Василий поблагодарил. Такой вариант его устраивал больше всего. И, дав Филатову слово не позже как через месяц вернуться, стал собираться на родину...

Из Тулы Василий вернулся очень скоро.

Передав Михаилу скромные подарки от родных, рассказал, что в Туле жизнь очень плохая, за войну все обносились и обнищали, на заводе сокращение, и устроиться на работу нет никакой возможности.

— Ну что же, Васюха, оставайся здесь — будем жить вместе,— сказал Михаил.— Подыщешь комнатушку, выписывай Веру, я буду к вам в гости ходить...

После разговора с другом Василий пошел к Филатову и сообщил о своем решении остаться в Ораниенбауме.

ВСТРЕЧА С ФЕДОРОВЫМ

Оставшись вольнонаемным, Дегтярев перешел работать в маленькую мастерскую, созданную при оружейном полигоне, начальником которого был Николай Михайлович Филатов.

Мастерская помещалась в небольшой комнате деревянного дома, стоящего на краю огромного поля, именуемого полигоном.

В ней оказалось всего три станка: токарный, фрезерный и сверлильный и несколько верстаков с тисками для слесарных работ. Кроме Дегтярева там работало еще двое рабочих. Одного из них, черного тщедушного человека с маленькими усиками, Василий узнал — это был слесарь Колесников, знакомый ему по мастерской офицерской школы.

— Ну, как работается на новом месте? — спросил Дегтярев, здороваясь.

— Один черт,— недовольно отозвался Колесников.— Только что там почище, а здесь погрязнее...

Василий посмотрел на запыленное, очевидно с лета не мытое, окно, на паутину, висевшую по углам, и, поморщившись, спросил:

— А как жалованье?

— Целковых тридцать положат, а больше едва ли...

— Ну, это еще ладно... Вон в Туле я был, так там и вовсе работы нет.

— Неужели? — удивился Колесников...— Тогда становись к верстаку, будем вместе лямку тянуть...

Проработав месяца два на новом месте, Василий снял на

окраине города маленькую комнатушку, выписал из Тулы Веру и зажил своей семьей.

По воскресеньям попить чайку да послушать тульские новости приходил Судаков.

На стол подавался фигурный тульский самовар, и начинались задушевные разговоры, воспоминания, расспросы...

Иногда Михаил заходил к Василию на работу — это было удобней: не требовалось просить отпуск у начальства.

Василий всегда отрывался на десять — двадцать минут и, предложив другу табуретку, угощал табачком.

Но как-то Михаил застал Василия настолько поглощенным работой, что тот даже не заметил его.

— Над чем это ты мудруешь, Васюха?

Василий обернулся и, обрадовавшись другу, стал ему возбужденно и радостно объяснять свою работу.

— Делаю занятную штуку для обучения солдат стрельбе — Филатов поручил.

— Что же это за штука, ты толком объясни.

— Падающие мишени... Раньше, бывало, лупишь и лупишь по мишени, а она ни с места. На войне так не бывает: солдат то лежит, то бежит — попробуй подстрели. Вот Филатов и велел такие мишени придумать, чтобы походили на живых солдат — двигающиеся и падающие. Я спрашиваю: «Есть ли где-нибудь такие?» — «Нет,— отвечает.— В том-то и штука, что надо самим выдумать».

— И как же ты? — спросил Михаил.

— Да уж теперь дело к концу, удумал.— И он стал показывать и объяснять другу свое изобретение.— Эх, Мишуха, до чего по душе мне такая работа. Хлебом не корми, только дай что-нибудь выдумывать да изобретать!..

В мастерскую очень часто приходил Филатов, попросту разговаривал с мастерами, присматривался, как идут дела, давал советы.

Однажды, это было в погожее весеннее утро, Филатов вошел в мастерскую в белом кителе, ладно облегающем его полную фигуру, и с порога гаркнул:

— Здорово, молодцы!

Мастера приветствовали его хором.

Филатов обошел всех и остановился около Дегтярева. Разглаживая длинную шелковистую бороду, он стал наблюдать за его работой.

Дегтярев, привыкший к визитам начальника, продолжал опиливать зажатую в тисках деталь.

— Ловко ты работаешь, Дегтярев, а главное, точно,— сказал Филатов мягким рокочущим голосом.— А не сумел ли бы ты выточить из меди вот такие пульки?

Дегтярев взял бумажку, где карандашом был сделан набросок пульки.

Пулька эта была не тупоносая, которую знал каждый солдат, а остроконусная, совершенно незнакомая ему. Дегтярев задумался.

— Ну как, выточишь? — спросил Филатов.

— Постараюсь, ваше высокоблагородие.

— Ну так приходи ко мне в три часа.

— Есть, ваше высокоблагородие... Приду,— ответил Дегтярев.

Когда Дегтярев вошел, Филатов сидел за столом, заваленным бумагами и книгами, а около стоял молодой гвардейский офицер и показывал ему какой-то чертеж.

— Входи, входи, Дегтярев,— пригласил Филатов.— Вот вам и мастер, Владимир Григорьевич,— обратился он к офицеру.— Золотые руки. Подойди сюда, Дегтярев, познакомься, это капитан Федоров.

Дегтярев смущенно приблизился к столу, но офицер сам протянул ему руку и очень просто, по-деловому, заговорил:

— Нам нужен хороший мастер, и Николай Михайлович рекомендует вас. Вот посмотрите,— он развернул чертеж остроконусной пули.— Здесь пуля увеличена в двадцать раз, и поэтому очень легко представить себе ее профиль. Сможете ли вы точно такую выточить из медного прута?

Дегтярев внимательно всматривался в чертеж, словно соображал, как и каким инструментом следует вытачивать эту пульку.

— Должен предупредить,— продолжал Федоров,— работу нужно выполнить очень точно. Малейшее отклонение от чертежа, и пуля полетит в сторону. Чертеж этот сделан профессором Михайловской артиллерийской академии генералом Петровичем, на основании сложнейших математических вычислений, по преодолению сопротивления воздуха пулями различной конфигурации.

— А позвольте узнать,— спросил Дегтярев,— эта пуля и должна быть самой лучшей?

— По расчетам так, но, чтобы дать окончательный ответ, пули должны быть изготовлены и подвергнуты тщательным и всесторонним испытаниям.

— Простите, Владимир Григорьевич,— прервал Филатов, обращаясь к Дегтяреву: — Твоя задача в том, чтобы выточить

модель пули по данному чертежу. А по твоей модели будут отливать тысячи пуль и уже с теми пулями вести испытания, понял?

— Так точно, понял! — ответил Дегтярев.

— Если эти пули покажут превосходство перед старыми на испытаниях, их примут на вооружение русской армии.

— Да, дело серьезное,— сказал Дегтярев.

— Ты что же, испугался? — спросил Филатов.

— Оно, конечно, боязно... Оборудование-то у нас больно плохое...

— Ничего, ничего, Дегтярев, берись, торопить тебя не будем. Кроме тебя, некому это дело доверить.

— Вы напрасно боитесь,— сказал Федоров.— Все расчеты вам даны, нужно лишь строго следовать чертежу, вот и все!

— Вот в этом-то и штука,— возразил Дегтярев.— Вы поглядите, какая тут тонкая линия... Ну да я, думаю, справлюсь.

— Давно бы так! — сказал Филатов и дружески хлопнул Дегтярева по плечу.— Он у нас молодчина и слову своему хозяин. Забирай чертеж, Дегтярев, и иди в мастерскую, я попозднее зайду. Да смотри, об этом ни-ни: дело секретное!

— Слушаюсь! — сказал Дегтярев и, попрощавшись с Федоровым, вышел...

Дегтярев очень тщательно готовился к предстоящей работе. Она представлялась ему своеобразным экзаменом. «Сделаю пульку,— думал он,— будет мне доверие, запорю — шабаш! Кроме ремонта, ничего не дадут...»

Он тщательно подобрал инструмент, направил резцы, сделал заготовку шаблонов и двадцать маленьких медных болванок.

— Ты что это, Василий, кучу заготовок наделал, аль думаешь пульку-то целый год точить?..— подшучивал Колесников.

Дегтярев отмалчивался... «Если из двадцати одна выйдет — молиться надо»,— думал он.

И вот, выверив станок, Дегтярев начал обтачивать пульки. Работа шла быстро. Обточив несколько болваночек до нужного размера, он остановил станок и стал тщательно вымерять пульки по предварительному шаблону. Замеры его удовлетворили.

— Ну что ж, начнем доводку,— сказал Дегтярев и, зажав пульку в станке, стал снимать тончайшую стружку, часто останавливая станок и производя замеры.

К концу дня три пульки были готовы...

Когда Дегтярев стоял у окна и, глядя на свет, повертывал пульку, сличая ее с шаблоном, в мастерскую вошел Филатов.

— А ну-ка, Дегтярев, покажи, что ты сделал.

— Не выходит, ваше высокоблагородие,— сказал Дегтярев и передал Филатову пульки и шаблон.

Тот поглядел на свет, повертел пульку в шаблоне.

— Кто сказал, не выходит. По-моему, очень хорошо выходит. Смотри, просветы совсем крохотные. Старайся, брат, Дегтярев, без старания ничего не сделаешь...

Через несколько дней приехал Федоров и, забежав на минутку к Филатову, направился в мастерскую.

— Здравствуй, Дегтярев,— весело сказал он, входя.— Здравствуйте, братцы!.. Так вот какая мастерская у вас... Плоховато тут, темно, и станки старые... Как же вы работаете?

— Вот так и работаем, ваше благородие...

— Ну-с, Дегтярев, каковы успехи?

— Плохо, ваше благородие... не ладится что-то.

— Ну-ну, поглядим,— сказал Федоров, и, достав лупу, стал рассматривать запоротые пульки...

— Так... А ну-ка покажи, как ты работаешь.

— Извольте,— сказал Дегтярев и, зажав пульку в станке, стал ее обтачивать.

Федоров достал серебряный рубль и поставил его на станину ребром. Рубль задрожал мелкой дрожью и, вдруг соскочив, зазвенел на полу...

— Да-с, дела...— сказал Федоров.— На этом станке пульку вы не выточите — он вибрирует.

— Может, его прочней закрепить? — спросил Дегтярев.

— Не поможет, нужно делать бетонный фундамент, но и тогда трудно поручиться за успех: станок — рухлядь...

— Что же делать? — спросил Дегтярев.— Может, вручную?

— Нет, советую вам сделать нужного профиля резец. Если это удастся — тогда на малых оборотах вы, пожалуй, сумеете выточить пульки и на этом станке.

Дегтярев чуть не подпрыгнул от радости, услышав эти слова. Он и сам думал сделать такой резец, но боялся, что начальство не одобрит этой трудоемкой работы. Теперь же при поддержке Федорова он мог браться за изготовление нужного резца без опасения нареканий...

Совет Федорова помог. При помощи изготовленного Дегтяревым точнейшего профиля резца была выточена не одна, а целая партия нужных пулек.

Пульки подвергли лабораторной проверке — они соответствовали чертежу.

— Вот видишь, Дегтярев,— говорил Филатов,— сделал все-таки пульки, а боялся, не хотел.

— Неизвестно еще, ваше высокоблагородие, как они себя на испытаниях покажут.

— Ну, это уже не твоя забота.

Месяца через полтора Федоров привез Филатову новый чертеж остроконусных пуль. Опять в кабинет был вызван Дегтярев.

— Вот тебе новое задание, Дегтярев,— сказал Филатов, показывая чертеж.— Чего ты так смотришь?.. Это не та пуля, которую ты делал.

— А как же те? — спросил Дегтярев.

— Те, брат, не оправдали себя... Попробуй-ка сделать вот эту модель...

Опять началась кропотливая и тонкая работа. Но теперь Дегтярев начал прямо с изготовления резца. На этот раз пульки были сделаны значительно быстрей. Федоров, тщательно проверив их на месте, отвез в Петербург.

Прошло порядочно времени, прежде чем Дегтярев узнал о результатах испытаний сделанных им пуль.

На этот раз испытания были очень удачными. Новые остроконусные пули показали себя отлично. Возросла дальность прямого выстрела и пробивная способность пуль, улучшилась их меткость и увеличилась отлогость траектории. Все это делало остроконусную пулю более боеспособной, чем тупоносую, и она была принята на вооружение армии.

Хотя в этой работе Дегтярев был не творцом, а исполнителем, но он искренне радовался тому, что модель пульки, которую он делал, теперь будет размножена в миллионах экземпляров и сослужит свою службу родине.

Встреча же с Федоровым оказалась знаменательной. Она явилась началом большой, творческой дружбы, которая оказала огромное влияние на всю жизнь Дегтярева.

РАБОТА НАД АВТОМАТИЧЕСКОЙ ВИНТОВКОЙ

Вскоре после того как Дегтярев получил радостное известие об успешных испытаниях остроконусных пуль, его опять вызвали к Филатову.

Дегтярев предчувствовал, что будет поручена какая-то новая работа, но то, что он услышал от Филатова, его изумило.

— Как переделывать мосинскую в автоматическую? — переспросил он Филатова, косясь на сидящего у большого стола Федорова.

— Да, Владимир Григорьевич разработал проект и чертежи. По этим чертежам, под его наблюдением и будешь работать.

— Подойди к этому столу,— пригласил Федоров.— Вот чертежи.— И он стал объяснять, какие части и в какой последовательности следует делать.

Филатов подошел к ним, встал рядом с Дегтяревым.

Его удивляло, что Дегтярев, слушая Федорова, молчал и не задавал никаких вопросов. «Может быть, ему трудно понять чертежи?..» — подумал Филатов, но, взглянув на лицо Дегтярева, выражавшее радость и внимание, он успокоился.

Когда Федоров кончил объяснять, Филатов спросил:

— Ну что, Дегтярев, по душе работа?

— Так точно, ваше высокоблагородие, буду рад стараться!..

Ввиду секретности предстоящих работ Дегтяреву отгородили в мастерской угол, и он, получив от Федорова чертежи, с воодушевлением принялся за дело.

«Неужели, действительно, мы сделаем винтовку, которая будет стрелять, как пулемет!» От этих мыслей захватывало дух. Отработав положенные часы, Дегтярев поспешил в казарму к другу.

— Мишуха,— радостно прошептал он,— говорить-то об этом нельзя, дело секретное, но одно скажу — мечты мои начинают сбываться.

И он коротко поведал другу о порученной ему работе.

Михаил, хорошо знавший, что Василий всю жизнь мечтал об изобретательстве, очень обрадовался за него.

— Ты старайся, Василий. Не всякому мастеру доверяют такое дело. Подучишься у Федорова, а там, глядишь, и сам что-нибудь выдумаешь...

Прошло три дня. Дегтярев сделал порядочно деталей, выполнил все, что было задано, а Федоров не появлялся. «Должно быть, задержался на службе»,— подумал Дегтярев и, разложив чертеж на верстаке, решил сделать еще несколько мелких деталей.

Вдруг дверь отворилась, и на пороге появился Федоров.

— Здравствуй, Дегтярев! Не ожидал?.. Я и сам не думал сегодня быть, но так хотелось взглянуть на твою работу, что не утерпел, отпросился и, как видишь, приехал.

— Очень рад, ваше благородие...

— Да какое там благородие... зови меня просто Владимир Григорьевич, а я буду звать тебя Василий, согласен?

— Согласен, Владимир Григорьевич. Ваше задание выполнил.

— Вижу, вижу! — Федоров осмотрел детали.— Отличная работа! Если и впредь так будешь стараться, дело у нас пойдет!

— Пойдет, Владимир Григорьевич! Буду стараться!

Дегтярев, действительно, старался. К приезду Федорова все, что ему задавалось, бывало сделано. Федоров, рассматривая детали, высказывал свои суждения о их прочности и конструкторских особенностях. Иногда для сравнения разговор заходил о других системах автоматического оружия, и Дегтярев с жадностью внимал каждому слову Федорова.

Бывало, что Федорова задерживали в Петербурге дела и он не приезжал в намеченные дни, тогда Дегтярев работал самостоятельно, иногда придумывая какие-нибудь упрощения в деталях.

Федоров не обижался на это, напротив, хвалил и поощрял его находчивость.

— Ты, Василий, помни — я инженер, знаю теорию, но очень мало знаком с практической работой, в этом деле ты имеешь большой опыт, поэтому, не стесняясь, говори, что и где можно сделать проще и лучше...

Лето и осень прошли в упорной работе. Оба трудились с воодушевлением, но когда работа стала близиться к завершению, их творческий азарт начал остывать.

Тому и другому становилось ясно, что конструкция не удалась. Из-за внешней коробки, надетой на ствол, система стала тяжелой и громоздкой. Федоров долго думал над тем, как облегчить винтовку, по какому принципу построить автоматику, как добиться более легкого открывания затвора, но постепенно пришел к мысли, что винтовку Мосина переделать в автоматическую нельзя.

* * *

Прошло несколько месяцев, и Федоров снова появился в Ораниенбауме. На этот раз он привез проект автоматической винтовки оригинальной конструкции. Этот новый образец коренным образом отличался от прежнего и от иностранных систем автоматических винтовок.

Автоматическая винтовка была разработана по принципу отдачи с подвижным стволом, но затвор двигался не с пово-

ротом, а прямолинейно. Со стволом он крепился не ствольной коробкой, а при помощи двух боковых симметрично расставленных личинок.

При выстреле давлением пороховых газов затвор и сцепленный с ним личинками ствол отбрасывались назад. При откате личинки наталкивались на выступы и освобождали затвор, который силой инерции сжимал находящуюся сзади возвратную пружину, а та, в свою очередь, выпрямлялась и одновременно с подачей в ствол нового патрона двигала затвор на место.

Простота устройства винтовки сразу заинтересовала Дегтярева. Зная иностранные образцы, он сразу оценил преимущества федоровского проекта и взялся за изготовление его винтовки с большой охотой.

Опыт работы над переделкой мосинской винтовки Дегтяреву очень пригодился. Теперь он все части винтовки делал значительно быстрей. В его работе появились уверенность, решительность, твердость. Он даже перестал жаловаться Федорову на плохие станки.

Федоров дивился, как на этих ветхих, сработанных станках Дегтярев изготовлял части винтовки и даже некоторые недостающие инструменты. Он приводил в мастерскую Филатова и показывал ему изделия Дегтярева:

— На этих станках сделал. Талант! Золотые руки! Но каких усилий это стоит, Николай Михайлович! Больше нельзя продолжать работу над винтовкой в таких условиях. Я прошу вашей поддержки о перенесении всех опытных работ на Сестрорецкий завод.

Филатов согласился и обещал похлопотать. Но пока шли хлопоты в военном ведомстве, Дегтярев продолжал свою работу в маленькой комнатушке с одним окошком. Несмотря на трудности, работа шла успешно. Это окрыляло конструктора. Дегтярев даже в вечерние часы нередко задерживался в мастерской, вызывая законное недовольство Веры Васильевны, которая со дня на день готовилась стать матерью.

Зато воскресные дни Василий всегда проводил дома. Когда удавалось отпроситься у Орла, к ним приходил Михаил Судаков. Если день был пасмурный, Василий ставил под трубу своего «тулячка», и через 10—15 минут начиналось чаепитие с разговорами. Если же стояло вёдро — отправлялись в лес на прогулку.

Василий умел очень быстро распознавать грибные места, и эти прогулки всегда заканчивались грибовницей или жарены-

ми грибами, которые на свежем воздухе приобретали особенный вкус.

У Василия было старое тульское ружьишко, но из-за недостатка времени и товарищей по охоте он пользовался им очень редко. Но как-то его неожиданно пригласил на охоту Михаил:

— Пойдем, Васюха, охотиться, случай выдался мне.

— Да где же ты ружье-то возьмешь?

— Есть, да еще какое! Видишь ли, мне Орел поручил починить ружье одного генерала, а срок дал большой — пять дней. Я исправил это ружье за два вечера и отпросился у Орла на воскресенье на охоту, под предлогом испытания ружья.

— Ишь ты, леший,— усмехнулся Василий.— Ловко придумал. Ну что ж, приходи утром ко мне, и отправимся...

Утром друзья бродили по лесу у озера. Погода выдалась отличная, но дичи попадалось мало. Раза два у Василия из-под ног вылетали чудесные птицы: один раз тетерка, другой раз рябчик. Он вскидывал ружье, но ни разу не выстрелил. Михаил удивлялся: «Неужели стесняется меня, боится промазать?» Он отошел подальше и скоро убил рябчика. Часа через полтора друзья встретились и отправились домой.

— Почему же ты не стрелял, когда дичь у тебя из-под ног вылетала? — спросил Михаил.

— Уж больно красивые птицы,— ответил Василий.— Пусть живут, жалко такую красоту уничтожать ради потехи!..

Прогулки в лесу и в поле Василий очень любил. Они освежали душу, прибавляли сил и энергии. После воскресного дня, проведенного на воздухе, он работал с еще большим проворством...

Больше года проработал Василий над изготовлением опытного образца автоматической винтовки Федорова. Но вот и конец! Собрав и отладив винтовку, Василий с наслаждением осматривал ее. Даже винтовка Браунинга, делавшаяся на первоклассном американском заводе, не могла соперничать с ней чистотой работы, а главное, отладкой. Но каких трудов это стоило! Василий посмотрел на свой верстак, вспомнил допотопные станки и вздохнул:

— Эх, если бы нам такое оборудование, как у Браунинга, что бы наши мастера сделали!..

К вечеру приехал Федоров.

— Вот, Владимир Григорьевич, получите ваше детище,— сказал Дегтярев, передавая ему винтовку.

Федоров взял винтовку и дрожащими от волнения руками открыл затвор.

Лицо его залилось румянцем, глаза сияли счастьем.

Осмотрев винтовку, он положил ее на верстак и, крепко пожав руку Дегтяреву, ушел к Филатову.

Скоро он вернулся обратно озабоченный.

— Почему вы так невеселы, Владимир Григорьевич?

— Рано веселиться, Василий. Боюсь, не получилось бы так, как с переделочным образцом. Уж потерпим пару дней, испытания назначены на послезавтра.

Дегтяреву были понятны опасения Федорова, и он постарался его успокоить.

— Владимир Григорьевич, уж вы поверьте мне, винтовочка ваша не осрамит нас, в ней каждый винтик сделан на совесть.

— Знаю, Василий, знаю, но я не могу не волноваться... Подождем, уж теперь скоро...

В назначенный день на стрельбище собралась комиссия. Винтовку рассматривали и в собранном и в разобранном виде и лишь после этого разрешили стрельбу.

— Кто будет стрелять? — спросил председатель комиссии.

— Дозвольте мне,— попросил Дегтярев.

— Нет, нет,— прервал его Федоров.— А вдруг винтовка разорвется?.. Стрелять буду я сам! — решительно сказал он и приготовился к стрельбе.

Члены комиссии предусмотрительно отошли подальше.

Федоров нажал спусковой крючок. Прозвучали выстрелы. И вдруг стрельба прекратилась...

Федоров, опустив винтовку, открыл затвор.

— Застряла гильза.

— Это ничего, сейчас отладим,— сказал Дегтярев и, разложив на траве инструмент, стал копаться в винтовке.

Федоров молча наблюдал за ним.

Подошел Филатов.

— Что нахмурился, Владимир Григорьевич?

— Обидно, Николай Михайлович, второй блин — и опять комом.

— Винтовка готова! — крикнул Дегтярев.— Разрешите испробовать?

— Хорошо, пробуйте! — разрешил Федоров.

Дегтярев лег на траву, поставил локти, прицелился и нажал на спусковой крючок.

— Тра-та-та-та,— послышались громкие четкие выстрелы.

Василий нажал еще, и опять загрохотала винтовка.

Тут уже и Федоров не выдержал и, подбежав к сияющему Дегтяреву, начал горячо трясти его грубую, мозолистую руку.

НА НОВОМ МЕСТЕ

При дальнейших испытаниях в винтовке были выявлены существенные недостатки: слабость пружины, застревание гильзы и другие. Но все же винтовка стреляла, и стреляла неплохо. Решено было работы над ней продолжать на Сестрорецком оружейном заводе.

Дегтярев давно мечтал перебраться в мастерскую, где были бы хорошие станки, инструменты, калибры, поэтому известие о переводе в Сестрорецк он принял с большой радостью и поспешил домой, чтобы поделиться этой радостью с женой.

Но Вера Васильевна отнеслась к известию о переезде с тревогой.

— Где же мы будем жить? Ведь Сестрорецк — курортный город, там даже угла не найдешь, а у нас ребенок...

— Ничего,— успокаивал ее Василий.— Устроимся, Владимир Григорьевич поможет. О переезде не беспокойся, тут каких-нибудь пятнадцать верст.

В Сестрорецке действительно устроиться с жильем оказалось трудно. Комнаты были, но за них запрашивали такие цены, что Василий уходил, не торгуясь.

Он обошел все окраины, но найти ничего не смог. Лишь через несколько дней ему удалось снять комнату в ветхом деревянном домике верстах в восьми от города близ станции Разлив, в тех самых местах, которые теперь хорошо известны советским людям. Там в 1917 году в шалаше из веток и сена жил и работал, скрываясь от преследований Временного правительства, Владимир Ильич Ленин.

Каждодневная езда на поезде была утомительна, но Дегтярев мирился с этим. Его радовало, что домик, в котором он поселился, стоял в лесочке у озера. Место было глухое, зелень свежая, трава сочная, пахучая, воздух прозрачен и чист.

После работы Василий приезжал измученный, уставший, но, пока он шел к дому узкой луговой тропинкой, вдыхал воздух, настоявшийся на пахучих цветах, усталость незаметно исчезала, тело набиралось свежих сил, лицо розовело. Дома он был бодр и весел, играл с истосковавшимся по нему сыном Шуриком, а потом выходил во двор наколоть дров или похлопотать по хозяйству.

Работа на заводе по усовершенствованию винтовки пошла более споро.

Тут к услугам Дегтярева были отличные инструменты, новые станки, лучшие материалы.

Когда он пришел в кладовую попросить пружинной проволоки, ему предложили проволоку не только различных сечений, но, главное, разных марок: твердую, среднюю, мягкую, различной прочности и упругости. У него даже глаза разбежались. «Уж теперь-то я сделаю пружину какую надо!» — решил он и стал экспериментировать.

Он выбрал проволоку трех марок и сделал из нее пружины. Первая пружина при длительной стрельбе продолжала ослабевать. Вторая, напротив, оказалась очень устойчивой. Решили остановиться на ней. Но и эта пружина не отвечала всем требованиям.

Винтовка хорошо стреляла по горизонтальной цели, но при стрельбе вверх или под углом отказывала. Пружина оказалась не способной подавать патроны вверх.

Когда время стрельбы без охлаждения стали удлинять, приближаясь к установленной норме, то опять при нагревании патронника стали застревать гильзы.

Нужно было срочно что-то придумывать, так как из-за этого недостатка винтовку нельзя было представлять к дальнейшим испытаниям.

Дегтярев одновременно с изобретателем ломал голову над устранением каверзного дефекта, вспоминал другие образцы оружия, но в голову ничего не приходило.

Но однажды Федоров приехал радостный и возбужденный.

— Придумал, придумал! — еще с порога закричал он.— Придумал ускоритель.

И он стал объяснять Дегтяреву свое приспособление.

На стволе винтовки Федоров предложил установить маленький рычажок (ускоритель). При выстреле нижний конец рычажка должен был наталкиваться на неподвижный упор ствольной коробки, а верхний ударять по затвору и с силой откидывать его назад, помогая выбрасывать гильзу.

Сделать и установить ускоритель оказалось делом несложным. К следующему приезду Федорова он был готов и при стрельбе оправдал возлагаемые на него надежды.

Винтовка стала стрелять почти без задержек и подолгу, но в ней оказалось столько мелких недостатков, что о представлении ее на вторичные испытания не могло быть и речи.

А так как над отладкой винтовки трудился один Дегтярев, работа затянулась на долгие месяцы.

В процессе работы над автоматической винтовкой дружба Федорова и Дегтярева все время крепла и являлась основой их успешной работы. Но какие усилия ни прилагали они, за-

вершение работ по винтовке продвигалось чрезвычайно медленно.

Новые предварительные испытания винтовки обнаружили серьезный дефект с ложей. При длительной стрельбе ложа и деревянное цевье сильно нагревались, а потом коробились и мешали скольжению ствола.

Над устранением этого недостатка бились долго и упорно. Ложу склеивали из различных древесных пород, клали асбестовые прокладки, надевали кольца — ничто не помогало. Помеху удалось устранить лишь тогда, когда деревянное цевье заменили пустотелым железом.

Когда винтовка была почти совсем отлажена, специалисты заявили, что выбрасывание гильз вверх недопустимо — они могут, блестя на солнце, демаскировать стрелков. Нужно было гильзы выбрасывать вперед. Это повлекло за собой коренную переделку уже совершенно готовой винтовки...

С того дня, когда Дегтярев еще в Ораниенбауме взялся за изготовление федоровской винтовки, прошли не месяцы, а долгие годы. Уже давно Михаил Судаков кончил службу и уехал в Тулу. У Дегтярева кроме сына росли еще две девочки, а он все еще продолжал работать над усовершенствованием опытного образца.

Только в 1912 году, после пяти лет напряженного труда, первая русская автоматическая винтовка системы инженера Федорова, сделанная руками слесаря Дегтярева, выдержала полигонные испытания.

Сестрорецкому заводу было заказано 150 экземпляров ее для более широких войсковых испытаний.

В том же 1912 году Федоров взялся за разработку малокалиберного образца своей винтовки под созданный им патрон 6,5 мм, с улучшенной баллистикой.

Изготовление этого образца опять поручается Василию Дегтяреву.

Дегтярев, ободренный первым успехом, надеялся, что новая винтовка получится еще лучше — ведь теперь и у Федорова, и у него был многолетний опыт конструкторской и практической работы.

Прошло около года, и опытный образец малокалиберной винтовки был представлен на испытания и успешно выдержал их.

Сестрорецкий завод получил заказ на изготовление 20 экземпляров новых винтовок. Дегтярев был назначен старшим мастером по изготовлению опытных образцов, но работам помешала война.

Казалось бы, с возникновением войны военное министерство должно было немедленно ускорить производство новейшего оружия. Этого ждали все оружейники. Но получилось как раз наоборот.

Приказом военного министра все опытные работы по производству автоматического оружия на военных заводах были прекращены, а сами оружейники отправлены на фронт.

Так по воле бездарного министра закончилась эпопея с изобретением и производством первой русской автоматической винтовки, в то самое время, когда русские войска на фронте из-за катастрофического недостатка в оружии трупами устилали поля сражений.

ПЕРВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Около шести лет Василий Дегтярев проработал на Сестрорецком заводе, но у него почти не было друзей. Ввиду секретности задания работать приходилось в одиночку, избегать излишних знакомств и общений.

Он знал, что на заводе существуют тайные революционные кружки, где читается запрещенная литература, говорятся смелые речи, обсуждаются политические события. Его влекли к себе рабочие-революционеры, приезжавшие из Петербурга докладчики, члены Российской социал-демократической рабочей партии, но Дегтярев в то время не мог и думать о сближении с ними.

Зато с переходом на работу в цех он познакомился с некоторыми революционно настроенными рабочими и узнал, что кое-кто из них состоит членом РСДРП.

Его стали приглашать на рабочие маевки, которые устраивались в лесу, на берегу Разлива.

Разливом назывался огромный пруд, образовавшийся от разлива реки Сестры, запруженной около завода. Город как раз и стоял на реке Сестре, отсюда и название его Сестрорецк.

Маевки устраивались обычно в воскресные дни. Рабочие собирались в лесу под разными предлогами. Кто шел сюда «за грибами», кто «за ягодами», кто «за шишками» для самовара, кто «рыбачить», и там все собирались в условленном месте, расставив надежные дозоры.

На маевках читалась пользовавшаяся тогда огромной популярностью среди рабочих большевистская «Правда», призывавшая к организованной борьбе с самодержавием. Пелись революционные песни.

С маевок Дегтярев приходил радостно-взволнованный. Он понимал, что рабочие теперь не те, которых он видел в Туле 15 лет назад. Рабочие, руководимые партией большевиков, превращались в грозную силу, готовившуюся к решительной битве с царизмом.

Дегтярев не без волнения замечал, что и сам он уже теперь не тот робкий и забитый слесарь-солдат, которым был в Ораниенбауме, в оружейной мастерской при офицерской школе. Он уже острее чувствовал и видел несправедливость, издевательства, унижение, которые приходилось терпеть рабочим.

Ничтожные, нищенские заработки рабочих и фантастические прибыли заводчиков и фабрикантов не могли не возмущать его.

Сердцу Дегтярева были близки смелые, правдивые речи большевиков, разоблачающих продажность правящих классов и призывающих рабочих к борьбе с царизмом и буржуазией за свое рабочее счастье, за счастье всего трудового народа.

Он начинал понимать, что правду, о которой мечтали его отец и дед и тысячи рабочих оружейников, нужно искать у большевиков. Рабочие маевки вдыхали в Дегтярева животворящие силы и надежду на светлое будущее, так как настоящее не сулило ничего хорошего.

Жилось трудно. Заработка едва хватало на скудное содержание семьи. Дегтярев старался не думать об этом, забываться в труде.

Его все больше манило и влекло к изобретательству. Ему хотелось создавать новое оружие, которое было так необходимо русским воинам, ведущим жестокие бои по всему необъятному фронту от Восточной Пруссии до Карпат.

В эти дни он задумал создать свое автоматическое ружье, отвечающее запросам современного боя. Таким оружием, на его взгляд, мог быть автоматический карабин — оружие маневренное, легкое и боеспособное.

Только сейчас, думая над разработкой собственной системы, Дегтярев понял, как много ему дал многолетний опыт практической работы над автоматической винтовкой Федорова. Он был отлично знаком со всеми известными образцами автоматического оружия, знал их положительные и отрицательные стороны и ясно представлял, в каком направлении следует работать над их усовершенствованием.

Он решительно отказался от широко разрабатываемой тогда системы автоматического оружия с подвижным стволом (пулеметы Максима, Виккерса, Мадсена, Шоша, автомати-

ские винтовки Федорова, Токарева, Чельмана, Манлихера, Браунинга), задумав создать систему с неподвижным стволом, действующую по принципу отвода затвора пороховыми газами.

Дегтярев подал докладную записку начальнику Сестрорецкого завода — генералу Залюбковскому. Подробно описав задуманную им систему, он просил разрешения делать ее на заводе во внеурочное время.

Но Залюбковский даже не соизволил ответить на это письмо.

Тогда Дегтярев, дождавшись прихода Залюбковского в цех, обратился к нему с устной просьбой.

— Что за изобретения?! — закричал генерал.— Все опытные работы по оружию прекращены министром, теперь война, извольте работать на нее, делать обыкновенные винтовки и не заикаться больше ни о каких карабинах...

— Так ведь во внеурочное время,— пытался убедить его Дегтярев.

— Не рас-суж-дать! — заревел генерал.— Кто тут начальник? А?!

Было ясно, что Залюбковский не изменит своего решения, и Дегтярев стал придумывать другой выход. Он написал родным и Михаилу Судакову, который демобилизовался и теперь жил в Туле, прося их отправить в Сестрорецк дедовский токарный станок, а сам потихоньку занялся заготовкой необходимых материалов, из осторожности пряча их на заводе в укромном месте.

Прошло некоторое время, и Дегтярев, полагая, что Залюбковский забыл о сцене в цехе, стал оставаться по вечерам и делать на заводе наиболее сложные части для своего карабина.

Залюбковский, узнав об этом, вскипел и немедленно откомандировал Дегтярева в Ораниенбаум, где требовался опытный мастер на оружейном полигоне...

Проработав несколько месяцев в Ораниенбауме, Дегтярев снова вернулся в Сестрорецк. К тому времени прибыл из Тулы дедовский токарный станок. Дегтярев обрадовался ему, как старому другу. Теперь он мог не зависеть от строптивого генерала.

Перетащив с завода запасенные материалы домой, он отладил станок и начал изготовление деталей для своего карабина.

Заниматься карабином ему удавалось лишь в вечерние часы, после работы на заводе. Легко себе представить, какова

была продуктивность этой работы, если на заводе приходилось выстаивать у станка 11—12 часов. Но влечение к изобретательству было так велико, что оно побеждало усталость, давало силы для творчества.

Возвращаясь с завода, Дегтярев иногда работал до полуночи дома. Станок стоял в кухне, но скрежет его легко проникал сквозь тонкие переборки. Вера Васильевна, проснувшись, тихонько начинала выговаривать мужу:

— Ты что же это, Василий, в могилу хочешь себя вогнать? Ни к себе, ни ко мне у тебя жалости нет. А что будет, если замучишь себя, ведь четверо у нас, кто их кормить, одевать будет?..

— Ничего, ничего, я сейчас лягу,— старался успокоить ее Василий.— Ты иди, ведь босая стоишь, а я вот только соберу инструмент и приду.

— Не бойся, не убежит твой инструмент... А пока не ляжешь, я не уйду.

Василий молча прятал детали и шел спать. А чуть свет — уже бежал на работу.

От вечерней работы, от недосыпания он ослаб, похудел, но глаза его горели веселым огнем. Дела с карабином шли успешно.

Новенький, замотанный в масляные тряпицы, карабин ждал случая, чтоб его вынесли на стрельбище и опробовали.

С этой целью Дегтярев и отправился в Ораниенбаум. Он надеялся увидеть Филатова и испросить разрешение испробовать карабин в стрельбе.

Когда доложили о Дегтяреве, из кабинета Филатова послышался зычный, знакомый голос:

— Давай его сюда как можно быстрей.

Дегтярев вошел, по-военному щелкнул каблуками: ведь Филатов был теперь генералом и начальником офицерской школы.

— А ты, брат, Дегтярев, легок на помине. Садись.

Василий, не понимая, зачем его вспоминали, насторожился.

— Удалось, братец ты мой, получить разрешение доделать винтовки Федорова и вооружить ими специально сформированную часть — первую команду русских автоматчиков. Видишь, какие дела?

— Очень рад.

— Ну, коли рад, так берись за работу. Тебе будут даны в помощь все наши слесари.

Дегтярев сразу согласился и переехал в Ораниенбаум. Поселился он в заброшенной сторожке ветхого поместья, при-

надлежавшего одному отставному генералу, и немедленно занялся доделкой винтовок, которые к тому времени были привезены из Сестрорецка.

Филатов ежедневно приходил в мастерскую, осматривал работу, спрашивал, нужна ли какая помощь, торопил.

Дегтярев, попав в мастерскую, где он впервые познакомился с автоматическим оружием и где по-прежнему работал мастер Елин, почувствовал себя так, как будто вернулся в родной дом. Слесари-солдаты, узнав, что он сам когда-то отбывал здесь службу, приняли его как своего. Работа пошла дружно, весело.

К лету 1916 года было доделано, собрано, отлажено и испытано на стрельбище 60 винтовок.

— Маловато,— сказал Филатов, осмотрев винтовки.— Роту никак не вооружить... Ну, не беда, вооружим команду. Вам, молодцы, спасибо — работали лихо, а тебе, Дегтярев, особое!

— Рад стараться, ваше превосходительство.

— Ну-ну, молодец... Да ты знаешь новость?

— Никак нет.

— Федоров приехал, вчера виделись в Питере, привет тебе передавал, завтра будет здесь.

— Покорно благодарю,— сказал Дегтярев, обрадованный этим известием.

На другой день друзья встретились в мастерской.

— Ну, Василий, тут нам поговорить не дадут: шум, трескотня выстрелов, пойдем-ка куда-нибудь, хоть в лес, разговор будет большой.

Они нашли приют на взгорье под старым дубом.

В одну сторону от них тянулся старинный парк, но другую — лежал небольшой городок, ставший колыбелью русского автоматического оружия, а за ним, в мутной дали, поблескивало море.

Федоров рассказал Дегтяреву о том страшном положении, в каком оказалась русская армия в первые месяцы войны из-за нехватки оружия. Через каких-нибудь полгода войны на фронте многие дивизии из-за нехватки винтовок находились в резерве и не могли принять участие в боях.

— А между тем,— рассказывал Федоров,— я видел колоссальные запасы военного снаряжения, сконцентрированные на Западном фронте, половину которого союзники могли бы переуступить России.

Федоров с дрожью в голосе говорил о том, как в русских окопах несколько солдат стреляют по очереди из одной вин-

товки, как собирают эти винтовки по ночам под огнем неприятеля на полях сражений. В то время как французские и английские солдаты сидят в надежных укреплениях, подступы к которым прикрыты мощным огнем пулеметов.

— Огромное значение в этой войне,— говорил Федоров,— приобрело легкое автоматическое оружие, ручные пулеметы и автоматические винтовки. Ими вооружены и немцы, и наши западные союзники. У нас же это оружие в войну запрятали в подвалы и извлекли только сейчас. Я написал письмо в артиллерийский комитет с просьбой разрешить мне завершить начатую работу, надеюсь создать русское ружье-пулемет и хочу спросить тебя, Василий: согласен ли ты работать вместе со мной?

— Я с радостью! — ответил Дегтярев.

— Больше мне ничего не надо,— сказал Федоров.— Иди в мастерскую, а я сейчас же отправлюсь в Питер. Медлить нельзя...

Работы по созданию автомата Федорова были перенесены в Сестрорецк; и Дегтярев воспользовался этим, чтобы доделать свой карабин, обстрелянный и испытанный им на ораниенбаумском полигоне.

Он с большим смущением рассказал о своем изобретении Федорову и пригласил его домой.

— Ну-ка, ну-ка, покажи, покажи свое изобретение,— торопил Федоров.— Что же ты раньше-то об этом не говорил?

— Да все как-то стеснялся...— Вытерев карабин чистой тряпкой, он подал его Федорову.

Наступило молчание.

Федоров долго и очень внимательно осматривал образец. Василия тяготило это молчание, но он знал — Федоров не любит поспешности...

— Пробовал стрелять?

— Стреляли... действует.

— Ну что ж, Василий, поздравляю. Карабин легкий и удобный. Он лучше многих, которые мне доводилось видеть...

Федоров был растроган успехом своего ученика и, приехав домой, немедленно написал отзыв о карабине Дегтярева.

«Эта система представляет собой замечательный образец по легкости, компактности и удобству стрельбы...»

Однако дальнейшие испытания карабина выявили в нем серьезные недостатки. Чтобы устранить их, нужно было всецело отдаться конструкторской работе. Это было для Дегтярева немыслимо. Ему, изобретателю из народа, пути к творчеству были закрыты.

ВСЯ ВЛАСТЬ — СОВЕТАМ!

Война продолжала полыхать от моря до моря, унося миллионы молодых и сильных людей. Наибольший урон несла Россия, расплачиваясь за свою отсталость и плохое вооружение сотнями тысяч жизней своих солдат. Чтобы добиться перелома в войне, нужны были свежие резервы и новое автоматическое оружие, главным образом ручные пулеметы. Это раньше других в России понял Федоров и предложил переделать свою малокалиберную винтовку в ружье-пулемет (автомат).

Эта работа была поручена Василию Дегтяреву.

Проект Федорова по переделке автоматической винтовки в новый тип оружия был составлен с расчетом наименьших затрат времени и средств. Федоров задумал создать оружие еще более легкое и маневренное, чем примененные на западе ручные пулеметы (ружья-пулеметы) Мадсена, Шоша, Льюиса.

Дегтярев тяжело переживал собственную неудачу, однако он охотно взялся за новую работу. Он был русским человеком и хотел, чтобы в России был создан свой ручной пулемет.

Федоров стал чаще бывать в Ораниенбауме. Теперь Дегтярев в любую минуту мог получить необходимую консультацию и совет. Переделка образца шла успешно. Одновременно здесь же в Ораниенбауме формировалась команда автоматчиков, которых предполагалось вооружить автоматами Федорова. Дегтярев торопился.

Его воодушевляло сознание, что оружие, сделанное его руками, наконец-то попадет на фронт, будет участвовать в боях и, быть может, спасет жизнь многим русским солдатам.

Поздней осенью 1916 года образцы нового типа автоматического оружия были закончены, а в ноябре первая команда русских автоматчиков выступила на фронт. Дегтярев гордился в душе, что первые русские автоматы были сделаны его руками.

Успех автомата Федорова снова заставил его задуматься над своим изобретением.

Неужели несколько лет тяжелой работы в невообразимо трудных условиях пропали даром? Неужели его карабин окажется хуже тех, которые привозили из-за границы? Нет, нет — с этим он не мог примириться. Дегтярев был убежден, что его карабин не уступит заграничным. Конечно, над ним следовало еще работать, и работать немало, ведь над винтовкой Федорова трудились семь лет. Он хотел лишь одного, чтобы на его карабин обратили внимание. Он согласен участ-

вовать в любом соревновании с заграничными изобретателями и доказать, что его карабин лучше, но — увы! — это было невозможно. Директор завода Залюбковский к изобретателям-самоучкам относился с пренебрежением и даже на порог к себе не пускал.

Дегтярев пробовал стучаться во все двери, писал и в артиллерийский комитет, в военное министерство, в Главное артиллерийское управление, но отовсюду получал бездушные, холодные ответы: «Теперь война — не до вас». И снова Дегтяреву пришлось смириться и жить надеждой на будущее...

* * *

Как-то в феврале 1917 года на Сестрорецком заводе неожиданно заревел гудок.

— Революция! Революция!..— разнеслось по цехам. Рабочие бросили работу и с песнями, с красными флагами двинулись на площадь. Все возбужденно сообщали друг другу радостную весть: «В Петрограде революция, спихнули царя!»

Еще с утра рабочие революционные дружины, руководимые большевиками, арестовали городские и воинские власти. На городском митинге говорили смелые, страстные речи. Из уст в уста передавалось светлое, желанное слово: «Свобода!» После митинга началось торжественное шествие по городу.

Дегтярев, прицепив красный бант, вместе с сыном шагал в рядах демонстрантов и, захваченный общим ликованием, пел «Варшавянку».

— Теперь все пойдет по-другому! — говорили рабочие.— Теперь вздохнем!..

Дегтярев надеялся, что и к нему, изобретателю из народа, наконец изменится отношение и он сможет продвинуть свой карабин. Но надежды эти оказались напрасными.

Завоевания революции, добытые ценою крови рабочих и побратавшихся с ними солдат, были преданы меньшевиками и эсерами. Страной стало править Временное буржуазное правительство.

И снова Дегтярев был вынужден забыть о своем карабине, отложить мечты об изобретательстве и работать на заводе по выполнению очередных заказов для фронта.

Осенью он поехал в Петроград, чтоб повидать вернувшегося с румынского фронта Федорова, расспросить его о поведении в боях изготовленного им автоматического оружия.

День был морозный. С моря дул резкий леденящий ветер, а трамваи, как назло, не ходили. Потоптавшись минут два-

дцать на остановке, Дегтярев продрог и отправился в город пешком. Вдоль улиц ветер дул еще сильнее, чем на площади. Нестерпимо мерзли уши и руки.

«Надо забежать куда-нибудь в кондитерскую, погреться»,— подумал Дегтярев и стал поглядывать на вывески. Но все кондитерские и кафе были закрыты. Редкие прохожие, с тревогой поглядывая по сторонам, быстро пробегали мимо него.

«Что-то происходит в Петрограде»,— подумал Дегтярев и, нахлобучив шапку, ускорил шаг.

Вдруг где-то на крыше загрохотали выстрелы. «Максим»,— сообразил Дегтярев.— Но куда и кто стреляет?.. Пули сорвали штукатурку над головой.

«По мне с той стороны садят». Он бросился через улицу и под укрытием домов добежал до угла. Перед ним распахнулась большая площадь с высоким памятником и темными кустами в центре. Стрельба раздавалась со всех сторон. Кто в кого стрелял — понять было нельзя.

Вдруг из ворот одного дома на площадь с раскатистым «ура» бросились люди с винтовками: рабочие, матросы, студенты... Двое из них, втащив «максим» на пьедестал памятника, стали бить по окнам дома на противоположной стороне площади, откуда раздавались выстрелы.

«Наши, свои»,— подумал Дегтярев и чуть не бросился вместе с ними на приступ.

Через несколько минут стрельба стихла, и над домом взвился красный флаг. Отряд рабочих, матросов и студентов, построившись, шагал мимо Дегтярева. Лица идущих были возбуждены, на бушлатах и куртках развевались алые ленты.

Кто-то сильным голосом затянул:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы до-ро-о-гу
Грудью проложим себе.

Последние слова дружно подхватил весь отряд.

Дегтярев взволнованно смотрел вслед уходящим.

Вдруг та же песня зазвучала в другом конце площади. Оттуда, четко отбивая шаг, шли солдаты с красными ленточками в лацканах шинелей. Их обогнал грузовик с вооруженными рабочими, за ним другой, третий...

Все двигались к центру.

— Что же это происходит? — спросил Дегтярев проходившего мимо матроса, опоясанного пулеметными лентами.

— Революция, братишка! Буржуев идем бить, присоединяйся, пока не поздно.— И он побежал догонять отряд.

— Эх, вот бы сейчас мне карабин...— подумал Дегтярев.— Да ведь и у нас, наверно, тоже революция? Что же я тут стою? — И он бегом бросился к вокзалу.

Над вокзалом полыхал алый флаг. У входа стояли рабочие патрули с красными повязками.

— Стой, кто такой?! Пропуск!..— крикнул один из них, преграждая Дегтяреву путь.

— Рабочий из Сестрорецка, спешу по революционному делу,— лихо ответил Дегтярев.

— Проходи, товарищ, эшелон в Сестрорецк стоит на путях.

Дегтярев выбежал на платформу, где копошились вооруженные рабочие и матросы, усаживаясь в товарные вагоны, и побежал к поезду, надеясь найти коменданта.

Комендант в кожаной тужурке, с маузером на ремне, кричал:

— Пулемет на площадку паровоза — быстрей!

— Та не работает же вин, поврежден,— отвечал ему человек в солдатской шинели, с нависшими украинскими усами.

— Как не работает? Эй, кто тут понимает в пулеметах? Именем революции прошу...

Дегтярев протиснулся к коменданту:

— Разрешите взглянуть...

— Кто такой?

— Рабочий с Сестрорецкого оружейного.

— Прошу, товарищ!

Дегтярев быстро разобрал пулемет и, не заметив никакого повреждения, вытерев платком загрязненные детали, собрал.

— Заедал от грязи, теперь будет стрелять. Разрешите с вами добраться до Сестрорецка.

— Спасибо, товарищ, разрешаю, поедешь с нами. Помоги установить пулемет.

— Есть! — ответил Дегтярев и вместе с другими стал затаскивать пулемет на площадку паровоза.

Через несколько минут ощетинившийся штыками состав мчался в Сестрорецк.

Дегтярев стоял у окна паровоза рядом с помощником машиниста и смотрел вдаль.

К нему подошел матрос, обвитый патронными лентами, просунул в петлицу пальто алую ленточку и, добродушно улыбнувшись, хлопнул по плечу:

— Спасибо, братишка, за пулемет.

Дегтярев улыбнулся в ответ. Он был глубоко взволнован. С восторгом смотрел на мужественные лица солдат, матросов, рабочих, крепко сжимающих в руках оружие, и ощущал большую радость оттого, что в эти минуты был вместе с ними.

Он уже знал, что свершилась великая пролетарская революция, что рабочие, солдаты и матросы, руководимые большевиками, захватили власть и арестовали Временное правительство Керенского.

Он не мог осмыслить грандиозности происходящих событий, по сердцем чувствовал — идет великая битва, большевики несут свободу и счастье трудовому народу.

Теперь ему и всем изобретателям из рабочих откроется дорога к творчеству.

Поезд летел все быстрей. На площадке у «максима» весело перекрикивались пулеметчики. А над ними, опоясывая грудь паровоза, трепетало красное полотнище с коротким и ясным лозунгом: «Вся власть — Советам!»

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Победа Октябрьской социалистической революции была встречена рабочими Сестрорецка с ликованием. Воззвание II съезда Советов, «Декрет о мире» и «Декрет о земле» читались и перечитывались во всех цехах, горячо обсуждались.

Но прошло лишь три дня, как на заводе распространился слух, что бежавший из Петрограда во время восстания глава Временного правительства Керенский собрал казачьи части и двинул их на столицу под предводительством генерала Краснова. Сестрорецкий ревком спешно формировал рабочие дружины для защиты красного Питера.

На другой день в Петрограде вспыхнул спровоцированный эсерами мятеж юнкеров. Почти одновременно была предпринята попытка организовать мятеж в ставке главнокомандующего генерала Духонина. Молодой Советской республике приходилось вести борьбу с многочисленными врагами.

Дегтярев знал, что многие из генералов и офицеров царской армии уходили в стан врагов революции, бежали на Дон и за границу. Его волновал вопрос: как отнесется к революции Федоров?.. Ведь он был не только оружейником-изобретателем, а и генералом царской армии.

11 Зак. № 626

Но Федоров сам приехал в Сестрорецк и, разыскав Дегтярева, крепко пожал ему руку.

Это рукопожатие сказало Дегтяреву, что Федоров с ним, со всеми рабочими, с большевиками. Он будет работать для Советской власти!

Федоров был далек от политики и многого не понимал, но для него было бесспорно и ясно главное: с большевиками весь трудовой русский народ. И он, посвятивший всю жизнь служению своему народу, не мог идти против него или быть в стороне от его борьбы за светлое будущее.

Федоров выразил готовность служить молодой Советской республике...

В начале 1918 года, когда мирные переговоры в Брест-Литовске с немцами, в результате предательских действий Троцкого, зашли в тупик и над Советской Россией нависла опасность вторжения немецких полчищ, Федоров и Дегтярев были командированы в глубь России. Им поручалось спешно восстановить брошенный датскими концессионерами небольшой оружейный завод и наладить на нем производство автоматов Федорова.

Они быстро собрались в путь, но выехать из Петрограда с семьями, с кучей малолетних детей оказалось невозможным. Поезда, уходящие на Москву и на восток, были забиты до предела. Люди ехали из голодного Питера в тамбурах, на крышах вагонов, даже на буферах. Вокзальное начальство наотрез отказало в теплушке.

— Василий Алексеевич, поедемте пока одни, а потом заберем семьи,— предложил Федоров.— Время терять нельзя.

— А может, удастся выхлопотать теплушку, Владимир Григорьевич? Ведь у меня, сами знаете, мал мала меньше...

— Хорошо, я похлопочу еще,— сказал Федоров.

Дегтярев уехал домой и рассказал о своих затруднениях на заводе. Рабочие дружно пришли на помощь. Отыскав в тупике поломанный товарный вагон, они прикатили его на завод.

Вечером, захватив инструменты и материалы, с песнями двинулись к вагону, где уже трудился сам Дегтярев. Застучали молотки, заскрежетали пилы, заскрипели гаечные ключи...

Кто-то где-то раздобыл «буржуйку», нашлись и трубы, и дрова.

Мигом добыли огня, плеснули па дрова из маслепки и сразу почувствовали себя в тепле. Дрова весело потрескивали, работа пошла веселей, и к полуночи вагон был починен.

— Товарищи, сердечное вам спасибо,— благодарил Дегтярев,— а то как бы я с малолетками-то?..

— Подожди, Василий, еще не сел в вагоп. Лошадь-то где возьмем?.. Ведь скарб у тебя?

— Какая лошадь, зачем она? На себе перенесем все, айда, ребята!..

Утром с дачным поездом Дегтярев вместе с многочисленным семейством и всем своим имуществом прибыл в Петроград.

Вечером вагон прицепили к дальнему поезду.

Расположившись у горячей «буржуйки», бывший солдат и бывший генерал заварили чай и завели разговор о предстоящей работе.

— Вот, Василий Алексеевич,— говорил Федоров,— приедем на новое место, обоснуемся и опять за дело. Создадим хорошую мастерскую. Я рад, что наконец получу возможность целиком отдаться работе над автоматом.

— Может быть, и мне удастся там заняться своим карабином.

— Обязательно, Василий Алексеевич. Вы непременно должны будете приступить к самостоятельной работе, опыта вам не занимать...

Поезд двигался медленно, часами стоял на станциях, полустанках, а то и просто в полях.

До станции Дно ехали чуть ли не неделю. Оттуда весь состав повернул на Тихвин — Московская дорога была забита воинскими эшелонами. С большим трудом добрались до Вологды и там опять застряли. В Петербург шли литерные поезда с мобилизованными, военным снаряжением, провиантом.

— Смотрите, какое движение к Питеру, наверное, что-то стряслось,— сказал Федоров, выглянув в приоткрытую дверь.

— Я сейчас сбегаю на вокзал, узнаю,— сказал Дегтярев.

— Нет уж, пойдемте вместе.

На вокзале толпились солдаты, мешочники, все старались пробиться к воззванию, приклеенному к кафельной печке.

Федоров, привстав на носки, через головы людей прочитал: «Социалистическое Отечество в опасности!» — и сердце его дрогнуло. Он протиснулся ближе и с жадностью дочитал до конца. Это был призыв партии и Советского правительства к народу.

Оказалось, что германское правительство прервало перемирие и бросило свои войска на юную Страну Советов. Остатки русской армии не могли противостоять громаде немецких войск и стремительно катились к Питеру.

Партия и правительство призывали рабочий класс и весь трудовой народ к решительной борьбе.

— Василий Алексеевич,— возбужденно сказал Федоров,— мы, как старые солдаты, не имеем права стоять на запасных путях. Наш долг — ковать оружие для начавшейся битвы, мы должны любыми путями пробиться к месту назначения. Сейчас же идемте к начальнику станции...

Решительные требования Федорова возымели действие: вагон прицепили к поезду, отправляющемуся в Москву.

24 февраля они прибыли к месту назначения.

Тихий, заснеженный городок встретил их могильным молчанием. Никаких представителей, никакой встречи...

— Ну что ж, Василий Алексеевич,— сказал Федоров.— Давайте выгружаться.— И первый выпрыгнул в снег. За ним спрыгнул Дегтярев.

— Да, Владимир Григорьевич, дело не ждет, да и душа болит, как подумаешь, что война.

Поручив женам укладывать вещи, они прямо с вокзала направились в уездный комитет партии.

В ГОДЫ ВОЙНЫ И РАЗРУХИ

На другой день Федоров и Дегтярев осмотрели завод. Он состоял из нескольких маленьких полуразрушенных и недостроенных цехов, завьюженных не только снаружи, но и изнутри.

Часть оборудования была растащена, часть уцелела, но из-за пыли, ржавчины и снега было трудно определить его пригодность. Инструментальное хозяйство было почти полностью разграблено. Документации никакой не сохранилось. Обойдя завод, они не встретили ни одной живой души, кроме воробьев и голубей, прочно обосновавшихся там, куда не пробирались снег и ветер.

Вечером созвали всех работавших раньше на заводе. Явилось человек шестьдесят — все, что осталось от кадрового состава рабочих и служащих завода. Федоров, переписав и опросив собравшихся, остался очень доволен: среди них нашлось немало опытных рабочих-оружейников: слесарей, то-

карей, станочников и, что явилось приятной неожиданностью, оказались старые чертежники.

— С этими людьми можно смело браться за дело! — шепнул он Дегтяреву и громко сказал: — Кто желает работать на восстановлении завода, прошу поднять руки.

— Все хотим! — крикнул кто-то из рабочих. Взметнулись десятки рук. Рабочие обещали работать не щадя сил, единодушно избрав директором завода Федорова.

Федоров тут же поручил Дегтяреву подбирать людей и создавать опытную мастерскую.

Восстановление завода оказалось делом нелегким: не хватало людей, не было материалов и инструментов, не было топлива.

Поначалу создали мастерскую по ремонту оружия. Под наблюдением Дегтярева там чинились винтовки, пистолеты и различное автоматическое оружие времен империалистической войны.

Федоров подготовлял оборудование и инструменты к тому, чтобы начать производство советских автоматов.

Изготовление образцов по чертежам, составленным Федоровым в новой, метрической системе, повлекло за собой изготовление ряда приспособлений, инструментов и калибров. Дегтярев заботливо оснащал и расширял образцовую мастерскую, собирал в ней лучших специалистов и способную молодежь, старательно учил ее оружейному искусству.

Автоматическое оружие теперь требовалось как никогда. Началась гражданская война. Интервенты и белогвардейцы организовали против Советской России несколько фронтов. У врагов не было недостатка в новейшем оружии и снаряжении. Рожденная же в огне сражений Красная Армия располагала лишь скудными запасами, оставшимися в старой армии от империалистической войны.

Тем временем, пока Федоров налаживал производство автоматов, Дегтярев готовил кадры для образцовой мастерской и будущего конструкторского бюро.

Как-то в мастерскую пришел деревенский паренек — крепкий, жилистый, небольшого роста.

— Хочу работать у вас, — робко сказал он Дегтяреву. — Охота на оружейника выучиться.

— Ты что, слесарь? — приветливо спросил Дегтярев.

— Маракую малость...

Из-под зеленой войлочной шляпы Дегтярев пристально осмотрел плотную фигуру паренька, остановил взгляд на его натруженных руках.

— Из деревни я... учился у кузнецов и на заводе года два проработал.

Дегтярев прочел направление, где говорилось, что слесарь Сергей Симонов сдал испытания по 9 классу.

— Ну что ж, оставайся, посмотрим, на что ты годен. Будешь отлаживать автоматы.

— Как — автоматы, я же их в глаза не видел?

— Не бойся, увидишь, ничего в них нет страшного,— с улыбкой сказал Дегтярев.— А потом, я завсегда тут — без помощи не оставлю.

Подведя паренька к верстаку и взяв у мастеров различные части автомата, он стал собирать их, называя детали, показывая, как их надо подгонять и отлаживать.

Когда автомат был собран, Дегтярев передал его Симонову:

— Вот видишь, дело не такое уж сложное. Ну-ка, попробуй разобрать его.

Симонов свободно и уверенно стал разбирать автомат, кладя части на верстак одна к одной.

— Правильно разбираешь. Части никогда нельзя класть в кучу, иначе запутаешься.

— Я и собрать могу,— улыбнулся Симонов.

— А ну-ну, погляжу, соберешь ли?

Симонов не торопясь начал укладывать и соединять детали и не сделал ни одной ошибки.

— Ишь ты, башковит! — похвалил Дегтярев.— Считай, что пробу выдержал. Будешь работать на сборке...

Наблюдая за работой других мастеров, Дегтярев время от времени подходил к новичку, наблюдал молча, присматриваясь, иногда осторожно, чтобы не помешать работе, спрашивал:

— Ну как, Сергей Гаврилович, не заедает? — И если видел, что тот в затруднении, показывал, где и что надо сделать.

Прошло дней десять, и Симонов совершенно освоился с работой.

Тогда Дегтярев решил понемногу посвящать его в некоторые секреты производства. Однажды подошел и как бы между прочим спросил:

— Сергей Гаврилович, ты примечал, наверное, какие части чаще всего ломаются при стрельбе?

— Нет, не успел, я на стрельбище-то всего раза два был.

— Ну ничего, я скажу — это боевая личинка и затвор. А чтобы эти ответственные детали были прочней, их надо закаливать.

— Это известно, да где калить-то, в горне разве?

— Правильно, калильных печей у нас нет, а зато есть паяльная лампа... Пойдем-ка со мной.

Дегтярев, ловко зажав деталь в длинных щипцах, стал ее нагревать на паяльной лампе.

— Ты примечай, Сергей Гаврилович, деталь надо нагревать не одинаково. Рабочую часть не докрасна, а до желто-соломенного цвета, другие же места до синеватого. Вот, видишь?.. А теперь клади ее в бачок — там льняное масло. Знаешь ли, зачем масло-то?

— Нет, не знаю.

— Масло придает металлу вязкость — ломаться не будет...

Собрать и отладить автомат так, чтобы его механизм действовал безотказно, еще не значило, что оружие готово. Для того чтобы признать его годным для передачи в армию, оружие испытывали в стрельбе.

В мастерской было заведено, что, как только тот или иной мастер заканчивал сборку партии автоматов, их отвозили на стрельбище.

На этих испытаниях всегда присутствовали Федоров и Дегтярев.

Однажды, когда Федоров, по обыкновению, делал обход мастеров, Дегтярев представил ему новичка.

— Вот, Владимир Григорьевич, наш новый слесарь Сергей Гаврилович Симонов. Сегодня будем испытывать первую партию автоматов его сборки.

— А что, эти автоматы уже готовы?

— Готовы! — ответил Симонов.— Я немного раньше сделал...

— Очень хорошо, молодцом! Тогда пойдем на стрельбище.

— Там все подготовлено,— сказал Дегтярев.— Малинин и приемщик нас ждут.

Малинин, здоровенный детина, работавший стрелком-испытателем, приветствовал их зычным голосом по-солдатски: «Здравия желаю!»

В шестнадцатом году он был солдатом особой роты 189-го Измаильского полка, вооруженной автоматами Федорова. Принимал участие в боях на румынском фронте, был тяжело ранен, но сам приполз в лазарет и вынес с поля боя свой автомат. По демобилизации из армии он разыскал Федорова и Дегтярева и пожелал работать у них.

Малинин был отличным стрелком, но не умел разобраться в тонкостях оружия, из которого стрелял, и подчас не

мог ответить на вопросы, которые интересовали изобретателей.

Чтобы узнать тонкости поведения автомата при стрельбе, Федоров стрелял сам или просил Дегтярева.

Симонов заметил это и попросил разрешения испробовать в стрельбе собранные им автоматы. Постреляв, он высказал несколько ценных советов.

— Смотрите, Василий Алексеевич,— сказал Федоров,— наш новый сборщик делает двойные успехи. Он молодчина!

С этого дня Дегтярев и Федоров стали еще внимательнее следить за успехами Симонова.

Непрерывное совершенствование мастерства каждым из рабочих, дружная и самоотверженная работа всего коллектива обеспечили быстрое выполнение задания правительства. Уже в двадцатом году завод отправил сражающимся красным полкам первую партию советских автоматов Федорова.

ДУМЫ О ПУЛЕМЕТЕ

Прошло четыре года. Они были трудными и тяжелыми. Дегтяреву и его товарищам приходилось оставлять работу и ехать в деревню, чтобы выменять картошки и хлеба для своих семей. Возвращаясь, они работали ночами, стараясь наверстать потерянное время. Они понимали важность своей работы, ибо мастерская и завод изготовляли оружие для красных полков, героически сражающихся с многочисленными врагами Страны Советов.

В эти годы некогда было думать о творчестве, но, как только победоносная Красная Армия разгромила последний оплот интервентов на Дальнем Востоке, Федоров поставил вопрос о создании новых образцов оружия для Красной Армии.

Первая мировая война дала оружейникам много ценных уроков. Она подтвердила необходимость унификации оружия, то есть изготовления различных типов оружия по одной системе, с применением единого патрона.

Усилиями Федорова и Дегтярева на базе образцовой мастерской было создано первое в Советском Союзе конструкторское бюро. Теперь можно было начать такую работу.

Федоров задумал создать по системе своего автомата несколько типов оружия, крайне необходимого для молодой Красной Армии. И опять во главе этих работ встал Дегтярев.

На протяжении нескольких лет в конструкторском бюро и образцовой мастерской велась разнообразная работа по унификации оружия. Было создано девять различных образцов пулеметов по системе автомата Федорова. Эта работа явилась хорошей школой по конструированию и для Дегтярева, и для молодых изобретателей из рабочих.

На разработке новых образцов они готовились к самостоятельной конструкторской деятельности. Дегтярева давно тревожили думы об изобретательстве. Почти два десятилетия он лелеял мечту о создании такого оружия, которое бы превзошло все иностранные образцы.

Мечта о создании боевого оружия зародилась у него еще в Ораниенбауме, когда, будучи солдатом, он обучал стрельбе ефрейторов и солдат из беспрерывно отказывавших и ломавшихся пулеметов Максима. Желание создать безотказное и мощное оружие укрепилось в нем, когда он ремонтировал сложную, непрочную и капризную автоматическую винтовку американца Браунинга.

Многолетняя работа с Федоровым, учеба у него и богатейший опыт, накопленный в годы создания федоровской винтовки и автомата, изучение многочисленных иностранных образцов автоматического оружия и работа над собственным карабином убедили Дегтярева в том, что настало время взяться за осуществление своей мечты.

Теперь для этого были все условия: в его распоряжении находилась отлично оснащенная мастерская, прекрасные мастера, опытные чертежники, расчетчики. Наконец, с ним был Федоров — крупнейший специалист оружейного дела, готовый оказать ему любую помощь.

А самое главное: перед ним была ясная цель. Дегтярев знал, что теперь он будет создавать оружие для родной Красной Армии, для защиты социалистического Отечества.

Эта благородная цель служения раскрепощенному народу, вдохновляла его на трудовой подвиг. Дегтярев был уверен, что Советское правительство поддержит его, изобретателя из народа, окажет ему необходимую помощь.

Но что же делать в первую очередь? Какой тип оружия более всего необходим Красной Армии? Этот вопрос глубоко волновал Дегтярева, лишал его покоя и сна. Проще всего было бы взяться за доработку автоматического карабина, сделанного им еще в 1916 году в Сестрорецке, тем более что этот карабин находился теперь здесь, в образцовой мастерской. Но Дегтярев думал не о решении отдельных проблем в вооружении войск. Его волновала основная и главная задача пере-

вооружения армии. Самым главным видом оружия в армии он считал ручной пулемет. В этом убеждали его многочисленные высказывания Федорова и то значение, которое придавалось работам по переделке автомата Федорова в ручные пулеметы с воздушным и водяным охлаждением.

Итак, выбор был сделан — Дегтярев задумался над созданием ручного пулемета.

Теперь предстояло решить, по какой системе делать будущее оружие. В этом вопросе ему был крайне необходим совет Федорова. Но обратиться к Федорову — значило раскрыть свой замысел. А вдруг ничего не выйдет? Тогда — позор! Нет, так поступить он не мог...

Многолетняя работа в одиночку в царское время, секретность выполняемых им работ не могли не отразиться на характере Дегтярева. Он привык держать свои мысли в тайне даже от самых близких людей. Почти три года работая над своим карабином, он ни разу и словом никому не обмолвился об этом изобретении, до тех пор пока карабин не был окончательно сделан и отлажен.

Эти закоренелые привычки прошлого оказались столь сильны, что и сейчас, в советской действительности, Дегтярев твердо придерживался их: он обдумывал свою машину втайне от всех.

Как раз в это время Федоров получил за свой автомат большую премию от Советского правительства. Эту премию Федоров разделил поровну со своим учеником и помощником Дегтяревым, так много и самоотверженно потрудившимся над его винтовкой.

Переехав в свой дом, Василий Алексеевич первым делом засадил садик и в небольшом сарае оборудовал мастерскую.

В этой мастерской, в которую не проникал никто из посторонних, он и начал работу над отдельными частями будущего пулемета.

Перебирая в памяти различные системы автоматического оружия, он старался, уже в который раз, разобраться в их достоинствах и недостатках и решить, по какой системе разрабатывать задуманный пулемет.

Система подвижного ствола, по которой разрабатывались винтовка и автомат Федорова, многие винтовки Токарева, а также пулеметы Максима, Виккерса, Мадсена, Шоша, ему казалась наиболее сложной. Доказательством этому была его пятнадцатилетняя работа совместно с Федоровым над созданием многих образцов автоматического оружия.

Система с неподвижным стволом и отводом пороховых газов, по которой был сделан им автоматический карабин, получила к тому времени значительно меньшее распространение. Все же по ней были спроектированы пулеметы Гочкиса, Сент-Этьена, Льюиса и винтовки Мандрагона.

Изучая эти образцы, Дегтярев находил в них много недостатков, но он видел и пути к преодолению их. Он считал, что восемь лет назад, приступая к разработке автоматического карабина, выбрал правильный путь, разработав сцепление с помощью двух симметричных личинок, расположенных в горизонтальной плоскости, с применением толкателя с муфтой.

И сейчас, приступая к разработке ручного пулемета, он решил делать его по системе неподвижного ствола и отвода газов, с оригинальной разработкой сцепления и запирания по образцу своего карабина.

И вот в маленькой мастерской в сарае Дегтярев начал делать макет своего будущего пулемета.

Этой работой он занимался обычно в часы отдыха, вечерами, а иногда и в воскресные дни. Наиболее сложные части приходилось делать в мастерской, но так, чтобы никто не видел.

Вначале работа по созданию будущего пулемета являлась для него как бы развлечением, он занимался ею по часу, по два в день, а потом так увлекся, что посвящал ей все свободное время.

Однако чем больше Дегтярев работал над макетом, тем ясней становилось ему, что модель получается неудачной. Мысленно представив себе габариты будущего пулемета, он убеждался, что пулемет будет довольно громоздким и безусловно не таким легким, как было задумано. Тяжелая крышка, скосами которой производилось разъединение личинок, делало всю коробку высокой, а от этого увеличивались и другие части.

«Пожалуй,— размышлял Дегтярев,— лучше будет, если я возьмусь за карабин, закончу его, доведу до совершенства, а уж потом буду разрабатывать пулемет...»

Как-то от Федорова Дегтярев узнал, что сейчас большое значение придается разработке автоматической винтовки. Над новыми образцами упорно работал Токарев и другие конструкторы.

«Почему бы мне не взяться за автоматическую винтовку? — размышлял Дегтярев.— Сделать ее по системе карабина не представляет большого труда».

Он даже отложил на время недоделанный макет пулемета и начал готовить части винтовки. Но внутренний голос ему твердил: «Не то делаешь, Василий, армии нужней ручной пулемет!»

Новый, 1924 год застал Дегтярева в глубоком раздумье над будущим изобретением...

БЕСЕДА С М. В. ФРУНЗЕ

В двадцатых числах января ударили страшные морозы. Чтобы можно было работать в мастерской, Дегтярев приказывал с утра зажигать все паяльные лампы и ставить их на верстаки около мастеров...

В один из таких дней, намерзшись в мастерской на цементном полу, Василий Алексеевич, придя домой, обул валенки, поел горячих щей и, сев на низенькой скамеечке у полыхающей голландки, с наслаждением закурил трубочку. Он любил в тихие зимние вечера посидеть у огонька, подумать о своих делах. В этот раз в комнате никого не было и уютную тишину нарушало лишь тикание часов да потрескивание березовых дров. На улице тоже было тихо. Сквозь синеватый морозный узор в окна смотрела строгая луна, да слышалось, как изредка трещал телеграфный столб и скрипел снег под ногами одиноких прохожих.

Василий Алексеевич перенесся мыслями к пулемету и стал обдумывать, нельзя ли его построить несколько иначе. Мягкими неслышными шагами к печке подошел сибирский кот Мишка и стал тереться об его ногу.

— Пришел, приятель, пришел...— ласково сказал Василий Алексеевич и, не прерывая своей думы, стал гладить Мишку по густой шелковистой шерсти. Кот, мурлыча, улегся рядом.

Василий Алексеевич разморился от жары и, расстелив на полу возле печки полушубок, прилег отдохнуть. Усталость взяла свое, и скоро он спал крепким сном.

Жена, закрывая печку, не захотела его тревожить и, прикрыв стеганым одеялом, на цыпочках ушла в свою комнату...

Дегтярева разбудили тревожные гудки. Вскочив, он удивился, что уже утро — морозный узор на окнах горел розоватым светом восхода. Прислушавшись к гудкам, он быстро надел треух и, на ходу накинув полушубок, выбежал на улицу. «Уж не пожар ли?» — мелькнуло в сознании...

С вокзала, закутавшись в шали, шли заплаканные женщины.

— Что случилось, почему гудки? — спросил Дегтярев.

— Беда, родимый, слышь, как паровозы-то ревут... Ленин помер...

Эти слова тяжелым камнем ударили в грудь. Дегтярев пошатнулся и чуть не закричал от боли, которая тисками сжимала сердце.

— Ленин умер, Ленин, Ильич,— шептал он.— Что-то теперь будет...

Размазывая кулаком стынущие на щеках слезы, он пошел туда, где тускло горели еще с ночи забытые огни, где, разрывая душу, ревел заводской гудок...

Во дворе завода молчаливо толпились рабочие, многие с непокрытыми головами. Они ждали официального сообщения, они все еще не верили, не хотели и не могли верить, что смерть сразила любимого Ильича.

Василий Алексеевич снял шапку, подошел вплотную к толпе и, молча пожимая руки рабочим, спросил:

— Когда?

— Вчера, в шесть часов пятьдесят минут,— угрюмо ответил один из рабочих и, не в силах сдержать слез, отвернулся. Эти минуты, полные горечи и скорби народа, Дегтярев запомнил на всю жизнь. Запомнил он и то, как в одном из цехов рабочие делали венок — последний подарок Ильичу. На красном щите серебряные листья дуба переплетались с боевыми клинками, штыками и медно-золотистыми гильзами — эмблемами оружейников. Кто-то из чертежников дрожащей рукой выводил на алой ленте слова: «От укома КП(б) и рабочих организаций города...»

В день похорон Ленина, когда рабочие и служащие всего мира на пять минут остановили работу, Дегтярев, склонив голову у верстака, мысленно поклялся: все силы, всю свою жизнь отдать честному и беззаветному служению делу Ленина, делу рабочего класса.

Дегтярев по-своему переживал тяжелую утрату. Он ушел в работу, замкнулся, с утра и до позднего вечера сверлил, пилил, фрезеровал — старался тяжелым трудом заглушить боль души...

Однажды его пригласил к себе в кабинет Владимир Григорьевич Федоров и показал телеграмму из Москвы, которой Федоров и Дегтярев спешно вызывались к товарищу Фрунзе.

— Так как же быть? — растерянно спросил Дегтярев.

— Поезд через два часа, сделайте необходимые распоряжения по мастерской и идите собираться, я буду вас ждать на вокзале.

На другой день оба изобретателя сидели в кабинете Михаила Васильевича Фрунзе.

Робость, которую Дегтярев испытывал всю дорогу, исчезла при первых же словах наркома.

Михаил Васильевич с исключительной теплотой расспрашивал изобретателей об их работе, о планах на будущее, интересовался, в каких условиях они работают и живут.

Дегтярева удивило, что легендарный полководец Красной Армии до тонкости знает оружейное дело и говорит о многих новейших системах автоматического оружия так, словно сам является оружейником.

— Перед советскими оружейниками сейчас стоит задача создать оружие, которое бы превосходило известные заграничные системы,— сказал Михаил Васильевич.— Особенно нашей армии нужен хороший, легкий, простой и прочный ручной пулемет. Создание такого пулемета — дело неотложной важности, и я прошу вас об этом подумать.

Прощаясь, нарком пожелал изобретателям успеха и сказал, что им будет оказана любая помощь в работе.

— Прошу не забывать и о том,— сказал он,— что несовершенство многих заграничных систем автоматического оружия объясняется тем, что оно создавалось в спешке империалистической войны. Несомненно, что сейчас изобретатели Запада работают над усовершенствованием своих образцов. Я надеюсь, что оружие советских конструкторов превзойдет не только существующие иностранные образцы, но и то, которое ими будет сделано в ближайшие годы...

Беседа с Михаилом Васильевичем Фрунзе произвела на обоих изобретателей глубокое впечатление. Домой они возвращались воодушевленные, полные горячего стремления к творчеству.

Дегтярев был особенно рад тому, что Михаил Васильевич словно угадал мучившие его сомнения и прямо сказал: «Армии нужен хороший ручной пулемет».

Эти слова наркома Дегтярев воспринял как боевое задание.

По возвращении домой он развернул заброшенную, неоконченную модель и, тщательно осмотрев ее, отложил в сторону.

— Все буду делать снова!

РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА

Отложив первоначальную модель, Дегтярев, однако, не отказался от нее полностью, напротив, он твердо решил взять за основу системы принцип своего автоматического карабина, то есть неподвижный ствол с отводом пороховых газов, но внести ряд конструктивных изменений, которые бы позволили сделать модель более компактной.

Рассматривая образцы ручных пулеметов, появившихся в годы империалистической войны, он самым серьезным недостатком этих систем считал тяжелый вес. Английский «льюис» весил 14,5 килограмма, германский «максим» (переделанный из станкового) — 18,9 килограмма и самый легкий французский «шоша» — 9 килограммов.

«Надо добиться того, чтобы русский, советский пулемет был легче любого из иностранных, чтобы каждый боец мог носить его за плечами»,— размышлял Дегтярев.

Легкость системы была одним из самых главных требований, предъявляемых к будущему пулемету Михаилом Васильевичем Фрунзе.

А чтобы добиться легкости системы, следовало стремиться к наибольшей компактности коробки — центральной части всего механизма.

Задумавшись о компактности новой модели, Василий Алексеевич пришел к совершенно оригинальной мысли — заменить крышку плоской затворной рамой и на ней сделать скосы, разъединяющие боевые личинки. Рама должна была работать не от толкателя, а непосредственно от поршня.

Мысль о создании плоской затворной рамы так понравилась Василию Алексеевичу, что он, не раздумывая над тем, как расположатся все остальные детали, немедленно набросал приблизительную схему и, несмотря на поздний час, поспешил на завод.

В мастерской, кроме сторожа, никого не было. Василий Алексеевич разделся, отыскал подходящий кусок металла и, отбив зубилом приблизительные размеры, принялся за работу. Он был так упоен своим делом, что не заметил, как наступил рассвет. Лишь протяжный рев утреннего гудка, сзывающего рабочих, заставил его прервать работу.

Спрятав в стол кусок обструганного и рассверленного металла, он, довольный своими успехами, подошел к сторожу:

— Ну что ж, закурим, дедушка?

— Закурить закурим, а все же тебя, парень, похвалить нельзя.

— Почему это?.. Я ведь не в карты играл, а работал...

— Ишь какой ретивый нашелся, нешто для работы дня мало?..

— Может, и не мало, да ведь не всегда нужная мысль днем приходит...

— Рассказывай... Это только родить нельзя погодить, а тут и поутру бы можно...

— Не будем спорить, дедушка, на вот тебе табачку, да иди отдыхать. А о том, что я ночью работаю,— не рассказывай.

— Ладно уж, помолчу...— сказал дед и, понимающе подмигнув, пошел домой.

После беседы с Михаилом Васильевичем Фрунзе Дегтярев стал иногда и днем делать некоторые детали для пулемета в мастерской. Все же до поры, до времени никому не хотел открывать своего секрета.

Создавая затворную раму, он расположил на ней и все ответственные части механизма.

Создание плоской затворной рамы, движущейся по продольным пазам коробки, позволило Дегтяреву уменьшить высоту коробки снизу. Но изобретатель не остановился на этом. Чтобы достичь предельной легкости пулемета, он непременно хотел добиться уменьшения коробки и сверху. После долгих раздумий и поисков Дегтярев решил применить круглый дисковый магазин с находящимся на нем же приемником для патронов.

Когда коробка и движущаяся в ней затворная рама были готовы, Дегтярев решился показать свою модель Федорову.

Дождавшись, когда сотрудники мастерской разошлись по домам, Василий Алексеевич извлек из стола модель своего пулемета, поставил ее на верстак и пошел за Федоровым.

Модель эта была сделана без всяких чертежей, по весьма приблизительным расчетам, и Дегтярев едва ли решился бы ее показать кому-либо другому, но он был уверен, что Федоров и по этому черновому образцу сразу определит, стоит над ней работать или нет.

Так и вышло. Владимир Григорьевич, осмотрев модель, не мог скрыть своей радости.

— Василий Алексеевич, я должен вас поздравить с большой удачей. Ваша система задумана удивительно просто и надежно, на этой основе можно сделать именно такой пулемет, о котором говорил товарищ Фрунзе.— На лице Дегтярева появилась счастливая улыбка.— Но то, что я вижу теперь,—

это еще не модель. Немедленно переносите все работы в мастерскую. Вам будет помогать весь коллектив.

— Владимир Григорьевич, как же в мастерскую,— смущенно спросил Дегтярев,— ведь моя система не запланирована и на работы по ней не отпущено ни одной копейки?

— Это вас не должно беспокоить. Нам достаточно средств отпущено на мои образцы, и, делая вашу систему, мы не выбросим деньги на ветер...

И вот в конструкторском бюро под руководством самого Федорова по составленной им схеме началась спешная разработка чертежей и расчетов нового пулемета.

Как только первые рабочие чертежи были спущены в мастерскую, Дегтярев и его ближайшие помощники взялись за изготовление новой модели.

В процессе работы Дегтярев тщательно обдумывал и проверял все части пулемета вплоть до мельчайших деталей.

Была разработана быстрая смена ствола, достигнуто предельное использование пороховых газов на отбрасывание подвижных частей, что приводило к уменьшению колебания ствола при стрельбе. Кроме того, были сконструированы облегченные сошки — упор, которые создавали лучшую устойчивость пулемета и способствовали достижению большей кучности при стрельбе.

Самоотверженная работа всего коллектива мастерской и неутомимая деятельность самого Василия Алексеевича, делавшего и термически обрабатывавшего все ответственные детали собственноручно, позволили закончить первую модель осенью 1924 года.

В Москву была отправлена телеграмма, извещавшая об изготовлении нового образца ручного пулемета конструкции Дегтярева.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Позднней осенью Дегтярев со своим изобретением был вызван в Москву — пулемету предстояло пройти комиссионные испытания.

Его провожали все работники мастерской, от души желая успехов. Результаты предстоящих испытаний были для них далеко не безразличны, ибо каждый вложил свою лепту в изготовление этой машины.

Федоров, крепко пожимая руку Василию Алексеевичу, говорил:

— Главное, не волнуйтесь, помните, что излишнее волнение может вам помешать и плохо отразится на ходе испытаний. Если случатся задержки или заедания, устраняйте их так же хладнокровно, как вы это делали в Ораниенбауме.

— Как-то боязно, Владимир Григорьевич...

— Понимаю, такое чувство испытывают все изобретатели, особенно при первом испытании своего детища. Поверьте, когда испытывали мою винтовку в девятьсот седьмом, я волновался не меньше вас.

— Помню, Владимир Григорьевич, а все-таки...

— Ничего, ничего, будьте смелей!

Ящик с разобранным пулеметом кое-как внесли в купе и положили на пол.

Дегтярев и сопровождавшие его люди, орудуя руками, пробились туда же и, не найдя мест, примостились на ящике. Поезд был до отказа набит мешочниками, спекулянтами и какими-то подозрительными людьми, неизвестно куда и зачем едущими.

Товарищи Дегтярева, осмотревшись, стащили с полки заспанного нэпмана и предложили прилечь Василию Алексеевичу.

— Нет, нет, я не лягу,— запротестовал он,— я хорошо выспался дома, да и не так уже долго проедем.

С полки свесилась взлохмаченная голова.

— А позвольте полюбопытствовать, что за товар везете, может, переуступите мне.

Дегтярев вспыхнул... Но стрелок-испытатель Малинин приподнялся и, поднеся к самому носу любопытного огромный кулачище, прошептал:

— Я те покажу товар!

Этот жест произвел на обитателей купе должное впечатление: все притихли и, немного пошептавшись, уснули. Был уже поздний час, и товарищи Дегтярева тоже задремали, а Василий Алексеевич, посасывая трубочку, все думал о предстоящих испытаниях своего пулемета.

Больше всего его волновал затыльник и коробка, которые трескались еще при испытании на заводе. Правда, теперь коробка была сделана заново с некоторым утолщением, и все же он беспокоился. «Уж больно металл непрочный». А где было достать в те годы качественный металл? Страна только залечивала раны, нанесенные войной и разрухой, о чудесных металлургических заводах — Магнитогорском, Кузнецком, Электростали, построенных в первой пятилетке, тогда могли лишь мечтать.

«Ну, что будет — то будет,— думал Дегтярев,— за конструкцию не боюсь, а вот за прочность... как заставят дать выстрелов этак тысяч десять — пятнадцать...— не знаю...»

Но вот в окно заглянуло мутное дождливое утро. В купе зашевелились, начали собираться. Кондуктор, погасив и спрятав в карман свечку, сонным голосом оповестил:

— Подъезжаем к Москве!

— Ну как настроение, Василий Алексеевич? Вздремнули?— спросил стрелок-испытатель.

— Спасибо, чувствую себя хорошо.

— Этот буржуй насчет товару не приставал?

— Нет, не приставал...

— Ну и ладно!.. Давайте выходить.— Он взвалил на спину ящик и, крикнув: «Поберегись!» — направился к выходу...

Испытания были назначены в тот же день; Дегтярев с товарищами, наняв извозчика, отправился на полигон.

Погода не улучшалась: дождь то переставал, то начинался снова, небо было обложено густыми хмурыми тучами.

Пока добрались до полигона, порядочно вымокли и продрогли. Но тут, словно приветствуя новое изобретение, вдруг выглянуло солнце, подул легонький ветерок, и Дегтярев мигом повеселел.

Пулемет собрали и стали дожидаться комиссии. Скоро приехали старые знакомые Дегтярева — изобретатели Токарев и Колесников со своими пулеметами, тоже намеченными к испытанию, а за ними на полигон вышла группа военных.

— Комиссия! Комиссия! — пролетел шепот среди собравшихся.

Дегтярев сразу узнал среди членов комиссии Семена Михайловича Буденного. От сознания, что его пулемет будет испытывать сам товарищ Буденный, он ощутил большую радость и в то же время робел. Его томило какое-то нехорошее предчувствие...

— Занять места! — раздалась команда.

К Дегтяреву подошли военные и указали, куда нужно поставить пулемет.

Пулеметы Токарева и Колесникова установили по соседству.

— Что ж, давайте начинать! — сказал Семен Михайлович.

— Изготовиться к стрельбе! — раздалась команда.

Стрелок-испытатель поплевал на руки:

— Разрешите-ка, Василий Алексеевич.

— Нет, нет, я сам буду стрелять!

— Это уж как вам угодно, а только мне сподручней.

— Может, дальше вы, а пока я сам...— и Дегтярев, растянувшись на фанере, навел пулемет на белый лист мишени под самое яблоко.

— Огонь!— раздалась команда.

Пулеметы застрочили.

Командиры с секундомерами в руках вели счет количеству выстрелов.

Все пулеметы действовали хорошо.

Через некоторое время пулеметы поставили на охлаждение.

Семен Михайлович, наблюдавший за стрельбой Токарева, вместе с членами комиссии подошел к Дегтяреву.

Осмотрев пулемет, он потрогал коробку ствола:

— Э, да он почти не нагрелся... дайте-ка я постреляю.

— Пулемет совсем не пристрелян, Семен Михайлович,— сказал Дегтярев.

— Это ничего.

— Сменить мишени!

— Смени-ть ми-ше-ни! — раздалось над полигоном.

Семен Михайлович лег к пулемету и, тщательно прицелившись, дал очередь.

— Работает исправно, поглядим, какова меткость!

А уж от вала мчался красноармеец с мишенью.

— Ну-ка, ну-ка, покажите, что там? — и Семен Михайлович развернул лист мишени. Пули попали в самое яблоко и около него.

— А говорите, не пристрелян,— улыбнулся Семен Михайлович.— Для начала это очень хорошо... посмотрим, что будет дальше.

Испытания возобновились.

Дегтярев, приободренный отзывом Семена Михайловича, снова лег к пулемету, нажал спуск и почувствовал мелкую, волнующую дрожь в руках...

Стрельба шла славно. Стрелок-испытатель едва успевал менять диски. Но вдруг пулемет замер.

Дегтярев вскочил на колени и бросился разбирать его.

— Что, заело, Василий Алексеевич? — спросил стрелок-испытатель.

— Какое заело... сломался,— сокрушенно сказал Дегтярев.

— Так неужели нельзя починить?

— Сломался боек, о почине и думать нельзя.

Стрелок с досады злобно плюнул.

— Надо же такой беде приключиться.

— Что случилось у вас? — послышался голос Семена Михайловича.

Дегтярев поднялся и показал ему обломок.

— Сломался боек, Семен Михайлович.

— Жалко, начало было хорошим. Ну да вы не волнуйтесь, боек — пустая поломка. Поезжайте к себе, поработайте, а через некоторое время опять испытаем ваш пулемет. Желаю вам новых успехов! — и он крепко пожал руку изобретателя.

Дегтярев, подавленный случившимся, медленно уходил с полигона, а в ушах его звучал почти не прекращающийся треск пулеметов Токарева и Колесникова.

— Так что же, Василий Алексеевич, неужели мы сдадимся? — спросил стрелок-испытатель.

— Нет, будем работать. Меня подвела некачественная сталь... Обидно, конечно, но ничего. Мы еще повоюем!..

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Неудача с испытанием пулемета в Москве произвела на Дегтярева удручающее впечатление. Он рассматривал ее как провал всего дела, в которое вложил несколько лет упорного труда, лучшие мысли и надежды. Особенно тяжело было Дегтяреву от сознания, что над его системой работали не жалея сил все сотрудники мастерской и конструкторского бюро. Какими глазами он будет смотреть им в лицо?

Правда, в глубине души Дегтярев находил очень веские доводы в свою защиту — ведь пулемет сняли с испытаний не по причине его непригодности, а из-за поломки бойка, из-за поломки всего лишь одной детали. Но это мало успокаивало его. «Кто будет вникать в детали,— размышлял он,— забраковали, провалился, не оправдал надежд — вот как посмотрят многие... А пожалуй, найдутся и такие, которые посмеются, скажут: «Не лезь с суконным рылом в калашный ряд».

Дегтярев приехал домой рано утром и целый день просидел закрывшись, не решаясь идти на завод. А сидеть дома и думать о своей неудаче было еще тяжелее.

Уже поздно вечером кто-то постучал в дверь, и Дегтярев услышал внизу в кухне голос Федорова. Вот послышались его шаги по лестнице и наконец в комнате:

— Нехорошо, нехорошо прятаться, Василий Алексеевич, в мастерской люди не расходятся, ждут вас... Ну, здравствуйте, здравствуйте, с приездом.

— Спасибо, Владимир Григорьевич, только я и не рад, что приехал.

— Это еще что за настроение?.. Не узнаю вас, Василий Алексеевич.

— Чему же радоваться, забраковали мой пулемет.

— А мне звонили из Москвы, поздравляли с удачей, говорили, что ваш пулемет похвалил сам товарищ Буденный.

— Кто же вам звонил? — недоверчиво спросил Дегтярев.

— Звонили из Артиллерийского управления, есть указание отложить все работы и заняться вашим пулеметом, выделены специальные средства.

— Что вы говорите, Владимир Григорьевич? А я уж тут совсем приуныл.

— Да разве можно унывать из-за поломки бойка? Это же сущие пустяки. Помните, у меня в Ораниенбауме винтовка разорвалась при испытаниях, чуть руки не оторвало, а я и тогда не отказался от опытов.

— Да ведь и я не отказываюсь, Владимир Григорьевич, только стыдно как-то в мастерскую идти... мастера расспрашивать будут.

— Все давно уже знают и о поломке бойка, и о похвале товарища Буденного и рассматривают испытание пулемета не как поражение, а как победу.

— Неужели так, Владимир Григорьевич? — со слезами радости на глазах спросил Дегтярев.— Что же теперь делать?

— Я бы посоветовал вам не торопиться и сделать не боек, а новую модель всего пулемета, даже не одну, а две модели и тогда ехать на испытания. В случае отказа одной будем испытывать другую. Средства на эти работы уже отпущены.

— Если так, то я сейчас же иду на завод.

— Очень хорошо. Идемте вместе. Теперь создание вашего пулемета стало кровным делом всего коллектива.

Едва Дегтярев появился па пороге мастерской, как его тотчас же обступили рабочие, мастера, конструкторы, чертежники, стали успокаивать, поздравлять с успехом, уговаривать скорее браться за создание новой модели.

Дегтярев был растроган таким вниманием и заботой. Вытирая рукавом слезы радости, он горячо благодарил друзей, пожимал им руки, говорил:

— Будем работать, товарищи, и, я надеюсь, сделаем настоящий пулемет...

Как и предложил Федоров, стали изготовлять одновременно два образца. Один под наблюдением Федорова и Дегтярева

изготовляли сотрудники мастерской, другой делал Василий Алексеевич собственноручно.

Дегтяреву было трудно угнаться за несколькими опытными мастерами, но он непременно хотел одну модель сделать собственными руками.

Федоров пытался отговорить его, но Дегтярев ничего не хотел слушать.

— Владимир Григорьевич, вспомните, сколько моделей ваших винтовок я сделал вот этими руками, так неужели я не имею права собственную модель делать сам?

— Кто же говорит об этом, Василий Алексеевич? Просто жаль, что вы будете тратить время и силы на работу, которую могут выполнить ваши помощники.

— Они сделают части такими же, какие они есть, а я их сделаю лучше, я буду стараться в каждую деталь вносить усовершенствование.

— Тогда соглашаюсь и не буду вас беспокоить,— сказал Федоров.— Это очень правильное суждение. Припоминаю, вы и в мою винтовку внесли ряд небольших, но очень ценных улучшений.

— Ну что там, Владимир Григорьевич... Там я не имел права отклоняться от чертежей, а тут я сам себе хозяин. Захотелось — изменю деталь, а то и совсем выброшу, из двух сделаю одну. Тут я буду работать и на ходу думать, улучшать...

Дегтярев приступил к изготовлению своей модели на другой день. Надев просторную темную толстовку, он встал к верстаку и начал опять с затворной рамы — самой главной части пулемета. Работал он не спеша, тщательно отшлифовывая и измеряя каждую грань, каждую выемку в металле. Сделав деталь, внимательно осматривал ее, то приближая, то удаляя от глаз, потом брал лупу и старался определить качество металла: нет ли трещин или маленьких предательских каверн.

Некоторые детали Дегтярев вначале рисовал на кусочке бумажки, потом переносил рисунок на металл и начинал обработку.

Создавая деталь из металла, подобно тому как скульптор высекает из камня какую-нибудь часть будущей скульптуры, он менял ее форму, стремился к тому, чтобы деталь была легче, но в то же время обладала достаточным запасом прочности.

Изготовив несколько деталей, он соединял их вместе, проверяя их спаривание.

Поставив перед собой задачу добиться в новой модели наибольшей простоты в устройстве механизма и легкости его сборки и разборки, Дегтярев стремился к уменьшению числа частей и некоторые мелкие детали объединял в одну, в две.

Иногда он подходил к Шпагину или еще к кому-либо из слесарей и, показывая только что сделанные детали, советовался с ними. Он ощущал большую радость оттого, что теперь работал в коллективе и мог не только посоветоваться с любым из мастеров или конструкторов, но и получить от них любую помощь.

Каждый день к его верстаку подходил Федоров: осматривал готовые части, давал советы...

Однажды Владимир Григорьевич пришел и, прежде чем начать разговор о пулемете, строго сказал:

— Василий Алексеевич, на вас поступила жалоба.

— От кого это? — удивился Дегтярев.

— От вашей собственной жены,— рассмеялся Федоров,— говорит, от дому отбились, даже обедать не приходите...

— Это верно, Владимир Григорьевич, как возьмусь с утра за работу, так и не могу бросить. Все на обед идут, а я не могу оторваться. Пошел бы, конечно, кабы поближе... Время жалко.

— Так как же быть прикажете?

— Уж уладил, договорился с женой, чтоб обед сюда носила.

Но как ни старался Дегтярев, изготовление новой модели с многочисленными испытаниями, доделками и переделками продолжалось около двух лет. Лишь к осени 1926 года новый образец, сияющий стальными боками, был готов к комиссионным испытаниям.

Зато теперь Дегтярев не чувствовал прежней робости. Он был твердо уверен в своем пулемете.

Федоров не раз предупреждал его, чтобы он помнил слова Михаила Васильевича Фрунзе о том, что западные конструкторы не остановятся на моделях периода империалистической войны, они их будут совершенствовать, что между советскими конструкторами и конструкторами Запада непрерывно должен идти негласный поединок за лучшее вооружение своих армий боевой техникой.

Дегтярев ни на минуту не забывал об этом, он делал свой пулемет с учетом последних технических достижений, с учетом того, чтобы он мог вступить в соревнование с новейшими образцами автоматического оружия Европы и Америки и одержать в этом соревновании решительную победу.

Когда работа была близка к завершению, ему захотелось вступить в единоборство с конструкторами Запада уже не тайно, а явно — испытать качество своего изобретения на полигоне.

И скоро такой случай представился.

ВТОРОЕ ИСПЫТАНИЕ

Осенью 1926 года было получено предписание из Москвы — представить новую модель пулемета Дегтярева на полигонные испытания.

На этот раз к испытаниям подготовились более тщательно: Федоров, выезжавший в Москву вместе с Дегтяревым, приказал взять с собой наиболее ломкие запасные части: бойки, пружины и ящик с инструментами.

— Я больше вас верю в успех предстоящих испытаний,— сказал он Дегтяреву,— но предусмотрительность никогда не мешает...

Федоров еще до испытаний в Москве дал новой модели высокую оценку и прочил ей большое будущее.

— Необходимо отметить,— говорил он сотрудникам мастерской, спрашивавшим, выдержит ли новая модель испытания,— что в пулемете Дегтярева выполнена совершенно оригинальная конструкция механизма с применением всех новых идей, известных как в литературе, так и в последних образцах автоматического оружия.

В чем же преимущества дегтяревской системы?

— Прежде всего,— говорил Федоров,— малый вес, затем простота устройства и, наконец, хорошая кучность пуль.

Действительно, в отношении малого веса пулемета Дегтяреву удалось установить непревзойденный рекорд: его пулемет с сошками весил всего 8,5 килограмма, то есть был почти на 5 килограммов легче английского «льюиса» и чуть ли не вдвое легче немецкого ручного «максима».

Пулемет поражал простотой устройства и удобством в стрельбе.

Было в пулемете Дегтярева и еще одно, чрезвычайно важное достоинство, о котором знали все сотрудники мастерской: он при малом весе обладал удивительной прочностью механизма.

На заводских испытаниях пулемет без единой поломки отбил 10 тысяч выстрелов.

Однако как только Федоров и Дегтярев приехали в Москву, им объявили: новому образцу предстоит соревнование с серьезными «противниками».

На полигоне стояли готовый к испытаниям новый пулемет конструктора Токарева и последняя модель немецкого пулемета системы Драйзе, который должен был испытываться для сравнения. Как и в прошлые испытания, Дегтяреву указали отведенное для него место в одной линии с другими образцами, и он стал готовиться к «бою».

На этот раз Василий Алексеевич чувствовал себя совсем иначе. Он разговаривал с Федоровым, шутил со стрелками и, казалось, был полон уверенности в победе.

— А как же вы насчет «драйзе»? — спросил Федоров.— Ведь это не старый «максим».

— Побью! — решительно заявил Дегтярев.

Федоров никогда не видел в Дегтяреве такой решительности, это ему понравилось.

Члены комиссии осмотрели все пулеметы и приказали приготовиться к стрельбе.

Стрельба началась по команде из всех пулеметов одновременно и велась с маленькими перерывами для перезарядки и смены мишеней. Это был первый этап испытаний на кучность и рассеивание пуль. Он принес Дегтяреву большую радость. Его пулемет показал наибольшую кучность стрельбы.

Следующим этапом были испытания на живучесть.

К каждому пулемету поставили специальных наблюдателей и счетчиков. Они должны были подсчитывать количество задержек и регистрировать число выстрелов.

Из-за одновременной трескотни трех пулеметов невозможно было расслышать слова команды, и наблюдатели с членами комиссии больше обменивались жестами.

Дегтярев так увлекся стрельбой, что не заметил, как смолкли его соседи, и был остановлен наблюдателем, тоже не расслышавшим команду, лишь после того, как его пулемет сделал 580 выстрелов.

К нему подошли члены комиссии, осмотрели, потрогали пулемет.

— Пятьсот восемьдесят, говорите?

— Так точно, пятьсот восемьдесят! — доложил наблюдатель.

— Это же почти двойную норму отбухал без охлаждения,— удивился председатель комиссии.

— Любопытно проверить, сколько он простреляет без смазки?

— А смазка когда полагается? — спросил Дегтярев.

— После шестисот выстрелов.

Опять возобновилась стрельба.

Теперь члены комиссии стояли около Дегтярева, внимательно наблюдая за поведением его пулемета.

— Тысяча... тысяча двести... тысяча четыреста,— докладывал наблюдатель.

— Нагрелся?

— Не особенно, товарищ командир.

— Продолжайте стрельбу.

— Есть продолжать!..

Пулемет трещал и трещал, уж мишень была разорвана в клочья, а Дегтярев упрямо бил по щиту.

— Тысяча восемьсот... тысяча девятьсот... две тысячи,— докладывал наблюдатель.

Вот замолчал пулемет Токарева. Изобретатель склонился над ним, и вскоре пулемет опять заработал.

«А как же «драйзе»? — думал Дегтярев.— Ведь у него уже были две задержки, неужели он окажется лучше пулемета Токарева?»

— Две тысячи сто... две тысячи двести...

Дегтярев взглянул влево, ему послышалось, что дребезжащий стук «драйзе» вдруг оборвался. Сердце радостно застучало: «Неужели хваленый «драйзе» сдал?.. Так и есть, его исправляют...»

— Две тысячи триста... две тысячи триста пятьдесят...— кричит наблюдатель.

Вдруг Дегтярев слышит лишь голос своего пулемета. Он оглядывается в сторону Токарева: «И у него заело...» И опять бьет и бьет. Потом смотрит налево: около «драйзе» механик безнадежно машет рукой. Дегтярев трогает нагревшуюся коробку и опять продолжает стрельбу.

— Стоп, отставить! — раздается команда, и дюжие руки наблюдателя хватают его за плечи.

— Довольно!

— Сколько? — спрашивает председатель комиссии.

— Две тысячи шестьсот сорок шесть выстрелов,— доложил наблюдатель.

— Это великолепно! История пулеметного дела еще не знала таких рекордов. Поздравляю вас, товарищ Дегтярев, начало хорошее!..

И действительно, этот успех был лишь началом испытаний.

Дав пулеметам короткий отдых и исправив повреждение, их облили водой и вновь открыли из них огонь.

Пулеметы Дегтярева и Токарева работали исправно. «Драйзе» то и дело заедал и в конце концов был совершенно снят с испытаний.

Но вот сделали перерыв. Пулеметы поставили на смазку, вытряхнули пыльные мешки.

— Стрельба продолжается! — раздалась команда.

И снова Дегтярев и Токарев ударили по щитам...

Уже побиты все рекорды по живучести, но оба пулемета продолжают работать.

Наконец их снова искусственно засоряют. Пулемет Токарева на этот раз начинает сдавать. У него все чаще появляются задержки, а пулемет Дегтярева работает, несмотря на пыль и засорение.

Но вот председатель приказывает прекратить стрельбу. Федоров подходит к Дегтяреву и крепко, радостно трясет его руку.

— Василий Алексеевич, поздравляю вас! Победа, большая победа! Ваш пулемет сделал более двадцати тысяч выстрелов без единой поломки. Мне никогда не доводилось наблюдать такой стрельбы!..

ПОБЕДА РУССКОЙ МЫСЛИ

Успех пулемета Дегтярева на комиссионных испытаниях в Москве еще нельзя было считать окончательной победой конструктора.

По существующему положению пулемет должен был пройти полигонные и войсковые испытания. На полигонных испытаниях из пулемета стреляет не сам конструктор, хорошо знающий его капризы, а специальные стрелки-испытатели. Кроме того, там обычно испытывалась не одна, а несколько моделей одновременно.

Войсковые испытания оружия производились непосредственно в воинских частях самими стрелками в условиях, приближенных к фронтовым. С пулеметом делали перебежки, оставляли его под дождем, не чистили от пыли, брали водные и другие препятствия.

Все эти испытания неминуемо должно было пройти вооружение любого типа, прежде чем будет дан заказ на его массовое производство.

Пулемет Дегтярева блестяще выдержал все положенные испытания и в феврале 1927 года был принят на вооружение Красной Армии.

Перед Федоровым и Дегтяревым была поставлена задача организовать массовое производство пулеметов «ДП» («Дегтярев пехотный»).

Для успеха организации производства нового пулемета необходимо было изготовить приспособления, инструменты и калибры.

В период организации производства пулемета Дегтярева оба конструктора опять были втянуты в работу.

И дни и вечера Дегтярев проводил на заводе. Он был занят обучением рабочих изготовлению наиболее ответственных деталей.

Его можно было видеть то в одном, то в другом цехе: он становился к станкам, показывал, как легче обработать ту или иную деталь.

Он был счастлив, что теперь, при Советской власти, получил возможность не только изобретать, но и налаживать производство своего изобретения. Ему никто не может запретить усовершенствовать станки и механизмы, а это облегчит труд рабочих.

Он жил одними интересами с рабочими, мастерами, инженерами, чувствовал себя нужным на заводе, ощущал кровную связь с заводом и его коллективом.

Завод для него, как и для всех рабочих, стал родным, близким. Здесь они были равноправными хозяевами.

Прошло не более года, и войска получили новый пулемет марки «ДП».

Пулемет Дегтярева благодаря легкости, прочности, простоте устройства и безотказности в работе очень быстро завоевал признание в армии и сделался любимым оружием советских бойцов.

Негласный поединок, длившийся много лет между советскими конструкторами-оружейниками и конструкторами Запада, закончился победой русской технической мысли.

Пулемет Дегтярева оказался непревзойденным оружием, с ним не могли соперничать даже самые новые немецкие пулеметы.

НОВОЕ ЗАДАНИЕ

Прежде чем рассказать о новом задании правительства, скажем о том, что Дегтярев одновременно с изготовлением пулемета «ДП» работал над конкурсными образцами автоматических винтовок по системе своего карабина.

Несмотря на огромный опыт использования разных типов оружия во время империалистической и гражданской войн, вопрос, какому оружию отдать предпочтение, долгие годы не был разрешен.

Автоматические винтовки, которые к концу империалистической войны во многих государствах почти не использовались (их повсеместно заменяли ручными пулеметами), постепенно стали опять рассматриваться как массовое, а может быть, и главное оружие пехоты.

Главное артиллерийское управление еще в 1924 году объявило конкурс советских конструкторов на лучшую автоматическую винтовку под существующий патрон.

Конкурс заканчивался в январе 1926 года. Срок был жестким, и это удручало Дегтярева, так как он мог заниматься разработкой винтовки лишь в вечерние часы и воскресные дни.

«Ну что же,— решил Дегтярев,— мне к этому не привыкать, ведь сделал же я карабин во внеурочное время, а теперь условия работы совсем другие...»

Испытание винтовок было очень серьезным и продолжалось несколько дней. Дегтярев по сравнению с Федоровым и Токаревым добился наибольших успехов. Только его винтовка выдержала 10 тысяч выстрелов и была признана наиболее прочной.

В июне 1928 года состоялись новые испытания улучшенных образцов винтовок.

На этот раз победу одержал Токарев. Его винтовка показала лучшие результаты стрельбы и дала меньшее число задержек. Однако система с неподвижным стволом (винтовка Дегтярева) была признана наиболее надежной, и комиссия постановила заказать 500 экземпляров его винтовок для более широких войсковых испытаний.

* * *

Успех пулемета «ДП» в воинских частях рос с каждым месяцем. Увеличивалось и количество писем, которые получал Дегтярев от пехотинцев. Эти письма Василий Алексеевич читал с большим вниманием, так как в них, помимо теплых слов благодарности, было немало ценных советов и пожеланий, которые могли пригодиться для дальнейшего улучшения системы пулемета. Дегтярев привык к письмам пехотинцев и охотно на них отвечал. Но однажды он получил необычное письмо: его написали не пехотинцы, а летчики. Они просили при-

способить пехотный пулемет для авиации взамен устаревшего «льюиса».

Дегтярев пошел с этим письмом к Федорову.

— А я только что получил указание от директора завода срочно заняться переделкой «ДП» в авиационный пулемет,— сказал Федоров.— Полученное вами письмо как раз подтверждает срочную необходимость такой работы.

— Так как же быть, Владимир Григорьевич? — спросил Дегтярев.

— Я полагаю, что вначале нужно подробно ознакомиться с условиями предстоящей работы и с требованиями, которые теперь предъявляются к авиационному пулемету. Ведь с тех пор как вы разрабатывали для авиации мой автомат, прошло порядочно времени, появились новые самолеты...

— Выходит, что надо ехать на аэродром.

— Безусловно, надо начинать с этого. Пройдемте сейчас к директору завода, он нам поможет попасть на аэродром.

В тот же день они были на аэродроме. Василий Алексеевич, тщательно осмотрев кабины самолетов, убедился, что приспособление его пулемета для авиации потребует серьезной переделки.

Прежде всего следовало изменить его габариты: убрать приклад, широкий круглый диск и даже наствольный короб, так как приток свежего воздуха при полете будет хорошо охлаждать ствол.

Необходимо было разработать легкое и прочное устройство для крепления пулемета к турели самолета, кольцо для авиационного прицела, специальную мушку и другое.

Дегтярев тщательно измерил кабину самолета и определил, на какую площадь он может рассчитывать при разработке нового типа оружия.

Когда возвращались домой, директор говорил о все возрастающем значении военной авиации. Вооружение самолетов мощным оружием сейчас выдвигалось как первостепенная задача.

— Мы эту задачу выполним,— твердо сказал Дегтярев.

— Надо, чтобы это важное задание было выполнено срочно,— подчеркнул директор.

— Тогда поступим так,— сказал Федоров,— с сегодняшнего дня вы, Василий Алексеевич, будете освобождены от забот о винтовке и немедленно приступите к разработке авиационного пулемета.

— Хорошо, Владимир Григорьевич, у меня уже сейчас готовы главные предложения.

— Ну вот и отлично... Сделайте набросок схемки, обсудим его, и сразу за дело!..

В этой работе Дегтяреву чрезвычайно пригодился опыт, накопленный в результате разработки различных типов оружия по системе федоровского автомата. Особенно ценной была практическая работа по созданию одиночной, а также спаренной и строенной моделей авиационного пулемета из автоматов Федорова, которые делал Дегтярев в двадцатые годы.

Благодаря этому Дегтярев без особого труда разработал оригинальное и прочное крепление пулемета к турели, убрал приклад, заменив его двумя рукоятями: одна для удобства обращения была загнута вверх, другая вниз. Кожух снял, а на дульной части ствола укрепил флюгер-мушку.

Разработка и изготовление всех этих приспособлений проходили быстро, без всяких помех и задержек, но в изготовлении нового магазина Дегтярев столкнулся с серьезными трудностями.

Широкий круглый магазин для патронов решительно не годился. Создание прямоугольного магазина, где бы патроны разместились в два-три яруса, требовало сложных приспособлений для подачи патронов.

Применить пулеметную ленту в самолете не позволяли специфические условия стрельбы.

После долгих раздумий Дегтярев остановился на круглом диске, но решил почти вдвое уменьшить его диаметр, а патроны разместить в три яруса.

Был сделан пробный макет. Такой диск подходил по габаритам и имел еще одно важное преимущество: в нем размещалось не 49, а 65 патронов. Сложность состояла лишь в том, чтобы избежать заклинивания патронов при поступлении из магазина в приемник. Но и это затруднение удалось устранить. Магазин работал безотказно.

Испытания на заводе дали хорошие результаты, тогда Дегтярев вместе с директором завода отправился с пулеметом в авиационное подразделение. Пулемет установили на турели самолета, и в присутствии летчиков дали очередь. Гильзы со звоном посыпались в кабину.

Летчики с недоумением переглянулись. Гильзы могли попасть в механизм управления, а это при полете грозило катастрофой.

Дегтярев, заметив их взгляды, сказал:

— Не беспокойтесь, мы гильзы упрячем в мешок, нам важно сейчас определить лишь, как работает пулемет, подошел ли

он по размеру, а о гильзах не беспокойтесь, завтра же будет мешок.

Пулемет был горячо одобрен летчиками. Они от души поздравляли конструктора и, прощаясь с ним, просили не забыть о мешке — без него невозможно!..

Вернувшись на завод, Дегтярев попросил Федорова помочь сделать чертеж мешка.

Мешок сшили, снабдили у горловины металлической рамкой и прикрепили к пулемету. Попробовали в стрельбе. И вот тут-то выяснились непредвиденные трудности. При стрельбе гильзы застревали в горловине мешка, и, чтобы продолжать стрельбу, мешок то и дело приходилось встряхивать.

— Давайте сделаем жесткий каркас,— предложил Дегтярев.

Федоров согласился.

На другой день, вставив в мешок проволочный каркас, снова отправились на стрельбище.

Дегтярев сам подошел к станку, где был укреплен пулемет, и дал короткую очередь.

Гильзы, звеня, полетели в мешок и упали на самое дно.

— Хорошо пока идет,— улыбнулся Дегтярев.

— А вы попробуйте длинную очередь,— посоветовал Федоров.

Дегтярев нажал на спусковой крючок и вдруг почувствовал, что гильзы, перемешавшись, стали дыбом и забили горловину мешка.

— Надо придать каркасу форму воображаемой линии полета гильз,— сказал Федоров.

Каркас согнули в дугу, но гильзы по-прежнему застревали. Пробовали мешку придавать десятки различных изгибов. Пробыли на стрельбище до позднего вечера и ничего не добились.

На другой, на третий и на четвертый день продолжались те же безуспешные эксперименты. Шили мешки бо́льшего размера и все-таки не добились желаемых результатов — гильзы продолжали застревать.

Было обидно, что пулемет, так горячо одобренный летчиками и показавший прекрасные боевые качества, нельзя было применить в авиации из-за какого-то мешка.

Дегтярев приходил с завода хмурый, расстроенный, за обедом молчал, поглощенный своими думами.

— Папа, пойдем сегодня в кино,— пригласили как-то сыновья,— немножко рассеешься, отдохнешь.

— Ну что же, пожалуй, схожу,— согласился он,— хотя и не до кино мне.

Перед картиной показывали спортивный журнал: соревнования конькобежцев и лыжников.

Дегтярев, любивший спорт, с удовольствием смотрел журнал. Вдруг его внимание привлекли медленно идущие лыжники, так медленно и плавно, что можно было проследить каждое движение. Дегтярев прочел надпись: «Тайна хода мастеров лыжного спорта».

— Как это достигнуто? — шепотом спросил он у сыновей.

— Ускоренной съемкой.

— Может, так и гильзы можно заснять?

— Очевидно, можно...

— Ну вот что, ребята, вы тут смотрите, а я пойду домой, мысль мне одна явилась... Уж вы не сердитесь, как-нибудь еще схожу с вами...— И он, согнувшись, чтобы никому не помешать, вышел из зала и быстро направился домой.

В ту же ночь ему удалось дозвониться до Москвы и вызвать кинооператора.

Заснятая ускоренной съемкой, работа пулемета через несколько дней была показана на экране. Это помогло открыть тайну полета гильз и придать мешку необходимый изгиб.

2 марта 1928 года авиационный пулемет Дегтярева был принят к серийному производству и заменил в советских самолетах слабые в боевом отношении английские пулеметы Льюиса.

ТАНКИ ВООРУЖАЮТСЯ ПУЛЕМЕТОМ ДЕГТЯРЕВА

Вскоре после принятия «ДА» («Дегтярев авиационный») конструкторское бюро, где Василий Алексеевич был теперь главным конструктором, получило задание — создать по системе «ДП» танковый пулемет, необходимый для вооружения советских танков.

Дегтяреву шел пятидесятый год, но он был бодр и неутомим в работе.

Однако начальник конструкторского бюро Федоров, получив новое задание, задумался. Дегтярев был занят срочной и важной работой — он готовил образцы автоматических винтовок для третьего конкурса: новое задание могло повлиять на успех этих работ.

У него явилась мысль поручить разработку нового типа оружия талантливому молодому конструктору Шпагину, так хорошо в свое время разработавшему танковый пулемет по системе Федорова и сделавшему шаровую установку. Но Федоров не знал, как отнесется к этому Дегтярев. Согласится ли он доверить свою систему другому изобретателю с тем, чтобы тот разрабатывал для нее приспособления?..

«Думаю, что согласится,— размышлял Федоров.— Да нет, тут не может быть никаких сомнений. Вся жизнь Василия Алексеевича подтверждает это, интересы государства для него превыше всего!..»

Новое задание Василий Алексеевич, как всегда, принял с радостью.

— Я с большой охотой возьмусь за это дело,— сказал он Федорову,— только не знаю, как быть с винтовкой.

— Я думал об этом, Василий Алексеевич. Мне кажется, довести винтовку до совершенства труднее, чем переделать один тип пулемета в другой. Вы это сами отлично знаете по опыту унификации моего автомата.

— Это правильно, Владимир Григорьевич,— согласился Дегтярев,— а вы помните, как тогда приспособил для танка ваш автомат Шпагин?

— Очень хорошо, я бы сказал, талантливо.

— Так почему бы ему не поручить работу с моим пулеметом?

Федоров просиял. Он не ожидал, что Дегтярев сам примет такое решение...

Дегтярев без колебаний передал в руки другого конструктора свое изобретение, принесшее ему большую славу, предоставив тому право на основе своей системы создавать новый тип оружия.

Дегтярева совсем не волновал вопрос личной славы, он думал лишь о том, чтобы сделать для армии новый тип оружия без ущерба для другой работы и как можно быстрее. А кто сделает этот пулемет, кто получит благодарность — он, Шпагин или кто другой — это было для него делом второстепенным. Он был уверен, что Шпагин не подведет, и Шпагин блестяще оправдал надежду Дегтярева.

Новый пулемет был доставлен на танкодром, установлен в танке, и из него произвели по различным целям около 50 тысяч выстрелов.

«ДТ» («Дегтярев танковый») проявил себя с лучшей стороны и на официальных испытаниях и в том же 1929 году был принят на вооружение Красной Армии.

ОТВЕТ НА НУЖДЫ АРМИИ

До изобретения своего знаменитого ручного пулемета Василий Алексеевич, в силу природной скромности, стеснялся и не решался браться за самостоятельную работу по конструированию ряда образцов вооружения, хотя и чувствовал, что эта работа ему по плечу.

Огромный успех в армии созданного им пулемета «ДП» заставил Дегтярева окончательно увериться в своих силах и способностях, придал смелость его замыслам. С этого момента начался бурный подъем его творческой деятельности. Новые типы оружия, разрабатываемые Дегтяревым и его ближайшими сотрудниками, создавались один за другим.

«Дегтярев пехотный», «Дегтярев авиационный», «Дегтярев танковый» и многие образцы автоматических винтовок не исчерпывают списка его изобретений этих лет.

Василий Алексеевич обладал ценнейшим качеством — он никогда не успокаивался на достигнутом, неустанно улучшал сделанное, стремясь добиться еще большего совершенства в своих системах.

Ведя обширную переписку с бойцами, командирами и политработниками армии, он получал много ценных замечаний по своим образцам, но, не удовлетворяясь этим, сам бывал в воинских частях и на маневрах, чтобы собственными глазами увидеть достоинства и недостатки созданного им оружия. Иногда ему как конструктору удавалось увидеть то, что было незаметно для стрелков. В другой раз, наоборот, рядовой красноармеец ему указывал на недочеты, которых не мог заметить ни он, ни другие работники конструкторского бюро.

Строгая самокритичность, стремление довести до совершенства каждую систему заставляли Дегтярева все время работать уже над одобренными и принятыми на вооружение образцами.

Создав в 1928 году лучший в мире авиационный пулемет, он решил, что это оружие можно еще улучшить, и стал работать над его усовершенствованием. Он поставил перед собой задачу увеличить боеспособность пулемета и справился с ней удачно. В 1930 году на вооружение Советского Военно-Воздушного Флота была принята разработанная им спаренная система авиационных пулеметов с учащенным темпом стрельбы.

В эти же годы по системе Дегтярева разрабатываются зенитные орудия калибром 25—40 миллиметров...

Неустанно думая о нуждах армии и отдавая все свои силы и способности укреплению ее боевой мощи, Дегтярев болез-

ненно переживал жалобы бойцов и командиров на тот или иной тип оружия.

Однажды, вернувшись из воинской части, он сказал Федорову:

— Владимир Григорьевич, бойцы жалуются на «максима», говорят, устарел он и страшно тяжел, мешает быстрому маневру.

— Наш, русский «максим» значительно лучше английского, но все же бойцы правы.

— Я им сказал, что постараюсь сделать советский станковый пулемет по системе ручного.

— Это правильная мысль. Я буду горячо поддерживать ваше начинание, такой пулемет крайне нужен армии...

Разговор этот происходил в начале 1929 года, когда Дегтярев работал над автоматической винтовкой и спаренной установкой авиационных пулеметов, когда по его системе и под его наблюдением разрабатывался танковый пулемет и зенитные орудия.

И все же, считая работу важной и неотложной, Дегтярев решил приступить к ней немедленно.

Дегтярев понимал, что потрудиться придется много, что новые требования повлекут за собой существенную переделку всей системы, но не боялся этого. В создании станкового пулемета были и заманчивые стороны. Во-первых, прочный станок позволял достичь еще большей кучности. А увеличение веса пулемета делало детали более массивными и тем самым усиливало прочность и надежность всей конструкции; но самое главное, Дегтярев мечтал повысить практическую скорострельность и боеспособность нового пулемета.

Работа над пулеметом началась в начале 1929 года и первое время шла довольно быстро, хотя Дегтярев должен был беспрестанно отвлекаться от нее, чтобы дорабатывать другие системы.

К лету, когда был сделан и испытан первый опытный образец «ДС» («Дегтярев станковый»), выяснилось, что система ненадежна и над ней предстоит еще много работать.

Пулемет при стрельбе сильно перегревался, и, чтобы вести наблюдения за работой механизма, на него то и дело приходилось лить холодную воду. Особенно сильно нагревался патронник, и это внушало опасение, что патроны взорвутся и в результате пулемет будет разрушен.

Был обнаружен и еще один серьезный дефект. Пружина, расположенная в подствольной части, тоже при стрельбе на-

гревалась и теряла свою упругость — пулемет переставал работать.

Шпагин, принимавший живое участие в изготовлении опытного образца, предложил перенести пружину из-под ствола в заднюю часть.

— Я тоже думал над этим,— сказал Василий Алексеевич.— Хоть и велика работа, но, должно быть, без нее не обойтись.

Федоров тоже настаивал на переносе пружины. Поразмыслив, Дегтярев решил, что другого выхода нет, и взялся за переделку механизма...

В конце лета Дегтярева пригласили на большие маневры Красной Армии. Для него это было радостным событием, так как предстояло увидеть изобретенное им оружие в обстановке, приближенной к боевой, услышать ценные советы бойцов и командиров...

После маневров Дегтярев был приглашен к наркому обороны.

Нарком, поздравив конструктора с успехами в разработке ручного, авиационного и танкового пулеметов, попросил рассказать о своей работе и планах на будущее.

В этой беседе народный комиссар отметил все возрастающее значение для обороны страны авиации и танков и указал на необходимость создания крупнокалиберного пулемета.

Дегтярев задумался. Он воспринял слова наркома как боевое задание...

Это дело ему представлялось еще более сложным, чем создание «ДС». Тут нужно было почти вдвое увеличить калибр оружия, от этого должно возрасти давление пороховых газов; следовательно, нельзя было механически увеличивать детали конструкции. Требовались новые технические расчеты.

Приехав домой, он рассказал о полученном задании Федорову и поделился с ним своими мыслями.

— Да,— сказал Федоров,— это дело серьезное. Я предлагаю разработку нового пулемета поставить на строго техническую основу — разработать схему проектирования, сделать точные расчеты, составить рабочие чертежи — и лишь тогда приступать к изготовлению модели.

— Правильно,— согласился Дегтярев,— надо составить расчеты и разработать чертежи, беря за основу «ДП», но я очень прошу...

— Понимаю вас, Василий Алексеевич, я никому не передоверю этого дела. Все работы по расчетам и проектированию будут вестись под моим руководством, при вашем ближайшем участии...

В январе 1930 года, когда работы по крупнокалиберному пулемету шли полным ходом, Дегтярева неожиданно пригласили в партийный комитет.

«Зачем это они меня? — думал он по дороге в партком.— Может, опять выступить где-нибудь?.. Если выступать — откажусь... это для меня хуже наказания...»

— А, Василий Алексеевич, садитесь, садитесь,— приветствовал его секретарь парткома.— Мы вас вот почему побеспокоили: руководство завода, рабочие, инженерно-технические работники — вообще весь наш коллектив решил торжественно отметить ваше пятидесятилетие.

— Что вы, зачем... я этого не заслужил, да и вообще не надо...

— Нет, нет, Василий Алексеевич, это решено, ваше чествование — большой праздник для всего коллектива. Приглашаю вас завтра в клуб в семь часов вечера.

— Опять мне надо говорить?

— Неплохо бы рассказать о своем жизненном пути — это пример для всех нас, особенно для молодежи.

— Я, право, не знаю,— смутился Дегтярев.

— Не беспокойтесь и не волнуйтесь, все будет хорошо, я за вами заеду.

...Василий Алексеевич сидел в президиуме и чувствовал себя очень неловко.

Когда ему дали слово, он прослезился и, не выходя на трибуну, сказал:

— Все знают, я говорить не умею. Я только и хочу сказать, что мою работу, мой труд оценило Советское правительство и партия большевиков. Они меня поставили на ноги, они дали мне возможность работать и изобретать. За это им душевное спасибо.

А образцы, о которых тут говорили, я не смог бы сделать, если бы мне не помогали все сотрудники нашего бюро и мастерской, от рядового рабочего до руководителя, моего учителя Владимира Григорьевича Федорова. Всем им большое спасибо.

Его слова заглушили аплодисменты. Под их оглушительный гром на сцену неслышно въехал легковой автомобиль и остановился у стола президиума.

— Товарищи! — громко заговорил секретарь парткома.— Этот автомобиль — подарок нашему дорогому Василию Алексеевичу от народного комиссара обороны.

«ДШК»

До разработки крупнокалиберного пулемета, несмотря на существование конструкторского бюро, где имелись хорошие конструкторы, расчетчики и чертежники, Василий Алексеевич редко обращался к их помощи, стремясь сам сделать задуманное им оружие.

После всестороннего обдумывания своей системы в целом, то есть в смысле автоматики, он тщательно продумывал важнейшие узлы: запирания, ударного механизма, подачу патронов.

Затем он приступил к изготовлению макета, или модели образца. Работа начиналась обычно с самого важного — узла запирания.

Излюбленным приемом Василия Алексеевича в начале работ было составление простой схемы этой части с нанесением главных размеров. Затем при помощи штангенциркуля, зубила и молотка он переносил размеры на заготовленный брусок и, став к станку, начинал работу.

Так же делались и другие узлы. Создав главные части механизма, было уже легче компоновать последующие, составляя отдельные схемки и производя разметку.

Потом приходилось заниматься отладкой всего механизма, затем вести испытания стрельбой, при которой многие детали ломались, что подчас влекло за собой существенную переделку всей системы.

Этот полукустарный метод проектирования, когда схема и чертежи на всю машину составлялись лишь после изготовления ее главного механизма, резко осуждался Федоровым, но Василию Алексеевичу, в силу старой привычки, было трудно от него отказаться.

Предварительное составление рабочих чертежей до изготовления опытных образцов было впервые применено при разработке крупнокалиберного пулемета. Пулемет разрабатывался под патрон калибра 12,7 миллиметра вместо существующего патрона калибра 7,62 миллиметра, под который был сделан «ДП».

Теперь основная тяжесть работ по проектированию новых образцов должна была лечь на весь коллектив конструкторского бюро, и, главным образом, на конструкторов-чертежников, которые сделались ближайшими помощниками Дегтярева.

По его указаниям и наброскам, а также и на основе «ДП» они взялись за составление чертежей.

По этим чертежам коллектив мастерской изготовил опытный образец нового пулемета, избавив Василия Алексеевича от тяжелого и длительного труда.

Разработка крупнокалиберного пулемета положила начало в конструкторском бюро новому, коллективному методу проектирования под руководством Дегтярева.

Этот метод сулил огромные преимущества, так как по нему к разработке образца привлекались различные специалисты, в совершенстве знающие свое дело, а разработка и изготовление образца производились намного быстрее.

Когда первый образец крупнокалиберного пулемета Дегтярева был собран, начались испытания его стрельбой. Они показали непрочность многих его деталей, даже отдельных частей, которые при стрельбе давали трещины и даже ломались. В этом меньше всего были виноваты специалисты, делавшие расчеты. Причина была в плохом качестве металла.

Василию Алексеевичу приходилось на ходу вносить конструктивные изменения в модели, делать новые, более прочные детали, заменять целые части. Но неудачи продолжали преследовать его. Ему особенно хотелось в эти дни поговорить с Федоровым, но Владимир Григорьевич был отозван в Москву на научную работу.

Некоторые мастера — свидетели многих неудач с испытаниями крупнокалиберного пулемета — начали сомневаться в достоинствах создаваемой системы. Но Василий Алексеевич ни на минуту не терял веры в окончательную победу. Да теперь и трудно было ему обмануться: многолетний опыт по разработке многочисленных образцов оружия убеждал его в том, что работы ведутся правильно.

Он предложил сделать еще одну модель крупнокалиберного пулемета и внес в нее конструктивные изменения с учетом обнаруженных недостатков.

Когда новая модель была доставлена на стрельбище, Василий Алексеевич пригласил туда не только конструкторов, но и мастеров, которые трудились над ее созданием.

Он обратился к ним с просьбой критиковать новый образец со всей суровостью, подмечать его малейшие недостатки и высказывать свои пожелания и советы.

Новая модель оказалась лучше прежней, но работала она неровно, с заеданиями, не было уверенности в том, что она окажется достаточно прочной, чтобы выдержать несколько десятков тысяч выстрелов.

Как-то во время стрельбы к Василию Алексеевичу подошел Шпагин и, отозвав его в сторонку, сказал:

— Василий Алексеевич, у меня есть предложение по улучшению живучести и боеспособности пулемета.

— Так чего же ты молчишь? — удивился Василий Алексеевич.

— Да, может, вы и сами об этом не раз думали, только я предлагаю сделать вот так,— и Шпагин начал излагать свои соображения.

— Дельно, дельно... очень дельно,— говорил Василий Алексеевич.— Я думал об этом, но думал по-другому. Твое предложение проще... и, думаю, лучше. Так вот что, Семеныч, давай-ка, брат, будем вдвоем доделывать этот пулемет.

Длительное время Дегтярев и его ученик Георгий Шпагин работали в тесном сотрудничестве, и это дало хорошие плоды. Крупнокалиберный пулемет был закончен и представлен в Москву в 1938 году. Его испытывали в присутствии наркома обороны. Пулемет отлично выдержал испытания и был принят на вооружение.

Скоро на нем как символ творческого содружества двух советских конструкторов стояли три буквы «ДШК» («Дегтярев — Шпагин крупнокалиберный»).

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ТРУДА

Несмотря на мягкий характер, редкое радушие к людям, любовь к животным и птицам, Василий Алексеевич был человеком непреклонной воли и каждое начатое дело доводил до конца. Его не могли смутить или испугать неудачи.

Неудачи скорее вдохновляли его, нежели расхолаживали. Чем больше было препятствий, тем настойчивее стремился он завершить начатое дело.

Приступив к работе над пулеметом «ДС» в 1929 году, он не прекращал этой работы даже в самые напряженные месяцы разработки «ДШК». Если не хватало дня, он работал ночью, но никогда не забывал о «ДС», как мать, лелея одного ребенка, никогда не забывает о другом.

Он работал над «ДС» не из упрямства, не ради спортивного интереса — им руководило и его влекло на трудовой подвиг высокое чувство долга перед Родиной.

Работая вместе со Шпагиным над «ДШК», Василий Алексеевич нередко обсуждал с ним и капризы механизма «ДС». Хотя Василий Алексеевич был тончайшим знатоком оружия и оружейной автоматики, все же он внимательно прислуши-

вался к замечаниям сотрудников мастерской, особенно Шпагина, работавшего с ним рука об руку.

Бывало, внесет в модель новые изменения и скажет:

— А ну-ка, Семеныч, взгляни теперь, каково... Говорят, со стороны-то виднее!..

Однажды Шпагин посоветовал ему вместо дискового магазина сконструировать ленточный приемник для патронов и даже сделал набросок схемы.

Василий Алексеевич задумался. Ленточный приемник не был новостью, он применялся в пулемете «максим» и в других системах, но там устройство по подаче патронов было громоздкое и сильно утяжеляло пулемет. Шпагин предлагал это сделать экономнее и проще.

— Давай, Семеныч, сделаем образчик, испытаем. Если окажется лучше, заменим дисковый магазин лентой.

По наброску Шпагина один из конструкторов разработал схему ленточного приемника, который был быстро изготовлен и при испытаниях показал хорошие результаты.

Применение ленточного приемника натолкнуло Василия Алексеевича на мысль об изменении некоторых деталей.

Итак, постепенно совершенствуя часть за частью, деталь за деталью, он проработал над станковым пулеметом десять лет, больше, чем над «ДШК».

Но Дегтярев знал, что хорошие изобретения не создаются мгновенно. Мосин проработал над своей винтовкой тоже десять лет. Десять же лет затратили они с Федоровым на создание автоматической винтовки. А конструктор Ф. В. Токарев трудился над своей автоматической винтовкой больше двадцати лет.

Обидно, когда многолетний труд не приносит желаемых результатов. Но Дегтярев был счастлив тем, что его упорные старания не пропали даром: в 1939 году его станковый пулемет приняли на вооружение Красной Армии.

СОЗДАНИЕ АВТОМАТА

Международная обстановка с каждым днем становилась напряженнее. В Европе уже вспыхнуло пламя новой мировой войны.

Советские оружейники понимали, что огонь войны, раздуваемый фашистами, может быть в любое время перенесен с Запада на Восток.

Они старательно изучали опыт войны на Западе и прилагали все усилия к тому, чтобы вооружить Красную Армию новейшим оружием.

Дегтяреву было хорошо известно, что фашистские войска широко применяют ружья-пулеметы облегченного типа, называемые пистолетами-пулеметами, или автоматами.

Для него этот тип оружия не являлся новинкой, так как в России малокалиберный автомат был создан еще 23 года назад. Это был автомат Федорова, сделанный руками Дегтярева в 1916 году.

За два десятилетия, прошедших с тех пор, оружейная техника сделала большой шаг вперед, и, чтобы идти в ногу с пей, следовало автомат делать заново.

Располагая большим опытом и знаниями в этом деле, Дегтярев все же, прежде чем взяться за создание нового автомата, тщательно изучил известные образцы последнего времени и учел требования, выявленные войной на Западе.

Он решил разработать новый образец по тому же излюбленному им и испытанному на многих системах принципу неподвижного ствола с отводом пороховых газов, но сделать его не под винтовочный, а под пистолетный патрон.

Так как пистолетный патрон создает меньшее давление пороховых газов в сравнении с винтовочным, Дегтярев поручил специалистам бюро сделать новые расчеты прочности, которые бы позволили добиться предельной легкости автомата.

Разработка образца автомата, как и «ДШК», велась в плановом порядке с привлечением конструкторов, расчетчиков, чертежников, слесарей и станочников под руководством самого Василия Алексеевича. Это позволило все работы закончить в предельно короткий срок. К концу 1939 года, когда разразилась война с белофиннами, новый образец советского автомата «ППД» (пистолет-пулемет Дегтярева) был готов.

* * *

В конце декабря, когда стояли особенно лютые морозы, Дегтярева неожиданно вызвали в Москву. Он собрался и выехал немедленно. «Раз вызывают, значит, что-то срочное,— думал Дегтярев,— ведь на Карельском перешейке идут жестокие бои...»

Одно смущало, почему вызывают его в Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского, да еще на совместное заседание кафедры стрелкового оружия и ученого совета...

Может быть, ученые нашли недостатки в его новом образце и теперь будут их обсуждать на заседании кафедры в его присутствии? Но ведь об этом можно было бы сказать и так... Нет, тут, очевидно, что-то другое...

Но вот машина подъехала к зданию академии; Василий Алексеевич, быстро раздевшись, поспешил в зал.

— Здравствуйте, здравствуйте, Василий Алексеевич,— приветствовал его старый знакомый, профессор Анатолий Аркадьевич Благонравов.— Пойдемте, пожалуйста, мы вас ждем.

— Я, собственно, и не знаю, зачем меня вызывали.

— Как, разве вам не сообщили причину вашего приглашения? Кафедра стрелкового вооружения академии возбудила ходатайство перед ученым советом о присуждении вам ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации.

— Что вы, что вы, Анатолий Аркадьевич! — взволнованно заговорил Дегтярев.— Тут какое-то недоразумение. Я человек неученый, даже совсем неученый, как же можно мне присваивать столь высокое ученое звание?

— Чтобы ответить на этот вопрос, разрешите вас пригласить вот в тот зал,— указал профессор и взял Дегтярева под руку.

Огромный зал, куда они вошли, был обставлен красивыми витринами и стендами из полированного дуба, где были выставлены различные образцы автоматического оружия.

— Узнаете, Василий Алексеевич, эти системы? — спросил Благонравов.

— Как же не узнать, Анатолий Аркадьевич, собственными руками делал.

— Вот, вот, вы очень хорошо сказали: все это оружие сконструировано и сделано вами, вашими золотыми руками. Вы сделали больше того, что в состоянии сделать простой ученый. Вы свои замыслы, достойные большого ученого, воплотили в металл. Многие образцы созданного вами оружия доселе не имеют себе равных. По ним учатся слушатели нашей академии, молодые конструкторы и курсанты ряда других учебных заведений. Вот почему кафедра стрелкового оружия и подняла вопрос о присуждении вам ученой степени доктора технических наук.

Дегтярев не знал, что сказать профессору, и потому молча последовал за ним.

Собравшиеся в зале заседаний ученые дружными аплодисментами приветствовали смущенного конструктора.

Председатель зачитал представление кафедры, и опять раздались аплодисменты.

— А теперь разрешите огласить отзыв о работах Василия Алексеевича Дегтярева, представленный старейшим оружейным конструктором и ученым Владимиром Григорьевичем Федоровым.

Василий Алексеевич прислушался.

— «Нет ни одной отрасли, ни одной разновидности стрелкового вооружения, к которой не приложил бы Василий Алексеевич своего таланта и своих дарований,— читал председатель. И чем дольше он читал, тем тише, торжественнее становилось в зале.— Во всей истории ручного огнестрельного оружия нет ни одного оружейного конструктора, ни одного оружейного изобретателя, многогранная талантливость которого дала бы столько разнообразных образцов, как это было выполнено Василием Алексеевичем. Работы Дегтярева,— звучал четкий голос председателя,— являются в этом отношении непревзойденными. Не превзойденными нигде и никогда!»

В зале раздались громкие аплодисменты.

— «Характерными качествами образцов, разработанных Василием Алексеевичем,— продолжал председатель, выждав тишину,— являются: простота устройства, прочность деталей, надежность и безотказность действия механизма, простота сборки и разборки и малый вес системы.

Колоссальной выгодой является и то обстоятельство, что все эти образцы имеют одинаковый принцип устройства, что значительно упрощает обучение бойцов Красной Армии.

Для создания этих образцов, помимо исключительных дарований и талантливости, необходимы были фундаментальные знания основ устройства автоматического оружия, знания условий службы и общих требований, предъявляемых в настоящее время к разнообразным типам вооружения от пистолета-пулемета и автоматической винтовки до зенитного орудия, а также знания работы отдельных механизмов и агрегатов их конструкций. Всеми этими знаниями, безусловно, располагает наш замечательный конструктор.

На основании всего изложенного необходимо признать,— подчеркнуто громко продолжал председатель,— что конструктор Василий Алексеевич Дегтярев, согласно пункту четырнадцатому Положения об ученых степенях и званиях, безусловно, заслуживает присуждения ему степени доктора технических наук без защиты диссертации».

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты были единодушным выражением воли ученых.

К Василию Алексеевичу подошел профессор Благонравов и, крепко пожав его руку, сказал:

— Поздравляю вас, Василий Алексеевич. Отныне вы доктор технических наук. Своим многолетним творческим трудом вы заслужили это почетное и высокое звание.

ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

Испытания «ППД» выявили ряд мелких недостатков, которые следовало устранить немедленно — автомат ждали воины, сражающиеся с белофиннами. Дегтярев, вернувшись из Москвы, работал не покладая рук. Даже новый, 1940 год не удалось отметить как следует. Зато 3 января, когда срочная работа была закончена, Василий Алексеевич решил немного отдохнуть. В этот день ему исполнилось 60 лет.

Но привычка всесильна! И в этот день он встал, как всегда, рано, облачился по случаю праздника в новую гимнастерку и вышел в столовую.

Стол был накрыт по-праздничному. Василий Алексеевич включил радио и сел завтракать. Вдруг четкий голос диктора заставил его насторожиться.

«Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении конструктора Дегтярева...»

Услышав фамилию мужа, Вера Васильевна поспешила в столовую:

— Вася, да это никак про тебя?..

Василий Алексеевич, сделав ей знак рукой, придвинулся к репродуктору.

«За выдающиеся заслуги в деле изобретения и конструирования новых, особо важных образцов вооружения Красной Армии,— читал диктор,— присвоить товарищу Василию Алексеевичу Дегтяреву звание Героя Социалистического Труда с вручением высшей награды СССР ордена Ленина и выдать денежную премию в размере пятидесяти тысяч рублей...»

Василий Алексеевич дрожащей рукой поставил на стол недопитый стакан и подошел к жене.

— За что же мне такая высокая честь?

Вера Васильевна, не в силах сдержать радостных слез, припала к его груди...

— Ну, ну, успокойся, голубушка.

Василий Алексеевич усадил жену на диван и стал в волнении ходить по комнате. Сердце сильно стучало.

Вдруг зазвонил телефон. Василий Алексеевич снял трубку и узнал голос секретаря парткома.

Звонки раздавались беспрерывно. Звонили из «Правды», поздравляли друзья по работе, просто знакомые и даже совсем неизвестные ему люди. Все желали ему здоровья и новых успехов.

Но вот постучали в окно.

Вера Васильевна посмотрела сквозь морозный узор и, узнав почтальона, накинув шаль, бросилась во двор.

— Кто там? — спросил Василий Алексеевич.

— Телеграмма от самого наркома.— И она, всхлипывая от радости, прочла вслух:— «В день вашего шестидесятилетия желаю вам счастья, постоянного здоровья, многих лет жизни и дальнейшей творческой деятельности на благо нашей Родины».

— Дай, дай сюда, я возьму ее с собой,— сказал Василий Алексеевич и заторопился на завод.

— Куда же ты, Вася, ведь сегодня такой праздник!

— Потому и иду, я должен поделиться радостью с друзьями. Им я обязан своими успехами, все они трудились вместе со мной не щадя сил.

В тот же вечер в клубе завода состоялось чествование юбиляра. Слушая приветственные речи, Василий Алексеевич, как всегда, чувствовал смущение, даже какую-то неловкость, старался курить или разговаривать с кем-нибудь в президиуме.

Но вот слово предоставили юбиляру. Под несмолкаемые аплодисменты Василий Алексеевич поднялся на трибуну. В это время к нему подошел взволнованный заведующий клубом и тихо сказал:

— Вас срочно к телефону, вызывает Москва...

Дегтярев поспешил к телефону.

Откуда-то из боковой двери раздался шепот:

— Вызвали к телефону, звонят из Кремля.

Эта весть птицей пролетела по рядам. В зале стало тихо. Все ждали... И вот счастливый, улыбающийся юбиляр снова на трибуне.

— Товарищи! — начал он взволнованно.— Сейчас я говорил с Москвой. Мне звонили из Кремля. По поручению ЦК и правительства поздравили меня и пригласили приехать в Москву. Завтра я буду в Кремле,— продолжал Дегтярев, дождавшись тишины.— Скажу вам по секрету, что за последнее время я кое-что отработал и доложу об этом правительству. И еще скажу вам в день своего шестидесятилетия, что, пока

будет биться мое сердце, я буду неустанно трудиться на благо Родины, во имя нашего народа и любимой партии!

Утром по запорошенному мягким снегом шоссе к Москве стремительно неслась новенькая машина.

Вот проплыли мимо окраины столицы, мелькнули знакомые улицы... Машина круто повернула и остановилась у ворот Кремля.

И в тот же вечер Дегтярев выехал из Москвы. Всю дорогу он молчал, погруженный в раздумье.

Руководители партии и правительства, осмотрев его автомат, посоветовали увеличить емкость магазина. Дегтярев дал слово, что это задание будет выполнено за 7 дней. Теперь он думал о том, как увеличить магазин автомата и как эту работу сделать еще быстрее. Он не сомневался, что сотрудники конструкторского бюро и опытной мастерской не пожалеют сил, все будут работать сколько потребуется, лишь бы выполнить это важное задание. А как выполнить задание, как создать новый магазин для патронов — это должен был решить он.

Когда уже машина подходила к дому, Дегтярев вдруг спохватился и крикнул шоферу:

— На завод!..

В эту ночь он не пришел домой, лишь позвонил Вере Васильевне, чтобы не беспокоилась.

Когда в заиндевелом окне затрепетали первые солнечные лучи, Дегтярев вышел к конструкторам, рассказал им о важном задании — увеличить емкость магазина пистолета-пулемета. Закипела напряженная работа в бюро и опытных мастерских. Магазин делали несколько человек, сменяя друг друга, не прекращая работы ни на минуту ни днем ни ночью.

В это время шли напряженные бои на Карельском перешейке, пистолет-пулемет был крайне нужен.

Весть о том, что Дегтярев был принят руководителями партии и правительства, облетела завод. В цехах возникали краткие стихийные митинги. Дегтярев, поглощенный работой, не всегда имел возможность выступать на них, но его заменяли парторги или старые производственники-коммунисты. Они рассказывали слышанное от Дегтярева и призывали помочь фронту самоотверженной работой.

На пятые сутки новый магазин был отлажен. Дегтярев лично испытывал пистолет-пулемет. Испытания прошли на редкость удачно. Боеспособность оружия увеличилась почти вдвое. Ночью в Москву полетела срочная шифровка-рапорт об

окончании работ по усовершенствованию нового пистолета-пулемета.

Важное задание было выполнено досрочно...

Производство пистолета-пулемета развернулось со стремительной быстротой.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В том же 1940 году труженики родного завода выдвинули Василия Алексеевича Дегтярева кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по дополнительным выборам.

Весть о великом доверии народа и о высокой чести, оказанной ему, глубоко тронула престарелого конструктора. Готовясь к встрече с избирателями в заводском клубе, Василий Алексеевич долго думал над своим предстоящим выступлением. Ему многое хотелось сказать избирателям: о Туле, о своем безрадостном детстве, которое закончилось в 11 лет, об изнурительном 12-часовом труде и нищенской жизни, из-за чего в расцвете лет погиб его отец и сотни других рабочих, об унизительном и бесправном положении мастеровых, которые были лишены возможности не только учиться, изобретать или творить, но даже не имели элементарных человеческих прав. Их в любую минуту могли вышвырнуть за ворота завода, лишить жилья и куска хлеба.

В то же время ему хотелось рассказать и о великих переменах, происшедших в Стране Советов. О том, как он, сын и внук потомственных рабочих-оружейников, получил возможность учиться и творить, развивать свои способности. Как он, благодаря неустанной заботе и помощи партии и правительства, стал крупным конструктором.

Ему захотелось поведать избирателям о тех чувствах, которые испытал он, рядовой оружейник, когда в день шестидесятилетия ему позвонил и поздравил с высокой наградой Первый секретарь ЦК ВКП(б) и Председатель Совета Народных Комиссаров. В какой стране мира можно видеть такое отношение правительства к избранникам народа? Это возможно только в Стране Советов, в стране социализма!

Многое хотелось сказать Дегтяреву своим избирателям, долго он готовился к речи, а когда поднялся на трибуну, увидел сотни лиц, услышал гул аплодисментов, сердце его сжалось, на глаза навернулись слезы, и он уже не смог различить аккуратно написанные слова.

— Дорогие товарищи! — начал он, вытирая слезы радости.— Мне многое хотелось бы сказать вам, но я не могу и не умею... Одно скажу: меня вывели на дорогу партия и правительство. Я служил и буду служить своему народу и государству до конца. Отдам все силы, а если потребуется, и жизнь! — Раздались громкие аплодисменты.— А еще скажу вам,— продолжал Василий Алексеевич,— большое спасибо за доверие, которое постараюсь оправдать...

В дни выборов Василию Алексеевичу пришлось побывать во многих уголках своего избирательного округа. Он встречался с рабочими заводов и фабрик, со студентами и железнодорожниками, с красноармейцами и колхозниками.

Разъезжая по городам и селам, Дегтярев хорошо рассмотрел небольшой кусочек огромной страны и был поражен ее стремительным развитием. Раньше, поглощенный конструкторской работой, он не представлял себе огромных масштабов этих преобразований. А сейчас видел новые, оснащенные самой современной техникой заводы, величественные Дворцы культуры и рабочие клубы, светлые просторные больницы, красивые здания детских садов, строгие здания институтов, техникумов, школ. Города украсились садами. Исчезла грязь, на главных улицах появился асфальт. Он смотрел на все это как зачарованный.

В деревне его поразило обилие сельскохозяйственных машин. Всюду он видел тракторы, комбайны, автомобили. Машины, новейшие умные машины, приводимые в движение электричеством, прочно вошли в жизнь советской деревни. В домах колхозников радио и «лампочка Ильича» стали обычным явлением.

Великие преобразования в городе и деревне все чаще заставляли задумываться старого конструктора об организаторе всех побед — великой партии большевиков.

«Почему же я до сих пор не в партии?» — спрашивал он себя... и не находил ответа. При этом он чувствовал себя както неловко...

И чем больше он думал о партии, тем больше убеждался в том, что не может быть без нее, что давно уже связан с ней работой, мыслями, душой и что теперь настало время вступить в ее ряды...

Избрание Василия Алексеевича в депутаты Верховного Совета СССР дало ему еще одну почетную обязанность — быть слугой народа.

К нему стали приходить избиратели со своими нуждами, думами, мечтами. Почти все они знали Василия Алексеевича

как человека чуткого и отзывчивого, верили, что он внимательно выслушает их, поможет им советом и делом. К нему шли избиратели не только с личными, но и с общественными делами: одни просили помочь отремонтировать клуб, другие — оказать помощь в озеленении города, третьи — построить лодочную станцию.

Василий Алексеевич, несмотря на занятость основной работой, находил время для общественных дел и удовлетворения личных просьб избирателей. Эта работа пришлась ему по сердцу, он занимался ею с увлечением, заботясь о том, чтобы каждое дело было доведено до конца.

Депутатская и общественная работа еще больше сблизила Василия Алексеевича с партией, и в том же 1940 году он был принят в кандидаты ВКП(б).

Вступление престарелого конструктора в ряды большевистской партии не было случайным и неожиданным ни для него, ни для партийной организации. Василий Алексеевич готовился к этому событию долго и упорно. Он вынашивал свое решение годами, как вынашивал свои лучшие творения...

В марте 1941 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР Василию Алексеевичу Дегтяреву за изобретения образцов стрелкового оружия была присуждена Государственная премия первой степени.

Столь высокая оценка его трудов приумножила силы конструктора. Он с еще большей энергией отдался творческой работе. Василий Алексеевич все время чувствовал приближение войны и держал свой коллектив в мобилизационной готовности, решая вместе с ним самые острые вопросы вооружения армии. Несмотря на преклонный возраст (ему было уже за шестьдесят), он показывал молодежи пример трудолюбия, дисциплинированности, пример самоотверженного служения Родине.

Но в свободные часы Василий Алексеевич любил отдохнуть: побыть на воздухе, набраться свежих сил.

В этот год выдалась хорошая ранняя весна. Снег сошел быстро, и Дегтярев после работы часами трудился в своем саду.

Вместе с младшим сыном Виктором он наполнял жирной землей маленькие продолговатые ящики и сажал в них семена для рассады.

На листе бумаги, прикрепленном к стене, Василий Алексеевич аккуратно записывал названия цветов и сроки их посадки.

Едва просохла земля в саду, он стал поправлять заступом

дорожки и посыпать их желтым песком. С любовью укладывал кирпичи вокруг клумб и аккуратно высаживал нежную рассаду. За этой работой его можно было видеть и ранним утром, до ухода на завод, и поздно вечером.

Вера Васильевна, бывало, скажет:

— Отец, ты бы прилег отдохнуть.

А он только улыбнется:

— Я разве не отдыхаю? Возиться с цветами на свежем воздухе — для меня самый лучший отдых.

В июне сад Дегтярева расцветал пышным цветником. Тончайшие ароматы левкоя, резеды и роз смешивались с густыми пьянящими запахами сирени и акации. По воскресеньям, если случалась хорошая погода, Василий Алексеевич пил чай в саду. Так было и в этот незабываемый день. Выпив чаю, просмотрев газеты, Василий Алексеевич закурил и стал подумывать о том, что хорошо бы под вечер вместе с сыновьями собраться на рыбалку к знакомому бакенщику... Вдруг в сад вбежала побледневшая Вера Васильевна. Она хотела что-то крикнуть, но силы ей изменили, она, взмахнув полотенцем, опустилась на стул, и ее сухие бескровные губы чуть слышно прошептали:

— Война!

Василий Алексеевич побледнел, лицо его сделалось хмурым, озабоченным.

— Я этого ждал,— сказал он и быстрыми шагами пошел из сада.

— Вася, куда же ты, куда? — плача, спросила жена.

— На завод, я должен быть там!

В КОНСТРУКТОРСКОМ БЮРО

Могущество и непоколебимая вера в свою несокрушимость — одна из самых характерных черт русского народа.

Какие бы невзгоды, какое бы несчастье ни обрушились па русский народ, они не смогут свалить его или потрясти настолько, чтобы лишить способности к борьбе.

Ни татарское иго, ни нашествие Наполеона не смогли надломить всесильного духа русского народа, не смогли сломить его могущества и воли к борьбе, не поколебали его веру в окончательную победу над врагом.

В июне 1941 года немецко-фашистские захватчики нанесли советскому народу страшный и внезапный удар. Они готови-

лись к нему методично, на протяжении многих лет, они целили его в самое сердце и, чтобы усилить разящую силу этого удара, нанесли его ночью, как и подобает бандитам.

От этого удара содрогнулся русский народ, содрогнулся, но не упал, не обессилел, а, почувствовав смертельную опасность, попятился от врага, разминая богатырские плечи, обдумывая и готовя ответный удар.

Растерянность, которая появилась у некоторых людей при внезапном нападении врага и при его стремительном продвижении в первые дни, на которую рассчитывал враг, оказалась кратковременной. На смену ей пришло мужество, самообладание, твердая и непоколебимая уверенность в своих силах.

Дегтярев в эти дни был свидетелем того, как тысячи советских людей добровольцами уходили на фронт, как на смену мужьям в цехи приходили их жены и становились к станкам.

На лицах этих людей Дегтярев читал решимость бороться до конца.

Они не выступали на митингах, не произносили громких речей. Спокойные, суровые и гневные, они приходили в цехи, терпеливо и настойчиво учились, молча работали у станков.

Сам Дегтярев в эти дни был охвачен тем же высоким чувством и стремлением — все силы, все свои способности и знания вложить в общее дело борьбы с врагом.

Враг бешено рвался вперед, не считаясь ни с какими потерями. Дегтярев слушал по утрам сводки Совинформбюро и с болью в сердце передвигал черные флажки на карте.

«Надо что-то сделать, надо изобрести такое оружие, которое помогло бы нашим воинам остановить зарвавшегося врага,— размышлял он, шагая по комнате.— Но какое же оружие может его остановить? — И он, разложив на столе газеты, вчитывался в них.— Самолеты и танки, танки и самолеты... огромное превосходство в технике... А главное — танки, огромные, бронированные армады. Они вклиниваются в наши войска и уходят далеко вперед. Надо срочно придумать оружие для борьбы с танками... Надо создать легкое в производстве и грозное в бою противотанковое ружье...»

Сводки Совинформбюро день ото дня грознее. Захвачена почти вся Литва и большая часть Латвии, ожесточенные бои идут на землях Белоруссии и Западной Украины. Самолеты врага бомбардируют Мурманск, Смоленск, Киев, Севастополь... Среди населения, может быть посеянные врагом, панические слухи... Люди в цехах работают день и ночь, но в душе их тревога...

Дегтярев думает... Думы о новом оружии лишили его сна и покоя. Ему хотелось хорошо осмыслить зародившуюся идею, проверить, правильно ли он понимает задачу момента, решая весь коллектив конструкторского бюро мобилизовать на создание мощного противотанкового оружия...

«Враг силен, враг вооружен до зубов,— размышляет Дегтярев.— Нельзя разбить танки из пулеметов и винтовок, а противотанковых пушек у нас недостаточно. Быстро наладить их массовое производство не так-то легко: на это потребуется время... Значит, нужно придумать другое эффективное противотанковое оружие, производство которого можно было бы организовать быстро и без больших затрат».

Он продолжал ходить по кабинету и думал... И так день за днем, ночь за ночью...

«Но что же придумать?..» Ему вспомнились малокалиберные пушки, крупнокалиберный пулемет... Все это было громоздко, тяжело, сложно... «Надо придумать оружие для рядового бойца,— размышлял Дегтярев.— Это оружие должно быть легким, маневренным, безотказным в стрельбе и грозным для врага. Таким оружием может быть только противотанковое ружье! Да, тут нескольких суждений быть не может,— твердо решил он.— Мы должны создать противотанковое ружье, но такое, которое пробивало бы броню любого фашистского танка!»

Предвидения Дегтярева и на этот раз оказались правильными. Не прошло и двух дней, как конструкторское бюро получило срочное задание правительства: немедленно заняться разработкой противотанкового ружья.

Превосходство в танках у врага оказалось настолько значительным, что сейчас задача быстрого создания противотанкового ружья была одной из самых важных задач момента.

Над созданием противотанкового ружья думали коллективно. Из музея были извлечены различные системы малокалиберных пушек и пулеметов, разложены на столах трофейные противотанковые ружья. Все это изучалось, обдумывалось. Конструкторы должны были найти наипростейшее устройство механизма и в то же время создать ружье огромной боевой силы и предельно малого веса. Казалось, что совместить три требования в одной системе немыслимо, но Дегтярев упорно настаивал именно на этом.

Для разработки противотанкового ружья составили бригаду проектировщиков, в которую вошли и молодые конструкторы.

Жесткие сроки работы и возможные налеты вражеских самолетов заставили принять новые формы труда — всем бюро

перейти на казарменное положение. В большой комнате отгородили темную часть и там устроили общежитие. Но в это общежитие приходили лишь спать, и то на очень короткое время. У Василия Алексеевича была походная кровать за ширмочкой в кабинете, но, когда он спал, никто не знал. И днем и ночью его можно было видеть в бюро.

Однажды в полночь Василий Алексеевич заглянул к конструкторам и, заметив, что те рассматривают трофейное противотанковое ружье, спросил, что их там заинтересовало.

— Недостатки изучаем, Василий Алексеевич.

— Этого добра в нем много, а хорошего один ствол.

— Почему он хороший?

— Потому что длинный,— пошутил Василий Алексеевич.— Заметьте, ствол у противотанкового ружья должен быть обязательно длинным, это будет способствовать увеличению начальной скорости пули, а следовательно, и ее пробивной силе.

— А как вы оцениваете остальные части этого ружья?

Василий Алексеевич подошел к столу, где лежало ружье, и попросил его повернуть.

Двое конструкторов приподняли ружье и повернули его.

— Видите, какая тяжесть,— сказал Василий Алексеевич.— На гладком столе и то не повернешь, а как же с ним в окопе, когда танк на тебя летит?.. А главная тяжесть тут от салазок, по которым скользит ствол. Если их убрать, ружье станет вдвое легче.

— Как же их убрать?.. Тогда ружье работать не будет.

— Вот об этом и следует подумать. Такая задача в один прием не решается. Она, проклятая, мне уже которую ночь покою не дает. Ну да ничего — одолеем! Думайте, товарищи, думайте... И если придумаете что-то хорошее, приходите ко мне. Желаю вам успеха!

Вернувшись к себе, Василий Алексеевич продолжал разрабатывать конструкцию будущего ружья. Он любил думать, прогуливаясь по кабинету, и теперь, покуривая трубочку, ходил по мягкому ковру.

«В этой системе нужно попробовать подвижной ствол, ведь будет сильное давление пороховых газов, сильная отдача,— размышлял он,— но салазки никоим образом не годятся. Что угодно, но только не салазки. Как их не облегчай, ружье получится тяжелым, а следовательно, никуда не годным».

Присев к столу, он нарисовал длинный ствол и стал придумывать для него основу вместо салазок. У казенной части нарисовал ложу, а к дульной части сошки — легкий упор.

«Так-так-так...— постукивал он карандашиком.— Сошки, пожалуй, хорошо, а ложа — это почти салазки... опять лишняя тяжесть. Ложу долой!»

Он перечеркнул набросок и стал рисовать сначала.

«Как же без ложи? — размышлял он вслух.— Ведь не в кулаке же ствол держать... Но и ложа не выход! Тут надо что-то другое...»

Послышался легкий стук в дверь, и в кабинет вошла буфетчица:

— Василий Алексеевич, выпейте чайку, время-то два часа.

— Неужели? — удивился Дегтярев.— Ну, да это ничего, я теперь здесь ночую, еще успею вздремнуть.

— Кушайте на здоровье! — сказала буфетчица и вышла.

Василий Алексеевич пил чай маленькими глотками, посматривая на массивный подстаканник.

Вдруг он вынул стакан и вновь опустил его в подстаканник. Тот вошел мягко скользя. Дегтярев еще раз проделал то же самое и улыбнулся:

«Странно! Как будто я этого раньше не замечал. Стакан входит в подстаканник, словно в трубу... А что, если и ствол спрятать в трубу? А чтобы не чувствовалось толчка, вставить туда пружину. Ствол, хорошо смазанный, будет скользить в трубе, и никаких салазок не нужно!»

Он поднялся и стал ходить по кабинету.

«Во-первых, ружье станет вдвое легче... Ну, да что об этом говорить... Главное — достигнуть скольжения. А скольжение будет! Ствол станет двигаться в трубе, как поршень в цилиндре. Мысль, право, хорошая мысль!..»

Василий Алексеевич подошел к телефону и позвонил конструкторам:

— Ну как, товарищи, не спите? Думаете?.. Придумали что-нибудь? Пока нет... А я придумал и, кажется, то что нужно... Сейчас иду к вам советоваться...

Уже утро красноватым светом озарило окно, а конструкторы все еще обсуждали предложение Василия Алексеевича. Было исчерчено много бумаги, но ни один из набросков не был окончательно одобрен. Спор не утихал.

— Подождите-ка, товарищи,— вдруг сказал Василий Алексеевич,— а что если ствол не прятать в трубу, а сделать под стволом небольшой стержень и его вместе с амортизатором поместить в трубу? Это улучшит конструкцию: труба заменит собой ложу, удобнее будет сделать прицел... Позвольте-ка карандашик.

Ему дали бумагу, и Василий Алексеевич начертил схему приспособления.

Конструкторы склонились над рисунком.

— Вот здесь на конце трубы можно сделать маленький приклад,— пояснял Василий Алексеевич,— а вот здесь, у спускового крючка,— пистолетную ручку. Ну, что молчите?

— Здорово получится, Василий Алексеевич!

— Хорошо будет, уж теперь видно.

— Ну, если так, ложитесь-ка часика на два вздремнуть, а потом со свежей головой за работу!

— Мы спать не хотим, мы сейчас...

— Сейчас разрешите, Василий Алексеевич, ведь спешно надо.

— Знаю, что спешно. Но бывает, что поспешишь — людей насмешишь... Помните пословицу: «Утро вечера мудренее»? Ну так вот, ложитесь, а через два часа я вас подниму. Спокойной ночи! — И он, не оглядываясь, пошел к себе.

Когда Василий Алексеевич вернулся в бюро, там уже царило оживление. Конструкторы общими усилиями, пока еще в карандаше, разрабатывали схему нового оружия, предложенную Дегтяревым.

Василий Алексеевич весь день оставался с ними: присматривался, советовал, стремясь к еще большему упрощению системы...

Сотрудники конструкторского бюро в эти дни не знали ни отдыха, ни сна.

После создания схемы начали составлять расчеты и разрабатывать чертежи. Василий Алексеевич торопил, настаивал на том, чтобы чертежи отдельных узлов сразу же спускались в мастерскую и по ним бы спешно изготовлялись части будущего ружья.

И вот мастерская получила заказ-«молнию» на изготовление опытного образца противотанкового ружья.

В мастерской не хватало людей, многие хорошие мастера ушли на фронт. Каждое утро сводки Совинформбюро горькой болью кололи сердце. Враг рвался к столице. По ночам над заводом кружили вражеские пикировщики. Оборудование заводов стрелкового вооружения эвакуировали на Урал. Завод, где работал Дегтярев, в эти грозные дни почти один снабжал армию стрелковым оружием. Люди неделями не выходили из цехов. Отработав 11—12 часов, они шли на крыши дежурить у зенитных пулеметов и авиационных пушек, которые были взяты прямо из цехов, где их изготовляли.

В конструкторском бюро так же, как и в цехах, люди трудились, не считаясь со временем. Многие конструкторы, инженеры, чертежники в эти дни стали к станкам, заменив ушедших на фронт.

На станках работали и молодая веселая чертежница Оля Быкова, и старший конструктор, и сам Василий Алексеевич.

Детали тут же испытывались и собирались.

Не прошло и месяца, как ружье оригинальной конструкции было готово.

Его доставили на испытательную станцию и произвели пристрелку.

В ружье, изобретенном Дегтяревым, оказалось еще много недоделок, но по заводу пролетел слух, что оно пробивает пятидесятимиллиметровую броню. Это была победа!

При дальнейших испытаниях выяснились неполадки с запиранием. Едва справились с ними — увидели новый дефект: при частой стрельбе после выстрела застревали гильзы. Из-за этого недостатка совершенно готовое ружье нельзя было пустить в производство... После долгих раздумий конструкторам пришла мысль надеть на ствол ружья массивную муфту. Простое на первый взгляд усовершенствование решило сложную механическую задачу — оно избавило ружье Дегтярева от существенного недостатка.

Когда все замеченные во время заводских испытаний недостатки были устранены, дегтяревское ружье сравнили с трофейным.

— Да ведь это же как день и ночь,— восхищенно сказал старший конструктор.

Действительно, ружье Дегтярева имело совершенно оригинальную и до удивления простую конструкцию.

— Хорошо бы взвесить их,— скаэал Василий Алексеевич.

— Уже взвешивали: ваше как раз вдвое легче.

— И вдвое лучше,— добавил кто-то из конструкторов,— бьет метко и хлестко.

— Товарищи, прошу вас еще раз внимательно осмотреть образец и высказать свои пожелания,— сказал Дегтярев.— Лучше самим заметить недостатки, чем слушать, когда о них скажут другие.

— Мы сделали все, что можно.

— Ну так пожелайте удачи — через час-полтора я выезжаю в Москву. Наше ружье будут рассматривать в Кремле, в Комитете Обороны.

ОРУЖИЕ ПРОТИВ ТАНКОВ

В Министерстве вооружения Дегтяреву сообщили, что до показа правительству противотанковое ружье должно быть подвергнуто комиссионным испытаниям на одном из подмосковных полигонов.

Рано утром Дегтярев вместе с работниками министерства выехал на полигон; он хотел своими глазами увидеть, как будет действовать его изобретение.

Еще вчера вечером Василий Алексеевич узнал, что одновременно с его ружьем будет испытываться противотанковое ружье Симонова. Это известие было для него неожиданным, и он даже переспросил:

— Какого Симонова, Сергея Гавриловича?

— Да, Сергея Гавриловича, вашего ученика.

— Неужели? — обрадовался Василий Алексеевич.— Давненько мы не видались... Интересно посмотреть на его изобретение.

Дорогой Василий Алексеевич думал о Симонове, вспоминая, как тот деревенским пареньком пришел в 1918 году в образцовую мастерскую, как он учился, рос, познавая оружейное дело и конструкторское искусство. Как с организацией серийного производства пулеметов «ДП» они с Федоровым послали его руководить самым ответственным участком производства — сборочным цехом. Шли годы... И вот тихий, скромный оружейник Симонов изобрел самозарядную винтовку. Она прошла успешно несколько испытаний, и Симонова направили в Ижевск налаживать массовое производство своего изобретения.

Идут годы. Отделенные большими расстояниями друг от друга и поглощенные своей работой, они не видятся и лишь по рассказам друзей знают друг о друге.

Но вот и полигон.

Василий Алексеевич вышел из машины и, присматриваясь, в группе людей узнал невысокого плотного человека в темном пальто, в кепке, с простым лицом рабочего.

Человек этот, заметив Дегтярева, поспешил ему навстречу. Его серо-голубые глаза приветливо улыбнулись, и небольшая жесткая рука крепко пожала руку Дегтярева.

— Здравствуйте, Василий Алексеевич, очень рад вас видеть.

— Здравствуйте, Сергей Гаврилович, здравствуйте! Давненько вас не видел... похудели вы, видно достается...

— Да вот противотанковое разрабатывал, Василий Алексеевич, сами знаете, не до отдыха.

Пока шли приготовления к стрельбе, конструкторы присели на скамеечку.

Василий Алексеевич не спеша достал свою трубочку, закурил и стал расспрашивать Симонова о том, как он живет, в каких условиях работает, не помешали ли ему фашисты, не бомбили ли.

— У меня все благополучно и в работе и дома,— сказал Симонов.— А как у вас?

— У нас тоже все по-хорошему. Слышал, вы, Сергей Гаврилович, сделали пятизарядное?

— Да, пятизарядное,— подтвердил Симонов.

— Это хорошо, молодцом! А я вот торопился, сделал однозарядное, правда, стремился к тому, чтобы было полегче... Народ у нас золотой, Сергей Гаврилович, так работали, так трудились, что рассказать невозможно. Ну, да, чай, не забыли мастерскую-то?

— Что вы, разве можно забыть... Все мои старые друзья с вами работают: Голубев, Кузнецов, Зернышкин! Как они?..

— Герои, Сергей Гаврилович, одно слово — герои! Работают не щадя себя!

В это время члены комиссии подошли к стрелкам, которые должны были испытывать новые образцы, и позвали конструкторов.

— Ну что ж, пойдемте, Сергей Гаврилович,— сказал Дегтярев.— Желаю вам успеха!

— И вам от души, Василий Алексеевич!..

Они подошли к месту испытаний.

Испытания велись очень долго. Из ружей стреляли и лежа, и стоя, и с упора: прямо и под разными углами наклона. Симонов все время стоял рядом с Василием Алексеевичем, наблюдая за стрельбой.

Он думал лишь о том, чтобы какое-нибудь ружье (неважно чье) выдержало испытания и было бы принято на вооружение. Оно было сейчас до крайности нужно фронту, так же, как противотанковые пушки. Ружье даже имело свое преимущество перед пушками — его можно было сделать во много раз легче, быстрее и дешевле.

Василий Алексеевич в эти минуты думал о том же. Если бы вдруг объявили, что принимают ружье Симонова, он с радостью бы пожал руку своему ученику. А если бы одобрили его ружье, но предложили бы в нем сделать кое-какие переделки, то и он и Симонов сейчас, здесь же на полигоне, взя-

лись бы за эту работу. Оба они думали о судьбах Родины, и в эти грозные дни личные интересы для них не существовали.

У обоих была одна цель — вооружить мощным оружием доблестных советских воинов, и все их мысли и желания в эти минуты сводились к тому, чтобы дать воинам такое оружие, которое бы остановило танки врага.

Но оба ружья работали хорошо. Если и случались маленькие заедания, то их тотчас же устраняли сами стрелки.

Испытания закончились поздно вечером. Конструкторы не могли определить, которое из ружей предпочтут. Члены же комиссии, забрав все материалы и образцы, уехали в Москву, не объявив своего решения.

Симонов заметно волновался.

Василий Алексеевич, очевидно желая успокоить его, сказал:

— Ну, Сергей Гаврилович, судя по стрельбе, мы оба потрудились неплохо! Я доволен, какое-нибудь из ружей будет принято несомненно.

— Я тоже так думаю,— согласился Симонов.

— Жалко, что не объявили решения теперь,— сказал Василий Алексеевич.— Ну, да ничего, надо думать, завтра же узнаем результат! Желаю вам всего доброго! До завтра...

На другой день Василия Алексеевича вызвали в Кремль. Когда он приехал, члены правительства уже рассмотрели оба ружья.

Симоновское ружье имело преимущество в скорострельности, оно было пятизарядным, дегтяревское — в весе и удобстве действия, оно оказалось вдвое легче. Боевые качества обоих ружей сочли отличными, и оба противотанковых ружья были приняты на вооружение Красной Армии.

Члены правительства поздравили Дегтярева с успехом и поручили ему передать коллективу завода, что производство противотанкового ружья должно быть налажено немедленно.

* * *

Труженики конструкторского бюро и завода еще до возвращения Василия Алексеевича узнали о том, что «ПТР» (противотанковое ружье Дегтярева) получило высокую оценку и что заводу поручено спешно приступить к их массовому изготовлению.

По зову партийной организации лучшие люди завода пришли на этот важный участок работы. В конструкторском бюро

день и ночь, без перерыва изготовлялись рабочие чертежи, в цехах устанавливалось новое оборудование и приспособления, а в литейном и кузнице уже шла заготовка полуфабрикатов. Производство «ПТР» началось. В обрабатывающих цехах работы были распределены по операциям: в одном делали стволы, в другом — затворы, в третьем — приклады и ложи.

Первые образцы противотанковых ружей, собранные, отлаженные и отстрелянные под наблюдением самого Дегтярева, были посланы в действующую армию и испытаны непосредственно в бою.

Слава о них облетела все фронты. На завод стали приезжать представители из воинских соединений. Потребность в противотанковых ружьях была так велика, что с завода их перебрасывали на фронт на самолетах.

А известия с фронтов день ото дня становились тревожнее. Враг захватил Западную Украину, вторгся в Донбасс, подходил к родине Дегтярева — Туле.

На заводе для всех цехов были подготовлены составы и сделаны проломы в стенах на случай немедленной эвакуации. Но люди продолжали работать.

В эти дни тяжелых испытаний, когда Родине угрожала смертельная опасность, труженики завода еще крепче объединялись вокруг большевистской партии, вступали в ее ряды.

В числе этих передовых и мужественных людей был и Василий Алексеевич Дегтярев. В самое трудное для Отчизны время, когда шли напряженные бои у стен столицы, он был принят в члены партии большевиков.

Приход на завод пополнений из молодежи и всеобщий трудовой подъем резко сказались на росте производительности цехов. И все же та продукция, которую выпускал завод, оказывалась ничтожно малой.

Фронт требовал не удвоить или утроить темпы,— нет, он требовал увеличить производство противотанковых ружей в десятки раз!

В мирных условиях такая задача показалась бы фантастической. Но тогда каждый из тружеников многотысячного коллектива понимал, что от его усилий зависит победа, и работал с предельным напряжением всех своих сил.

Все равнялись по Дегтяреву, который с первого дня войны показывал пример беззаветной самоотверженной работы во имя спасения Родины.

Завод работал круглые сутки. Ночью, когда фашистские самолеты прилетали со смертоносным грузом, завод замирал,

маскировался, погружался во мрак, но работа в его цехах не прекращалась ни на одну минуту.

Коммунисты не только осуществляли партийный контроль за проведением всех производственно-технических мероприятий, они были инициаторами социалистического соревнования, они показывали пример твердости, выносливости, работая на самых ответственных участках.

Десятки «молний», которые выпускались во всех цехах, знакомили весь коллектив с опытом передовых рабочих. На многих станках появились красные флажки и лаконичные плакаты: «Наше звено работает по-фронтовому».

Самым главным участком был цех сборки. Там поступавшие из разных цехов детали собирались, пригонялись, отлаживались. Цехом руководил молодой рослый мастер коммунист Завьялов. Его черные густые брови были нахмурены, короткий бушлат распахнут.

Он быстрыми шагами ходил от бригады к бригаде, следил за поступлением деталей, за их отладкой и сборкой. Если создавался затор, он немедленно принимал меры, стараясь добиться ритмичности в работе и высокого качества сборки.

То тут, то там в цехах можно было видеть невысокого седоволосого человека в рабочей куртке, с приветливым и в то же время озабоченным лицом. Он подходил к рабочим, присматривался, советовал, а зачастую и сам становился к станку или верстаку: показывал, помогал, учил.

Это был Дегтярев.

Он был спокоен, и его спокойствие передавалось другим. При нем работалось увереннее и веселее.

В любое время суток его можно было видеть то в конструкторском бюро, то в образцовой мастерской, то на испытательной станции, где пристреливались готовые противотанковые ружья, то на сборке, то в цехах.

Он успевал давать советы конструкторам и чертежникам, объяснять особенности своего ружья посланцам с фронтов, беседовать с инженерами, приехавшими с Урала, чтобы изучить процесс производства противотанковых ружей и наладить их производство там, где нет затемнения, где фашистские стервятники не могут помешать работе.

Дегтярев перестал бывать дома — для этого не было времени. Он постоянно находился на заводе.

Так в эти дни жили и трудились все честные люди коллектива. Завод заменял им дом, как окоп заменял дом солдату. Они были солдатами трудового фронта. Они трудились, не

щадя ни сил, ни жизни, потому что перед ними была благородная цель. Они хотели победить врага.

И их усилия не пропали даром.

За три месяца завод увеличил выпуск противотанковых ружей Дегтярева почти в сто раз.

«ПТР» В ДЕЙСТВИИ

Василию Алексеевичу не давала покоя мысль о том, как ведут себя противотанковые ружья в бою. Нередко, усталый и измученный, он ложился на походную кровать, надеясь, что уснет в ту же минуту, но сон не шел, в ушах неумолчно звучал дробный гул работающих внизу станков, а в мозгу неотвязно в десятках вариантов вертелся один и тот же вопрос — как стреляют противотанковые ружья?

Он ложился на спину и, закрыв глаза, силился уснуть, но в эти мгновения в воображении возникали картины боя.

Вот двое бронебойщиков с его «ПТР» расположились в окопчике. Длинный ствол ружья положен на бруствер, прикрытый реденьким кустиком. Один изготовился к стрельбе и пристально смотрит вдаль, другой держит патроны. Впереди небольшой холм, и за ним танки врага; бронебойщики уже слышат их грозный приближающийся рокот. Вот один, другой, третий танк появились на бугре, рванулись в равнину, где лежат бронебойщики. Холодная дрожь пробегает по спинам бойцов, но крепкие руки твердо держат ружье. В прищуренных глазах решимость: солдаты знают — ружье, созданное Дегтяревым, не подведет в грозную минуту. Гул моторов громче, зловещее, танки уже приблизились настолько, что бойцы отчетливо видят белые кресты на броне. Вот ствол ружья поворачивается влево — выстрел!.. Дегтярев вздрагивает всем телом и пристально смотрит вдаль... Танк замедлил ход, по нему поползла белая струйка дыма, вырвались огненные языки... Браво! Браво! Танк объят пламенем, ружье не подвело.

Но вот другой танк, повернув грозное орудие, ударил по кусту, где засели бронебойщики. Столб огня и пыли взлетел вместе с растерзанным кустом. «Погибли!» — думает Дегтярев. И вдруг с того места, где был куст, раздаются выстрелы — один, другой, третий... «Живы, бьют по танку»,— радуется Василий Алексеевич, и сердце его трепещет от счастья... Опять грохот и лязг слышится совсем рядом, огромный

танк катит прямо на окоп. В упор раздается еще выстрел, но танк неуязвим. Он огромной шестидесятитонной махиной навалился на окоп...

«Погибли! — мрачнеет Дегтярев.— Ружье не пробило брони, подвело, я виноват... я...»

Вдруг над раздавленным окопом мелькнул ствол ружья, и вслед уходящему танку прозвучал выстрел.

Танк вздрогнул, замер и окутался густым черным дымом...

Дегтярев очнулся от забытья, включил настольную лампу и заметил, что на груди, на руках, на лбу выступил холодный пот.

«Нет, я должен поехать на фронт,— вслух сказал он,— поговорить с бронебойщиками, собственными глазами увидеть, как ведут себя ружья в бою».

Он нащупал на тумбочке трубку, чиркнул спичкой и закурил.

«Ведь если ружье откажет в минуту боя, погибнут не только бронебойщики. Прорвавшиеся танки наделают много дел... Я не могу, не должен, не имею права успокаиваться до тех пор, пока своими глазами не увижу, что «ПТР» во фронтовых условиях действуют безотказно и бьют наверняка...»

Дегтярев почти никогда не менял принятого решения. И в этот раз, задумав поехать на фронт, он ждал, когда представится такая возможность.

Как только серийное производство противотанковых ружей было налажено, он вместе с товарищами по работе выехал на фронт в район Можайска.

Ехали медленно: шоссе было забито транспортом. Из Москвы шли машины с боеприпасами, снаряжением, войсками, продовольствием. Из прифронтовых районов вывозилось оборудование заводов и фабрик, музейные ценности, перегонялся скот.

Приходилось сворачивать на проселки и запруженную магистраль объезжать стороной.

Когда проезжали город Владимир, Василий Алексеевич опустил стекло и указал спутникам на массивные каменные ворота, увенчанные часовенкой, где гнездились галки.

— Смотрите, товарищи, это знаменитые Золотые ворота! Они стоят тут больше шестисот лет.

— Да, эти ворота выдерживали еще осады татар.

— Они помнят Александра Невского и Пожарского!..

«Вот так же незыблем и русский народ,— подумал Дегтярев.— И никакая сила не сможет его сокрушить!..»

Чем ближе подвигались к Москве, тем сильнее чувствовалось приближение фронта.

Навстречу попадались большие партии людей с кирками, лопатами, ломами. Среди них были женщины, старики, подростки. Это население окрестных деревень и поселков шло рыть противотанковые рвы.

Они шли молча, без песен. Лица их были омрачены печалью. Но в движениях, во взглядах чувствовалась несокрушимость, отсутствие страха перед врагом, уверенность в своих силах...

Дегтяреву вспомнились слова из выступления Председателя Совета Министров: «На борьбу с врагами поднимается весь советский народ...»

«Да, поднимается великая народная сила,— подумал Дегтярев.— Наша задача эту силу вооружить, вооружить не вилами и косами, как это было в 1812 году, а дать ей новейшее оружие; и враг будет разбит, сметен с лица земли, как нечисть!»

Приезд на фронт творца знаменитого оружия был встречен бойцами и командирами с радостью. Они охотно рассказывали ему о своих успехах в боях, давали советы по улучшению ружья.

Василий Алексеевич побывал во многих частях, лично обучая бронебойщиков обращению с противотанковым ружьем и стрельбе из него. Его появление в подразделениях вдохновляло бронебойщиков на новые боевые подвиги.

Убедившись, что его ружье работает хорошо, Дегтярев успокоился и, дав необходимые советы бойцам, собрался обратно. Комиссар части, провожая его, передал газету:

— Это, Василий Алексеевич, возьмите от нас на память.

— Спасибо, а что же тут?

— Это «Красная звезда», где опубликовано сообщение о боевых успехах нашей части.— Он взял газету и развернул ее.— Вот послушайте:

«Противотанковое ружье — **замечательное средство борьбы с немецкими танками**

Можайское направление. 10 ноября (от нашего специального корреспондента).

Несколько дней тому назад ордена Красного Знамени дивизия получила новые противотанковые ружья. На второй день бойцы и командиры сумели убедиться в огромной эффективности этого оружия в борьбе с фашистскими танками.

Недалеко от села Брыкино, в 400 метрах от дороги, залег красноармеец из отряда Дереки с противотанковым ружьем. Вскоре показалось несколько фашистских танков. Красноармеец внимательно прицелился и выстрелил. Пуля попала в башню, пробила ее и, очевидно, ударила в снаряд. Раздался взрыв, и башню снесло, словно срезало. Остальные танки немедленно повернули назад.

Красноармейцы и командиры высказывают восхищение противотанковым ружьем. Чтобы овладеть им, потребовалось несколько часов. В танк можно стрелять со значительного расстояния.

С каждым днем в наши части начинает все больше и больше прибывать противотанковых ружей».

— Благодарю вас, товарищ комиссар,— сказал Дегтярев,— я эту газету отвезу своим товарищам, которые делают противотанковые ружья...

Вернувшись домой, Дегтярев увидел на своем столе целую пачку телеграмм и писем с фронта.

Просмотрев их внимательно, он выбрал одну из телеграмм и прочел ее дважды. В ней говорилось:

«На нашем участке фронта противник ведет беспрерывные контратаки большими силами танков, воины нашего соединения в этих боях за последние 10 дней подбили около двухсот танков, около половины из них подбито бронебойщиками, вооруженными противотанковым ружьем Вашей конструкции. Редакция армейской газеты хозяйства Черняховского «Армейская правда» убедительно просит Вас по телеграфу передать нам статью на тему «Советы бронебойщикам» — как наиболее эффективно использовать в бою противотанковое ружье. Заранее благодарим. С товарищеским приветом.

Редактор газеты «Армейская правда» Авдюшин».

«Что же я им напишу? — подумал Дегтярев и стал шагать по комнате.— Надо написать очень коротко, чтобы каждый бронебойщик запомнил это, как азбуку, как таблицу умножения...»

Пройдясь до окна и обратно, он остановился.

«Мысли есть, а вот изложить их трудно. Надо ведь так, чтобы понял каждый боец... Где бы, у кого бы поучиться... Подождите, подождите... Кто же это писал: «Пуля дура — штык молодец»?.. Да ведь Суворов же!..» И он, подойдя к полке с книгами, отыскал книжечку Суворова «Наука побеждать» и, присев на диван, стал с жадностью читать...

Не прошло и полчаса, как он подошел к столу, разложил бумагу и твердым почерком написал: «Советы бронебойщи-

кам (как наиболее эффективно использовать в бою противотанковое ружье)».

Когда все пять советов бронебойщикам были написаны, Дегтярев вчетверо сложил листочек бумаги и убрал его в карман.

«Пойду в бюро, надо обсудить с товарищами, может, они помогут изложить еще покороче...»

«Советы бронебойщикам» Дегтярева получили широкое распространение на фронте и принесли большую пользу бойцам. Вот что писали Дегтяреву фронтовики:

«Уважаемый В. А. Дегтярев!

Ваши «Советы бронебойщикам» мы изучим наизусть. Когда в наших руках грозное противотанковое ружье Вашего изобретения, нам не страшны ни «тигры», ни «фердинанды». Мы заверяем Вас, пока бьются наши сердца, мы будем бить немецкую технику и живую силу, где бы она ни появлялась. И там, где стоят гвардейцы, вооруженные изобретенным Вами «ПТР», немецкие танки не пройдут».

Вот еще одно письмо с фронта:

«В отражении бешеных танковых атак противника на орловском, курском и белгородском направлениях наряду с артиллеристами огромную роль играют бронебойщики. Много им дали Ваши советы, присланные по просьбе одной из армейских газет. Бронебойщики, вооруженные Вашим ружьем, добиваются замечательных успехов: старший сержант Степанов, командир отделения бронебойщиков, только в одном бою уничтожил 6 вражеских танков, сержант Носов подбил 2 танка, лейтенант Паклин —4 танка. Сообщаем Вам об этих успехах, которые широко освещаются на страницах нашей фронтовой газеты. Мы просили бы Вас прислать небольшой телеграфный ответ, который, несомненно, повысит еще больше боевой дух бронебойщиков. Ответ шлите через Наркомат Обороны. Привет и наилучшие пожелания.

Редакция газеты «Красная Армия».

Переписка и живая связь с фронтовиками помогли Дегтяреву еще больше усовершенствовать свое «ПТР», сделать его поистине грозным оружием в борьбе с фашистскими танками.

Правительство высоко оценило новое изобретение конструктора, ему снова была присуждена Государственная премия. Одновременно с Дегтяревым Государственная премия

была присуждена за создание противотанкового ружья и его талантливому ученику Сергею Гавриловичу Симонову.

Дегтярев был искренне обрадован успехами молодого конструктора — воспитанника образцовой мастерской — и в тот же день послал ему телеграмму:

«Глубокоуважаемый Сергей Гаврилович! От всего сердца, искренне, горячо поздравляю Вас с присуждением Вам СНК СССР Государственной премии.

Желаю Вам здоровья и многолетней плодотворной работы по созданию новых образцов вооружения Красной Армии. Работайте не покладая рук на благо прекрасной Родины.

Крепко жму Вашу руку.

В. Дегтярев».

Бронебойщики, вооруженные противотанковыми ружьями, созданными двумя советскими конструкторами, были смертельным препятствием на пути немецких танков.

В жестоких битвах под Москвой, на Волге, Курской дуге и в последующих боях они покрыли себя и свое оружие бессмертной славой.

НОВЫЕ ОБРАЗЦЫ

Как-то Василий Алексеевич простудился, начал сильно кашлять, похудел. Сотрудники, заметив это, стали его уговаривать отдохнуть.

— Что вы, я совершенно здоров,— отвечал Василий Алексеевич и продолжал работать.

Опасаясь за здоровье своего руководителя, они вызвали врача и общими усилиями отправили Дегтярева домой.

Был уже вечер. Он выпил лекарство и лег в постель. Но часа через два проснулся и, обеспокоенный делами, позвонил на завод. К телефону подошел сын Владимир:

— Все хорошо, папа, работаем... Между прочим, для тебя есть подарок.

— Что за подарок?

— Шпагин Георгий Семенович прислал свое изобретение — автомат.

— Что ты говоришь?.. Ну я сейчас же иду... Ерунда, чувствую себя хорошо...

Через полчаса Василий Алексеевич, окруженный конструк-

торами, сидел за столом, на котором лежал новенький «ППШ» (пистолет-пулемет Шпагина).

Василий Алексеевич внимательно осмотрел его и улыбнулся.

— Надо разобрать, посмотреть его устройство.

— Сейчас принесу отвертку,— сказал Владимир.

— Я думаю, она не потребуется,— сказал Василий Алексеевич.— Еще когда Георгий Семенович был у нас, он говорил, что сделает образец, в котором не будет ни одного винта.

Осторожно и мягко Василий Алексеевич начал отнимать часть за частью, и «ППШ» в его умелых руках словно рассыпался.

Конструкторы изумленно переглянулись. Каждый из них был поражен предельной простотой устройства нового оружия.

— Посмотрите на детали,— указал Василий Алексеевич,— большинство из них штампованные...

— Да, в производстве такой пистолет-пулемет будут делать за несколько часов,— согласились конструкторы.

— В этом-то и штука! Молодчина Георгий Семенович. Хороший подарок нам прислал, а для армии этот подарок окажется драгоценным!..

Оставшись один, Василий Алексеевич думал об автомате Шпагина. В этой системе были учтены все недостатки «ППД», его пистолета-пулемета. Шпагину удалось создать, безусловно, лучший образец, а удивительная простота устройства позволяла быстро организовать массовое производство «ППШ» на любом из заводов.

«Да, этот пистолет-пулемет, безусловно, получит широкое признание в армии,— размышлял Дегтярев.— Шпагинский автомат легче и дешевле сделать, чем мой, надо сейчас же поздравить Георгия Семеновича с большой победой».

Дегтярева искренне радовал успех своего ученика. Расхаживая по кабинету и обдумывая письмо, он весело щелкал пальцами, говоря вслух:

— Какой молодчина! Какой молодчина!

Его совершенно не волновала мысль о том, что теперь его «ППД» останется в тени. «Мой послужил и послужит еще,— думал он,— а если и будет снят с производства — не беда! Надо только, чтобы шпагинский был немедленно запущен в серийное. Он нужен армии, как воздух. Скоро кичливые фашисты перестанут хвастаться своими автоматчиками. Да, да, перестанут, так и напишу Георгию Семеновичу. Жалко, перевели его от нас, а то бы пошел и обнял его, как сына, за такой автомат...»

В декабре 1941 года, когда гитлеровские армии подошли вплотную к столице, когда над заводом по нескольку раз в сутки появлялись фашистские «юнкерсы», Дегтяреву предложили эвакуироваться в глубокий тыл, чтобы там в спокойной обстановке продолжать свою работу.

Конструктор решительно отказался покинуть родной завод. «Я верю, что враг будет отброшен в самое ближайшее время,— заявил он.— Порукой тому замечательное оружие, созданное советскими оружейниками, которого с каждым днем становится больше».

Скоро его слова подтвердились. В декабре 1941 года советские войска нанесли немецко-фашистским захватчикам под Москвой первый сокрушительный удар.

Старый оружейник со слезами на глазах слушал сообщение Совинформбюро о разгроме немцев под Москвой. Он радовался, что в замечательной победе советских войск был и его труд. Об этом свидетельствовали многочисленные письма воинов, в которых они благодарили его за создание отличных образцов «дегтяревского оружия»...

Неустанно работая сам, Дегтярев всячески поощрял творчество своих помощников, в которых угадывал способности к изобретательству.

Однажды, ранним июльским утром, когда Дегтярев трудился в саду, щелкнула калитка, и в сад вошел человек с большим свертком.

Дегтярев, выглянув из-за куста, узнал гостя и, улыбаясь, пошел ему навстречу.

— С добрым утром, Василий Алексеевич! — приветствовал гость.

— Здравствуй, Максимыч! Какими судьбами?

— Да вот,— он кивнул на сверток,— пулемет принес. Уж не обессудьте, Василий Алексеевич, к вам, как к отцу родному!..

— Ну-ну, рассказывай!

— Что тут рассказывать, вот глядите! — поставив на штабель парниковых рам сверток, гость распахнул простыню.

Перед Дегтяревым предстала модель совершенно нового пулемета.

Она была сделана из дерева, жести, картона, но Василий Алексеевич этого не замечал, все его внимание было поглощено формами и конструкцией нового пулемета.

Горюнов (так звали Максимыча) стоял перед ним, как ученик на экзаменах.

Он был уже не молод. Его каштановые пышные волосы

поредели, лицо посекли мелкие морщинки, только глаза горели молодым огнем.

— Ствол никак приставной? — спросил Дегтярев.

— Да, приставной, чтобы в случае перегрева можно было немедленно заменить другим,— пояснил Горюнов,— а детали больше штампованные, чтобы легче и быстрее,— ведь война!

— Так! — сказал Дегтярев и, прищурясь, стал поворачивать макет, присматриваясь к каждой детали.

Горюнов с волнением переступил с ноги на ногу. «Что-то скажет конструктор?» — думал он.

Дегтярев поднялся и, улыбнувшись, крепко пожал ему руку.

— Что же ты раньше-то молчал, Максимыч?

— Все не верил как-то!..— смущенно ответил Горюнов.

— Понимаю... Сам таким был... Но теперь время другое. Подбери себе двух-трех помощников и сегодня же приходи в бюро. Будешь сам делать свой пулемет. Все устроим, освободим от всех дел. Будешь работать только над пулеметом...

Дегтярева глубоко взволновала встреча с Горюновым.

«Эх, и способный же у нас народ! — говорил он себе.—Ведь простой мастеровой, слесарь, а какую штуку придумал! Да и разве он один...»

Как только Дегтярев пришел на завод, ему тотчас же доложили о Горюнове.

Тот привел с собой племянника, Михаила Горюнова, слесаря седьмого разряда, и его друга, тоже слесаря, высокого мешковатого парня — Воронкова.

Дегтярев познакомил их с конструктором, которого выделил в помощь изобретателю, и сообщил, что для них уже приготовлены станки и отдельное место в цехе.

Горюнов с жаром отдался работе. Напарники, увлеченные его задором, работали с подъемом, и дело двигалось быстро.

Чутьем опытного конструктора Дегтярев угадал в макете талантливое изобретение. Опасаясь преждевременными советами помешать Горюнову, он приходил к ним редко, но через своих конструкторов следил за работой, неустанно и всемерно помогал.

Горюнов чувствовал это. Внимание и забота Дегтярева вселяли в него уверенность, прибавляли сил и энергии.

Когда все детали были сделаны в металле, Горюнов собрал пулемет и сам отнес его в тир для испытаний. Все видевшие пулемет поздравляли изобретателя с удачей. Однако при стрельбе механизм захлебнулся, и никакие усилия не могли привести его в действие.

Горюнов стоял бледный, осунувшийся, его била нервная дрожь.

В эту минуту к нему опять подошел Дегтярев и ласково положил руку на плечо.

— Ничего, Максимыч, ничего, отладим! Я тоже с неудачи начал, крепись. Теперь другое время, тебя поддержит завод, партия, вся страна, наше дело — общее дело!

Опять в цехе закипела горячая работа, теперь уже под наблюдением самого Дегтярева.

Механизм отлаживали, устраняли мелкие недостатки, тщательно подгоняли детали.

Через некоторое время Горюнов так же, как двадцать лет назад Дегтярев, повез свой пулемет в Москву на испытания.

Скоро на заводе была получена телеграмма, извещающая, что пулемет показал хорошие боевые качества.

В цехах царило оживление. Рабочие от души радовались успеху своих товарищей. С Дегтяревым еще накануне говорили из Москвы по телефону о том, что пулемет Горюнова хорош, но тяжел станок и что этот недостаток может оттянуть его приемку. Дегтярев тут же нашел выход: он посоветовал поставить пулемет на станок своей конструкции...

Правительство отметило новое изобретение присуждением Государственной премии обоим Горюновым, Воронкову и их руководителю — Василию Алексеевичу Дегтяреву.

Это была третья Государственная премия, присужденная Дегтяреву.

Горюнов не дожил до радостного часа, когда его пулеметы начали крушить врага. Государственная премия ему была присуждена посмертно.

Станковый пулемет Горюнова был сделан с воздушным охлаждением. Он оказался значительно легче русского «максима» и лучше его в боевом отношении.

Надежное и маневренное оружие было по заслугам оценено на фронте.

Так же, как Шпагин улучшил модель дегтяревского пистолета-пулемета, создав свой «ППШ», Горюнов, сконструировав модель нового станкового пулемета, подарил воинам образец, в котором были учтены требования, выдвинутые Отечественной войной. Образец прочный, надежный и дешевый в производстве, который с успехом заменил «ДС».

Дегтярев от души радовался успехам своих учеников, потому что эти успехи, увеличивая боевую мощь Красной Армии, приближали час окончательной победы над врагом.

В ТЫЛУ, КАК НА ФРОНТЕ

Когда опытные образцы пулемета Горюнова прошли положенные испытания, завод получил боевое задание — срочно наладить серийный выпуск нового оружия.

Это была тяжелая задача, так как завод не располагал даже помещением, где бы можно было организовать новое производство...

Но задачу эту следовало решать немедленно — весна 1943 года вступала в свои права, на фронте шли ожесточенные бои...

Экстренное заседание партийного бюро затянулось за полночь, а нерешенных вопросов оставалось еще много. Собственно, решался всего один вопрос — об организации нового производства, но, чтобы решить его, следовало разрешить десятки других вопросов, от которых зависело главное.

Дегтярев, опустив на руки седую голову, сидел у длинного, покрытого зеленым сукном стола и думал вместе со всеми.

Все члены бюро пришли к единодушному мнению, что для организации нового производства необходимо построить еще один огромный цех. Но этот цех следовало построить в сроки, каких не знала доселе строительная практика. И пока что не было ни проекта, ни материала, ни рабочей силы.

Уполномоченный ГКО, могучий черноволосый человек в простом рабочем костюме, говорил уверенно и властно, как бы чеканя слова:

— О материалах не может быть речи. Главные строительные материалы — кирпич, лес, цемент, стекло, железо, гвозди мы получим немедленно, мелочи изыщем на месте.

— А как же быть с механизмами?

— Правильный вопрос. Без механизмов такую махину быстро не построить. Механизмы должны быть, товарищи! Часть из них мы, безусловно, получим, а другую изготовим сами, силы у нас есть!..

В зале послышался шум одобрения.

— Что касается проекта,— продолжал уполномоченный,— то за ним дело не станет — работники ОКСа обязуются его сделать раньше, чем будет расчищена строительная площадка. Остается решить вопрос с рабочей силой. Нам потребуются тысячи рабочих рук!

В кабинете воцарилась тишина.

— Завод не может выделить из кадровых рабочих и сотни человек,— хмуро сказал директор.— Нам должен помочь город.

— У директора короткая память,— послышался твердый голос секретаря горкома,— город уже давно отдал все людские резервы заводу.

— Товарищи,— продолжал уполномоченный ГКО,— город действительно оказал заводу огромную помощь и будет помогать впредь, но вряд ли эта помощь окажется значительной. Мы должны сделать упор на свой мощный коллектив, на его неисчерпаемые силы.

— Трудно, люди устали, работают по десять-одиннадцать часов.

— Это верно,— послышался голос Василия Алексеевича,— но если надо, все согласятся работать по двенадцать!

— Правильно, Василий Алексеевич,— раздался молодой, звонкий голос из дальнего угла.— Слово прошу, товарищи, дайте мне слово!

— Пожалуйста, к столу, товарищ Минин,— сказал уполномоченный.

Молодой, с задорными глазами секретарь комитета комсомола подошел к столу.

— Товарищи,— возбужденно заговорил он,— я уполномочен просить вас это ответственное дело поручить комсомолу.

Собравшиеся насторожились.

— Не бойтесь,— продолжал Минин,— история ленинского комсомола всем известна — он справлялся не с такими делами. Мы мобилизуем всю молодежь завода.

— А кто же будет работать в цехах? — прервал директор.

— Мы будем работать и в цехах и на стройке,— решительно отчеканил Минин.— После работы все будем организованно выходить на стройку и работать по два часа. Кто тут инженер, пусть подсчитает, сколько получится дней, если каждый из молодых рабочих отработает на стройке сотню часов! От лица комитета комсомола заверяю бюро парткома, что мы справимся с этой задачей!

— А что вы умеете делать? — зашумели строители.— Нам нужны каменщики, плотники, арматурщики!

— Спокойно, товарищи, спокойно,— заговорил уполномоченный.— Я считаю, что нашему комсомолу можно доверить это ответственное дело. Я уверен, что комсомол сумеет поднять на подвиг всю молодежь завода, и не только молодежь, но и пожилых рабочих, весь коллектив! И будьте уверены, товарищи строители, что среди тысяч людей окажутся и каменщики, и плотники, и бетонщики. А если их окажется мало, сделаем их инструкторами, и дело пойдет.

Выступившие вслед за уполномоченным парторг ЦК и секретарь горкома ВКП(б) горячо поддержали предложение Минина. Было принято решение — строительство нового цеха начать силами комсомола!

На другой же день прошли бурные комсомольские собрания во всех цехах. Был создан боевой штаб стройки во главе с инженером Агаповым, составлены строительные бригады, назначены их руководители, заготовлен инструмент.

8 мая утром ночная смена торжественно, под звуки оркестра вышла и направилась к строительной площадке. Молодежь была вооружена длинными железными «пиками» с загнутыми концами, которые были сделаны по совету Дегтярева, носилками и лопатами. Эти «пики» предназначались для того, чтобы растаскивать горы металлической стружки, от которой следовало расчистить площадку под строительство.

Стружка сваливалась тут много лет, она переплелась, слежалась... Комсомольцы старались и поодиночке и группами — рвали стружку стальными крючьями, а она пружинила, не поддавалась, до крови царапала руки и лица...

Несколько дней трудились комсомольцы, работали с самозабвением, а дело не шло. Тогда руководители штаба стройки пришли к Дегтяреву и стали его просить помочь им избавиться от стружки.

— Я уж давно думаю об этом, ребята,— сказал Василий Алексеевич,— но пока ничего толкового...

— Так как же быть? Ведь из-за этой проклятой стружки все дело может сорваться.

— Нет, этого допустить нельзя!

Василий Алексеевич положил несколько спиралей стружки в пепельницу и чиркнул спичкой.

— Вот, глядите! — стружка, потрескивая, загорелась.

Обрадованные члены штаба стройки весело зашумели:

— Теперь дело пойдет! Спасибо вам, Василий Алексеевич.

Но против поджога стружки решительно высказались МПВО и пожарные. Стружка могла вспыхнуть ярким пламенем и гореть не один день. Это грозило демаскировать завод. Кроме того, пламя могло распространиться, а рядом находился склад боеприпасов. Что делать? Как быть? Ведь уходило драгоценное время...

Опять состоялось заседание парткома, на которое были приглашены различные специалисты.

Стружку решено было поджечь рано утром с подветренной стороны, а у склада боеприпасов выкопать ров и создать водяную завесу.

Так и сделали. Огромный столб огня взвился на десятки метров и полыхал несколько часов. Фашистская печать и радио раструбили на весь мир, что немцы разбомбили важный военный объект в России...

Огонь превратил стружку в сплошные глыбы расплавленного, перемешанного с мусором и землей металла, похожего на шлак. Они не поддавались ни крючьям, ни кувалдам.

Опять члены штаба стройки обратились к Дегтяреву.

— Теперь дело пойдет легче,— успокоил их Василий Алексеевич и показал им карандашный набросок.

— Это что за машина?

— Обыкновенный подъемный кран,— пояснил Василий Алексеевич.— На крюке у него на тросе стальная болванка, ее следует поднимать и разом опускать на шлак.

— И что же, расшибет глыбы?

— Надо испытать.

И опять совет Дегтярева помог. Глыбы шлака, разбитые на мелкие куски, без особого труда грузились комсомольцами на машины и платформы. Площадка быстро расчищалась. Видя, что дело идет хорошо, комсомольцы работали со все возрастающим подъемом.

Каждый день после смены тысячи молодых рабочих под звуки оркестров отправлялись к месту работ. Радио передавало сводки и итоги соревнования. К молодежи присоединялись пожилые рабочие и даже старики. Примером для всех был старый мастер дядя Вася Пушков. Он был зачислен в бригаду землекопов Кати Филатовой и показывал пример самоотверженной работы.

Как-то, прочтя о нем в газете, Василий Алексеевич не мог усидеть в бюро и, несмотря на срочную работу, пошел на стройку.

— Ну, как работается, тезка? — весело спросил он, подходя к Пушкову.

— Хорошо, Василий Алексеевич. Помогать пришел?

— Да, вот вырвался, дайте-ка мне лопатку.

Ему подали лопату, и Василий Алексеевич, сняв фуражку и китель, начал трудиться.

Его седая голова резко выделялась среди цветистых платков, и скоро по радио штаба было объявлено:

— Товарищи, сегодня на комсомольской стройке работает Герой Социалистического Труда Василий Алексеевич Дегтярев.

Крики «ура!» и дружные аплодисменты приветствовали старого конструктора.

Стены цеха росли на глазах: каменщиков было немного, зато в помощниках не было недостатка. Кирпичи и раствор подавались проворно, и каменщикам оставалось только укладывать их. Одновременно с кладкой велись плотничные и монтажные работы. Еще не были выведены стены под крышу, а уж в цехе загрохотали прессы, загудели станки, началось производство боевого оружия.

Не прошло двух месяцев с начала работ, как над огромным корпусом взвился красный флаг, возвещавший об окончании работ.

На фронтоне его красовались строгие буквы: «Комсомольский корпус».

После краткого митинга, под торжественные звуки оркестра гордые строители многотысячной колонной проходили мимо величавого красавца. С ними вместе шел и Василий Алексеевич Дегтярев.

Когда он, окинув взглядом новое сооружение, прочел на фронтоне надпись: «Комсомольский корпус», по его щекам покатились слезы.

То были слезы радости и гордости за славную боевую смену, за нашу советскую молодежь, построившую этот огромный корпус во внеурочное время.

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДЫ

Наступила четвертая военная весна. Солнце, как и раньше, светило ярко и весело. Его горячие лучи быстро растопили снега. Земля оделась в чистую зелень.

Небольшой серенький городок расцвел, огласился щебетом птиц и веселыми детскими голосами, словно почувствовал приближение большой радости.

По вечерам на тихих улицах заливалась гармошка, слышались звонкие песни молодежи. Ни одна весна за время войны не была такой дружной, радостной и веселой! Ни один Первомай за последние годы не праздновали с таким ликованием! Эта радость и это всеобщее ликование были вызваны ощущением близкой и окончательной победы — героические советские воины водрузили алый стяг над рейхстагом!..

Радостные известия о победах советских войск, передаваемые по радио, звуки победных салютов воодушевляли тружеников тыла, заставляли их работать вдохновенно.

Василий Алексеевич в эти дни не изменил установленного распорядка своих занятий.

Девятого мая, как восьмого или седьмого, он встал в пять часов и вышел в сад поработать на свежем воздухе, послушать пение скворцов и жаворонков, подышать весенним воздухом, набраться свежих сил перед уходом на завод.

Утро рождалось ясное, теплое, тихое. Легкие облака переливались нежнейшими тонами, недвижный прозрачный воздух был наполнен волшебными звуками. Казалось, что весь этот цветущий и благоухающий мир прикрыли хрустальной чашей и по ней какие-то невидимые музыканты выстукивают десятки нежнейших, непередаваемых мелодий.

Прополов грядку цветов, Василий Алексеевич сел на скамейку и закурил трубочку с душистым табаком.

И вдруг на аллее, ведущей к дому, показалась Вера Васильевна, как четыре года назад, с полотенцем в руках и заплаканными глазами.

— Вася, Василий! — услышал он. И по интонации ее голоса понял, что она выбежала, чтобы сообщить ему не печаль, а большую радость.— Вася, да иди же ты скорей домой — война кончилась! Только сейчас объявили по радио!..

Через некоторое время, надев новый генеральский мундир, все ордена и медали, с огромным букетом цветов, окруженный родными и друзьями прославленный оружейник направлялся на городскую площадь.

Улицы были забиты ликующим народом. Звучала музыка, песни, радостный смех.

Василий Алексеевич, кивая знакомым, смахивал набегавшие на глаза слезы. Он обнимал и целовал старых рабочих, солдат, офицеров и совсем незнакомых, но преисполненных тех же чувств людей.

Конструктор, изготовлявший грозное оружие войны, теперь радовался окончанию войны, как дети, ждущие с фронта своих отцов.

Когда прогремели на весь мир залпы в честь долгожданной победы, Василий Алексеевич уехал на курорт. Отдохнув от долгих лет напряженного труда, он вернулся на завод счастливый, помолодевший и снова взялся за дело.

Опять потекли заводские будни, полные труда и исканий. Опять дни вошли в свой регламент, выработанный годами.

Он вставал в 5 утра, выходил в сад и с упоением работал там до завтрака. Потом закусывал, пил чай и шел на завод, где работал с усердием молодого.

После работы немного отдыхал в саду. Потом там же в беседке или дома принимал избирателей или читал их письма.

За время войны он получил около 18 тысяч писем от избирателей, и ни одно из них не оставил без ответа...

Встретив новый, 1946 год, утром 2 января Василий Алексеевич облачился в генеральский китель и подошел к зеркалу.

На левой стороне его груди сияли: Золотая Звезда, три ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени и три медали, а на правой — ордена Суворова первой и второй степени и орден Красной Звезды — награды Родины за многолетнюю беззаветную службу.

Причесав серебристые волосы, он надел теплую шинель и отправился в клуб на вечер встречи со своими избирателями, которые вторично выдвигали его кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР.

Его появление было встречено бурей оваций.

Василий Алексеевич поднялся на трибуну и тихо сказал:

— Мы должны и будем работать не покладая рук, чтобы оградить нашу страну и все мирные народы от новой войны. Что касается лично меня, то я отдам все свои силы на благо Отчизны, на благо нашего народа.

Спустя несколько дней Дегтярев был вторично избран в депутаты Верховного Совета СССР.

Через месяц Василий Алексеевич приехал в Москву на сессию Верховного Совета СССР и несколько дней провел у своей дочери. В эти дни ему удалось посетить выставку трофейного вооружения, захваченного советскими войсками в боях с немцами и японцами.

Выставка эта произвела на него большое впечатление. Он подходил к огромным побуревшим развалинам «тигров», «пантер» и «фердинандов» и с радостью находил в их броне маленькие сквозные отверстия.

Экскурсовод, узнавший конструктора, подвел его к одному танку и, вынув из дырочки в башне танка бронебойную крупнокалиберную пулю, подал Дегтяреву:

— Узнаете, Василий Алексеевич?

— Наша? — спросил Дегтярев.

— Да, эта пуля была послана в танк из вашего противотанкового ружья. Бронебойные пули из вашего ружья прошибали вражеские танки насквозь!

И он стал показывать Дегтяреву пробоины в танках...

Дома у дочери Дегтярев продолжал думать о выставке, об

огромном количестве поверженной техники врага и с гордостью — о советских конструкторах, инженерах, рабочих, создавших такое вооружение, которое помогло нашим воинам разгромить фашистские армии.

Он вспомнил своих соратников, друзей и учеников, создателей грозного оружия Советской Армии, трудом своим утверждающих мощь родной страны.

Вот высокий седовласый старик с гордой осанкой. Это Токарев. Им неоднократно приходилось соревноваться друг с другом. У каждого были неудачи и успехи. И каждый из них неудачи другого переживал, как свои, и успехам товарища радовался, как своим, потому что оба они работали для своего родного народа, для своей социалистической Родины.

Вот представитель молодого поколения — конструктор Шпагин — творец многих замечательных систем. Теперь он тоже депутат Верховного Совета СССР и Герой Социалистического Труда. Дегтярев гордится им. Это его ученик.

Вот конструктор Симонов — создатель пятизарядного противотанкового ружья, удостоенный Государственной премии. На выставке немало танков, подбитых из его ружья!..

«В нашей стране выращены замечательные творцы оружия, — думал Дегтярев,— и они славно поработали вместе с тружениками тыла. В невиданно короткий срок была перебазирована на Восток военная промышленность и развернуто производство вооружения в гигантских размерах...»

Дегтяреву вспомнились годы империалистической войны, когда на трех русских солдат приходилась одна винтовка, когда десятки дивизий на фронте держались в резерве, потому что их не с чем было послать в бой. Тогда могучая русская артиллерия бездействовала из-за страшного снарядного голода, а пулеметы выдавались в части, как большая, почти музейная редкость...

Ему вспомнилась речь Председателя ГКО, характеризующая подвиг работников оборонной промышленности в эту войну.

Дегтярев отыскал брошюрку с этой речью и открыл ее на памятном месте.

«Известно, что наше вооружение по качеству не только не уступало немецкому, но в общем даже превосходило его.

Известно, что наша танковая промышленность в течение последних трех лет войны производила ежегодно в среднем более 30 тысяч танков, самоходок, бронемашин.

Известно далее, что наша авиационная промышленность

производила за тот же период ежегодно до 40 тысяч самолетов.

Известно также, что наша артиллерийская промышленность производила за тот же период ежегодно до 120 тысяч орудий всех калибров, до 450 тысяч ручных и станковых пулеметов, свыше трех миллионов винтовок и около двух миллионов автоматов.

Известно, наконец, что наша минометная промышленность за период 1942—1944 годов производила ежегодно в среднем до 100 тысяч минометов.

Понятно, что одновременно с этим производилось соответствующее количество артиллерийских снарядов, разного рода мин, авиационных бомб, винтовочных и пулеметных патронов.

Известно, например, что в одном только 1944 году было произведено свыше 240 миллионов снарядов, бомб и мин и 7 миллиардов 400 миллионов патронов.

Такова в общем картина снабжения Красной Армии вооружением и боеприпасами».

«Да,— сказал Дегтярев,— хорошо потрудились советские люди в тылу! Славно поработали оружейники и оружейные конструкторы. Родина никогда не забудет об этом!..»

Вспоминая друзей и товарищей по конструкторской работе, Дегтярев захотел повидаться с ними, поговорить о пережитом, вспомнить годы совместной работы, подумать о будущем...

Как-то вечером он неожиданно нагрянул к своему учителю и другу Владимиру Григорьевичу Федорову.

Машина остановилась у красного кирпичного коттеджа, и Василий Алексеевич, сдерживая волнение, нажал кнопку звонка. «Как-то выглядит Владимир Григорьевич,— думал он,— ведь мы не виделись больше пяти лет...»

— Кто там? — спросил женский голос.

— Дома Владимир Григорьевич? Это спрашивает Дегтярев.

Послышались торопливые шаги по лестнице, глуховатое покашливание и знакомый голос:

— Откройте, пожалуйста. Я сейчас, сию минуту, только надену китель...

Через несколько минут Дегтярев сидел в кабинете, заставленном книгами и цветами.

— А вы все такой же, Василий Алексеевич, не стареете, а ведь как работаете!

— Некогда стареть-то, Владимир Григорьевич!

Федоров налил по бокалу вина.

— Ну, что же, Василий Алексеевич, выпьем за встречу, за ваше вторичное избрание в депутаты, за ваше замечательное оружие!

— Я бы хотел, чтобы мы выпили за ваши труды, за эти тома, написанные вами, за присвоение вам звания генерал-лейтенанта, профессора, доктора наук, действительного члена Академии артиллерийских наук...

— Нет, Василий Алексеевич, давайте выпьем за успехи советских оружейников и за победу русского оружия в этой великой войне.

— И за наши с вами успехи,— добавил Дегтярев,— и, поскольку нам по второй нельзя, за нашу почти полувековую творческую дружбу!..

Однажды после открытия сессии, выходя из зала заседаний Верховного Совета СССР, Василий Алексеевич увидел приветливо улыбающегося человека в штатском костюме и в роговых очках.

«Кто-то очень знакомый»,— подумал он.

— Не узнаете, Василий Алексеевич? — спросил Шпагин.

— Георгий Семенович, вот радость, из-за этих очков признать тебя не мог. Ведь почти шесть лет не виделись.— Дегтярев крепко обнял его.

Несколько часов они провели вместе. Прощаясь, Василий Алексеевич взял со Шпагина слово, что летом тот непременно приедет к нему в гости.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

После войны Василий Алексеевич смог заняться и теми делами, на которые в дни войны никак не хватало времени.

Прежде всего он съездил в совхоз, носящий его имя и находящийся недалеко от города. Еще до войны он помог руководителям совхоза достать саженцы и заложить фруктовый сад. Хотелось теперь посмотреть на этот сад, узнать об успехах и нуждах совхоза и обязательно помочь ему в расширении сада.

Начальник участка садовод Мазуркевич, живой, хлопотливый человек, встретил Василия Алексеевича как дорогого гостя и сразу повел в сад.

— Вот, полюбуйтесь, как поднялись ваши питомцы.

Василий Алексеевич прошелся между рослых веселых яблонь, потрогал налившиеся соком золотистые плоды.

— Хорошие яблони!..— Мазуркевич поднял ветвь густо разросшегося крыжовника.— Посмотрите, Василий Алексеевич!

Дегтярев остановился от удивления — ветвь была облеплена янтарным крупным крыжовником и напоминала огромную гроздь винограда.

— Неужели это из тех саженцев, что я прислал?

— Да, Василий Алексеевич, это ваш подарок!.. А вот не угодно ли посмотреть — владимирка из вашего сада! А там свой плодоягодный питомник и бахчи.

— Молодцы. От души радуюсь вашим успехам. Надо в городе побольше фруктовых деревьев насадить, в колхозы дать, все деревни вокруг одеть в сады!..

Удалось Василию Алексеевичу побывать в техникуме, носящем его имя, встретиться со слушателями и преподавателями.

Побывал он и в Туле у старых друзей — тульских оружейников, которым приходилось изготовлять его боевые системы.

С Михаилом Александровичем Судаковым сходили на завод, осмотрели древний кремль, город и его живописные окрестности. Съездили к старой мельнице, где когда-то ребятами ловили рыбу.

— Да, не узнаешь Тулу,— говорил Василий Алексеевич.— Огромным городом стала. А дома-то, улицы-то какие, заводы — душа радуется!..

Проезжая по окраине города, на одной из улочек они увидели несколько заржавевших танков.

— Это откуда?

— Фашистские. Тулу хотели взять, да нашли здесь себе могилу...

Дегтярев задумался.

— Что нахмурился, Василий Алексеевич? — спросил Судаков.

— Да вот мечтали мы во время войны — разобьем фашистов, заживем мирно и думать даже не будем о войне. Я надеялся, что займусь какими-нибудь изобретениями для механизации сельского хозяйства, а тут, видите,— разные джентльмены оружием бряцают, о новой войне мечтают, грабители.

— Да, Василий Алексеевич, еще много у нас врагов...

— Вот эти танки и напомнили мне о том, что нам, оружейникам, нельзя предаваться отдыху, когда капиталисты готовят атомные бомбы...

Как ни любил Василий Алексеевич тихую жизнь, цветы, птиц, животных, как ни велико было его стремление к миру, он вынужден был думать о войне.

«Чтобы сохранить мир,— размышлял он,— мы должны не только бороться за него, но и быть готовыми ко всяким случайностям. Выбросить оружие всегда можно, но не иметь его — опасно!..» И престарелый конструктор, несмотря на преклонный возраст, чувствовал в себе еще достаточно сил и энергии. На этот раз, как и при создании противотанкового ружья, он опять привлекает молодежь, поручает ей самостоятельную разработку отдельных узлов, заботливо учит, сознательно растит молодое поколение оружейных конструкторов, передает ему свой богатейший опыт и знания...

Работа над новым образцом идет на редкость успешно.

Но вот жестокая болезнь подкрадывается к конструктору и валит его с ног, отрывает от любимого дела, не дает завершить начатую работу.

Но и в больнице Василий Алексеевич не перестает думать о новом образце, просит через навещающих его товарищей передать в бюро, что если упоры будут ломаться, сделать их из ковкого материала... Здесь, в больнице, он принимает своих ближайших помощников, дает им советы, просит использовать предложения, которые он написал, так как говорить трудно...

Здоровье Василия Алексеевича ухудшается с каждым днем. Но сознание его не покидает. В минуты, когда никого из посетителей нет, он думает о советских конструкторах, о Родине, о своем народе.

Ему хочется свои мысли передать потомству. Он подзывает сестру и просит ее записать то, что он считает необходимым сказать.

Сестра садится к его изголовью и старательно записывает:

«Сейчас, когда империалисты угрожают атомными бомбами, наши конструкторы продолжают спокойно работать.

Мы работаем не ради наживы или страха, как изобретатели за рубежом. Нами движет святое чувство служения Отчизне, служения своему народу, великой партии большевиков, которая открыла дорогу к творчеству, дорогу к счастью...»

Под ложечкой страшная боль, трудно дышать. Он отдыхает несколько минут и снова диктует сестре:

«Ни в одной стране мира не созданы такие условия для расцвета изобретательства и конструирования, как у нас, в Советской стране. И нигде не ценится так высоко труд конструкторов, как у нас».

* * *

16 января 1949 года Василия Алексеевича не стало. 18 января во всех газетах были напечатаны следующие сообщения:

«От Центрального Комитета ВКП(б)
и Совета Министров СССР

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают о смерти верного сына большевистской партии, выдающегося конструктора стрелкового оружия, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, генерал-майора Дегтярева Василия Алексеевича, последовавшей 16 января 1949 года после тяжелой и продолжительной болезни.

Центральный Комитет ВКП(б)
и Совет Министров СССР».

Правительство решило увековечить память выдающегося конструктора, всю свою жизнь отдавшего служению народу. В тот же день было опубликовано Постановление Совета Министров СССР. Имя Дегтярева присваивалось заводу Министерства вооружения, на котором последние годы жизни работал Василий Алексеевич. В городе, где работал Дегтярев, решено было воздвигнуть памятник выдающемуся конструктору.

Для наиболее выдающихся студентов-отличников и аспирантов Ленинградского военно-механического и Тульского механического институтов, а также для отличников в Дегтяревском техникуме Министерства вооружения установлены повышенные стипендии имени Дегтярева.

Похороны Дегтярева были поистине всенародными.

Целый день с прославленным конструктором прощались москвичи. В Мраморный зал Министерства вооружения под звуки траурных мелодий беспрерывным потоком двигались люди.

Многие из них, носящие теперь штатскую одежду, когда-то сражались на фронте с дегтяревским оружием. Они пришли отдать дань уважения и сказать последнее «прощай» замечательному изобретателю.

В почетном карауле рабочие, маршалы, генералы, офицеры и солдаты Советской Армии, ученые, конструкторы, оружейники...

После митинга траурная процессия направляется к Курскому вокзалу.

У перрона в черном крепе траурный поезд. Льется шопеновский марш. Женщины и дети несут венки и подушечки с орденами и медалями.

С открытыми головами стоят Федоров, Токарев, Шпагин, Симонов. Гроб с телом Дегтярева вносят в вагон, и под звуки печальных мелодий траурный поезд отходит...

Несмотря на ночь, в Петушках, Владимире, Новках поезд встречают толпы рабочих. Они пришли отдать последний долг человеку, которого любили всей душой.

Рабочие заводов, фабрик, депо, солдаты и офицеры, колхозники ближних и дальних районов пришли проводить в последний путь своего депутата, своего друга и товарища, пользовавшегося большой любовью и уважением...

Прошло всего несколько месяцев после смерти Дегтярева, как вся страна узнала о присуждении ему (посмертно) Государственной премии первой степени. Так высоко была оценена правительством последняя работа конструктора.

Одновременно с Дегтяревым этой высокой награды были удостоены четверо из его сотрудников и учеников...

Прошло несколько лет, и в городском парке установили величественный монумент. Бронзовая скульптура высотой в три человеческих роста застыла на гранитном пьедестале.

Сюда поклониться Дегтяреву приходят воины, которые сражались с его оружием, рабочие, трудившиеся с ним рука об руку, молодежь, для которой жизнь Дегтярева является вдохновенным примером.

Выходец из народа, Дегтярев всю свою жизнь посвятил служению ему. Он трудами своими укрепил его мощь и приумножил его гордую славу. Поэтому светлая память о его благородных деяниях и о нем никогда не померкнет в сердцах советских людей.

1949 г.

ПОВЕСТЬ О КОНСТРУКТОРЕ

1

— Давай, давай, забирай левее... Подтянись! — кричал грузный фельдфебель.

Пыля огромными сапогами, он взбежал на бугорок и, топорща усы, гаркнул:

— Эй ты, лапоть, куда потащился?.. Вороти назад!

Тощий парнишка, согнувшийся под тяжестью сундука и гармони, свесив лохматую голову и не глядя вперед, устало шагал по проселку. Выругавшись, фельдфебель догнал его и с размаху ударил в ухо:

— Иди в ворота, раззява!..

Паренек пошатнулся, засеменил по кругу, но все-таки удержался на ногах.

— Я те научу, подлец, слушать команду,— захрипел фельдфебель.— Марш в ворота!

Паренек сплюнул и, сердито бормотнув что-то, присоединился к толпе.

Новобранцев загнали во двор, обнесенный забором. Побросав сундуки, мешки, баулы, они сразу же кинулись к колодцу. Напившись из деревянной тяжелой бадьи, расселись на пыльной траве — кто покурить, кто переобуться.

— Эх, соснуть бы теперь с устатку!

— Оно бы и перекусить не мешало...

— Хоть бы докурить дали — и то спасибо!..

На крыльцо дома воинского начальника вышел окруженный офицерами седоусый полковник.

— Ссстрой-ся! — закричали в несколько глоток унтеры.

Новобранцы вскочили, начали поднимать мешки, прилаживать сундуки.

— От-ста-вить! — врезаясь в толпу, заревел фельдфебель.— Не слышали команды, сукины дети? Вещи оставить, сами за мной!

Рекрутов построили в две шеренги перед крыльцом. Они стояли пыльные и потные, в старомодных картузах, в треухах, а иные и вовсе с непокрытой головой; кто в армяке, кто в пиджаке, кто в пестрядинной рубахе; лишь некоторые в сапогах, а большинство в опорках да лаптях. Одни — совсем юноши, только пробиваются усы, другие — уже служившие, заросли бородами и выглядят как деды.

Полковник осмотрел строй, поморщился и, ничего не сказав, направился в дом... Скоро туда же начали вызывать призванных.

День стоял тихий. Небо было подернуто легкой дымкой. Пекло.

Расстегнув пропотевшую рубаху, лохматый паренек уселся в тени под рябиной, задремал.

— Ишь, совсем разморило парня,— сказал щупленький рыжеусый рекрут с морщинистым лицом.

— Жидковат, видать, для войны,— бросил здоровенный детина.

— Не гордись, паря, она и тебя обломает. Я вон японскую оттопал, а не скажу, что мне дюже сладко,— заметил пожилой крестьянин.

Он вынул из мешка старый солдатский котелок, сходил к колодцу за водой и, подойдя к пареньку, вылил ему на голову. Тот сразу пришел в себя, вытер подолом рубахи лицо и с благодарностью посмотрел на односельчанина.

— Что, очухался?

— Спасибо, Антип Савельич, а то башку разламывало.

— Теперь ничего?

— Ишо в правом ухе звенит.

Антип усмехнулся в усы:

—То-то будешь помнить фельдфебеля. Первое крещение прошел.

Новобранцы громко захохотали.

— Тише, лешие! Кого-то выкликают.

— Шпа-гин! — кричал писарь с крыльца.

— Тебя, Егорка, беги! — толкнул Антип.— Да не бойся шибко-то — я так думаю, что тебя забракуют.

Егорка вскочил, побежал к крыльцу.

— Антиресно, по какой-такой статье забракуют? — полюбопытствовал другой бывалый солдат.

— У него большой палец не тае...

— У меня шурин вовсе без глаза — и то взяли... чай, три года воюем...

— Мало ли что... у каждого своя планида.

— Шу-хов, на комис-сию! — разнеслось по двору.

— Это меня, робята,— сказал Антип,— присмотрите тут за мешком да за Егоркиной гармонью.

— Ладно, не тревожься, все будет в целости...

В просторной комнате за зеленым столом сидело начальство. Тут же несколько человек в белых халатах осматривали голых новобранцев. Егорка оробел, попятился.

— Куда ты? — прикрикнул на него лысый толстяк в халате.— А ну разоблачайся да побыстрей!

Егор стал снимать рубаху, косясь на лысого. В это время вошел Антип.

— Чего жмешься, Егорка, тут баб нет.— Он быстро, по-солдатски разделся. Егор, последовав его примеру, стыдливо подошел к лысому.

— Ну что, руки-ноги целы, вояка?

— Палец у него не тае, господин фельдшер.

— Показывай! Так... не владеет значит?.. Мм-да..: Похоже, тебя не возьмут, парень.

Егора подвели к большому столу, за которым сидели трое военных. Просмотрев бумаги, один из них, в белом кителе, блеснул стеклышками пенсне в сторону Егора и прошипел сквозь зубы:

— Годен!

— Господин доктор, у него большой палец не владеет...— начал было фельдшер.

— Годен! — громко повторил штабс-капитан, надменно взглянув на фельдшера.

— Одевайся! — скомандовал Егору какой-то военный.

— Да я же по инструкции не подхожу, у меня палец...

— Молчи, болван, доктор лучше знает...

2

Вечером, после бани, остриженный наголо, одетый в солдатское, Егор выпросил у кого-то в казарме зеркальце и, глянув, не узнал себя. Он трогал ладонью шершавую голову и недовольно поводил бровями.

— Что, не узнаешь свою личность? — с улыбкой спросил Антип, обнимая его за плечи.— Не тужи, поначалу-то завсегда так. А потом ничего... свыкнешься...

Антип отошел шага на три, окинул быстрым взглядом Егора.

— Ну ж и обрядили тебя, ядрена-лапоть, хоть сейчас на огород — ворон пугать. Никак, пятый нумер на тебя напялили?

— Какое дали. Мерку никто не сымал.

— Если б глянула на тебя теперь Дуняшка — прощай любовь!

— Хватит, Антип Савельич, и так тошно.

— Да ведь я шутя, Егорка... На меня глянь —тоже как елка без веток. Зато на солдат стали похожи. На то служба!

Егор, ничего не ответив, ушел в угол, сел на топчан.

Только теперь он понял, что прежней жизни пришел конец.

Не сегодня-завтра могут послать на фронт, а там, может быть, и — прощай белый свет...

Егору вспомнилась родная деревня, затерявшаяся среди полей и лесов. Отцовский домик с резными наличниками у окон, с рябинами у плетня. Вспомнилась тропинка во ржи, где последний раз гуляли с Дуняшкой. Вспомнилась и она, веселая, кареглазая.

«Эх! — вздохнул Егор.— Даже и попрощаться-то как следует не довелось...»

Егора и Антипа определили в запасной батальон. Утром, чуть свет, выгоняли за город на большую поляну: обучали шагистике, воинским уставам, отданию чести. Так как на весь батальон оказалось всего две винтовки, стрелковым приемам обучали с палками.

Антип, прошедший японскую войну, был явно недоволен.

— Ну, паря, с таким снаряжением нас могут научить лишь, как улепетывать от ерманца.

— Может, это и к лучшему,— откликнулся другой бывалый солдат,— необученных на фронт не пошлют — там вояки нужны.

— Похоже, что мы и взаправду пока тут останемся. Нас так и прозывают: «резервники».

— Дай бог, дай бог! Башку-то под пули подставлять кому охота?..

Прошло еще несколько дней. Солдаты успокоились, приободрились, дали знать родным. После занятий разбредались по городу: кто к женам, приехавшим из деревень, кто к родителям... Но вдруг как-то ночью забили барабаны, затрубили трубы: тревога!

В казарме раздались заспанные голоса унтеров:

— Выходи, стройся с вещами!

Солдаты всполошились. Одевались суматошно: кто не мог попасть в рукав, кто в штанину. Выходили напуганные.

— Куда это погонят?

— Там объявят, поторапливайся!..

Батальон построили и пешим порядком двинули к вокзалу, где уже стоял наготове красный состав.

Погрузку произвели быстро под крики и ругань унтеров и фельдфебелей. Вагоны закрыли. Вдоль состава поставили часовых.

— Прямо как арестантов везут,— послышался чей-то голос в темноте.

— Раз под конвоем, значит, на фронт.

— Как же на фронт, ведь мы не обучены?

— Там научат,— хрипловато сказал Антип, устраиваясь на нарах.— Война, братец мой, всему научит...

Стало тихо, лишь откуда-то из мрака доносились крики офицеров, ржание лошадей да грохот и скрип телег. В задних вагонах и на платформах продолжалась погрузка.

Прошло около часа, и все затихло.

Но вот мимо крупным шагом прошли двое с фонарем. Послышались какие-то голоса, и резко прозвучал кондукторский свисток. Ему надтреснутым гудком ответил паровоз. Состав заскрипел, заскрежетал и пополз.

Многие солдаты испуганно закрестились — первый раз ехали на «машине». Кто-то сокрушенно вздохнул:

— Эх, даже попрощаться не дали, сволочи!

— Ладно хныкать-то! Заводи-ка лучше песню,— посоветовал Антип.— Егорка, где у тебя гармонь?

— Гармонь-то тут, да не до нее теперь...

— Брось, паря, солдату унывать не приходится. У тебя зазноба осталась, а у меня четверо ребятишек. Чего же мне тогда делать?.. Давай гармонь сюда — и баста! Разгоним тоску.

Антип нащупал в темноте гармонь и, пройдясь по ладам, лихо затянул:

Ты, милашечка, не пой,
Да я топерича не твой,
Я теперь казенный сын.
Эх, под начальством под большим...

3

Поезд продвигался медленно. И чем ближе к фронту, тем опустошеннее казалась земля. Станционные здания облупились — четвертый год не ремонтировались. Привокзальные базары опустели. Редко-редко какая старушонка вынесет бутылку молока или цыпленка. На полях за плугами ходили женщины да подростки.

— Похоже, всех мужиков пожрала война,— вздыхали солдаты и отворачивались от двери. А навстречу, как назло, тянулись и тянулись составы с красными крестами на вагонах. Десятки тысяч раненых, искалеченных людей везли в тыл. И каждому хотелось жить! Пусть безрукому, пусть безногому, пусть слепцу, а все-таки — жить! Некоторые высовывались в окна, махали руками. Что они хотели сказать?..

Солдаты угрюмо молчали... думали. Что их ждет: вечный покой в братских могилах или ползание по папертям церквей с горькими возгласами «Подайте милостыньку инвалиду войны!»?

Уже давно миновало то время, когда на фронт ехали с лихими песнями. Затянувшаяся война осиротила миллионы крестьянских семей. И какие бы ни говорили речи, что бы ни писали в газетах — простым людям было ясно: война несет разорение, опустошение, гибель. Она не может дать народу ни земли, ни воли, ни счастья. А умирать за царя-батюшку охотников оказывалось все меньше и меньше.

Командир полка, чтобы поднять боевой дух маршевых подразделений, приказал ротным на станциях выпускать солдат из вагонов, устраивать пляски под гармонь.

Настроение заметно переменилось. Но после одной такой пляски в Вязьме недосчитались сразу пятерых солдат... Пляски прекратили.

Опять нудная, трясучая дорога. Опять тоска... Антип пытался развлечь солдат рассказами про японцев, про то, как был в плену. Показывал приемы «джиу-джитсу». Его слушали охотно, посмеивались. Он умел ввернуть меткое словечко, прибаутку, даже сыграть на ложках. Солдатам нравился его веселый нрав, и даже Егор, которого нестерпимо грызла тоска, как-то смягчался, веселел.

Но однажды, кажется в Минске, когда эшелон стоял на запасном пути, к вагону подошли две девочки.

— Дяденьки солдатики, подайте христа ради!

Обе они были в лохмотьях. Одна лет семи, а другая совсем маленькая.

Антип выпрыгнул из вагона, поднял меньшую на руки и, отыскав в кармане завалявшийся кусок сахару, вложил в худенькую ручку.

Девочка жадно засунула его в рот.

— Ах, жалость-то какая,— вздыхал Антип,— нечем вас угостить-побаловать.

— Нам бы хоть корочку.

— А мамка-то где у вас?

— Мамка в больнице, в тифу,— сказала старшая,— с бабушкой мы...

Зазвенел колокол.

— По ва-го-нам! — раздалась команда.

Антип опустил девочку, кинулся к вагону:

— Дайте-ка мне мешок, ребята, да скорее!

Подали мешок. Антип быстро развязал его. Положил в подольчик маленькой горсть сухарей, а большой подал аккуратно завязанный в тряпицу кусок сала.

— Нате да бегите к бабушке. Только не торопитесь, глядите, чтобы вас машина не задавила.— И, понукаемый офи-

цером, уже на ходу вскочил в вагон. Он забился в угол и притворился спящим. Ни днем, ни вечером от него не слышали шуток...

На одной большой станции эшелон остановился рядом с составом раненых. Солдаты заглядывали в окна, завешенные марлей, старались увидеть раненых, поговорить с ними. Санитары сердито махали руками, отгоняли от окон. Но вдруг отворилась дверь вагона, и солдат в белье, с забинтованной рукой вышел и сел на ступеньку.

— Браточки, не скрутите ли цигарку?

— Сейчас, сейчас, мигом! — заторопился Антип.— У меня махорочка кременчугская.— Быстро свернув цигарку, он подал раненому. Закурили.

— В руку раненный?

— Да уж руки-то нет, одна кость осталась.

— Что ты, как же это? — спросил молодой солдат.

— Благодарю бога, что голову унес!.. Ад видел кромешный... Ей-богу, не вру. Мы глыбко окопались — пули да и снаряды не берут, так германец по нас «чемоданами»...

— Ишь ты, значит, озверел?!

— Это, братцы мои, такой снаряд «чемоданом» прозывается... Агромадный, как боров... Один не разорвался, так его на двух лошадях еле увезли. И вот как он этот «чемодан» запустит — тут тебе и братская могила! Солдат гибнет — страсть!..

— Ты сам что, тоже под «чемодан» попадал?

— А как же! Я в окопе сидел. Стреляли. Вдруг ж-жжжжж — летит! Я голову-то нагнул, а руку не успел от приклада отдернуть, так ее будто топором — тюк, и готово!..

— А у нас, стало быть, нет таких «чемоданов»?

— И, где там,— раненый махнул здоровой рукой,— винтовок-то не на всех хватает. Целые дивизии в резерве стоят. Так и воюем. Мы их пульками да матюгом, а они нас «чемоданами». Ну да сами скоро увидите...

После встречи с ранеными из состава дезертировали еще несколько человек. Вагоны закрыли наглухо, и до самого фронта солдат везли как арестантов.

4

Шпагин лежал на нарах и думал. Мысли были самые невеселые. Грызла тоска по дому, по родным... Вспоминалось пережитое, особенно детство. Картины минувшего представлялись так живо, словно все это было на днях.

На двенадцатом году жизни, когда Егор кончил приходское училище, отец, Семен Венедиктович, которого в деревне звали «Веденеич», просмотрел похвальный лист и, бережно свернув его в трубочку, положил за икону.

— Ну, Егорша, молодцом! Кончил науки, теперь будем о делах думать...

Осенью, когда отмолотились, отец купил Егору новые лапти и объявил, что возьмет его в город на заработки. Матери было велено отрезать ему холста на портянки и дать теплые носки. Мать, хотя и ожидала этого известия со дня на день, все же растерялась: на лицо пала бледность, губы задрожали, из глаз покатились неудержимые слезы.

— Что ты, Веденеич,— запричитала она дрогнувшим голосом,— какой из него работник, ведь всего двенадцатый годок!..

— Ничего, ничего, мать, я меньше его в люди пошел,— пробасил отец,— небось не пропадет, со мной будет.

Егору давно хотелось увидеть город, и он поддакнул отцу:

— Я уж не маленький, маманя, на молотьбе целый уповод снопы подавал.

— То-то и оно... подрос парень — и нечего баклуши бить... а дома и без него пятеро ртов...

Мать притихла, ушла в горницу и там молча плакала, уткнув лицо в платок. Когда отлегло от сердца, засуетилась, стала готовить в дорогу харчи, штопать одежонку, сушить сухари...

Уложив в повозку немудреный инструмент, старенький войлок с лоскутным одеялом, мешок с сухарями и узелок с едой, по первому санному пути отец с товарищами и Егоркой выехали в город. Четверо односельчан отправились туда еще по теплу и поступили в плотницкую артель, работавшую по подряду на строительстве завода.

Они-то и дали знать Семену Венедиктовичу, что работы довольно и чтобы он с товарищами поспешал, а то как бы подрядчик не нанял других.

Семен Венедиктович считался плотником первой руки. Дюжий, неторопливый в движениях, с рыжеватой окладистой бородой, он выглядел степенным, был спор на руку и сообразителен в деле. Срубы ли рубить, косяки ли ставить, рамы ли вязать — ловчее его не найти! Быть бы Семену артельным, да не позволяла нога: он был хром.

— Если бы не нога, разве лазил бы я по стропилам! — не раз говаривал он, сокрушенно вздыхая.— Нога мне, как шлагбаум, дорогу перекрыла...

Деревенские старики помнили Семена лихим парнем: первым потешником на гулянках, неутомимым плясуном. Когда забрили лоб, Семен и тогда не пал духом. Его за лихость определили в уланы, и он сделался бравым кавалеристом. Но однажды в лагерях ему дали чужую норовистую лошадь. На учении лошадь испугалась выскочившего из кустов зайца, шарахнулась в овраг и выбросила Семена из седла. Он сломал ногу. Нога срослась неудачно, и Семен остался хромым.

Со службы он вернулся другим человеком. От былой лихости не осталось и следа. «Нет уж, теперь баста,— сказал он сам себе,— должно, на веку написано ходить в плотниках». Решив так, Семен не долго печалился. Он обзавелся семьей, стал крестьянствовать, а с осени колесить с плотницкой артелью по многим городам необъятной Руси.

Малоземелье и недороды испокон веку давили владимирского мужика. С незапамятных времен владимирские крестьяне приучались к ремеслу, чтобы не пойти с сумой. Которые потолковей, шли в богомазы — украшали «святые храмы». Эта профессия считалась наиболее выгодной и заманчивой, и, несмотря на презрительную кличку «владимирские богомазы», в иконописцы стремились многие. Но давалось это дело далеко не всякому. Иконописанием промышляли больше палешане да мстерцы, другие шли в плотники, печники, каменотесы. Исстари повелось в этих местах сызмальства обучать сыновей ремеслу. И Семен Шпагин повел сына по той же исхоженной дорожке...

Они приехали в город уже затемно. С трудом разыскали на постройке около штабелей с лесом занесенную снегом землянку, где разместилась плотницкая артель. Землянка оказалась довольно просторной и сухой. От раскаленной плиты тянуло теплом, пахло горячими щами. Навстречу вошедшим из-за стола, стоявшего посредине, поднялся небольшой бойкий старичок с козлиной бородкой и хитроватым взглядом.

— Добро пожаловать, почтенные! — приветствовал он.— А уж мы было депешу посылать собирались, ждамши-пождамши... Ну, располагайтесь тут на нарах, будьте как дома.

— Благодарствуем! — сказал Семен, крестясь и снимая тулуп. Остальные последовали его примеру, потом сложили вещи, подсунули под нары инструмент, помыли руки в углу у рукомойника и сели за стол к большому артельному чайнику.

— А что, оголец-то проводить приехал али тоже плотничать надумал? — хитровато прищурясь, спросил артельный.

— Думаю к рукомеслу приучать,— ответил Семен.

— Ну-к что ж... его пока к Дарье в помощники поставим,— указал артельный на стряпуху, возившуюся у плиты,— будет щепу собирать.

— Самое его дело! — ответил голос с нар.

— Я согласен! — бойко отозвался Егор.

— Ишь, расторопный малый... А как звать-то тебя? — спросил артельный.

— Егоркой!

— Вона! Выходит, тезки мы с тобой... Я тоже Егорием прозываюсь,— сказал артельный.

— Теперь два святителя у нас будут,— усмехнулась стряпуха.

— На тебя, Дарья, хоть десять поставь, ты все равно грешить не бросишь.

— Аль позавидовал, угодничек? — огрызнулась Дарья, состроив рожу бородачу на нарах.

— Будя вам! — примиряюще сказал артельный.

— Ну ты, Егорий-младший,— позвала Дарья,— пойдем, что ли, за щепками.

Егор выскочил из-за стола и, накинув шубейку, вопросительно взглянул на отца.

— Иди, иди, привыкай! — сказал отец.— Я тоже с этого начинал.

5

Егор быстро освоился с обязанностями помощника стряпухи. С утра принявшись за дело, он до полудня успевал запасти щепок столько, что не сжечь до ночи, и после обеда уходил к отцу: присматривался, кое в чем помогал. Он легко усвоил названия незнакомых инструментов, знал, для чего и как их применять. Присматриваясь к мастерам, приобрел кое-какие навыки и решил сам попробовать плотничать. Как-то, набрав горбылей, которые не шли в дело, он потихоньку перетаскал их к землянке. Где-то раздобыл несколько стояков и принялся за дело, задумав сколотить сарай для щепок.

Вечером, возвратясь с работы, плотники удивились:

— Неужто Егорка сбил?

Артельный сам осмотрел сарай, попробовал, крепко ли он сколочен, и остался доволен:

— Да ты, малый, башковит, однако. Ужо я велю, чтобы тебе подыскали какую-нибудь работу на постройке.

После этого разговора Егор стал стараться еще больше и набил щепками сарай до самой крыши.

— Работящ у тебя сын-то, Веденеич,— сказал артельный.— Ты вели-ка ему прийти завтра в обед, погляжу я, не сгодится ли он при деле...

И вот Егора поставили на обстругивание досок. Он взялся за дело горячо и довольно ловко орудовал шерщеткой, но доски были сыроваты, неподатливы. Проработав часа два, Егор взмок.

— Золотой ты малый,— осмотрев его работу, сказал артельный,— но жидковат и мал для нашего дела. Побудь пока при стряпухе, а подрастешь — я сам возьму тебя в помощники.

Егора эти слова обидели, и он перестал ходить на постройку. Отец, заметив обиду сына, как-то сказал ему:

— Ты не горюй, Егорша. Вот ужо вернемся домой-то, я тебя так поднатаскаю в нашем деле, что любой мастер в подручные возьмет.

— Я и сейчас бы мог, только...

— Ладно, сейчас еще мал... побудь пока при стряпухе, а когда будет тоскливо, приходи ко мне, присматривайся. А на артельного серчать нечего... другой то же бы сказал...

С наступлением морозов к стряпухе Дарье, дородной, краснощекой бабе, повадился бывший матрос, здоровенный детина, Федор Охрименко. Все знали его как участника Цусимского боя. Ходил он в распахнутом бушлате, выставляя напоказ вылинявшую тельняшку, и лихо заламывал бескозырку с потускневшими золотыми буквами: «Сысой Великий».

Как только появлялся «Хведор», стряпуха менялась в лице, добрела и ласково выпроваживала Егора, иногда даже давала семишник на семечки:

— Ты сходи, Егорушка, навести отца да посмотри, что деется на постройке-то...

Когда Егорка возвращался, матрос обычно бывал уже навеселе и охотно пускался в рассказы про Цусиму. Память у него была замечательная. Он наперечет знал названия русских и японских судов, помнил не только фамилии, но и имена многих командиров. Разложив на длинном столе щепки, он наглядно показывал, как шли наши корабли, как японские, изображая то кильватерную колонну, то строй пеленга, то фронта, то клина. Рассказывая о самом себе, он приводил

множество холодящих душу подробностей, сыпал непонятными словами: полундра, спардек, отсеки, склянки, рында, румбы, реляции. Егорка слушал его, затаив дыхание, рисуя в воображении жестокий морской бой. Иногда в середине рассказа матрос вдруг умолкал, вытирал рукавом навернувшиеся слезы и, вскинув голову, запевал:

И судно охвачено морем огня,
Настала минута прощанья...

Наслушавшись рассказов матроса, Егорка иногда вскакивал ночью и выкрикивал непонятные слова: «Асахи!», «Минаса!», «Мацусима!».

Рассказы о Цусимском сражении крепко врезались ему в память, вызвав в душе горячий интерес к морю, к мужественным и смелым русским матросам, к грозным крейсерам и стремительным миноносцам. И хотя он за зиму успел многому научиться в плотницком и столярном деле, это занятие теперь как-то стало меньше нравиться ему. Егора влекло море. Очень хотелось стать моряком.

Весной, вернувшись в деревню, Егорка собрал мальчишек и долго им рассказывал страшные истории про морские баталии, про битву при Цусиме. Все вместе они пошли обследовать небольшую речушку за деревней и, облюбовав в ней тихую заводь, решили, что это замечательная гавань для стоянки флота. По предложению Егорки решено было построить свою тихоокеанскую эскадру. Егорка отыскал подаренный матросом журнал, где был изображен героический крейсер «Варяг» и несколько новых броненосцев, погибших в Цусимском сражении. По облику этих судов и решено было строить эскадру.

Как-то утром, когда отец выехал в поле на пахоту, Егорка вытащил во двор его инструменты, созвал ребят, и «постройка кораблей» началась. Работа подвигалась довольно быстро, так как в дело были пущены заготовленные отцом сухие доски и липовые чурки. Но в тот момент, когда Егорка выравнивал высокий нос крейсера «Варяг», острая стамеска сорвалась с дерева и впилась ему в руку. Залитый кровью, он прибежал к матери. Сбежались соседи, вызвали бабку Акулину, но кровь остановить никто не мог.

Прискакавший на взмыленной лошади отец супонью перетянул руку Егорки, уложил его в тарантас и отвез в город. Егора положили в больницу.

6

Вернувшись домой, Егор ничем не хотел напоминать о своем увечье. Он делал всякую работу по дому, даже помогал соседям. Но отец никак не мог забыть про его искалеченный палец: потихоньку обдумывал, подыскивал для Егора подходящее место. Как-то вернувшись из города, он собрал всех домочадцев и объявил:

— Ну, молитесь богу за Егорку всей семьей — хорошее место ему приискал. Купец Андреев, из Рыльска, свояк нашего подрядчика, сулил взять к себе в лавку. Будем учить на приказчика. Житье на всем готовом, да еще жалованье пятнадцать целковых в месяц.

— Слава те господи! — перекрестилась бабка.

— А через два года, как обучит,— продолжал отец,— обещал справить новые сапоги и костюм.

— Счастье-то какое,— со слезами сказала мать,— лишь бы не передумал только.

— Да уж передумывать резону нет — тридцать целковых вперед дал... Ты, стало быть, мать, снаряжай его в дорогу. Завтра должны быть в городе.

Отец посмотрел на Егора, ласково потрепал его по плечу:

— Ну что, доволен, корабельщик?

Егор усмехнулся, промолчал.

— Ой, господи, а вдруг да не поглянется ему? — опять вздохнула мать.— Ну-ка, сладко ли малому одному-одинешеньку у чужих-то людей... Небось и кормить-то не досыта будут.

— Не бойся, с голоду не умрет. Не хныкать, а радоваться надо! Ты-то чего молчишь, Егор?

Егор улыбнулся, бодро вскинул голову:

— Я ничего... Я поеду!..

Купец Андреев оказался небольшим пухленьким человечком с маленькими колючими глазками и толстыми губами. Егора он встретил довольно приветливо:

— Если будешь стараться и слушаться — выведу в люди и награжу! Только у меня ни-ни! Вольностев не допускаю.

— Он парень работящий, а уж насчет честности и говорить нечего...— сказал отец.

— Слышал! Потому и везу бог знает куда...

Но торговая карьера Егора оборвалась так же неожиданно, как и началась.

Месяца через два по распоряжению хозяина один из приказчиков отвез Егора на хутор Андреевку и передал из рук

в руки рыжебородому дюжему мужику Фролу, который правил там всеми делами.

Фрол, оглядев щупленькую фигуру Егора, задумчиво почесал бороду:

— Ты что, родственником доводишься хозяину-то?

— Какой он родственник,— вмешался приказчик,— учеником в лавку был взят, да проштрафился... хозяину согрубил. Гордости в нем больно много. Вот тот и велел его сюда спровадить. Пусть, говорит, Фрол его уму-разуму научит...

— Так, значит, вроде в работники его?

— Да уж это как вашей душе угодно...

— Ладно, скажи хозяину, что я его к месту определю. Век будет помнить андреевский хутор...

Приказчик распрощался и уехал.

Фрол хотя и крут был на руку, но ничего не делал опрометчиво; он пригласил Егора в дом, решив сначала хорошо допросить.

Егор сразу почуял во Фроле своего врага, но не испугался и решил рассказать все, как было.

— За собакой в лавке велел убрать, а я не послушался...

Фрол задумался, долго теребил бороду, поглядывая на Егора.

— Да, дерзко повел... не по годам дерзко...

— Я же нанимался не дерьмо убирать.

— Н-да... тяжело тебе, парень, придется в жизни... А ежели в работники определю — и вовсе хана... Ну, да и я бываю лют не со всеми... Коров случалось пасти?

— Как же, в деревне рос,— обрадованно сказал Егор.

— Ладно, пошлю тебя помощником к пастуху.

— Спасибо! — оживившись, сказал Егор.

— Сегодня переночуй с работниками на сеннике, а завтра с утра переправим тебя на тот берег Сейма: будешь жить с дедом Макаром... Моли бога, парень, что ко мне попал... Другой бы тебя в дугу согнул, за хозяина-то...

Егор сразу же подружился с подслеповатым пастухом дедом Макаром. Жили в сторожке. Дед не разлучался с выношенным полушубком, старым, облезлым псом Полканом и с еще более старым, чем они оба, дробовиком.

Немного дальше, по ту сторону хлевов и навесов для скота, была еще одна хибара, в которой жил старый егерь Никанор, оставленный тут за сторожа. Других жителей на этом берегу не было.

Чуть занималось утро, уж с того берега слышались крики перевозчика, позвякивание подойников и женские голоса —

это бабы ехали доить коров. Со вступлением их на левый берег дед будил Егора — для пастухов начинался трудовой день. Едва бабы успевали подоить коров, как пастухи выгоняли стадо в луга.

Егору нравилось встречать красочные восходы солнца на широких луговых просторах, когда оно, вставая из-за темного леса, окрашивало все вокруг в пурпур и золото. А как хорошо было выкупаться в сонной, еще не успевшей остынуть за ночь реке; босиком пробежаться по росистой траве за ушедшими к лесу коровами; попить чайку с земляникой у костра под могучим вязом.

В ненастную погоду, когда лили надоедливые дожди, он любил посидеть в шалаше, послушать рассказы деда Макара или старого егеря Никанора. Никанор жил в Заречье за сторожа, но промышлял рыбой, поставляя ее к столу хозяина, а по весне и осени добывал дичь. Он, как всякий рыбак и охотник, любил рассказывать про свои былые успехи. А так как других слушателей, кроме пастухов, не было, Никанор большую часть времени проводил в шалаше у Макара. Егору неплохо жилось со стариками: он чувствовал себя вольготно, отдыхал душой.

Но неожиданно случилась беда. Как-то после дождика дед Макар направился к озеру драть лыко для лаптей. Было тихо. Воздух был пропитан запахами трав, мокрой коры и прелой листвы, от чего клонило в сон. Егор, набегавшись за день за коровами, прикорнул у старого вяза. Вдруг от озера донесся испуганный голос деда:

— Егор, Егорша, скорей!

Этот крик услыхал и Никанор. Оба они бросились в кустарник и увидели деда Макара лежащим на траве с разутой и сильно вздувшейся ногой.

— Змея проклятая укусила, сил моих больше нет... Христом-богом прошу, хоть волоком дотащите до перевоза...

Деда Макара свезли в город, в больницу, а вместо него в пастухи прислали бывшего церковного звонаря, пьяницу Онуфрия. Тщедушный, с маленькой головкой, с черными злыми глазками, он очень походил на хорька. Онуфрий сразу невзлюбил Егора и стал придумывать для него поручения, одно другого замысловатей и коварней. То велит выбрать у Никанора из морд рыбу, свезти ее на тот берег в кабак и обменять на водку. То прикажет выдаивать коров, а молоко продавать плотогонам или относить в каменный карьер рабочим. Он всячески изощрялся в изобретении способов добывания денег на водку. А напившись, передко бил Егора.

Егор пробовал искать защиты у егеря Никанора, но тот, подпаиваемый Онуфрием, только махал рукой:

— Ничего, парень, меня еще шибче бивали...

До осени было уже недалеко, и Егор решил терпеть. Както он нашел в лесу заблудившегося щенка и, приютив его, привязался к нему. Дружба со щенком, который рос на глазах, скрашивала серые дни.

Но когда подступили холода, он не выдержал и убежал к отцу: «Коров-то пасти я и дома смогу»...

7

Отца и мать сильно взволновало то, что ему не удалось стать приказчиком.

— Дури в тебе много, Егорка,— с гневом сказал отец,— должно, мало бил я тебя сызмальства.

— В тебя он пошел, Веденеич,— сказала мать.— Вспомни, сам-то каким был смолоду. Чуть-что — и распетушишься... никакой обиды стерпеть не мог...

— Нет, ты подумай только, какого места лишился,— прервал ее отец,— ведь через год в приказчики бы вышел...

— Я лучше в трубочисты пойду, чем так...

Ну ладно, не кипятись... в трубочисты не в трубочисты, а что-то делать надо. С плотницкой работой ноне совсем худо.

— С дедом печи пойду класть.

— Ладно, поработай пока с дедом, а там поглядим,— согласился отец.

Егору вспомнилось, как осенью он ходил с дедом по деревням. Где кожух почпнят, где печь переберут. Дед был очень доволен помощником. Егор быстро схватывал, легко запоминал и ни от какой работы не увиливал. Однако к зиме печная работа кончилась, и Егору пришлось поехать в губернский город Владимир искать себе промысел.

Было это в 1913 году. Владимир в ту пору жил застойной, мещанской жизнью. Заводов в нем не было, фабрик тоже. Зато почти на каждом углу то церковь, то лавка, то трактир. Егор толкнулся насчет работы на железную дорогу и в депо.

— Нету, своих сокращаем! — был ответ.

Попробовал заглянуть в лавки.

— Не нуждаемся! — отвечали ему.

С полдня пробродив по городу, Егор вышел на площадь и остановился удивленный: перед ним вырос величественный, белый, с золотыми куполами и шпилями собор.

Как раз кончилась обедня, и из собора стали выходить горожане; больше купечество — с многочисленными семьями, в ярких одеждах; чиновники с женами и детьми; офицеры... Сквозь нарядную толпу Егор пробрался к выходу и увидел множество убогих и нищих, сидящих прямо в пыли и выставляющих напоказ свои увечья. Они жалобно пели на разные голоса одно и то же:

— Подайте милостыньку убогому христа ради!..

— Не откажите копеечку на пропитание!..

Огромное скопление нищих удивило и раздосадовало Егора. Он направился к откосу, где стояли молодые парни, любуясь необъятными заречными лугами, уходящими далеко за Клязьму. На том берегу, пересекая широкую луговину, далеко-далеко, к самому горизонту, к синеватым лесам, тянулась прямая, ровная дорога.

— Куда же эта дорога ведет? — спросил Егор.

— В Судогду!

— А там что, в этой Судогде?

— Царствие небесное! — съязвил один из парней.

— А чего туда столько подвод идет? — словно не слыша издевки, спросил Егор.

— Там стекольный завод,— пояснил другой парень.

— А далеко это?

— Верст тридцать будет, а что?

— Да так, ничего...— Егор еще раз поглядел на дорогу и стал спускаться вниз.

На другой день он достиг Судогды и нанялся возчиком на стекольный завод. Работа возчика зимой нелегка, особенно в морозы и метели. Но Егор был рад и такой работе. «Все-таки заработаю на кусок хлеба, а там, может быть, удастся подыскать что-нибудь получше». Ему хотелось освоить какое-нибудь ремесло.

Иззябнув на ветру, он нет-нет да и забегал погреться в гуту (цех, где плавили стекло). С любопытством наблюдал, как стеклодувы в прожженных фартуках подходили к огнедышащим пастям стеклоплавильных печей и брали на длинные трубки комки раскаленного добела стекла. Отойдя в сторону, они начинали дуть в трубки, выдувая прозрачные пузыри, потом эти пузыри опускали в стоящие на полу формы и дули снова. Так рождались бутылки, кувшины, жбаны.

— Ты что, парень, уставился? — спросил его как-то изможденный человек в кожаном фартуке.— Никак, в стеклодувы хочешь?

— Да не знаю еще... присматриваюсь.

— А ты спытай, узнаешь, как сладка наша работа.— И он дал Егору трубку с огненным шариком на конце.

Егор вобрал в себя воздуху и начал дуть. Огненный шарик расширялся очень медленно. Егор передохнул и снова напыжился.

— Дуй! Дуй! — подбадривал стеклодув.— Не жалей силенок.

Егор опять передохнул и снова напыжился изо всех сил. У него захватило дыхание, зашумело в ушах и на глазах выступили слезы.

— Ну что, сладко? — спросил стеклодув.— Нет, парень, еще пока молод и есть силенки, беги отсюда как можно дальше...

Иногда, чаще всего летом, Егор заглядывал в гранильный цех. Ему правилось наблюдать за гранильщиками. Прикрыв глаза стеклянными колпаками, они огранивали графины и жбаны на тонких дисках абразивных кругов и наносили на стекло самые причудливые узоры. Среди гранильщиков были тонкие мастера «глубокой грани». По ранее нанесенному рисунку они вырезали на стекле тончайшие кружевные узоры. Егор понимал, что это не простая работа, а высокое искусство, и это его увлекало.

Он как-то сам нанес восковым карандашом инициалы с виньетками на обыкновенный стакан и, придя в гранильный, попросил одного из мастеров допустить его к диску.

Мастер встретил Егора с улыбкой, одел на него стеклянный козырек и показал, как надо пользоваться абразивным диском. Егор осторожно приступил к работе. Но не успел он сделать и десятой доли рисунка, как мастер остановил его:

— Ну, хватит, парень, запорол свое изделие начисто: в четырех местах прорезал стакан насквозь.

Егор вздохнул:

— Жалко! Хотел научиться вашему ремеслу.

— Не советую, парень. Мне тридцать шесть, а небось ты дашь все пятьдесят!

— Да, пожалуй... а почему?

— Потому что все внутренности у меня изъедены стеклянной пылью. Да так и у других, впрочем... От нее никому спасенья нет.

Егор, ничего не сказав, вышел из цеха.

8

Дела на фронте шли с переменным успехом — без особых продвижений с той или другой стороны. Это позволило только что прибывший полк оставить в резерве. Полк разместили в лесу, в палатках и землянках, оставшихся от другой части. Солдаты старались получше укрыться в землю, так как еще по пути от станции подверглись нападению немецкого самолета, сбросившего несколько бомб. Одна из них угодила в колонну, убив ротного и четверых солдат.

Новый ротный прибыл из штаба армии. На другой день по его приказу рота ушла в лес на поляну для обучения практической стрельбе. В глухом овраге установили мишени, поодаль расставили часовых. Стрельбе из винтовок обучали унтер-офицеры.

В полдень на учение приехали верхом командир полка и начальник штаба. Когда они подъехали к лужайке, гдо лежали на животах пятеро приготовившихся к стрельбе солдат, кто-то крикнул: «Смирно!» Солдаты вскочили, вытянулись.

— Отставить! — сказал седоусый полковник и слез с лошади.

— А ну покажите, молодцы, как вы стреляете?

Солдаты опять улеглись на траве. Справа, у начальства на виду,— Егор Шпагин.

— По мишеням, на быстроту и точность — пли!

Солдаты начали стрельбу. Быстрее всех разрядил обойму Антип. Егор замешкался и кончил последним.

— Ты что лодырничаешь? — толкнул его сапогом ротный.

— Никак нет, ваше благородие, быстрей не выходит!

— Эт-то по-чему?

— У него, ваше благородие, палец пе владеет,— сказал Антип.

— Что такое? Покажи!

Егор вскочил, вытянулся, показал омертвевший палец:

— Не гнется, ваше благородие.

— Черт знает что такое,— сказал, подходя, полковник.— Наприсылали каких-то калек, а вы извольте воевать с ними... Капитан, отправьте этого солдата в ремонтную команду.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Ты смыслишь в мастерстве? — спросил полковник Егора.

Тот замялся, потупился.

— Смыслит, ваше высокоблагородие,— выручил Антип,— у них вся семья мастеровые.

— Эт-то что за заступник?

— Солдат Антип Шухов, кавалер Георгия за бои под Ляояном.

— Молодцом! — похвалил полковник.— Оказывается, есть тут и настоящие солдаты...

На другой день Егора перевели в ремонтную команду, которая помещалась в старом заброшенном сарае. Он поужинал и улегся спать на нары. А ночью его растолкали товарищи:

— Вставай, Шпагин, наши уходят на передовую.

Егор со всех ног бросился к лесу — благо светила луна и было хорошо видно. Он отыскал Антипа, крепко сжал его руку:

— Увидимся ли?

— Не знаю, Егор, на войне загадывать нельзя. А ты, коли улыбнулось счастье, держись за него обеими руками.

— Спасибо, Антип Савельич, что поддержал меня перед начальством, не побоялся.

— Ладно, чего тут... вот, ежели со мной что случится, уж ты того... не забудь Настасью Семеновну с ребятишками.

— Да что ты, что ты, Антип Савельич!

— Молчи, я больше тебя прожил... прощай!

Они обнялись. Егор, не в силах сдержать слезы, припал к колючей щеке Антипа. Антип отстранился.

— Ну-ну, не хныча, выше голову! Наше дело солдатское, раскиснешь — пропадешь.— Он пожал Егоркину руку и ушел в темноту... Егор долго стоял, прислонясь к одинокой березе, и вслушивался в гул шагов роты, отчетливо отдававшихся в тишине.

9

Оружейная мастерская разместилась под брезентовым навесом, наскоро пригнанным впритык к деревенской кузнице. Кузница эта, как и все сельские кузницы, стояла на отшибе от селения, где расположился штаб полка.

Оборудование мастерской состояло из разборных верстаков с тисками, легкого сверлильного и небольшого токарного станков, походного горна да ящиков с инструментами и запасными частями для винтовок и пулеметов. Словом, в ма-

стерской было лишь то, что без особого труда можно было перевозить на телегах.

Заглянув под навес, Егор увидел за верстаками четверых солдат. Все они сосредоточенно занимались своим делом и, казалось, были поглощены какими-то думами.

Егора никто не заметил. Он подошел к самому пожилому солдату.

— Скажите, а кто тут оружейный мастер?

— В кузне он, а тебе зачем?

— Да вот послали к вам в подручные.

Солдат окинул суровым взглядом щупленького Егора:

— Ты что, из мастеровых?

— Нет, я деревенский.

— Кто там? По какому делу? — послышался глуховатый голос, и из кузницы вышел маленький пожилой человек в унтерских погонах, с трубкой во рту.

— Новое пополнение прибыло, Яков Васильевич,— с усмешкой кивнул на Егора солдат.

Егор подал записку от ротного. Мастер, посасывая трубочку, прочитал, посмотрел на Егора изучающе:

— Откуда сам-то?

— Владимирский.

— Владимирский богомаз! — бросил кто-то из солдат, и все громко захохотали.

— Не богомаз, а хрестьянин,— огрызнулся Егор.

— Мастерства не знаешь?

— Кое-что умею... с отцом и дедом в отхожие промыслы ходил.

— Что делал? — спросил мастер.

— Плотничал и печи клал.

— Чего же тебя к нам послали?

— Палец у меня не сгибается, жилы стамеской перерезал.

— Н-да... что же мне делать с тобой?.. Погоди, погоди... а ведь и для тебя, парень, есть работа, право! Да еще как пригодишься-то. Айда-ка со мной. Там у горна кожух обвалился — вот тебе и работа на первое время.

— Это я могу,— с уверенностью сказал Егор и пошел за мастером.

— Ты гляди,— усмехнулся рыжеусый солдат,— из молодых, да ранний!.. Тоже мастеровым оказался.

— Не кажи гоп до сроку...— угрюмо пробаснл коренастый детина,— побачимо, шо вин зробыть...

Оружейный мастер Яков Васильевич Деднлов, не выпуская трубки изо рта, внимательно следил, как Егор замеши-

вал на листе жести глину и песок, как, выбрав в ящике широкое зубило и молоток, разбирал кожух, аккуратно очищал и складывал кирпичи, как потом, прочистив дымоход, старательно выкладывал кожух, обходясь без нужного инструмента, орудуя, вместо мастерка старым топором без топорища.

К обеду работа была окончена. В горне развели огонь, подсыпали древесного угля. Кузнец, обряженный в солдатскую гимнастерку и брезентовый фартук, качнул мехи:

— Тяга что надо!.. Глядите!

— Да ты, я вижу, мастак в этом деле,— усмехнулся Яков Васильевич.— Молодцом!.. Но вот печей у нас больше нет... что же мы с тобой делать будем?

— В молотобойцы бы его,— сказал кузнец,— да жидковат, пожалуй, не выдюжит.

— Погоди, ты говоришь, плотничал с дедом? — спросил мастер.

— С отцом, дед у меня печник.

— А по столярному можешь?

— Не знаю... смотря что.

— А ну, пойдем поглядим.

Дедилов достал из-под верстака разбитую ложу от винтовки.

— Видишь? Должно, о чью-нибудь башку раскололи.. Ну-ка сообрази, что с ней можно сделать?

Егор осмотрел ложу. Нагнулся, достал вторую половину, сложил.

— Ну, что задумался?

— Можно склеить... еще послужит.

— Ну а если опять по кумполу? Ведь разлетится?

— Так ведь и целая раскололась.

Мастер усмехнулся:

— Ладно, склеивай, латай... а там будет видно...

10

В ремонтной команде народ собрался великовозрастный — редко которому меньше сорока, а то и старше. На Егора все смотрели как на мальчишку. И место ему дали похуже, в самом углу, и к столу пускали после всех, так что он ел всегда на нарах.

Егор чувствовал себя чужим в этой компании и сильно тосковал. Хотелось повидать Антипа, но третья рота все еще была на передовой.

Вечером, после работы, Егор забивался к себе на нары и писал письма домой. Хотелось излить душу, поговорить с дорогими людьми. Уж отослал он этих писем чуть ли не десяток, а ответа все не было. По ночам Егору снилась родная деревня. С каким наслаждением он ходил с кузовком по знакомым грибным местам, купался в Клязьме!

А утром, заслышав трубу, вскакивал, бежал с котелком на кухню и, наскоро перекусив, шел в мастерскую.

В мастерской, как и в казарме, он чувствовал себя одиноко. Другие мастеровые, за исключением украинца Евтушенко, были туляками и крепко держались друг друга.

Но как-то за спиной Егор услышал глуховатый голос мастера:

— Вот здесь и будешь работать, землячок. Дело тебе известное — рассказывать нечего.

Егор обернулся и увидел рядом с мастером Дедиловым низкорослого, похожего, на цыгана солдата с обкуренными черными усами и бородой.

— Вот, Егор, прибыл к нам заправский мастер по ложам. Ты теперь будешь подручным у Никанора Ильича Сазонова.

— Давай, давай, я его вышколю,— сказал бородатый солдат,— у меня человеком будет. Сразу поймет, с какого конца ружье заряжать.

Егор подошел к Сазонову:

— Что же мне делать, Никанор Ильич?

Тот, порывшись в кармане, вынул полтину:

— Слетай на деревню в шинок, добудь бутылку «смирновки».

— Не пойду! — решительно заявил Егор.

— Чаво ты сказал? — бородатый огромной черной пятерней потянулся к Егору. Но тот схватил лежавшее на верстаке дуло винтовки и тяжелым концом замахнулся на обидчика:

— Только тронь — голову размозжу.

Мастер бросился между ними:

— Это что? Под суд захотели, курицыны дети? Клади ствол, Шпагин! Чего взбесился?

— Пусть не лезет,— выдохнул Егор.

— И ты хорош, Никанор Ильич, нечего сказать. Ну чего измываешься над парнем?

— Я ему еще втемяшу как-нибудь кулаком по затылку. На кого руку подымает, сморчок!

— Я те втемяшу, дурья голова. Ишь, взъершился... Доложит ротному, и пойдешь в окопы как пить дать.

Сазонов отошел, сел на скамейку, тяжело дыша.

— Ну вот что, Шпагин,— миролюбиво тронул его мастер,— попетушился и будя. И чтобы никому ни слова. Понял?

Егор молча кивнул.

— Ну и ладно. А ремеслу сам буду тебя учить. Айда!

Он привел Егора в кузню, где на верстаке лежали поврежденные винтовочные стволы.

— Вот, поначалу будешь учиться выправлять стволы. Сумеешь?

— Попытаю, думаю, что смогу.

Егор взял лежавший на верстаке молоток и, положив ствол на наковальню, замахнулся.

— Э, погоди,— остановил мастер,— этак ты их не выправишь, а изуродуешь. А вот поди-ка сюда. Положи вот этот дубовый чурачок на бабку. Так, ладно. Хорошо... Вот у тебя и наковальня. Понял?

Порывшись в ящике, мастер достал деревянный молоток.

— Чуешь? Клади-ка теперь ствол на чурак. Хорошо! А теперь гляди.

И, поворачивая левой рукой ствол, мастер стал осторожно ударять по нему деревянным молотком.

Потом поднял ствол в вытянутых руках, посмотрел на свет:

— Так, ладно... давай-ка вот еще здесь, у мушки, разок-другой ударим...

Когда ствол был выправлен, мастер дал его осмотреть Егору:

— Ну, понимаешь, что к чему, садовая голова?

— Понимаю!

— То-то! А то ишь, чуть не убил Никанора-то. И меня бы мог под острог подвести. Довольно и так немцы бьют нашего брата. Надо друг друга жалеть, а не убивать.

— Да я разве, если бы не он...

— Ну-ну, ладно, будет об этом. Дело-то уразумел ли?

— А чего тут... работать смогу.

— Только дадут ли работать-то?

— А что?

— Да вон вчера соседнюю дивизию немцы начисто расколошматили. Наши еле прорыв заткнули. Народу полегло видимо-невидимо. А что завтра будет — бог весть...

11

В последующие дни на фронте опять установилось затишье. И хотя чувствовалось, что эта тишина ненадежна (по ночам с той и с другой стороны слышались передвижения), в тылах, даже самых ближайших, жили спокойно. Мастеровые из ремонтной команды вставали по трубе, завтракали и шли на работу.

Егор быстро освоился с новым делом. Яков Васильевич был доволен им. Иногда он останавливался около верстака Егора, вступал в разговор.

— Ты, Егор, нарень смышленый и работящий, хочешь учиться на оружейника?

— Нет, не хочу.

— Почему же это?

— А домой вернусь, чего буду делать? Мне это мастерство ни к чему.

— Да зачем же тебе домой? Ты к нам в Тулу поедешь.

— Нет, домой тянет...

— Наверно, зазноба есть? Так то не беда — заберешь ее в Тулу и будешь жить барином. Наше дело хорошее.

— Стволы-то выправлять любой может. Вот если бы вы научили меня на станке работать, тогда — другое дело.

— А хочешь?

— На станке охота научиться.

— Ладно, ужо приходи как-нибудь вечером, займемся...

По вечерам, когда бородач Сазонов и другие мастеровые резались в карты, Егор приходил в мастерскую, и Яков Васильевич объяснял ему устройство токарного станка, знакомил с инструментами и приемами работы. Постепенно Егор приобрел навыки станочника, и ему стали доверять сложные работы. Однако старые мастера-оружейники продолжали смотреть на него свысока: оружия он не знал и потому не мог быть с ними на равных. Это злило Егора. «Подождите, и я еще дождусь солнышка»,— мысленно отвечал он своим недоброжелателям.

Егор, стоя за своим верстаком, зорко присматривался к другим мастерам, жадно впитывал их приемы работы, прислушивался к разговорам.

Он уже хорошо знал устройство русской трехлинейной винтовки. Знал, что ее изобрел капитан Мосин. Туляки не раз похвалялись, что эта замечательная винтовка была создана на Тульском оружейном заводе.

Мечтой Егора стало узнать пулемет. Но к пулеметам его не подпускали. Починкой пулеметов заведовал бородач Сазонов. Иногда ему помогал Евтушенко, другие же мастера занимались только винтовками. Егор несколько раз просил, чтобы его познакомили с пулеметом, предлагал свои услуги и помощь, но Сазонов сердито рычал:

— Уйди, рылом не вышел!

Но однажды утром, когда Егор, по обыкновению, встал за свой верстак и принялся за привычное дело, его окликнул мастер:

— Шпагин, пойдем со мной в кузницу!

Егор пошел за мастером. Там на грязном верстаке стоял «максим».

— Вот надобно срочно исправить эту машину.

Егор просиял: неужели его мечта осуществится? Даже дух захватило от радости.

— Шесть пулеметов привезли нынче утром. Нужда в них сам знаешь какая... А мастеров-то кот наплакал. Так что эту штуку придется мне чинить. Ты как, согласен быть подручным?

— Яков Васильевич, да я... да я ночевать тут готов, лишь бы...

— Вижу, вижу! Тогда засучивай рукава — и за дело!

Мастер не торопясь начал разбирать пулемет, по порядку раскладывая детали, объясняя Егору их назначение, рассказывая о взаимодействии отдельных частей. Поломка оказалась серьезной, пришлось провозиться несколько дней, зато Егор был необыкновенно доволен. Он узнал наконец устройство пулемета и даже научился его разбирать и собирать.

Когда мастер сказал, что перед отправкой в часть пулемет нужно опробовать в стрельбе, Егор напросился вместе с ним на стрельбище. Как же был счастлив Егор, когда ему разрешили выпустить очередь по мишени!

Пулемет работал хорошо. Егор отвел предохранитель и нажал на спусковой рычаг. Дробные выстрелы, гулко отдававшиеся в лесу, радовали его и наполняли душу задорной гордостью. Если б теперь деревенские парни посмотрели на него или глянула Дуняшка...

Егор чувствовал себя героем.

Вернувшись в казармы, он продолжал думать о пулемете: «Ведь никаких приводов, никаких передач у него нет, а нажал на спусковой рычаг — и пошло грохотать... Да, придумано замысловато... А еще, говорят, есть ручные пулеметы.

Этот па колесах, а тот можно в руках носить. И чего только человек не выдумает!»

Егору захотелось познакомиться и с ручным пулеметом, и с автоматическими пистолетами, и со всей оружейной автоматикой. Было в ней что-то загадочное, манящее...

12

Подошла осень. Ночами серое солдатское одеяло уже не спасало от холода — приходилось натягивать шинель. Но, намучившись, умаявшись за день на работе, Егор не замечал холода и спал богатырским сном. И в эту ночь он не чувствовал, как толкали его в бок, не слышал, как люди торопливо одевались, что-то испуганно говоря. Не слышал, как стаскивали с нар свои пожитки, стучали сундуками. Даже когда сорвали с него одеяло, он не проснулся, а лишь повернулся на другой бок.

— Поживей собирайся, лишнее не брать! — раздалась команда унтера.— А этот что лежит?!

Схватив за плечи спящего, унтер потянул его с нар. Егор грохнулся на пол и закричал:

— Что?! Что?! Куда?!

— Одевайся, сонная харя, и марш в мастерскую!

Егор протер глаза, быстро оделся и, все еще ничего не понимая, вышел из барака. Ночь была темная, знобящая. Где-то справа гулко гудела земля, слышались выкрики офицеров, перебранка, скрип колес. Вдалеке громыхнуло.

— По двое разберись! — послышалась команда. Егор, спотыкаясь, пошел к строю.

Пока шагали к мастерской, по рядам прополз шепот: «Неприятель прорвал фронт, наши отступают». Солдаты понуро молчали, то и дело сбивая шаг.

Около мастерской кричали ездовые, выстраивали подводы одну за другой.

— А ну, давай, ребятушки, поживей,— послышался знакомый голос Якова Васильевича,— выносите ящики, разбирайте верстаки.

Солдаты взялись за дело. Все оборудование, инструмент, оружие и запчасти уложили на телеги. Туда же побросали сундуки, баулы, заплечные солдатские мешки.

— Ну, стало быть, с богом! — сказал мастер. Офицер отдал команду, и обоз, а за ним и ремонтная команда в пешем строю двинулись проселком к большой дороге.

Не прекращался гул канонады; и справа и слева по проселкам слышался топот отступающих войск. Часа через два, когда небо начало светлеть, обоз остановили около речки, где столпилось множество подвод. У моста какой-то офицер на сивой лошади, размахивая плетью, надсадно кричал:

— Осади назад, пропустите штабные фургоны! — Голос его, металлически звонкий и резкий, покрывал все другие голоса и звуки. Ездовые осаживали лошадей, заносили задки телег, стараясь дать дорогу штабным.

— Ну-с, кажется, тут мы надолго застряли,— сказал ротный.— Разрешаю перекур, только не разбредаться.

Солдаты расселись у телег на пожухлой траве. Свернули козьи ножки. Разговорились.

— Эй, ребята, не найдется ли у кого в обозе ведерка, раненых везем, а питья нету.

— А вы чьи будете?

— Мы из грузинского егерского.

— Гля, ребята, да это же наши!

Егор соскочил, подбежал к ротному:

— Можно дать ведерко для наших раненых?

— Возьми да сбегай за водой к реке.

— Слушаюсь, ваше благородие! — Егор схватил за руку пришедшего солдата: — Пошли!..

Раненые были поблизости за перелеском. Егор с солдатом шли вдоль обоза, давали напиться каждому, кто пожелает.

— Нет ли тут кого из третьей роты? — спросил Егор.

— Я из третьей, а что? — отозвался молодой солдат.

— Не слыхали ли про Антипа Шухова?

— С нами был... Только, кажется, помер он...

У Егора подкосились ноги.

— Больно шибко стонал, а сейчас утих... Должно, преставился. Погляди, четвертая телега к концу.

Егор побрел к четвертой телеге. Антип лежал на соломе, укрытый шинелью. Голова его с заострившимся носом была закинута, глаза закрыты.

— Антип, Антип Савельевич,— позвал Егор.

— Не тревожьте, только сейчас уснул,— послышался женский голос, и к Егору подошла сестра милосердия в белой косынке с крестом. Раненый открыл глаза и слабым голосом прошептал:

— Никак, ты, Егор?

— Я, я, Антип Савельич.

— Вот хорошо, спасибо! А я как раз думал... Охота было тебя повидать.

— Что же с тобой, Антип Савельич?
— Дела мои, брат, совсем труба.
— Может, доктора позвать?
— Нет, не к чему...
— Как же тебя ранило?
— В разведке был... На ерманский дозор напали. Нас восемь человек, а их трое — и они одолели.
— Да как же это?
— Мы с винтовками, а у них ручной пулемет. Как стриганули — и сразу пятерых скосили. Меня-то ребята приволокли, а четверых там оставили...
— Жалко... но ты, Антип Савельич, не плошай, поправляйся.
— Нет уж, я, как видно, отвоевался... У тебя как дела?
— У меня — хорошо!.. Письмо из дому получил. Все здоровы, тебе кланяются. У вас, пишут, тоже все хорошо.
— Ты вот что, Егор... Ты обо мне не пиши... Нет, не то... Ты пропиши, что видел меня, что все благополучно... и потом пиши это же, передавай поклоны. Слышишь? А то не дай бог...
— Как прикажешь, Антип Савельич.
— Это тебе мой наказ... А ежели что со мной — не тужи. Я свое отжил, отвоевал, будя!.. Ты же, как вернешься — не забудь моих.
— Да что ты, Антип Савельич!
— Попомни, что я говорил, и обещай.
— Обещаю, Антип Савельич, только...
— Раненых про-пу-стить! — донеслось от моста.
— Это нам кричат,— сказал Антип.— Сейчас поедем.
— Я провожу вас.
— Нет, нет, не надо, еще потеряешься, не дай бог.
Первые телеги тронулись, за ними потянулись, поскрипывая, и остальные.
— Вот и поехали,— вздохнул ездовой и тронул лошадь.— Ты иди, парень, не мешай.
Егор бросился к телеге:
— Антип Савельич!
— Прощай, Егор, дай бог тебе вернуться домой!
Егор подбежал к телеге, поцеловал в небритую щеку друга:
— Желаю тебе поправиться.
— С богом!
Егор взбежал на бугорок, где росла молодая сосна, и долго провожал взглядом подводу, на которой с закинутой головой лежал Антип...

13

После долгих мытарств и странствий, потеряв обоз и чуть не попав в плен, часть людей из ремонтной команды вышла в глубокие тылы. Мастеровых, в том числе и Егора, которого поддержал мастер Дедилов, направили в армейскую оружейную мастерскую. Такие мастерские к тому времени были созданы по всем фронтам. Мастерская разместилась в цехах небольшого механического завода и была неплохо оснащена. Она производила ремонт самого разнообразного оружия, пушек и гаубиц.

Якова Васильевича назначили мастером цеха по ремонту винтовок, и он всех, пришедших с ним, забрал в свой цех. Начальником цеха был пожилой, тучный и, как видно, не совсем здоровый подполковник. Он был артиллерист с академическим образованием и хорошо знал оружие, но страдал одышкой, сердечными приступами и потому редко появлялся в цехе. Узнав, что Дедилов работал мастером на Тульском оружейном заводе, начальник обрадовался и всю заботу о ремонте взвалили на него.

Егор на этот раз получил место у верстака рядом с другими мастеровыми. Это не понравилось бородачу Сазонову.

—Глядите, ребята, этого молокососа Яков Васильевич равняет с нами.

— Он у мастера пятки лижет, собака!

— Ну шо вы, хлопцы, шумуете,— заступился Евтушенко.— Нехай робыть, може, вин тепер богацько знае.

— Ничего он не знает, винтовку собрать не умеет.

Егора эти слова хлестали, как плети, но он молчал, делал вид, что не слышит. Конечно, он не мог сравниться с опытными мастерами, но зато знал в винтовке каждый винтик. В станковых пулеметах тоже разбирался неплохо, вот только ручных пока еще не удалось ему повидать. Поэтому, заведя знакомство с мастеровыми из пулеметного цеха, Егор в свободное время бегал туда, присматривался. Довольно скоро ему удалось познакомиться с пулеметами Мадсена, Льюиса, Шварцлозе и Шоша.

Любознательность Егора была беспредельна. Как только узнавал он, что в пулеметный цех поступило новое оружие, его нельзя было удержать в винтовочном никакими силами. Обязательно улучит минутку и взглянет хоть издалека. Мастеровые замечали, что Егор часто бегал в пулеметный цех, но зачем — не догадывались. Предполагали, что сыскал земляка.

Они по-прежнему не хотели делиться с ним своими познаниями в оружейном деле. Егору частенько приходилось трудно. Иногда он и вовсе вставал в тупик перед какой-нибудь деталью. И если б не Яков Васильевич, возможно, пришлось бы снова переходить в подручные.

Егор отличался большим терпением. Он учился, всматривался, вслушивался и день ото дня набирался опыта. А дни проходили в тяжелых трудах и тревогах. Домашние писали, а от Антипа не было никаких вестей. «Наверно, погиб Антип,— думал Егор и сокрушенно вздыхал,— а отчего погиб — подумать страшно. Оружия настоящего не было... Эх, Россия, Россия, неужели у тебя нет мастеров, чтобы придумать свои пулеметы? Неужели ты беднее немцев умельцами да изобретателями?!»

Мысль об этом частенько тревожила Егора, бередила его сердце. И однажды, не удержавшись, он спросил об этом мастера.

— Эх, Егор, садовая твоя голова. У нас такие мастера водятся, что немцам и не снилось. Сказывают, не только пулеметы, но даже автоматические винтовки умеют делать. Говорят, в Туле был мастер Двоеглазов, так тот, по рассказам, еще лет за двадцать до японской войны автоматическую винтовку придумал. Ну да только немцы, что были в управителях завода, не позволили ему довести дело до конца.

— А почему же?

— А невыгодно им было, боялись, как бы это оружие да не обернулось против них.

— Интересно, что же это за люди такие, которые оружие изобретают?

— Самые разные... Вот Мосин, что трехлинейку изобрел, тот, говорят, ученый был, Михайловскую академию кончил, а потом, сказывают, дослужился до генерала. А Двоеглазов — рядовым мастером был. Вот и суди сам. Тут, братец мой, талант нужен. А талант... он в каждом может быть. Вот тряхни тебя, а он, может быть, в тебе и сидит. Талант не виден глазу, его ни ты, ни я, ни генерал не заметят. А когда надо — он сам себя покажет.

— А что это за штука такая — талант?

— Это, братец мой, трудно объяснить. Это вроде как бы способность к чему-то особенная. Ну да об этом в другой раз поговорим, а то мне некогда...

Егор проработал в армейской мастерской около года. Многое узнал, многому научился, а бородач и его приятели все

еще смотрели на него как на мальчишку. Но после одного случая все переменилось.

Как-то Дедилов пришел в мастерскую взволнованный, собрал лучших мастеров и говорит:

— Меня сейчас в штаб армии вызывали. Какой-то генерал из Ставки приехал, а у него пистолет отказал. Велели починить, дали два часа сроку. Кто возьмется за эту работу?

— А ну-ка покажь,— сказал бородач и протянул мастеру огромную пятерню. Дедилов достал из кармана маленький вороненый пистолет.

— Это не револьверу чета — автоматический!

— Первый раз такую игрушку вижу,— сказал бородач, повертел в руках и подал Дедилову: — Нет уж, уволь, Яков Васильевич. Если б не генеральский, может, и починил бы, а этот... Ну его к лешему... Сделай что-нибудь не так — и загремишь в окопы...

— Дай побачу *я*,— попросил Евтушенко. Он вынул обойму, посмотрел, как действует курок, спусковой механизм, и подал обратно:

— Ни, це не для ме́не.

Поглядели и другие мастера.

— Надо бы разобрать, присмотреться, а вдруг потом не соберешь, как надо. Штука замысловатая... Может, пулеметчики починят?

— Дайте мне посмотреть, Яков Васильевич,— попросил Егор.

— Ишь, профессор объявился! — захохотал бородач.— Из носу солдат ногу кажет, а оп туда же.

— На, на, полюбуйся! — с улыбкой сказал мастер.

Егор взял пистолет и на глазах у всех начал его разбирать.

— Да ты что, оголтелый, в уме ли?! — закричал на него бородач.— Якова Васильевича, щенок, подвести можешь!

Егор молчал и спокойно продолжал разбирать пистолет, кладя детали на верстак одна к другой.

— Яков Васильевич, да отбери же ты у него, черта, христа ради...

— Ничего, ничего, пусть разбирает, может, и сообразит малый, что к чему.

Мастеровые столпились вокруг, замерли. Егор, чувствуя на себе жгучие взгляды, не поднимал глаз, но ощущал, что на лбу выступают капельки пота. Он проверил взаимодействие частей механизма; все как будто было на месте, все правильно, а спусковой крючок не работал. Егор стал вынимать боек. Пружина выскочила и полетела под верстак. Егор потянулся

за ней и рукавом смахнул детали. Они со звоном посыпались на каменный пол и раскатились в разные стороны.

— Ну вот, говорил я,— сказал бородач,— теперь все смешалось, не соберет. Доверили мальчишке такую штуку.

— Идите вы все к черту! — с гневом закричал Егор и, собрав детали в фуражку, выбежал из мастерской.

Прошло около часу. Мастер несколько раз наведывался, спрашивал, не пришел ли Егор.

— Как в воду канул, Яков Васильевич, уж мы где не искали.

Мастер вздохнул:

— Да, дело может обернуться плохо... У пулеметчиков не спрашивали?

— Как же, три раза ходили туда, говорят, и не показывался.

— Может, в казарме скрывается?

— И там нет.

— Да куда же он сгинул?!

— Вот я! — послышался от двери звонкий голос Егора.— В кузнице был и отремонтировал ваш пистолет, как надо, можете поглядеть.

Дедилов взял пистолет, взвел курок, нажал на спусковой крючок. Пистолет глухо щелкнул. Все притихли. Мастер несколько раз проделал то же самое.

— Глядите, ребята, работает, как часы!.. Сам починил?

— А кто же еще! — с обидой сказал Егор.

— Ну если так, молодцом, хвалю! — Мастер подошел к Егору и, крепко обняв его, поцеловал в щеку.

14

В мастерской, где трудился Шпагин, работало больше двухсот солдат. Почти все они до армии были рабочими и всей душой ненавидели царизм. При первых залпах «Авроры» солдаты-мастеровые, руководимые местным ревкомом, взялись за оружие и арестовали воинское начальство.

— Вся власть Советам!

— Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов!..

Городок ликовал.

Мастерские стали работать на революцию.

Шпагин был взбудоражен, как и другие. Он с восторгом воспринял бурные революционные события. И хотя он еще ясно не представлял, что именно случилось, душой чувствовал, что

революция несет счастье трудовому народу, и радовался великим переменам. Его тянуло домой, в деревню, где тоже ломались старые уклады жизни.

Когда объявили о демобилизации, к нему пришел мастер Дедилов:

— Ну что, Егор, куда едешь?

— Домой, там ждет меня невеста.

— Жениться всегда успеешь, а вот приобрести хорошую профессию — не всякий раз удается.

— Теперь революция, теперь все пойдет по-другому.

— Вот и я об этом... Давай катнем с тобой в Тулу. Возьму тебя к себе в дом, будешь мне сыном.

У Шпагина навернулись на глаза слезы:

— Спасибо, Яков Васильевич, может, я и приеду, только наперед охота дома побывать, со своими свидеться.

— Ладно, езжай домой, а там гляди, прикидывай. Только если надумаешь в Тулу, завсегда приму тебя как сына. По всему вижу — быть тебе оружейником! И фамилия тебе дадена оружейная — Шпагин!.. Это, брат, понимать надо.

— Верно, Яков Васильевич, тянет меня к этому делу. Да и к вам я привык — расставаться тяжело.

— Так что, может, вместе и катнем в Тулу. А? Невесту свою потом выпишешь.

— Так ведь отец у меня жив, и мать, и сестренки... Нет, Яков Васильевич, уж сейчас я домой, а потом — видно будет.

— Ну, бог с тобой. Езжай, но помни — я буду ждать.— Он подошел к Егору и, по-отечески обняв его, заплакал.

Егор не знал, что еще в прошлом году Яков Васильевич получил извещение о смерти сына, не знал, как тяжело старому мастеру расставаться со своим учеником. И вот сейчас, увидев слезы в глазах мастера, Егору стало не по себе. Ему было жаль этого доброго человека.

— Еще раз спасибо за все, Яков Васильевич, благодарю, как отца. Может, опять вскорости будем вместе...

Дуняшка за два года еще больше похорошела и была лучшей невестой на деревне. Она встретила Егора со слезами радости и шла, обнявшись с ним, до самого дома. Не только Егор, но и все домашние поняли — им друг без друга не жить. На той же неделе заслали сватов и вскоре сыграли свадьбу.

Однако счастье молодых оборвалось очень быстро. Началась гражданская война — и Егор снова ушел в армию.

* * *

Шел двадцатый год. Через станцию ползли составы с мешочниками, беженцами, спекулянтами. Вокзал был забит до отказа. Егор, в длинной солдатской шинели, с мешком за плечами, пробирался к военному коменданту. Навстречу, шагая через спящих, шел невысокий человек в кожанке, с маузером на ремне. Худое, иссеченное морщинами лицо показалось Егору знакомым. Он остановился. Человек в кожанке тоже заметил его и, раскинув руки, бросился навстречу:

— Егор, неужели ты?!

— Антип Савельич!

— Я! Я, ядрена-лапоть. Здорово, Егор!

Они обнялись.

— Да ты что, с того света, Антип Савельич?!

— Пожалуй... Побывал у смерти в пасти, но, как видишь, выкарабкался, жив и невредим. Сейчас начальником хлебного эшелона. Был на продразверстке, воевал с кулаками.

— Ты что же — большевик?

— Как видишь. Воюю с контрой. А ты?..

— Был оружейным мастером в полку. Сейчас демобилизуюсь.

— И куда же думаешь?

— Теперь я мастеровой, еду домой, думаю устроиться в городе, по своей специальности.

— Эх, брат, я слышал, тут недалеко достраивают пулеметный завод. Вот бы тебе куда податься. Ты, как приедешь, прямо и дуй.

— Спасибо, да как доехать-то, Антип Савельич?

— Что-нибудь придумаем... Пойдем со мной.

Минут через двадцать Антип втолкнул Егора в переполненный вагон.

— Ну, будь здоров, Егор! Кланяйся нашим. Передай, что скоро приеду на побывку, да не забудь про завод. Слышишь?

— Слышу! — крикнул Егор.

15

Недельки две отдохнув дома, Егор стал собираться на завод. До города его решили проводить, и отец, Семен Венедиктович, все еще такой же могучий, словно время не коснулось его, пошел запрягать лошадь. Дуняшка, передав свекрови с рук на руки двухлетнюю дочку, вышла во двор укладывать в тарантас необходимые вещи. Стояло бабье лето. Над голыми полями летала паутина и стаями кружились грачи. Рыжая

лошадь, отдохнувшая от летних работ, вырвалась на ровную полевую дорогу, побежала рысью. Дорога тянулась полями и перелесками. Деревья, освещенные утренним солнцем, переливались, как яркие ситцы. Желто-лимонные листья клена, красные — осин, оранжево-золотые — берез и лип и зеленые — дуба и ясеня создавали причудливые сочетания красок, радовали и ласкали взор.

Егор, обняв Дуняшку, молчал, погруженный в думы. Ему вспоминался оружейный мастер Яков Васильевич Дедилов, их трогательное прощание, доброе и заплаканное лицо старика.

«А правда, не поехать ли в Тулу? — думал Егор.— Яков Васильевич помог бы устроиться, и зажили бы мы славно». Он вспомнил Дуняшку, отца и родимый дом. «Нет, надо попробовать остаться здесь, устроиться на завод». Ему вдруг вспомнился Антип. Сколько в эти дни было о нем разговору! Как переменился человек! По характеру стал другой — решительный, смелый! Одним словом — большевик! «Может, скоро вернется в свой город, может, доведется работать вместе. Вот хорошо бы было!»

Въехав в город, отец поворотил к вокзалу, где жил его старый приятель печник Максимыч. Теперь он работал на заводе и знал все новости.

Максимыч в этот день был дома и принял гостей радушно. От него Егор узнал, что в революцию с завода сбежали хозяева — датские концессионеры, так и не успев его достроить. Теперь завод восстанавливали сами рабочие. При нем было создано первое в России конструкторское бюро и опытная мастерская. В бюро и мастерской, по слухам, работали многие знатные оружейные мастера, эвакуированные из Сестрорецка.

«Эх, если бы мне поступить в эту мастерскую,— подумал Егор.— Наверное, я многому бы научился». Желание поступить в опытную мастерскую так захватило его, что он забыл про Тулу и про свои обещания, данные Якову Васильевичу.

Перекусив с дороги, отец с Дуняшкой отправились на базар, а Егор пошел наниматься на завод. Придя в бюро найма, он сразу же заявил о своем желании поступить в опытную мастерскую.

— Хорошо,— ответил ему человек в гимнастерке, сидевший за столом начальника.— Там слесаря нужны. Сейчас же направлю вас на испытание.

Это было для Егора большой неожиданностью. Но назвался груздем, полезай в кузов. Он взял направление и пошел к мастеру.

Мастер, угрюмый человек, не поинтересовался даже, что он способен делать, а, передав чертеж и ровно отпиленный кусочек железа, поручил ему сделать маленькую, но довольно замысловатую деталь из пулемета Мадсена. Деталь эта называлась «собачкой».

«Так вот где собака-то зарыта! — подумал Егор, стоя за тисками.— Оказывается, не так-то просто попасть в эту опытную мастерскую».

Но он был молод, упрям, и трудности его не пугали, а желание поступить в мастерскую прибавляло сил и энергии.

Егор тщательно разобрался в чертеже, нанес циркулем на металл все размеры, разложил нужные инструменты и, зажав кусочек железа в тиски, начал осторожно орудовать напильником.

Часа через два он показал мастеру совершенно готовую деталь. Тот обмерил ее, осмотрел в лупу и написал бумажку к Федорову — техническому директору завода. Из этой записки Егор понял, что проба им сдана и что мастер определил ему девятый разряд (соответствующий примерно современному шестому). Это укрепило надежду Егора, и он довольно бодро вошел в кабинет технического директора.

За столом, поглощенный какими-то делами, сидел человек средних лет. Русые пышные усы и густые пушистые брови придавали строгость его лицу. Это и был Федоров. Шпагин шагнул к столу и, протянув бумажку, сказал:

— Вот, направили к вам.

— А, прошу садиться,— приветливо пригласил Федоров и, прочитав записку, стал расспрашивать Шпагина: что он умеет делать, где работал раньше? Узнав, что Егор из армии, спросил, в каком полку он служил, назвал фамилии некоторых знакомых командиров. Они разговорились.

Федорову было приятно встретить человека, который работал в походной прифронтовой оружейной мастерской. Из разговора Шпагин понял, что именно он, Федоров, был первым организатором таких мастерских на фронте. После фронтовых воспоминаний Федоров спросил Шпагина, где бы он хотел работать, и, узнав о его желании работать в опытной мастерской, наложил резолюцию на той же бумажке:

— Вот, пожалуйста... А теперь идите к Василию Алексеевичу.

Кто такой был Василий Алексеевич, Егор не знал, но ему объяснили, что так зовут Дегтярева, заведующего мастерской.

Егор поспешил в мастерскую. В большом помещении, уставленном верстаками, он увидел худощавого невысокого че-

ловека в черной толстовке и темно-зеленой фетровой шляпе, который о чем-то разговаривал с рабочими, стоявшими у сверлильного станка. «Очевидно, это и есть Дегтярев»,— подумал Шпагин. Он подошел, поздоровался и подал мастеру бумажку.

Дегтярев не спеша прочел написанное, окинул Шпагина быстрым, но внимательным взглядом и совсем попросту сказал:

— Пойдем, поставлю тебя на работу.

Они вошли в соседнее помещение, такую же светлую и просторную комнату, как и первая, где помимо верстаков стояли станки. Отделение называлось станочным.

Дегтярев подвел Егора к верстаку с огромными тисками:

— Вот тут и будешь работать.

Затем, поманив к себе стоявшего за станком худого высокого человека, видимо старшего слесаря, сказал ему:

— Никитич, помоги новичку получить инструмент и устроиться тут. Это наш новый слесарь Егор Семенович Шпагин.— И, приветливо кивнув Егору,— дескать, привыкай,— ушел обратно к слесарям, где стоял его рабочий стол.

Егор огляделся. Слесарь приветливо улыбнулся ему, как бы говоря: «Не робей, парень!» Егор понял: народ здесь хороший.

16

Получив инструмент, Егор стал приводить его в порядок, а сам украдкой присматривался к другим рабочим, которых насчитал шесть человек. Каждый из них был занят своим делом. Все работали молча, сосредоточенно. Егор взял молоток и стал насаживать его на ручку. Ручка плохо входила в отверстие. Он стукнул по ней раза три клещами и расколол. Это заметил неожиданно вошедший Дегтярев:

— Дай-ка сюда,— и взял у Егора молоток. Потом, внимательно осмотрев и выбрав другую ручку, стал осторожно вставлять ее в отверстие, все время поворачивая. При вращении дерево стиралось об острые грани железа и плавно входило в молоток.

— Вот так, полегоньку и насаживай,— сказал Дегтярев и, больше не проронив ни слова, ушел к себе.

Егор почувствовал себя неловко и стал действовать более осторожно. Немного погодя Дегтярев снова подошел к нему, осмотрел инструменты и, по-видимому найдя их в порядке, сказал:

— Вот тебе, Егор Семенович, первое задание. Будешь собирать магазин автомата Федорова.

Сосед справа, худощавый токарь, увидев, что новичку на первых порах поручена сборка магазина, неодобрительно покачал головой. Егор и сам понял, что задание это слишком серьезное для начала. «Очевидно, Дегтярев в первый же день решил испытать, на что я годен,— подумал он.— Ну что ж, буду стараться!»

Попросив у соседа уже собранный магазин, он стал не спеша разбирать его, внимательно осматривая и запоминая каждую деталь. Собрать новый магазин, казалось, было несложно, но именно тут-то и подстерегала Егора опасность провала. Детали, сделанные разными мастерами, не подходили одна к другой. В них были зазоры и излишние допуски. Трудность сборки и заключалась в пригонке и отладке различных деталей.

Дегтярев приходил, молча наблюдал, покуривая трубочку, и, ничего не говоря, уходил к другим рабочим.

К вечеру магазин был собран и отрегулирован. Егор положил его на стол заведующего мастерской. Дегтярев очень внимательно осмотрел магазин, но ничего не сказал Шпагину, так как загудел гудок и все засобирались домой.

— Что же мне теперь делать? — спросил Егор.

— Теперь иди отдыхай, Егор Семенович, а завтра поговорим.

Утром, когда в мастерскую вошел Дегтярев, Егор уже был у своего верстака.

— А, ты уже здесь, Егор Семенович,— Дегтярев приветливо пожал ему руку.— Ну-с, с сегодняшнего дня начинай сборку целой партии магазинов. Ежели что случится, обращайся ко мне, я завсегда тут.

Передав Шпагину необходимые части и детали, Дегтярев ушел. Шпагин долго наблюдал за ним, ждал, не воротится ли он, не скажет ли о вчерашнем магазине. Но Дегтярев не возвратился. «Если бы я плохо выполнил задание,— размышлял Шпагин,— то он не доверил бы мне собирать целую партию. А может быть, Дегтярев подумал, что в сборке первого магазина мне кто-нибудь помог?» Так или иначе, Егор приступил к работе не без тревоги.

Дегтярев приходил на день по нескольку раз. Присматривался, спрашивал, как дела. Если Егор обращался с вопросами, он давал очень краткие и ясные ответы. Если Егор ничего не спрашивал, он, покуривая трубочку, молчаливо наблюдал за работой. Изредка советовал:

— Ты бы, Егор Семенович, попробовал сделать вот так. Это сподручнее.— И, становясь к верстаку, показывал.

Шпагин внимательно прислушивался к его советам, работал неторопливо. Даже предложил уменьшить количество заклепок, но расположил их так, что крепость от этого не уменьшилась. Дегтярев похвалил и опять продолжал молчаливо наблюдать.

Дней через восемь или десять порученная Шпагину работа была выполнена. Дегтярев пригласил в мастерскую автора автомата Владимира Григорьевича Федорова. Федоров взял на выбор несколько магазинов, осмотрел их и похвалил Шпагина за находчивость в изменении заклепок.

— А теперь надо пойти пострелять,— сказал он.— Посмотрим, как будут вести себя магазины в работе. Пойдемте и вы с нами,— пригласил он Шпагина.

«Так вот, оказывается, когда мне будет настоящая проверка,— подумал Егор.— А вдруг магазины не будут работать? Тогда конец всему — выгонят. Ну, будь что будет»,— решил он и отправился вслед за Федоровым и Дегтяревым.

Однако опасения Шпагина были напрасны. Автоматы работали хорошо, магазины исправно подавали патроны. Федоров остался доволен. Дегтярев по-прежнему молчал.

Уже в мастерской он подозвал к себе Шпагина и, приветливо улыбаясь, сказал:

— Ну теперь, Егор Семенович, можешь успокоиться. Считай, что пробу ты выдержал с честью.

Только теперь Егор понял, что, помимо проверки в цехе, каждому вновь поступающему в мастерскую Дегтярев устраивал свои испытания, но до поры до времени об этом не говорил. И оттого, что эти испытания были выдержаны, Егор ощутил большую радость. Теперь для него начиналась новая жизнь.

17

За две недели, проведенные в опытной мастерской, Егор узнал много интересного и, самое главное, что технический директор завода Федоров и есть тот самый Федоров, который изобрел автомат. А скромный заведующий мастерской Дегтярев, оказалось, был его помощником на протяжении многих лет. Он изготовил в примитивных условиях маленькой мастерской первые образцы автомата и автоматической винтовки Федорова. От рабочих Егор узнал, что автомат Федорова, который изготовляется на заводе, явился не только первым русским автоматом, но и первым автоматом в мире.

Для Егора, который в то время уже успел горячо полюбить оружие, эти новости были очень важны. Он гордился тем, что ему довелось работать под руководством таких замечательных специалистов. У юноши даже мелькнула мысль, что и он со временем, быть может, сделается изобретателем и сумеет создать какое-нибудь новое оружие. Эта мысль так понравилась ему и так воодушевила, что он тут же написал письмо Якову Васильевичу Дедилову. Рассказал о том, как сложилась его судьба, и просил извинить, что не может приехать в Тулу.

Дегтярев стал специализировать Шпагина на сборке магазинов, так как мастерская и завод (где уже работали основные цехи) изготовляли большую партию автоматов Федорова для войск Красной Армии, сражавшихся на фронтах гражданской войны. Работа была напряженная, и Егору никак не удавалось вырваться домой. А домой тянуло сильно: хотелось повидаться с семьей, отвезти кое-какие продукты, так как жилось там голодно.

Седьмого сентября, как раз в канун престольного праздника, Егор подошел к табельщику и спросил, как ему отпроситься дня на два в деревню.

— Проще простого,— ответил тот,— поезжай, я все устрою.

Шпагин уехал и только на четвертые сутки явился в мастерскую.

— Ты где это гулял? — обступили его рабочие.

— В деревне был.

— Вот придет Василий Алексеевич, он пропишет тебе деревню.

А Василий Алексеевич уже тут как тут. Подходит, здоровается, спрашивает: почему не работал эти дни?

— Ездил к родным,— отвечает Шпагин,— табельщик отпустил.

Рабочие дружно захохотали. Дегтярев нахмурился, помолчал, а потом и говорит:

— Ты, Егор Семенович, в следующий раз у меня спрашивайся. Я тебя без содержания отпущу или отработаешь потом, а так нельзя.

— Так я и сейчас готов отработать, Василий Алексеевич,— не знал, что такой порядок.

— Ну коли так, ладно. Сегодня вечером оставайся.

Шпагин облегченно вздохнул и пошел к своему верстаку.

Вечером он остался в мастерской. Видит — и Василий Алексеевич стоит у верстака, что-то делает. Шпагин занялся своими магазинами. Каждый делает свое дело. Молчат, а уж время

к полуночи. Вдруг Василий Алексеевич подходит к Шпагину и говорит:

— Заработались мы, Егор Семенович, чай, устал? Пойдем-ка домой...

На другой день опять то же. И так проработали до воскресенья. В субботу ночью, прощаясь со Шпагиным, Дегтярев обнял его за плечи:

— Ты, Егор Семенович, свое отработал, больше после гудка не оставайся.

— Спасибо, Василий Алексеевич. Только уж вы на меня не обижайтесь, не знал я тогда...

Но и в понедельник, видя, что Дегтярев продолжает работать после смены, Шпагин опять остался. В городе он жил один, делать было нечего, а к работе тянуло.

Дегтярев удивился, увидев его за тисками:

— Ты что же это, Егор Семенович, опять остался? Работу любишь? Ну что ж, если так — это хорошо! Будем работать вместе.

С этого дня они стали работать по вечерам вдвоем. Дегтярев стал более разговорчив. Бывало, подойдет, посмотрит на работу Шпагина и что-нибудь покажет, посоветует. Один раз подходит и говорит:

— Вот эту плоскость, Егор Семенович, лучше отфрезеровать — и быстрее и аккуратнее получится.

— Так я, Василий Алексеевич, па фрезерном никогда не работал. Не знаю, как и подступиться к нему.

— Ну так что ж, научишься, идем-ка со мной.

Дегтярев подвел его к станку. Вначале очень понятно объяснил все главные части станка, а потом показал, как надо работать. Егор легко освоил станок и стал им пользоваться.

Сообразительность и трудолюбие Шпагина, очевидно, понравились Дегтяреву. Как-то в субботу, уходя домой, он спросил:

— Ты что завтра делаешь, Егор Семенович?

— Не знаю, должно, дома буду.

— Тогда приходи ко мне на чаек, потолкуем...

Найти Дегтярева было нетрудно — он жил в то время рядом с заводом, в деревянном казенном домике. Шпагин распахнул калитку и увидел Дегтярева около сарая, с засученными рукавами, мастерившего что-то по хозяйству.

— А, Егор Семенович,— приветливо улыбнулся Дегтярев,— очень хорошо, что пришел. Идем-ка, я тебе какую штуку покажу.

Он подвел Шпагина к сараю и распахнул дверь:

— Гляди!

Егор оторопел от неожиданности. В сарае оказалась настоящая мастерская. Небольшой верстак с тисками, ножной токарный станок, а в углу — приспособления для сверления. На полках были разложены всевозможные инструменты.

— Это моя домашняя мастерская,— сказал Дегтярев, хитровато улыбаясь, довольный, что огорошил гостя.

Шпагин подошел к станку, попробовал, потом стал перебирать и рассматривать инструменты.

— Вот эти два молотка еще дедовские, из Тулы,— объяснял Дегтярев.— Это ключ английский, из Сестрорецка привез. Плоскогубцы, кажется, немецкие, в Петрограде купил...

— Ну а теперь пойдем чаевничать,— пригласил Дегтярев и усадил Егора за стол, на котором весело распевал узорный самовар из красной меди.

— Это откуда у вас такой самоварчик?

— Старинный, тульский. Еще мой прадед мастерил. Этому самовару, никак, лет полтораста. А я его ни на какой новый не променяю. Вскипает за пять минут. Да и чай из него многим вкуснее — вот попробуй-ка, выпей стаканчик, Семеныч!

У Дегтярева была старая тульская привычка: людей, к которым относился по-приятельски, называть по отчеству, ласкательно: «Прокопыч», «Мироныч», «Никитич». С этого дня он так же стал называть и Шпагина — «Семеныч».

18

Шпагин частенько наведывался в воскресные дни к Дегтяреву и почти всегда заставал его в домашней мастерской. Но на вопрос, что он делает, Дегтярев никогда не давал прямого ответа. Отшучивался, переводил разговор на другое.

Оставаясь в мастерской после работы, Дегтярев порой задерживался до полуночи. Иногда он подолгу стоял у тисков, что-то вытачивал или обрабатывал какие-то детали на станках. Егор начал присматриваться к нему более внимательно и как-то даже полюбопытствовал. Дегтярев опять отделался шуткой:

— Так, пустяки, кое-что переделываю за ребят...

Однако Егор заметил, что, уходя домой, Дегтярев уносил детали в другую комнату и прятал их в свой стол. «Дегтярев от меня что-то скрывает,— думал Егор.— У него есть какая-то тайна... Может быть, что-нибудь изобретает?»

А между тем в мастерской начались интересные работы. Надо было оснастить армию разными типами оружия под

единый патрон (унифицировать оружие). Это упрощало обучение бойцов и исключало всякую путаницу с разнокалиберными патронами. Конструкторское бюро и опытная мастерская взялись за унификацию автомата Федорова. По проектам, составленным самим конструктором, решено было на базе автомата Федорова создать ручной пулемет с воздушным охлаждением и ручной пулемет с водяным охлаждением.

Работы по приспособлению к автомату Федорова специальных сошек, а также кожухов для воздушного и водяного охлаждения велись под руководством Дегтярева. Шпагин очень внимательно следил за ними и даже выполнял отдельные поручения. Потом Федоров поручил Дегтяреву разработать приспособления для установки автоматов в самолет, чтобы заменить устаревшие пулеметы Льюиса. Это была интересная и увлекательная работа, но выполнить ее нужно было срочно. Поэтому Дегтярев, посоветовавшись с Федоровым, пригласил себе в помощники слесарей Шпагина и Симонова.

Шпагину была поручена работа по изготовлению нового дискового магазина для патронов. До сих пор Егор занимался сборкой секторных магазинов (рожков) и хорошо знал это дело. Дисковые магазины были ему тоже известны, но новый магазин нужно было сделать другой конструкции. Задача была трудная. Так Шпагину впервые представилась возможность участвовать в создании нового типа оружия.

Как он и предполагал, изготовить новый дисковый магазин оказалось нелегко. Дегтярев, поручив ему эту работу, все время помогал советами. Федоров тоже почти все дни проводил в мастерской и неустанно следил за ходом работ.

Шпагин трудился с упоением. Создание нового магазина было для него делом чести.

Обычно на заводах бывает так: сделает рабочий какую-то деталь, приемщик ее измерит и ставит клеймо — «принято». В конструировании — совсем другое дело. О том, хорошо или плохо сделана отдельная деталь или часть машины, можно судить лишь тогда, когда вся машина будет опробована в стрельбе и покажет хорошие результаты. Так случилось и на этот раз. Дисковый магазин, в который Шпагин вложил все свое умение, кажется, был сделан безупречно. Но ни Дегтярев, ни Федоров, не могли считать его принятым. Шпагин волновался и ждал. Ждал, когда будут готовы другие приспособления, чтобы испытать пулемет в стрельбе. И вот наконец долгожданный день наступил. Авиационный автомат — пулемет Федорова со специальным дисковым магазином — был ус-

тановлен на стенде и опробован в стрельбе. Он показал очень хорошие результаты.

Эта победа особенно обрадовала Шпагина, так как она укрепила в нем веру в свои силы и пробудила желание к самостоятельной творческой работе. Теперь для него вопрос о профессии был решен окончательно — Шпагин твердо решил стать оружейником.

19

В опытной мастерской имелись образцы автоматического оружия различных систем. До тонкости изучив автомат Федорова, Шпагин стал знакомиться с заграничными системами автоматических винтовок и ручных пулеметов. Некоторые системы он знал и раньше, но познания его ограничивались лишь знакомством с основными принципами действия оружия, умением разобрать и собрать его и в случае необходимости — починить. Теперь он старался поглубже разобраться в достоинствах той или иной конструкции и найти в ней слабые стороны.

Как-то задержавшись в мастерской после работы, он подошел к Дегтяреву и попросил у него разрешения посмотреть автоматическую винтовку Манлихера. Дегтярев понимающе улыбнулся:

— Погляди, погляди — это полезно...

Шпагин, разбирая винтовку, мысленно сравнивал ее с автоматом Федорова, и ему стало ясно, что русский конструктор добился больших успехов. Система Федорова благодаря меньшему количеству деталей была надежней и доступней простому солдату. Винтовка Манлихера оказалась тяжелей, сложней и капризней.

Частенько оставаясь по вечерам в мастерской, Шпагин стал знакомиться и с другими образцами автоматического оружия. Любознательность невольно перешла в серьезный интерес, в жажду знаний. Критически оценивая отдельные узлы систем, он замечал, что некоторые детали в том или другом образце можно было бы сделать лучше: проще и надежнее. Появилось страстное желание что-то придумать, смастерить самостоятельно. Потребность творческой работы не давала ему покоя. И вот однажды представился подходящий случай.

Мастерской было поручено сделать четыре образца шаровой установки для автомата Федорова по модели, которую привезли из Москвы. В этой установке, сконструированной Ивановым, можно было закреплять автомат и быстро его по-

ворачивать, что было крайне важно для стрельбы по воздушным целям.

Однако она была очень громоздкой и сложной и не получила одобрения в опытной мастерской.

Когда детали первого комплекта были сделаны, сразу же началась сборка. Еще до сборки, изготовляя детали отдельных узлов, Шпагин понял, что конструкцию можно значительно улучшить, сократив количество деталей. Эту мысль он высказал Василию Алексеевичу, но говорил очень сбивчиво, волновался, путал, и Дегтярев не особенно понимал его.

— Ты, Семеныч, лучше покажи мне на образце или нарисуй схему. Так будет понятней.

Шпагин взял кусок мела и тут же на верстаке стал рисовать что-то вроде чертежа. В это время подошел Федоров, Шпагин смутился и стал ладонью стирать свой чертеж.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Федоров,— мне тоже интересно посмотреть, что вы предлагаете.

Шпагин сбивчиво начал объяснять, но Владимир Григорьевич, очевидно, сразу уловил его мысль и велел показать на готовом образце, как и что он хочет изменить. Шпагин мелом, но уже на готовой установке начертил схемы новых деталей.

— Дельно, очень дельно,— сказал Федоров.— Установка получится легче и проще.

— Да, пожалуй,— согласился Дегтярев.— Давай-ка принимайся за дело, Семеныч. Пойдем, я тебе выпишу все необходимые материалы. Только ты не волнуйся, не торопись. Семь раз примерь — один отрежь. Раз Владимир Григорьевич сказал выйдет — волноваться тебе не следует.

Но не волноваться Шпагин не мог: ведь это была его первая самостоятельная работа по конструированию. Он работал горячо, с задором. Изготовляя новые детали и примеряя их на готовом образце, он устранял одну за другой старые части и кончил тем, что сорок две детали удалил совсем, как ненужные. Установка стала компактней, меньше по габаритам, дешевле в изготовлении и надежнее в работе. Это единодушно отметили и Федоров и Дегтярев. Они предложили Шпагину делать весь образец заново.

А Шпагину как раз этого и хотелось. Делая новый образец, он снял и заменил еще более полутора десятков деталей.

Федоров собрал всех мастеров:

— Вот полюбуйтесь, товарищи! Этот замечательный образец сделал наш слесарь Георгий Семенович Шпагин. Я от души поздравляю и благодарю его. Надеюсь, что нашему слесарю-конструктору будет присвоено авторское свидетельство.

Через несколько дней, увозя в Москву образец новой установки, Федоров пригласил с собой и Шпагина. В Главном артиллерийском управлении конструкцию подвергли всесторонним испытаниям и признали ее лучшей из существующих. Было объявлено, что теперь она будет называться «шаровой установкой системы Шпагина».

А через некоторое время стало известно, что шаровая установка Шпагина принята на вооружение Красной Армии.

20

Шпагин, получив премию за свое первое изобретение, снял небольшую квартирку и привез из деревни семью.

Ему только что исполнилось двадцать пять лет, а он уже снискал себе уважение и авторитет на заводе. Федоров, отметив в специальном приказе успехи Шпагина, назвал его слесарем-конструктором. И как-то само собой все стали называть его не Егором, а Георгием Семеновичем. Даже отец, который с детства звал его Егоркой, теперь, приезжая на побывку, важно именовал: Егорий!

Однако ранний успех не повлиял на Шпагина плохо, как это иногда бывает. Он остался таким же скромным, простым, приветливым парнем. Мечта стать изобретателем все сильнее и сильнее овладевала им, и, когда Федоров поручил ему сделать для шаровой установки гнездное устройство (крепление для двух спаренных автоматов), Шпагин взялся за работу.

Искать, мастерить, создавать что-то новое сделалось для него постоянной потребностью. Он весь отдавался работе, забывая об отдыхе и сне, мог сутками не выходить из мастерской. При неудачах не унывал: работал упорно, со злостью. Эта черта в его характере нравилась Дегтяреву. «Шпагин не остановится на полпути», — думал он и поощрял творческие способности молодого изобретателя.

— Трудное дело легко не дается, Георгий Семенович. Нынче не вышло — завтра выйдет. Главное — не теряй надежды, старайся — и своего добьешься.

Шпагин старался. И хотя гнездное устройство давалось с трудом — выходило то громоздким, то слишком тяжелым,— он не успокоился до тех пор, пока не нашел простую и надежную конструкцию.

Федоров, осматривая новую работу Шпагина, сравнил ее с первоначальными приспособлениями:

— Смотрите, Георгий Семенович, ведь ничего похожего на первый макет...

— Старался, чтобы как можно лучше...

— Это замечательное качество. Никогда не удовлетворяйтесь легкой победой. Настоящее изобретение рождается в упорном труде, а упорство в вас есть и способности тоже. Вы можете стать хорошим конструктором.

После этого разговора, обрадованный новым успехом, Шпагин шел домой в приподнятом настроении. И вдруг кто-то закричал ему через улицу:

— Егорша, Егорша! Да остановись же, черт!

С крыльца магазина сбежал небольшой человек в кожанке, со связкой баранок.

— Антип? Откуда ты? Здорово, дружище!

Они обнялись.

— Вот еду на побывку домой... А ты что, в городе теперь?

— Да, работаю на заводе, в опытной мастерской.

— Значит, не погнушался моим советом?

— Нет. Спасибо, Антип Савельич.

Шпагин завел дорогого гостя домой, угостил, рассказал о своих успехах.

— Рад, Егор, за тебя, молодчина! А помнишь, как тебя мордовали в рекрутах?

— Припоминаю.

— А я ведь, чай, слышал, после нашей встречи попал на фронт, громил беляков.

— Как же, рассказывали...

— А после демобилизации взяли работать в ЧК — воюю с контрой.

— А мы вот для армии новое оружие создаем.

— Хорошее дело! Я и раньше верил в тебя, Егор. Парень ты башковитый и упрямый. Вали, действуй! Может, изобретателем будешь, новое оружие придумаешь. Чай, помнишь империалистическую? Немец нас из пулеметов, а мы в него из винтовок одиночными выстрелами. Я из-за этого чуть на тот свет не ушел. Эх, братец, как необходимо сейчас хорошее оружие для Красной Армии! Неровен час — опять на нас Антанта навалится... Так что ты, Егор, шевели мозгами, даром времени не теряй.

21

После создания Шпагиным танковой шаровой установки и гнездного устройства для спаренных автоматов с ним еще больше подружился Дегтярев. При случае он охотно рассказывал ему о различных системах оружия, о знаменитых

тульских мастерах, приглашал, как и раньше, к себе в гости.

А когда Дегтяреву случалось выезжать в воинские части, где проходили проверку изготовленные в опытной мастерской различные унифицированные системы автомата, он брал с собой и Шпагина.

Как-то в одном авиационном соединении под Москвой, куда они ездили, чтобы установить на самолете спаренные автоматы Федорова, им показали английский пулемет «льюис», состоявший тогда на вооружении наших самолетов. Пулемет этот работал плохо: с заеданиями и перебоями, часто ломался. Летчики жаловались Дегтяреву, говорили, что это оружие очень ненадежно, и просили побыстрее создать новый пулемет.

Разговор с летчиками расстроил Дегтярева. Он и так был не особенно разговорчив, а тут нахмурился, ушел в себя, дорогой молчал. Шпагин, пытаясь его развеселить, пригласил в кино.

— Нет, Семеныч, как-то на душе нехорошо, пойдем-ка лучше куда-нибудь в заведение — попьем чайку.

Они сошли с трамвая на Триумфальной площади. Там, где сейчас высится величественное здание концертного зала имени Чайковского, был маленький, дешевенький ресторанчик. Они зашли и заказали чаю.

Василий Алексеевич, выпив чайку, смягчился, вступил в разговор. Вспоминал Ораниенбаум, Сестрорецк, рассказывал о разных системах автоматического оружия, об иностранных изобретателях, которых случалось ему видеть.

— Нет, Георгий Семенович, вся эта иностранщина — не то! И Мадсен, и Шварцлозе, и Льюис, и Кольт — все это не то. Надо, Семеныч, сделать что-то новое, свое... Ведь посмотри на авиационный «льюис» — летчики плачут с ним. Устарел! Надо конструировать иначе, совсем иначе.

— Да как же иначе, Василий Алексеевич?

— Вот в этом-то и штука. Тут-то и следует мозгами раскинуть. А то, что эти старые «льюисы» никуда не годятся,— каждому ясно! Мне даже стыдно перед летчиками. Ведь мы виноваты, что у нас нет хорошего оружия.

В дороге Василий Алексеевич опять помрачнел. Молчал, думал. А вернувшись домой, он все чаще стал засиживаться по вечерам: что-то мастерил. Шпагин не раз оставался после работы, но при нем Василий Алексеевич стеснялся делать свою работу. Для Шпагина стало ясно: Дегтярев что-то изобретает. Но что именно? Как об этом спросить?!

Шпагин знал по рассказам сестрорецких мастеров, что еще в шестнадцатом году Дегтярев сконструировал автоматический карабин, но ему не повезло. Карабин оказался очень несовершенным: давал большое рассеивание пуль. Пришлось его отложить. Может быть, на этот раз, опасаясь неудачи, Дегтярев решил держать свое изобретение в тайне?

22

Секрет Дегтярева раскрылся неожиданно. Как-то после поездки с Федоровым в Москву он пришел в мастерскую необыкновенно радостный и возбужденный. Его обступили рабочие.

— Ну что, Василий Алексеевич. Какие новости?

— Хорошие! Были у самого Михаила Васильевича Фрунзе.

Рабочие притихли, приготовились слушать, хотя и знали, что Дегтярев не мастер и не охотник говорить. Но Дегтяреву на этот раз хотелось поделиться с друзьями, рассказать о встрече с товарищем Фрунзе.

— Ну что, Василий Алексеевич, как же вас принял нарком?

— Хорошо, ласково... Велел передать привет всем рабочим и сказал, что ждет от нас хорошие образцы...

Большего рабочим узнать не удалось, но по настроению Дегтярева они поняли: получено какое-то важное задание. Все заметили, что теперь не только по вечерам, но и днем Дегтярев часами простаивал у верстака, что-то отлаживая, подгоняя; иногда фрезеровал или оттачивал на станках какие-то детали. Однажды, после воскресенья, которое Дегтярев провел в мастерской, рабочие узнали наконец то, о чем смутно догадывались. Спустившийся из конструкторского бюро Федоров собрал всех и объявил:

— Товарищи, Василий Алексеевич сделал макет нового ручного пулемета совершенно оригинальной конструкции.

Тут же из стола был извлечен макет дегтяревского пулемета. Рабочие сгрудились вокруг. Шпагин стоял у самого верстака, но ничего не мог понять.

Макет этот был сделан вчерне, многие части еще не отделаны, многие детали не отработаны. И хотя все рабочие были опытными оружейниками, едва ли кто из них мог по беглому осмотру макета оценить достоинства этого изобретения. Федоров, заметив их любопытство, подошел к верстаку:

— Прошу обратить внимание на затворную раму. Видите, она задумана удивительно просто и надежно, а это — основа

пулемета. Я уверен, что перед нами замечательное изобретение, и, хотя у нас нет никаких ассигнований на эту машину, мы должны ее сделать во что бы то ни стало. Мы должны дать армии наш, русский пулемет, который превзошел бы все иностранные системы.

Слова Федорова взволновали рабочих. Каждый из них был готов работать во внеурочное время, лишь бы помочь Василию Алексеевичу завершить его изобретение.

Шпагин, Симонов, Горюнов и другие слесари несколько дней присматривались к макету, обменивались мнениями. У них не было твердой уверенности, что из него можно сделать хороший пулемет, но они верили Федорову. Федоров не мог обмануться. Он поручил чертежникам и расчетчикам отложить все работы и заняться спешной разработкой схем, чертежей и расчетов по пулемету Дегтярева.

По мере того как появлялись рабочие чертежи, Шпагин и другие слесари получали задания, и постепенно весь коллектив мастерской включился в изготовление первого образца. Глубокой осенью новый пулемет опробовали на заводском стрельбище, и Дегтярев сам повез его в Москву на комиссионное испытание.

Рабочие провожали его весело, желая успехов. Ведь каждый из них вложил в этот пулемет немало труда, и каждому хотелось, чтобы их творение было принято к производству. Но Дегтярев вернулся из Москвы грустный, задумчивый. Пулемет был снят с испытания из-за поломки бойка.

Василия Алексеевича утешали всем коллективом. Особенно горячо убеждал его Федоров, доказывая, что изобретение удачно, что поломка бойка — случайность, что из-за такого пустяка не следует падать духом.

Наконец Дегтярев успокоился. Решено было сделать еще два образца, в которых устранить все замеченные на испытаниях недостатки. Один из этих образцов Дегтярев решил делать сам до мельчайших деталей, как делал он первые образцы винтовок и автоматов Федорова. Над другим образцом трудились лучшие слесари мастерской, в том числе и Шпагин.

Работая над изготовлением отдельных частей пулемета Дегтярева, Шпагин понял, что Дегтярев действительно превзошел всех изобретателей Запада. Его пулемет был очень прост по конструкции, легок, удобен в обращении и грозен в бою. Именно о таком пулемете мечтали в армии. Шпагин твердо верил, что изобретение его учителя будет оценено и признано. Так и случилось. Примерно через год Дегтярев снова выехал

на испытания в Москву. Его пулемет в поединке с пулеметом Токарева — Максима и немецким «драйзе» показал полное преимущество и был принят на вооружение Красной Армии. И хотя работа над усовершенствованием его продолжалась еще около двух лет, принятие пулемета Дегтярева к серийному производству рабочие считали большой победой всего коллектива.

Эти два года доработки, усовершенствования и отладки пулемета «ДП» (Дегтярев пехотный) явились замечательной школой для молодых конструкторов. В этой школе прошел трудный курс изобретатель из рабочих Георгий Шпагин. Он возмужал, творчески окреп и начал подумывать о самостоятельной изобретательской работе.

23

Ручной пулемет Дегтярева сразу же завоевал в армии всеобщее признание. С налаживанием его производства стали сниматься с вооружения устаревшие иностранные системы Льюиса, Шоша, Кольта. Возникла необходимость снабдить этим замечательным оружием не только пехоту, но и другие рода войск. По инициативе Федорова в конструкторском бюро вновь развернулись работы по унификации. На основе «ДП» создавался новый тип авиационного пулемета.

Над разработкой этого типа оружия трудился сам Дегтярев. Но так как нужда в авиационном оружии была острейшая, он привлек к работе Шпагина и еще нескольких опытных слесарей. Георгий охотно выполнял любое поручение, так как все это было для него ново и интересно. Еще не были окончены работы по авиационному пулемету, как возникла необходимость создания на основе «ДП» пулемета для танка.

Помня, как успешно Шпагин справился с переоборудованием для танков спаренных автоматов Федорова, Дегтярев решил поручить новое дело ему. Как-то утром, заглянув в станочное отделение, он подошел к Шпагину:

— Пойдем, Семеныч, к Владимиру Григорьевичу — есть важное дело.

Федоров пригласил их поехать в воинскую часть, чтобы на месте ознакомиться с танками. Они захватили с собой и новенький «ДП».

Приспособление пехотного пулемета в авиации потребовало много изменений в системе. Дегтярев думал, что в танке для ручного пулемета будет больше места, чем в кабине лет-

чика. Однако и в стальной коробке танка они столкнулись с немалыми трудностями.

— Оказывается, и в танке тесновато,— сказал Дегтярев.

— Да, тут нужно поразмыслить,— согласился Федоров.

— Ничего, я за это дело берусь,— решительно сказал Шпагин.— Сконструирую выдвижной приклад.

— Да, пожалуй, это единственный выход,— одобрил Дегтярев.— Ну что ж, Семеныч, берись за работу. Опыт по вооружению танков у тебя есть. Берись, мы на тебя надеемся!

На другой же день Шпагин получил от Федорова точные чертежи танковой коробки с обозначением места, где должен быть размещен пулемет.

Шпагин понимал, что порученная работа явится для него новым ответственным испытанием, и, прежде чем приступить к ней, он несколько дней прикидывал, как и с чего начать. По габаритам пулемет Дегтярева резко отличался от автомата Федорова, и Шпагин понял, что придется разрабатывать новое гнездное устройство и вносить серьезные изменения в шаровую установку.

Дегтярев, видя, что Шпагин не приступает к работе, по нескольку раз в день подходил к нему, подбадривал:

— Ты не торопись, Семеныч, конструкторское дело спешки не любит.

— Да ведь дело-то срочное, Василий Алексеевич.

— А ты забудь о том, что оно срочное. Знаешь пословицу: «Поспешишь — людей насмешишь». Ты думай о том, как бы лучше вышло. Это важнее всего. А получиться у тебя должно! В этом я уверен.

— Я тоже уверен, но как-то боязно...

— Ничего, ничего, если в чем сомнения будут — приходи ко мне, к Федорову, посоветуемся...

Шпагину было трудно начать. Так у него бывало со всяким делом. Но, начав, он как-то воодушевлялся, и тогда работа спорилась. Вот сейчас почти целую неделю он думал, волновался, ходил взвинченный и даже подумывал о том, не отказаться ли. Но Дегтярев, словно угадав его мысли, пришел подбодрить.

— Вот что, Семеныч, ты начни, начни с чего-нибудь и увидишь — дело пойдет. Начни хотя бы с разборки своей шаровой установки и сразу поймешь, что надо делать.

— Попробую, только не знаю...— сказал Шпагин.

Он неохотно начал разбирать шаровую установку, и вдруг его осенило! Вдруг все стало просто и ясно. Дело пошло и пошло, и уже его нельзя было остановить. Шпагин работал

весело, вдохновенно, что-то напевая себе под нос. Дегтярев приходил, присматривался и, улыбаясь, уходил к себе. Он не любил без надобности отрывать от дела, мешать.

Шпагин не отличался таким спокойствием. Сделав хорошо какую-нибудь деталь, он радовался, как мальчишка, и бежал показывать Дегтяреву.

— Ну как, Василий Алексеевич, годится?

И если Дегтярев говорил: «Хорошо, Семеныч!» — он с еще большим воодушевлением уходил в работу, и его песня звучала бодрей.

Когда новый тип танкового пулемета со всеми приспособлениями был готов, Федоров, Дегтярев и Шпагин снова выехали в воинскую часть. Пулемет был установлен в танке. Решили опробовать его в стрельбе.

— Дайте мне первому пострелять,— попросил Шпагин. Глаза его так горели, что трудно было отказать.

— Раз ты сконструировал — тебе и испытывать,— согласился Дегтярев.

Шпагин легко выдвинул приклад и, наведя пулемет на мишень, дал длинную очередь.

— Ну, куда твой «льюис» — работает, как хронометр!

— Погодите хвалить,— сказал Федоров.— Пусть постреляют сами танкисты.

Из пулемета стреляли с ходу, под разными углами. Все устройства работали безотказно. Было сделано пятьдесят тысяч выстрелов, и пулемет ни разу не отказал.

Через некоторое время танковый пулемет Дегтярева со специальными приспособлениями Шпагина был принят на вооружение Красной Армии. Федоров от души поздравил обоих конструкторов.

24

Постепенно конструкторское бюро, руководимое Федоровым, опытная мастерская, возглавляемая Дегтяревым, выросли, окрепли и превратились в единственную в Советском Союзе школу по конструированию. В коллективе бюро теперь трудилась группа конструкторов из рабочих: Колесников, Безруков, Шпагин, Симонов, Горюнов и другие.

Федоров и Дегтярев смело привлекали мастеров-оружейников и рядовых слесарей к творческой работе, поощряя их смекалку и находчивость, обсуждая с ними различные неполадки в изготовляемых образцах. Изобретатели из рабочих практически учились конструированию на разрабатываемых

моделях: вначале на автоматах Федорова, а потом на пулеметах Дегтярева. Но, помимо практических навыков, они приобретали и серьезные теоретические знания, так как Федоров разработку любого типа оружия всегда старался поставить на строго техническую основу, привлекая к расчетам и чертежам специалистов с высшим техническим образованием: инженеров, конструкторов, технологов, расчетчиков. Ни одну работу он не выпускал из поля зрения. К Федорову шли за советами, за консультацией, и он с одинаковым вниманием принимал опытного инженера и простого рабочего.

Всесторонне изучив опыт империалистической и гражданской войн, Федоров умел предвидеть дальнейшие пути развития оружейной техники и верно направлял творческую мысль изобретателей-самоучек.

В конце двадцатых годов в опытной мастерской развернулись большие работы по созданию новых и усовершенствованию существующих автоматических винтовок. На объявленный Всероссийский конкурс изготовлялось несколько образцов винтовок конструкции Федорова, Дегтярева и мастера Безрукова.

Было объявлено, что в конкурсе могут принять участие и другие изобретатели. Это известие очень взволновало Шпагина. «А не попытаться ли мне сделать автоматическую винтовку?» — подумал он. Но, не имея определенного замысла, он решил лишь принять участие в проводимых работах, присмотреться к изготовляемым образцам, надеясь, что, быть может, и его осенит какая-нибудь светлая мысль.

Шпагин знал некоторые иностранные системы автоматических винтовок, хорошо знал автоматы Федорова, кое-что слышал о винтовках Токарева и Рощепея, но с дегтяревской конструкцией знаком не был. Теперь ему довелось ознакомиться и с ней.

Хорошо изучив образцы, изготовлявшиеся в опытной мастерской, он признал лучшими винтовки Федорова и Дегтярева. Винтовка Безрукова ему показалась очень несовершенной. Предположения Шпагина сбылись. На предварительных испытаниях были отобраны винтовки Федорова и Дегтярева. Однако и в них оказалось много мелких дефектов. Конструкторам предложили работу продолжить и назначили новый конкурс.

Создание автоматической винтовки под мощный патрон было делом чрезвычайно трудным. Вес винтовок строго ограничивался, а давление пороховых газов при выстрелах оказывалось весьма сильным. Работа над этим видом оружия ве-

лась не одно десятилетие, а желаемых результатов пока достигнуто не было.

Шпагина и его товарищей сложная работа над автоматическими винтовками научила очень многому.

В эти же годы Дегтярев занимался созданием нового станкового пулемета, который, по его предположениям, должен был заменить тяжелый «максим». Пулемет этот разрабатывался по принципу «ДП», но размеры в нем были другие, и это повлекло за собой создание совершенно новой системы. Здесь конструктора часто преследовали неудачи. Особенно много он мучился над охлаждением. Патронник при стрельбе нагревался так быстро, что из опасения преждевременного воспламенения капсюля и разрыва пулемета на него то и дело лили холодную воду. Кроме того, от перегрева пружина, находящаяся в передней части пулемета, теряла упругость, и пулемет становился небоеспособным.

Эти два существенных недостатка нужно было устранить немедленно, так как они тормозили дальнейшую работу по усовершенствованию пулемета.

Василий Алексеевич потерял покой, ходил хмурый, задумчивый. Мастера так же болезненно переживали неудачу. Каждый из них стремился помочь делу, высказывал свои советы и пожелания. Шпагин, много думавший над улучшением системы, как-то посоветовал Дегтяреву перенести пружину пулемета из-под ствола в заднюю часть.

— Я думал, но едва ли что получится,— сказал Василий Алексеевич.— Ведь пулемет-то все равно будет перегреваться.

Но стоявший рядом Федоров не согласился с ним.

— Мне думается, предложение дельное,— сказал Федоров.— Перестановка пружины спасет ее от нагревания, и она не будет терять свою упругость.

Василий Алексеевич задумался. Покурил свою трубочку.

— Что ж, пожалуй, можно попытать... Ты, Семеныч, прикинь, как это лучше сделать, и приходи ко мне, потолкуем.

— Да я уже думал, Василий Алексеевич. Давайте разберем пулемет, посмотрим.

Пулемет поставили на верстак, и оба конструктора, разбирая его, стали думать над тем, как и куда перенести пружину, какие изменения внести в конструкцию.

— А что, если вот так, Василий Алексеевич,— сказал Шпагин и начал отверткой рисовать, как лучше разместить пружину.

— Нет, погоди, Семеныч. Тут горячиться не надо. Здесь

потребуются новые крепления, а они отяжелят пулемет. Давай попробуем иначе.

Шпагин, горячась, доказывал свою правоту. Дегтярев терпеливо выслушивал, потом двумя-тремя словами охлаждал его пыл, доказывая, что это надо делать иначе, а как иначе — он пока и сам еще не знал. Оба чувствовали, что дальнейшие споры ни к чему не приведут, и потому согласились вопросы решать практически: попробовать несколько вариантов. Оба конструктора превратились в рядовых слесарей и станочников, пока наконец лучший из вариантов не был осуществлен. Когда пулемет был собран, Дегтярев закурил трубочку:

— Ну что же, Семеныч, теперь надо машину испытать в стрельбе.

— Что ж, испытаем. Я твердо верю в успех — перегрева не будет.

— Поглядим,— уклончиво ответил Дегтярев. Многие неудачи на испытаниях научили его быть сдержанным, не радоваться раньше времени.

Пулемет был доставлен на стрельбище. На всякий случай заготовили несколько ведер воды, чтобы при стрельбе охлаждать ствол, как и раньше. За пулемет лег Шпагин и сразу же ударил по мишени длинной очередью. Дегтярев подошел, потрогал ствол пулемета:

— А ну, давай еще!

Пулемет затрещал снова. Двести выстрелов... Триста... Пятьсот... Дегтярев снова потрогал ствол пулемета, и глаза его наполнились слезами радости.

— Хватит, Семеныч, хватит! Вижу, что конструктивные изменения в машине сделали ее другой. Дай я тебя обниму.

Так был создан «ДС» (Дегтярев станковый).

25

Время летело стремительно. По всей стране кипела работа. Строились гиганты первой пятилетки: Сталинградский тракторный, Днепрогэс, Магнитка, Уралмаш. Завод, где работал Шпагин, расширялся: конструкторское бюро и опытную мастерскую перевели в новое помещение.

Со стремительным развитием индустрии представились большие возможности для оснащения Красной Армии новыми видами оружия. Рост бронетанковых войск и авиации требовал нового, более мощного стрелкового оружия. И вот в 1931 году конструкторское бюро получило важное задание:

разработать на основе дегтяревского «ДП» крупнокалиберный пулемет.

Многим мастерам, да и Шпагину это дело казалось несложным: увеличить вдвое калибр ствола (под патрон 12,7 миллиметра) и соответственно все части конструкции. Вот и готов новый пулемет! В действительности все оказалось куда сложнее. Расчеты показали, что при увеличении калибра примерно вдвое объем патрона увеличивается почти вчетверо. Следовательно, и энергия выстрела будет в несколько раз больше, чем в существующем патроне. Если механически удвоить размеры пулемета, его при первых же выстрелах разорвет давлением газов. Все это предвидел Федоров и потому с первых же шагов конструирования решительно отказался от старых, полукустарных методов работы. К разработке новой конструкции были привлечены опытные конструкторы и инженеры, расчетчики, технологи, чертежники. Были сделаны точнейшие расчеты с учетом механических свойств стали, которая применялась для нового пулемета.

В работе над опытным образцом участвовал весь коллектив во главе с Дегтяревым.

И все-таки, когда первый образец нового пулемета был собран, из него никому не разрешили стрелять. «Будем испытывать под укрытием,— сказал Дегтярев,— мало ли что может случиться».

Опасения его были не лишены оснований. Дегтярев помнил, как четверть века назад при стрельбе разорвало винтовку Федорова и чуть не убило самого конструктора. Первый образец крупнокалиберного пулемета испытывали с большой осторожностью. Только после первых благополучных выстрелов к пулемету подошли стрелки-испытатели и конструкторы. Работал он с перебоями, как бы задыхаясь. Приходилось тут же, на стрельбище, заниматься ремонтом. Наконец удалось добиться бесперебойной стрельбы. Машина не перегревалась и показывала хорошие боевые качества. Конструктор и мастера приободрились. Было дано распоряжение продолжать испытания. Но едва наблюдавшие отошли в сторону, как раздался сильный взрыв, разворотивший коробку пулемета.

Неудача не обескуражила Дегтярева и его помощников. Они снова взялись за дело. Составлялись новые расчеты, выискивалась более прочная сталь, так как сильное утолщение стенок коробки могло утяжелить пулемет, а этого нельзя было допустить.

Над крупнокалиберным бились несколько лет, но серьез-

ных успехов достигнуто не было. То ломались отдельные детали, то при стрельбе выходили из строя целые части. Дегтярев осунулся, похудел. Не только дни, но и ночи он проводил в мастерской, а дело почти не двигалось.

Раньше в трудные минуты Дегтярев советовался со своим учителем Федоровым, но Федоров в 1931 году был переведен в Москву на научную работу, и с ним не так-то просто было повидаться...

Неудача с крупнокалиберным пулеметом волновала не только Дегтярева, но и всех работавших с ним мастеров. Изобретатель Колесников, сконструировавший станок для пулемета, Шпагин и многие другие мастера упорно искали пути устранения недостатков. Но Шпагина, кажется, больше всех волновала эта машина. Он любил Дегтярева и очень хотел ему помочь.

26

Теперь Шпагин был уже не тем малограмотным слесарем, каким пришел в мастерскую в двадцатом году. Двенадцать лет он проработал в коллективе конструкторского бюро. Немалый срок! За это время он мог бы окончить среднюю школу и институт — стать инженером. Но и в опытной мастерской эти годы не пропали даром. В оружейном деле он теперь разбирался не хуже некоторых инженеров, и молодые специалисты, прибывшие из институтов, нередко обращались к нему за советом. Он до тонкостей знал почти все системы автоматического оружия и умел понимать тайны и капризы механизмов. Однако крупнокалиберный пулемет, ставивший в тупик самого Дегтярева, был и для него большой загадкой. «Это орешек не простой,— думал Шпагин,— его не так-то легко будет нам раскусить». И это его подзадоривало.

Еще в юности Шпагин отличался упрямым характером. С годами упрямство перешло в настойчивость, в упорство. И чем серьезнее была преграда, тем больше пробуждалась в нем воля. «Нет, я должен во что бы то ни стало помочь Дегтяреву усовершенствовать крупнокалиберный»,— твердо решил он.

Дегтярев и сам подумывал о том, чтобы привлечь к работе над крупнокалиберным пулеметом Шпагина. Правда, к этому решению он пришел не сразу, так как многолетняя работа до революции в одиночку сделала его замкнутым. Коллектив советского конструкторского бюро благотворно влиял на его характер, хотя и изменял его крайне медленно. Все же Дегтя-

рев чаще и чаще делился своими мыслями с товарищами по работе, советовался с ними.

Работая над крупнокалиберным, он стал выносить на общественный суд свои неудачи. И с кем бы конструктор ни говорил — будь то инженер или рядовой рабочий,— он внимательно прислушивался к советам, каждое предложение взвешивал, обдумывал.

Дегтярев долго искал случая по душам поговорить со Шпагиным. А Шпагин сам пришел к нему:

— Василий Алексеевич, я давно думаю над крупнокалиберным, и у меня есть кое-какие предложения.

— Это хорошо, Семеныч, выкладывай.

— По-моему, можно увеличить скорострельность за счет изменения системы боепитания (подачи патронов), а также усилить живучесть.

— Так это же самое главное, над чем я бьюсь! Ты вот что, Семеныч, приходи-ка завтра с утра ко мне в кабинет. Поговорим по душам.

Предложения, с которыми пришел Шпагин, зрели и вынашивались долго. И Дегтярев, выслушав его, понял, что тут дело серьезное. Шпагин не просто рекомендовал улучшить какие-то детали в пулемете — он предлагал внести коренные изменения в систему, и Дегтяреву показалось, что эти изменения могут дать многое.

— Послушай, Семеныч, предложения твои очень дельные. Но чтобы осуществить их, придется здорово потрудиться. Давай-ка, брат, поступим так: перебирайся завтра с утра ко мне в кабинет, начнем работать сообща. Как, согласен? Ну так вот тебе моя рука — завтра жду!

Шпагин в этот день уже не мог работать. Он отпросился и ушел с завода. Однако направился не домой, а решил прогуляться. Дома было шумно: четверо детей да родичи, а хотелось побыть одному. Он пошел через город в запущенный сад, на берег Клязьмы. На горе, под плакучей березой, было тихо, пахло свежим душистым сеном. Река, извиваясь, пересекала широкую поляну. На другом берегу ее пестрели поля и темной полосой тянулся лес. День был тихий. Солнце клонилось к западу, от реки тянуло влажной прохладой. Шпагин любил посидеть один, подышать свежим воздухом, подумать. А подумать было о чем. Дегтярев предлагал не просто сделать какие-то приспособления к уже готовой машине, а вместе с ним работать над коренным усовершенствованием системы. Шпа-

гин радовался высокому доверию и в то же время побаивался. На его плечи ложилась большая ответственность: создание крупнокалиберного пулемета было важным правительственным заданием. «А вдруг ничего не выйдет? — думал он.— Вдруг оскандалимся?»

Да, было над чем задуматься. Полбеды, если б он всю систему делал сам: тогда в случае неудачи вся вина легла бы на него одного. А теперь он мог подвести доверившегося ему Дегтярева.

Шпагин лег на траву и, кусая сухую былинку, продолжал размышлять.

Он довольно ясно представлял, как нужно изменить систему боепитания, как по-новому сделать приемник для патронов. Он понимал, какие части пулемета нужно сделать толще, чтобы создать бо́льшую живучесть. Он все понимал... Чувство уверенности постепенно вытеснило все сомнения и колебания и окончательно завладело им.

«Буду помогать доделывать пулемет Дегтярева. Может быть, и мне случится что-нибудь изобретать, и сам я окажусь в трудном положении. Вот тогда и Василий Алексеевич протянет мне руку помощи. Впрочем, я и так ему очень многим обязан».

Подойдя к реке, Шпагин разделся и бултыхнулся в воду.

27

Утром, направляясь к Дегтяреву, Шпагин думал: как-то сложатся их отношения на новой работе, какова будет его роль в усовершенствовании и доделке пулемета? Однако, войдя в кабинет главного конструктора, он несколько смутился. У широкого окна, рядом со столом Дегтярева, стоял другой стол и на стыке этих столов — крупнокалиберный пулемет. Дегтярев, увидев Шпагина, поспешил ему навстречу:

— Здравствуй, Семеныч, а я давно тебя жду. Уж и стол приготовил. Устраивайся — будем трудиться сообща.

Шпагин весело спросил:

— Как же, с чего начнем, Василий Алексеевич?

— Давай начнем с ломких деталей. Подумаем над твоим предложением о живучести.

Это было сказано так просто, так задушевно, что Шпагин, скинув пиджак, присел к Дегтяреву и вместе с ним принялся разбирать пулемет.

Весь коллектив опытной мастерской был включен в работу. Все трудились над крупнокалиберным. Иногда какая-

-нибудь часть пулемета переделывалась много раз, испытывалась на взаимодействие частей, опробовалась в стрельбе.

Иногда между Шпагиным и Дегтяревым возникали размолвки, вспыхивали ссоры. Шпагин уходил домой и по нескольку дней не являлся на работу. Бывали случаи, что Дегтярев сам шел к нему, успокаивал, приводил в бюро. Но когда тот или иной узел механизма удавалось отладить, оба радовались как дети, и вечером Дегтярев зазывал Шпагина к себе на чаепитие.

Начав с изменения и переконструирования отдельных деталей, они вынуждены были переделывать и изменять целые узлы. Вся конструкция пулемета подверглась серьезной переделке. Не удивительно, что работа затянулась не на один год. Зато теперь каждая деталь, каждая часть пулемета была всесторонне обдумана, испытана и тщательно обработана.

Была по-новому разработана система боепитания, усовершенствована работа затворной рамы, упрочен трескавшийся от длительной стрельбы затыльник, сконструирован дульный тормоз. Были видоизменены многие мелкие детали. Система стала компактной, надежной, выносливой. Повысилась ее боевая мощь.

В 1938 году конструкторы со своим пулеметом выехали в Москву на государственные испытания, на которых должен был присутствовать нарком обороны.

Пулемет показал отличные боевые качества и был принят на вооружение Красной Армии. По настоянию Дегтярева его назвали «ДШК» (Дегтярев — Шпагин крупнокалиберный).

28

Успех крупнокалиберного пулемета окончательно убедил Шпагина в том, что настало время заняться самостоятельной творческой работой.

Грозные события на Западе — наступление германского фашизма на Европу — томили сердце тревожными предчувствиями. Война с фашистской Германией казалась неизбежной, и Шпагин готов был все свои силы посвятить созданию для Родины нового, грозного оружия.

Но какое оружие более всего требовалось сейчас, на что следовало направить творческую мысль — он представлял себе недостаточно ясно. Ответ на этот вопрос могли дать лишь очень прозорливые специалисты, тщательно изучающие опыт последних войн и развитие боевой техники. «Жаль, что нет сейчас с нами Владимира Григорьевича Федорова,— подумал

Шпагин.— Вот кто помог бы мне мудрым советом... А что, если поехать к нему, ведь Москва не так уж далеко? Честное слово, это было бы здорово!»

Шпагин не любил задуманное дело откладывать в долгий ящик. В первую же субботу ночью он выехал в Москву.

Двухэтажный кирпичный домик типа коттеджа утопал в зелени небольшого тихого переулка. Шпагин с трепетом постучал в застекленную дверь веранды. «Восемь лет не виделись, узнает ли?» Он чувствовал смущение и неловкость. Ведь Федоров теперь был профессор. Встречались же они в то время, когда Шпагин был не конструктором, а простым слесарем...

Но вот на веранду вышел сам Федоров и, узнав Шпагина, поспешил к двери.

— Георгий Семенович, какими судьбами? Рад, очень рад! — воскликнул он и крепко обнял взволнованного Шпагина.

За восемь лет Федоров почти не изменился. Такой же крепкий, подтянутый, только усы слегка поседели.

Через несколько минут они уже сидели в кабинете, заставленном книгами, с открытым окном в благоухающий сад. Рассказав о Дегтяреве, о совместной работе с ним над крупнокалиберным, о похвале наркома обороны, Шпагин вдруг замолчал, почувствовал неловкость.

— Что это с вами, Георгий Семенович? — встревожился Федоров.

— Да так...— смущенно начал Шпагин.— Можете подумать, что хвастаться приехал. А ведь я, в общем-то, только помог Дегтяреву... а сам ничего особенного не сделал.

— Полно, Георгий Семенович. Вы еще молодой человек, у вас все впереди.

— Да, молодой... Вон Симонов всего на три года старше, а уж его на завод отозвали — изобрел автоматическую винтовку.

— Да, Сергей Гаврилович молодец! Его изобретение очень талантливо. Но и в вас я верю, Георгий Семенович. Ваши успехи говорят о многом... А скажите, не тянет ли вас на разработку какого-нибудь нового типа вооружения?

— Как не тянет, Владимир Григорьевич. Другой раз ночи напролет думаю... И чувствую, мог бы кое-что сделать, да не знаю, на что нацелиться... Дегтяреву было легче — вы всегда его направляли...

— А помните, Георгий Семенович, с чего вы начинали свои первые шаги в мастерской?

— Как же, с вашего автомата.

— Вот именно. Я тоже это хорошо помню. А знаете, между прочим, проблема автомата у нас еще не решена. Мне думается, что этому оружию принадлежит большое будущее. Оно, очевидно, станет исключительно важной силой в грядущей войне, если ее не удастся избежать... Это подтверждается многими примерами недавней военной истории.

— Расскажите, Владимир Григорьевич. Это очень интересно.

— Вы ведь, наверное, знаете, что я занимаюсь автоматикой давно, больше тридцати лет. Написал много трудов и работал практически.

— Как же, ваша книга «Автоматическое оружие» была первым моим учебником. Я и сейчас с ней не расстаюсь.

— А вы, наверное, не знаете, что еще в то время, когда создавалась эта книга, в Ораниенбауме велись опыты по разработке нового оружия — автомата.

— Как же, я хорошо знаком с вашим автоматом образца шестнадцатого года.

— Нет, то было лет на десять раньше. Тогда предпринимались попытки сделать автомат под пистолетный патрон.

— Об этом я не слыхал.

— Так вот, в те годы, когда мы с Дегтяревым работали в Ораниенбауме над автоматической винтовкой, по приказанию начальника полигона полковника Филатова была сделана попытка создать автомат под пистолетный патрон. Правда, это были лишь пробные опыты, но они очень примечательны.

— Что же это были за опыты?

— В мастерской полигона переделали спусковые механизмы пистолетов Маузера и Борхардта Люгера для непрерывной стрельбы. Пистолеты работали безотказно, но кучность боя оказалась никуда не годной. Пистолеты были очень легки и при непрерывной стрельбе сильно подбрасывались в руках. Пули разлетались под большими углами.

— И что же из этого вышло? — спросил Шпагин.

— Опыты пришлось прекратить. Но важно то, что попытка создания автомата ближнего боя предпринималась нашими оружейниками более тридцати лет назад. Мы были пионерами в этом деле, и мы должны продолжать, настойчиво продолжать поиски наиболее совершенного типа этого оружия.

После наших опытов примерно через восемь лет,— с волнением продолжал Федоров,— во время кровопролитных боев на реке Изонцо в Италии итальянские войска применили про-

тив австрогерманцев пистолеты-пулеметы конструкции Ревели. Это были спаренные пулеметы с броневым щитом на маленьких сошках. Итальянское оружие было в восемь раз тяжелее наших опытных образцов. Зато в нем было и серьезное достоинство — хорошая кучность пуль. Однако из-за тяжести его нельзя было применить как ручное оружие. Мой автомат шестнадцатого года весил почти вдвое меньше — четыре с половиной килограмма. Он был более удобным. Но в восемнадцатом году на Западе появился автомат еще меньшего веса, под пистолетный патрон. Западные конструкторы, так сказать, осуществили нашу идею.

— И как же этот автомат действует?

— Радиус действия этого автомата был невелик — двести — триста метров. Многие военные специалисты считали такое оружие удобным лишь в обороне, но бесполезным в наступлении. Однако эти мнения были опровергнуты боевыми действиями.

— Когда? Где? — перебил Шпагин.

— А война между Боливией и Парагваем в 1934 году. Там автоматы под пистолетный патрон применялись в наступлении, особенно в уличных боях. Результаты отличные!

Шпагин вздохнул:

— Я этого не знал...

— На Западе сейчас лихорадочно вооружают армию автоматами под пистолетный патрон. Мы не имеем права уступать первенства.

Шпагин встал и крепко пожал руку Федорову:

— Владимир Григорьевич, от души благодарю вас. Теперь я знаю, что мне делать. Большое вам спасибо! — И он, отказавшись от обеда, поспешил домой.

29

Шпагин несколько дней ходил под впечатлением разговора с Федоровым. Теперь ему была ясна идея будущего изобретения. Да, он должен создать автомат под пистолетный патрон — грозное оружие ближнего боя. Автомат этот ему мыслился легким, маневренным, с высоким темпом стрельбы, способным давать шквальный огонь. В то же время новое оружие должно быть простым, чтобы с ним легко мог справиться рядовой боец. Только тогда оно может стать основным оружием пехоты.

Мысли об автомате не покидали Шпагина ни днем ни ночью. Он стал замкнут, неразговорчив. Дома задумывался

даже за обедом и нередко дочерям отвечал невпопад. Те прыскали, но мать суровым взглядом останавливала их:

— Тише, стрекозы, чего вам не сидится? Видите, отец думает...

Шпагин пытался нарисовать будущий автомат в своем воображении или набросать на бумаге, но ничего не получалось.

«Хорошо быть простым мастером,— думал он,— столяром, токарем, сапожником... Дали тебе чертеж или модель — и танцуй от них. Сразу представляешь, что и как нужно делать, знай работай. А тут, кроме желания создать новое оружие, ничего нет. Вот и попробуй сделай. Нет, надо от чего-то отталкиваться. Ведь и шаровую установку я делал, отталкиваясь от старой модели. Да и все изобретатели поступают так же! Даже скульптор, чтоб вылепить какую-нибудь статую, делает наброски с живых людей. Надо начинать с тщательного изучения всего, что сделано в этом направлении. А потом уже совершенствовать, создавать лучшее...»

И он снова обратился за помощью к своему учителю.

Федорова очень обрадовало желание Шпагина заняться разработкой автомата под пистолетный патрон. Это и понятно: ведь Владимир Григорьевич первый пролагал пути к созданию нового типа оружия. Его по праву считают изобретателем первого в мире автомата, который был применен в боях на румынском фронте еще в 1916 году.

Он снабдил Шпагина таблицами боевых и технических качеств известных автоматов, созданных за последние двадцать лет, и даже подарил рисунки некоторых образцов.

Эти материалы были настоящим кладом для конструктора. Шпагин долго и кропотливо разбирался в них, сравнивал один образец с другим.

Его удивляло, что все автоматы под пистолетный патрон очень тяжелы: их вес с наполненным магазином колебался от пяти до семи килограммов. Из-за этого они были громоздки и неудобны. И первое, чего хотелось добиться Шпагину в своем автомате — это предельно уменьшить вес.

А для этого нужно было знать вес деталей западных автоматов, толщину стенок коробки, ствола и многое другое. Георгий Семенович же располагал лишь самыми общими сведениями: о калибре, длине и весе автомата, о дальности прицельной стрельбы, о весе магазина, длине ствола и т. д.

Для конструкторов с инженерным образованием, привыкших мыслить аналитически, этих сведений было бы, вероятно, достаточно, чтобы представить себе каждый образец и оценить его достоинства. Для Шпагина их было мало.

Даже то, что было создано другими и от чего предстояло ему оттолкнуться, чтобы сделать прыжок вперед, он должен был не только знать по описаниям, но и видеть собственными глазами, ощупать собственными руками. Он должен был во что бы то ни стало познакомиться с существующими автоматами. А где их взять?

Много вопросов волновало Шпагина. Много мыслей не давало ему покоя.

Однажды его срочно вызвали к директору.

На директорском столе лежал автомат с толстой ложей и массивным деревянным цевьем.

— Ну вот, можешь полюбоваться, Георгий Семенович,— немецкий автомат. Был захвачен нашими добровольцами во время войны в Испании. Что скажешь?

Шпагин взял автомат в руки и сразу узнал его по рисунку.

— Правильно, это немецкий «Рейн-металл»,— сказал он, жадно и пристально осматривая оружие.

— Ну что, какова машина?

— Тяжеловата! — сказал Шпагин, взвешивая автомат на руке.— А как в устройстве и работе — надо поглядеть... разобраться.

— Хорошо, забирай его к себе, Георгий Семенович, изучай да мозгуй над тем, как бы сделать свой, чтоб и полегче и понадежней, ну и, само собой, попроще в изготовлении...

— Постараюсь... Думаю, что хуже не сделаю,— ответил Шпагин, а про себя подумал: «Уж теперь-то я разберу его по косточкам, определю все достоинства и недостатки, а свою машину сделаю такой, что все ахнут!»

30

Тщательно очистив автомат от пыли, грязи и масла, Шпагин начал осмотр. На тыльной части коробки он увидел надпись: «Р—М—40». Он взглянул на рисунок в книге. Не вызывало сомнений, что автомат был изготовлен по старому образцу. Принцип устройства был тот же, что и у известного ему по описаниям автомата «Рейн-металл» образца 1918 года: свободный, не сцепленный со стволом затвор при выстреле отбрасывался пороховыми газами назад и, натыкаясь на возвратную пружину, возвращался в прежнее положение, подавая патрон в ствол.

Шпагин тотчас же вспомнил автомат Федорова образца 1916 года. Там был подвижной ствол. И хотя конструкция Фе-

дорова отличалась от других автоматических систем того времени оригинальностью и простотой, все же свободный затвор для автомата с пистолетным патроном казался Шпагину более целесообразным.

Однако, найдя удачной конструкцию механизма, Шпагин обнаружил в автомате «Рейн-металл» много всяких недостатков. Во-первых, автомат был громоздок, неуклюж и, как говорят солдаты, не прицелист. Он весил без патронов 4090 граммов, а с магазином на 50 патронов — почти 6 килограммов. В этом отношении он мало отличался от автомата Федорова. Правда, он был короче на 29 сантиметров, что создавало больше удобств для действий в окопах, траншеях, домах или в лесу. Зато прицельная дальность немецкого автомата была в пять раз меньше — всего 200 метров. Автомат же Федорова поражал на 1000 метров.

Проводя сравнения между автоматами «Рейн-металл» и Федорова, Шпагин склонялся то в пользу одного, то в пользу другого. И ему хотелось сделать третий автомат, который вобрал бы в себя лучшие качества обеих конструкций и отличался бы простотой изготовления, легкостью, а также высоким темпом стрельбы и большей вместимостью магазинов.

Он сразу же решил, что калибр автомата Федорова (6,5 миллиметра) более предпочтителен, чем калибр «Рейн-металла» (9 миллиметров). Ведь одно это может дать выгоду и в весе автомата и во вместимости магазинов.

Короткий пистолетный ствол у «Рейн-металла» длиной в 200 миллиметров весил, конечно, меньше, чем ствол в 520 миллиметров, но проигрывал в прицельной дальности. Кроме того, он уменьшал начальную скорость пули, а следовательно, и ее убойную силу.

Тяжелая, громоздкая коробка автомата «Рейн-металл» не шла ни в какое сравнение с коробкой автомата Федорова. А Шпагин и внешнему виду автомата придавал серьезное значение. И дело тут не только в эстетических вкусах, а в том, что компактность и обтекаемость оружия создавали наибольшие удобства в обращении с ним.

Из сравнений разных систем у Шпагина складывались свои твердые взгляды на отдельные узлы автомата. Постепенно в его воображении вырисовывалась новая модель более совершенного оружия. Он делал многочисленные наброски, обдумывал, вынашивал замысел будущей конструкции, как художник вынашивает образы героев будущего произведения, обдумывает сотни сюжетных ходов и построений, прежде чем взяться за перо или кисть.

31

Между тем военные события на Западе продолжали развиваться. Захватив Австрию, гитлеровская Германия поглотила Чехословакию, вступила в войну с Польшей, Францией, Англией.

Сведения с фронтов европейской войны говорили о том, что фашистская армия оснащена новейшим автоматическим оружием.

Шпагину не было известно, что в те дни, когда он вынашивал мысль о создании автомата под пистолетный патрон, Дегтярев уже получил срочное задание — взяться за разработку именно такого типа оружия.

Дегтярев был хорошо информирован о вооружении западных армий. Знал он и об автоматах, которые применялись в боях.

Он пригласил Шпагина и вместе с ним начал разбирать и осматривать «Рейн-металл». Шпагин с нетерпением ждал, что скажет об этой машине Дегтярев, и очень обрадовался, когда суждения талантливого конструктора совпали с его собственным мнением: Дегтярев одобрил принцип работы механизма, но нашел автомат громоздким и слабым в боевом отношении.

— Нам необходимо будет подумать над увеличением боеспособности автомата,— сказал Дегтярев,— увеличить темп стрельбы, удвоить прицельную дальность и создать более вместительный магазин для патронов.

Дегтярев любил обдумывать будущую конструкцию в уединении. Иногда он даже уходил в лес, присев где-нибудь на пеньке или на сломанном дереве, размышлял. Когда главные узлы конструкции были осмыслены и модель начинала проясняться в его воображении, он набрасывал схемки и давал задания чертежникам, расчетчикам, инженерам-конструкторам. В работу, таким образом, вовлекался весь коллектив конструкторского бюро.

На этот раз работа должна была быть выполнена в исключительно сжатые сроки. И Дегтярев и его сотрудники понимали, что от них зависит, насколько быстро можно будет оснастить Красную Армию новым оружием. Поэтому, беря за основу существующий принцип автоматики, Дегтярев не стремился к коренной переделке системы.

Прежде всего он предложил уменьшить калибр с 9 миллиметров до калибра русской винтовки Мосина — 7,62 миллиметра. Исходя из этих данных и велись все расчеты будущего автомата.

Для охлаждения ствола Дегтярев решил применить трубчатый кожух с продолговатыми сквозными отверстиями и внес в конструкцию много других улучшений, добиваясь ранее поставленной цели — увеличения боевой мощи создаваемого оружия. Иногда изменения и усовершенствования производились в процессе работ над опытными образцами.

Шпагин принимал участие в работе над отдельными узлами нового автомата. В эти дни он особенно тщательно следил за работой Дегтярева, дивился его сообразительности, учась у него искусству конструирования.

Неожиданно вспыхнула война с белофиннами. Наша пехота шла на белофинские укрепления с магазинными винтовками системы Мосина, самозарядными винтовками Симонова и Токарева. Коллектив конструкторского бюро, руководимый Дегтяревым, спешно завершал свои работы по созданию нового автомата.

В разгар войны с белофиннами автомат Дегтярева «ППД» (пистолет-пулемет Дегтярева) был готов. Он показал хорошие боевые качества в сравнении с немецким и финским автоматами. Завод приступил к производству нового оружия.

Сравнивая три автомата, Шпагин считал, что Дегтярев добился серьезных успехов. Благодаря изменению калибра и внесению конструктивных изменений ему удалось уменьшить вес своего автомата на 1 килограмм 200 граммов по сравнению с весом «Суоми» и на 600 граммов по сравнению с весом «Рейи-металла». Стремясь к наибольшей боеспособности автомата, Дегтярев увеличил начальную скорость пули до 400 метров в секунду (у «Рейи-металла» — 327 метров в секунду, а у «Суоми» — 300). Это позволило в два с половиной раза увеличить прицельную дальность (с 200 до 500 метров) и значительно повысить темп стрельбы. К тому же Дегтярев создал магазин вместимостью 70 патронов, что положительно сказалось на боеспособности автомата.

Шпагин от души радовался успехам своего учителя и в то же время продолжал вынашивать свою конструкцию. Он видел, что «ППД» создавался в спешке, и Дегтярев, естественно, не мог устранить некоторые недостатки, которые в других условиях не были бы допущены.

Учитывая все это, Шпагин стремился создать такой автомат, который превзошел бы автомат Дегтярева во всех отношениях.

В то время как автоматы Дегтярева шли из цехов на фронт, у Шпагина уже начали вырисовываться основные кон-

туры нового оружия. Оставаясь по вечерам в мастерской, он стал создавать пробный макет своей машины.

Шпагин ставил перед собой задачу предельно уменьшить вес автомата, упростить процесс его производства.

32

Зима в тот год была на редкость свирепой. Морозы завернули такие, что трещали телеграфные столбы. Ночью приходилось подкладывать в печку дров.

В пятницу на второй неделе января мороз был особенно лют. И все-таки, когда прозвучал обеденный гудок, Шпагин, вышел из конструкторского бюро и направился домой. Хотелось поесть горячих щей, посидеть у растопленной печки, подумать.

В легких валенках бодро шагалось по скрипучему снегу. Деревья застыли в голубоватом инее. Из труб притихших домов столбами поднимался густой розоватый дым. Мороз щипал лицо, приходилось дышать в рукавицу. На улицах было пустынно.

Вдруг Шпагин услышал гулкое пофыркивание машины и шум голосов. Он свернул на главную улицу и увидел большую толпу около школы. Его обогнали двое мальчишек.

— Бежим быстрее, Федька, уже привезли,— торопил паренек постарше.

— Кого привезли? — спросил Шпагин.

— Раненых. В школе устраивают госпиталь.

Шпагин побежал вместе с мальчишками, протиснулся сквозь толпу. Из открытого автобуса на носилках выносили закутанных в одеяла раненых бойцов. Некоторые из них стонали. Женщины, уткнув лица в воротники, плакали. Мальчишки, растирая рукавицами щеки и носы, смотрели с испугом, стараясь заглянуть в глаза бойцов.

Шпагин прошел в помещение. Его узнали, дали белый халат, провели к начальнику госпиталя. Начальником оказался известный в городе врач Сергей Александрович Павлов. Добродушный, с седеющей бородкой, одетый в военную форму, он как-то посуровел и выглядел строго, но Шпагина принял учтиво, как старого знакомого.

Шпагин поинтересовался, хорошо ли оборудован госпиталь, не нужно ли чем помочь.

— Спасибо, Георгий Семенович, кроватей и постельных комплектов достаточно, медикаментов тоже, а это теперь — главное. Вот в коридорах санитары очень стучат сапогами.

Если б достать ковры, было бы отлично. Раненым нужен покой. Хорошо бы раздобыть также шашки, домино, шахматы, а то выздоравливающим будет скучновато.

— Ясно, Сергей Александрович. Сейчас постараюсь расшевелить общественность.

Шпагин уселся у телефона и стал звонить в завком, в клуб, в горсовет.

Часов в семь, когда коридоры были застланы ковровыми дорожками, когда раненые успели пообедать и отдохнуть после трудной дороги, Сергей Александрович пригласил Шпагина пройтись по палатам, поговорить с фронтовиками.

Обойдя несколько палат, Шпагин ни с кем из бойцов не разговорился. Все они устали после дороги, разговор как-то не вязался. И уже когда он собирался идти домой, из угла палаты кто-то окликнул его по имени. Шпагин остановился и стал всматриваться в молодое заросшее щетиной лицо.

— Не узнаете, Георгий Семенович? Это же я — Шухов, Антипа Савельича сын.

— Гриша, неужели ты? — Шпагин вспомнил веселого паренька с кудрявой шевелюрой, которого он в прошлом году устроил учеником в ремонтно-механический. Теперь, остриженный наголо и небритый, Гриша совсем не походил на себя. Лишь веселые, как у отца, глаза светились голубоватым огнем. Шпагин пожал ему руку, присел рядом на кровать. У него явилось желание отругать Григория за то, что тот самовольно, не посоветовавшись ни с ним, ни даже с отцом, ушел в лыжный батальон, но обстановка была явно неподходящая, и Шпагин только спросил:

— Отец знает?

— Нет. Я не писал... И вы не расстраивайте его, Георгий Семенович. Доктор говорит: «Вылечу, поставлю на ноги». А поначалу-то я испугался, думал, ногу отнимут.

— Обморозил, что ли?

— Нет. Ранение... Автоматчик нас срезал... шюцкоровец.

— Автоматчик, говоришь?..

— Да. На разведку наше отделение ходило. Все на лыжах. В лесу тишина, идем осторожно. Вдруг тра-та-та-та, и шестерых как не бывало — наповал срезал. А двоих — меня и еще одного бойца, Сашку Мохова,— ранило. Он, автоматчик-то этот, на елке сидел. Наши, которые уцелели, залегли за деревьями и из винтовок его ссадили. Потом и нас вынесли. А шестерых там и схоронили.

Шпагин вздохнул:

— И большие потери от автоматчиков?

— Ох, большие, Георгий Семенович... Если бы в открытую бились, тогда другое дело, а то нам его не видно, а мы у него как на ладони. Бьет на выбор, наверняка. А главная беда в том, что у них автоматы, а у нас винтовки.

— Значит, автоматы очень нужны бойцам?

— Так нужны, Георгий Семенович, что и сказать нельзя.

Шпагин задумался, почесал подбородок:

— Ну вот что, Гриша, я отца подготовлю, ты не печалься об этом, тебе сейчас поправляться надо. А автоматы мы уже делаем и скоро будем их штамповать, как ложки.

Шпагин вышел из госпиталя взволнованный. Напряженно работала мысль: «Как был прав Федоров, призывая к созданию автоматов! Если б мы тогда по-настоящему взялись за дело, может быть, тысячи бойцов были бы спасены от смерти...»

Он шел и думал, и даже мороз не брал его разгоряченное тело. «Автоматы, автоматы... Сколько же их нужно? Ведь, пожалуй, я рано обнадежил бойцов. Завод выпускает «ППД» в небольшом количестве, а их нужно штамповать, как ложки. Следует до предела упростить конструкцию. Нужно все главные части поставить на штамповку. Это оружие должно стать действительно массовым... Штамповка — вот что может нас спасти и выручить. Да, автоматы нужно штамповать, как ложки! Но как, как этого добиться?»

33

Разговор с фронтовиками заставил Шпагина пересмотреть и заново продумать то, что было продумано сотни раз. И это естественно. Ведь он собирался поставить вопрос о перевооружении армии новым автоматическим оружием, хотя автомат Дегтярева был только что принят на вооружение.

Шпагин знал, что организация производства «ППД» повлекла за собой огромные затраты. Он отлично понимал, что автомат Дегтярева значительно лучше иноземных, значит, чтобы поставить вопрос о замене его, нужно было создать что-то необыкновенное. Но можно ли было надеяться на такой успех? Автомат Дегтярева работал безотказно: бойцы присылали с фронта множество писем, в которых давали ему самую высокую оценку. Казалось, не было никакого резона браться сейчас за разработку нового образца.

Но Шпагин смотрел на дело иначе. «Время идет вперед,— размышлял он.— Техника развивается и совершенствуется не

по дням, а по часам. Едва ли немцы продолжают выпускать автоматы по образцам восемнадцатого и двадцатого годов. Конечно, у них появились новинки. И эти новинки могут оказаться более совершенным оружием, чем автоматы «ППД». Мы должны предусмотреть это и лишить будущих противников возможного преимущества в вооружении». На успех было не так уж много надежд. И все же Шпагин твердо решил действовать.

В автомате Дегтярева, как и в заграничных системах, он видел один крупный недостаток — сложность изготовления. Наблюдая в цехах, как делаются «ППД», он подсчитал, что при таких темпах для оснащения Красной Армии автоматами потребуется чуть ли не десять лет. Конечно, это был очень грубый подсчет, но все же его следовало иметь в виду, думая о перевооружении армии.

Пусть этот срок удалось бы сократить вдвое, но и тогда он был бы решительно неприемлем, так как фашистская армия уже была вооружена автоматами. Нужна была новая, предельно простая конструкция автомата, обеспечивающая штамповку оружия и оснащение им армии в течение не десяти лет, а десяти месяцев.

Именно это, а не конструктивные особенности автомата Шпагин считал главным в настоящий момент.

Смущало его лишь одно: можно ли производство оружия, да еще оружия автоматического, поставить на штамповку? Над этим следовало задуматься, так как ни в одной стране мира подобных опытов еще не производилось.

Шпагин не был ни инженером, ни специалистом по обработке металла. Он не мог подтвердить расчетами свои соображения. Он боялся, что его предложения натолкнутся на косность некоторых руководителей и хорошее, нужное дело может погибнуть в самом зародыше. И он решил проверить правильность своих замыслов, убедиться в практической возможности осуществления штамповки в производстве точных деталей.

«Ложки действительно штампуют,— думал он,— но ведь их штампуют из тонких листов, да еще из мягкого алюминия или податливой нержавеющей стали. С автоматами совсем другое дело. Даже кожух надо штамповать из трехмиллиметрового железа. Это не шутка! К тому же нужна исключительная точность отделки, чтобы детали после штамповки шли на сборку без дальнейшей обработки. Возможна ли в штамповке такая чистота? Надо побывать на заводах, посмотреть, поговорить со специалистами...»

Как-то, вернувшись с завода домой, Шпагин увидел у дочки маленький заводной автомобильчик.

— А ну-ка, покажи, дочка, что у тебя за машина?

Та подала ему игрушку.

— Интересно... весь кузовок штампованный... Удачно, очень удачно. Правда, из тонкой жести, но сделан здорово, ничего не скажешь... А что, если бы взглянуть, как делают настоящие автомобили? Ведь там, очевидно, крупные детали штампуют?

Шпагин не любил откладывать задуманное. Отпросившись на заводе на два дня, он отправился в Горький на автомобильный завод.

34

То, что Шпагину довелось увидеть в кузнечно-прессовом цехе, его поразило: огромные прессы с необыкновенной легкостью штамповали из листового железа крылья машин, дверцы, кузова.

Особенно заинтересовал его пресс, на котором из пятимиллиметрового железа штамповались гаечные ключи. Одно нажатие рычага — и ключ готов!

«Ну, раз такое железо штампуется,— подумал Шпагин,— волноваться за автоматы нечего. Дело пойдет».

Он внимательно осмотрел отштампованные изделия, ознакомился со штампами и изготовлением их. Изделия были очень чистыми и не нуждались ни в какой обработке.

Шпагин возвращался домой довольный. «Нужно смело браться за разработку вырубки кожуха и коробки автомата. Если это удастся поставить на штамповку, главное будет сделано!»

Небольшая комнатка Шпагина, которую все домашние называли «спальней», за несколько дней превратилась в мастерскую. Шпагин не только не позволял делать там уборку, но даже никого в нее не пускал. Возвращаясь с работы, он раскладывал на столе лист тонкого картона и принимался мягким карандашом вычерчивать зубчатые контуры вырубки. Когда чертеж был готов, Шпагин вооружался ножницами и сапожным ножом, аккуратно вырезал вырубку и потом, свернув ее в трубку, прикидывал, измерял, рассчитывал, соображая, где и как разместятся внутренние части автомата. Он засиживался до глубокой ночи, изрезывал по нескольку листов картона, упорно искал нужные профили, намечал и вы-

резал отверстия для размещения в них деталей автомата. Так создавался макет будущей системы.

Конечно, Шпагин мог бы привлечь чертежников, перенести все работы в конструкторское бюро, но он еще не был уверен, что его замысел увенчается успехом. Поэтому работал дома, втайне от всех.

Идея перенесения основных частей автомата на штамповку казалась ему находкой. Ведь если б удалось этого достичь, тогда производственный цикл сократился бы в несколько раз и в короткий срок заводы смогли бы наладить массовый выпуск автоматов.

Сколько бы человеческих жизней было сохранено! И как знать, может быть, это приблизило бы конец войны. Высокая цель прибавляла ему силы, воодушевляла.

Карта вырубки была наконец составлена окончательно. Из картона, фанеры, деревянных планок и брусков Шпагин вырезал детали затвора, спускового механизма и других частей автомата, стремясь при этом к предельной простоте конструкции.

Когда черновой макет автомата был готов и Шпагин уже душой чувствовал, что он придумал что-то свое, новое, не существовавшее в оружейной технике, он решился обо всем поведать Дегтяреву. Он хотел поступить так же, как когда-то Дегтярев, показавший Федорову черновой макет своего знаменитого впоследствии пулемета «ДП».

И хотя Шпагин был теперь опытным конструктором с двадцатилетним стажем работы в творческом коллективе, а Дегтярев по-прежнему был его учителем и другом, он все же не без трепета принял решение показать Дегтяреву макет своего автомата.

Двадцать лет зная Дегтярева, Шпагин не помнил случая, чтобы Василий Алексеевич покривил душой или проявил невнимание к талантливому предложению другого изобретателя. Он был уверен — Дегтярев скажет правду! Больше того, он верил, что, как бы ни было горько Дегтяреву отказаться от своей системы, он откажется от нее, если будет убежден, что новый автомат принесет бо́льшую пользу Родине.

35

Дегтярев уже давно догадывался, что Шпагин работает над каким-то макетом. Но что он разрабатывает: автоматическую винтовку, карабин, автомат или пулемет — об этом догадаться было трудно. А как только Шпагин поло-

жил перед ним сверток, Дегтярев сразу сообразил, в чем дело:

— Автомат?

— Да, Василий Алексеевич... Принес как учителю, на ваш суд.

— Ну что ж, развязывай, поглядим.

Шпагин дрожащими руками стал распаковывать сверток. Дегтярев, закурив трубочку, спокойно наблюдал. Он всегда умел сдерживать себя и быть внешне спокойным, хотя глаза его загорелись: в них светилось любопытство и желание побыстрее узнать, над чем долгие месяцы трудился его молодой друг.

Шпагин между тем развернул макет. Он стоял потупившись, ожидая, что скажет Дегтярев. Ему не хотелось давать никаких объяснений, да Дегтярев и не нуждался в них. Рассматривая макет, он без объяснений понимал, что Шпагин задумал автомат очень своеобразный, и уже в этом примитивном макете старый конструктор увидел зародыш выдающегося изобретения.

Однако, по собственным неудачам зная, как горьки бывают разочарования, Дегтярев решил пока не высказывать Шпагину всего, что подумал о его макете. «Сейчас кажется, что все хорошо, но как покажет себя в работе готовый образец — не известно».

Рассматривая макет, Дегтярев старался отметить для себя, какие усовершенствования вносил Шпагин в его «ППД», так как принцип автоматики был тот же самый — свободный затвор, действующий на отдаче и возвратной пружине. Но чем больше он присматривался к макету, тем меньше находил в нем сходства со своим «ППД». Принцип работы механизма еще ничего не значит! И немецкий «Рейн-металл», и финский «Суоми», и его «ППД» — все эти автоматы построены по одному принципу. Но в то же время каждый из них отличался своеобразием. И это было естественно.

Каждый конструктор, создавая новую машину, должен превзойти те, которые были созданы до него. Но если в этих ранее созданных машинах есть что-то хорошее, он не должен пренебрегать этим хорошим ради оригинальности.

В истории оружия, как и в истории других видов техники, были определенные исторические эпохи. Была эпоха гладкоствольных ружей. Ее сменила эпоха нарезного оружия. Ружья, заряжавшиеся с дула, сменило оружие, заряжавшееся с казны. Наконец, с изобретением Максимом первого пулемета настала эпоха автоматики. И здесь между изобретателями

многих стран развернулось соревнование, как бы негласный поединок, за скорейшее создание новых типов и систем автоматического оружия. При этом каждый изобретатель дополнял другого, внося что-то свое, новое, лучшее. Каждое улучшение, каждая новая конструкция по значимости была равна своеобразному мировому рекорду. На каком-то историческом отрезке времени новый тип оружия становился лучшим в мире. Только при этом непременном условии он мог завоевать право на существование. И весьма редко бывали случаи, чтобы два типа одного и того же оружия, созданного разными конструкторами, принимались к производству одновременно. Обычно второй тип принимался лишь в том случае, если он оказывался лучше первого. Дегтярев отлично понимал, что если будет принят автомат Шпагина, то его «ППД» снимут с производства.

Но он меньше всего думал об этом. Война с белофиннами ценою жизни многих тысяч наших бойцов подтвердила срочную необходимость производства автоматов, и эти автоматы должны были все время совершенствоваться. Они должны быть лучше, чем у противника! Вот об этом и думал Дегтярев, рассматривая макет Шпагина.

Он не очень верил в успех штамповки. Наоборот, он был ее противником. По собственному опыту он знал, как много значит для надежности оружия хорошая обработка каждой детали. Но ведь Шпагин предлагал новое, именно то, чего еще никогда не было. Может быть, в этом новом таилось будущее оружейной техники? Дегтярев задумался. В нем боролись два чувства: сказать или не сказать об этом Шпагину? Он боялся неосторожным словом убить в человеке надежду и погубить хорошее дело в самом зародыше. Сказать только хорошее — тоже плохо. Над автоматом еще предстоит большая, упорная работа. Что же делать? Как поступить? Дегтярев поднял голову и встретился со взглядом Шпагина, в котором была и тревога и надежда.

— Ну что, что ты скажешь, Василий Алексеевич? — дрогнувшим голосом спросил Шпагин.

Дегтярев встряхнулся, решительно вскинул голову:

— А вот что: подбирай себе лучших слесарей и немедленно принимайся за дело. Нужно срочно создавать опытный образец! Я возлагаю на твою модель большие надежды.

— Спасибо, Василий Алексеевич! — горячо сказал Шпагин и, смахнув навернувшиеся на глаза слезы, выбежал из кабинета.

36

Шпагин давно дружил со слесарем Сергеем Горюновым, большим знатоком автоматического оружия и искуснейшим мастером. Они были почти одного возраста, и им на протяжении многих лет приходилось работать бок о бок. Шпагин знал, что Горюнов, как и он, в душе изобретатель. Особенно Шпагин ценил его сообразительность и почти ювелирное искусство в отладке и пригонке различных частей оружия. Многолетняя дружба вселяла надежду, что Горюнов не откажется от новой работы, а о лучшем помощнике трудно и мечтать.

Как-то возвращаясь с работы, Шпагин догнал Горюнова. Пошли рядом. Шпагин — среднего роста, крепкий, широкоплечий, совсем не похожий на того худенького паренька, каким был в рекрутах. Горюнов — худощавый, сутулый, с лысеющим лбом.

Шпагин сразу же поведал Горюнову о своем автомате и спросил напрямик:

— Как, согласен работать со мной?

— Не знаю,— смущенно сказал Горюнов.— У меня голова забита своими изобретениями. Уж который год думаю о пулемете.

— Ты помоги мне, дружище. Дело это срочное, можно сказать государственное. А потом и я тебе не откажу в помощи.

Горюнов ответил не сразу. Шел, покусывая губу, что-то соображая.

— Надо бы взглянуть на макет, Георгий Семенович. Посмотреть, что ты там удумал... а то вроде как бы кота в мешке выбирать приходится. А ты знаешь, если душа к работе не лежит, тогда проку не жди.

— Макет в бюро, Дегтярев, наверное, еще не ушел. Пойдем поглядим.

Горюнов знал, что если возьмется помогать Шпагину, то свои дела придется оставить, а этого ему сейчас не хотелось. Но, увидев макет Шпагина, он словно застыл и долго не мог оторвать от него глаз. То, о чем думал он, Горюнов, долгими бессонными ночами, что хотел применить для изготовления отдельных частей своего будущего пулемета, а именно штамповку, Шпагин намечал широко и решительно! «Ах, молодчина!» — подумал Горюнов и протянул Шпагину руку.

Работа с первых же дней увлекла обоих, но она оказалась далеко не легкой. Им вручную приходилось делать то, что предназначалось для мощных прессов. Пришлось при-

влечь еще нескольких слесарей, кузнеца, и все же работа затянулась не на один месяц. Первый стреляющий образец был готов лишь в конце лета 1940 года.

Прежде чем представить автомат на комиссионные испытания, Шпагин решил тщательно проверить его в стрельбе. Вместе с Горюновым они отправлялись на стрельбище и целыми часами вели пристрелку. Им очень помогал Гриша Шухов, демобилизовавшийся из армии и работавший на заводе стрелком-испытателем.

Механизм автомата действовал неплохо. Правда, случались мелкие заедания, но они не пугали Шпагина. Волновало другое: при стрельбе автомат сильно подбрасывало вверх, отчего нарушалась кучность боя. А как устранить этот недостаток, никто не знал. Даже умудренный многолетним опытом Дегтярев становился в тупик. Удлинение или утяжеление ствола для создания противовеса решительно не годилось. Это могло утяжелить систему. А машина была уже в таком состоянии, что ее можно было показывать в Москве. Шпагин упорно искал выхода из трудного положения. Уходя с завода, часами бродил по окрестным полям, думал...

Однажды, возвращаясь домой вдоль линии железной дороги, он увидел с горки скорый поезд и остановился. Его внимание привлекли вращающие вентиляторы на крышах вагонов. Они приводились в действие силой воздушного потока. Шпагина вдруг осенило: «Ведь сила газа сильнее воздушного потока! Что, если я часть газа заставлю ударять в верхнюю часть кожуха автомата? Не создаст ли это противовеса?».

Шпагин поспешил домой и, нарисовав дульный тормоз, срезал его конец не под прямым углом, а по диагонали, так, что верхняя часть кожуха выдавалась вперед и могла задерживать какую-то часть газов, служа компенсатором.

На другой же день предложение Шпагина было обсуждено в конструкторском бюро. Дульный тормоз изменили и испробовали в стрельбе. Результаты превзошли ожидания: автомат не подбрасывало, пули ложились точно в цель. Шпагин и все, кто трудились вместе с ним, решили представить образец в наркомат, надеясь, что он будет направлен на комиссионные испытания.

37

Перед отъездом в Москву Шпагин заколебался. «Не поторопились ли? — спрашивал он сам себя.— Может быть, еще поработать над образцом?»

Но все разгоравшийся на Западе пожар войны заставлял торопиться. Военный представитель, присутствовавший на стрельбище во время пробных испытаний автомата, сказал прямо: «Немедленно поезжайте в Москву, Георгий Семенович. Сейчас ваша машина особенно нужна армии». Но Шпагин помнил пословицу: «Поспешишь — людей насмешишь» — и перед отъездом еще раз решил посоветоваться со своим учителем.

Дегтярев был в кабинете один. Он встретил Шпагина, как всегда, приветливо:

— Ну что, Семеныч, едешь?

— Собрался, но как-то не по себе. Волнуюсь.

— Так бывает со всеми. Это пройдет.

— Боюсь, как бы не срезаться на испытании.

— Бояться нечего, машина твоя хорошая, ну а если и будут отмечены недостатки — беда невелика, поработаешь еще.

— Ты какие слабости видишь в моем автомате, Василий Алексеевич?

— По-моему, все хорошо. Вот только опасаюсь я за будущее, когда машина пойдет в производство...

— Почему же?

— Не верю я в штамповку, Семеныч. Тридцать пять лет на этом деле. Знаю, как нужна прочность каждой детали и как важна хорошая отладка. Разве достигнешь штамповкой того, что делается вручную? Сколько у нас бывало случаев, когда машину разрывало при стрельбе!

— Это я знаю.

— Ты должен думать о тех людях, которые будут стрелять из твоего автомата, воевать с ним. Ты несешь ответ за каждого бойца.

— Об этом я всегда думаю.

— Ну, коли думаешь — смотри! А только меня берет большая опаска, как бы не вышло плохо! Ведь ни в одной стране пока еще не пробовали штамповать оружие. Это — не консервные банки.

— Василий Алексеевич, но ведь нам же потребуются не тысячи, а, может быть, миллионы автоматов. Разве мыслимо вручную?!

— Да, верно... Ну ничего, будем надеяться, что все пойдет хорошо.

Шпагин вышел от Дегтярева расстроенный, но в Москву уже было сообщено, и ему пришлось ехать.

В наркомате рассматривали автомат опытные инженеры, ученые, специалисты из Главного артиллерийского управле-

ния. Мнения разделились — одни высказывали опасения, что система будет ненадежной из-за предполагаемой штамповки, другие решительно высказывались за штамповку, видя в этом огромный прогресс, способный двинуть вооружение на многие годы вперед. Решено было автомат отправить на полигонные испытания и уже затем определить, что с ним делать.

На полигоне, помимо членов комиссии, проводившей испытания, Шпагин встретил работников наркомата, Главного артиллерийского управления, знакомых конструкторов. Всех интересовала его машина. Внешний, самый придирчивый осмотр образца оставил у комиссии хорошее впечатление. Было отмечено, что автомат (пистолет-пулемет Шпагина) на 600 граммов легче «ППД». Это было уже немалым достижением. Комиссию поразила простота устройства нового автомата, удобство разборки и сборки.

В автомате Шпагина совершенно не было винтовых устройств — боец мог обходиться без отвертки: достаточно было отстегнуть застежку, чтобы деталь за деталью разобрать весь автомат. Оказалось в автомате и еще много достоинств. Шпагину удалось достичь бо́льшей начальной скорости пули, чем в автоматах иностранных марок и «ППД», сделать переключатель для одиночной и непрерывной стрельбы и т. д.

Но некоторые из членов комиссии, вероятно уже осведомленные о результатах обсуждения в наркомате, выразили сомнения в прочности системы и предложили при испытании автомата на живучесть произвести не пятьдесят тысяч положенных выстрелов, а семьдесят. Шпагина это предложение обескуражило. Он даже подумал, что оно исходит от его недругов. Вдруг защемило сердце, чего раньше никогда не бывало. Он ушел в лесок в сторону от стрельбища, и сел на пенек у старой сосны. Слышал трескотню автоматных очередей, но так как для сравнения стреляли одновременно из «ППД» и некоторых иностранных автоматов, не мог разобрать «голоса» своей машины. Сердце кололо. Шпагин лег на траву, успокоился и, хотя автоматы яростно трещали, уснул. Напряжение последних дней было так велико, что стоило лишь сомкнуть глаза, как крепкий сон сразу же сковал его.

Он не проснулся бы, вероятно, до утра, но его хватились. Кто-то видел, как Шпагин шел в лес. К нему прибежал Гриша Шухов, взятый на полигон стрелком:

— Георгий Семенович, вставайте, вас ищут. Победа! Честное слово, победа! Автомат без единой поломки сделал семьдесят тысяч выстрелов!

В мае — июне 1941 года —в самый канун войны — энскому заводу было поручено приступить к серийному производству автоматов «ППШ» (пистолет-пулемет Шпагина).

38

Энский завод все еще не был достроен, поэтому организация массового производства «ППШ» сразу же натолкнулась на серьезные трудности. Не хватало помещений, не хватало нужной оснастки, недоставало специалистов и рабочих. А самое главное — на заводе почти не было прессового оборудования, так как он предназначался для производства автоматов Дегтярева, в которых штамповочные работы не проектировались.

В связи с изменением технологии приходилось срочно создавать кузнечно-прессовый цех, доставать и монтировать гидравлические прессы.

На это ушло немало времени. Шпагин нервничал, ездил в наркомат, жаловался в военное ведомство.

Наконец, когда все, кажется, уже было готово и завод начал производство «ППШ», выяснилось, что в кузнечно-прессовом цехе смонтированы маломощные прессы. Они не могли из трехмиллиметрового листа штамповать необходимую вырубку. Пришлось мельчить операции, усложнять работу, делать главные штампованные части в несколько приемов.

Это бесило Шпагина. В воздухе пахло порохом. Что будет, если вспыхнет война? Можно ли при таком оборудовании организовать массовый выпуск автоматов?

Надо было срочно исправлять положение. Шпагин поехал в Москву и, добившись приема у наркома, высказал свои сомнения.

Нарком внимательно выслушал его и немедленно позвонил в Кремль.

На другой день, когда Шпагин явился на завод, там уже была получена телеграмма: «Срочно высылайте людей для приемки выделенного вам двухсоттонного пресса».

Шпагин просиял и чуть не заплясал от радости, но счастливое выражение исчезло с его лица так же быстро, как и появилось.

— Вы что это приуныли вдруг? — спросил директор.

— Боюсь, что опять начнется волокита.

— С прессом?

— Да... Ведь его нужно демонтировать, погрузить на платформы. А платформ может не быть.

— Ну-ну, пустое... Я сам прослежу за доставкой, пошлю надежных людей.

— Это хорошо, но ведь монтаж тоже может затянуться на месяцы?

— А мы на что? Давайте вместе возьмем это дело под личный контроль. Согласны?

Шпагин пожал протянутую руку и ушел от директора успокоенный.

В середине июня большой пресс был смонтирован и опробован в работе. И директору, и мастерам, и рабочим было ясно, что теперь завод может начать действительно массовый выпуск автоматов.

Шпагин долго сосредоточенно смотрел, как из-под пресса с методической размеренностью вылетали готовые части автомата. Сердце его радостно стучало. На глазах выступили слезы.

Директор заметил это и подошел к конструктору:

— Ну, вот видите, Георгий Семенович, как дело-то пошло! Вы собирались навестить своих. Теперь самое время. Поезжайте, отдохните и возвращайтесь со свежими силами.

Ночью Шпагин был уже в родном городке. По сонным улицам он направился к дому. Осторожно, чтоб не разбудить детей, постучал в дверь. Ему открыла жена, напоила чаем и уложила спать. Было решено с утра всей семьей отправиться в лес, провести воскресенье на природе, покупаться, половить рыбу, побродить по душистым лугам.

В то памятное воскресенье рабочие с семьями утром отправились в лес на берег реки. Завком выделил для этого автомашины, вывез буфет.

На лужайке, под тенистым дубом, играл оркестр. Молодежь танцевала. Шпагин, встретив старых друзей, пошел с ними прогуляться по берегу.

Вдруг из-за кустов на тропинку выехал велосипедист и замахал белым платком.

Шпагин с друзьями остановился: «Что это он?»

Велосипедист, растрепанный, в мокрой майке, подъехал к ним и, тяжело дыша, облизав запекшиеся губы, выдохнул:

— Товарищи, война!..

В тот же день Шпагин вернулся в Энск и сразу направился на завод. Еще издалека он услышал гул толпы. В заводском дворе шел митинг второй смены. Рабочие стояли, сурово сдвинув брови, и слушали гневные речи. Многие из них

записывались в добровольцы, другие клялись работать день и ночь, чтобы удвоить, утроить выпуск автоматов.

Шпагин протиснулся сквозь толпу к наскоро сбитой трибуне. Его заметили, попросили выступить.

Шпагин чувствовал смертельную усталость. Во рту пересохло, он тяжело дышал. А рабочие, услышав его фамилию, притихли, ждали.

Шпагин вышел вперед, сорвал кепку, откинул набок влажные волосы:

— Товарищи, случилось самое страшное. Фашисты напали на нас неожиданно, внезапно. Они рассчитывают вызвать в наших рядах растерянность и панику, подавить наши войска превосходством техники, запугать население жестокими расправами.

Он глубоко вздохнул, подбирая слова.

— Мы знаем, битва будет нелегкой. Мы знаем, что враг силен, коварен и опытен... Но он не запугает нас. Мы поднимемся все, как один. Мы способны выставить войск вдвое больше. Нужно лишь дать этим войскам современное оружие. А это зависит от нас. Мы должны удвоить, утроить, удесятерить выпуск автоматов. В этом — наша главная задача! В этом — наш священный долг!

— Правильно! Верно! — раздались голоса. Толпа зашумела, зааплодировала. Кто-то крикнул: «Ура!» — и оно гулко раскатилось по всей территории завода.

39

Вести с фронтов день ото дня становились тревожней. Помимо авиации и танков, противник бросал в бой все новые и новые пехотные дивизии, вооруженные автоматическим оружием. Вражеские автоматчики заходили с флангов, появлялись в тылу. Дикая трескотня автоматов в первые дни обескураживала наших бойцов, сеяла панику. В эти грозные дни родные переслали Шпагину письмо с фронта, сложенное треугольничком.

«Дорогой Георгий Семенович!

Я снова воюю и спешу сообщить Вам кое-что о наших делах. Гитлеровцы прут и прут, как очумелые. Они вооружены до зубов. У каждого солдата — автомат Шмайсера. Нам очень трудно. Вынуждены пока отступать... Передайте рабочим, инженерам, конструкторам, что бойцы и офицеры с нетерпением ждут Ваш автомат. Выпускайте автоматы как можно

скорее и как можно в большем количестве. Дайте новейшее оружие, и мы разобьем врага.

По поручению бойцов

младший сержант, бывший стрелок-испытатель,
Григорий Шухов»

В обеденные перерывы Шпагин зачитал это письмо в главных цехах. Рабочие приняли на себя повышенные обязательства. Несколько молодежных бригад объявили себя «фронтовыми». Было решено выпустить сверх плана пятьдесят автоматов и послать их в часть, где служил Григорий Шухов.

Шпагин в это время получил возможность ознакомиться с трофейным автоматом Шмайсера. Он почти не отличался от «Рейн-металла». Шпагин принес его на завод, показал рабочим.

— Наш лучше, надежней!

— А главное — проще, удобней для бойца.

— Главнее всего — легче в изготовлении. Скоро мы запустим его на поток...

Шпагин между тем дни и ночи проводил в цехах. Он тщательно следил за работами, на ходу внося упрощения и улучшения в конструкцию.

А фронт с каждым днем приближался к Москве. Уже пали Минск и Смоленск. Завод неоднократно пытались бомбить вражеские пикировщики.

Завешанный маскировочными сетками, раскрашенный защитными зигзагами, погруженный в темноту, завод продолжал ковать оружие для фронта.

Когда спускалась темнота, из его ворот уходили зеленые машины, крытые брезентом или замаскированные ветками. Они увозили оружие прямо на фронт.

40

Шпагину отвели маленькую комнатку в общежитии ИТР, но он там не показывался. Дни и вечера проходили в горячих делах, а ночью идти в общежитие не было сил. Он спал у себя в кабинете на диване или склонясь за столом, готовый вскочить в любую минуту.

Враг остервенело рвался к Москве. Завод превращался в своеобразную крепость: на крышах его цехов стояли зенитные пулеметы, вокруг завода — зенитные пушки. Было введено казарменное положение.

Начальники цехов, мастера и рабочие наиболее важных узлов переселились в цехи. Красные уголки и конторские

помещения были превращены в общежития. Одна смена работала, другая отдыхала и несла охрану завода. Рабочий день по воле рабочих с восьми увеличился до 11—12 часов. От трехсменной работы перешли на двухсменную, чтобы заменить людей, которые ушли на фронт. К станкам пришла молодежь, женщины, старики-пенсионеры.

Шпагину в кабинет поставили походную кровать, надеясь, что он будет спать хоть урывками, в ночные часы.

После тяжелого дня, проведенного в цехах, Георгий Семенович снимал сапоги и, не раздеваясь, ложился отдохнуть.

Однако Шпагин не мог уснуть. Помимо нервировавшей всех воздушной тревоги с диким завыванием сирен его мучила душевная тревога. Это была тревога за семью, оставленную в родном городе, подвергавшемся бомбежкам, и за свой автомат.

Раньше Шпагина мучило лишь одно: как покажет себя автомат на испытаниях, примут ли его на вооружение армии? И когда автомат показал себя с лучшей стороны, он подумал: «Ну, теперь отдохну — трудности уже позади!»

Но с принятием автомата к производству возникли новые трудности. Нужно было участвовать в разработке технологии, упрощать и совершенствовать отдельные детали и части автомата. В связи с этим возникли споры, конфликты и множество самых непредвиденных дел, которые буквально закружили его.

«Вот наладим производство,— думал он,— тогда передохну, съезжу домой».

Но как только первые партии серийных автоматов были отправлены на фронт, Шпагин понял, что самая большая тревога только начинается.

Как покажут себя автоматы в боевой обстановке? Не будет ли осечек, заеданий, отказов в стрельбе? Достаточна ли их убойная сила? Ведь от них теперь зависит успех ближнего боя, жизнь сотен, а может быть, и тысяч людей... Эти мысли преследовали конструктора и днем и ночью.

Вот и сегодня, проведя день на важнейших участках производства — штамповке и сборке, уже поздно вечером он пришел в свой кабинет и лег на походную кровать.

Казалось, что после многих бессонных ночей, проведенных в убежище, под бомбами, сон мгновенно скует его тело, но нет — сон не шел. Его отгоняла все та же мысль: как автоматы?

Шпагин поднялся, по прямому проводу соединился с наркоматом:

— Ну что, есть какие-нибудь сведения с фронта? Как ведут себя наши «ребята»?

— От «ребят» пока нет никаких известий,— ответили ему.

— А, черт! — выругался Шпагин и, закурив папиросу, стал ходить взад и вперед.

Время приближалось к десяти. Вот-вот должна была завыть сирена. Фашистские самолеты прилетали как по расписанию. Но шли минуты, десятки минут, а тревоги не было. «Очевидно, решили сделать выходной»,— подумал Шпагин. Он позвонил в цехи, справился, хорошо ли идут дела, и, дождавшись половины одиннадцатого, включил радио.

Известия в те дни передавались тяжелые. Наши части отходили, неся большие потери.

Но, как правило, после сводки Совинформбюро передавались сведения об отдельных боевых эпизодах: о мужестве и героизме летчиков, танкистов, артиллеристов, о бесстрашных подвигах пехотинцев. Эти сообщения любил слушать Шпагин. Они ободряли людей, укрепляли веру в нашу армию, в ее окончательную победу над врагом.

И вот, жадно ловя эти радостные, обнадеживающие вести об успешных стычках с врагом и разгроме отдельных частей противника, Шпагин вдруг услышал:

— Сегодня на центральном участке фронта батальон фашистской пехоты атаковал роту советских автоматчиков. Наши воины под командованием старшего политрука Плотникова подпустили врага на близкое расстояние и открыли шквальный огонь. Противник, не ожидавший такого отпора, растерялся и панически бежал, неся огромные потери. В боях особенно отличился взвод автоматчиков под командованием Огурцова, зашедший фашистам в тыл и отрезавший им путь отхода. Бойцы Огурцова были вооружены новейшими советскими автоматами конструкции Шпагина, которые показали отличные боевые качества и безотказность действия.

Шпагин бросился к директору, в партком, а оттуда в цехи, но оказалось, что об этом событии уже знал весь завод.

41

Когда фронт приблизился к Москве, на завод стали приезжать люди с передовой. Они горячо благодарили Шпагина и рабочих за добротное боевое оружие, передавали приветы и лучшие пожелания от бойцов и офицеров.

Рассказы бойцов о том, что созданный им автомат отлично

показывает себя в бою, радовали Шпагина. Он решил сам поехать на фронт, поговорить с воинами, узнать, какие неполадки следует устранить, чтобы сделать автомат еще лучше. Однако поехать на фронт ему не разрешили. Надо было организовать производство автоматов на других заводах, к тому же приходилось на ходу вносить усовершенствования в систему. А это мог сделать лишь автор.

Все же Шпагину предоставили отпуск на три дня, чтобы съездить в родной город за семьей. Жизнь порознь, думы о родных и близких мешали сосредоточиться.

Но только удалось привезти семью, участились воздушные налеты. Почти каждый день над Энском появлялись вражеские самолеты. Хотя завод был хорошо замаскирован, несколько бомб попало в корпуса.

Налеты и бомбежки были страшны лишь в первые дни. Потом к ним привыкли. Даже во время налетов в цехах продолжалась работа.

Однако враг приближался. Заводы эвакуировались. Энский завод продолжал самоотверженно работать, снабжая фронт автоматами. Но вскоре и здесь был получен приказ: «Немедленно начать эвакуацию оборудования и людей. Завод подготовить к взрыву».

В двадцатых числах октября, когда стужа сковала землю и метели запорошили все вокруг, Шпагин и его товарищи по работе вместе с семьями погрузились в товарные вагоны. Накануне в них были установлены железные печурки, сколочены нары и скамейки. В ночь длинный эшелон с эвакуированными двинулся в путь.

Дорога была забита составами с оборудованием, музейными ценностями, архивами. То и дело приходилось пропускать поезда с красными крестами и воинские эшелоны. Двигались медленно.

Лишь седьмого ноября, в праздник, далеко за снежными холмами показались крыши домов с красными флагами. Это был маленький городок на востоке — Лесные Поляны.

Вот в этом городке, в трех корпусах шпульной фабрики, и предстояло разместить вывезенное из Энска оборудование — основать новый оборонный завод.

Состав остановили на запасном пути, вблизи станции. Прямо в снег были свалены станки, моторы, динамо-машины, ящики с инструментами и запасными частями.

Рабочих разместили по школам и клубам, так как местные жители, хотя и проявляли большое радушие, не смогли приютить у себя и половины приехавших.

На другой же день с утра рабочие собрались на станции. Добыв в соседней МТС два трактора, они на толстых железных листах перетаскивали тяжелые станки к корпусам. Там только что созданные бригады такелажников на железных катках вкатывали их в цехи, а монтажники устанавливали на места.

Каждый из рабочих понимал: нельзя терять ни минуты. И хотя мороз был лют и ветер не по-московски свиреп, люди работали с утра до ночи.

Полураздетые и полуразутые, с обмороженными руками и лицами, с красными от недосыпания глазами, почти каждый день полуголодные, рабочие трудились из последних сил. И завод был пущен через две недели. Уже в конце ноября первые автоматы, собранные на новом месте, были отправлены на Центральный фронт, где шли жестокие бои за Москву.

42

Завод стремительно расширялся: строились новые цехи, переоборудовалась электростанция, вступали в действие новые участки.

Шпагин все дни проводил в цехах. Расширение производства, налаживание поточных линий требовало его участия. Он внимательно наблюдал за штамповкой, за изготовлением главных частей, за отладкой и испытанием автоматов, за качеством металла, из которого они изготовлялись.

В конце ноября ему переслали из Москвы целую пачку писем фронтовиков. Солдаты и офицеры сердечно благодарили его за автомат и в то же время высказывали свои пожелания и советы. Из писем фронтовиков Шпагин сделал вывод, что прицел, рассчитанный на 600 метров, практически не нужен, так как бои идут на расстоянии 100—200 метров. Некоторые бойцы жаловались на непрочное крепление ремня.

Шпагин решил немедленно устранить эти недостатки. В том же цехе, где производились автоматы, он выбрал свободный верстак и приступил к делу. Новое прицельное устройство, предложенное им, было проще и удобней. Семь деталей удалось устранить, как ненужные.

Сложное приспособление для ремня он заменил сварной скобкой. Это было, может быть, не так красиво, но зато прочно.

Внося улучшения в конструкцию, Шпагин все время добивался упрощения технологии. Когда производство было

поставлено на поток, специалисты провели хронометраж, сделали необходимые подсчеты и сами не поверили себе. При массовом производстве на автомат «ППД» затрачивалось 24 человеко-часа, а на «ППШ» только семь. Но Шпагин надеялся, что и эти затраты времени удастся значительно сократить. Он упорно думал над тем, чтобы себестоимость автоматов удешевить до предела, до стоимости консервных банок.

Шпагин был непоседой. Он не мог долго усидеть в кабинете — уходил в цехи, разговаривал с рабочими, мастерами. Если видел, что у кого-то не ладилась работа, сам становился к станку, учил, помогал. Письма, получаемые с фронта, Шпагин приносил в цех и, дождавшись обеденного перерыва, читал вслух. Тут же сообща обдумывались пожелания фронтовиков.

Как-то поздно ночью Шпагин обошел цехи и, заглянув в конструкторское бюро, увидел на своем столе несколько писем-треугольников. Он чувствовал тяжкую усталость, от бессонных ночей слипались глаза. Но разве можно было уйти домой, не прочитав письма с фронта?

Шпагин развернул одно из них, и на стол выпала маленькая фотография. Боец, в шинели, с автоматом в руках, в лихо сдвинутой набок пилотке, показался знакомым. Задорные, немного насмешливые глаза, слегка приподнятые брови.

«Гриша Шухов»,— подумал Шпагин и взглянул на обратную сторону.

Так и есть, этот бравый боец был Гриша Шухов — стрелок-испытатель с родного завода.

Шпагин обрадовался и стал читать письмо.

«Дорогой Георгий Семенович!

Не знаю, дойдет ли письмо — пишу наудалую, так как не знаю точного адреса. Но и не писать не могу. На днях в торжественной обстановке, перед строем, в присутствии генерала, нам вручили новое оружие — скорострельные автоматы «ППШ». Вы можете представить, какова была моя радость. Ведь я был первым, кто стрелял из Вашего автомата, когда он был изготовлен еще в единственном экземпляре. Я, конечно, сейчас же доложил об этом командованию и был назначен инструктором по обучению бойцов стрельбе из автоматов. Автоматы Ваши действуют отлично. Мы уже своей ротой отбили несколько фашистских атак. И хоть они, подлые, прут и прут — скоро им будет могила! Мы насмерть встали у стен Москвы! Подлый враг будет остановлен и разбит. Примите

большое спасибо от наших солдат и офицеров — защитников Москвы. И будьте уверены: подлый враг не пройдет!

Кончаю, жму Вам руку и желаю успехов.

Сержант *Григорий Шухов.*
Полевая почта 130127».

Шпагин откинулся на спинку стула: «Молодец Гриша! В отца пошел...»

Вспомнилась молодость... 1916 год... рекрутский набор... империалистическая война... Вспомнился отец Григория, старый солдат Антип Шухов...

«Да, много воды утекло... Жив ли сейчас Антип?.. Уж, наверно, совсем стариком стал... давненько не виделись. А Григорий — молодчина! Сержант... Автоматчиков обучает. Видать, парень геройский... Надо ему ответить».

И Шпагин принялся писать письмо.

43

Лесные Поляны были диким, медвежьим углом. И если б не железная дорога, эти места, очевидно, так бы и остались глухоманью. Название «Лесные Поляны» очень подходило к ним. Кругом дремучий шишкинский лес, запушенный снегом. Лес могучий, богатырский, глухой. Лес и снега.

Но в этой глуши люди жили упорной, напряженной жизнью, делая тяжелое, нужное дело. И этот медвежий угол, хоть и находился далеко от Москвы, был связан с Москвой живыми невидимыми нитями.

Весть о разгроме немцев под Москвой стала известна в Лесных Полянах в тот же день, что и в Москве. На площади около завода установили громкоговоритель, и там днем и вечером толпился народ. Слушали, обсуждали, радовались.

Шпагин сам несколько раз ходил на площадь, чтобы лишний раз услышать о том, что уже и так было хорошо известно. Но хотелось узнать подробности. Скоро пришла кинокартина «Разгром немцев под Москвой». Просмотрев ее, Шпагин по-настоящему понял, какую роль сыграло его оружие. Он видел автоматчиков в белых полушубках, врывающихся в фашистские блиндажи, видел солдат с автоматами на танках, входящих в подмосковные города и села. Он смотрел на экран — и сердце сжималось от радости. Он радовался тому, что его труд и труд большого коллектива оборонного завода не пропал даром, что оружие, созданное ими, надежно служит доблестным советским воинам.

Успех шпагинских автоматов на фронте подтвердил их исключительное значение в боях. И вот в Москве на заводах начали налаживать производство «ППШ».

Скоро изготовление автоматов Шпагина развернули на подмосковных заводах. В труднейшие дни войны, когда не хватало оборудования, людей, материалов, было по-настоящему оценено талантливое творение Шпагина. Автоматы шли на фронт все возрастающим потоком. Наступление наших войск продолжалось...

Письма с фронтов, которые получал Шпагин, по-прежнему становились достоянием коллектива, читались в цехах, печатались в заводской многотиражке. В этих письмах Шпагин видел признание своих успехов. Это признание скоро было подтверждено официально: Шпагину за создание «ППШ» была присуждена Государственная премия первой степени, правительство наградило его орденом Ленина.

Георгий Семенович получил много поздравлений. Особенно растрогала его телеграмма Дегтярева. Старый конструктор искренне радовался успехам своего ученика, сумевшего дать армии лучшее оружие и решившего сложную задачу налаживания массового производства:

«Сердечно поздравляю замечательным успехом, дружески обнимаю, желаю новых творческих удач. *Дегтярев*».

Перечитывая многочисленные письма, Шпагин нашел одно, написанное старческой дрожащей рукой, и прослезился.

«Дорогой Егор!

Ты, наверное, уж забыл меня, старика. А вот я тебя хорошо помню. Помню, как мы с тобой выправляли винтовочные стволы, когда ты начинал свои первые шаги в нашем деле. Вспомни шестнадцатый год... Германскую войну... Ну, что, наверно, догадался, кто тебе пишет?

Я это и есть, оружейный мастер Яков Васильевич Дедилов. Кажется, первый твой учитель.

Помнишь, говорил я тебе однажды: «Быть тебе оружейником, Егор! И фамилия у тебя — Шпагин — самая оружейная». Не поехал ты тогда в Тулу, ну да все равно, вышло так, как я думал. Туляки теперь делают твой автомат. Стало быть, поздравляю тебя и целую, как сына.

Я теперь старик, на пенсии, а и то, как началась война, пошел на завод, работаю...

Хотелось бы свидеться с тобой, да теперь не до этого. Пропиши о своей жизни, о своих делах, если не забыл меня, старика.

Еще раз целую и обнимаю тебя. Тульский оружейный мастер — *Яков Дедилов*».

Шпагин еще раз перечитал письмо и бережно спрятал его в карман.

Да, именно там, у старого мастера Дедилова, начались его «первые шаги». Именно там в нем родилось желание сделаться оружейником.

44

Награды и слава не изменили Шпагина. Он остался таким же скромным, общительным, трудолюбивым. Так же целые дни и вечера проводил в конструкторском бюро и в цехах. Он любил жить в коллективе, на людях. Не только начальники цехов, мастера или инженеры, но и бригадиры и рабочие знали Шпагина, да и он знал почти всех.

Он любил поговорить с рабочими не только о производственных делах, но и о семье, о детях, о житье-бытье. Любил в праздник забежать к кому-нибудь из рабочих или инженеров, работавших с ним, выпить рюмку водки, поговорить о событиях на фронте, об охоте или рыбалке.

Именно в это время он вынашивал мысли о создании еще более простой и лучшей конструкции автомата.

Нелегко было создать новую конструкцию, когда существующая пользовалась большой любовью. Но из писем фронтовиков, из бесед с оружейниками, из собственных наблюдений Шпагин накопил много материала, осмысливание которого убеждало его в том, что автомат можно и нужно улучшить: сделать его еще легче и проще, большее количество деталей поставить на штамповку. И он работал, работал вдохновенно, настойчиво.

После предварительных испытаний ППШ-2, показавших отличные результаты, заводу было поручено изготовить тысячу штук для широких испытаний.

Одновременно со Шпагиным над новыми образцами автоматов работали еще несколько конструкторов, в том числе талантливый конструктор-инженер А. Судаев. Автомат Судаева был тоже заказан для испытаний.

В 1942 году оба автомата были рассмотрены правительственной комиссией. И хотя автомат Шпагина ППШ-2 показал отличные качества и затраты в производстве его по сравнению с ППШ-1 сократились с 7 часов до 1 часа 55 минут, предпочтение было отдано автомату Судаева — он оказался и легче, и безотказней в стрельбе.

О Судаеве следует рассказать особо.

В созвездии советских военных конструкторов он вспыхнул поздней, но яркой звездой.

Как и Шпагин, Алексей Судаев начал свой жизненный путь с упорного труда. Только трудиться ему довелось в советские годы, и поэтому судьба его сложилась совсем иначе.

В маленьком чувашском городке Алатыре Алексей закончил профтехшколу и сразу же поступил слесарем на завод. Любознательность, пытливый ум, наклонности к изобретательству были замечены мастерами, и Алексея послали учиться в техникум. Потом — служба в армии, знакомство с оружием, углубление технических знаний, практическая работа в армейских оружейных мастерских. Службу он заканчивает воентехником и поступает в Горьковский индустриальный институт.

Однако в институте он чувствует себя как-то не на месте: его влечет армия, манит оружейное дело. Со второго курса Судаев переходит в Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского, становится учеником академика А. А. Благонравова.

Именно в академии Алексей Судаев находит свое призвание. Еще будучи на третьем курсе, он занимается конструированием — разрабатывает систему автоматического пистолета.

В 1941 году, получив диплом с отличием, он становится конструктором и с воодушевлением берется за создание своеобразной модели автомата.

Удачно сочетая в себе знания инженера и практические навыки слесаря, Судаев создает компактный автомат с откидным прикладом, удобный в обращении и надежный в бою. Тридцатилетний конструктор-коммунист направляется в осажденный Ленинград, где под обстрелом и бомбежками организует массовое производство нового автомата для войск, сражающихся в кольце врага.

В невиданно короткие сроки рабочие ленинградских заводов налаживают массовый выпуск несложных в производстве автоматов Судаева; и эти автоматы помогают доблестным советским воинам прорвать вражескую блокаду Ленинграда.

Замечательные автоматы «ППС» были достойно оценены воинами и правительством — изобретение Алексея Ивановича Судаева отмечено Государственной премией.

Шпагин, познакомившись с Судаевым на испытаниях, одним из первых оценил его талантливое изобретение

и от души поздравил молодого конструктора с большим успехом.

Советские конструкторы меньше всего думали о личных успехах, о славе и наградах. Их мысли и чувства сводились к тому, чтобы вооружить армию самым лучшим оружием. А кто его сумеет создать — сам конструктор, или его ученики, или товарищи по работе,— это было не суть важно.

Перед Дегтяревым была поставлена задача создать легкий, надежный, дешевый и простой в производстве станковый пулемет, который бы заменил громоздкий «максим». Эту задачу блестяще выполнил ученик Дегтярева и друг Шпагина слесарь Горюнов. И Дегтярев радовался этой победе своего ученика, как он радовался победе Шпагина или победе Симонова, создавшего одновременно с ним противотанковое ружье. Он радовался успехам своих друзей не меньше, чем своим собственным. Такое же чувство испытывал и Шпагин. Эта черта не присуща изобретателям Запада, где все построено на конкуренции и наживе.

Шпагин был горд тем, что его автомат продолжал надежно служить советским воинам и производство его не было прекращено. В годы войны на вооружение армии было принято еще одно изобретение Шпагина — ракетный пистолет. За все это конструктор был награжден вторым орденом Ленина и орденом Суворова II степени.

45

Как-то весенним утром, когда Шпагин сидел в рабочем кабинете, позвонили из проходной.

— Георгий Семенович, вас спрашивает какая-то женщина. Говорит, что она бывшая партизанка и хочет поговорить лично с вами.

Шпагин велел проверить документы и проводить партизанку к нему.

Скоро в кабинет вошла молодая красивая женщина. И хотя она была одета очень просто: в ситцевое платьице, выгоревшую жакетку и сильно поношенные туфли,— на нее нельзя было не обратить внимания. Темноволосая и чернобровая, со смелым взглядом больших карих глаз, она чем-то походила на цыганку.

— Я к вам с поклоном от деда моего Никанора Ильича,— заговорила женщина твердым звонким голосом.— Вместе партизанили на Смоленщине. Я его внучка, Настасья.

Шпагин усадил гостью на диван, велел принести чаю.

— Вы что, живете здесь?

— Нет, я приехала за ребенком. Сын у меня тут с родителями.

— Как же он попал сюда?

— Обыкновенно... Мы жили в Туле. Муж работал на оружейном. Перед войной я поехала навестить бабушку, в деревню на Смоленщину, а сына привезла к родителям в Энск.

— Понимаю, в деревне вас и застала война!

— Да, бабушка тяжело заболела, я не могла ее бросить. А когда она умерла, уж ехать было поздно. Остались мы с дедом вдвоем. А дед знаете какой? Мои, говорит, предки еще при Наполеоне партизанили, пойдем и мы в партизаны. Вы же помните, какой он? На цепь посади — и с цепи уйдет.

Шпагин попытался припомнить деда, но безуспешно.

— Ну вот, пошли мы в партизаны, стали жить в лесу. Дед в то время еще крепкий был. Учил, как строить землянки. Оборудовал кузницу в лесу. И лошадей ковал, оружие чинил, и разную посуду делал из жести... Я первое время кашу варила, а потом надоело — партизанить пошла. Дед не пускал сначала, даже отлупить грозился. Ну да спасибо командиру — уговорил его.

Шпагин снова стал припоминать деда, перебирая в памяти разные встречи со стариками, и опять ничего не мог вспомнить.

— Подождите,— наконец прервал он рассказчицу,— да кто же все-таки ваш дед?

— А вы... разве забыли? Он говорит, что вы его хорошо помните.

Шпагин пожал плечами:

— Ладно, рассказывайте дальше.

— Вначале нас было мало: человек тридцать, это и с бабами, и с детьми. Потом стали подходить мужики из других деревень, бойцы, что выходили из окружения. Отряд вырос человек до трехсот, а потом и того более. Действовали мы по тылам небольшими группами. Взрывали мосты, сжигали склады, уничтожали транспорты и живую силу. О нас прослышали в Москве: стали сбрасывать снаряжение, оружие, патроны.

Раз, помнится, сбросили несколько ваших автоматов и три ящика с патронами. Дед у нас был за заведующего оружием, как опытный мастер. Он осмотрел автоматы и говорит: «Доброе оружие и больно способное для партизан, просто по устройству». Если, говорит, всех мастеров из отряда собрать, мы бы его сами могли изготавливать в эмтээсовских мастерских. Весь бы отряд вооружили автоматами. Запасных частей

от покореженных автоматов много, а собрать да ложу сделать — не трудно.

— Ну, ну, и что же дальше? — заинтересовался Шпагин.

— Командир наш ухватился за это предложение. Вали, говорит, дед, организуй в тылу врага партизанские мастерские. А то туго у нас с оружием... Ну, дед не долго думая собрал опытных мастеров и — за дело!

— Неужели начали делать автоматы?

— А как же, еще какие автоматы-то были — залюбуешься! Я сама с таким автоматом воевала. Теперь, говорят, несколько этих автоматов взяли в музей. Будут народу показывать. Вот и велел мне дед разыскать вас и передать большое партизанское спасибо! Так и скажи, наказывал он: привет, мол, тебе, Егор, от деда Сазонова! Привет и партизанское спасибо за изобретение!

— Подождите, подождите,— остановил ее Шпагин,— от Сазонова, говорите?

— Да, от него...

Шпагин посмотрел на нее в упор и вдруг вспомнил:

— Глаза черные, борода, как у цыгана, лицо злое?..

— Да нет, дедушка совсем не злой.

— Вы внучка, говорите? Ну, конечно, очень, очень похожи на него. Так вот какой дед мне шлет привет! Как же не помнить его: империалистическую вместе ломали... Он оружейным мастером был!

— Ну вот и вспомнили моего деда! — обрадовалась партизанка.

— Вспомнил. Спасибо! Большое спасибо передайте ему! Значит, автоматы, которые собирал дед, хорошо действовали?

— Безотказно, товарищ Шпагин.

— Молодцом! Ну, еще раз спасибо вам, Настенька, за рассказы, за все... А теперь пойдемте, я помогу вам достать билет на поезд и продуктов на дорогу. Проводим вас, как самого дорогого гостя.

46

Война продолжалась. Наши войска, сокрушая охваченного паникой, но еще ожесточенно сопротивлявшегося врага, продвигались на запад. Освободили Украину и Белоруссию, Прибалтийские республики, большую часть Польши. На главных дорогах появились большие стрелы с надписями: «На Берлин!»

В эти дни Шпагин, как и все советские люди, с радостью следил за продвижением наших войск. Красные флажки на карте приближались к фашистской столице. И было радостно думать, что в этом победоносном движении наших войск как бы участвовал и он. Если сам Шпагин не шагал с войсками, то с ними шагали, стреляли и штурмовали созданные им автоматы.

Письма, которые приходили в эти дни с фронта, были очень похожи друг на друга. Вот одно из них:

«Дорогой товарищ Шпагин! Сердечно благодарю Вас за прекрасное оружие — автомат «ППШ». Я воюю с ним четвертый год, и он мне ни разу не отказал в бою. Прошел с ним от Москвы до Силезии и думаю дойти до Берлина.

С солдатским приветом рядовой
Иван Петров».

Да, каждый из воинов мечтал дойти до Берлина. Каждому хотелось ощутить радость великой победы. И многие из них дошли!

Уже после счастливого Дня Победы, после торжественного парада победителей на Красной площади, где ему довелось присутствовать, Шпагин получил фотографию из Берлина. На ней были изображены три автоматчика у огромной колонны поверженного рейхстага. Двое из них поддерживали третьего, который стоял на ящике из-под снарядов и кожухом автомата заканчивал выцарапывание надписи: «Гитлеру капут!» В этом автоматчике Шпагин узнал Григория Шухова. И ему захотелось по-отцовски обнять и расцеловать этого замечательного парня, прошедшего с его автоматом от Москвы до Берлина. Хотелось еще и потому, что Антипа Шухова уже не было в живых.

В июне Шпагин собирался в Москву. Он приехал на станцию минут за сорок до прихода поезда и вышел прогуляться на перрон. Его привлекли звуки гармошки, веселые голоса, смех. На третьем пути стоял состав с войсками. Около состава, между путей, плясали и пели. Шпагин направился туда.

Крепкий, коренастый, в ладно сидящем темном костюме, он шел твердой уверенной походкой. Звезда Героя Социалистического Труда, медаль лауреата Государственной премии и две колодки орденских лент, украшавшие его грудь, заставили солдат расступиться.

— Здравствуйте, товарищи! — приветливо улыбнулся Шпагин.

— Здравствуйте!

— Пришел взглянуть, не окажется ли тут землячка.

— Есть такие, товарищ Шпагин! — в распахнутой двери красного вагона стоял, лихо сдвинув набок пилотку, радостно улыбающийся старшина.— Мы все тут ваши земляки, все воевали с вашим «ППШ». Ребята, это же конструктор Шпагин!— закричал он.

Бойкий старшина спрыгнул на землю.

— Ребята! Раз такое дело — качнем товарища Шпагина!

Десятки рук подхватили Шпагина, и он, не успев возразить, взлетел в воздух. Когда его опустили наземь, старшина опять очутился рядом.

— От лица всех автоматчиков нашей части благодарю вас, товарищ Шпагин, за безотказное боевое оружие!

— Спасибо, товарищи! — и, как бы благодаря всех, Шпагин крепко поцеловал старшину.

— Ууу-у! — раскатисто загудел паровоз.

— По ва-го-нам! — крикнул старшина.

— Значит, на восток?

— На восток, товарищ Шпагин!

— Желаю удачи, друзья!

Поезд, лязгнув, медленно пополз.

Шпагин помахал рукой, улыбнулся уезжающим и еще раз крикнул:

— Желаю успехов, друзья! Возвращайтесь с победой!

47

Трое автоматчиков: Григорий Шухов, Иван Кошкин и Федор Фролов — прошли с боями несколько стран.

Демобилизовавшись осенью 1945 года, друзья дали друг другу слово встретиться ровно через десять лет в Москве. И вот, 10 октября 1955 года на Красной площади около памятника Минину и Пожарскому прохожие увидели, как трое мужчин в штатском крепко трясли друг другу руки, целовались, что-то кричали наперебой и, наконец, в обнимку направились к фотографу, снимавшему группу экскурсантов.

Они сфотографировались на фоне старого Кремля, потом у памятника древним полководцам и лишь после этого уселись на трибуне у Кремлевской стены, чтобы поговорить по душам.

— Да ты совсем не изменился, Иван, разве чуть раздался в ширину. Да и ты, Федор, такой же, как был,— весело говорил друзьям Григорий Шухов.— А времени-то сколько утекло?..

— Да, десять лет пролетело, как один день,— степенно подтвердил Иван.— У меня сын вас обоих перерос.

— А у меня две дочки в невесты глядят,— с гордостью сказал Федор.

— Сильны автоматчики! — усмехнулся Григорий.— А я еще только собираюсь жениться.

— Что же ты при такой симпатичной рожице делал целые десять лет?

— Невесту подыскивал,— снова усмехнулся Григорий,— и, между прочим, институт кончал. Теперь инженер, работаю на заводе имени Дегтярева.

— Лихо! Узнаю старого фронтовика,— сказал Федор.— А меня вот в председатели колхоза избрали. Четвертый год командую. Нынче наш колхоз утвержден кандидатом на сельскохозяйственную выставку.

— Молодцом!.. А ты, Иван, до каких чинов дослужился?

— Дальше мастера не пошел... Тружусь на Ново-Златоустовском, где отец и братья работают.

— Ты ведь сталеваром был до войны?

— Подручным... А теперь старшим мастером, во втором мартеновском.

— Не учишься?

— Кончаю в этом году, заочно.

— Техникум?

— Индустриальный институт! Ты, Гришка, думаешь, рыжие мы с Федором? Он ведь тоже на агронома учится. Чуешь?

— Что же, десять лет — не шутка! За это время кое-кто из наших фронтовиков в генералы вышел. Ну да и мы из рядовых выросли в командиры. А помните, черти полосатые, как по дорогам войны топали? Помните нашу любимую:

С неразлучным своим автоматом
Не в одной побывал я стране,
Но везде и повсюду, ребята,
Я скучал по родной стороне.

— Как же не помнить-то, ведь с этими автоматами мы прошли без малого через всю Европу.

— А слышали, ребята, Шпагин-то умер. Ведь не старым еще был, когда я видел его в последний раз после войны...

— Да лет-то ему, кажется, было немного?..

— На пятьдесят шестом году...

— Жалко, ах, жалко!

— Пойдемте, хоть могиле поклонимся. Если б не его автоматы, может, и мы давно бы лежали в земле...

Друзья поднялись и молча направились на Новодевичье кладбище.

Долго ходили они среди памятников и обелисков маршалам, генералам, летчикам, выдающимся ученым, артистам — и вдруг увидели в траве мраморную плиту (памятник еще не успели соорудить). На ней золотыми буквами было написано: *«...конструктор Георгий Семенович Шпагин. 1897—1952».*

Друзья сняли кепки, в молчании склонили головы. Кто-кто, а уж они-то знали, какой вклад внес этот человек в общее дело победы над врагом. Оружие, созданное им, было самым распространенным и самым любимым у воинов. Пять миллионов автоматов выпустили за войну наши заводы! Сколько солдат с благодарностью произносили имя их творцов!

Друзья в молчании присели на скамеечку у могилы. Задумались...

И на открытых полях, и в окопах, и в лесных чащах, и в полуразрушенных зданиях городов — в любых условиях шпагинские автоматы служили им безотказно.

Долго сидели друзья у могилы простого и скромного человека, вся жизнь которого была подвигом. Светлым и мужественным подвигом во имя народа!

День был хмурый и холодный. Собирался дождь. Но вдруг потянул ветерок, погнал свинцовые тучи. Неожиданно выглянуло солнце, и друзья увидели в его розоватых лучах строгое и величественное, устремленное ввысь здание Московского университета. Оно стояло прямо над ними на высокой горе, как величавый памятник героям, которые отдали свои жизни за Родину, во имя счастья родного народа.

1956 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 618

Нагаев Герман Данилович

РУССКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ

Повести

Зав. редакцией *Вучетич В. Е.*
Редактор *Панкова А. Н.*
Художник *Скрынников Е. С.*
Художественный редактор *Ерасов А. П.*
Технический редактор *Лялина Л. Н.*
Корректоры *Т. А. Дунцева, Т. П. Конова*

Сдано в набор 28/VII 1977 г. Подп. в печать 28/IX 1977 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 26,04+0,42 вкладка. Уч.-изд. л. 30,38+0,39 вкладка. Тираж 105 000 экз. Заказ 626. Цена 2 р. 30 к.

Издательство ВЦСПС Профиздат, Москва, ул. Кирова, 13.

Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

